

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1985 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

Ответственный редактор
С. О. ШМИДТ

МОСКВА «НАУКА»

1986

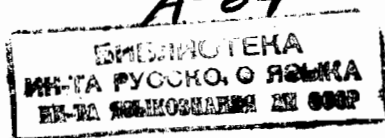
«Археографический ежегодник за 1985 год» включает статьи и сообщения по проблемам археографии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных памятников отечественной истории. Значительное место занимают статьи и публикации, посвященные 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Обобщается опыт работы Матенадарана, рассказывается о подготовке серийных документальных публикаций, о деятельности выдающихся советских историков М. Н. Тихомирова, В. И. Шункова и др.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н. А. ДОЛДОБАНОВА
(ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, М. П. ИРОШНИКОВ, С. М. КАШТАНОВ,
А. А. КУРНОСОВ,
Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, А. С. ПРОКОПЕНКО, В. А. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:

В. Л. ЯНИЦ, К. Н. ТАРНОВСКИЙ

80977

1. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

М. П. Губенко

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА В. И. ЛЕНИНА КАК АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТРУД

12-томное издание «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» является крупным итогом многолетней и тщательной научной работы коллектива сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Его значение для изучения титанической деятельности В. И. Ленина трудно переоценить, оно представляет важное явление в историографии истории КПСС и международного коммунистического движения. Можно не сомневаться, что с каждым годом будут расширяться возможности и совершенствоваться приемы привлечения этого труда в учебной и пропагандистской работе. Как показывает мой опыт проведения семинарских занятий, а также руководства студенческим научным кружком, материал биографии можно широко использовать для самостоятельной научной работы студентов. Особый интерес вызывают материалы и факты, впервые вводимые в научный оборот данным изданием, которые, безусловно, будут учтены исследователями.

Специфика ввода в научный оборот новых фактов и материалов, свойственная биохронике, заслуживает поэтому специального изучения, тем более что анализ методики формулирования статей в биохронике выводит нас на крупную, но все еще дискутируемую проблему сокращенной передачи текста и содержания документов, полная публикация которых нерациональна.

Как известно, более половины фактов помещенных в хронике, почерпнуты из архивных источников, а всего в первых десяти томах биографии полностью или частично впервые опубликовано около 5000 документов¹. В двух последующих томах опубликовано приблизительно 1500 ленинских документов: в 11-м томе — 937, в 12-м, заключительном, — около 500².

Введение в научный оборот такого огромного корпуса документов, чрезвычайно разнообразных по форме и содержанию (записок, заметок, резолюций, надписей и т. п.), само по себе представляет интерес для методики публикации. Интерес усиливается тем, что публикация документов естественно вписывалась в текст статей хроники, выявляются новые методические приемы археографического освоения этих разновидностей источников.

В данном сообщении сделана попытка анализа специфики названных приемов на примере изучения статей хроники первого и заключительного томов, что, на наш взгляд, дает достаточно материала для суждения о развитии этих приемов, их совершенствования в процессе подготовки издания. Кроме того, сопоставление материала первого и заключительного томов позволяет учесть и особенности работы с документацией различного времени.

¹ *Савицкая Р. М.* Архивные источники биографической хроники В. И. Ленина советского периода. — АЕ за 1980 год. М., 1981, с. 34–38.

² См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1980, т. 11. Июль — ноябрь 1921, с. XVI; 1982, т. 12. Декабрь 1921 — январь 1924, с. V.

Прежде всего рассмотрим методические установки авторского коллектива, касающиеся формулы статей хроники. Содержание статьи хроники определялось вполне четко: в его основе лежат даты жизни и деятельности В. И. Ленина, данные в томах Полного собрания его сочинений, и «новейшие достижения советской науки, сведения и факты, выявленные в последние годы»³, т. е. за время, прошедшее после опубликования Полного собрания сочинений и до выхода каждого из томов биографии.

Таким образом, статьи хроники аккумулируют весь исследовательский материал о жизни и деятельности В. И. Ленина и формулируют его в доступной и точной форме. Совершенно очевидно, что хроники, неся историографическую нагрузку, не представляют специального интереса для публикаторской методики, хотя сами приемы составления статьи хроники вполне приемлемы при составлении хроники как части научно-справочного аппарата публикации. Археографический интерес представляют все те многочисленные случаи, когда в статью включаются впервые публикуемые материалы или сведения.

В предисловии к биографии оговаривается, что «содержание написанных им (В. И. Лениным.— М. Г.) работ, произнесенных докладов и речей в биографической хронике не раскрывается». И далее говорится: «Исключение представляют ленинские документы, как неопубликованные, так и напечатанные в малоизвестных изданиях, а также письма, содержание которых кратко излагается. Небольшие неопубликованные документы В. И. Ленина (записки, распоряжения, резолюции, надписи, пометки и т. п.), как правило, воспроизводятся полностью» (с. VII). Итак, мы отмечаем различие в подаче материала: общедоступное из ленинского творческого наследия не воспроизводится даже конспективно; неопубликованное или малодоступное излагается кратко, если тексты большие; остальные документы публикуются полностью. Этот подход приближает текст статей, основанных на неопубликованных или малоизвестных документах, к регестной форме публикации. Рассмотрим подробнее применение этих общих установок авторского коллектива.

В 1-м томе, охватывающем период с 10(22) апреля 1870 г. по 8(21) января 1905 г. мы насчитали 364 статьи, основанные только на впервые вводимых в научный оборот архивных документах (число новых ленинских документов в предисловии к 1-му т. не указано). Приемы публикации этих материалов и станут объектом нашего интереса. В большинстве случаев биографик фиксирует сведения, извлекаемые из источника или получаемые в результате его анализа, так называемую косвенную информацию. Например, статья хроники: «Позднее 29 сентября (11 октября). Ленин читает литографированный экземпляр книги В. О. Ключевского „Курс новой русской истории 1883-4 ак. г.“; делает пометки и подчеркивания» — имеет легенду: ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 71 (с. 106). Совершенно очевидно, что в источнике не формулируются сообщаемые факты: они вытекают из его анализа. Здесь мы имеем дело даже не с передачей содержания текста источника, так как статья излагает итог наблюдения, умозаключение, основанное на тщательном анализе данной единицы хранения.

Но вот перед нами одна из статей хроники за 1896 г. (точнее дату установить нельзя): «Ленин делает надпись: „Цитаты из предисловия к *Zur Kritik*: с. 158, 163, ср. с. 180 (ср. с. 187), ср. с. 128“ — на последней странице обложки книги Н. Бельтова (Г. В. Плеханова) „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп.“ (СПб., 1895)». К этой статье дана легенда: «ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 25555» (с. 128—129). В данном случае мы имеем дело с микропубликацией ленинского текста, которая вписывается естественно в текст статьи хроники. Если к этому добавить сооб-

³ Там же, 1970, т. 1. 1870—1905, с. VI. Далее в тексте указаны только страницы тома.

щение к статье о том, что источник — книга Плеханова — был найден в 1945 г. в Берлине советским военнотружачим, участвовавшим в боях за город, и передана в ЦПА ИМЛ, станет ясно, какую насыщенную информацию несет эта очень краткая статья хроники. Итак, два однородных по форме источника получили, если можно так выразиться, различную археографическую интерпретацию, при которой в последнем случае информация источника полностью исчерпана (правда, мы не знаем обстоятельств нахождения книги, фамилию лица, нашедшего ее; но эти сведения не имманентно присущи источнику, а «привнесены» в него), а в первом — нет, так как знаем только о наличии пометок и подчеркиваний, но ни пометки, ни текст с подчеркиваниями не приведены. В данном случае мы отмечаем эвристическое значение подобной передачи содержания источника.

Аналогично подготовители хроники поступили, составляя статью, относящуюся к концу марта 1900 г. В ней сообщается: «Ленин читает брошюру Б. Львова „Социальный закон (Опыт введения в социологию)“. СПб., 1899, в которой говорится о статье П. Н. Скворцова „Товарный фетишизм“, напечатанной в № 12 журнала „Научное обозрение“ за 1899 год; делает пометки, отчеркивания и подчеркивания в тексте брошюры. 1) ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 314» (с. 247). Таким же приемом подачи материала источника характеризуются статьи хроники, отмеченные датами: позднее 6 (19) апреля 1900 г. (с. 250)⁴, позднее 11 (24) декабря 1900 г. (с. 284), позднее 4 (17) июня 1901 г. (с. 320), позднее 11 (24) июня 1901 г. (с. 321), июнь — июль 1901 г. (с. 325), позднее 7 (20) января 1902 г. (с. 368)⁵, не ранее 16 (29) апреля 1902 г. — не позднее апреля 1903 г. (с. 382) и ряд других. Но примеров первого типа статей, в которых публикуются ленинские тексты, также достаточно. Поскольку нет возможности их всех привести, ограничусь только одним примером, который в отличие от ленинского текста пометки на книге Плеханова носит характер критики текста рассматриваемого произведения. Под датой позднее октября 1900 г. помещена следующая статья: «Ленин читает „Программу С.-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, делает отчеркивания в тексте и надпись: «В присланном из С.-Петербурга экземпляре, а равно и в другом, который я видел, эти слова „Комитет рабочей организации“ *зачеркнуты*» (с. 278). Так же составители подошли к источникам, содержащим сведения о работе Ленина в качестве редактора «Искры». Нужно отметить, что на 1901—1902 гг. приходится 60% из всех вновь вводимых в научный оборот источников. Из десятков статей биографии сообщающих о работе В. И. Ленина над корреспонденциями, статьями, сообщениями, поступившими в редакцию «Искры», редко найдется такая, где не были бы опубликованы ленинские тексты, пометки, следы редакционной работы или оперативной оценки пригодности присланного для напечатания (см. с. 266, 277, 284, 286, 293, 297 и др.).

Среди этого богатейшего материала встречаем сведения о ленинской работе над проектом листовки «К годовщине 19 февраля», над корреспонденцией «Неизвестного из Москвы» о студенческом движении в конце февраля — начале марта, о пристальном интересе Ленина к присылаемой в редакцию листовкой литературе местных комитетов РСДРП (с. 298—299, 303, 304, 308, 309 и др.). Читая листовку организационного комитета студентов Петербургского университета от 1 (14) мая по поводу трагической смерти студента Лагутенко, отданного в солдаты, Ленин пишет заголовок «Великая честь служить в доблестной российской армии» и делает пометку: «В общественную хронику», «26.V.1901» (с. 315). Подобные ленинские тексты, приводимые в статьях хроники, являются,

⁴ См. также статью, помеченную «не ранее 3(16) ноября — не позднее января 1901» (с. 278).

⁵ Речь идет о выписке Ленина из заметки по поводу статьи Н. П. Павлова-Сильванского о тождественности феодальных отношений в удельной Руси феодальным отношениям западных государств.

по сути дела, микропубликациями большой информационной емкости. Таковы вкратце приемы публикации ленинских помет.

Рассмотрим, как составители публикуют письма в контексте статей биохроники. Нам представляется очень показательной для выяснения методических приемов публикаторов следующая статья, относящаяся к 13 (25) июля 1899 г.: «По поручению Ленина А. И. Ульянова-Елизарова пишет письмо П. Б. Струве, в котором спрашивает, будет ли помещена в „Научном обозрении“ статья Ленина „Еще к вопросу о теории реализации“, отправленная Струве в феврале или начале марта 1899 года. „От автора я получаю,— пишет она,— каждую неделю письма, где он выражает свое сожаление и огорчение по поводу того, что статья не помещается и что она эдак совершенно устареет“. В случае отказа „Научного обозрения“ напечатать статью Анна Ильинична просит направить ее в „Жизнь“ или „Мир божий“; сообщает что оригинал и немецкий перевод книги Веббов Лениным еще не получены, просит сообщить также о судьбе статьи „Капитализм в сельском хозяйстве“» (с. 224). Перед нами классический пример регестной передачи текста письма А. И. Ульяновой-Елизаровой. Особенно удачно выбран цитируемый отрывок, в котором так чувствуется ленинский стиль и язык. Он отражает ленинскую настойчивость в критике позиции Струве; только после письма Анны Ильиничны ленинская статья появилась в августовской книжке «Научного обозрения», а необходимость опубликования именно в этом издании очевидна, ибо Ленин критикует статью Струве, опубликованную здесь в январе 1899 г.⁶

Оригинален и плодотворен прием восстановления ленинских текстов по письмам других лиц, так как он расширяет рамки эвристики ленинского эпистолярного наследия, не говоря уже о том, что мы обогащаемся неизвестными ранее текстами Ленина.

В статье под датой 12 (24) января 1900 г. читаем: «Ленин пишет в письме В. В. Старкову в Минусинск: „Из волости сообщают (приватным и окольным путем), что пришла бумага о моем освобождении и об отправке Нади в „Уфимский город“. Мы нанимаем поэтому ямщика с тем, чтобы в пятницу 28-го он поехал с вещами, а 29-го рано утром отвез нас в город“. (Цитируется по письму В. В. Старкова; подлинник письма не разыскан)». Далее, под датой 16 (28) января 1900 г., помещена следующая статья: «Ленин в письме В. В. Старкову в Минусинск просит его справиться у исправника, надо ли Н. К. Крупской хлопотать о разрешении ехать в Уфу на свой счет, дает поручения: купить возок, сходить в казначейство, сделать покупки. (Письмо не разыскано)». Обе статьи снабжены легендой тождественного характера: «1) ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 25442» (с. 240). Как видим, специфика хроники потребовала «разрыва» сведений, почерпнутых из письма Старкова, на две статьи. Составители, однако, полностью исчерпали подлинный текст Ленина в первой статье. Таким же образом составители действовали и при написании двух статей биохроники под датами ранее 17 (30) декабря 1900 г. и позднее 17 (30) декабря 1900 г., материалом для которых послужило письмо М. А. Алексева, полученное В. И. Лениным (с. 285). Так же использованы письма А. М. Калмыковой (с. 388, 392, 406)⁷. И в данных случаях ленинские письма не разысканы.

Нередко при использовании писем в статьях хроники подготовители публикуют в составе статей ленинские приписки к ним. В статье под датой между 29 апреля и 5 мая (12 и 18 мая) 1901 г. говорится: «Ленин читает письмо, написанное Л. Мартовым и Н. К. Крупской М. Г. Вечеслову, с просьбой передать польским социал-демократам о сочувствии и содействии со стороны редакции „Искры“ их сближению с РСДРП. В этом месте Ленин делает приписку: „Передайте им это устно, не показывая письма“» (с. 311)⁸. Еще чаще встречаем указание на ленинскую

⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 67–87.

⁷ Аналогично использование письма А. А. Тахтаревой (см. с. 298–299).

⁸ Ранняя публикация: *Ленинский сборник*, т. VIII, с. 136–137.

правку писем других лиц, что придает этим письмам особую источниковую ценность.

Составители использовали опыт публикации документов в «Ленинских сборниках», если никакая другая методика подачи материала не была применима. Это главным образом касалось библиографических записей В. И. Ленина. Порой эти записи приобретали характер кратких рецензий, поэтому они вызывают особый научный интерес. Приведу только один пример. Под датой не ранее 9 (22) октября 1904 г. дана обширная (30 строк) статья биохроники, в которой перечисляются книги и статьи, с которыми знакомился В. И. Ленин. В заключительной части статьи читаем: «Ленин знакомится с содержанием статей о русско-японской войне 1904 года, опубликованных в зарубежных газетах, и делает запись: „*Leipziger Volkszeitung*“, 19.X.04. (Nr 214), и „*Vorwärts*“ *перед тем* (точно не помню числа) нападают на жоресовское предложение агитировать в парламентах за мир (как на *zuckerige Friedenspredigt, unklare Gefühlspolitik, Sentimentalität etc.* (приторную проповедь мира, туманную политику чувств, сентиментальность и т. д. *Ред.*). Ни за Японию, ни за Россию, но не помогать России выпутаться, не забывая, что война и классовое господство неотделимы». «Обмен замечаний между Jores и „*Vorwärts*“ — „*L'Humanité*“, 20 или 21? и „*Vorwärts*“ 22.X.04» (с. 552).

Как видим, статья биохроники не только фиксирует сам факт работы Ленина над прессой, но раскрывает ленинскую интерпретацию этих текстов: ясно что сочетание точного изложения факта чтения прессы с ленинским текстом, отражающим его реакцию на прочитанное, увеличивает информативную емкость этой статьи биохроники. А добиться этой емкости, даже при условии применения публикаторских приемов «Ленинских сборников», не ограниченных, как известно, жесткими рамками объемов статей биохроники, удалось на сравнительно малой «публикационной площади». Когда сравниваешь объем статей биохроники, содержащих ленинские тексты, с ранними публикациями этих текстов, например в «Историческом архиве», приходишь к выводу о преимуществах статей биохроники как форме публикации подобных текстов, т. е. о безусловной рациональности регестных форм передачи текста и его содержания⁹.

Сказанное целиком и полностью следует отнести и к публикации содержания и текста таких разновидностей ленинской документации, как поручения, резолюции и записки, которые особенно характерны для тех лет, когда В. И. Ленин возглавлял Совет народных комиссаров. Рассмотрим приемы таких публикаций на примере последнего тома биохроники. Он охватывает период с 1 декабря 1921 г. по 31 января 1924 г. По впервые вводимым в научный оборот источникам составлено 879 статей. Если за 34 года, охваченных первым томом, составители смогли ввести неопубликованные источники только по 364 статьям, то за 26 месяцев, которые охватываются последним томом, введено почти в два с половиной раза больше статей, основанных на не опубликованных до этого новых источниках. Безусловный интерес представляет распределение этих статей по месяцам, что видно из таблицы.

Год	Месяц											
	январь	февр.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
1921	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	133
1922	69	91	56	55	78	7	10	13	34	97	76	53
1923	17	18	14	6	—	2	4	5	4	2	9	14
1924	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

⁹ Ср., например, с. 507–508 и «Исторический архив» (1955, № 6, с. 25–27).
Таких примеров можно привести много.

Это распределение четко фиксирует тот факт, что новые материалы, вводимые в научный оборот, более всего относятся ко времени улучшения здоровья В. И. Ленина. Если судить только по одному октябрю 1922 г., в начале которого Ленин возвратился из Горок в Москву, то из 293 статей биографии за это время 97, или 33,1%, основаны на впервые публикуемом материале. Нельзя без душевного трепета читать и статью биографии от 20 января 1924 г., в которой отражены последние действия В. И. Ленина. Эта статья, основанная, кроме печатных источников, на документах двух дел (ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 142, л. 475; д. 221, л. 14—16), сочетает изложение их содержания и первую публикацию письма М. И. Ульяновой по поручению В. И. Ленина¹⁰.

Но рассмотрим приемы публикаций поручений, резолюций и записок. И в данном случае после общей характеристики статей ограничимся несколькими наиболее яркими примерами. Прежде всего отметим, что в этом томе намного шире, чем в первом, использованы материалы государственных архивов, иногда даже областных. Характерно и объединение сведений, почерпнутых из различных фондов и дел, для одной статьи биографии, что увеличивает ее информативную насыщенность (с. 82, 83, 253, 254, 270, 273 и др.). Так, например, под датой 9 апреля 1922 г. помещена статья биографии: «Ленин получает на подпись переведенное на английский язык свое письмо американскому ученому-электротехнику Ч. Штейнмецу, черновик письма и письмо Штейнмеца; поручает секретарю: „Дать переписать еще раз: 1) не сшивая вместе листов, 2) 3 экземпляра, 3) исправить текст дать еще раз англичанину“». Под этой статьей дана следующая легенда: «ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 23048; ф. 5, оп. 4, д. 1, л. 125; д. 4, л. 25, 25об; д. 98, л. 8» (с. 276). Объединив в одной статье сведения из разных дел, составители их пересказывали (в логической последовательности), но запись поручений решили дословно опубликовать. В другом случае мы сталкиваемся с авторизованным поручением, когда Ленин лично его записывает. Эта разновидность документации представляет нечто среднее между поручением, запиской и резолюцией. Это ясно видно из текста статьи за 20 апреля 1922 г.: «Ленин знакомится с телеграммой американского промышленника В. Вандерлипа из Берлина по вопросу о возобновлении переговоров о предоставлении ему концессии на Камчатке, с просьбой разрешить приехать в Москву для личных переговоров; пишет: „Замам: что сие значит? 20/IV Ленин“. Ознакомившись с ответом, пишет: „Надо разузнать все про это (у Кржижановского и др.) и сказать мне. Ленин“» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 23086; ф. 5, оп. 1, д. 674, л. 1—3) (с. 289—290).

Мы видим, как экономно изложили содержание двух дел составители статьи, опубликовав при этом два подлинных текста В. И. Ленина, не разъединяя их естественную связь.

Но регистровая форма изложения содержания и публикации текстов составителями варьируется, причем во всех случаях она направлена на то, чтобы как можно полнее опубликовать ленинские тексты, особенно тогда, когда самим Лениным поручение формулируется более пространно. Под датой 12 мая 1922 г. читаем: «Ленин пишет записку секретарю ЦК РКП(б) В. В. Куйбышеву: „Получен ли ответ из Риги от Мещерякова насчет времени его приезда в Москву? Если нет, я считаю нужным немедленно послать ему телеграмму и добиться точного ответа, когда он рассчитывает выехать в Москву. Ленин“» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 23158; ф. 5, оп. 4, д. 1, л. 128 об.) (с. 324). Практически опубликован документ-поручение, но не в его лаконичной, обычной, а в довольно пространной форме. Если бы этот документ не стал частью статьи биографии, то его публикация по существующим правилам заняла бы гораздо большую площадь (заголовок, данный публикатором, текст, ле-

¹⁰ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 12, с. 662, 663. Далее в тексте указаны только страницы тома.

генда, примечания). Таким образом, даже в подобных случаях публикация ленинских текстов в составе статей биохроники расширяла возможности введения в научный оборот новых ленинских документов при наименьших затратах листаж.

Публикация записок — особого вида диалога во время всевозможных заседаний — в тексте статей представляла особую трудность для публикаторов, применявших обычные приемы публикации, так как порой составительский текст, особенно заголовок, превышал по объему собственно ленинский текст. Если к этому еще добавить, что заголовок всегда дается шрифтом, заметно выделяющимся от публикуемого текста, то последний, а это, как правило, краткая фраза-реплика, как бы терялся, зрительно воспринимался с трудом. В биохронике эти трудности сняты: «Ленин пишет записку замнаркому финансов М. К. Владимирову: „Когда же Вы едете? (нельзя тянуть). И на сколько? Ленин“», — читаем мы в статье под конец 1922 г. (с. 553). Аналогично поступают составители с публикацией резолюций. Можно утверждать, что именно в статьях биохроники была найдена наиболее рациональная и корректная форма публикации этих разновидностей ленинского документального наследия. Таким образом, наши наблюдения над материалом только двух томов биохроники позволяют сделать вывод о том, что методика составления статей биохроники обеспечивает более широкое применение регестной формы публикации документов, чем это практиковалось до сих пор¹¹.

¹¹ Публикуемое сообщение — последняя работа доцента Московского института управления им. С. Орджоникидзе, кандидата исторических наук М. П. Губенко (1928—1984 гг.).

В 1951 г. М. П. Губенко окончила с отличием Московский государственный историко-архивный институт и была оставлена на кафедре истории и организации архивного дела. Принимала участие в подготовке «Сборника руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 гг.)», выпущенного в Москве в 1961 г. (под ред. В. В. Макасова и др.) и являющегося до сих пор единственным пособием подобного рода. В том же году ее назначили начальником Центрального архива Госплана РСФСР, и она осуществила первую крупную передачу материалов Госплана РСФСР на хранение в ЦГА РСФСР. Активно сотрудничала в журналах «Вопросы истории», «История СССР», «Исторический архив» как автор около 40 статей и публикаций, в которых впервые вводился в научный оборот документальный материал Союза союзов сельскохозяйственной кооперации, Госплана РСФСР и др. и дана его источниковедческая оценка. Отдельные работы М. П. Губенко переведены на болгарский, молдавский и латышский языки.

С. С. Аревшатян

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАТЕНАДАРАНА (к 25-летию Института древних рукописей Армянской ССР)

Матенадаран имеет многовековую историю. Древнейшие сведения о нем как о древлехранилище при резиденции армянского католикоса-патриарха в Эчмиадзине относятся ко второй половине V в. На протяжении 1500 лет своего существования он пополнялся манускриптами — трудами армянских авторов и переводными произведениями — и всегда был одним из наиболее крупных центров рукописной культуры Закавказья. Вследствие неблагоприятных политических условий рукописные собрания Эчмиадзинского Матенадарана временами оскудевали, истощались и вновь пополнялись за счет питавших его других очагов армянской письменности. Потерь было много, но Матенадаран выстоял. К концу 1920 г. когда в Армении победила Советская власть, в его фондах хранилось 4600 рукописей.

Одним из первых декретов правительства Советской Армении рукописная коллекция Эчмиадзинского монастыря была национализирована и легла в основу Государственного Матенадарана — хранилища древних рукописей при Совете Народных Комиссаров АрмССР. В жизни Матенадарана началась новая страница. Рукописное наследие армянского народа стало предметом всеобщего внимания. Благодаря заботе Коммунистической партии и правительства республики рукописная коллекция стала непрерывно расти, обогащаться новыми поступлениями, шире входить в научный обиход, служить обильным источником для исследований советских арменоведов и востоковедов. В 1939 г. Матенадаран был переведен из Эчмиадзина в Ереван и размещен в двух этажах Государственной публичной библиотеки. Старые рамки Матенадарана, имевшего статус лишь хранилища, становились тесными. Назревала необходимость научно-организационных перемен.

Идея преобразования Матенадарана в научно-исследовательский институт древних рукописей принадлежит академику И. А. Орбели, первому президенту Академии наук АрмССР, созданной в 1943 г. Идея была горячо поддержана ЦК Компартии Армении, в частности его первым секретарем Г. А. Арутюновым. Шла Великая Отечественная война, но партия и правительство уже намечали перспективный план мирного строительства. Матенадаран, обладавший уникальной коллекцией древнеармянских манускриптов, должен был получить соответствующий статус.

Уже в 1944 г. видному зодчему, главному архитектору Еревана М. В. Григоряну и руководимой им мастерской было дано задание подготовить проект специального здания, в котором были бы учтены все необходимые условия и для хранения, и для изучения рукописей. Место для здания Матенадарана было выбрано академиком И. А. Орбели и Г. А. Арутюновым на оси проспекта Ленина, у подножия Канакерского плато, на возвышении, видном из различных частей города.

В 1945 г. проект был готов, и вскоре началось строительство. Строительство монументального здания в стиле средневековой армянской архитектуры было завершено в 1957 г. За эти годы дирекция Матенадарана вела планомерную работу по сбору и реставрации рукописей, подготовке необходимых кадров археографов.

В 1959 г. Государственное хранилище рукописей было преобразовано в Научно-исследовательский институт древних рукописей «Матенадаран» при Совете Министров АрмССР. Институт перешел в новое здание и с 16 апреля 1959 г. начал функционировать как один из крупных очагов научной мысли республики. Из различных институтов системы Академии наук сюда были переведены многие археографы, источниковеды, текстологи, историки, философы, искусствоведы, работавшие в области медиэвистики. Вместе со старыми работниками Матенадарана они развернули работу по выполнению возложенных на него новых задач. Кроме функции сбора, хранения и реставрации рукописей, ему были приданы функции ведущего научного учреждения по армянской текстологии, кодикологии, научной библиографии и источниковедению.

Планомерная работа по сбору рукописей, начавшаяся с первых дней Советской власти в Армении, получила новый импульс. В связи с преобразованием Матенадарана в институт и переходом в новое здание дело собирания рукописных памятников, архивных документов и старопечатных книг получило широкий размах и способствовало обогащению всех фондов. На 1 декабря 1984 г. рукописные фонды Матенадарана насчитывают 16 320 ед. хр., из них 13 635 древнеармянских рукописей (в том числе 10 940 цельных рукописных фолиантов), свыше 2500 иноязычных манускриптов (на персидском, арабском, сирийском, греческом, латинском, старославянском, грузинском и других языках), а также около 150 000 старинных архивных документов.

Обогащению рукописных фондов способствует активная собирательная деятельность сотрудников Матенадарана. Постоянно действующая археографическая экспедиция, ведущая поисковую и разъяснительную работу среди населения в городах и селах республики, непрерывно пополняет фонды ценными памятниками древней и средневековой армянской письменности. В результате этой работы многие владельцы рукописей, а их еще немало среди сельских жителей, приносят в дар Матенадарану свои семейные реликвии. Среди них попадаются такие уникалы, как древнеармянское Четвероевангелие IX в. из с. Гогаран Спитакского района АрмССР. Часть рукописей закупается после оценки оценочной комиссией института. В Матенадаране ведутся учет и микрофильмирование тех рукописей, которые еще остаются у частных лиц.

Другим каналом, по которому рукописи поступают в Матенадаран, являются дарения армян, проживающих в других странах. Так, Арутюн Азарян из Нью-Йорка (подарил Матенадарану 397 рукописей, купленных и собранных им в различных странах), Рафаэл Маркосян из Парижа (завещал родине 37 манускриптов), Аршак Тигранян из Лос-Анджелеса, Ованес Постаян из Лиона и многие другие обогатили фонды Матенадарана десятками и сотнями армянских и иноязычных рукописей, архивных документов и старопечатных книг. Сотрудники Матенадарана ведут поиски рукописей во время зарубежных командировок и, как правило, в немалом количестве привозят с собой древние манускрипты, полученные в дар от соотечественников, проживающих за рубежом.

Благодаря планомерно проводимой собирательской работе в настоящее время в Матенадаране уже собрана половина мирового фонда древнеармянских рукописей. Напряженно работает реставрационная мастерская Матенадарана, где разработана техника восстановления пергаменных и бумажных рукописей, а также старинных кожаных переплетов.

За прошедшие 25 лет в Матенадаране наряду с работой по сбору, реставрации и консервации рукописей была развернута широкая программа текстологических, источниковедческих и археографических исследований, разработан и осуществлен план ввода в научный обиход уникальных памятников духовной культуры. Особое внимание обращалось на те пласты древнеармянской письменности, которые остались вне поля зрения дореволюционных исследователей — труды по философии, естествознанию, грамматике, музыке и др. Но на первом месте продолжала оставаться историография — одна из наиболее важных областей

армянской письменности. Специфические условия политической и экономической жизни Армении, находившейся в тесном общении со странами Востока и Запада, отразились в трудах ее историков и летописцев, авторов памятных записей и других исторических источников, став одновременно ценнейшим источником для изучения истории Ирана и Византии, Грузии, Сирии, Арабского халифата, Турции и других стран Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Особое внимание в деле публикации памятников армянской историографии обращалось на те труды, которые ни в дореволюционный, ни в советский период не имели критических изданий. Первой среди этих изданий явилась публикация в 1961 г. критического текста «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци, историка XIII в., современника монголо-татарских нашествий. Труд этот имеет первостепенное значение для освещения истории всего Закавказья, как и для истории самих монголо-татар, в плену у которых побывал автор, изучивший и затем описавший их язык, обычаи и нравы. Составитель текста К. Мелик-Оганджания использовал все рукописи Матенадарана и большинство доступных рукописей, хранящихся в зарубежных коллекциях. Он снабдил издание пространством историко-филологическим исследованием, исчерпывающей библиографией и различными указателями. Труд Киракоса Гандзакеци в 1976 г. был издан Матенадараном также в переводе на русский язык во всеобщей серии «Памятники письменности Востока» (пер. Л. Ханлярян).

Другим важным изданием явилась публикация критического текста «Повествования» Аристокеса Ластивертци (1963, сост. К. Юзбашян), ценного первоисточника для изучения истории Армении XI в., армяно-византийских отношений и идеологии тондракийского еретического движения. Как современник и очевидец описываемых событий, А. Ластивертци приводит также ценные сведения о турках-сельджуках, о их походах на Армению и сопредельные страны. «Повествование» А. Ластивертци затем было издано в русском переводе в той же серии «Памятники письменности Востока» (1968, пер. К. Юзбашяна).

Одной из страниц борьбы против завоевательной политики Османской империи посвящен труд армянского историка XVII в. Ованеса Каменаци, написавшего «Историю Хотинской войны» (1964, сост. А. Анасян), которая содержит интересные данные о борьбе украинского и польского народов против Османской империи и об участии армян Галиции и Подолии в этой борьбе. Русский перевод был опубликован ранее, в 1958 г. в «Историко-филологическом журнале» АН АрмССР (№ 2, с. 258—286).

К числу важных публикаций относятся издания критических текстов трудов армянских историографов раннего средневековья Себеоса (VII в.) и Мовсеса Каланкатуаци (VIII в. и продолжатель — X в.). «История» Себеоса (1979, сост. Г. Абгарян) содержит уникальные исторические сведения о войнах между Персией и Византией в VII в., о первых походах арабов и падении Сасанидов и, конечно, о политических событиях в Армении и Закавказье. Труд Мовсеса Каланкатуаци «История страны Алуанк» (1983, сост. В. Аракелян) является незаменимым источником для изучения истории Восточного края Армении — провинций Арцах и Утик, а также содержит ценные сведения о племенах и народностях Албании Кавказской, населявших территории между Большим Кавказским хребтом и р. Курей. Труд Мовсеса Каланкатуаци издан Матенадараном также в русском переводе (1984, пер. Ш. Смбатяна).

Переводам на русский язык на протяжении последних 25 лет в Матенадаране уделялось особое внимание. Поскольку к памятникам армянской историографии, да и не только историографии, интерес со стороны востоковедов и представителей других отраслей науки все более возрастает и многие из них владеют древнеармянским, планомерная работа по осуществлению долгосрочной программы переводов на русский язык уже дала ощутимые результаты. Помимо вышеупомянутых памятников, в переводе на русский были опубликованы «Житие Маш-

тоца» историка V в. Корюна (1962, пер. Ш. Смбагына и К. Мелик-Огапджаняна), «Путевые заметки» путешественника XVII в. Симеона Лехаца (1965, пер. М. Дарбинян-Меликян), «Хроника» летописца XVII в. Закария Канакерци (1969, пер. М. Дарбинян-Меликян), «История анонимного повествователя (Псевдо-Шапух Багратуни)» XII—XIII вв. (1972, пер. М. Дарбинян-Меликян). В 1971 г. вышел в свет новый перевод труда историка V в. Егишэ «О Вардане и войне армянской», выполненный академиком И. А. Орбели (посмертное издание, дополненное К. Н. Юзбашяном). В 1973 г. были изданы также переводы других значительных памятников армянской историографии — «Истории Армении» Аракела Даврижеци, видного историка XVII в. (пер. Л. Ханларян) и «Повествования» Абраама Кретаца, описывающего события 1735—1736 гг. и встречи автора-католика с Надир-шахом (пер. Н. Корганяна). Завершен и сдан в печать русский перевод «Истории Армении» выдающегося историографа IX—X вв. Иованнеса Драсханакертци (пер. М. Дарбинян-Меликян). Близится к окончанию работа над переводом интересного сборника «Мелкие хроники XIII—XVIII веков» (пер. Л. Ханларян). В серии «Иноязычные источники об Армении и армянах» в переводе на армянский язык была издана «Хроника» Анонима Эдесского, написанная в XIII в. (1982, пер. с сирийского Л. Тер-Петросяна).

Важное значение для освещения различных сторон социально-политической и духовной жизни средневековой Армении имеют также памятники армянской житийной литературы, многочисленные жития и мученичества, которые, будучи замечательными образцами художественной литературы, одновременно являются ценным историческим источником. В 1973 г. сотрудники Матенадарана издали в русском переводе первый том сборника «Памятников армянской агиографии» (сост. и пер. К. Тер-Давтян), охватывающий лучшие образцы житийной литературы V—XV вв. Готов к печати второй том этого сборника, в который вошли жития и мученичества XV—XVIII вв.

Наряду с памятниками историографии и житийной литературой немаловажное значение для освещения истории Армении, Грузии, Азербайджана и стран Ближнего Востока имеют также прекрасно сохранившиеся сотни и тысячи памятных записей армянских рукописей, написанных по преимуществу рядовыми тружениками пера и поэтому подробнее отражающих наряду с крупными политическими событиями повседневный быт, тяготы и чаяния различных слоев общества. Авторы памятных записей в отличие от историографов — представителей господствующего класса — уделяют основное внимание жизни низших сословий — городских жителей, крестьян, ремесленников. Памятные записи, долгое время не привлекавшие внимание исследователей, по достоинству были оценены лишь в последние 20—30 лет. Большая заслуга в этом деле принадлежит бывшему директору Матенадарана, выдающемуся историку-источниковеду академику АН АрмССР Л. С. Хачикяну, который начал работу по сбору и изданию памятных записей еще задолго до реорганизации Матенадарана. В 1950 г. им был издан объемистый том колофонов армянских рукописей XIV в. Затем в 1955 и 1958 гг. вышли в свет 1- и 2-й тома колофонов XV в., а после превращения Матенадарана в научно-исследовательский институт, уже в 1967 г., им был опубликован последний, завершающий том, охватывающий памятные записи армянских рукописей двух последних десятилетий XV в. По его поручению была начата работа по сбору памятных записей, написанных до XIV в. А. С. Матевосян успешно справился с этим трудоемким делом. В 1984 г. вышел в свет составленный им том «Памятных записей армянских рукописей XIII века». В производстве находится однотомник памятных записей V—XII вв. Под редакцией Матевосяна в 1984 г. вышел в свет объемистый том памятных записей XVII в., составленный известным текстологом и источниковедом В. Акопяном.

Дирекция Матенадарана планирует издание отдельной книгой собра-

ния избранных памятных записей V—XVII вв. в переводе на русский язык.

Большая работа за прошедший период выполнена также в области изучения и публикации архивных документов, проливающих свет на различные стороны социально-экономической и политической жизни. Упоминания достойны два выпуска «Персидских указов Матенадарана» (1956, вып. 1; 1959, вып. 2, изд. А. Папазян), содержащих наряду с персидскими оригиналами русский и армянский переводы документов. Вышел в свет первый том «Персидских купчих Матенадарана XIV—XVI веков» (1968, изд. А. Папазян), содержащий важные документы, касающиеся истории феодального землевладения и аграрных отношений. Выпущен сборник документов «Армянское войско в XVIII веке» (1968, изд. А. Хачатрян), содержащих интересные данные по истории армянского освободительного движения и боевого содружества русского и армянского народов.

Одной из важных публикаций явилось издание первого тома новой серии «Архива армянской истории» (1984, изд. В. Григорян), в котором собраны ценные документы из хранящегося в Матенадаране архива католикосов. Это многотомное издание было начато еще в дореволюционный период и прервано в 1916 г. Первый том новой серии охватывает документы 80-х годов XVIII в. Готовы к печати следующие тома. Данное издание, несомненно, привлечет внимание историков, занимающихся исследованием различных сторон социально-политической жизни Армении и Закавказья второй половины XVIII — начала XIX в. Внимание специалистов, занимающихся проблемами истории экономической жизни, международной торговли и роли армянского купечества в установлении экономических связей между странами Востока и Запада, привлечет основная Матенадараном серия «Памятники экономической истории». В этой серии в 1984 г. издан «Счетный дневник Ованнеса Джугаеци Тер-Давтяна» (изд. Л. Хачикян и А. Папазян), армянского купца, в 1680-х годах в торговых целях побывавшего в Индии, Непале и Тибете и давшего подробнейшие сведения о товарах в этих странах, их ценах, мерах весов, торговых путях, центрах ремесленного производства и т. п. Сведения, сообщаемые им, особенно о Непале и Тибете, в то время еще недоступных для европейцев, уникальны.

Матенадараном основана также серия «Памятники древнеармянской переводной литературы». В этой серии уже опубликованы критические тексты переводов первой половины V в.: «Василий Кесарийский. Беседы на Шестоднев» (1984, сост. К. Мурадян), «Книга бытия» (1985, сост. А. Зейтуян). Подготавливаются к печати «Хроника» Евсевия Кесарийского, дошедшая до нас лишь в древнеармянском переводе, речи и толкования Василия Кесарийского. Намечены к изданию древнеармянские переводы сочинений Филона Александрийского, Ефрема Сирина, Григория Назианзина и других древних авторов.

Одним из наиболее значительных достижений последних 25 лет явилась интенсивная работа в области источниковедения, текстологии и перевода на русский язык памятников армянской философии. Публикации Матенадарана ввели в научный обиход целый ряд произведений древних и средневековых армянских философов и дали возможность воссоздать дотолее не исследованную отрасль духовной культуры — историю армянской философской мысли. На протяжении указанного периода планомерно публиковались тексты и переводы на русский язык произведений одного из наиболее крупных философов V—VI вв.— Давида Анахта (Непобедимого). В 1960 г. были опубликованы его «Определения философии», в 1967 г.— «Толкование „Аналитики“ Аристотеля», в 1976 г.— «Анализ „Введения“ Порфирия» (изд. и параллельные рус. пер. С. Аревшатяна). В 1980 г., когда отмечалось 1500-летие со дня рождения Давида Анахта, отдельными книгами заново были изданы древнеармянские тексты под общим названием «Философские произведения» (изд. С. Аревшатян), а в серии «Философское наследие» в Москве изданы русские пе-

реводы в книге «Давид Анахт. „Сочинения“» (пер., вступ. статья и примеч. С. Аревшатяна). Значительное внимание было уделено и другим мыслителям. Были опубликованы «Анонимное толкование „Категорий“ Аристотеля» (1961, изд. В. Чалоян и С. Лалафарян, пер. на рус. яз. С. Аревшатяна), «Толкование „Категорий“ Аристотеля» видного философа XIII в. Ваграма Рабуни (1967, изд. и пер. Г. Григоряна), «Книга опровержений» выдающегося философа, ученого и переводчика V в. Езника Кохбаци (1968, пер. В. Чалояна), подборка текста армянских философов V—XV вв., изданная в т. 1 «Антологии мировой философии» (М., 1969, сост. и пер. С. Аревшатяна). Все эти публикации и переводы дали возможность развернуть большую исследовательскую работу по истории армянской философии, осветить целую отрасль духовной культуры и науки, создать обобщающие труды по истории армянской философской мысли и ряд монографических исследований, посвященных наиболее важным этапам ее развития.

В поле зрения сотрудников Матенадарана находились также памятники средневековой грамматической науки и лексикографии. Были изданы критические тексты «Анализа грамматики» видного ученого XIII—XIV вв. Есаи Ничеци (1966) и «Толкования грамматики» автора XIII в. Вардана Аревелци (1972, изд. Л. Хачерян). Было издано также двухтомное исследование Г. Амаляна «Лексикографические памятники средневековой Армении» (1966, т. 1; 1971, т. 2). Издан также трактат основателя Кырнайской школы (XIV в.) Иоаннеса Кырнеци «О грамматике» (1977, изд. Л. Хачикян и С. Авакян), в котором впервые в армянской грамматической литературе специальный раздел посвящен синтаксису среднеармянского языка.

Большая работа была проделана также в области изучения и публикации памятников средневекового армянского права. В первую очередь здесь следует отметить издание критических текстов двух ранее не публиковавшихся редакций «Судебника» Мхитара Гоша, выдающегося правоведа XII в. (1974, изд. Х. Торосян). Крупным достижением в текстологии и источниковедении армянского права явилось также издание двух объемистых томов «Книги армянских канонов» (1964, т. 1; 1971, т. 2; сост. В. Акопян). Был издан также другой интересный памятник юридической мысли — «Судебник астраханских армян» (1967, изд. Ф. Погосян), являющийся интересным источником для изучения социально-экономической жизни армянских колоний XVIII в. В этом отношении не меньший интерес представляют и «Судебные акты армянского суда города Каменец-Подольского», опубликованные в 1963 г. В. Григоряном. Вышли в свет также русские переводы «Судебника» Смбага Спарапета, видного правоведа XIII в. (1958, пер. А. Галстяна; 1971, пер. А. Сукиасяна). В русском переводе были изданы также «Шаапиванские каноны» (1959, пер. С. К. Аревшатяна) и «Каноны II Двинского собора» (1962, пер. С. К. Аревшатяна). Все эти публикации и переводы дали историкам армянской юридической мысли и вообще историкам средних веков обильный материал для изучения социально-экономической жизни и правовых отношений как в самой Армении, так и во многих колониях, основанных армянскими переселенцами на юге России, в Польше, на Украине и в других странах.

Особое внимание на протяжении последних 25 лет было уделено изданию текстов и русских переводов памятников естественнонаучной мысли. Был издан критический текст ранее не публиковавшегося медицинского трактата крупного медика XIII в. Григориса «О природе человека и его недугов» (1962, сост. А. Кцоян), а труд выдающегося врача XII в. Мхитара Гераци «Утешение при лихорадках» в 1968 г. был издан в русском переводе вторым, дополненным изданием.

В русском переводе были изданы медицинские трактаты Абусаида «О строении человека» (1974, пер. С. Варданян) и сирийского врача XIII в. Ишоха «Книга о природе человека» (1979, пер. С. Варданян). Опубликован также армянский текст интересного труда по средневековой

ветеринарии «Лечебник лошадей» (1980, изд. Б. Чукасяна). Наиболее крупной публикацией явится издание русского перевода фармакологического труда крупнейшего армянского медика XV в. Амирдовлата Амасиаци «Ненужное для неучей», сданное в производство. Труд этот, вызывающий большой интерес историков медицины и современных специалистов по фитотерапии, издается Матенадараном совместно с Институтом истории естествознания и техники АН СССР.

Наследие одного из наиболее крупных представителей древнеармянской естественнонаучной мысли — Аняния Ширакаци (VII в.) уже более 100 лет привлекает внимание историков науки. Тексты его математических, географических и календароведческих трудов и посвященные им исследования издавались и в дореволюционный период, и в советское время, задолго до реорганизации Матенадарана. Критические тексты трудов А. Ширакаци были изданы в 1944 г. (изд. А. Абрамян). Учитывая неослабевающий к нему интерес и в целях более широкого освещения его наследия сотрудники Матенадарана опубликовали в переводе на русский язык собрание его космографических сочинений, объединенных под общим названием «Космография» (1962, пер. К. Тер-Давтян и С. Аревшатяна). Источниковедческая и текстологическая работа над рукописями А. Ширакаци продолжается.

Значительное место в исследованиях и публикациях Матенадарана занимают памятники художественной литературы — поэзия и проза средневековой Армении. Большой вклад в этой области внес один из ведущих сотрудников института, известный филолог и историк А. Ш. Мнацаканян. Еще в 1956 г. им был опубликован ценный сборник текстов «Армянские средневековые народные песни». И в последующие годы он продолжал плодотворно работать над поэтическими сборниками поэтов средневековья, опубликовал критические тексты произведений Вардана Анеци (XI в.), Григора Тга (XII в.) и сборник текстов «Средневековые армянские загадки» (1980). До своей кончины в 1983 г. он успел завершить капитальный труд объемом более 60 а. л., наиболее полно охватывающий айрены — жемчужины народной поэзии, четверостишия и восьмистишия XII—XVI вв. Труд этот сдан в производство и выйдет в свет в 1987 г. Памятниками художественной литературы занимались и другие сотрудники Матенадарана. Были изданы сборники стихотворений Мартироса Крымечи (1959, изд. А. Мартиросян), Овасапа Себастиаци (1962, изд. В. Геворкян), Симона Апаранци (1974, изд. К. Сукиасян), «Гандзы и таги Григора Нарекаци» (1981, изд. А. Кеошкерян), переводные памятники художественной литературы «Повесть о Париже и Вене» (1966, изд. К. Мелик-Оганджанян), «Назидания Ануширвана» (1966, изд. Б. Чукасян), «История и поучения Агира Премудрого» (1969, изд. А. Мартиросян).

Плодом долголетнего труда явился подстрочный научный перевод на русский язык выдающегося произведения средневековой армянской литературы — поэмы Григора Нарекаци «Книга скорбных песнопений» (X в.). Перевод, выполненный сотрудницами Матенадарана М. Дарбинян-Меликян и Л. Ханларян, выйдет в свет в ближайшее время. На основе этого перевода другие переводчики работают над художественным переводом на русский, украинский и другие языки.

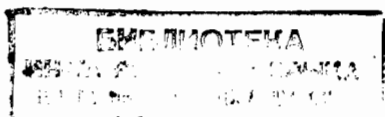
Важное место в изданиях Матенадарана занимают публикации, посвященные книжной живописи — средневековой армянской миниатюре. В 1968 г. для того, чтобы удовлетворить всевозрастающий интерес к этой отрасли средневекового искусства, на трех языках — армянском, русском и французском — был издан красочный альбом «Армянская миниатюра». Работа планомерно продолжалась. В 1973 г. вышел в свет тематический альбом «Ремесла и быт в армянских миниатюрах» (изд. А. Геворкян). Одной из школ книжной живописи были посвящены исследование и альбом «Васпураканская миниатюра» (1978, изд. Г. Акопян). А в 1982 г. издан тематический альбом «Портрет в армянских миниатюрах» (изд. А. Геворкян), который вызвал большой интерес не

только среди искусствоведов, но и среди историков, так как содержал целый ряд репродукции портретов политических деятелей, философов, поэтов, духовных деятелей, ученых, ректоров средневековых университетов и др. Сейчас завершается работа по подготовке к печати нескольких альбомов и исследований, посвященных различным живописным школам и выдающимся мастерам книжной живописи.

В рукописной коллекции Матенадарана имеется множество (свыше 700) музыкальных рукописей с древнеармянской невменной нотописью, ключ к прочтению которой был утерян еще в период позднего феодализма. Работа над расшифровкой этой нотной системы ведется уже многие годы. К раскрытию тайны армянской нотописы постепенно приближают исследования видных музыковедов Х. Кулипарева, Р. Атаяна и Н. Тагмизяна. Сотрудниками Матенадарана издано в переводе на русский язык «Руководство по восточной музыке» крупного музыканта и теоретика XVIII в. Тамбуриста Арутюна (1968, пер. Н. Тагмизяна). В книге «Музыкальная эстетика стран Востока» (М., 1967) опубликована подборка текстов из трудов средневековых армянских философов и ученых музыкантов, где даны пространные выдержки по различным вопросам теории музыки и исполнительского искусства (сост. и пер. С. Аревшатяна и Н. Тагмизяна). Одному из крупнейших средневековых музыкантов — Нерсесу Шнорали (XII в.) посвящено исследование Н. Тагмизяна (1973), в виде приложения содержащее запись на европейскую нотную систему его сохранившегося музыкального наследия. На русском языке было издано и другое интересное исследование Н. Тагмизяна — «Теория музыки в древней Армении» (1977), в которой на большом фактическом материале рассматриваются музыкально-теоретические установки и эстетические воззрения древних армян.

На протяжении прошедших 25 лет особое внимание уделялось научному описанию рукописного фонда Матенадарана. Плодом долголетнего труда явилось издание двухтомного краткого каталога древнеармянских рукописей (1965, т. 1; 1970, т. 2), в котором дано описание 10 408 цельных манускриптов, имевшихся в фонде на 1 января 1969 г. (сост. О. Еганян, П. Антабян, А. Зейтунян). Вслед за этим сотрудники сектора научной библиографии под руководством А. Ш. Мнацаканяна приступили к составлению «Генерального каталога армянских рукописей Матенадарана», содержащего исчерпывающее описание рукописных памятников. В 1984 г. вышел т. 1 (сост. О. Еганян, П. Антабян, А. Зейтунян), в котором дано описание рукописей № 1—300 фонда древнеармянских манускриптов. Выход в свет т. 1 «Генерального каталога» явился крупным событием в жизни не только Матенадарана, но и других институтов республики, связанных по тематике с рукописными памятниками. Работа над следующими томами успешно продолжается. В ближайшее время будет сдан в печать т. 2. Завершается работа над т. 3 и 4.

Наряду с трудоемкой работой по созданию «Генерального каталога» работниками Матенадарана составлен для внутреннего пользования целый ряд тематических каталогов и картотек, используемых как своеобразные библиографические лоции текстологами, источниковедами, палеографами и арменоведами-медиевистами различного профиля. Эти каталоги предоставляются также приезжающим в Матенадаран советским и зарубежным специалистам и намного облегчают и ускоряют их работу по сбору интересующего их материала из многотысячного рукописного фонда. Составлены эти картотеки и каталоги по отраслям средневековой науки, литературы и искусства — историографии, философии, художественной литературе, правоведению, медицине, естественным наукам, религиозно-догматической литературе, книжной живописи и т. п. Один из этих тематических каталогов — библиографический указатель философских рукописей — был издан в переводе на русский язык в «Вестнике Матенадарана» и уже оказал значительную помощь философам-медиевистам. Опыт показал что издание таких каталогов-указателей является настоятельной необходимостью и что они впредь до окончания издания

«Генерального каталога» (а на это уйдет по самым строгим подсчетам лет 20—25) будут незаменимым подспорьем для исследователей-медиевистов многих отраслей науки.

Следует отметить, что рост рукописного фонда отражен в печати. Краткие описания новопоступивших рукописей в течение одного года — двух лет публикуются в научной периодике, и специалисты получают необходимые сведения об их содержании. Дело в том, что новые рукописи, согласно заведенному истари правилу, получают порядковый номер независимо от времени создания манускрипта и, естественно, их описание будет включено в последние тома «Генерального каталога», очередь которых печататься подойдет примерно через два десятилетия. Таким образом, современное поколение текстологов, кодикологов и палеографов, как и представителей различных отраслей историко-филологической науки, получает возможность следить за ростом рукописного фонда Матенадарана и активно вовлекать в научный обиход наиболее ценные памятники письменности и книжной живописи.

Среди кодикологических и палеографических исследований последних лет особого упоминания достойна работа над древнейшей армянской бумажной рукописью 981 г. Этот уникальный памятник письменности представляет большую научно-историческую и культурную ценность не только как древнейший в Советском Союзе манускрипт на бумаге, но и как редкий список сборника, содержащий исторические, философские и экзегетические произведения древнеармянских авторов и переводы с греческого. В связи с 1000-летием рукописи ученым советом Матенадарана было принято решение о ее публикации. Текст подготовлен к печати и в ближайшее время выйдет в свет в двух книгах. Первая включает факсимильное издание рукописи, вторая — расшифрованный текст всего сборника, сильно поврежденного вследствие возраста и неблагоприятных ранее условий хранения. Издание подготовил один из опытных кодикологов и палеографов института — А. Матевосян.

Деятельность Матенадарана как научно-исследовательского центра отражена также в работе научных сессий и конференций. За истекшие 25 лет проведено 19 научных сессий, на которых сотрудниками Матенадарана прочтено свыше 300 докладов по всем отраслям археографии и истории науки, разрабатываемым в институте. Следует отметить, что сотрудники Матенадарана приняли деятельное участие в организации и проведении трех всесоюзных конференций, организованных Археографической комиссией АН СССР в 1960, 1969 и 1977 гг. Первая и третья конференции проведены в Ереване в стенах Матенадарана, вторая — в Тбилиси в Институте рукописей АН ГрузССР. Эти конференции, начало проведению которых положили академик М. Н. Тихомиров, академик АН АрмССР Л. С. Хачикян и член-корреспондент АН ГрузССР И. В. Абуладзе, стали представительными форумами, на которых ученые союзных республик и Археографическая комиссия АН СССР обобщают итоги нескольких лет работы, знакомятся с новейшими достижениями в области археографии и других специальных исторических дисциплин. Сотрудники Матенадарана выступали с докладами на многих международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, состоявшихся как у нас в стране, так и за рубежом. Они принимали активное участие в организации многих юбилейных научных сессий, посвященных 1600-летию со дня рождения Месропа Маштоца, 850-летию со дня рождения выдающегося ученого и врача Мхитара Гераци, 1500-летию философа Давида Непобедимого, 700-летию Гладзорского университета и др. К этим юбилейным датам Матенадараном были изданы исследования, тексты, переводы на современный армянский и русский языки, научно-популярные книги, брошюры, альбомы, буклеты и т. п.

За истекший период было издано 14 томов «Вестника Матенадарана», в которых опубликованы статьи, тексты и переводы по всем отраслям средневековой армянской письменности, археографические исследования, посвященные как отдельным рукописным памятникам, так и целым кол-

лекциям хранящимся в Армении и за ее пределами. Все статьи и публикации снабжены резюме на русском и французском языках. В «Вестнике Матенадарана», помимо сотрудников института, с арменоведческими статьями и публикациями выступают зарубежные ученые и специалисты из других республик Советского Союза.

Наряду со своими основными функциями Матенадаран, на протяжении последних 25 лет выполняет также функции музея. Всевозрастающий интерес к рукописному наследию армянского народа, непрекращающийся поток советских и зарубежных гостей и туристов (ежегодно более 50 тыс.), стремящихся побывать в стенах Матенадарана и приобщиться к памятникам духовной культуры Армении, говорят о том, что нынешняя экспозиция рукописей и отведенный для этого выставочный зал нуждаются в расширении. Дирекция Матенадарана готовит новую экспозицию, предусматривая использовать еще два просторных зала. Скоро осуществлению этого плана будет способствовать завершение строительства нового научного корпуса и дополнительного подземного хранилища. Для удовлетворения интереса широкой читательской публики начато издание научно-популярной серии брошюр на армянском, русском и английском языках, в которой освещаются различные отрасли древней и средневековой армянской науки, литературы и искусства. В этой серии Матенадараном уже изданы «Медицина в древней и средневековой Армении» (1983, авт. С. Варданян), «Музыка в древней и средневековой Армении» (1983, авт. Н. Тагмизян), «Древнеармянская переводная литература» (1984, авт. Л. Тер-Петросян). Готовы к печати брошюры, посвященные книжной живописи, средневековой поэзии и прозе, лексикографии и др. Несколько изданий выдержал путеводитель по Матенадарану на русском, армянском, французском и английском языках.

Дирекцией и ученым советом Матенадарана разработан перспективный план научно-исследовательских работ на ближайшие десятилетия, предусматривающий развитие всех отраслей и направлений армянской археологии, текстологии и источниковедения. Прделанная за 25 лет работа и накопленный опыт дают основание надеяться, что коллектив сотрудников Матенадарана успешно справится с возложенными на него новыми ответственными и почетными задачами.

Б. Г. Литвак

СЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ПУБЛИКАТОРСКОЙ ПРАКТИКЕ

Историография советской эдиционной археографии, как, впрочем, и многих других источниковедческих (специальных исторических) дисциплин, не знает пока еще работ, подобных монографии С. Н. Валка «Советская археография» (М.; Л., 1948), в которой впервые в советской исторической литературе обзор изданий документов приобрел действительно историографическое звучание. Учебные курсы и пособия по археографии, вышедшие после этой книги, ограничиваются только обзором публикаций, описанием методики их издания, не вдаваясь в характеристику роли этих публикаций в историографии и источниковедении. Правда, ряд статей «Археографического ежегодника» прямо продолжает традиции С. Н. Валка. Достаточно просмотреть указатели опубликованных материалов (АЕ за 1966 г. М., 1968; АЕ за 1976 г. М., 1977), чтобы убедиться в целенаправленности действий редакции по накоплению материала для аналогичного труда, который был бы продолжением книги С. Н. Валка. Эти вопросы поднимались и в докладе С. О. Шмидта «Серийные публикации как памятник советской культуры» на заседании Научного совета ГАУ СССР в 1981 г., и на Всесоюзной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества» в марте 1985 г. Историографические работы упоминают, а порой и анализируют публикации документов, игнорируя их специфику как продукта археографического освоения источниковой базы. Это различие подходов, естественное само по себе, затрудняет и задерживает осмысление роли археографии вообще и эдиционной в частности в историческом познании. Системность и комплексность подхода при исследовании любой научной проблемы, ставшие в наше время обязательным методологическим принципом, требуют отказа от отмеченной односторонности. Археографическое освоение источниковой базы, хотя и является первичным этапом в историческом познании, немисливо без целенаправленного использования археографических и источниковедческих приемов работы над источником, без учета историографической традиции. Отсюда следует, что археографическое освоение источниковой базы уже само по себе не может не стать явлением историографическим. Эта слитность различных стадий исторического познания особенно четко прослеживается на примере подготовки и издания серийных публикаций документов, получивших заметное развитие в советское время.

Можно назвать три ведущих объективных фактора, способствовавших утверждению серийного издания документов как одной из ведущих форм научных публикаций. Это прежде всего централизация архивного дела и организация ЕГАФ. Во-вторых, плановое начало в руководстве процессом развития советской культуры и науки. Оба фактора порождены новым общественным строем и, естественно, не могли влиять на археографическую практику в дореволюционной России. Между тем и в дореволюционное время предпринимались серийные издания, например издание «Писем и бумаг императора Петра Великого», в состав которого предполагалось включить все письменное наследие Петра I. Этот факт как бы опровергает высказанный выше тезис, но только на первый взгляд, так как в данном случае сказывался третий объективный фактор: возрастание массы документальных материалов, отложившихся в XVIII—

XIX вв. Именно это обстоятельство порождало и у дореволюционных публикаторов мысль о серийных публикациях, но возможности ее осуществления были резко ограниченными именно из-за отсутствия первых двух факторов.

Иногда ошибочно считают сериями публикации «Русской исторической библиотеки» (РИБ) и Русского исторического общества (РИО). Но они не соответствуют строгому пониманию серии, которая нами определяется как публикация совокупности документов, однородных или обладающих общим признаком. Ни РИБ, ни сборники РИО такими качествами не обладали. Как мы попытаемся показать в дальнейшем, этот формальный признак серии глубоко содержателен: не всякое многотомное издание документов «серийно», хотя всякая серийная публикация редко укладывается в один том.

На заре советской публикаторской деятельности, когда разрабатывались ее ближайшие задачи в общегосударственном масштабе, идея серийных документальных публикаций выдвигалась на видное место. В 1922 г. Главархив был переименован в Центральный архив РСФСР и непосредственно подчинен ВЦИК РСФСР. Вся публикаторская работа возлагалась на Редакционно-издательский комитет Центрархива, при котором образовывались тематические комиссии: по истории крестьянских движений, революционного движения 60–80-х годов XIX в., истории декабризма, истории Октября. Практически каждая из этих комиссий возглавляла серийную публикацию. Так, была начата серия «Материалы по истории крестьянских движений в России» под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичеты и В. М. Фриче. Она открывалась сборником «Крестьянские движения 1902 г.», вышедшем в 1923 г. (М.; Пг. Вып. 3): Здесь в 28 впервые опубликованных документах отражены крестьянские выступления в Полтавской и Харьковской губерниях, которые В. И. Лениным определены как первое крестьянское восстание XX в.¹

Тематическая комиссия по истории революционного движения 60–80-х годов, по сути дела, была призвана осуществить в некотором уточненном варианте план Петроградского историко-революционного архива (I отд-ние VII секции ЕГАФ). По этому плану предполагалось начать издание серии памятников агитационной литературы — полного собрания всех нелегальных изданий с 1820 по 1917 г., серии материалов политических процессов от декабристов до Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»². Тематическая комиссия осуществила издание нескольких сборников о политических процессах. Характерно, что первый сборник, вышедший в 1923 г., назывался «Политические процессы 60-х гг. Материалы по истории революционного движения в России» (М.; Пг.). В этом названии отразилась преемственная связь самой идеи предположенной еще в 1918 г. серии с задачей тематической комиссии. Последующие тома расширяли хронологию политических процессов, сужая рамки серии только публикацией одного вида источников: «Покушение Каракозова. Политические процессы 60–80-х гг.: Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др.» (М., 1928. Т. 1; М.; Л., 1930. Т. 2). Но уже следующий том — «Нечаев и нечаевцы. Политические процессы 60–80-х гг.» (М.; Л., 1931) является «сборником документов», т. е. теряет однородность публикуемых источников. Эта нечеткость критерия «серийности» характерна и для других задуманных, но не состоявшихся или не доведенных до конца «серий».

Тематической секции по истории декабризма суждено было начать серию, которая обладает важнейшими классическими признаками подобных публикаций документов. В 1925 г. к столетию восстания на Сенатской площади вышли одновременно т. I, озаглавленный «Восстание де-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 195.

² Хроника. Летопись архивной жизни.— ИА, Пг., 1919, кн. 1, с. 468–470.

кабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии, касающиеся государственных преступников», и т. VIII. В названии т. VIII повторяются первые две клаузулы заглавия т. I, а затем читаем: «Дела Следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. 8. Алфавит декабристов». В следующем году вышли под общей редакцией М. Н. Покровского т. II и V, в которых окончательно устанавливается формула заголовка серии, где после первых двух не изменявшихся с самого начала клаузул читаем: «Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии». Это общее заглавие сохранилось и после того, как главным редактором продолжающейся и поныне серии (в 1983 г. вышел т. XVIII) стала М. В. Нечкина. Изменения отмечаются только в тех случаях, когда материалы тома освещают особо выделенную тему из общей проблемы «Восстание декабристов», например «Восстание Черниговского пехотного полка» (т. VI) или «„Русская Правда“ П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие» (т. VII). В этих, казалось бы, чисто формальных уточнениях, на мой взгляд, отражалась поисковая работа по определению параметров самого понятия «серия», так как необходимость серии была ясна с начала публикации документов. Ведь выход в одно и то же время томов с непоследовательной нумерацией сигнализировал о наличии единого плана издания, а это признак, и весьма существенный, именно «серийности».

Тематическая комиссия по истории Октября также развернула свою работу в рамках серии «1917 год в документах и материалах», выпустив в 1925 г. под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева одновременно сборники «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК» и «Разложение армии в 1917 г.».

То обстоятельство, что тематические комиссии сразу предприняли серийные издания, очень ярко отражает действительность перечисленных трех объективных факторов.

Данная статья не ставит цель изложить историю серийных изданий. Наша задача скромнее: показать на отдельных примерах становление серийных изданий документов как особого вида публикаций и проследить развитие самого понятия «серия» и методики ее подготовки, затем на этих же примерах показать историографическое значение серий. Мы ограничиваем материал тремя крупнейшими сериями документов, отражающих историю дореволюционной России. Обращаем внимание на ограничение не только в хронологии, но и в разновидности документов: в дальнейшем речь идет о серийных публикациях делопроизводительной документации дореволюционных государственных учреждений или лиц, причастных к их деятельности.

Исходя из нашего понимания серии, можно классифицировать все известные серии в зависимости от критерия отбора документов для них. Так, например, серия «Письма и бумаги императора Петра Великого» формируется на основе критерия авторства или происхождения публикуемых документов, а серия «Восстание декабристов» в принципе состоит из документов одной разновидности. При самом строгом подходе можно утверждать, что критерий происхождения действует и во втором случае, но первенствующее значение здесь имеет все же разновидность; в первом случае, когда можно говорить об одной разновидности — письмах, все же главенствует критерий авторства. Эти оговорки имеют цель подчеркнуть невозможность требования «абсолютной чистоты» критериев, при помощи которых серии поддаются классификации. Третьим критерием выступает тематическая определенность. Так, например, серия «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.» формируется из документов различных разновидностей и происхождения (авторства), но их объединяет тема. Это самый распространенный вид серий, который своим существованием во многом способствует размыванию самого понятия «серия», потому что все однотематические публикации воспринима-

ются как серия³. Очевидно, что серия, возникающая по критерию единства темы, должна иметь особенно четкую структуру, при которой ее отдельные части должны быть естественно скреплены между собой, поскольку отсутствуют такие более наглядные критерии, как единство авторства или разновидности документов. Как видим, одно только выявление признаков каждого вида серии, какими бы формальными они ни показались, сразу выводит нас к содержательной стороне методики подготовки серийной публикации документов.

Рассмотрим подробнее три названные нами вида серийных публикаций и хронологии их создания. Как известно, т. I «Писем и бумаг императора Петра Великого» вышел в 1887 г. Он, как и последующие четыре тома, был подготовлен А. Ф. Бычковым; начиная с т. V (после смерти в 1899 г. А. Ф. Бычкова) публикация готовилась его сыном — И. А. Бычковым.

В 1918 г. вышел под редакцией И. А. Бычкова очередной, VII т. В предисловии к нему сообщалось: «Ввиду затруднений, испытываемых ныне в типографском деле», было решено «выпустить теперь же в свет уже отпечатанную часть (первые сорок листов) VII тома... в виде первого его выпуска, не дожидаясь окончания печатания остальных примечаний и указателей ко всему тому: они войдут в состав второго выпуска того же VII тома»⁴. И действительно, выпуск обрывается как бы на полуслове примечания к док. № 2350, хотя в основном тексте последний опубликованный документ имеет номер 2460. Но следует удивляться тому, что в условиях практически начавшейся гражданской войны Первая государственная типография не рассыпала набор, а нашла возможным израсходовать ценную бумагу (в томе 640 с.) на издание отнюдь не актуальной для того времени книги. Это само по себе может служить, выражаясь словами В. И. Ленина, «маленькой картинкой для выяснения больших вопросов»⁵ отношения молодой Советской власти к изучению исторического прошлого нашей страны.

Второй выпуск т. VII увидел свет только через 28 лет. Он вышел под редакцией А. И. Андреева и содержал окончание примечаний к документам (№ 2350—2460), хронологические указатели писем и бумаг Петра I, писем разных лиц к нему и друг к другу⁶. Даже все внешние, типографские атрибуты подчеркивали преемственность двух выпусков. Для нас же особый интерес представляет краткое предисловие ко второму выпуску, очевидно написанное его редактором. В нем дана сжатая характеристика издания как серии. Точная определенность разновидности документов, составляющих серию, дополняется тем, что и методы собирания и издания их также были едиными. «Археографические приемы издания... — читаем мы в предисловии, — разработанные в основной своей части еще в 1873 г., неуклонно проводились обоими редакторами „Писем и бумаг императора Петра Великого“ А. Ф. и И. А. Бычковыми, создателями одного из важнейших изданий источников по истории петровской эпохи»⁷. Но время, прошедшее с момента выхода первого выпуска до выхода второго, — целая эпоха в становлении и раз-

³ См., например: *Тальман Е. М.* Археографическая деятельность Централархива в 1920—1930 гг. — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 67—81. З. К. Звездин и В. Е. Полетаев наиболее четко выразили эту ошибку. Характеризуя публикации по революции 1905—1907 гг. (148 томов) и Великой Октябрьской Социалистической революции (203 тома), они писали: «По отношению к этим изданиям понятие „серия“ мы применяем условно, поскольку они связаны только единством темы» (*Звездин З. К., Полетаев В. Е.* О серийном издании документов по истории индустриализации СССР. — АЕ за 1967 год. М., 1969, с. 249, сноска 1). Мы видим, что эти авторы уже почувствовали некорректность применения термина «серия» ко всему массиву публикаций по одной и той же теме, но не могли еще отказаться от привычного его употребления.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Пг., 1918, т. VII (январь — июнь 1708), вып. 1 (отдельные страницы без пагинации).

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 407.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946. Т. VII, вып. 2.

⁷ Там же, с. III—IV.

витии советской исторической науки в целом и археографии в частности; поэтому не случайно указание предисловия о том, что, сохраняя в основном археографические приемы Бычковых, публикаторы воспроизвели тексты уже по новой орфографии на основании «тех правил передачи текстов XVIII в., которые применялись в изданиях Института истории в последние годы». Вместе с тем в осторожной форме сказано о предстоящих изменениях в археографической обработке документов «в соответствии с установками, выработанными западноевропейской и советской археографией в последние десятилетия»⁸.

Таким образом, мы имеем редкую возможность проанализировать эволюцию методики публикации этой серии и самого понимания серийного издания как формы публикации, эволюцию, произошедшую под влиянием изменения методологических установок публикаторов. Прежде всего установим их позицию на основании анализа первого выпуска т. VII, так как он отражает итог археографической деятельности И. А. Бычкова в дореволюционное время. Понимание им серийности не отличается от нашего: авторство Петра I является определяющим признаком для включения документов в основной состав серии. При этом, кроме ведущей разновидности — писем, публикуются и указы, и мемории, и «статьи», инструкции, различные грамоты (верительные, полномочные и др.), «пункты», письма других лиц с приписками Петра, «приказы у пароля», резолюции, замечания и др. Даже в тех случаях, когда Петр не был автором, а формально выступал только «писарем», эти тексты включались в основную публикацию (например, № 2362. Письмо от имени Ф. М. Апраксина к кн. А. Я. Хилкову, писанное Петром)⁹. Примечания же, иногда весьма обширные (в первом выпуске они занимают 406 с. из 640, хотя напечатаны более мелким шрифтом, чем основные документы), включают тексты десятков писем и иных документов, написанных другими лицами. Таким образом последовательно проводится принцип отбора «писем и бумаг» Петра для основного корпуса документов. Нужно, однако, заметить, что порой приборет этого принципа перерастал в неоправданный шлет к документации, приведший к тому, что археографическая ее оснастка была сведена к минимуму. В основном тексте, кроме заголовка и даты, данных составителем, никакого иного справочного материала нет. Легенды вынесены в примечания, а текстуальные сноски под строкой основного текста очень лаконичны; правда, явные описки в подлиннике исправляются здесь с указанием неточности. Иногда встречаются серьезные вторжения в текст. Например, публикуя инструкцию барону Урбиху от 19 января 1708 г., составитель прерывает немецкий текст фразой курсивом, взятой в скобки:» (и т. д., одинакового содержания с инструкцией графу Флеммингу № 2158, стр. 16—19)»¹⁰. Или составитель восстанавливает истлевшие места рукописи, беря предполагаемые слова в круглые скобки¹¹; при этом ни в подстрочной сноске, ни в примечаниях вероятность версии составителя не оговаривается¹².

Зато в примечаниях составитель далеко не лапидарен. Легенда дается в описательной манере; например, примечание к № 2137 (Указ князю Федору Юрьевичу Ромодановскому) гласит: «Подлинник; хранится в Государственном архиве, Кабинет Петра Великого, отд. 1, кн. № 51, л. 40. Напечатан в Истории Преображенского полка, составленной Азанчевским. М., 1859, Приложения, стр. 82». Эта начальная часть текста примечания исполняет функции легенды, но и заключительная часть примечания содержит элемент легенды: «При указе имеется следующая отметка руки А. В. Макарова: „Таковы отданы князь Федору Юрьевичу в 4 день генваря 1708-го“». Между этими двумя частями легенды вписана

⁸ Там же, с. V.

⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. VII, вып. 1, с. 151.

¹⁰ Там же, с. 19.

¹¹ Там же, с. 30.

¹² См.: Там же, с. 303—304.

новелла, характеризующая происхождение текста указа, т. е. материал для исследования текста¹³. В данном случае в примечание не вмонтированы публикации документов. Чаще всего в примечаниях публиковались документы, комментирующие текст и содержание «писем и бумаг» Петра I. К док. № 2136, например, в примечании опубликовано десять документов, а к некоторым из них под строкой даны текстуальные сноски (в общей сложности это примечание занимает 12 с.)¹⁴. Примечания, конечно же, значительно расширяют информативные рамки публикации, но нарушают чистоту археографической атрибуции основного текста. Однако, еще раз подчеркнем, строгое следование отграничению текстов Петра, помещаемых в основной части публикации, от всех прочих текстов обеспечивает соответствие содержания названию серии. Такова краткая характеристика понимания серийности Бычковыми и их приемов археографического оформления серии. Мы обратили внимание на те качества изданных Бычковыми томов, которые не получили отражения и оценки в обстоятельной статье Е. П. Подъяпольской, великолепно проанализировавшей предысторию и историю подготовки этого издания¹⁵.

Рассмотрим дальнейшую судьбу серии, и прежде всего обратим внимание на то новое, что принес с собой т. VII (вып. 1/2), который, с точки зрения нашего конкретного интереса, можно назвать переходным. Первый выпуск вышел под редакцией А. И. Андреева, но «копии писем и других бумаг... были подготовлены еще под руководством покойного редактора „Писем и бумаг императора Петра Великого“ члена-корреспондента Академии наук СССР И. А. Бычкова... а примечания к письмам были впервые составлены». Как сообщается далее в Предисловии, приемы издания сохранились прежние, так как «представлялось нецелесообразным и неудобным вносить существенные изменения с середины переписки 1708 г.»¹⁶. Здесь же указывалось, что необходимые изменения будут сделаны с т. IX.

В этом подходе новой редакции отражено понимание издания как серийного и продемонстрировано сугубо бережное отношение к труду предшественников. Второй выпуск, вышедший уже под редакцией Б. Б. Кафенгауза, содержит Предисловие, по объему и содержанию явно отличающееся от всех предыдущих. Можно утверждать, что оно отражало начало необходимых изменений. Правда, здесь, как и в последующих томах, краткие характеристики содержания групп публикуемых документов явно не могут отразить все их богатство. Под влиянием бытовавших в тогдашней историографии «установок» упрощена проблема оценки крестьянских движений. Кроме того, акцентировка внимания на шести документах, связанных с восстанием Булавина, искусственно увеличивала их значение в публикации, состоящей из 492 петровских документов¹⁷.

Важный положительный момент в Предисловии — указание на общее число вновь опубликованных материалов. Обращение внимания читателей на документы, позволяющие опровергнуть фальсификации украинских буржуазных националистов вокруг измены Мазепы, сигнализировало о том, что составители порывают с традицией внешне бесстрашной подачи материала, нацеливаясь на активное влияние на историографию вопроса. Здесь сказывалось их стремление последовательно отстаивать позиции марксистско-ленинской методологии в изучении исторического процесса. Это стремление отразилось уже на ряде примечаний второго выпуска.

Таким образом, подготовка т. IX шла уже под знаком усиления ис-

¹³ Там же, с. 247.

¹⁴ Там же, с. 235–247.

¹⁵ Подъяпольская Е. П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого». — АЕ за 1972 год. М., 1974, с. 56–70.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948, т. VIII (июль — декабрь 1708 г.), вып. 1. Предисловие.

¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1951, т. VIII, вып. 2, с. 414.

ториографической роли издания, что, в свою очередь, потребовало более углубленного комментирования и совершенствования всех элементов публикаторской методики (точное установление публикуемого текста на основе привлечения наибольшего количества копий и выбора самого адекватного, выделение легенды из текста примечаний и т. п.). Если составители сознательно включали это издание в процесс развития историографии петровской эпохи, то тем более они должны были соотносить его с процессом развития эдиционной археографии. И, действительно, выход в свет в 1955 и повторно в 1956 г. «Правил издания исторических документов», обобщавших опыт публикаторской деятельности в дореволюционное и особенно советское время, не мог не побудить редакторов и составителей серии выработать на их основе специальную инструкцию по изданию «писем и бумаг» Петра I. Проект такой инструкции был составлен Т. С. Майковой и доработан ею по замечаниям А. И. Андреева, А. П. Глаголевой, И. А. Голубцова, А. А. Зимина, Б. Б. Кафенгауза, Л. А. Никифорова, А. А. Новосельского, Е. П. Подъяпольской и Н. В. Устюгова. Одно перечисление этих имен говорит о том, что в инструкции обобщен богатый опыт не только издателей «писем и бумаг», но и других крупных советских археографов. Инструкция конкретизировала ряд положений общих правил в применении к документации первой четверти XVIII в., что особенно важно, так как в это время шел интенсивный процесс обновления и обогащения языка вообще и языка делопроизводственной документации в частности. Опубликованная инструкция¹⁸ — интересный источник для историографии эдиционной археографии и заслуживает специального разбора. В данном контексте важно подчеркнуть только то новое, что инструкция вносила по сравнению с методикой публикации первых девяти томов серии.

Прежде всего отметим, что круг источников для комментирования основных, т. е. петровских, документов расширяется за счет материалов, освещающих «важнейшие события русской истории, затронутые в издаваемых документах Петра I»; предполагается постоянная рубрика «дополнения», где помещаются вновь выявленные документы, относящиеся ко времени, охваченному предыдущими томами (с. 442)¹⁹. Тщательно разработаны вопросы установления текста: методика выбора основного текста для публикации изложена в 14 пунктах инструкции с обильным цитированием примеров, из которых становится ясным, что т. X подготовлен на основе неукоснительного следования требованиям данной инструкции. Так же скрупулезно разработаны правила передачи текста, причем особенно бережно применительно к автографам Петра I — здесь полностью сохраняется традиция Бычковых, зато все, что связано с легендой (ее составные части, место расположения), порывает с традицией первых томов, которая явно не соответствовала возросшей археографической культуре. То же следует сказать о формулировке параметров Предисловия (с. 457), значительно расширявших его историографические функции. Подробнейшим образом разработаны правила составления комментариев (с. 457—460). В целом инструкция представляет собой важный нормативный документ, само ее существование отражает цельность (при всех безусловно ценных, улучшающих издание изменениях) общей структуры и археографических принципов данной серии.

Если сравнить последний изданный том — т. XII — с т. VII, последним из опубликованных под редакцией И. А. Бычкова, то увидим следующие крупные изменения содержательного и формального порядка. 1. Принцип разделения на «выпуск» изменился: и первый, и второй выпуски т. XII содержат основной текст и комментарии. Разделение материала идет по другому критерию — хронологическому. Первый выпуск охватывает полностью первое полугодие 1712 г., второй выпуск — второе.

¹⁸ Майкова Т. С. Проект инструкции для подготовки к изданию «Писем и бумаг Петра Великого». — ПИ. М., 1961, вып. 9, с. 439—462.

¹⁹ Здесь и далее в тексте в скобках указаны страницы издания, где опубликована инструкция (см. сноску 18).

Такое деление, когда основной текст и комментарии публикуются в одной книге, конечно же, удобнее для исследования. Снимается трудность пользования материалами неодновременно изданных книг. Например, первый выпуск т. VIII вышел в 1948 г., а второй, содержащий комментарии, — в 1951 г. Подобный разрыв в т. XII (вып. 1 вышел в 1975 г., вып. 2 — в 1977 г.) не был так ощутим, ибо каждый выпуск приобрел свою законченность, независимость от другого. Хронологическое разделение позволило более обстоятельно характеризовать публикуемые документы в Предисловиях — отдельных для каждого выпуска. 2. Увеличилась информационная емкость примечаний в связи с тем, что легенды вынесены к основному тексту; упорядочена публикация документов в примечаниях, расширился объем составительского комментирования различных мест основного текста. 3. Усовершенствован и расширен научно-справочный аппарат за счет появления предметного указателя и указателя литературы, использованной в обоих выпусках т. XII. Последнее обстоятельство усилило историографические функции всего тома²⁰.

Мы видим, как повышение археографической культуры издания оказывает прямое влияние на его источниковедческие и историографические потенции. Следует, однако, отметить, что не всегда составители (и редколлегия) строго следуют нормам инструкции. Ограничимся только одним примером. В инструкции четко определено, что при издании одинаковых писем разным адресатам «не следует помещать полный текст после текста, издаваемого частично» (с. 447). Между тем в первом выпуске т. XII письмо Сенату от 30 июля 1712 г. (№ 5326) помещено в выдержках раньше, чем аналогичное письмо Г. И. Волконскому (№ 5327), публикуемое полностью. Но этот и подобные ему казусы не снимают главного: «собственноручный», по принятой составителями терминологии, текст Петра (непонятно, почему термин «автограф» ими не принят) четко и ясно отделяется от других подлинников без применения шрифтов, что и экономичнее; и легче воспринимается читателем. Это обеспечивает строгое следование основной археографической цели серии — опубликовать все «Письма и бумаги» Петра I. Нужно полагать, что подготовленные к печати т. XIII—XVII в скором времени увидят свет, во всяком случае, что к столетию выхода т. I появится очередной том — т. XIII.

Итак, на примере издания «Писем и бумаг императора Петра Великого» мы рассмотрели основные параметры серийного издания первого вида, где комплекс документов серии определяется признаком авторства. Мы проследили за изменениями в методике подготовки серии, произошедшими в связи с изменением методологических основ этой методики и эволюцией самой эдиционной археографии.

Обратимся к рассмотрению другого вида серийной публикации, где критерием серии является единство разновидности документации. Речь пойдет о серии «Восстание декабристов». В данном случае мы имеем дело с изданием, хотя и растянутым во времени (почти на 50 лет — с 1925 по 1984 г. включительно), но с самого начала основанным на ленинской методологии изучения освободительного движения в России. Конечно, развитие историографии вопроса углубило понимание ленинской концепции, вскрыло ошибочные оценки М. Н. Покровского, что не могло не влиять на методические приемы публикации, как, впрочем, и публикация оказывала влияние на изучение вопроса. Перед археографами не стояла проблема собирания материала, так как он представляет собой один комплекс дел Верховного уголовного суда и следственной комис-

²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975. Т. XII, вып. 1 (январь — июль 1712 г.) / Ред. колл.: Л. Г. Бескровный, Б. Б. Кафенгауз, Л. А. Никифоров; Сост., авторы примеч.: Т. С. Майкова, А. П. Глаголева, Е. П. Подъяпольская, Е. А. Швецова при участии Р. И. Козинцевой; Подгот. к изд. В. А. Артамонов, С. Ю. Королева; М., 1977. Вып. 2 (июль — декабрь 1712 г.) / Ред. колл.: Л. Г. Бескровный, Б. Б. Кафенгауз, Л. А. Никифоров, Е. П. Подъяпольская; Сост., авторы примеч.: Е. А. Швецова, Е. П. Подъяпольская при участии Я. Е. Водарского, Н. Ф. Демидовой, Р. И. Козинцевой, В. А. Артамонова, С. Ю. Королевой; Сост. указателей Л. К. Бажанова.

сии. Первые публикаторы и редактор Покровский напечатали в т. I—III следственные дела членов Северного общества «в том порядке, в каком они отложились в следственном фонде по делу декабристов»²¹. Таким образом, вначале не существовала и проблема отбора, но в дальнейшем (т. IV, V, XI и VIII) этот принцип был нарушен: в первую очередь отбирались для публикации дела наиболее видных декабристов, что позволяло быстрее ввести в научный оборот материал, имеющий решающее значение для изучения истории декабризма. Но такой «выборочный метод» разрушал внутреннее единство комплекса, отдавал духом субъективизма. Как в 1950 г. писала новый редактор М. В. Нечкина в Предисловии к т. IX возобновленного после 20-летнего перерыва издания (т. VI был издан в 1929 г., а т. VII задержался изданием и вышел только в 1958 г.), ошибочность ряда установок Покровского «не должна заслонять для нас значения документов следственного дела декабристов, изданных Центрархивом»²². Вместе с тем она отметила неравномерность опубликованного: если в изданных томах исследователи могли ознакомиться с делами 26 членов Северного общества, то по Южному были опубликованы, хотя и чрезвычайно важные — П. И. Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола, всего только два дела. Задача продолжения серии сформулирована Нечкиной как историографически чрезвычайно актуальная.

Нам важно подчеркнуть, что обстоятельное Предисловие, из которого мы цитируем, содержит важные источниковедческие характеристики материалов следствия, имеющие первостепенное значение не только для исследовательского освоения сообщаемых в них сведений, но и для прояснения принципов публикации, отстаиваемых новым редактором серии. Прежде всего выясняется «потребитель» публикации: «Следственные материалы декабристов являются чрезвычайно трудным историческим источником и никак не могут быть рассчитаны на широкий круг неподготовленных для исследовательской работы читателей»²³. Точный «адрес» серийного издания определил и довольно сложные приемы публикации, о которых подробно пишет Нечкина²⁴. Они направлены на то, чтобы как можно точнее передать, так сказать, внешний колорит дела; нужно, однако, заметить, что если редактор отстаивал принцип публикации дел в том виде и в той последовательности, как они сложились в комплексе, то документы внутри дела порой переставлялись согласно требованиям логики излагаемых в них сведений, но эти перестановки легко определяются по приводимой в начале каждого дела «Описи бумагам, находящимся в деле...». Так сочетались принцип недробности комплекса с критическим отношением к сложившемуся по делопроизводственной «прихоти» делу. Том IX, в котором опубликованы два дела членов Южного общества — Бестужева-Рюмина и Матвея Муравьева-Апостола (д. 396 и 397; дела других членов за № 398—424 опубликованы в т. X—XII), дает представление о реализации приемов передачи текста, расположения документов, датирования их, составления текстуральных примечаний и комментариев. Как отмечалось в статье И. А. Мироновой и А. И. Юхта, все эти элементы археографического оформления были только частично модернизированы согласно возросшим требованиям развивавшейся публикаторской методики, но полный переход на новые правила «на завершающей стадии издания был невозможен»; однако начиная с т. XII приемы передачи текста «приблизились к современным требованиям»²⁵.

М. В. Нечкина дала также великолепную характеристику научного

²¹ *Миронова И. А., Юхта А. И.* О деятельности М. В. Нечкиной в области археографии и источниковедения. — АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 249.

²² Восстание декабристов: Материалы. [М.], 1950, т. IX, с. 9/К печ. подг. А. А. Покровский, Г. Н. Кузюков.

²³ Там же, с. 10.

²⁴ Там же, с. 22—23.

²⁵ *Миронова И. А., Юхта А. И.* Указ. соч., с. 249.

значения публикуемых материалов, что сразу же вписало т. IX в историографию проблемы. Не случайно ряд предисловий к томам, вышедшим до появления ее капитальных трудов о декабристском движении, воспринимаются как «заготовки» по весьма принципиальным вопросам истории декабризма. Развернутые исследовательские выводы мы находим во всех последующих томах серии вплоть до вышедшего в 1983 г. т. XVIII, публикующего дела 26 членов Северного общества, не преданных Верховному уголовному суду²⁶.

Анализ археографических параметров последнего, XVIII т. позволяет подвести некоторые итоги эволюции приемов издания серии. Выясняется, что последовательно реализовывались те принципы публикации материалов дел, которые были сформулированы в рассмотренном выше программном Предисловии Нечкиной как нового редактора издания. В передаче текста и составлении научно-справочного аппарата заметны изменения, вызванные новыми требованиями теории и практики археографии. Так, например, сплошная нумерация текстуальных сносок по каждому делу вместо постраничной нумерации облегчает работу исследователя, особенно в случаях, когда эти сноски привлекаются для текстологического исследования показаний обвиняемых. Уточнена структура справок-комментариев к публикуемым делам, но, к сожалению, эти справки, значительно обогащающие научно-справочный аппарат серии, помещаются в Приложениях. Ведь уже в т. IX Нечкина их квалифицировала как комментарии²⁷. Очевидно, правильнее было бы их так именовать и в дальнейшем; можно их именовать и примечаниями, как сделано в серии писем и бумаг Петра I. Термин «приложения» как-то отчуждает их от текста дела, и это тем более досадно, что в «приложениях» обязательным элементом является указание на другие следственные дела, в которых имеются сведения о лице, чье дело публикуется. Можно было бы возразить и против совмещения предметного и географического указателей в один предметно-географический. Но, во всяком случае, это вернее, чем включение географических названий в Предметный указатель, как это сделано в т. IX.

Рассмотрим общие черты единственной практически завершенной из трех избранных нами серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.»²⁸. Она включает с учетом подготовленного, хотя и не вышедшего тома за 1901—1904 гг. 2463 документа и около 10 тыс. статей Хроники, отражающих крестьянское движение с 1796 по 1917 г.

²⁶ Восстание декабристов: Материалы. М., 1984. Т. XVIII/Сост. К. Г. Ляшенко, С. А. Селиванова.

²⁷ Восстание декабристов: Материалы, т. IX, с. 23.

²⁸ Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в./Гл. ред. Н. М. Дружинин: Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.: Сб. документов/Под ред. С. Н. Валка; Сост. З. И. Кудрявцева, Э. С. Паина, Н. Ф. Сорокина. М., 1961; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. документов/Под ред. А. В. Предтеченского; Сост. З. И. Кудрявцева, З. В. Кушкова, Н. Ф. Сорокина. М., 1961; Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.: Сб. документов/Под ред. С. Б. Окуня; Сост. Э. С. Паина, Н. Ф. Сорокина. М., 1962; Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг.: Сб. документов/Под ред. С. Б. Окуня и К. В. Сивкова; Сост. З. И. Кудрявцева, С. Г. Сахарова. М., 1963; Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.: Сб. документов/Под ред. Л. М. Иванова; Сост. М. А. Гузунов, Н. А. Мальцева, Г. П. Павчинская. М., 1964; Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.: Сб. документов/Под ред. П. А. Зайончковского; Сост. Э. С. Паина. М., 1968; Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.: Сб. документов/Под ред. А. С. Нифонтова и Б. В. Златоустовского; Сост. М. А. Сыромятникова, К. А. Белоусова, С. Л. Эвенчик. М., 1960; Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.: Сб. документов/Под ред. А. В. Шапкарин; Сост. Э. С. Паина, Н. И. Пишванова. М., 1959. Том за 1901—1904 гг. находится в печати. Кроме того, следует иметь в виду вышедшие в этой серии тома: Крестьянское движение в России, июнь 1907 г.—июль 1914 г.: Сб. документов/Ред. А. В. Шапкарин; Сост. З. И. Кудрявцева, Н. А. Мальцева, С. Г. Сахарова, М. А. Шкодина. М.; Л., 1966; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны, июль 1914 г.—февраль 1917 г.: Сб. документов/Ред. А. М. Анфимов; Сост. М. А. Гузунов, К. А. Заболотская, Г. П. Павчинская. М.; Л., 1965. На титульных листах этих двух томов отсутствует указание о главном редакторе.

(период революции 1905—1907 гг. серией не освещался). Если добавить, что серия вышла в течение одного десятилетия, то можно с уверенностью говорить об исключительном явлении в советской публикаторской практике. Да, вероятно, и не только советской. Создана целая библиотека научно систематизированных, глубоко прокомментированных документов, привлеченных из центральных, а в некоторых случаях и местных архивохранилищ. Общий объем одних только предисловий к сборникам и примечаний к документам составляет свыше 40 печ. л.

Несмотря на многообразие разновидностей документов, включенных в серию, на различие их происхождения и авторства, удалось создать поистине документальную энциклопедию о крестьянском движении в 59 губерниях и областях Российской империи за огромный по протяженности отрезок времени, начиная с периода разложения, а затем ликвидации феодальной системы и кончая периодом заката капиталистической формации. Создать серию, скрепленную единством тематики, — самое сложное дело в публикаторской деятельности. Классическую завершенность этой серии удалось придать благодаря тому, что она с самого начала строилась по единому плану и все работы (определение круга хранилищ, в которых выявлялся документальный материал, отбор документов для публикации, определение приемов передачи текста, состава научно-справочного аппарата, структуры «Хроники») велись по тщательно разработанной инструкции²⁹.

Новаторской особенностью этой серии является Хроника крестьянского движения, которая аккумулировала сведения не только из публикуемых и выявленных документов, но и из публикаций и исследований, выпшедших до появления каждого тома серии. Если для двух рассмотренных выше серий не существовала проблема полноты, так как в первом случае подразумевалась публикация всех выявленных писем и бумаг Петра I, а во втором — всех дел привлеченных к дознанию участников декабристского движения, то в данной серии такого критерия быть не могло. Здесь задача адекватного отбора стояла очень остро.

Принятие ограничения только поиском в центральных исторических архивах не могло предотвратить выявление избыточного числа документов, и задача отбора их для публикации решалась с учетом возможностей, открываемых Хроникой. Все тексты, которые несли в себе сравнительно повторяющуюся информацию, нашли свое место в Хронике. Она содержит элементы регестной формы публикации, как, впрочем, и многие примечания, где частично публикуется текст документов или пересказывается его содержание. В томе, охватывающем 1796—1825 гг., на каждый опубликованный документ приходится почти четыре статьи Хроники, а в томе за 1826—1849 гг. — даже семь. Эти цифры показывают, что Хроника является важнейшим фактором полноты, недаром она давно вошла в научный оборот наряду с документами, опубликованными полностью. При оценке ее значения нельзя отрицать, что она не смогла охватить все наиболее часто повторяющиеся факты крестьянского движения, но ее адекватность объективно проявившимся тенденциям и даже региональным особенностям вряд ли может быть оспорена. С появлением Хроники публикаторы получили удобный прием введения в научный оборот массовой документации о массовых фактах вместо публикации громадного числа документов с почти стандартным текстом, который не содержит ничего более того, что может быть изложено в статьях Хроники. Так, Хроника стала полезным, экономным инструментом и обогатила публикаторскую практику.

²⁹ Подробнее см.: Паина Э. С. Н. М. Дружинин — археограф. — АЕ за 1971 год, с. 240—247. Общую характеристику серии см.: Лещенко Н. И. Серийное издание документов о крестьянском движении в России в XIX в. — СА, 1970, № 6, с. 106—110; Литвак В. Г. Серийное издание «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.» и его место в археографии и историографии. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Одесса, ноябрь 1969 г.). М., 1969, ч. 2, с. 323—325а.

Отметим еще одно качество серии, повышающее общую археографическую культуру издания, — четкую жанровую определенность научно-справочного аппарата. Ни Примечания в серии писем и бумаг Петра I, ни Приложения в серии декабристских дел не обладают той чистотой принципа составления примечаний, какой обладают примечания третьей серии. Они ограничиваются только прямым, непосредственным комментированием. Все остальное, что нужно для понимания текста, — задача других частей научно-справочного аппарата: перечня статей законов, упоминаемых в томе; Списка литературы, использованной при составлении тома; Географического указателя; Указателя имен. Указатели четко разграничены. Таковы важнейшие черты археографического облика серии третьего вида.

Подведем итоги. Мы попытались определить понятие серийной документальной публикации, ее основные виды, какими они сложились в советской публикаторской практике. Остается добавить, что все три названные серии демонстрируют свою серийность и внешними типографскими атрибутами: единством формата, цвета обложки и шрифтов заглавий; в письмах и бумагах Петра I и сплошной нумерацией публикуемых документов, а в «Восстании декабристов» — последовательностью нумерации публикуемых дел, что придает серии черты пофондовой публикации.

Применительно к делопроизводственной документации дореволюционного времени серийная публикация первого вида в советской публикаторской практике уникальна, второго вида — встречается чаще (например, продолжающаяся серия: «Внешняя политика России XIX и начала XX в.»³⁰ и ряд других), третьего — еще чаще (он представлен такими публикациями, как серия «Восстание 1863 г.»³¹, «Рабочее движение в России в XIX в.» (М., 1951–1963. Т. 1–4; 2-е изд. М., 1955. Т. 1), «Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы» (М., 1955–1965. Т. 1–13), сериями документов по истории народов СССР).

Классический опыт создания рассмотренных документальных серий имеет важное значение для развития теории и методики эдиционной археографии. Он был учтен и обогащен при подготовке аналогичных серий документальных публикаций по советской тематике. Их анализ заслуживает быть предметом специального исследования.

³⁰ Подробнее см.: Нарочницкий А. Л., Кучеренко Г. С. О публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX в.» — АЕ за 1972 год, с. 48–55.

³¹ Подробнее см.: Миллер И. С. «Восстание 1863 г.»: (Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов). — Там же, с. 36–47.

П. А. Колесников

**ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР**

Работа Северного отделения Археографической комиссии и секции документальных памятников Вологодского областного отделения ВООПИК по выявлению, сбору, учету и публикации документальных памятников истории и культуры нашла отражение в сообщениях на научных конференциях, в ряде опубликованных статей и информаций¹. Некоторые итоги ее были подведены на состоявшемся в 1983 г. в Вологде Всероссийском научном совещании по проблемам охраны и использования документальных памятников. Там же был обобщен и опыт некоторых других областных отделений ВООПИК². Председатель секции документальных памятников Центрального совета общества С. О. Шмидт отметил закономерность проведения совещания в Вологде. «И дело не только в том, что в Вологде имеется уже высоко оцененный в стране опыт организации научных конференций и совещаний... а Вологодская область известна всемирно прославленными памятниками культуры. Главное в данном случае в том, что именно в Вологодской области особенно много сделано для выявления, собирания, учета, описания, изучения, использования документальных памятников. В Вологде успешно осуществляется координация усилий различных учреждений и общественных организаций — управления культуры облисполкома и архивного управления, музеев, архивов, библиотек, вузов, школ, отделения общества и других — по охране и использованию документальных памятников»³. Здесь уместно напомнить и об особенностях социально-экономической и культурной истории области и в целом европейского Севера, определивших весомый вклад народных масс в материальную и духовную культуру⁴.

В данной статье остановимся главным образом на результатах деятельности комиссии и секции (публикация и введение в научный оборот новых или малоизвестных документов, оказание помощи музеям в каталогизации и использовании источников, проблемы их хранения).

Издательская деятельность Северного отделения Археографической комиссии уже представлена значительным числом сборников⁵. В них

¹ Колесников П. А. Рукописные памятники в краеведческих музеях Европейского Севера. — АЕ за 1979 год. М., 1981, с. 142–150; Морозов Б. Н. О путеводителях по документальным коллекциям в государственных музеях Вологодской области. — В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982, ч. I. Памятники нового времени и советской эпохи, с. 75–81; Баладин Н. И. Сбор документальных памятников Великой Отечественной войны. — Там же, с. 82–92; Камкин А. В., Колесников П. А. Юбилей Северного отделения Археографической комиссии АН СССР. — История СССР, 1985, № 2, с. 215–219.

² Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда, 1984.

³ Там же, с. 22, 23.

⁴ Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. Л., 1984; Буганов В. И. и др. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; История северного крестьянства. Вологда, 1984. Т. 1. Период феодализма; и др.

⁵ Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. 1; 1972. Вып. 2; 1973. Вып. 3; Археография

содержится около 200 работ: статей, обзоров, публикаций, документов, информации о работе архивов и музеев Севера. Дана источниковедческая характеристика многим видам документальных памятников истории европейского Севера: писцовым и переписным книгам, летописям и актовым книгам, подворным описям, историко-географическим комментариям, камеральным описаниям, городовым и обывательским книгам, военно-конским переписям, приговорам и прошениям крестьян, владенным записям.

Пристальное внимание уделено характеристике источников эпохи революций и первых лет Советской власти: постановлениям волостных и уездных съездов Советов, протоколам волостных партийных ячеек, местной печати, статистическим материалам, письмам крестьян.

Почетное место в археографических сборниках заняла ленинская тематика: выявлены конкретная взаимосвязь ленинского наследия с историей региона и источники о пребывании сестры Владимира Ильича М. И. Ульяновой в Вологде, предпринята поисковая работа по вологодским адресатам ленинских писем.

Большой интерес представляют опубликованные обзоры источников по истории Севера феодальной и капиталистической эпох, хранящихся в ГИМ, ЦГИА, ГААО и ГАВО. Представлены обзоры местных источников по истории Октябрьской революции, первых аграрных преобразований в отдельных частях европейского Севера, хроника событий 1941—1945 гг. («Вологда прифронтовая»). Вышел в свет библиографический список литературы по истории совхозов и совхозного рабочего класса европейского Северо-Востока 1960—1970-х годов.

В сборниках опубликованы десятки ценнейших документов. Среди них писцовые книги, сотные с писцовых книг XVI в. европейского Севера, выявленные в архивах страны. Тем самым подведены итоги более чем столетних изысканий этих документов⁶. Вместе с такими же источниками, вошедшими в двухтомник «Северная Русь»⁷, они составляют комплекс документов большой научной ценности. Не меньшее значение имеют публикации уникальной подворной переписи Архангельской губ. 1785 г., камеральных описаний, материалов о «владенных записях», ранних автографов М. В. Ломоносова и др.

Получила одобрение широкой общественности поисковая работа и публикация фронтовой переписки. Собрано несколько тысяч писем (из них опубликовано более 400), большинство которых передано на вечное хранение в областной партийный архив, частично возвращено лицам, их хранящим; особенно уникален по содержанию сборник «Письма с фронта и на фронт»⁸.

С 1982 г. началось издание (в форме каталогов-путеводителей) Свода документальных памятников истории и культуры, хранящихся в государственных и общественных музеях области. Этому предшествовала большая подготовительная работа. В середине 70-х годов силами студентов исторического факультета ВГПИ были проведены рекогносцировочные экспедиции по музеям области. Они не только расширили первоначальные представления о наличии в музеях ценных, даже уникальных книг и документов, но и утвердили опасения за их сохранность. Стало

и источниковедение. Северный археографический сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4; Социалистические преобразования и социалистическое строительство северной деревни. Северный археографический сборник. Вологда, 1977. Вып. 5; Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1979. Вып. 7; Крестьянство Севера России в XVI веке. Вологда, 1984.

⁶ Первая публикация сотной датирована 1838 г. (Акты юридические..., 1838, VI, № 228). См. указатель, составленный Ю. С. Васильевым в кн.: Крестьянство Севера России в XVI в.: Прил. Вологда, 1984, с. 174—183.

⁷ Колесников П. А. Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. Вологда, 1971; *Он же*. Северная Русь: Архивные источники по истории европейского Севера России XVIII в. Вологда, 1973.

⁸ Письма с фронта, 1941—1945 гг. Архангельск, 1979; Письма с фронта и на фронт. Архангельск, 1985; Дрыгин А. Подвиг народный.— Правда, 1985, 8 апр.

также очевидным, что силами преподавателей и студентов подготовить каталоги на уровне современных требований и оказать квалифицированную помощь работникам музеев в деле учета, хранения и использования документальных фондов не только невозможно, но и неприемлемо. Опасность дилетантского подхода к намеченной работе заключается в том, что некачественно или неграмотно выполненные описания и обзоры несут неполную или ложную информацию и таким образом вводят в заблуждение музейщиков и исследователей. В этом мы убедились при анализе представленных студенческой поисковой группой обзоров. Рассмотрев первые итоги работы, Бюро Археографической комиссии и секция ВООПИК приняли решение пригласить для разработки научной программы и ее осуществления специалистов разного профиля. В связи с этим вопросы координации приобрели особо важное значение, а также вопросы кооперации как научного потенциала, так и необходимых средств на проведение археографических экспедиций, на оплату разнообразных и немалых издательских расходов.

Поддержка и помощь обкома КПСС, принятие постановления облисполкома об издании Свода документальных памятников облегчали организацию четкой координации и кооперации. Группу специалистов возглавил историк-археограф, книговед, энтузиаст и вдумчивый организатор коллектива старший научный сотрудник БАН СССР кандидат исторических наук А. А. Амосов. В группу вошли археографы, архивисты, музейщики: Б. Н. Морозов, В. В. Морозов, С. А. Морозов, Н. И. Решетников, Н. П. Морозова, М. Ю. Алексеева, а также на первом этапе группа студентов: А. П. Буликов, С. Н. Власов, П. А. Зырин, Т. В. Коткова, С. Н. Кукушкина, Т. Ф. Трофимова и др. Необходимо отдать должное всему составу рабочей группы, выполнившей большую и трудоемкую работу по выявлению памятников письменности и подготовке к печати каталога-путеводителя.

Разработанная программа⁹, включившая пять разделов (рукописные книги, книги кириллической печати 1564—1825 гг., книги гражданской печати 1701—1825 гг., документы периода феодализма и капитализма и документы советского периода), была утверждена на годичном собрании комиссии и секции и одобрена местными и центральными органами и научными учреждениями. К концу 1981 г. завершен первый этап программы: обследованы и описаны фонды районных и народных музеев области. С 1982 г. начался второй этап — обследование и описание документальных памятников в фондах областного музея и его филиалов по более подробной методике научного описания¹⁰.

Одновременно осуществлялось издание Свода в форме каталогов-путеводителей «Памятники письменности в музеях Вологодской области». Общую координацию осуществляли Бюро Северного отделения Археографической комиссии и кафедра истории СССР ВГПИ. Средства выделялись областным управлением культуры, областным отделением ВООПИК и ВГПИ. В состав редколлегии вошли председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт, заместитель директора областной библиотеки Л. М. Воробьева, доктор филологических наук Г. В. Судаков, директор Череповецкого музея Т. И. Сергеева, доценты Н. И. Баландин, А. В. Камкин. Подготовлено восемь каталогов общим объемом более 100 печатных листов. Издавались каталоги по мере их готовности¹¹.

Результаты проведенного учета превзошли все предположения спе-

⁹ Амосов А. А. Вологодская программа: Итоги и перспективы. — В кн.: Охрана и использование документальных памятников истории и культуры, с. 39—49.

¹⁰ Амосов А. А. Сохранить на века. — Красный Север, 1981, 6 авг.

¹¹ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1982. Ч. 1. Рукописные книги; 1983. Ч. 2. Книги кириллической печати (1564—1825 гг.); 1984. Ч. 3. Книги гражданской печати (1718—1825 гг.); Ч. 4, вып. 2. Документы XVI—XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее; Ч. 5. Документы советского периода; 1985. Ч. 4, вып. 1. Документы дореволюционного периода.

циалистов. Каждый из музеев сохраняет как отдельные уникальные памятники, так и комплексы, характерные исключительно для данного района (некоторые из них имеют не только сугубо местное, но и более широкое, в ряде случаев общегосударственное значение). Попытаемся дать предварительный анализ опубликованных источников. Конечно, выявленные книжные и документальные коллекции не могут дать вполне репрезентативное представление о книжности и грамотности населения в дооктябрьский период, о книжных интересах читателей. Однако сложившиеся уже в XVI в. социально-культурные зоны края наложили отпечаток на формирование и дальнейшие судьбы рукописно-книжных традиций, на характер отношения народных масс к актовой документации, а затем и к организации музеев и библиотек в советский период.

Изданные каталоги со значительным числом владельческих записей, а также введенные в научный оборот в последние годы источники массового характера дают основание опровергнуть нередко все еще встречающееся в литературе мнение о якобы исключительной отсталости и неграмотности северного крестьянства. Так, по данным подворной переписи Архангельской губ. 1785 г., дворов с грамотным населением в Архангельской округе (и только в волостях, не имевших школ) было от 13,7 до 27,2%, в Холмогорской — от 8,6 до 29,6%. Обучалось детей (у «мастеров грамоты», церковнослужителей, у грамотных родственников) 350 человек. И это данные только по 18 волостям¹². У нас нет такого качества данных по восточным и северным зонам Вологодской обл. Но преобладание здесь, как и в названных округах, черносошно-государственных крестьян, однотипность социально-экономических процессов, фрагментарные сведения о книжности и грамотности дают право распространить сведения подворной переписи 1785 г. об уровне грамотности и на названные зоны бывшей Вологодской губ.

Перейдем непосредственно к характеристике отраженных в каталогах сведений. В первой части («Рукописные книги», ответственный составитель А. А. Амосов) содержится информация о 537 рукописях в хронологических рамках с конца XIV — начала XX в. Большинство их вводится в научный оборот впервые¹³. Табл. 1 дает представление о наличии и времени создания памятников в каждом музее. От XIV—XVI вв. учтено 41 экз., или 7,5% общего числа; от XVII в. — 49, или 9,1%; от XVIII в. — 186, или 34,9%; всего от XIV—XVIII вв. — 276 книг, или 51,5%. Хотя орнаментированных книг немного, но, например, в Великоустюгском музее пять украшены миниатюрами, орнамент примерно 20 книг Кирилло-Белозерского музея являет высокохудожественные образцы книжного искусства; почти треть рукописей Устюженского музея имеет миниатюры, заставки, концовки.

Наибольшую ценность рукописей светского содержания представляют 13 списков Великоустюгского летописания (Великоустюгский музей), энциклопедический сборник, содержащий выписки из летописных сочинений (Кирилло-Белозерский). Летописец келейный Дмитрия Ростовского, сотные выписи из писцовых и межевых книг, дневниковые записи крестьянина Замараева за 1906—1921 гг. (Тотемский), «Новый летописец» в списке XVIII в., два списка Повести о приходе под Устюжну польских и литовских людей (Устюженский), значительная подборка музыкальных певческих рукописей, две нотоплинные рукописи, написанные не позднее конца XVII в. (Череповецкий). Во многих хранилищах — синодики местных церквей и монастырей, церковноприходские летописи, значительное число рукописей литературного содержания, а также рукописей по истории, географии.

Владельческие записи дополняют сведения актовых материалов о книж-

¹² Колесников П. А. Историко-этнические сведения о северной деревне в подворных переписях XVIII в. — В кн.: Исследования по истории крестьянства европейского Севера России. Сыктывкар, 1980, с. 143—153.

¹³ Памятники письменности в музеях Вологодской области, ч. 1, с. 15, 20 (примеч. 21).

Таблица 1
Общая характеристика рукописных книг (по музеям)

Музей	Общее количество	В том числе по столетиям						Светского содержания (приближенно)
		XIV—XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	
Великоустюгский	101	—	1	7	41	46	6	48
Вытегорский	36	—	1	1	11	15	8	6
Кирилло-Белозерский	138	3	—	13	26	93	3	26
Тарногский народный	5	—	1	1	—	3	—	—
Тотемский	47	1	2	4	21	7	12	30
Устюженский	48	2	9	3	20	11	3	16
Харовский народный	1	—	—	1	—	—	—	—
Череповецкий	161	2	19	19	67	51	3	30
Итого	537	8	33	49	186	226	35	156
%	100	1,5	6,0	9,1	34,9	42,0	6,5	29,4

Таблица 2
Книги кириллической печати

Музей	Всего	В том числе по столетиям				Светского содержания (приближенно)	Уникальные	Очень редкие
		XVI	XVII	XVIII	XIX (1801—1825 гг.)			
Белозерский	4	—	—	2	2	—	—	2
Великоустюгский	202	—	36	141	25	13	3	16
Вытегорский	34	—	3	25	6	1	3	3
Кирилло-Белозерский	953	—	292	483	178	25	45	70
Тотемский	68	—	8	54	6	2	6	8
Тарногский народный	3	—	3	—	—	—	—	1
Устюженский	151	1	28	106	16	4	4	20
Харовский народный	6	—	1	2	3	—	—	—
Череповецкий	352	1	79	233	39	30	9	19
Итого	1773	2	450	1046	275	75	70	139
%	100	0,1	25,4	59,0	15,5	4,2	4,0	11,0

ности и грамотности сельского населения, особенно районов черносотенно-государственного крестьянства. Примечательна запись сборника «богослужбных песнопений» на линейных нотах XVIII в.: «переводы Устюжского уезду Сухонской трети Черного стану деревни Сычугова крестьянина Микиты Кузнецовского, подписал Иван Ключарев сего 1777 году, января 4 дня».

Часть вторая (ответственный составитель А. А. Амосов) дает информацию о кириллической печати (1564—1825 гг.). Нами подвергнуты анализу 1773 книги, которые также практически вводятся в научный оборот впервые (табл. 2). Уникальных и очень редких 209 экз., или 15% всего фонда. Среди них — выдающийся памятник отечественной культуры «Апостол» Ивана Федорова (1564 г.) в хранилище Устюженского музея, ценность которого усиливается уникальной записью, свидетельствующей о свободной продаже этой книги уже в XVI в. В Череповце — Октоих, датированный январем 1594 г., отпечатанный учеником И. Федорова и П. Мстиславца Андроником Тимофеевым Невежей. Книг XVII в. в музеях области выявлено 450, или 25,4% общего их количества. В их числе — «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, буквари, «Арифметика» Л. Ф. Магницкого начала XVIII в., Соборное уложение 1649 г., сказания

о всемирной истории, о событиях в России, кормчие книги — важные источники по истории социально-экономического и политического строя, права, общественно-политической мысли.

Собрание кириллической печати богато записями на полях и чистых листах книг: из общего их числа — 982 экз., или 55,2%, с разного рода пометами; причем в Устюженском хранилище свыше 90 книг имеют точно датированные записи о принадлежности их корпорациям и отдельным лицам. Анализ маргиналий позволяет локализовать место рождения вкладчиков, раскрыть источники и обстоятельства комплектования библиотек прежнего времени, определить сословность владельцев книг, отношение общества к книге как к источнику духовной и материальной ценности. Записи крестьян, ремесленников и мещан обнаруживаются почти на сотне книг. Как на рукописных, так и на старопечатных книгах большая часть помет сделана представителями этих сословий также в зонах «государственного феодализма». Например, «Апостол» (М., 1653) и «Альфа и омега» (Вильно, 1796) имеют владельческие пометы крестьянина Черевковской вол. Сольвычегодского у. Андрея Ивановича Антонова (середина XVIII в.); «Камень веры» Стефана Яворского (Киев, 1730) «пожалована в тотемскую городскую Троицкую церковь крестьянской вдовой Александрой И. Тогозовой перед смертью» (Тотемский у.). Встречаются выписи из церковных летописей: «Черевковская Успенская церковь холодная деревянная построена 1691 года, освящена 1693 года. Другая холодная каменная построена 1729 году, освящена 1731 году. По случаю нового устройства вторично освящена 1802 году». Примечательны записи XVII — начала XVIII в. на книге Соборное уложение: «Сия книга московского купца Микиты сына Поленова про (!) прашению его писала сестра ево Анна Васильевна. Читала Анна Поленова... Читал сию книгу Козма Шведов. Читал сию книгу Иван Лебедев». Из четверых, оставивших пометы на этом памятнике права, — две женщины, умевшие читать и писать.

В таможенных книгах северных уездов XVII в. отражена довольно широкая торговля книгами¹⁴. На европейский Север проникли издания московские Ивана Федорова и А. Т. Невежи, А. М. Радишевского 1606 г. и Печатного двора 1625 г.; типографий короля польского и королевской академии, Вильно, Гродно, Киева, Львова, Могилева, острожской типографии, а затем, с 1716 г., многих типографий Петербурга.

Часть третья (ответственный составитель А. А. Амосов) Свода отражает бытование в прошлом и наличие в районных музеях сейчас книг гражданской печати 1718—1825 гг. Переход от кириллической (сложной по технике набора) к гражданской печати с новым упрощенным образцом русского шрифта — это действительно новый и важный этап книгопечатания и распространения книги. В районных музеях области учтено 20 экз. книг издания уже первой половины XVIII в., в том числе самая ранняя из зафиксированных книг сошла с печатного станка 5 декабря 1718 г. — популярная в то время работа Самуила Пуффендорфа «Введение в гисторию европейскую». С середины этого столетия гражданская печать проникает во все северные уезды. Расширялась читающая часть населения не только за счет дворянства и духовенства, но также и за счет горожан (особенно купечества) и крестьянства. Это опосредованно подтверждается и результатами каталогизации. Книг издания 1751—1800 гг. сохранилось 981 экз., а всего с учетом изданных в 1718—1750 гг. — 1001 экз., или 36% всего учтенного книжного фонда (табл. 3). Из этого числа в музеях Великого Устюга, Тотьмы, Никольска и Вытегры, бывших уездов преимущественно чернососно-государственного

¹⁴ Таможенные книги Московского государства XVII в.: Северный речной путь. Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма. М.; Л., 1950, с. 13, 70, 76, 163, 189, 222, 225, 226. Только в Устюге в 1633—1634 и в 1635—1636 гг. было выявлено 14 экз. печатных книг (псалтыри, евангелия, часовники, минеи и др.). Есть помета, что через Устюг книги на продажу провозились в Сибирь.

Таблица 3
Книги гражданской печати

Музей	Всего	В том числе	
		1718—1800 гг.	1801—1825 гг.
Белозерский*	3	3	—
Библиотека М. М. Булдакова**	1568	408	1160
Великоустюгский	158	78	80
Вытегорский	371	290	81
Кирилло-Белозерский	274	65	209
Никольский народный	1	1	—
Тотемский	352	133	219
Устюженский	44	23	21
Итого	2771	1001	1770
%	100,0	36,0	64,0

*Книги этого района сосредоточены в Кирилло-Белозерском музее.

**Хранится в библиотеке Великоустюгского музея.

крестьянства, — 910 книг (90%). Из изданий 1801—1825 гг. сохранилось 1770 экз.

Среди особо редких и уникальных (имеющихся в одном-двух из пяти национальных российских книгохранилищ) следующие: «Полный курс чистой математики» Е. Д. Войтяховского (т. 1, в издании 1798 г.) «Учреждение для управления губернией...», напечатанное около 1779 г. (Тотемский музей); «Сокращение всеобщей географии» М. А. Матинского (издания 1800 г.); «Повесть о Томасе Ионесе, или Найденыш» Г. Филдинга (СПб., 1771. Т. 4) (библиотека М. М. Булдакова); «Дитя географ, или Краткое введение в математическую и историческую географию и геометрию, разделенное на уроки, вопросы и ответы» Ж.-Ф. Вегелина (М., 1796. Ч. 1) и томики «Тысячи и одной ночи» смоленского издания 1796 г., учтенные только по экземплярам ГПБ (Вытегорский музей).

Литература гражданской печати дает более высокий удельный вес книг светского содержания. Особенно это характерно для собраний музеев Устюга, Тотьмы и др. Так, в библиотеке одного из основателей и многолетнего первенствующего директора Российско-Американской компании уроженца Великого Устюга М. М. Булдакова книги теологического характера составили 5—6% всего книжного фонда. Здесь 170 книг исторического содержания, 27 — по русской и всеобщей географии, 80 — повествований о путешествиях, 72 — античных, русских и европейских авторов и др. В фонде Великоустюгского музея книги теологического характера составляют 21%, остальные — по вопросам истории, естествознания, географии, беллетристики. Судя по сохранившимся книгам, наибольшей популярностью среди тотмичей пользовалась литература исторического содержания (104 экз., или около 30% всего зафиксированного фонда, образовавшегося из частных библиотек краеведа В. Т. Попова, дворян Алексея и Флегонта Баршей, связанных родством с известным адмиралом XVIII в., мещанки Авдотьи Вылякиевой, а также купцов, монастырей и церквей). Второй по численности раздел коллекции составляет беллетристика. Здесь представлены образцы античной литературы (Овидий), европейской (Вольтер, Монтескье, Руссо), российской (Феофан Прокопович, Державин, Жуковский и др.). Для торгово-купеческого и ремесленно-промыслового населения Устюга и Тотьмы, давшего многих видных землепроходцев, характерны увлечение литературой географической, проблемами юридического свойства, интерес к точным и естественным наукам. В бывших районах помещичье-монастырского крепостничества (Кириллов, Белозерск) преобладает литература теологического характера, церковнослужебная.

Что касается записей, то в книгах гражданской печати их тематика значительно разнообразнее, чем в рукописных или книгах кириллической печати; чаще отмечаются место приобретения и стоимость, успехи в учении, своеобразные семейные летописи, записи текстов местных песен и частушек, некоторых подробностей бытового характера. Например, на листах «Полного месяцеслова» Цывилевы вписывают даты бракосочетаний, рождений и смерти членов семейства за 1813—1850 гг., сведения о метеорологических наблюдениях в Устюге за 1846—1865 гг.; вытегорец Василий Лесков в 1775 г. купил «Краткие правила российской грамматики» за 50 коп., в 1776 г. уплатил в Москве 35 коп. за переведенное с итальянского сочинение «Опыт о пользе трезвые жизни», приобрел в 1785 г. в Белозерском уездном казначействе за 1 руб. 50 коп. переведенные с французского Д. И. Фонвизиним сочинения Битобе в девяти песнях. Оригинальна запись в книге Ф. А. Эмина «Российская история жизни всех древних, от самого начала России государей...»: «Читал, а конца и начала не видел». Есть книги с экслибрисами (на книгах краеведа В. Т. Попова).

Часть четвертая (выпуск 1 — ответственный составитель А. А. Амосов, выпуск 2 — Б. Н. Морозов) дает информацию о документальных памятниках досоветского периода. Они являются ценными, а подчас уникальными источниками по истории края; некоторые имеют не только краеведческое, но и подлинно национальное значение. Здесь коллекции личных и родовых архивов крестьян, купцов, помещиков, представителей интеллигенции, корпоративные (церковные, монастырские, учреждений) архивы, фрагменты делопроизводства государственных учреждений. В них представлены памятники письменности — от духовных грамот и платежных расписок представителей податного населения до дневников участников Великой Октябрьской социалистической революции и документов полицейского надзора за деятельностью большевиков в вологодской ссылке.

Формирование и этих документальных памятников определяли социально-экономические особенности развития отдельных районов края. Если в западных районах помещичье-монастырское землевладение оставило коллекции планов Генерального межевания, архивы монастырей, то в северных и восточных имеются семейные архивы крестьян, купечества, документы земского самоуправления, торгово-кредитных операций, промыслово-ремесленной деятельности.

На европейском Севере, в том числе в Вологодской губ., складывался устойчивый интерес к местной истории. Здесь уже во второй половине XVIII — начале XIX в. исторические знания превращаются трудами В. В. Крестинина и других местных историков в историческую науку. Публикации актовых материалов и историко-этнографических заметок в газетах «Вологодские губернские ведомости» (с 1838 г.) и «Вологодские епархиальные ведомости» создавали благоприятные условия для изучения истории края. Организация в 1909 г. одного из самых деятельных северных обществ — Вологодского общества изучения северного края (ВОИСК) — дала новый импульс для исторических исследований, а политические ссыльные, особенно большевики, придали им новую окраску.

В каталогах к обзорам коллекций прилагаются перечни документов только до 1725 г. (табл. 4).

Среди наиболее редких — подлинник «Духовной» игумена Кирилла, традиционно датируемый 1427 г. Долгое время он считался утраченным, а текст, имеющийся в Кирилло-Белозерском музее, нигде не упоминался. Уникален сборник Успенской церкви Белозерска, в составе которого подрядная запись 1552—1553 гг. ростовских зодчих с членами церковного притча и прихожанами церкви о строительстве нового каменного храма. Ценность порядной записи в том, что, по мнению ее новейшего исследователя, она является самым ранним образцом подобных актов в России¹⁵. В целом порядные записи на строительство церквей, особенно

¹⁵ Подъяпольский С. С. Успенская церковь в Белозерске. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.

Таблица 4
Документы XV—XVIII вв.*

Музей	XV—XVI	XVII	XVIII	Итого
Тотемский	4	185	81	270
Череповецкий	1	221	232	454
Устюженский	—	4	43	47
Итого	5	410	356	771

* Сюда входят коллекции и отдельные документы по трем музеям, по остальным выделены лишь за XVI—XVII вв.

сельских, имеют важное значение для установления имен зодчих из крестьян и ремесленников, позволяют конкретизировать вклад народных масс в материальную и духовную культуру.

Среди документов из бывших монастырских архивов — значительное число судебных дел по спорам между монастырями, монастырей с крестьянами, между крестьянами-общинниками. Например, в фонде Воскресенского Череповецкого монастыря на 142 дела больше 100 относятся к различным спорным и судебным, рисующим и некоторые черты общественного и домашнего быта монастырских крестьян. Составитель каталога сопровождает краткой аннотацией содержание многих судебных дел, что поможет исследователю этих сюжетов, тем более что многие из них дают подробную информацию о ходе следствия и решении. Среди документов помещико-вотчинных архивов отложились материалы владений Балашевых, П. М. Бестужева-Рюмина (особенно обширный сборник с общим описанием его имений), В. И. Деметьева, Дерновых, Кудрявых, Лесковых, М. Макшеева, Румянцевых, Федотьевых (Череповецкий музей), Батюшковых, М. В. Дмитриева-Мамонова, Д. В. Мусина-Пушкина, Н. И. Неплюева, Перских, Ушаковых, Щербатовых и др. (Устюженский музей). В целом оба выпуска четвертой части каталога чрезвычайно богаты информацией.

Часть пятая (ответственный составитель Н. И. Решетников) дает информацию о документах советского периода в районных музеях области. Хотя за годы Советской власти их опубликовано много, однако в музеях все еще масса подлинных и самых разнообразных материалов, отразивших все стороны истории области. В. И. Ленин, ценивший соби- рание, изучение и описание опыта с мест, в положительном отзыве на книгу А. И. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом» выразил пожелание, «чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта»¹⁶. Это актуально и для нашего времени. Информация о документах позволит изучить повседневный опыт построения нового общества под руководством партии.

Структура каталога обусловлена составом письменных фондовых коллекций. Каталогизировать каждое дело в отдельности невозможно, это потребовало бы нескольких томов. Обзор строится в алфавитном порядке названий государственных и общественных учреждений и организаций по хронологическо-тематическому принципу. Выделены следующие разделы: 1) обзор письменных источников по периодам — дооктябрьский¹⁷ и установление Советской власти; начало социалистического строительства; довоенные пятилетки; Великая Отечественная война, послевоенный период и современность; 2) документы учреждений и организаций, составляющие самостоятельные тематические коллекции и заключающие в себе все или несколько указанных хронологических периодов; 3) личные фонды; 4) фронтовые письма; 5) воспоминания;

¹⁶ Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 37, с. 407.

¹⁷ Включены документы, связанные только с революционной деятельностью земляков — организаторов Советской власти.

6) краеведческие очерки; 7) периодические издания и местная печать¹⁸. Подлинные и редкие документы аннотируются поединично.

Некоторые документы, отразившие начало социалистического строительства, не утратили значения и сейчас. Так, в фондах Великоустюгского музея хранятся материалы экономического изучения районов строительства железных дорог и проекты строительства этих железных дорог, записка художника А. А. Борисова «Великий северный путь. Изыскания о строительстве железной дороги». Во всех северных музеях хранятся подлинники протоколов волостных и уездных съездов Советов 1917—1925 гг. Богаты фонды документами, отражающими участие вологжан в Великой Отечественной войне. Среди них много подлинников (фронтовые письма, воспоминания участников войны и ветеранов труда). Представляют ценность документы личного происхождения, составившие личные фонды, включая и воспоминания (в Великоустюгском — 17 дел, в Вытегорском — более 70, в Белозерском — более 25, в Кирилло-Белозерском — более 90, в Тотемском — около 150, в Устюженском — более 150). Значительное число личных фондов — в Бабаевском, Никольском, Сокольском, Грязовецком, Усть-Кубинском и других народных музеях. Всего только личных фондов — более 250 и воспоминаний — более 300. В фондах музеев — около тысячи фронтовых писем. Заслуживают внимания документы мемориальных музеев (поэта Сергея Орлова в Белозерском районе, И. В. Бабушкина — в Бабушкинском, поэта А. Я. Яшина — в Никольском районе).

Таким образом, даже общий обзор позволяет представить богатство документальных памятников истории и культуры в районных и народных музеях Вологодской обл. Они несут самостоятельную информацию и дополняют уже опубликованные и хранящиеся в областных и центральных архивах и музеях материалы по истории края. В общих предисловиях по каждому музею составители информируют о времени организации музеев, о вышедшей литературе по истории области, районов, по отдельным проблемам и вопросам. Это дает возможность наиболее полно представить состав документальных памятников во всех хранилищах области и страны. Еще более богаты фонды Вологодского областного краеведческого музея, информация о которых будет дана в готовящихся к печати шести выпусках каталогов-путеводителей. Вероятно, будет предпринята попытка изучить наличие редких книг и рукописей в районных и городских библиотеках. Областная библиотека уже издала каталог своих раритетов¹⁹, который вошел в общий Свод документальных памятников области. Изданием свода работа не заканчивается. Остается проблема сохранения учтенных ценностей, реставрации наиболее редких и уникальных книг и рукописей и многие другие вопросы.

¹⁸ Подробнее см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области, ч. 5, с. 22—24.

¹⁹ Русская книга XVI—XVIII вв. в фондах Вологодской областной библиотеки им. В. И. Бабушкина: Каталог. Вологда, 1980.

Б. С. Илизаров

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ В СВЕТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Одна из основных социальных функций советских архивов — обеспечение общества ретроспективной документной информацией¹. Архивы, будучи в современном социалистическом обществе составной частью государственного управления, являются вместе с тем частью особого института, выполняющего роль социальной памяти, или, иначе говоря, учреждениями, где концентрируется и организуется информация об общественном опыте.

Изучение источниковедческих и архивоведческих вопросов в свете представлений о социальной памяти только начинается. Одним из первых обратил внимание на перспективность исследований в данной области С. О. Шмидт, который поставил вопрос о рассмотрении исторического источника «в плане проблемы „общественной памяти“»². Специалисты в области документоведения и архивоведения также отмечали, что человек в процессе развития создал «внешние органы памяти» — библиотеки и архивы³. Однако более конкретно вопрос не разрабатывался.

Советские психологи считают, что память — это форма отражения действительности, выражающаяся в закреплении, сохранении и последующем воспроизведении человеком своего опыта⁴. Данное определение чрезвычайно близко к определению любой информационной системы, в том числе и архивной, где носителем информации выступает документ⁵. С помощью документа также происходят запечатление, сохранение и последующее воспроизведение общественного опыта. Такое совпадение не случайно, поскольку базой любых социальных систем является человек, его деятельность.

Передача из поколения в поколение накопленного в процессе деятельности опыта является важной основой существования человеческого общества. Индивидуальный и общественный опыт позволяет учиться на прошлом, которое тем самым включается в настоящее и преобразует его. Память дает человеку возможность овладеть временем и стать существом, имеющим свою историю. Таким образом, память человека социальна по своей природе⁶.

«Социальная память» — сравнительно новое понятие. Более раннее происхождение имеют такие термины, как «коллективная память»,

¹ Ваганов Ф. М. Актуальные вопросы архивного строительства в свете решений XXVI съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС.— СА, 1984, № 2, с. 15.

² Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения.— В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 28.

³ Воробьев Г. Г. Проблемы документной информации.— В кн.: Кибернетика и документалистика. М., 1966, с. 5; Илюшенко М. П. О социальной функции документа.— ТМГИАИ. М., 1972, т. 29, с. 208; Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР.— ТВНИИДАД. М., 1974, т. IV, ч. 1, с. 152; Гаазе-Рапопорт М. Г., Сокова А. Н. Психологические факторы в документации и их использование.— Вопр. кибернетики. 1978, вып. 39. Документалистика и психология, с. 30; Ваганов Ф. М. В. И. Ленин и архивное дело.— СА, 1982, № 2, с. 19; Он же. Документальная память истории.— Правда, 1984, 13 нояб.

⁴ Психологический словарь. М., 1983, с. 247.

⁵ Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982, с. 59.

⁶ Роговин М. С. Философские проблемы теории памяти. М., 1966, с. 160.

«историческая память», «память мира», «память человечества» и т. д.⁷ «Социальную память,— пишет один из советских исследователей,— можно охарактеризовать как накопленную в ходе социально-исторического развития информацию, зафиксированную в результате практической и познавательной деятельности, передаваемую из поколения в поколение с помощью социально-культурных средств и являющуюся основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития»⁸.

В настоящее время уже сложились основополагающие идеи концепции социальной памяти: она отлична от системы передачи биологической информации; представляет собой внешнюю по отношению к индивидуальному сознанию коллективную память общества; социальная память служит базисом формирования индивидуального и общественного сознания; в процессе исторического развития социальная память человечества последовательно проходит через качественно различные этапы; на ее объем, содержание, хронологическую глубину и организацию оказывает влияние целый комплекс факторов общественного развития; механизм использования социальной памяти в значительной степени формирует историческое сознание общества⁹.

Наряду с философским и психологическим аспектами проблема социальной памяти, как отмечалось, имеет источниковедческий и архивоведческий аспекты. В архивоведении, на наш взгляд, главным является изучение действия механизма отбора, организации и использования социального опыта, отраженного в документах, на различных этапах развития общества. С появлением письменности эти функции все в большей степени стали выполнять особые институты-депозитарии, т. е. архивы, библиотеки, музеи, органы научно-технической информации, чья специфическая роль состоит как раз в том, чтобы целенаправленно собирать, хранить и предоставлять возможность использовать новым поколениям сконцентрированный в документах опыт прошлого.

С нашей точки зрения, социальная память современного общества состоит из трех основных блоков: 1) сознание живущих людей, т. е. память о социальных действиях самих участников событий или их современников; 2) отчужденные от сознания, овеществленные источники информации и средства ее передачи, специально созданные для этой цели, т. е. документы в широком смысле слова (включая произведения печати, изобразительные, звуковые и т. д.); 3) вещественные объекты, которые не были предназначены для передачи информации, но извлекать которую из них мы научились или в принципе сможем научиться. Таким образом, в социальную память входит содержание библиотек, музеев, научно-информационных систем, средств массовой информации и коммуникации, предметы материальной культуры, память живущих поколений и их трудовые и иные общественные навыки. Архивы, а точнее, документы, хранящиеся в них, составляют лишь часть социальной памяти.

К основным процессам памяти относят: запоминание, сохранение, забывание и восстановление информации. Все эти процессы могут протекать непреднамеренно, т. е. произвольно, и преднамеренно — произвольно¹⁰. Для произвольной формы памяти характерно отсутствие осознанной цели запомнить, сохранить и забыть информацию. В ранее опубликованных работах мы уже рассматривали вопрос об этапах разви-

⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка: Пер. с фр. М., 1973, с. 141—154; Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. М., 1973, с. 53—55; Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиографическую психологию. М., 1977, с. 67, 73; Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935, с. 231—233; Соколов Э. Б. Культура и личность. Л., 1972; и др.

⁸ Ребане Я. К. Принципы социальной памяти.— Филос. науки, 1977, № 5, с. 100.

⁹ Подробнее о концепции социальной памяти см.: Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания: (В свете представлений о социальной памяти).— Вopr. философии, 1985, № 8, с. 60—69. См. там же литературу по вопросу.

¹⁰ Психологический словарь, с. 247—249.

тия социальной памяти человечества¹¹. Не повторяя аргументацию, отметим, что тип социальной памяти, где доминирует непреднамеренное запоминание и воспроизведение, свойствен дописьменным архаическим обществам¹². «Общий фонд памяти» архаического общества носит репродуктивный характер.

После возникновения письменности, впервые позволившей осознанно использовать искусственные знаки как орудия управления поведением человека, запоминания и воспроизведения информации, репродуктивная память хотя и сохраняется, но перестает играть ведущую роль. Социальная память, с нашей точки зрения, переходит во вторую, опосредованную знаковыми системами реконструктивную форму.

Для реконструктивной формы социальной памяти характерно целенаправленное использование знаковых систем, т. е. документов как основных средств сохранения и восстановления прошлого опыта в идеологических, познавательных и дидактических целях. Реконструктивную форму социальной памяти следует считать произвольной, т. е. такой, которая активно направлена на запоминание и восстановление важных с точки зрения данного общества (прежде всего господствующего класса) фактов и явлений. Эта форма памяти избирательна, а по существу, выборочна еще и потому, что «малозначимые» документы изымались и уничтожались, а многие факты и явления вообще не документировались и потому «забывались». Стихийность, свойственная ранним этапам формирования реконструктивной формы социальной памяти, постепенно преодолевается, что, в частности, отразилось в целенаправленном отборе и концентрации документов в ведомственных исторических, а затем государственных архивах и, наконец, в существовании развитой сети архивов различных уровней и профилей.

Базовым элементом репродуктивной формы социальной памяти является документ — знаковая система передачи информации во времени и пространстве. Документ — первое исторически сложившееся средство опосредованного общения, т. е. общения, при котором отсутствует единство времени и места передающего и получающего информацию. Общественные потребности в подобном типе коммуникации возникают в первых государственных образованиях. Такая коммуникация была вызвана текущими нуждами социального регулирования, государственного управления и обеспечения более тесной социокультурной преемственности различных поколений людей, составляющих единую историческую общность. Поэтому, с нашей точки зрения, любой документ, как средство опосредованного общения, выполнял в прошлом и продолжает выполнять в современном обществе три основные социальные функции: коммуникативную, репродуктивную и мнемоническую¹³.

Если коммуникативная роль сводится к тому, чтобы установить с помощью документа контакт между общающимися и создать условия для адекватной передачи и восприятия информации, а регулятивная функция предполагает управление поведением того, к кому обращена информация, то мнемоническая функция состоит в запечатлении (запоминании) этой информации на длительный промежуток времени.

Несмотря на то что в каждом конкретном документе все три функции слиты, уже с появлением письменности и документирования как деятель-

¹¹ Илизаров В. С. Роль ретроспективной социальной информации...; *Он же*. Архив как элемент социальной памяти.— В кн.: Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1980, вып. 2, с. 151–163. Ротапр.; *Он же*. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. Учеб. пособие. М., 1984, § 5, 6. Ротапр.

¹² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984, с. 168.

¹³ Вопрос о социальных функциях документов стал в последние годы предметом обсуждений не только в архивоведении и документоведении, но и в источниковедении. Укажем на одну из последних работ: Воронкова С. В. Эволюция видов письменных исторических источников: (К постановке проблемы).— В кн.: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конф. Днепропетровск, 31 окт.—2 нояб. 1983. М., 1983, с. 28–39.

ности та или иная функция в отдельных документах стала доминировать. Эти функции явились первичными формообразующими факторами, давшими толчок к зарождению видов документов¹⁴. В процессе дальнейшей эволюции видов и разновидностей появились документы с ярко выраженными мнемоническими функциями: эпические, религиозные и научные сочинения, мемуары, дневники, записи речей, высказываний и т. д. и, конечно же, различные жанры исторических произведений.

Обратим внимание на то, что в древних и феодальных архивах государственной власти, в церковных, родовых и семейных архивах целенаправленно сохранялись главным образом документы с ярко выраженными мнемоническими функциями (летописи, анналы, хроники, липцевые своды, поучения, жития и т. д.) или же такие, чьи регулятивные функции действовали длительное время (акты, подтверждающие привилегии господствующих классов, законы, международные договоры, дипломатическая переписка и т. д.). Подчеркнем: мнемонические документы создавались с целью «запомнить» те или иные события и передать это знание потомкам. Их длительное хранение и воспроизводство (переписка) были предопределены самой целевой функцией, т. е. изначально. Документы же второго вида сохранялись потому, что их регулятивная функция не утрачивалась долгое время, иногда в течение столетий¹⁵. Поэтому они, как бы «обрекались» на длительное хранение. Удержание всех этих документов в социальной памяти было естественным и вполне осознанным актом. Иная же документация, чьи регулятивные и коммуникативные функции быстро утрачивались, долго не хранилась, расплывалась и уничтожалась. Эта информация, образно говоря, «забывалась».

Однако классовая и идеологическая борьба во всех формах, нужды государственного управления и регулирования потребовали на определенном этапе длительного сохранения и таких документов, которые по первоначальному целевым функциям не были для этого предназначены (т. е. делопроизводственные, хозяйственные, личные и т. д.). Общественная потребность в архивах как специализированных социальных институтах потому и возникла, что появилась необходимость в закреплении и усилении мнемонических свойств всех видов документов, и в первую очередь оперативного характера. Поэтому историю архивов можно рассматривать как историю развития специализированных общественных мнемонических систем, а архивного дела — как развитие приемов, направленных на их совершенствование. В результате постепенного развития архивы все в большей степени брали на себя функции одновременной социальной памяти, оставляя за исторической наукой функцию актуализации ее содержания. Соплемясь на мнение академика Д. С. Лихачева, который, исследуя причины угасания летописаний в русском государстве, связывает их с тем, что исторические функции постепенно отдавались государством в приказы, архивы, т. е. со становлением института «государственной памяти»¹⁶.

В советском обществе запечатление и сохранение ретроспективной документной информации происходит в процессе формирования Государственного архивного фонда СССР. В настоящее время ГАФ СССР представляет собой целостную систему, постоянно пополняемую документами, главным образом государственных учреждений. Однако целостность эта достигается не за счет тотального, т. е. полного, сбора всех документов, циркулирующих в обществе, а за счет специфически архивоведческих средств — описания, учета, классификации, т. е. организации документов,

¹⁴ Подробнее см.: *Илизаров Б. С.* Актуальные теоретические и методологические проблемы..., с. 35–56.

¹⁵ *Тартаковский А. Г.* О социальных функциях исторических источников. — В кн.: *Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах:* Тез. докл. III Всесоюз. конф. Новороссийск, 1979. М., 1979, ч. 1, с. 66, 67.

¹⁶ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 347 и др.

дел, фондов в связанные множества с разной степенью упорядоченности¹⁷.

Надо осознать: полный сбор всех документов, возникающих и циркулирующих в обществе, не возможен в принципе. Значительная масса уничтожается уже на стадии их подготовки, а также в результате авторской экспертизы ценности или под влиянием многочисленных объективных и субъективных факторов. Поэтому даже в современных, чрезвычайно благоприятных для судеб архивного дела исторических условиях архивистам приходится иметь дело не со всей совокупностью документов, а лишь с какой-то ее частью. Но и эта часть также требует оценки, как и все то, что является продуктом человеческой деятельности и призвано служить удовлетворению общественных потребностей.

Поэтому мы не ошибемся, если подчеркнем: важнейшим принципом, который лежит в основе формирования архивных комплексов всех времен, был принцип выборочности. Перед каждым поколением архивистов вновь и вновь возникал вопрос: какие документы необходимо брать на хранение, а какими можно пренебречь и почему? Каждое поколение архивистов решало эту задачу по-своему. Дело в том, что в среде лиц, имевших дело с ретроспективной информацией, вольно или невольно формировались общие, «модельные» представления о роли архивного документа и архивов в общественном развитии. Эти модели складывались и претерпевали изменения под влиянием тех задач, которые выдвигало общество. Короче говоря, ГАФ СССР, составляющий ныне ядро документированной социальной памяти, в определенной степени является продуктом деятельности архивистов различных исторических периодов и отражает эту деятельность со всеми ее достоинствами и недостатками. Различные части ГАФ СССР дошли до наших современников в виде серии выборок из общей, т. е. генеральной, совокупности документов, циркулировавших в обществе, — Документального фонда страны (ДФС). Причем выборки эти были, образно говоря, «сделаны временем», т. е. складывались под влиянием неизвестных и часто стихийных факторов или были проведены архивистами осознанно и целенаправленно, но по самым различным основаниям и с разной степенью полноты. Перед современными архивистами и источниковедами стоит очень сложная задача — определить степень представительности, или, как теперь говорят, репрезентативности, этих выборок по отношению к ДФС.

В теоретическом источниковедении проблема репрезентативности наиболее развернуто поставлена А. Г. Тартаковским. Он пишет о необходимости решения этой проблемы в каждом конкретном историческом исследовании по отношению к совокупности дошедших до исследователя источников. С одной стороны, необходимо определить их представительность относительно некогда существовавшего комплекса источников, а с другой — относительно самой исторической действительности¹⁸.

В архивоведении решение проблемы репрезентативности отбираемых на постоянное хранение документов относительно всей массы бытующей в обществе документной информации еще более актуально¹⁹. Нами была предложена одна из возможных методик определения представительности современной части ГАФ СССР относительно других письменных документов. Данные, полученные в ходе этого исследования, мы и используем для иллюстрации основных положений²⁰. Но вначале рассмотрим, как исторически менялись представления о той совокупности доку-

¹⁷ Автокрагов В. Н. Фондирование и учет документов: О двух частных теориях архивоведения. — ТВНИИДАД. М., 1978, т. VII, ч. 1, с. 8–44.

¹⁸ Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. — История СССР, 1973, № 6, с. 63–70.

¹⁹ Илизаров Б. С. К вопросу о единстве источниковедческого и информационных подходов при определении ценности документов. — ТВНИИДАД. М., 1976, т. VI, ч. 1, с. 236–273.

²⁰ Илизаров Б. С. Источниковметрические проблемы архивоведения: (Методы измерения объемов письменной информации). М., 1981. Ротапр.

ментов, из которой они отбирались на хранение, и о функциях сохраняемых комплексов.

Общий взгляд на историю отечественного архивного дела позволяет предвзительно выделить ряд последовательных этапов. До начала XVIII в. архивисты имели дело с двумя совокупностями: династийными документами и документами текущего делопроизводства. Если отношение к первой группе документов из классовых соображений было однозначным, то документы второй группы целенаправленно хранились в основном до тех пор, пока их регулятивные свойства окончательно не утрачивались²¹. Историческая и культурная ценность последних в общем-то не осознавалась, несмотря на то что они могли очень длительное время храниться. Документы и той и другой групп все еще непосредственно регулировали текущие социальные отношения, хотя и в разной степени. Их хранили не как орудия памяти и ее восстановления, а как средства управления. Образно говоря, архив тех времен представлял собой текущую политическую «память» сменявших одна другую династий.

После петровских административных реформ перед архивистами и государственной властью, чью волю архивисты исполняли, впервые появился значительный массив документов ликвидированного приказного делопроизводства, казалось бы окончательно утративших оперативное значение. Необходимо было выработать отношение к этим документам. Попутно заметим, что ту же задачу приходилось решать заново после каждой крупной административной реформы. Для дореволюционных архивистов наиболее общей генеральной совокупностью документов, с которыми им приходилось иметь дело, были именно эти комплексы. Массив их от реформы к реформе постоянно нарастал. Однако на протяжении почти всего XVIII в. документы ликвидированных ведомств все еще рассматривались как придатки текущего делопроизводства, которые по тем или иным причинам необходимо держать «под рукой» для памяти. Коротко характеризуя данный этап, можно говорить о формировании «документальной памяти» отдельных ведомств или их групп, реальным воплощением которой стали государственные архивы «старых дел».

Со второй половины того же века, когда началась публикационная деятельность, а историческая наука все более выделялась в самостоятельную отрасль знания, впервые встал вопрос об исторической и научной ценности отдельных видов документов (главным образом династийного, дипломатического и юридического характера). В значительной степени под влиянием этих взглядов в первой половине XIX в. появились исторические архивы (МИД, МАМЮ). Этот этап интересен тем, что впервые в архивное дело был привнесен принцип историзма, хотя, разумеется, в крайне ограниченном классовыми интересами царизма виде. Важно, что при формировании исторических архивов той поры в качестве источников комплектования стали рассматриваться документы не только относительно недавно ликвидированных ведомств, но и отложившиеся ранее в государственных архивах и одновременно документы текущего делопроизводства. Это указывает, на наш взгляд, на появление зачатков документированной долговременной социальной памяти, характерным признаком которой является целенаправленный и вполне осознанный сбор не только древней, но и текущей информации для познания прошлого и оценки через его призму настоящего. Однако информационная основа этой памяти была крайне узка, да и контроль за ней целиком осуществляла верхушечная часть господствующего класса.

Характерной чертой пореформенного архивного дела стала попытка распространения исторического подхода на все документы текущего делопроизводства всех ведомств и соответственно рассмотрения всех этих архивов как исторических. Несколько упрощая, можно утверждать, что крупнейшие буржуазные архивисты, в частности Н. В. Калачов и

²¹ Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984, с. 181, 183–184.

Д. Я. Самоквасов, рассматривали в качестве генеральной совокупности именно данный комплекс, не замахиваясь ни на частновладельческие, ни на церковные архивы. И все же, если бы их проекты архивных реформ были бы осуществлены, начался бы процесс формирования общегосударственной социальной памяти, представленной архивами²². На самом деле этот процесс начался только после Октябрьской революции.

С появлением марксизма-ленинизма — учения о революционном преобразовании мира — социальная память, с нашей точки зрения, обогащается новыми, конструктивными формами и переходит на более высокий уровень развития. Ретроспективная информация используется не только для научной реконструкции прошлого, но и для изучения путей преобразования общества, т. е. для познания будущего.

Конструктивный подход ощущается в любой сфере современной архивоведческой деятельности. Советские архивисты не только реконструируют и сохраняют отжившие информационные системы, но и конструируют новые: Государственный архивный фонд СССР и систему научно-справочного аппарата к нему. На формировании социальной памяти, в том числе ее документальной части, постоянно влияют две противоположные тенденции. Одна ведет к росту документации, увеличению ее объема (рост численности населения, развитие функций государственного аппарата, рост культуры, грамотности и др.). Другая, напротив, к сокращению ее объема (войны, стихийные бедствия, социальные потрясения и др.). И в том и в другом случае велика роль стихийных факторов. Поэтому конструктивный подход предполагает целенаправленное управление процессами социальной памяти от момента фиксации информации до ее организации в хранилищах. Наиболее последовательно этот принцип проводится Государственной архивной службой СССР.

После централизации архивного дела и организации ЕГАФ в качестве генеральной совокупности, из которой формировался последний, стала рассматриваться не только вся совокупность документов государственного аппарата свергнутого режима, но и все частновладельческие, церковные, текущего делопроизводства и в значительной степени личные фонды выдающихся деятелей. На тот момент это была почти вся документация, бытовавшая в обществе. Теоретически ГАФ СССР и генеральная совокупность совпадали. Однако на практике и тогда не господствовало мнение, что все документы без исключения представляют культурную или историческую ценность. Формируя ГАФ СССР как ядро общегосударственной документальной памяти, архивы постоянно выделяли на уничтожение значительный массив документов²³. Поэтому сложившаяся в то время часть ГАФ СССР представляла собой выборку первого порядка.

Перестройка принципов комплектования в начале 60-х годов не изменила общественных функций ГАФ СССР, но повлияла на представления о генеральной совокупности. Они стали намного углубленнее и сложнее. Последняя воспринимается теперь состоящей как бы из трех последовательно вложенных один в другой объемов. Первый объем — это совокупность фондов государственных учреждений, документы которых принимаются и не принимаются на постоянное хранение. Из нее исключаются малоценные фонды. Вторая совокупность — это фонды учреждений, документы которых частично принимаются на хранение. Наконец, третий объем, имеющий иную структурную характеристику, — это виды и разновидности документов, принимаемые на постоянное хранение. Соответственно есть категории документов, которые на хранение не принимаются. Таким образом, современная часть ГАФ представляет собой выборку второго порядка.

²² При написании данного раздела были использованы материалы кн.: *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела. М., 1960; Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней. — ТВНИИДАД. М., 1979, т. VIII, ч. 1, 2.

²³ *Елпатъевский А. В., Колосова Э. В., Шенукова Н. М.* К истории создания и применения систем перечней документальных материалов в советском архивном деле. — ТВНИИДАД. М., 1973, т. II, с. 58.

Рассмотрим теперь, как же соотносятся между собой различные группы современных письменных документов в количественном и тематическом отношении. Сейчас в нашей стране ежегодно может образовываться до 450 млн условных дел²⁴. Сюда, т. е. в ДФС, входит вся письменная документация с бумажным носителем, как делопроизводственная так и личного происхождения, включая черновые, копияные, подготовительные документы и даже ученические работы. Несмотря на эту огромную цифру, ДФС в сопоставлении с остальной массой письменных документов, т. е. произведений печати (общими тиражами ежегодно издающихся газет, журналов, книг и т. д.), составляет всего 1,3%, тогда как на газеты приходится 60,7%, журналы — 23%, книги — 15%. Иначе говоря, кратковременная и оперативная память современного общества на 98,7% состоит из произведений печати.

Деление документированной социальной памяти на три временных уровня (кратковременная, оперативная и долговременная память)²⁵ предполагает, что на каждом из этих уровней происходит отбор информации. Так, при ежегодном приросте ДФС в 450 млн условных дел в долговременную память (ГАФ СССР) отбирается в среднем 3,5 млн архивных дел, т. е. 0,8%. По отношению же ко всему объему письменных источников информации на ГАФ СССР приходится в год всего 0,2%. Иначе говоря, только 0,2% от валового годового объема письменных источников содержат наиболее значимую с точки зрения современных представлений информацию.

Но более правомерно сравнивать ГАФ СССР не со всей массой письменных источников, а с той ее частью, которая также уникальна. Здесь необходимо отвлечься от тиражей и брать за основу только информацию, содержащуюся в одном номере журнала, газеты или в одном экземпляре (названии) книги. Тогда соотношение будет таким: ГАФ СССР — 81%, газеты — 18%, журналы и книги — 1%. Таким образом, ГАФ СССР сосредоточивает в себе большую часть неповторяющейся документной информации.

После проведения авторской экспертизы, когда уничтожаются подготовительные и черновые материалы, а также с учетом требований научной экспертизы ценности, в результате которой изымаются дублетные и копияные документы, объем ДФС значительно сокращается. С учетом автоэкспертизы реальный ежегодный объем ДФС едва достигает 30 — 35 млн условных дел. Дела постоянного хранения, отбираемые из этого объема, составляют уже около 10,5%.

В Главархиве СССР находятся на учете 230 тыс. учреждений страны, документы которых после соответствующего отбора принимаются на постоянное хранение²⁶. Он не располагает сведениями о количестве дел постоянного хранения по некоторым организациям и ведомствам. С учетом данного обстоятельства можно считать, что количество источников комплектования составляет вдвое большую величину. Поэтому, по приблизительным прикидкам, около 500 тыс. фондообразователей, документы которых в той или иной степени принимаются на постоянное хранение, образуют до 20% всей письменной документации страны. Всего же в нашей стране насчитывается около 2,6 млн юридически самостоятельных учреждений²⁷ и 59 млн семей²⁸. Если из их числа исключить те фондообразователи, которые находятся на учете, то на оставшиеся придется до 80% документов. Иначе говоря, менее 1% фондообразователей произ-

²⁴ Условное дело — единица измерения архивных документов, равная 150 листам стандартной бумаги, на каждом из которых находится 1080 письменных (печатных) знаков.

²⁵ По аналогии с тремя уровнями индивидуальной памяти: (Общая психология). М., 1977, с. 291.

²⁶ Ваганов Ф. М. Актуальные вопросы архивного строительства..., с. 18.

²⁷ Методика разработки общенаучного классификатора предприятий и организаций народного хозяйства СССР. М., 1973, с. 18.

²⁸ Народонаселение стран мира: Справочник. 2-е изд. М., 1978, с. 273.

водят пятую часть современной документации, которая в значительной степени берется на постоянное хранение.

Анализ структуры и содержания документальной памяти будет неполным, если мы не рассмотрим ее с тематической стороны. В ГАФ СССР ежегодно сосредоточивается от 80 до 90% информации о деятельности государственной власти и государственного управления, промышленности, планировании, сельском хозяйстве, финансировании, народном образовании, науке, торговле, профсоюзах. Информация, относящаяся к литературе, искусству, книговедению и библиографии, на 76% опубликована (хранится в библиотеках — государственных и личных). Кроме того, 61% информации по транспорту, 46% — по связи, 31% — по строительству и медицине также находится в опубликованных источниках.

Хронологическая глубина ГАФ СССР — около 1000 лет (если брать за точку отсчета наиболее древние документы, относящиеся к истории Руси); в этом отношении с ГАФ СССР могут конкурировать только некоторые памятники материальной культуры. Общий объем ГАФ СССР к настоящему времени составляет 193,2 млн архивных дел, из которых 65,2 млн дел отражают историю дореволюционной России, а более 128 млн дел — историю советского общества²⁹. Таким образом, только за годы Советской власти в долговременной социальной памяти накоплено информации в два раза больше, чем за всю предыдущую историю страны. Поэтому по общей массе современных документов состав государственных архивов достаточно репрезентативен по отношению к ДФС. Но в качественном плане структура современной части ГАФ еще не во всем совершенна.

По нашему мнению, одной из качественных характеристик ГАФ СССР как ядра документированной части социальной памяти является его представительность к общей системе документальных фондов страны как целостной информационной системы. По-видимому, в ГАФ СССР должны быть пропорционально представлены все основные типы фондов, т. е. наряду с фондами государственных учреждений, организаций и предприятий (причем всех видов и уровней) должны быть шире представлены личные фонды творческих работников, а также массовые семейные и личные фонды рядовых людей. Необходимо учитывать классовую, социальную и профессиональную структуру общества, географические и национальные особенности. Если будут привлечены методы математической статистики (выборочные методы), демографии и социологии, то удастся избежать резкого притока документов в архивы, поскольку средний годовой объем тех фондов, которые сейчас не учитываются при комплектовании ГАФ СССР (как государственных учреждений, так и личных), едва достигает 0,4 дела³⁰. (Фонды учреждений, чьи документы принимаются на постоянное хранение, за год в среднем возрастают примерно на 15,2 дела.) Документальная память советского общества должна более гармонично отражать наиболее типичные проявления документальной деятельности всех общественных структур.

Заканчивая рассмотрение вопроса, отметим, что в известной степени современные архивисты находятся перед альтернативой: будут ли социальные функции ГАФ СССР развиваться по линии государственной документальной памяти, или же они значительно расширятся и ГАФ СССР станет ядром социальной памяти общества в целом? Избранный путь и определит модель генеральной совокупности. Если развитие

²⁹ Ваганов Ф. М. Актуальные вопросы архивного строительства..., с. 5.

³⁰ Этот показатель хорошо согласуется с данными, полученными на материале комплектования государственных архивов РСФСР. В современных личных фондах рабочих содержится около 6 ед. хр., колхозников — 5, служащих и интеллигенции — 42 (Иноземцева З. П., Еремченко В. А. Государственные архивы РСФСР. — СА, 1979, № 5, с. 48). Отсюда следует, что средний объем массового фонда личного происхождения — 18 ед. хр. Если же принять, что личный фонд активно складывается в течение 50 лет и в год возрастает на 0,4 ед. хр., то и в этом случае его объем составит практически ту же величину — 20 ед. хр.

пойдет по первому пути, то модель ДФС, по-видимому не претерпит серьезных качественных изменений, хотя количественные и структурные показатели трех указанных объемов, без сомнения, будут меняться. Актуальна проблема установления пропорциональных отношений между ежегодным приростом документального фонда страны и ГАФ СССР. Это же относится и к структурным пропорциям совокупностей. Иначе говоря, требуется дальнейший поиск научных оснований для решения вопроса о необходимом и достаточном объеме документов, отбираемом на вечное хранение в документальную часть социальной памяти.

Развитие функций ГАФ СССР по второму пути, с нашей точки зрения, предпочтительнее. Говоря о развитии модели ДФС в исторической перспективе, мы хотели подчеркнуть, что оно в значительной степени шло по линии постепенного овладения архивистами всей текущей документационной деятельностью общества. Сейчас архивисты все больше сталкиваются с последствиями культурной революции и полной ликвидации неграмотности в СССР. Впервые в истории отечественного архивного дела архивисты ставят вопрос о выработке своего отношения не только к массовой документации вообще, но и к массовым фондам рядовых рабочих, колхозников, интеллигенции³¹. Такие проблемы не возникали даже перед советскими архивистами довоенной поры, не говоря уже о буржуазном архивоведении. С учетом этого обстоятельства модель ДФС становится много сложнее. Соответственно и ГАФ СССР можно будет рассматривать в качестве общесоциальной документальной памяти всего советского периода.

³¹ Мажнов В. М. О собирании документов личного происхождения государственными архивами СССР.— АЕ за 1979 год. М., 1981, с. 9–12; Илизаров Б. С., Зубкова Е. В., Акимова М. А. Проблемы изучения личных информационных, документальных и архивных фондов.— В кн.: Научно-информационная деятельность государственных архивов. М., 1983, с. 121–148.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ ЛАТИНСКИХ ГРАМОТ (часть третья)

В предыдущих частях настоящей работы¹ нами были рассмотрены первые 74 статьи новых международных Правил издания латинских грамот².

Продолжим обзор принципов передачи текста. В Правилах указывается, что сложные слова или выражения, составленные из нескольких простых слов, передаются одним словом в тех случаях, когда подобные словосочетания зафиксированы в классической латыни. Это касается в первую очередь слов, образованных с помощью наречий или предлогов, как, например, *in pacem*, *in senon*, *in etenim*, *in attamen*.

Вместе пишутся также выражения, состоящие из несклоняемого слова и причастия прошедшего времени страдательного залога (*participium passivum*) или глагола, образующего с несклоняемой частью речи устойчивое словосочетание: *in iudicium*, *in infamatum*, *in subterfirmum*, *in subterfirmum* и др.

Выражения же, составленные из двух склоняемых слов, обычно разделяются на слова. Это касается как географических наименований (*Calvus Mons*; *Clara Vallis*, *Longus Pons* и т. п.), так и правовых понятий (*mortua manus*, *manus firma*). Но если первая часть такого выражения перестает склоняться в составе устойчивого словесного оборота или все выражение превращается в производное прилагательное в этом обороте, оно передается одним словом: *monasterium Claravallis*, *abbas Claravallensis*, *predium Longipontense*.

Правила рекомендуют употребление прописных букв в соответствии с современной практикой без учета особенностей рукописи, даже когда дело касается оригинала, т. е. заглавная буква должна ставиться в начале каждого параграфа, после точки и в начале имен собственных, обозначающих лиц и географические (топографические) объекты. Это правило полностью соответствует принципам, принятым и в советской археографии.

В Правилах говорится, что с большой буквы следует писать названия, обозначающие бога (*Deus*, *Dominus*, *Salvator*) и деву Марию (*beata Virgo*), относящиеся к античным божествам (*Jovis ales* — орел Юпитера), названия церковных праздников (*Pascha*, *Nativitas Domini*), самых выдающихся институтов (*Ecclesia* — вселенская церковь, *l'Eglise universelle*; *Empire* — империя; *Parlamentum* — парламент), определения мест и учреждений, начинающиеся словами *Sanctus*, *Beatus*, *Dominus* (*abbatia Sancti Germani*, *porta Sancti Jacobi*, *Villa Domni Petri*). Это соответствует употреблению заглавных букв в литературе ряда стран Западной Европы и Америки, а также дореволюционной России.

В советской литературе и археографии действуют, как известно, несколько иные нормы, и большинство «божественных» и церковных понятий, кроме собственных имен богов, пишется со строчной буквы. Правда, в археографии наблюдаются нюансы, связанные со смысловой

¹ Каштанов С. М. Современные принципы издания латинских грамот (ч. 1). — АЕ за 1983 год. М., 1985, с. 37—48; (ч. 2). — АЕ за 1984 год. М., 1986, с. 75—88.

² Normalisation internationale des méthodes de publication des documents latins du Moyen Age (Colloque de Barcelone, 2—5 oct. 1974). Rome, 1977, p. 1—22; Normes internationales pour l'édition des documents médiévaux. — In: *Folia Caesaraugustana*. Zaragoza, 1984, [vol.] I, p. 15—46.

функцией слова. Так, в АСЭИ при передаче богословской преамбулы «святаго деяя Спаса» последнее слово пишется с маленькой буквы³; однако, когда оно обозначает Спасский монастырь, его начинают уже с большой буквы⁴. Впрочем, подобная дифференциация выдерживается не всегда последовательно. Например, в АСЭИ в грамоте нижегородского князя Александра Ивановича слово «Спаса» в богословской преамбуле написано со строчной буквы⁵, а в подтверждении князя Федора Юрьевича, где вновь употребляется богословская преамбула, но в несколько иной редакции («Милости ради святаго Спаса»), это же слово в той же функции начинается с заглавной буквы⁶. В богословской преамбуле жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю в АСЭИ слово «Троицы» пишется с большой буквы («Святыя деяя Троицы») ⁷, что представляется правильным, хотя в данном случае словом «Троица» обозначается не столько монастырь, сколько троица как теологическое понятие.

Непоследовательность можно заметить и в передаче названий церковных праздников. Скажем, названия «Збор», «Зборное воскресенье» в АСЭИ, АФЭХ (ч. 2, 4) и в публикации «Книги ключей» передаются с большой буквы⁸, а в АФЭХ (ч. 1) и в публикации «Долговой книги» — с маленькой⁹.

Думаем, что при издании исторических источников феодальной эпохи для названий праздников следует придерживаться норм международных правил, что в значительной мере и соблюдается на практике.

Правила предусматривают написание с заглавной буквы слов, которые характеризуются как «заменители имени собственного» (*substitus d'un nom propre*). Само это определение неточно. Речь идет о формулах достоинства в так называемых «общих титулах»¹⁰: *beatissimus Pater, Excellentia sua, Sanctitas vestra*. В советских изданиях исторических источников формулы достоинства пишутся обычно со строчной буквы, например «светлость» в титуле «наша светлость» в договоре 911 г. с Византией¹¹. Но в современной официальной переписке с иностранными корреспондентами и в некоторых формах официальной информации соблюдаются обычаи, соответствующие международным правилам.

В Правилах говорится о написании с заглавной буквы прилагательных, образованных от названий мест или имен лиц, в применении к физическим или юридическим лицам и институтам: *episcopus Parisiensis, comes Flandrensis, ecclesia Barchinonensis*.

В новейшей советской археографии установилась практика передачи с маленькой буквы географических элементов титула как светских государей¹², так и церковных иерархов¹³. Впрочем, можно встретить и отступления от этого принципа¹⁴. Представляется, что географические элементы титула надо писать с прописной буквы тогда, когда они идут

³ АСЭИ. М., 1958, т. 2, № 435–437, 439, с. 478, 480, 482 и др.

⁴ Там же, № 434, 438, 440, с. 478, 481, 482 и др.

⁵ Там же, № 435, с. 478.

⁶ Там же, с. 479.

⁷ Там же, 1952, т. 1, № 94, 95, с. 77 и др.

⁸ Там же, № 133, 239, 246, с. 103, 169, 246 и др.; АФЭХ. М., 1956, ч. 2, № 395, с. 442; АФЭХ. Л., 1983, [ч. 4], № 153, с. 189; Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М.; Л., 1948, с. 41, 43, 47, 72, л. 79, 83, 100а об., 166 об.

⁹ АФЭХ. М., 1951, ч. 1, № 263, 287, 294, с. 236, 247, 250; Книга ключей и долговая книга..., с. 126, л. 21.

¹⁰ Об этих титулах подробнее см.: *Шенелев Л. Е.* Чины, звания и титулы в России. — СИЭ. М., 1976, т. 16, стб. 57–58.

¹¹ ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. 27, с. 179. См. также формулы «величества» в издании посольской книги начала XVII в.: *Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг.* М., 1979, с. 194, 195, 215 и др.

¹² ДДГ. М., 1950, № 90, с. 364 (полный титул Ивана III); АРГ. М., 1975, № 134, с. 131 (полный титул Василия III).

¹³ АФЭХ. М., 1961, ч. 3, № 315–341, 342/IV, 343–354, 356–358, с. 308–337 («патриарх московский»); *Посольская книга...*, с. 52, 80 («митрополит ростовской и ярославской»).

¹⁴ *Посольская книга...*, с. 53, 80 («патриарх Московский...»), с. 161 (полный титул царя Михаила Федоровича).

после определения ранга (сана) носителя власти (царь, князь, патриарх, митрополит и т. д.), ибо в этом случае весь титул носит строго официальный характер. Со строчной же буквы географические элементы титула должны писаться тогда, когда они предшествуют определению ранга, поскольку такое построение характерно для менее официальных формулировок, часто ограничивающихся указанием лишь одного из географических элементов.

Что касается тех определений духовных лиц, которые образованы от названия монастыря, церкви или села, то в наших изданиях они даются иногда со строчной, иногда с заглавной буквы. Мы рекомендуем при издании актов XIV—XVI вв. во всех подобных случаях придерживаться написания со строчной буквы¹⁵.

В Правилах подчеркивается, что прилагательные, происходящие от названий мест или имен лиц, пишутся со строчной буквы, если они относятся не к лицам или институтам, а к предметам, понятиям: *moneta parisiensis*, *denarius turonensis*, *mensura trecensis*, *mos trevirensis*. В применении к русским актам это соответствует, например, написанию названия земель по принадлежности их тому или иному монастырю: «троицкая земля» (но не «Троицкая»), «никольская земля улеминская» (но не «Никольская... Улеминская»). Однако подобные же названия, образованные от имен и фамилий конкретных владельцев, пишутся с прописной буквы: «Ондреевская земля Бутенева»¹⁶.

В Правилах отмечается, что поскольку определения лиц по профессии или происхождению (*les noms de profession et les qualificatifs d'origine*) в средние века часто передавались из поколения в поколение, они могут рассматриваться как имена собственные, если их наследственный характер установлен. Следовательно, вопрос о написании таких определений с прописной или строчной буквы оставляется на усмотрение издателя¹⁷.

В Правилах напоминается, что не пишутся с большой буквы названия месяцев и дней недели, титулы (имеются в виду так называемые «частные титулы»¹⁸, т. е. определения ранга, сана), звания, должности, имена прилагательные (не образованные от собственных имен), даже в том случае, когда они относятся к богу (*Incarnatio dominica*). Эти положения полностью соответствуют принципам советской археографии.

Далее в Правилах трактуется вопрос о пунктуации¹⁹. Авторы Правил считают невозможным передать в публикации пунктуацию источника. Они указывают, что отдельные категории документов вообще не имели пунктуации, а документы, оригиналы которых создавались в нескольких экземплярах, могли иметь в каждом экземпляре свою особую пунктуацию, наконец, копии не воспроизводили пунктуацию оригинала. Кроме того, в современном типографском наборе нет знаков, позволяющих передать пунктуацию средневековых документов.

И все же для некоторых текстов делаются исключения. Так, предлагается воспроизводить пунктуацию архаических текстов, представляющую особый интерес для филологов. Это касается прежде всего англосаксонских и ирландских актов. При издании их признано полезным передавать и пунктуацию оригиналов²⁰.

Для большинства же средневековых актов в качестве основного критерия расстановки знаков препинания в публикации источника предлагается современная система; причем каждая страна исходит из своих национальных традиций в области пунктуации, что делает невозможным создание каких-либо общих вполне точных рецептов на этот счет. Ре-

¹⁵ *Каштанов С. М.* Из опыта актовой археографии.— АЕ за 1982 год. М., 1983, с. 53.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. См. наши наблюдения на этот счет. Во всех случаях мы касались определений, наследственный характер которых доказать невозможно.

¹⁸ О них см.: *Шепелев Л. Е.* Указ. соч., стб. 57—58.

¹⁹ *Normalisation...*, p. 24; *Normes...*, p. 47—48.

²⁰ *Normes...*, p. 47.

комендуется использовать в нужных случаях вопросительный и восклицательный знаки, тире и круглые скобки для выделения длинных вводных предложений и фраз, кавычки перед цитатами, двоеточие перед перечислениями и взятыми в кавычки цитатами. Правила предостерегают от злоупотребления запятыми и точками с запятой.

Нам кажется, что не следовало бы злоупотреблять и круглыми скобками, ибо они используются для локализации текста, идущего от лица издателя (например, в них заключаются буквы, привносимые издателем при раскрытии аббревиатур). Может быть, все вводные фразы, даже когда их несколько подряд, лучше выделять с помощью тире, а не круглых скобок.

Правила устанавливают, что, если пунктуация издаваемого оригинала представляет бесспорный интерес с филологической или палеографической точек зрения, о ней следует сказать в примечании или в предисловии к тому.

В предисловии могут быть отмечены и даже проанализированы специфические особенности какой-либо канцелярии или ее нотариия в области пунктуации²¹. Из советских актовых изданий пунктуация источника воспроизводится только в публикациях филологов²².

К вопросу о пунктуации примыкает вопрос о передаче двух точек, следующих одна за другой в строке (..) и ставившихся перед именем или титулом получателя или другого лица для того, чтобы подчеркнуть, что документ адресуется ему в официальном порядке, а не в личном плане и, следовательно, его заместитель, наместник или иной какой-либо агент может ознакомиться с актом и привести в исполнение содержащиеся в нем распоряжения. Учитывая это значение двух точек, Правила рекомендуют сохранять их: ..episcopo Eboracensi; ..Petro de N., ballivo Constantinensi aut locum tenenti ejus.

Однако, поскольку точками принято обозначать утраченные буквы, может быть, две точки перед именем, титулом или званием следует набирать другим шрифтом, более жирным.

Правила уделяют внимание передаче помет (les mentions hors texte), расположенных на сгибе или под сгибом листа. Согласно Правилам, пометы публикуются сразу после самого текста акта, но предваряются указанием их местоположения. Это указание помещается в скобках и дается курсивом:

(*Sur le repli:*) Per dominum regem. R. de Molins. Rescripta de mandato vestro. Jac.

(*Sous le repli:*) Sine financia de mandato speciali domini regis.— Sigillatum de sigillo Castelleti in absentia magni. Jac.

В наших публикациях актов принцип передачи помет совершенно такой же, однако указание местоположения пометы приводится без скобок. В самом деле, при последовательном употреблении курсива в основном лишь для составительного текста скобки при курсиве излишни.

Особый случай представляют пометы на актах папской канцелярии. Их предлагается печатать не после основного текста документа, а в легенде при описании оригинала, причем тоже с указанием местоположения пометы²³.

Адрес, помещенный в «закрытых письмах» (lettres closes) на обороте листа или на полоске, обеспечивавшей закрытость документа, должен публиковаться, по мнению авторов Правил, в начале письма. Перед адресом в скобках дается указание его местоположения, набранное курсивом:

(*Au dos:*) Domino nostro fideli consorbino, domno Amedeo comiti Sabaudiae.

Предложение печатать адрес раньше основного текста спорно. В та-

²¹ Ibid..., p. 47.

²² См., например: Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. М., 1978.

²³ Normes..., p. 48.

ком размещении есть, как нам кажется, элемент модернизации структуры документа. Интересно, что копии, передавая текст оригинала, обычно не воспроизводят адрес²⁴.

Подписи рекомендуется набирать капитальными буквами (*en petites capitales*) в правой стороне строки, предваряя их словом *Signé* (подписано), которое должно печататься курсивом и помещаться в скобках:

(*Signé*:) CHARLES

Когда документ контрассигнирован, контрассигнация публикуется по тем же правилам, что и подпись, с указанием места, где она помещена в оригинале:

(*et plus bas, signé*:) NEUVILLE

Эти рекомендации, кроме уже отмеченного спорного положения о скобках, не вызывают возражений.

Правила объединяют в одну группу пометки о регистрации документа, обложении его пошлиной, сдаче в архив и пребывании в архиве (*les mentions d'enregistrement, de taxation, d'archivage etc.*). Все эти элементы предлагается не включать в публикацию текста, а приводить в описании документа, в легенде или в примечаниях. В наших изданиях так называемые «пометки», отличающиеся от «помет», также публикуются отдельно от текста документа после обозначения места хранения, шифра и размеров рукописи, по которой документ издается, описания филиграней и печати²⁵.

Однако под «пометками» у нас подразумеваются почти исключительно архивные надписи, связанные с хранением и описанием документов в архиве. Записи об обложении грамоты пошлиной включаются в состав не «пометок», а «помет» и печатаются сразу после основного текста как интегральная часть самого документа²⁶. Этот подход представляется правильным, поскольку и сам факт взимания пошлины и ее размер отражают механизм работы канцелярии и социально-политические особенности эпохи выдачи или подтверждения грамоты. Так же и регистрационные пометки, сделанные в канцелярии, нельзя ставить в один ряд с архивными пометками, ибо первые в отличие от последних — неотъемлемая часть текста документа в том виде, в каком он вышел из канцелярии.

Значительное внимание уделяется в Правилах «критическому установлению текста» (*Etablissement critique du texte*), под которым подразумевается создание текста для издания, включая сюда не только определенным образом подготовленный текст самого документа, но и относящийся к нему аппарат палеографических примечаний и вариантов.

При этом различается несколько случаев. Один из них — когда сохранился оригинал. Правила исходят, как уже отмечалось, из принципа уважения оригинала, т. е. исправления текста не допускаются. Вместе с тем предложение улучшенного чтения того или иного места может быть сделано в примечании. Если чтение оригинала кажется странным, т. е., скорее всего, ошибочным, примечание издателя начинается со слова *sic* (так!). В советских публикациях к слову «так» прибавляется «в рукописи» (сокращенно: «так в ркп»). Это добавление вызывается скорее требованиями стиля, чем реальной необходимостью разъяснить, где «так».

В Правилах признается в принципе ненужным давать разночтения (варианты) к оригиналу по копиям, за исключением следующих моментов: 1) когда некоторые из копий содержат разночтения, представляющие интерес для лингвистики или топонимики; 2) когда эти варианты

²⁴ См., например: *Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае: (Документы)*. — В кн.: Из истории Татарии. Казань, 1973, сб. 5, с. 19–21, № 4, примеч. 5–13. (Учен. зап. КГПИ. Вып. 116).

²⁵ См., например: АРГ, № 23, 32, 89, 99, 193, 205, 211, 222 и др.

²⁶ Там же, № 99, 205.

соответствуют неверной интерпретации смысла оригинала²⁷; 3) когда они имеют значение для понимания традиции акта; 4) когда, наконец, они представляют собой позднейшие интерполяции или сокращения текста. В наших рекомендациях относительно методики издания русских актов указывается, что «минимальные разночтения к подлиннику возможны в случаях, когда они представляют особый историко-географический, генеалогический или терминологический интерес»²⁸.

Если дошло несколько оригиналов одного документа (используя нашу архивную терминологию, их можно определить как «размноженные подлинники»), в качестве основного, согласно Правилам, выбирается наиболее хорошо сохранившийся, независимо от того, кому он первоначально принадлежал — отправителю или получателю. В примечаниях даются разночтения по другим оригиналам (А², А³ и т. д.). Если два оригинала составлены в двух не вполне одинаковых редакциях совпадающие части их издаются во всю длину строки, а различающиеся части — в два столбца параллельно. Правила распространяют такой способ публикации и на акты, представленные двумя разными редакциями, из которых одна дошла не в оригинале, а в копии.

Если акт сохранился в единственной копии, текст рекомендуется издавать без внесения в него поправок, за исключением случаев крайней необходимости. В принципе же все предложения о поправках авторы Правил советуют давать в примечаниях.

Иные решения предлагаются, когда акт сохранился в нескольких копиях (но оригинал его отсутствует). Изучение копий и их соотношение²⁹ должно привести издателя к выводу, какая копия или какая группа копий ближе всего к оригиналу. В избранный текст могут вноситься поправки по другим спискам с тем, чтобы в итоге был создан текст, наиболее близкий к утраченному оригиналу. При выборе основного текста и поправок к нему издатель может руководствоваться знанием особенностей той или иной канцелярии или даже отдельного писца. При этом Правила рекомендуют не забывать, что у более трудного чтения (*lectio difficilior*) больше шансов считаться достоверным, если только мы не имеем дело с абсолютно невежественным писцом, который был не способен понять то, что он переписывал. При выборе лучшего чтения целесообразно провести предварительно выявление графических и слуховых ошибок писца (*la critique paléographique... et parfois la critique auditive*). В качестве ошибок первого типа Правила отмечают путаницу в передаче отдельных букв и буквосочетаний (*de lettres ou groupes de lettres*), неправильное прочтение цифр и т. п. Ошибки второго типа в Правилах не расшифровываются; но, вероятно, имеются в виду такие искажения, которые характерны для переписки текста не прямо с рукописи, а под диктовку. Заметим, что методика выявления подобных ошибок мало разработана как в западноевропейской, так и в русской палеографии.

В Правилах обращается внимание на то, что списки, сделанные высококвалифицированными учеными (*de bons érudits*) XVII—XVIII вв., даже когда они не оформлены как юридически аутентичные копии подлинника (*même informes*), превосходят своей близостью к оригиналу внешне более тщательные и часто более ранние списки, вышедшие из-под пера грефе, нотариев и других профессиональных писцов. По мнению составителей Правил, древность списка сама по себе еще не является свидетельством его наилучшего качества, тем более что переписчик мог поновлять или сокращать текст, никак это не оговаривая. Вместе с тем Правила предостерегают и от абсолютизации качеств копии, выпол-

²⁷ Данное положение имеется в первоначальном тексте Правил (*Normalisation...*, р. 25), но отсутствует в окончательном (*Normes...*, р. 49).

²⁸ *Каштанов С. М.* Из опыта..., с. 70.

²⁹ О схемах соотношения копий и их буквенном обозначении см.: *Normalisation...*, р. 12—14; *Normes...*, р. 32—34; *Каштанов С. М.* Современные принципы..., [ч. 1]. — АЕ за 1983 год.

ненной писателем эпохи классицизма, когда имелась тенденция «улучшать» средневековую латынь или, во всяком случае, графику переписываемых текстов.

В порядке параллели к эрудитским копиям XVII—XVIII вв. с латинских грамот укажем аналогичные списки с русских грамот, сделанные в начале XIX в., например, участниками Румянцевского кружка³⁰. Для этих копий характерна весьма высокая степень точности в передаче текста. Конечно, они не отражают графику грамот XIV—XVII вв., но зато в них не проводится раскрытие аббревиатур, выносные пишутся над строкой, орфография не модернизируется (как в позднейших изданиях Археографической комиссии), пропуски текста из-за повреждений рукописи отмечаются многоточиями. В ряде отношений (и прежде всего в плане орфографии) русские «эрудитские копии» ближе к оригиналу, чем списки XVI—XVII вв.

Когда дело касается «простых графических вариантов», Правила рекомендуют придерживаться написания основного списка или группы копий, признанных в качестве основного списка.

Вопрос о группе списков, принимаемых в качестве основного, затрагивается в Правилах мимоходом, и конкретные способы решения этого вопроса здесь не указываются. Вместе с тем предложение считать несколько списков основными может означать переход от принципа публикации источника к принципу реконструкции оригинала и публикации уже не реально сохранившегося в виде той или иной копии текста, а текста реконструируемого, созданного самим издателем.

В наших актовых публикациях последних десятилетий такой подход к изданию актов обычно не практикуется. Чаще всего акт, сохранившийся в нескольких копиях, печатается по древнейшей из них с указанием разночтений по другим спискам. Впрочем, в тех случаях, когда в более ранней копии имеются пропуски букв, слов или целых фраз вследствие повреждения рукописи или когда отсутствуют позднейшие подтверждения, все эти недостающие части текста привносятся в публикацию в квадратных скобках из других списков, т. е. здесь соблюдается тот же принцип, что и при издании подлинника. Если же основной список систематически дополняется и исправляется по другим спискам (хотя и с оговоркой каждый раз в примечании), публикация приобретает характер реконструкции³¹. Публикации-реконструкции допустимы скорее как исследовательские работы. При массовом издании актов этот метод следует использовать ограниченно. Целесообразнее класть в основу публикации акта одну копию, давая к ней варианты.

В Правилах рассматривается еще и такая ситуация, когда издается картулярный (копийная книга), но текст того или иного акта, помещенного в картулярии, сохранился также в подлиннике или в копии лучшей, чем в картулярии. Во Франции и в Англии принято в этих случаях печатать текст оригинала, заменяя им текст картулярия, который приводится только в вариантах к подлиннику. Поступая так, исходят из мнения, что историк должен располагать прежде всего текстом самого оригинала. В Италии и немецкоязычных странах иная практика. Там, когда в основу издания кладется картулярный, его рассматривают в качестве целостного кодекса, подобно тому как подходят филологи к рукописям литературных памятников. Поэтому тексты всех актов публикуются по рукописи картулярия, а если отдельные акты дошли в подлинниках, разночтения подлинника с картулярием приводятся в примечаниях.

В советской актовой археографии примером издания картулярия является АФЗХ, ч. 1 (1951), где Л. В. Черепниным была опубликована копия книга XVI в. митрополичьего дома (ГИМ, Синод., № 276,

³⁰ ГБЛ, Собр. Румянцева, кн. 52—59.

³¹ См., например: *Каштанов С. М.* Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины: (Соотношение текстов). — ЗОР ГБЛ. М., 1966, вып. 28, с. 138—141.

л. 1—369 об.). Текст даже тех актов, которые сохранились в подлиннике (а их считанные единицы)³², печатался здесь по копийной книге. В разделе «Примечания» составитель привел сведения о подлинниках и других списках публикуемых актов, а также о предшествующих изданиях их. Разночтения ни по подлинникам, ни по другим спискам не давались.

Все эти особенности АФЗХ, ч. 1, определялись тем, что сборник Синод., № 276 содержит основную массу наиболее ранних списков грамот митрополичьего архива³³, другие списки, как правило, более поздние (XVII в.); подлинники же за редкими исключениями не дошли.

Таким образом, опыт издания сборника Синод., № 276 показывает большую близость нашей практики к итало-немецким, чем к англо-французским, традициям.

В Правилах проводится мысль, что следует публиковать текст, имевший наибольшее распространение и, следовательно, представлявший наибольший исторический интерес. По мнению авторов, это особенно очевидно, когда дело касается документов, включенных в исторические труды (*dans un texte historiographique*) типа картуляриев-хроник. Данная рекомендация кажется мне крайне расплывчатой и неясной.

Правила затрагивают далее вопрос о способах отражения в публикации чистых мест, оставляемых писцом для имени лица, географического названия, цены, даты и т. п. До последнего времени немецкие и французские археографы оставляли в этих случаях и в публикации чистое место, а в сноске внизу страницы делали соответствующее примечание. В Правилах признается более целесообразным следовать итальянской системе, которая состоит в том, что пропуск изображается таким количеством набранных над строкой маленьких звездочек, сколько букв примерно могло бы поместиться в рукописи на оставленном чистом месте: *Willelmus et ***** uxor sua*.

В Правилах не говорится, должен ли издатель отмечать наличие чистых или не дописанных до конца строк и т. п. чистых мест, не предназначавшихся для вставки определенных данных, а связанных больше с эстетикой письма и расположением текста. Думается, что археография не может полностью игнорировать этот вопрос.

В Правилах рассматривается затем вопрос о повторах слов в рукописи и о начатых, но по забывчивости писца недописанных (и не зачеркнутых) фразах, замененных по ходу письма другой фразой, выражавшей ту же мысль. В большинстве стран публикаторы исправляют ошибку писца, т. е. не повторяют лишнее слово и не дают начало неоконченной фразы, а лишь в примечании сообщают о чтении в рукописи. Однако во Франции было принято помещать эти чтения в круглых скобках в самом тексте, причем ошибочность их оговаривалась в примечании. Ссылаясь на многозначность круглых скобок, Правила отвергают эту французскую практику. Признано ненужным помещать лишние слова в тексте. Их наличие должно быть отмечено в примечании как очевидная ошибка. При явном же пропуске в тексте одного или нескольких слов, необходимых по смыслу, они восстанавливаются в квадратных скобках. Все эти положения Правил в целом соответствуют теории и практике советской археографии. Впрочем, принципы реконструкции недостающих слов в Правилах не раскрыты. Имеется в виду в основном восстановление слов по смыслу. Иногда восстановление возможно также по формуляру.

В Правилах говорится о способах передачи интерполяций при публикации документа. Среди интерполяций различаются вставки, сделанные

³² АФЗХ, ч. 1, № 15, 132, 232; ср. с. 272, 276, 279. В издании не отмечено наличие подлинника документа № 223. См.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века, ч. 2.— АЕ за 1960 год. М., 1962, с. 160—161, № 841.

³³ Подробнее см.: *Клосс В. М.* О составе копийной книги московского митрополичьего дома.— В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1978, вып. 5, с. 107—112.

преднамеренно, для искажения текста (фальсификации), и помещенные по ошибке (в качестве пояснения, толкования или глоссы). Правила рекомендуют уделять интерполяциям специальное внимание, особенно когда дело касается раннесредневековых документов. В немецкоязычных странах, Бельгии и Франции в соответствии с устойчивой археографической традицией всякая интерполяция заключается в остроугольные скобки < > и публикуется в том самом месте текста, где находится в источнике. Мнение публикатора по поводу этой интерполяции излагается в критическом комментарии, сопровождающем издание. Если издатель имеет в своем распоряжении две редакции документа — одну, соответствующую тексту оригинала, а другую — с интерполяцией, он публикует достоверную редакцию, приводя интерполяцию в примечании. В Правилах отмечается, что в Италии остроугольные скобки имеют другое предназначение: в них заключаются реконструируемые части текста, которые в источнике утрачены; итальянские филологи выделяют интерполяцию квадратными скобками, а для дипломатиста эти скобки являются знаком восстановления пропуска в тексте. В Испании при наличии нескольких систем условных обозначений остроугольные скобки употребляются для указания пропусков, заполняемых по смыслу; интерполяции же включаются в текст без скобок и лишь оговариваются в подстрочном примечании. В некоторых наших изданиях, главным образом филологических, остроугольные скобки также применяются как знак реконструкции пропуска. Авторы Правил подчеркивают желательность большей унификации в международном масштабе способов передачи интерполяций. По их мнению, немецко-бельгийско-французская система, строго различающая употребление квадратных и остроугольных скобок, позволяет избежать в этом отношении какой-либо двусмысленности.

Здесь хотелось бы напомнить еще об одной функции остроугольных скобок: в них могут заключаться зачеркнутые части текста при публикации черновиков с ярко выраженными чертами правки.

Некоторые специальные дополнения, сделанные самим писцом над строкой, Правила предлагают либо снабжать примечанием, где этот факт должен быть оговорен, либо, следуя практике английской археографии, помещать между двумя апострофами или надстрочными запятыми. Речь идет о дополнительных определениях того или иного свидетеля в списке свидетелей, например:

mo Rupini
Testes: W., W.

Передача текста по английской системе должна быть при этом следующей: Testes: W. 'monachus'; W. 'Rupini'. Поскольку это правило касается лишь списка свидетелей, который в русских актах подобных дополнений обычно не содержит, и учитывая, что в нашей литературе надстрочные запятыя неупотребительны, мы не видим необходимости применения такого способа выделения надстрочных слов при издании актов текстов, хотя, по-видимому, надстрочные запятыя наряду с остроугольными скобками могли бы найти применение при публикации черновиков, в которых слова, оставленные или зачеркнутые в строке, сочетаются с многочисленными надстрочными вставками. Технические возможности передачи особенностей текста черновиков весьма ограничены, а снабжение каждого слова примечанием о его местоположении делает аппарат сносок крайне громоздким. При публикации же беловиков актов, с чем обычно имеет дело наша актовая археография, указание в примечании о расположении того или иного слова над строкой не представляет сложности.

Под «критическим аппаратом» (*l'apparat critique*) в Правилах подразумеваются варианты и палеографические примечания, хотя последний термин авторами Правил не употребляется. «Критический аппарат, который содержит, с одной стороны, [не включенные в основной текст] чтения других источников текстовой традиции [т. е. варианты] и, с другой — примечания, касающиеся установления [основного] текста, составляет первый [по близости к тексту] этаж сносок внизу страницы, [на-

бренных] во всю длину строки» (*à longues lignes*)³⁴. И варианты, и палеографические примечания получают общую буквенную нумерацию от «а» до «z», продолжаемую в случае исчерпания алфавита двойными буквами — от «aa» до «zz». Для этой нумерации рекомендуется использовать антикву, т. е. латинские буквы прямого шрифта. Размер шрифта в Правилах не указан, но подразумевается мелкий шрифт — петит или нонпарель, причем буквы используются только строчные. Очевидно, антиква принята для буквенной нумерации не повсеместно. Так, в одном из новых томов чешского дипломатария, вышедшем после составления Правил, знаки буквенных сносок набраны нонпарелью курсивом³⁵.

Советская практика издания актов в послевоенные годы дает примеры несколько иного подхода к оформлению «критического аппарата», причем различаются две тенденции. Одна из них представлена в АФЗХ, другая — в АСЭИ. В АФЗХ — и палеографические примечания, и варианты без какого-либо принципиального или пространственного разделения помещаются внизу страницы в качестве постраничных сносок³⁶, причем в ч. 2 и 3 каждая печатная страница имеет свою нумерацию сносок, в ч. 4 — нумерация сносок подокументная (но размещение постраничное). В отличие от рекомендаций, содержащихся в Правилах, палеографические примечания и варианты в АФЗХ нумеруются цифрами, а не буквами и располагаются каждое в отдельной строке, а не во всю длину строки, хотя последнее экономнее и применяется у нас же при издании летописей и других нарративных источников.

В АСЭИ то, что Правила именуют «критическим аппаратом», помещается обычно не в виде подстрочных сносок внизу страницы³⁷, а после легенды как особый раздел публикации того или иного документа. Такой же порядок принят в АРГ. В АСЭИ часто видим после легенды раздел, носящий название «Примечания» или «Примечание» (это слово набирается петитом в разрядку). В предисловии к АСЭИ, т. 1, сказано: «Раздел примечаний может быть использован для примечаний не только к тексту акта, но и ко всем пунктам легенды, требующим дополнительных замечаний, неуместных почему-либо в самих этих пунктах»³⁸. Кроме того, в том же предисловии предусмотрена возможность выделения в особый абзац раздела вариантов: «В случае если ведется систематическое сопоставление публикуемого текста с каким-либо иным и вариантов довольно много, для них отводится отдельный абзац под названием „Варианты“»³⁹.

Вместе с тем в АСЭИ этот раздел встречается относительно редко и фигурирует под разными названиями: «Варианты»⁴⁰; «Разночтения»⁴¹; «Примечания и варианты»⁴²; «Варианты... и примечания»⁴³; «Разночтения... и примечания»⁴⁴. Три последних подзаголовка свидетельствуют о том, что составитель (И. А. Голубцов) считал вполне возможным объединение в одном разделе «примечаний» и «вариантов» или «разночтений». Весьма часто он включал варианты в раздел «примечаний»⁴⁵, лишь иногда оговаривая это⁴⁶. Неповсеместность раздела «Варианты»

³⁴ Normes..., p. 52.

³⁵ Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae/Ed. J. Sebánek, S. Dušková. Praga, 1981, vol. 5, fasc. 2 (*далее*: CDB).

³⁶ Варианты в АФЗХ встречаются чаще всего в ч. 2 (см. № 302, 383 и др.).

³⁷ Но см. такое расположение: АСЭИ. М., 1964, т. 3, № 231, 2916, с. 252–254, 311–315.

³⁸ Там же, т. 1, с. 12.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, № 245, 584, 585, 588, 591, 594, с. 173, 467, 469, 477, 484, 490; т. 2, № 325, с. 307; т. 3, № 231, с. 253, 254.

⁴¹ Там же, т. 1, № 8, 17, с. 30, 35.

⁴² Там же, т. 3, № 5, 9, с. 18, 26.

⁴³ Там же, № 79, 80, 82, с. 112–114.

⁴⁴ Там же, № 2916, с. 311.

⁴⁵ См., например: Там же, т. 2, № 314, с. 279; т. 3, № 16, 28, 74, 81, 83, 87, 182, 190, 310, с. 33, 52, 108, 114, 115, 119, 197, 205, 340.

⁴⁶ Там же, т. 2, № 310, с. 271 («приводим здесь же более значительные разно-

подчеркивается в отдельных случаях определениями: «важнейшие»⁴⁷, «более важные»⁴⁸, «более значительные»⁴⁹, которые предшествуют слову «варианты» или «разночтения». Последовательное разделение «примечаний» и «разночтений» проводится в АРГ в соответствии с правилами И. А. Бульгина. Четкое разделение абзацами палеографических примечаний и разночтений означает прямое следование практике издания летописей в ПСРЛ. В целом этот принцип возражений не вызывает, хотя название «Варианты» представляется более удачным, чем «Разночтения». Сами подзаголовки «Примечания», «Варианты» или «Разночтения» набраны по-разному в АСЭИ и АРГ: в АСЭИ — петитом в разрядку, в АРГ — курсивом, как и легенда. Первый способ выделения этих разделов является более рельефным, а потому и более предпочтительным.

Помещение примечаний и вариантов не под строкой внизу страницы⁵⁰, а после публикации текста акта характерно не только для советской археографии последних десятилетий, но и для некоторых изданий латинских грамот, например для чешского дипломатария⁵¹; причем, поскольку тут соблюдается принцип приведения легенды до публикации текста документа, текст не отделяется от «критического аппарата» легендой, что имеет свои преимущества. Вообще расположение всей легенды до самого текста целесообразно именно потому, что этим сразу создается основа для понимания «критического аппарата», идущего или под строкой, или позади текста. Органическая же связь между текстом и «критическим аппаратом» сильнее, чем логическая связь между составительским заголовком и текстом. Правда, и в чешском дипломатарии есть промежуточный элемент, отделяющий текст от «критического аппарата». Это описание печати. Но все же следование «критического аппарата» почти непосредственно за текстом избавляет чешских издателей от необходимости привнесения подзаголовков типа «Примечания» или «Разночтения». Вместо этого после указания печати проводится короткая горизонтальная линия, как для отделения сносок от основного текста, и с новой строки повторяется номер акта в томе, сопровождаемый точкой, после чего под буквенными номерами следуют примечания и варианты.

В АСЭИ, т. 1, и АРГ для примечаний используется цифровая нумерация, для вариантов и разночтений — буквенная, в АСЭИ, т. 2 и 3, И. А. Голубцов стал применять и для вариантов цифровую нумерацию⁵², что непоследовательно. В международных Правилах о цифровой нумерации ничего не говорится. Из публикации чешского дипломатария видно, что цифровая нумерация резервируется для примечаний другого рода — разъяснительных, по существу факта, или библиографических.

В Правилах обсуждается вопрос о том, как должны быть оформлены знаки буквенной нумерации для «критического аппарата», в виде ли просто буквы, или буквы со скобкой справа, или же, наконец, всю букву следует заключить в скобки: *Vepe^a*, или *Vepe^a*, или *Vepe^(a)*. Последнее решение кажется авторам Правил наилучшим, так как оно избавляет от двусмысленности в тех случаях, когда знак примечания или варианта ставится при цифре: *III^a*, или *III^(a)* или *III^(a)*. Первое изображение допускает чтение *tertia*, что искажает смысл (*tres, tria*). В чешском дипломатарии, однако, буквенные знаки в тексте употребляются без скобок. Возможность же неправильного понимания исключается благода-

чтения»); т. 3, № 26, с. 47 («Отметим здесь варианты...»), № 78, с. 112 («¹ Вариант Синод. сп.»).

⁴⁷ Там же, т. 1, № 660, с. 589; т. 3, № 77, 313, с. 111, 345.

⁴⁸ Там же, т. 1, № 17, с. 35.

⁴⁹ Там же, т. 2, № 310, с. 271.

⁵⁰ Иногда, впрочем, И. А. Голубцов прибегал и к подстрочной подаче вариантов или объединенных вариантов и примечаний. См.: АСЭИ, т. 3, № 231, 2916, с. 252–254, 311–315.

⁵¹ Из новых томов см.: CDB, vol. 5, fasc. 2.

⁵² АСЭИ, т. 2, № 325, с. 307; т. 3, № 5, 9, 77, 79, 80, 82, 231, 2916, 292, 312, 313, 324, с. 18, 16, 111–114, 252–254, 311–315, 318, 342, 345, 354.

ря тому, что эти буквы набраны курсивом непарелью и сам шрифт ясно отличает данные знаки от букв текста. Чешский опыт следовало бы рекомендовать для внедрения, ибо решение вопроса с помощью шрифта предпочтительнее, чем усложнение опознавательного знака двумя скобками. Но если в тексте актов издатели чешского дипломатария не употребляют скобок при буквенных номерах, то само примечание или вариант они начинают с буквы, после которой ставится скобка. Учитывая, что буква эта набирается непарелью и помещается над строкой, наличие здесь еще скобки не кажется необходимым. В АСЭИ, т. 1, буквенные обозначения вариантов в тексте даны всюду прямой непарелью над строкой. Сами варианты во всех случаях, кроме одного, начинаются с такой же буквы, набранной прямой непарелью и помещенной над строкой без скобки⁵³. В одном случае варианты начинаются с букв, набранных петитом и помещенных в строке, причем справа они отграничены скобкой⁵⁴. Употребление тут скобки объясняется размером букв, не отличающим их от соседних, и расположением этих буквенных номеров не над строкой, а в строке. В АРГ номера вариантов последовательно обозначаются и в тексте, и в разделе «Разночтения» прямыми непарельными буквами, стоящими над строкой без скобки.

Правила умалчивают о том, каким шрифтом следует набирать знак сноски непосредственно перед текстом примечания или варианта, т. е. в самом «критическом аппарате». Однако примеры, приведенные в статье 93, показывают, что и тут применяются строчные буквы антиквы, не отличающиеся по размеру от букв, используемых в тексте примечания; причем в публикации Правил 1977 г. после знака сноски в примечании ставится точка, а в сарагосском переиздании 1984 г. — скобка. В обоих изданиях знак сноски перед примечанием помещается в строке, а не над строкой⁵⁵.

В Правилах поднимается весьма актуальный для всех археографов вопрос о месте постановки знака отсылки к варианту в разных случаях соотношения основного текста и вариантных. Наиболее простой случай, когда вариант относится к одному слову, после которого и ставится знак сноски (*l'appel de note*). Если вариант касается нескольких слов, возможны разные решения. Правила говорят лишь о том, что в этом случае принято помещать знак сноски после последнего из слов, к которым относится разночтение. Постановка знака сноски после первого и последнего слов разночитаемого отрывка предусматривается в Правилах для тех случаев, когда дело касается целой части фразы или всей фразы (*sur un membre entier de phrase ou sur toute une phrase*). Вместе с тем вероятность наличия внутри такого отрывка слов, требующих, в свою очередь, приведения варианта (*des mots intermédiaires*), побуждает авторов Правил считать более предпочтительным постановку знака сноски после первого слова. Одновременно отмечается, что некоторые издатели предпочитают, напротив, ставить знак сноски после последнего слова, указывая в самой сноске пределы, т. е. начало и конец, разночитаемого места, например *de... villa*. Правила не настаивают на исключительном преимуществе того или иного приема, а только подчеркивают необходимость полной ясности в указании соотношения основного текста и разночтений.

Нам представляется, что во всех случаях, когда разночтение касается двух и более слов, предпочтительна «опоясывающая» сноска, иначе говоря, постановка знаков сноски после первого и последнего слов варьируемого места текста. Эта практика довольно распространена. Сноски типа ^{a-a} встречаем в АСЭИ, АРГ, чешском дипломатарии и др. Сноски к «промежуточным» словам внутри отрывка, охваченного сносками типа ^{a-a}, даются с помощью букв, следующих по алфавиту после употребленных в «опоясывающей» сноске. Так, в публикации одной из

⁵³ АСЭИ, т. 1, № 8, 17, 584, 585, 591, 594, 660.

⁵⁴ Там же, № 245, с. 173.

⁵⁵ Normalisation..., p. 28; Normes..., p. 52.

грамот 1270 г. в чешском дипломатии последняя часть документа, где указаны лица, присутствовавшие при его составлении, охвачена знаками сносок ^{g-s}, а в соответствующем примечании отмечено, что это место написано в А другим пером и другими чернилами. К одному из «промежуточных» слов в данном контексте сделано примечание ^h, в котором говорится, что написание *relicte* дается вместо *relicta*, читаемого в А ⁵⁶. Хотя дело здесь касается, по существу, не вариантов, а палеографических примечаний (мы уже упоминали, что и те и другие в западной актовой археографии вводятся буквенными знаками), система «копоясывающей» сноски вместе с «включенными» предстает из этого примера достаточно ясно.

Обратим внимание на некоторые более сложные ситуации. Если различие дается к части текста, состоящей из нескольких слов, по типу ^{a-a} и при этом еще нужно дать особый вариант к первому или последнему слову отрывка, после последнего слова может быть поставлена не та же, что после первого, а следующая по порядку буква алфавита: «Гридка Д ^{a-b} Гришка Тихонов В Г. Если в вариантах типа ^{a-b} между начальным и конечным словами встречаются отдельные слова, к которым имеются особые различия, номер варианта, первоначально предназначенный для конечного слова, увеличивается на число промежуточных вариантов: ^{a-a} нет В ^b у Г ^c которого Д ^d были Е Ж. Те же приемы выглядят еще нагляднее, когда применяется не буквенная, а цифровая система отсылок. Первый случай: ¹в из г ¹⁻²др. черн. Второй случай: ¹⁻⁴над строкой ²и из е ³зач. ⁴второе н по смыслу ⁵⁷.

В Правилах рассматриваются два различных способа передачи вариантов в сносках. Один из них, наиболее распространенный в немецкой археографии, состоит в том, что от слова, к которому имеются различия, делается отсылка, но само это слово в вариантах не повторяется, а приводятся лишь другие чтения. Текст сноски (после указания ее номера) начинается с обозначений списков, где содержатся другие чтения, — заглавными буквами прямого шрифта, (антиквы); затем даются сами различия. В составе вариантов могут фигурировать и различия с предшествующими изданиями; причем сначала обозначается издание (в соответствии с принятым списком сокращений), а потом воспроизводится вариант. Шрифтовые выделения, судя по приведенному в Правилах примеру, в этой системе не предусмотрены: а. или а) *CD potentis*; *Mur. potest*.

Другой способ передачи вариантов, характерный для французской археографической школы, предполагает, во-первых, повторение в сноске самого варьируемого слова с указанием всех текстов, где чтение такое, начиная с основного текста и, во-вторых, приведение относящихся к этому слову различий. Расположение элементов сноски тут иное, чем в немецкой системе: после номера сноски идет сам вариант, затем буква, обозначающая текст, где этот вариант находится: а. или а) *potens B, potentis CD, potest a.-b.* → или б) *atque est BS, et etiam Da*. Как видим, обозначения списков и изданий в этом примере в отличие от предыдущего даются курсивом, варианты разделяются запятой, а не точкой с запятой, одна сноска (а) отделяется от другой (б) посредством точки и тире. Последний момент вообще характерен для западных изданий. Тире между сносками встречаем и в чешском дипломатии, тогда как у нас такое использование тире не практикуется.

Французская система представляется в целом удобной, хотя едва ли есть необходимость повторять в сноске чтение основного текста — достаточно привести различия по другим текстам. Авторы Правил считают,

⁵⁶ CDB, vol. 5, fasc. 2, N 621, p. 226.

⁵⁷ Другие примеры см.: *Каштанов С. М.* Возникновение русского землевладения в Казанском крае, с. 16–17, 20–21; *Он же.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в.: (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.). — В кн.: *Историография и источниковедение: Вопросы методики исследования.* Казань, 1978, с. 136–142 (Учен. зап. КГПИ. Вып. 184).

правда, что благодаря представлению в сноске всей совокупности различий текстологическая картина становится более ясной (ибо сразу указываются группы списков с одинаковым чтением, в то время как умолчание о списках, совпадающих с чтением основного текста, лишает сноску полной текстологической наглядности). Кроме того, по мнению авторов, приведение и совпадающих и расходящихся чтений одновременно позволяет видеть, к одному слову или к нескольким словам относится вариант. Однако эта сторона дела может быть лучше отражена «опоясывающей» сноской, даваемой в тех случаях, когда варьируют несколько слов.

Если вариантом является отсутствие более или менее значительной группы слов, Правила рекомендуют отмечать в сноске это обстоятельство указанием границ отсутствующего отрывка (первое и последнее слова, разделенные многоточием или тире) с последующим сокращением *om.* (т. е. *omis* — опущено) или *deest* (отсутствует) и литерным обозначением списка, где данный отрывок отсутствует: а. или а) *Itaque... volumus om. C.* Думаем, что более рационально отмечать границы отсутствующего текста опоясывающей сноской типа «^a нет (или *om.*) В без приведения начального и конечного слов. Правила не говорят о том, как отмечается отсутствие одного слова. Вероятно, для этого требуется одинарный знак сноски: «нет (или *om.*) В. В такой сноске, как нам кажется, нет необходимости повторять пропущенное слово.

В Правилах рассмотрена также возможная система вариантов для тех актовых публикаций, где принято нумеровать строки издаваемого текста — оригинала или, за его отсутствием, копии, положенной в основу издания (о нумерации строк, особенно в новейших испанских публикациях, см. ст. 46 Правил⁵⁸). В этом случае предлагается отсылка к номерам строк без введения нумерации вариантов и с простым отделением одной сноски от другой посредством точки с запятой:

1—5: *potens B, potentis CD, potest a; atque est BC, et etiam Da.*

Несмотря на удобство этой системы с точки зрения упрощения набора — отсутствие дорогостоящих буквенных обозначений номеров вариантов в тексте и сносках (о чем говорится в Правилах), возникает опасение, что соотношение между текстом и сносками может оказаться недостаточно ясным. Отсутствие знаков сноски сделает невозможным применение «опоясывающих» сносок вместе с включенными в них сносками. Оно неизбежно приведет также к увеличению числа пояснительных слов в сносках и повторениям в ряде случаев чтений основного текста.

Расположение и шрифтовые соотношения элементов вариантной сноски (после буквенного обозначения ее номера) кажутся самыми оптимальными во французской схеме: сначала дается текст варианта прямым шрифтом, затем литерные обозначения списков курсивом. Аналогичная структура вариантов — в дореволюционных томах ПСРЛ с той лишь разницей, что литерные обозначения списков не выделяются в них курсивом, а литеры во многих томах разделяются точками⁵⁹, хотя в отдельных томах ставятся рядом без разделительных знаков⁶⁰, как в приведенных выше примерах немецкой и французской систем. В некоторых новых томах ПСРЛ структура вариантной сноски та же, однако нумерация вариантов цифровая, надстрочная, а литерные обозначения списков разделяются запятыми. Приближение к французской системе проявляется здесь в том, что обозначения списков набираются курсивом⁶¹. В ряде новых томов ПСРЛ, однако, принята система расположе-

⁵⁸ Normalisation..., р. 17; Normes..., р. 38—39; Каштанов С. М. Современные принципы..., ч. 2.

⁵⁹ См., например: ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6; СПб., 1862—1904, т. 9—12, 13, первая половина.

⁶⁰ ПСРЛ. СПб., 1910, т. 14, первая половина.

⁶¹ См., например: ПСРЛ. М.; Л., 1959, т. 26; т. 27, с. 172—260; М., 1968, т. 34, с. 206—233; М., 1975, т. 32, с. 15—126.

ния элементов сноски более близкая к немецкой: сначала приводятся литерные обозначения списков, затем — сам вариант. Литеры даются курсивом и разделяются запятыми⁶². Во всех этих томах тоже надстрочная цифровая нумерация вариантов, в то время как буквенная отдана палеографическим примечаниям. Цифровая нумерация вариантов в ПСРЛ может быть мотивирована тем, что вариантов на странице обычно гораздо больше, чем палеографических примечаний, для которых используется более громоздкая буквенная система отсылок. Этот принцип прямо противоположен дореволюционной практике нумерации вариантов (буквами) и примечаний (цифрами) в ПСРЛ, а также современным Правилам издания латинских грамот, но применение его в ПСРЛ тем не менее вполне оправданно. В некоторых актовых публикациях, наоборот, сочтено целесообразным давать вариантным сноскам буквенную нумерацию, а палеографическим примечаниям — цифровую. Так делалось в основном в АСЭИ и систематически в АРГ. Предполагается, вероятно, что палеографических примечаний к акту бывает больше, чем разночтений. Чаще всего так оно и есть, однако в отдельных случаях И. А. Голубцов сталкивался с наличием огромного числа разночтений и тогда прибегал к цифровой нумерации вариантов⁶³. В АРГ для разночтений последовательно используется только буквенная нумерация сносок.

И. А. Голубцов не придерживался строгой схемы построения вариантных сносок. Источник, по которому давались разночтения, он указывал, как правило, в первой сноске, а в последующих приводил текст разночтения либо с пояснениями и повторными ссылками на источник, либо без таких пояснений в зависимости от степени сложности текстологической ситуации. Текст разночтений он почти всегда заключал в кавычки⁶⁴, авторский (составительский) текст при этом не выделялся курсивом, литерные обозначения спискам не присваивались, ссылка на источник давалась посредством простого указания шифра рукописи и номеров листов или публикации и номеров страниц⁶⁵. Источник обычно указывался до текста варианта, т. е., условно говоря, в соответствии с принципами немецкой школы, хотя и с более выраженным оттенком описательности, который создавался предлогом «в» перед указанием вариантного источника. Такая же схема (предлог «в», обозначение архивного шифра списка и затем текста варианта) характерна для АРГ, где, однако, не употребляются кавычки, а делаются шрифтовые выделения: составительский текст набирается мелким курсивом, а текст варианта — прямым петитом⁶⁶ (в АСЭИ вся сноска дается петитом). Эта дифференциация шрифтов вполне соответствует системе набора примечаний и вариантов в ПСРЛ и может быть признана целесообразной. Такая же вариация шрифтов применяется в чешском дипломатии, и при этом еще сам текст варианта или всякое вообще чтение источника заключаются в кавычки принятой на Западе разновидности⁶⁷, которые точнее было бы назвать полукавычками: ‚ ‚. Употребление кавычек при условии, что текст источника дается прямым шрифтом, а составительский — курсивом, кажется излишним, и оно не предусмотрено в международных Правилах издания латинских грамот. Не предусмотрено там и разделение запятыми литерных обозначений списков, хотя этот прием практикуется в чешском дипломатии и (по аналогии с ПСРЛ) в наших публикациях грамот, относящихся к Казанской земле (см. сноски 24, 35, 57). Слабым местом вариантов сносок АРГ является тяжеловесное начало, обусловленное неприменением литерных обозначений списков.

Обобщая сделанные наблюдения, мы приходим к выводу, что вариант-

⁶² ПСРЛ. Л., 1977, т. 33, с. 148–217; Л., 1982, т. 37, с. 56–125, 150–159.

⁶³ АСЭИ, т. 3, № 231, 2916.

⁶⁴ Единственное замеченное нами исключение из этого правила, т. е. варианты без кавычек, см.: АСЭИ, т. 1, № 17.

⁶⁵ Там же, № 8, 245, 584, 585, 588, 591, 594, 660; т. 2, № 310, 314, 325; т. 3, № 5, 9, 16, 26, 28, 74, 77–83, 87, 182, 190, 231, 2916, 292, 310, 312, 313, 324.

⁶⁶ Подробнее о построении этих сносок см.: *Каштанов С. М.* Из опыта..., с. 71.

⁶⁷ CDB, vol. 5, fasc. 2.

ная сноска должна выглядеть следующим образом: буквенный номер варианта (нонпарелью над строкой); текст разночтения (петитом); литерное обозначение списка или списков (курсивные заглавные буквы) без разделения литер знаками препинания; точка, если разночтение исчерпывается одним вариантом, и запятая, если следом приводится еще один вариант к тому же месту, и т. д. Для разделения двух вариантных сносок тире, на наш взгляд, не требуется; достаточно точки.

В Правилах ставится вопрос о том, насколько полным и всеобъемлющим должен быть «критический аппарат». Правила советуют не очень его засорять. Прежде всего предлагается не учитывать так называемые «бесполезные» копии (о которых говорилось в статье 31 Правил⁶⁸), если имеются «полезные», или же не учитывать копии вообще, когда сохранился оригинал (за исключением особых случаев, оговоренных ранее). Почитается за благо игнорировать также слишком дефектные копии, даже если они сделаны непосредственно с оригинала. Обилие в них описок (bévues) способно загроздить «критический аппарат», не принеся существенной научной пользы. Рекомендуются не принимать в расчет и сомнительные по своему происхождению «новые» копии (copies «modernes»), источник которых неясен, но может быть возведен к более ранним публикациям. Вместе с тем представляют интерес, с точки зрения авторов Правил, рукописи, послужившие источником распространения ошибочных чтений и взглядов или бывшие в научном обороте. Отмечается, что источником неверных интерпретаций документа могли быть и дефектные копии, которые в таком случае достойны упоминания, хотя и в порядке исключения⁶⁹.

⁶⁸ Normalisation..., p. 12; Normes..., p. 31–32; см. также: *Каштанов С. М.* Современные принципы..., ч. 1, с. 44.

⁶⁹ Продолжение статьи см.: АЕ за 1986 год.

С. Е. Князьков

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ИСТОМЫ ПАШКОВА И ИСТОРИИ ЕГО РОДА

Фамилия Пашковых достаточно известна в отечественной историографии¹. Из средних провинциальных детей боярских, какими являлись Пашковы во второй половине XVI в., некоторые в следующем столетии получили чины жильцов и стольников. Афанасий Пашков — знаменитый сибирский воевода, жестокий тюремщик Аввакума; Егор Иванович Пашков, денщик Петра I, был членом Военной коллегии и астраханским губернатором. Известным представителем рода является и Филипп (Истома) Иванович — военачальник повстанческого войска во время Первой крестьянской войны в России. Надо отметить, что биография И. Пашкова изучена слабо. Основная причина — скудость источниковой базы. Исследователю приходится довольствоваться данными, приводимыми в общих справочниках по генеалогии дворянских родов². Некоторые биографические сведения об Истоме собраны С. Ф. Платоновым и И. И. Смирновым³. В основном же историков интересовала его деятельность уже во время восстания И. И. Болотникова. Но многое в его биографии остается неясным. Противоречивы показания источников о происхождении Истома. Так, «Иное сказание» называет его «атаманом казачьим», «Новый летописец» — «совлопенином сыном боярским», указная грамота в Пермь от 9 декабря 1606 г. — «ефианцем». В «Карамзинском хронографе» находим следующее упоминание: «...а с тулены и с коширяны и с веневици Истома Пашков, а не Веневе был сотник»⁴. Иностранцы, как правило, называли И. Пашкова просто «воеводой» или «начальником мятежников». Остаются неизвестными даже даты его жизни⁵.

Основным источником по истории этого рода могла бы явиться родословная роспись, поданная в Разрядный приказ после отмены местничества и хранившаяся еще в XVIII в. в Разрядном архиве⁶. Но ее подлинник погиб, вероятно, в 1812 г. Копия росписи дошла до нас в составе книги справок Московского разрядно-сенатского архива. Копия была составлена в 1787 г. по запросу из Сената в связи с прошением поручика Николая Пашкова. К сожалению, родословная легенда по

¹ Необходимо сразу оговориться, что речь пойдет о тульских Пашковых, происходивших от выехавшего из Польши Г. Пашкевича. Кроме этого рода, фамилию Пашковых носили новгородские и орловские помещики, а также устюжские посадские люди. См.: Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877, ч. I, отд. II, с. 855. (Далее: ПКМГ); Лобанов-Ростовский А. В. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895, т. II, с. 82; Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974, с. 233, 240, 381.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797-м году. СПб., 1807, ч. VIII, № 21; Лобанов-Ростовский А. В. Указ. соч., с. 77—82; Савелов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. 2-е изд. Острогжск, 1897, с. 195; Он же. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию тульского дворянства. М., 1904, с. 194. См. также: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон, 1898, т. 45, с. 64.

³ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 247—248; Смирнов И. И. Восстание Болотникова (1606—1607). Л., 1951, с. 165—166.

⁴ Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959, с. 85, 99, 111, 131, 205 и др.

⁵ СИЭ, т. 10, стб. 940.

⁶ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787, ч. II, с. 417.

истории рода в ней отсутствует⁷. Имеется еще одна копия росписи (правда, не такая полная, как первая), сделанная для Г.-Ф. Миллера⁸.

Во время просмотра столбцов Поместного приказа по Тульскому у. нами было обращено внимание на несколько дел XVII в., содержащих ценные материалы по истории первых поколений рода Пашковых. Эта находка дала толчок к новым поискам среди столбцов и книг Поместного и Разрядного приказов. Введение же в научный оборот новых документов об отдельных деятелях Смутного времени дает новую информацию и в плане изучения движущих сил Первой крестьянской войны в России.

По типичной для XVI—XVII вв. историографической традиции, родоначальник Пашковых Григорий Пашкеевич или Пашкевич (у Г.-Ф. Миллера — Пашковский) выехал из Польши в Россию в царствование Ивана Грозного. Проверить этот факт трудно, поскольку упоминаний о нем в других источниках мы не нашли.

Наиболее ранние достоверные сведения о сыновьях Григория Пашкевича, называвшихся уже Пашковыми, находим в писцовой книге Веневского у. 1571—1572 гг. Сам Венев (его посад назывался Городенск) ранее относился к Рязанскому княжеству. До 1571 г. он был вотчиной князя И. Ф. Мстиславского⁹. Но в том же году знаменитый боярин подвергся опале; с него были взыты клятвенная и поручные записки, а многие вотчины отписаны на государя. Писцы — князь И. В. Масальский с товарищами — «писали и мерили» сам Венев и дворцовые земли в уезде. Вторую часть упомянутой писцовой книги составляют отдельные книги тех же писцов, что «отделяли во княж Ивановской вотчине Мстиславского поместья князем и детем боярским коширяном и туляном дворовым городов»¹⁰. Отдел начался, судя по заголовку, 12 сентября 1571 г.

Среди «новых помещиков коширян и тулян» и упоминаются Яков и Иван Григорьевы дети Пашковы. Им было отделено в Веркопском стане в сельце Воскресенском, состоявшем из 22 крестьянских дворов, «а людей в них тож», 250 четвертей земли (половина поместного оклада)¹¹. Поскольку их отец — Григорий — не упоминается ни в писцовой, ни в отдельных книгах по Веневу, можно предположить, что его к 1571 г. уже не было в живых. Правда, он мог «быть испомещен» в каком-нибудь другом уезде. Все же любопытен следующий факт: все Пашковы в дальнейшем при подтверждении своих прав на земли как в Веневском, так и в Тульском и других уездах не упоминают в своих челобитных Григория Пашкевича. Вспомним также, что Яков и Иван Пашковы, судя по заглавию писцовой книги, являлись «новыми помещиками» в Веневском у.

О дальнейшей судьбе Якова Пашкова сообщает дело 1629 г. Внук Якова — Григорий Никитич — бил челом о «повороте» вотчины отца себе в поместье. В Поместный приказ он представил список с грамоты от 16 июля 1586 г., составленной по челобитной вдовы Якова — Татьяны. Вдова сообщала, что ее муж умер на государственной службе в Туле и она осталась с четырьмя сыновьями: Федором (12 лет), Матвеем (9 лет), Никитой (5 лет) и Федором (2 года). Яков Григорьевич к 1586 г. имел поместный оклад уже в 300 четвертей. Кроме старого поместья — сельца

⁷ ЦГАДА, ф. 388, кн. 851, л. 2—2 об.

⁸ Там же, ф. 199, портф. 284, ч. 3, д. 29.

⁹ См. об этом: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 51—52, 380, 387.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 137, книги по Веневу, кн. I, л. 60. Отметим, кстати, одну ошибку в публикации. В ней напечатано: «...отделяли до (разр. наша.— С. К.) князь Ивановской вотчины Мстиславского» (ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1550). Ошибка в передаче одной буквы придала совершенно иной смысл целой фразе. Обращение к подлиннику (вернее, списку, современному подлиннику) показало, что писец написал именно предлог «во» (буквы «в» и «д» у писца имеют разные начертания). Таким образом, детям боярским раздавались бывшие вотчинные земли И. Ф. Мстиславского.

¹¹ ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1552.

Воскресенского, он совместно с братом владел и пустошью Сторожевой в Ясенецком стане. Грамота закрепляет права Татьяны Пашковой на поместье мужа¹².

Брат Якова — Иван — продолжал «служить по Вевену». Встречаем его имя в епифанской десятне, составленной в октябре 1591 г. В конце десяти перечислены несколько категорий вевенских детей боярских: четвертчиков, новиков, нетчиков и т. п. Выделяется особый раздел: «Вевенева, государево жалованье емлют из четверти. Городовые». Иван Пашков следует в записи за Федором и Широком Лавровыми детьми Муромцевыми; всем им поместный оклад написан в 300 четвертей¹³. Единственный «новик прожиточный» с окладом в 175 четвертей — «Фетка Яковлев сын Пашков, даны ему первые 6 руб.»; причем одним из поручителей по нему выступает его же дядя — Иван Григорьевич. Федору (Большому) в 1591 г. было около 17 лет, чем и объясняется запись его в «новиках». В этой же десятне упоминается и его отец — Яков, но уже как умерший¹⁴, что служит подтверждением грамоты 1586 г.

Интересные данные о некоторых представителях рода Пашковых сохранились в деле 1665 г. об отказе Ивану Еремеевичу Пашкову в поместье жеребья пустоши Сторожевой в Ясенецком стане Вевенского у.¹⁵ «А наперед, государь, сево,— писал И. Е. Пашков в челобитной,— тот жеребей был в поместье за прародителем моим за Иваном Пашковым, и после того за прадедом моим за [Ис]томою Пашковым»¹⁶. Для положительного решения дела в свою пользу И. Е. Пашков представил в Поместный приказ ввозную грамоту от 26 июля 1603 г. за справой подьячего Федора Андреева и приписью дьяка И. Ефанова, выданную Истоме Пашкову. Копия с грамоты сохранилась в деле. Наиболее важную ее часть приводим целиком: «Бил нам (царю.— С. К.) челом Истома Иванов сын Пашков. Отца де ево, Ивана, в нынешнем во 111 году не стало. А после де его осталась жена, а ево вдова, Богдана, да сын, он Истома. Нашу службу служит пять лет, а поместье де за ним нет нигде и не верстан. А опричь де ево после отца ево иных детей не осталось»¹⁷.

Важность приведенных сведений трудно переоценить. Это первое упоминание об Истоме Ивановиче Пашкове. Оказывается, его отец умер около 1603 г., оставив единственного наследника (то, что Истома был единственным сыном Ивана, полностью соответствует родословным росписям). Самым же главным (и довольно неожиданным) является то, что ввозная дает возможность с достаточной точностью определить год рождения Истома. Поскольку в 1603 г. он служил пять лет (с 1598 г.), а дворян записывали в службу, как правило, с 15 лет, то вряд ли мы очень ошибемся, если скажем, что Истома Пашков родился около 1583 г. Получается, что руководителю отрядов тульских служилых людей во время востания Болотникова было не более 23—24 лет.

Документ позволяет определить и размеры поместья Ивана Пашкова к началу XVII в. Его оклад не изменился с 1591 г., однако выросла «дача». Ввозная упоминает и старые земли (сельцо Воскресенское и пустошь Сторожеву в Веркошском и Ясенецком станах — совместное владение сначала с братом Яковом, а затем с его вдовой Татьяной и племянниками), и «новые дачи». К последним относились жеребьи д. Кочкиной (Веркошский стан) и с. Новый Городенск (Ясенецкий стан). Эти

¹² ЦГАДА, ф. 1209, столбцы по Солове, стб. 37183, л. 10—11.

¹³ *Сторожев В. Н.* Десятни XVI века.— В кн.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1891, кн. VII, разд. II, с. 124.

¹⁴ Там же, с. 125.

¹⁵ Дело оказалось разбитым на две части: первую челобитную от 8 июля 1665 г. (ЦГАДА, ф. 1209, столбцы по Туле, стб. 37406, л. 20) и само делопроизводство (Там же, стб. 37586, л. 1—21).

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1209, столбцы по Туле, стб. 37406, л. 20.

¹⁷ Там же, стб. 37586, л. 19. Полный текст ввозной предполагается опубликовать в I т. сборника документов «Крестьянская война в России начала XVII в.»

жеребьи стали принадлежать Ивану Пашкову в 1598/99 г. Всего же у него в поместье было 219 четвертей в поле. По взвозной грамоте Истома (еще не имевший своего поместья) пожалован всеми землями отца¹⁸.

Правда, существует источник, сведения которого на первый взгляд противоречат только что изложенному. Имеется в виду кормленая книга Галицкой четверти 1603/04 г., в которой упоминается Иван Григорьевич Пашков¹⁹. Четвертное жалованье ему указано в 6 руб. Сам по себе этот факт интересный. Обычно четвертное жалованье получали немногие из провинциальных детей боярских²⁰. И. Г. Пашков, как сообщает епифанская десятня, был четвертчиком уже в 1591 г., что говорит о его неординарном положении среди других венецких помещиков. Но свидетельствует ли кормленая книга о том, что он был жив еще в 1604 г.? Ведь в книге нет записи о получении денег Пашковым. Скорее всего, в нее переписали всех четвертчиков по предыдущему списку и составители просто не знали о его смерти.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что дети Г. Пашкевича короткое время, вероятно, «служили по Туле» или «по Кашире», а в 1571–1572 гг. были испомещены в Венецком уезде, где в дальнейшем и располагалось родовое гнездо Пашковых. Таким образом, наиболее близки к истине в вопросе о происхождении Истома Пашкова Карамзинский хронограф и Пискаревский летописец.

Истома Пашков, несмотря на молодость, довольно быстро продвигался по службе. При Лжедмитрии I он служил сотником у епифанских детей боярских²¹. К сожалению, документы молчат о нем до самого начала восстания Болотникова.

В нашу задачу не входит детальное изучение пути отрядов Пашкова к Москве, соединения их с войском Болотникова и осады столицы, тем более что все эти вопросы получили широкую разработку в историографии. В свете новейших данных путь следования отрядов Пашкова представляется следующим. Выиграв сражение под Ельцом, он двинулся к Рязани, где и соединился с рязанскими служилыми людьми во главе с П. П. Ляпуновым и подошедшим из Тулы отрядом Г. Ф. Сумбулова²². Там же Пашков был избран «старейшиной» объединенных отрядов служилых людей²³.

Из Рязани отряды Пашкова, Ляпунова и Сумбулова двинулись к Москве. Разбив под с. Троицким царскую армию, они в самом конце октября вплотную приблизились к столице. Через несколько дней к Москве подошло и войско Болотникова, разгромившее правительственные отряды под Серпуховым. С момента соединения войск восставших встал вопрос о едином командовании. И здесь Пашков был вынужден уступить главенствующую роль Болотникову. К. Буссов сообщает, что столкновение между ними произошло на почве личного соперничества²⁴. Вполне воз-

¹⁸ Полный отдел поместья И. Пашкову производился Н. Демьяновым в 1712 г. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 490, л. 1035–1036 об.).

¹⁹ *Сухогин Л. М.* Четвертчики Смутного времени. М., 1912, с. 35.

²⁰ Там же, с. XIII.

²¹ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. VIII, разд. II, с. 131.

²² *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975, с. 263–265.

²³ Конкретные причины выбора главой дворянских отрядов именно Пашкова (оттеснившего на второй план более знатного Ляпунова) до конца неясны. С. Ф. Платонов считал, что решающими в этом выборе явились голоса тульских, епифанских и каширских детей боярских, якобы более мелкопоместных по сравнению с рязанскими дворянами и потому более радикально настроенных (см.: *Платонов С. Ф.* Указ. соч., с. 248). Вопрос о различии поместного землевладения на Рязани и Туле достаточно сложен, и подробно касаться его сейчас не представляется возможным. Вероятно, избрание Пашкова «старейшиной» в значительной степени обеспечила поддержка входивших в его отряды демократических элементов (крестьян, холопов, казаков), практически отсутствующих в стане Ляпунова. Не следует также забывать боевые заслуги Пашкова, уже имевшего авторитет удачливого военачальника, и то, что он действовал от имени «царя Дмитрия» (*Корецкий В. И.* Указ. соч., с. 263).

²⁴ *Буссов К.* Московская хроника, 1584–1613. М.; Л., 1961, с. 139.

можно, особенно если учитывать честолюбивые стремления Пашкова самому диктовать условия капитуляции московскому правительству; однако не эта причина являлась основной. За Болотниковым стояли его отряды, в подавляющем большинстве состоявшие из крестьян, холопов, посадских людей и казачества. Дворян же, служивших опорой Пашкову, в стане восставших было намного меньше. Надо думать, что и демократические элементы, шедшие с Пашковым к Москве, на этот раз поддержали Болотникова, наиболее полно выражавшего чаяния простого люда. В первую очередь классовая рознь привела «дворянских попутчиков» Ляпунова и Пашкова к измене восставшим (последний с пятью сотнями дворян перешел на сторону В. Шуйского в момент решающего сражения с правительственными войсками 2 декабря 1606 г.)²⁵.

В царских грамотах, сообщавших о поражении восставших под Москвой, Пашков упоминается как захваченный в плен. Думается, что это был всего лишь демагогический прием²⁶. На самом деле Пашков получил полную амнистию царя. Показательно, что, когда в начале февраля 1607 г. рязанский дворянин С. Фомин бил челом на Пашкова о захваченном в сражении под Ельцом коне, «государь Истома пожаловал, того коня имати у него не велел, а велел за тот конь тому сыну боярскому дати 10 рублей денег»²⁷.

«Отрабатывая» прощение, Пашков во второй половине марта участвует в неудачном походе царских войск во главе с князем И. М. Воротынским на Тулу²⁸. В мае, как сообщают разрядные записи, он является головой в войске Воротынского перед битвой на Пчельне²⁹. Царские войска потерпели сокрушительное поражение, в результате чего была снята осада с Калуги. Кстати, «Иное сказание» на фоне всеобщей паники царских войск выделяет действия князя М. В. Скопина-Шуйского и Пашкова: «... аще не бы боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской да казачей атаман Истома Павлов (надо: Пашков.— С. К.) защищали их (беглецов.— С. К.), то бы ни един спаслся, но вси бы и до единого побиты были»³⁰.

Последнее упоминание о Пашкове как об участнике битвы на Восме (5–7 июня 1607 г.) встречаем в Бельском летописце. Это единственный источник, сообщающий об участии Истома в Восменском бою. Разряды при перечислении царских воевод (князя А. В. Голицына, Г. Г. Пушкина, князя Б. М. Лыкова, Ф. Ю. Булгакова-Денисьева и П. Ляпунова) его не упоминают³¹. В Бельском же летописце он записан после Ляпунова³².

Дата смерти И. Пашкова устанавливается следующим образом. Последнее упоминание о нем относится к началу июня 1607 г. В августе 1610 г. Максим Стрешнев бил челом об отказе ему поместья Пашкова: «а тот Истома убит»³³. Следовательно, последний погиб в промежутке между 1607 и 1610 гг. На основании косвенных данных можно уточнить дату его смерти. Разрядные записи довольно полно перечисляют воевод, принимавших участие в осаде Тулы осенью 1607 г. Поскольку И. Пашков активно действовал против восставших весной 1607 г., молчание о нем разрядов и других источников за лето — осень того же

²⁵ Подробнее см.: *Корецкий В. И.* Указ. соч., с. 289–290.

²⁶ Восстание И. Болотникова: Документы и материалы, с. 202, 203, 393.

²⁷ *Зимин А. А., Королева Р. Г.* Документ Разрядного приказа.— ИА. М., 1953, т. VIII, с. 41–42.

²⁸ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, с. 169.

²⁹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, с. 157. Ср.: ПСРЛ. М., 1978, т. 34, с. 245.

³⁰ РИБ. СПб., 1909, т. XIII, стб. 114; *Смирнов И. И.* Указ. соч., с. 394.

³¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за смутное время, с. 45.

³² ПСРЛ, т. 34, с. 246. Любопытно, что Бельский летописец, вышедший по мнению В. И. Корецкого, из кругов западнорусского провинциального дворянства (ВИ, 1971, № 5, с. 130), ничего не говорит о деятельности Пашкова и Ляпунова в стане восставших. Они упоминаются как царские воеводы, участвующие уже в подавлении восстания.

³³ АЗР. СПб., 1851, т. IV, с. 345.

года настораживает. Не погиб ли он еще до начала осады Тулы? Если это так, то можно высказать осторожное предположение, что местом его гибели стала р. Восма.

В. Шуйский щедро наградил И. Пашкова. Вот некоторые сведения о его поместьях. В марте 1610 г. Л. А. Плещееву от имени Сигизмунда III были пожалованы многие земли, в том числе «в Коломенском уезде Томиловская (ошибка, надо: Истоминская.— С. К.) отчина Пашкова, што дана была ему из Дворца в поместье». Уже упоминалось об отказе М. Стрешнему поместья Пашкова — сельца Мяснино в Коломенском у. Наконец, 27 октября (по старому стилю) 1610 г. детям Истома Ивановича «дан лист» на старое поместье в Веневском у. (с. Воркоша, «Воскресенское тож») и на с. Грецкое в Серпуховском у.³⁴ Оказывается, кроме старого поместья в Веневском у., И. Пашков стал владельцем земель уже в Коломенском и Серпуховском уездах. С. Ф. Платонов склонен был считать перечисленные села и деревни владением Пашкова еще до начала восстания Болотникова³⁵. В отношении вневского поместья это бесспорно; что же касается коломенского и серпуховского поместий, то, вероятнее всего, они были пожалованы В. Шуйским как награда за измену. Именно с Истома Ивановича пошло быстрое возвышение рода Пашковых.

Правда, удалось обнаружить источник, совершенно иначе освещающий историю этого семейства. В Разрядном приказе в 1655—1656 гг. разбиралось дело о бесчестии между жильцами Кондратом Федоровичем Пашковым и Григорием Борисовичем Врасским³⁶. В то время как сотня жильцов была в «отъезжей сторожи», Врасский не явился к знамени, и Пашков, являясь поручиком сотни, написал его «в нетех». Тогда Врасский назвал родителей Пашкова «холопи боярскими, будто они служили в холопстве у Хиринских», а о самом Кондрате сказал, что он якобы «к службе не пригоден». Во время допроса Врасский подал сказку, в которой сообщил, что «мне, Григорью, потому ведома учинилась, что сказывал мне человек Семена Хиринскова Ивашка Петров сын, а назывался капирян Пашковых. А сказал: Истома де Пашков мне был двоюродной дядя, а для того де я, Ивашка Петров сын, у Хиринских во дворе, как де изменил Истома Пашков царю Василью Ивановичю и сидел с вормом с Петрушкою на Туле, и мы скать с тое поры стали в рассеенье и в закосненье и служить почали Хиринским и в ьных дворах. А у Нероновых Пашков възят по их челобитью ис Холопья приказу и то ведомо в Холопье приказе. Да я ж ево, Кондратя, называл ведомым вормом, и он, Кондратей, ведая свое воровство, государю на меня в том не бил челом»³⁷.

История рода Пашковых, изложенная Врасским, в целом недостоверна. Он ссылается на некоего Ивана Петрова сына, называвшегося из рода «каширян Пашковых» и утверждавшего, что Истома Пашков приходился ему двоюродным дядей. В действительности у Истома было четыре двоюродных брата: два Федора, Никита и Матвей. Никита имел одного сына — Григория, а Федор Большой Пашков — двух: Давыда и Кондрата (истца по делу). Последние на самом деле являлись двоюродными племянниками Истома, но никакого Ивана Петровича родословная не знает. Неправдоподобен и факт «сидения» в Туле Истома с Петром-Илейкой. Для этого нужно допустить, что Истома опять перешел на сторону Болотникова (это маловероятно). Не выдерживает критики и сообщение о «закоснении» рода Пашковых и службе некоторых его представителей холопами у Хиринских и у Нероновых. Как тогда объяснить московские чины многих Пашковых? Скорее всего, Врасский, решив отомстить К. Пашкову, не преминул «обыграть» участие Истома в восстании Бо-

³⁴ Там же, с. 325, 345, 372.

³⁵ Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 248.

³⁶ ЦГАДА, ф. 210, Приказный стол, стб. 209, л. 11—18. Нумерация листов в деле неправильная.

³⁷ Там же, л. 15.

лотникова. Однако через несколько десятилетий после окончания Крестьянской войны многие ее подробности уже забылись. Врасский знал, вероятно, лишь факт «измены» Пашкова В. Шуйскому и наиболее драматический момент восстания — осаду Тулы; в его свидетельстве эти два события наложились одно на другое. Само судное дело велось очень серьезно, были допрошены (в форме обыска) многочисленные свидетели ссоры, составлена даже память в Холопий приказ о присылке в Разряд справки о возможном холопстве кого-то из Пашковых. К сожалению, дело на этом обрывается. В целом же, несмотря на всю колоритность указанного источника (и интерес к нему в плане изучения восприятия некоторых факторов восстания Болотникова спустя полвека), приходится признать его недостоверность.

В действительности дело обстояло иначе. Пашковы за период Смутного времени значительно расширили свои земельные владения. Дети Истома — Федор и Афанасий (будущий сибирский воевода) — в 1616 г. были пожалованы в жильцы с поместными окладами соответственно в 400 и 350 четвертей, денежными — в 9 и 8 руб.³⁸; в дальнейшем они упоминаются среди московских дворян³⁹. В «королевичев приход» они сидели в осаде, за что были пожалованы «поворотом» поместья в Коломенском у. в вотчину⁴⁰. Почти все земли их отца так или иначе перешли к ним, кроме серпуховского с. Грецкого⁴¹. Двоюродные братья Истома — Федор и Никита Яковлевичи — за «осадное сидение» при В. Шуйском были также пожалованы поместьями⁴².

Приведенный материал свидетельствует о перспективности дальнейших архивных поисков сведений о жизни военных и политических деятелей периода Первой крестьянской войны и польско-шведской интервенции в России.

³⁸ Там же, Московский стол, стб. 883, л. 39. Приносим глубокую благодарность А. Л. Станиславскому, обратившему наше внимание на этот источник.

³⁹ Там же, стб. 1131, стп. 3, л. 58; *Корецкий В. И.* Указ. соч., с. 232.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 202, л. 15, 91 об.

⁴¹ О земельных владениях Пашковых в 10–30-х годах XVII в. см.: Там же, кн. 488, л. 54, 197–198 об., 205 об.; кн. 52, л. 25–30 об., 72–75 об., 104 об.–105, 158, 170 об.–171; кн. 202, л. 15, 55–57, 91 об.–95, 129, 495 об.–496; кн. 490, л. 1034–1035 об.; Там же, столбцы по Туле, стб. 37477, л. 69–74; столбцы по Коломне, стб. 25252, л. 110–116; стб. 25274, л. 96 и др.

⁴² Там же, оп. 1, кн. 52, л. 72–72 об., столбцы по Солове, стб. 37183, л. 3.

ИСТОРИЯ ТЕКСТА «РИТОРИКИ» НАЧАЛА XVII в.
(археографические наблюдения)

Фотомеханическая публикация Р. Лахман раннего списка первой русской «Риторике» (ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 874 — 1623 г.), следящего «с книги митрополита Великого Новаграда и Великих Лук Макария»¹, свидетельствует о большом интересе к русским учебникам по теории красноречия. Этот интерес объясняется тем значением, которое имеет риторика как нормативное учение о речи, дающее правила и рекомендации к построению различного рода речей, а потому иллюстрирующее общественно-речевую практику своей эпохи. Между тем эта важнейшая страница истории отечественной филологии остается до сих пор малоизученной; поэтому ближайшими задачами являются выяснение всего корпуса русских рукописных риторик (эта работа выполняется нами в хранилищах Москвы и Ленинграда), изучение истории их текста, описание состава и содержания риторических понятий, наконец, подготовка научных публикаций текстов.

Таким образом, изучение истории текста первой русской «Риторике» начала XVII в. должно стать только одним из звеньев в цепи дальнейших разысканий в области истории русской риторики. Данная статья предлагает основные выводы из археографического описания 31-го обнаруженного списка «Риторике» и выделяет только те данные, которые имеют существенное значение для изучения истории ее текста.

Прежде всего перечислим имеющиеся в нашем распоряжении списки «Риторике» (указания на них имеются в работах А. Х. Востокова², А. Н. Филонова³, А. И. Соболевского⁴, В. П. Вомперского⁵, Д. С. Бабкина⁶, в «Описании рукописей Соловецкого монастыря»⁷):

1. ГИМ, Синод. собр., № 933 (далее: Синодальный — С-1);
2. ГИМ, собр. П. И. Шукина, № 941 (Шукинский — Ш);
3. ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, ф. 310, № 874 (Ундольского — У-1);
4. ЦГАДА, ф. 381 (Синодальной типографии), № 1028 (Типографский — Тип);
5. БАН, Архангельское собр. (С. 272) (Архангельский — А-1);
6. ГПБ, Q.XVII.118 (Публичной библиотеки — П-1)⁸;
7. ГПБ, Q.XV.80 (Публичной библиотеки — П-2);

¹ Lachmann R. Die Makarij-Rhetoric. Rhetorica slavica. Köln, 1980. Задачу изучения истории текста Р. Лахман не ставила. См. рецензию на ее исследование: Буланина Т. В. Издание первой русской риторики. — Рус. лит., 1981, № 4, с. 235—237.

² Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 238.

³ Филонов А. Н. Русские учебники по теории прозаических сочинений. — ЖМНП, 1856, апр., с. 3.

⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 119.

⁵ Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, с. 184.

⁶ Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII века. — ТОДРЛ. Л., 1951, вып. 8, с. 326—353. В этой работе описаны пять ранних и четыре поздних списка «Риторике».

⁷ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 399, 544—545.

⁸ Автор выражает сердечную благодарность научному сотруднику отдела рукописей ГПБ В. А. Градовой, указавшей на большинство списков данной «Риторике» в фондах ГПБ.

8. ГПБ, Q.XVII.261 (Публичной библиотеки — П-3);
9. ГИМ, Синод. собр., № 918 (Синодальный 2-й — С-2);
10. ГИМ, Синод. собр., № 861 (Синодальный 3-й — С-3);
11. ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, ф. 310, № 875 (У-2);
12. ГБЛ, Муз. (ф. 178), № 2778 («из книг А. Е. Викторова» — Вик);
13. ГБЛ, собр. Н. П. Румянцева, ф. 256, № 192 (Р);
14. ГБЛ, собр. Ниловой пустыни, ф. 200, № 73 (Нил);
15. ГИМ, Муз., № 710 (Музейный 1-й — М-1);
16. ГИМ, Муз., № 2274 (Музейный 2-й — М-2);
17. БАН, Архангельское собр., № 526 (Древлехранилище) (Архангельский 2-й — А-2);
18. БАН, 33.6.4. (из Северного собрания — Сев);
19. БАН, 1.1.35 (собр. Бурцева — Бурцевский, Б);
20. БАН, (17.7.39) П-1. А 75 (из Петровской библиотеки — Петр);
21. ГПБ, собр. Титова, № 3512 (Титовский — Тит);
22. ГПБ, Q.XVII.2 (из собр. графа Ф. А. Толстова — Тол-1);
23. ГПБ, Q.XV.4 (из собр. графа Ф. А. Толстова — Тол-2);
24. ГПБ, Q.XV.5 (из собр. графа Ф. А. Толстова — Тол-3);
25. ГПБ, собр. Тиханова, № 722 (Тихановский — Тих);
26. ГПБ, собр. кн. П. П. Вяземского, Q.81 (Вяз-1);
27. ГПБ, собр. кн. П. П. Вяземского, Q.82 (Вяз-2);
28. ГПБ, Соловецкое собр., № 110 (Соловецкий — Сол-1; в этом списке содержится конспект «Риторики» и черновик новой редакции — см. описание ниже);
29. ГПБ, Соловецкое собр., № 102 (Сол-2);
30. ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1313 (из описания Никольского — Ник; список содержит только первую книгу);
31. ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, ф. 299, № 607 (Тихонравовский список содержит только два поздних предисловия и выписи из начальных статей «Риторики» на л. 1—5).

Археографическое описание этих списков с учетом филигранных, датировки по записям писцов и владельцев, сочинений, сопровождающих «Риторик», выяснение работы писцов и правщиков, наконец, прочтение ряда новых мест позволяют уточнить сведения, касающиеся не только локально-временной распространенности памятного, но и его атрибуции.

Наиболее ранние списки «Риторики» датируются 1620-м годом; в С-1 дата написана сразу по окончании текста (л. 474 об.): «Преписана с божиею помощию в лета 7128 (1620) году в марте месяце»; в Тип дата соседнего «Азбуковника», выполненного тем же писцом Георгием Кумыным, — 26 мая 1620 г.

Известны также даты других ранних списков: в Щ — приписка правщика, сверявшего текст «с подлинной», от «Anno domini 1622 года дня 22 *ingwary*» (л. 79), в У-1 — приписка о копии «с книги... митрополита Макария» 8 февраля 1623 г. (л. 45 об.).

В описании Д. С. Бабкина эта серия ранних списков продолжается списком С-2⁹, в котором тексту «Риторики» следует запись с указанием имени писца и даты: «Аз же неключимый Феодор имь рек... трудолюбивне потчався написати сию книгу лета 7139 (1631)...» (л. 139). Эта запись повторилась еще в двух обнаруженных нами списках: П-2 и Тит, причем в П-2 имеется также фамилия писца: «Феодор Афанасьев». Следовательно, приписка копировалась вместе с текстом и переходила из списка в список. Как показал анализ филигранных и разночтений текста, все три списка являются поздними копиями, возможно имевшими в виде архетипа список Феодора Афанасьева 1631 г.

Последовательное расположение списков «Риторики» по датам филигранных и записям писцов позволяет представить ее временную распространность следующим образом (в сборниках-конволютах отмечаем только филигранные «Риторики»):

⁹ Бабкин Д. С. Русская риторика..., с. 382.

- Б — герб перевязь (Гер.,¹⁰ № 223—225 — 1627—1629 гг.);
- Тол-1 — кувшинчик с литерами «00» (подобен Гер., № 575—580, 699 — 1622—1631 гг.);
- С-2 — кувшинчик с литерами «DR» (подобен Гер., № 685 — 1639 г.), лилия на щите (Гер., № 161, 162—1638 г.);
- Сол-2 — ворота крепостные (Гер., № 41—1638 г.), герб Базеля (Гер., № 87—91 — 1644—1649 гг.);
- А-1 — шут с литерами MG или DM (подобен Гер., № 1233—1650 г.);
- Петр — двуглавый орел (Гер., № 125 — 1660 г.);
- П-2 — шут (Гер., № 1343 — 1663 г.), вкладная запись 1674 г.;
- П-3 — шут (Гер., № 1355—1664 г.);
- С-3 — шут (Гер., № 1348 — 1664 г.);
- П-1 — герб Берна (Линдт¹¹, № 140 — 1665 г.);
- Вик — герб Амстердама, дарственная запись патриарха Иоакима 1673 г.;
- Тол-2 — щит под короной (Тромонин¹², № 1248 — 1676 г.), шут с литерами PC (Гер., № 1318 — 1660 г., Черчилль¹³, № 452 — 1672 г.);
- Сев — герб Амстердама (в изданиях не найден), двуглавый орел (Диан.¹⁴, № 1024 — 1628—1629 гг.), ворота (Пиккард¹⁵, № VI.71 — 1666 г.);
- У-2 — герб Амстердама (в изданиях не найден);
- Тип-герб Амстердама с литерами PG (в изданиях не найден);
- А-2 — шут (Гер., № 1220 — 1681 г.);
- М-1 — герб Амстердама с литерами IV (Диан., № 165 — 1692 г.), олень (Лаупявичюс¹⁶, № 3623 — 1669 г.), литеры AI (Хивуд¹⁷, № 3004 — 1670 г.), герб с литерами CDCFOBC (Диан.: № 878 — 1691 г.);
- Тих — почтальон (Диан., № 118, 120 — 1694—1697 гг.);
- Вяз-2 — герб рожок (Диан., № 1171 — 1697 г.);
- Нил — герб семь провинций с литерами VM (Гер., № 304—308 — 1697 г.), герб Амстердама (в изданиях не найден), шут (Гер., № 1374 — 1678 г., Диан., № 453 — 1681 г.);
- Вяз-1 — лилия на щите (Хивуд, № 1793 — 1700 г.);
- Тол-3 — 1714 г. (по записи писца Никиты Михайлова).

Таким образом, анализ филиграней и записей писцов позволяет предположить, что «Риторика» активно переписывалась и распространялась весь XVII век, начиная с 1620 г. (два списка) по петровское время.

Что касается ее географической распространенности, то здесь многое проясняют новые данные из истории рукописи С-1, которые будут приведены ниже. Другие списки по владельческим записям и записям писцов позволяют назвать следующие местности:

1. Прежде всего район Новгорода и Великих Лук (У-1 сделан «с книги... митрополита Новаграда и Великих Лук Макария»), в Ш имеется поздняя владельческая запись: «Новгородский мещанин Федор Васильев господин Фирсов», что, впрочем, не говорит о создании этого списка в Новгороде. В Новгороде же в 70-е годы была сделана копия П-1 с Тип — свое имя тайнописью на л. 63 записал писец Иакинф, приписав в конце: «жителя великаго Новгорода».

¹⁰ Гераклитов А. А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

¹¹ Lindt J. The paper-mills of Berne and their watermarks, 1465—1859. Hilversum, 1964.

¹² Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1844.

¹³ Churchill W.-A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.

¹⁴ Водяные знаки рукописей России XVII в./Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980.

¹⁵ Die Turm-Wasserzeichen. Fundbuch III der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart, bearbeitet von Gerhard Piccard. Stuttgart, 1970.

¹⁶ Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.

¹⁷ Watermarks mainly the 17th and 18th centuries by Edward Heawood. Hilversum (Holland), MCML.

2. Однако сам Тип, судя по записи в «Азбуковнике» его писца Георгия Комынина, был сделан около мая 1620 г. в «Ярославле Поволском» (л. 170). Любопытно, что по происхождению Георгий Комынин, видимо, «москвитянин», что выясняется из обнаруженной в ГБЛ (ф. 247, № 681) «Книги Синоксарии», переписанной им в 1603 г. «в царствующем граде Москве» (запись на л. 414).

3. Запись Комынина в том же «Азбуковнике» свидетельствует, что «прежде сего сия книга списана бысть в пустыни святого Нила старцом Герасимом прозвище Щербаком» (л. 168); следовательно, оригинал «Азбуковника» (а может быть, и сборника в целом) связан с какой-то из двух Ниловых пустыней: Нила Сорского или Нила Столбенского. Наличие позднего списка «Риторика» в сборнике Нилостолобенской пустыни на озере Селигер позволяет предположить, что риторика преподавалась здесь вместе с грамматикой во второй половине XVII в.

4. В П-2 по первым листам сделана запись: «лета 7128 (1674) году генваря 11 день великий господине преосвященный Александр епископ Вятский и Великопермский положил книгу Риторика во свое обещание в Корюжемский монастырь» (Корюжемский монастырь находился в 15 верстах от Сольвычегодска).

5. Полагаем, что уже в первой половине XVII в. «Риторика» была известна в Соловецком монастыре: конспект и один из черновиков 2-й редакции, сделанной в 1622 г., находятся в сборнике-конволюте Соловецкого монастыря; также в рукописи Соловецкого монастыря находится список Сол-2, датируемый по филиграну 1649-м годом.

6. Дарственная запись обнаруживается в Вик (л. 1 об.): «божиею милостию царствующаго града Москвы и всея России святейший Иоаким патриарх сию книгу Диалектичныя глубины с Риторикою дал и благословил в домовное стяжание каргопольцу посацкому человеку Семеону Егулову сыну Киприянову семь тысяч во сто восмидесят в первом году (1673)».

Как показало изучение Синодальной рукописи № 933, это не самое раннее свидетельство связи «Риторика» с Москвой. Д. С. Бабкин полагал, что эта рукопись со списком «Риторика» 1620 г. (С-1) была переплетена Иваном Козыревым, новгородским переплетчиком книг¹⁸. Это предположение было выдвинуто на основании записи в «Увещании о летописце», где не только указана дата переписки «Книги осмочастной» и «Диалектики» (28 июля — 8 августа 1640 г.), но и тайнописью на л. 368 об. записано имя писца: «Иван Козырев». Внизу следовала приписка: «житель великаго Новаграда».

Д. С. Бабкин ограничился прочтением этой записи (между тем, она продолжалась на загрязненном л. 369), отождествив почерк переписчика «Книги осмочастной» и «Диалектики» с почерком переплетчика всей рукописи, делавшего записи на верхней и нижней крышках переплета. Текст на развороте л. 368 об.— 369 действительно впоследствии замазывали или стирали, буквы отпечатались на сложенных листах, и поэтому полностью прочесть текст не удалось. Тем не менее на л. 369 удается разобрать следующие данные о биографии Ивана Козырева: «... и беды свои... лния и напасти сказал, елико страдал торговаго чину человекъ Великаго Новаграда Иванъ Козыревъ, а... за некое дерзновение слова сослан во оп... окяна моря за опалу в Соловецкой монастырь, тамо неколико лет поживе в заточении и сконча, и поведает о нем мнозии хитрь, бе божественным писанием, украшен внешней философии».

Таким образом, выясняется, что «имя написавшего книгу сию» («Диалектику», но не «Риторику») относится к переписчику оригинала новгородцу Ивану Козыреву, который был сослан в Соловецкий монастырь, где, возможно, обучал других грамматике и диалектике.

Сам сборник, как показал анализ почерков и филиграней, переплетен вовсе не копиястом «Книги осмочастной», грамматических сочинений и

¹⁸ Бабкин Д. С. Русская риторика..., с. 328.

«Диалектики», но совершенно другим лицом. Переpletчик действительно записал на внутренней стороне верхней крышки содержание рукописи: «а в ней в переplet положено Осмочастная з буквы и Грамматика, и философския три книги, Диалектика Иоанна Дамаскина и две Риторика». Однако это не начало, а всего лишь продолжение записи. На начало же поздний владелец наклеил свою: «Сия книга глаголемая Философская чернаго попа Ионы Городца Поволскаго Дорофеевы пустыни». На нижней крышке его же наклеенная запись о покупке книги не только с датой, но, как выяснится, с именем и адресом (!) прежнего владельца: «В 1679 продала сию книгу Философскую вдова попадья Артемеевская, что на Тверской живет (курсив мой.— В. А.) черному попу Ионе дорофеевскому».

Обе свои записи Иона наклеил на ранние владельческие записи, которые вследствие этого оказались недоступными прочтению исследователей. В реставрационном отделе ГИМ текст Ионы был отклеен, после чего открылось имя переpletчика и первого владельца Синодальной рукописи (на внутренней стороне верхней крышки): «Сия книга Алексеевского девичия монастыря Артемия Спиридонова»; далее следует приведенная выше запись: «а в ней в переplet положено...» (на внутренней стороне нижней крышки): «премудрая сия книга Грамматика и Диалектика и Риторика Алексеевского девичия монастыря дьякона Артемия Спиридонова». Алексеевский девичий монастырь, основанный в Москве в 1358 г., к этому времени был перенесен на Чертолье, т. е. на то место, где в 1837 г. построен храм Христа Спасителя.

Переpletчиком собраны в одну книгу следующие сочинения:

1) переписанные первым писцом на л. 1—205 об. грамматические и иные сочинения (в частности, «Книга осмочастная», «Книга глаголемая буквы», «Написание о грамоте и о ея строении», «Сказание о осми частех слова от книги философския», «Грамматика, составлена Лаврентием Зизанием», «Сказание, како состави Кирил Философ азбуку по языку словенску» (перечисляем только филологические сочинения), затем — «Диалектика Иоанна Дамаскина» (л. 210—365 об.), после которой писец написал «Увещание о летописце», назвав время своей переписки (28 июля — 8 августа 1640 г.) и дав сведения об авторе оригинала Иване Козыреве;

2) переписанная вторым писцом «Риторика», датированная мартом 1620 г. (л. 374—473), «Книга притчей» (л. 475—523), «Наказание... Василия царя к сыну Льву премудрому» (л. 524—579), «Изложение сощещательных глав ко Иустиниану» (л. 580—607) и «Буквица риторическа» с таблицами (л. 607—609);

3) третьим почерком на бумаге, оставшейся после работы второго писца переписан «Азбуковник» (л. 609—616);

4) четвертым почерком на бумаге иной филигрании переписана «Космография» (л. 617—651 об.);

5) дьякон Артемий Спиридонов (пятый почерк), переpletя книгу или получив ее переpletенной от другого лица, сделал приведенные владельческие записи на внутренних сторонах крышек переpleта, переписал из уже существовавшего к тому времени «Сказания о седми свободных мудростех» предисловия — похвалы к «Диалектике» (л. 206—209 об.) и «Риторике» (л. 370—374 об.), а оставшиеся чистыми листы заполнил новыми статьями: л. 474 — «Сиде о временах человека различна наречения», л. 652 — «Что есть философия» (фрагмент «Диалектики Иоанна Дамаскина»), л. 653 — перечисление наук из «Сказания о седми свободных мудростех», л. 654 — «всякая мудрость от бога...».

В «Увещании о летописце» первый писец отмечает, что он правил сочинения, «изъясня светлость глагол чертами, запятыми и точками» (л. 366 об.). Его правка видна не только на листах, переписанных им самим, но и на листах «Риторики». Следовательно, «Риторика» в 1640 г. уже была в руках первого писца. Где он в это время находился (в Соловецком ли монастыре, где скончался Иван Козырев; или в Москве, где переpleтели сборник), остается только гадать.

Таким образом, наше описание Синодальной рукописи № 935, кроме общего уточнения, имеет два принципиально новых положения:

1. Иван Козырев, «торгового чину человек», бывший «жителем Великаго Новаграда», последние годы жизни провел в Соловецком монастыре, где, видимо, обучал грамматике и диалектике по оригиналам данных списков. Ни к «Риторике» 1620 г., ни к созданию сборника-конволюта он отношения не имеет, хотя данный список «Риторики» в 1640 г. уже находился в руках переписчика грамматических сочинений и «Диалектики».

2. Сборник был переплетен Артемием Спиридоновым, дьяконом московского Алексеевского девичьего монастыря после 1640 г., когда он «положил в переплет» перечисленные выше сочинения, делая владельческие записи на внутренних крышках переплета и заполняя чистые листы новыми статьями, в частности предисловиями к «Диалектике» и «Риторике» из «Сказания о семи свободных мудростех».

После его смерти «вдова попадья Артемеевская» продала книгу черному попу Ионе «Городца Поволскаго Дорофеевы пустыни» в 1679 г. Была ли книга в «Дорофеевой пустыни», можно только предполагать, но к концу века сборник находится уже в школе Заиконоспасского монастыря, о чем свидетельствует запись Афанасия Скиды «Videtur scriptur seculo 17» (л. 1 об.), в школу же она была «прислана с патриарша двора в 1697 году» (л. 1).

Таким образом, географический круг распространения «Риторики» включает не только Новгород и Великие Луки, но и Ярославль, Соловецкий монастырь, район слияния Северной Двины и Вычегды (Коряжемский монастырь), возможно, обе Ниловы пустыни. Однако наиболее важен, видимо, тот факт, что оба ранних списка, датированных 1620-м годом, имеют связь с Москвой: С-1 находится в рукописи, переплетенной в 40-е годы московским дьяконом Артемием Спиридоновым, а Тип сделан выходцем из Москвы Георгием Комыниным. Окончание записи Артемия Спиридонова «только zelo тяжек труд учения сего» свидетельствует о том, что «Риторику» знали и изучали в Москве.

Хотя на основании имеющихся данных вопрос о локальном происхождении «Риторики» не может быть решен окончательно, становится очевидно, что ответ на него необходимо искать в связи сочинения прежде всего с Москвой, а не с Новгородом, как предполагалось ранее.

Что касается атрибуции «Риторики» Макарию, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, то несомненным аргументом в пользу этой гипотезы является лишь запись в списке 1623 г. (У-1) о копии с его «книги», хотя также несомненно, что подобная запись может говорить только о принадлежности библиотеке митрополита. Остальные аргументы Д. С. Бабкина приходится признать либо не вполне точными, либо ошибочными:

1) «географическая» аргументация, будто все три ранних списка С-1, Ш и У-1 сделаны в Новгороде, как выяснено выше, не вполне точна, так как список С-1 не имеет отношения к новгородцу Ивану Козыреву (сборник переплетен в Москве), список Ш 1622 г. имеет лишь позднюю приписку «новгородского мещанина»; остается только список У-1 1623 г., сделанный «с книги... Макария». В то же время обойден молчанием «Ярославль Поволский» — видимо, место переписки Тип московитянином Георгием Комыниным в 1620 г.;

2) текстологический анализ показал, что списки 1620 г. (С-1), 1622 г. (Ш) и 1623 г. (У-1) вовсе не находятся в отношениях копии — оригинала с «книгой митрополита Макария», как предполагал Д. С. Бабкин только на том основании, что «по содержанию они совпадают, за исключением незначительных буквенных описок переводчиков или пропущенных слов в тексте»¹⁹; реконструкция текста покажет, что каждый из списков содержит новые редакции;

¹⁹ Бабкин Д. С. Русская риторика..., с. 345.

3) Т. В. Буланина показала, что Д. С. Бабкин «спутал двух Макариев» на митрополичьей кафедре в Новгороде; тем самым подтверждается, что фраза в списке «Устава о соборной службе» о том, что «Макарие людие учил и статью чел», никак не может быть отнесена к «преподаванию декламации» и, конечно, относится к ведению церковной службы²⁰.

Сомнения и множество вопросов, которые встают вследствие такой сложной картины, только увеличивают интерес к личности новгородского митрополита Макария, требуя новых данных для выяснения атрибуции «Риторики». Одна из наших гипотез заключалась в том, что 2-я редакция (ее создание описано ниже.— В. А.) могла быть сделана автором-переводчиком всей «Риторики» (редактор отлично знает терминологию, переводит ее на русский язык, подобно имеющейся части перевода в начальной редакции). Так как почерк создателя 2-й редакции известен по двум сохранившимся черновикам (Щ и Сол-1), то была предпринята попытка его палеографического сопоставления с почерками писцов макариевской канцелярии, и прежде всего с собственноручными подписями самого митрополита.

Поиски канцелярии митрополита Макария позволили выявить и просмотреть, кроме указанных Т. В. Буланиной²¹, еще ряд грамот митрополита (см. в описании Б. Д. Грекова сборники № 17, 64, 74²²; грамота Макария в Корелу к православному духовенству находится в сборнике ГПБ, Софийск. биб., № 1441, л. 125–129). Наиболее заинтересовали нас собственноручные приписки митрополита, имевшиеся в «Благословенной грамоте Макария игумену Андронику 1617 г.»²³ и «Ставленной грамоте дьякону Онисифору, 1618, января 25»²⁴. Однако палеографическое сопоставление известных нам ранних списков «Риторики», выполненных обычно четким полууставом, скорописи создателя 2-й редакции с почерками писцов макариевской канцелярии, а тем более с собственноручными подписями митрополита, сделанными крупным полууставом, не позволяет говорить о каком-либо сходстве.

Для приписывания «Риторики» новгородскому митрополиту Макарию (или какому-либо другому лицу) требуются новые доказательства. Пока можно лишь крайне условно согласиться с предложениями Р. Лахман и Т. В. Буланиной именовать это сочинение «так называемой „Риторикой“ Макария»²⁵.

Факт школьного пользования «Риторикой» можно предположить по составу сборников, в которые она входит. Изучение конвоя показало, что наиболее частым сочинением, сопровождающим «Риторику», является «Диалектика Иоанна Дамаскина» (в 11 рукописях из 31), затем следуют «Азбуковники» и статьи об обучении грамоте (в восьми рукописях), грамматики и грамматические статьи (в пяти рукописях) «Лаодийское послание» Федора Курицына (в четырех рукописях) и «О силлогизме Иона Спанинбергера» в переводе Андрея Курбского (в двух рукописях).

Видимо, такой набор сопутствующих сочинений мог быть представлен только в школе при обучении. Это значит, что риторика преподавалась вместе с курсами обучения грамоте, грамматикой и диалектикой, входя в традиционный состав школьных дисциплин. Можно предположить, что именно эти сочинения были традиционными при прохождении «высших наук», к которым относилась риторика. Однако в отличие от украинских школ, где обучение велось преимущественно на латинском

²⁰ Буланина Т. В. Издание первой русской риторки, с. 236.

²¹ Там же, с. 236.

²² Греков Б. Д. Описание актовых книг, хранящихся в архиве императорской археографической комиссии. СПб., 1916, с. 16, 120–122, 156, 158.

²³ АЮ. СПб., 1838, № 390, II, с. 414–415.

²⁴ Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве императорской археографической комиссии. СПб., 1907, с. 386.

²⁵ Lachmann R. Die Makarij-Rhetoric..., с. 9; Буланина Т. В. Издание первой русской риторки, с. 237.

языке и каждый учитель создавал свой собственный курс²⁶, в Москве и к северу от нее, видимо, существовала традиция изучения строго определенных руководств, которыми были «Диалектика Иоанна Дамаскина», данная «Риторика» и определенный набор грамматических и лексикологических сочинений.

Источники и происхождение школьных восточнославянских руководств обычно имеют западный характер. Необходимо учесть, что начало XVII в.— время бурного развития просвещения на Украине: в 1615 г. организуется Киевская братская школа, включавшая в свою программу риторику как одну из «семи свободных наук»²⁷. Чрезвычайно интересная запись встречается в Уставе Луцкой братской школы 1624 г., где при перечислении «высших наук» указаны «диалектика и риторика, которые переведены *по-словенски* (курс. мой.— В. А.). *На русском языке* написаны диалектика и риторика и другие философские сочинения, принадлежащие к школе»²⁸.

Поиски в хранилищах Москвы, Ленинграда и Киева показывают, что до 90-х годов XVII в. (времени появления риторик Петровской эпохи) мы не имеем других русских рукописных риторик, кроме данной; поэтому закономерно предположить, что речь в Уставе Луцкой школы может идти именно об изучаемой «Риторике», переведенной на русский язык и соседствующей в сборниках с диалектикой — видимо, с «Диалектикой Иоанна Дамаскина».

В имеющихся описаниях украинских риторик мы пока не обнаружили следов данной «Риторике»: возможно, она была здесь переведена, преподавалась какое-то время, а затем привезена в Москву, где и получила широкое распространение. Относительно быстрая смена читаемых руководств на Украине и их постоянство в России допускают такой вариант появления «Риторике».

В. П. Вомперский, подводя итоги продолжительной дискуссии относительно происхождения «Риторике», заключил, что она «является переводом на книжнославянский язык московской редакции польской риторики, которая, в свою очередь, восходит к латинскому источнику»²⁹. Хотя этот вопрос продолжает требовать поисков и глубокого изучения, латинское происхождение «Риторике» подтвердилось обнаружением в Музее книги ГБЛ латинской «Риторике» Филиппа Меланхтона, к которой восходит первая русская «Риторика»³⁰.

Сопоставление «Риторике» Меланхтона 1562 и 1565 гг. издания с русской «Риторикой» позволяет говорить об очевидном сходстве в композиции сочинений и о прямом переводе большинства определений. Однако русская «Риторика» выглядит как сокращенная школьная переработка «Риторике» Меланхтона: при композиционном сходстве текст Меланхтона превосходит по объему русский текст; кроме того, повествовательную форму изложения у Меланхтона сменяет учительный вопросно-ответный диалог в русской «Риторике».

Если русская «Риторика» может быть признана школьной переработкой или только восходящей к «Риторике» Меланхтона, то можно предположить, что между ними мог существовать польский текст — непосредственный оригинал первой русской «Риторике». В пользу этой гипотезы говорят польские формы «Маркус Талиуш», «Ликиниуш», «атениенчики», «каркагиненчик», «выображение»; против нее — возможный факт присутствия в языке оригинала слов, которые были известны переводчику в польской форме.

²⁶ Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, 1982, с. 11–136.

²⁷ Хижняк З. І. Киево-могилянська академія. Київ, 1981, с. 33.

²⁸ Цит. по: Демков М. И. Русская педагогика в главнейших ее представителях: Опыт историко-педагогической хрестоматии. М., 1915, с. 12.

²⁹ Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова..., с. 22.

³⁰ Первое издание «Риторике» Меланхтона относится к 1531 г.; мы пользовались более поздними изданиями, имеющимися в Музее книги ГБЛ: *Melanchton Ph. Elementorum rhetoricæ libri duo*. Lipsiae, 1562; Lipsiae, 1565.

Таким образом, можно предположить происхождение первой русской «Риторики» от «Риторики» Меланхтона через возможную польскую переделку или языковое посредство; перевод мог быть сделан в украинских братских школах (этот вопрос требует более глубокого изучения); в настоящее время можно лишь констатировать факт широкого распространения данной «Риторики» в Москве и к северу от нее, начиная примерно с 1620 г. по петровское время.

Изучение текста «Риторики» необходимо начать с анализа трех поздних предисловий, которые впоследствии слились с ее текстом, но как самостоятельные произведения имеют собственные «истории текстов». Первоначально «Риторика» не имела предисловий (таковы У-1, Тих, возможно, Щ и А-1, начало которых потеряно); затем к ней было добавлено первое предисловие из «Сказания о семи свободных мудростех», начинающееся словами «Зрят мя убо мнози и не внимают о мне» (к С-1 и Тип они были переписаны и вложены позднее). После первого добавляются сразу второе («Царь некто обрете землю удобну и красну...») и третье («Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрителнаго разумения...»). Ряд списков имеет все три предисловия (таковы П-1, П-3, У-2, Тол-1, Тол-3, М-2, в Р переставлены местами третье и второе); из большинства поздних списков первое предисловие исчезает, остаются только второе и третье (С-2, Вик, Нил, М-1, С-3, Сев, Б, Тол-2, Вяз-2, Петр, в П-2 вначале идет третье, затем — второе); видимо, первое предисловие было удалено, как принадлежащее к известному «Сказанию».

При сопоставлении текстов «Риторики» и первого предисловия — похвалы риторике из «Сказания...» — выясняется их частичное сходство. Окончание текста в главе о риторике из «Сказания...» могло быть написано или скоррелировано в связи с «Риторикой», но, возможно, и наоборот: текст начальных статей «Риторики», кстати отсутствующий в латинском источнике Меланхтона, переводчик написал самостоятельно, заимствуя ряд мест из главы о риторике в «Сказании...».

Источники текстов второго и третьего предисловий неизвестны, но по содержанию этих предисловий можно предположить, что они написаны специально для данной «Риторики», так как аллегорическое изображение благоустроенного государства во втором предисловии прямо соотносится с главами «Риторики», названия которых записаны на полях: например, «обретение» неким царем «земли удобной и красной» приравнивается к «изобретению дел» в «Риторике», разделение царем подданных на «многостройныя урядства» («духовный чин», купцы, оратаи, воины) соотносено с «чиновным различием» или учением о композиции и т. д. Возможно, эти предисловия написаны и присоединены к «Риторике» создателем 2-й проратной редакции, о которой речь пойдет ниже.

Теперь предлагаем выводы из наблюдений над текстовыми разночтениями, которые выявлены после сопоставления списков «Риторики». Наиболее ранним текстом следует считать текст списка С-1 1620 г. (назовем его начальной редакцией), в котором не обнаруживается дополнений, составивших последующие редакции. Именно этот список должен быть положен в основу научной публикации текста «Риторики».

1-я, наиболее ранняя редакция представлена серией списков (Щ, У-1, Тип, П-1, А-1), в которых некоторое слово «а» списка С-1 оказывается записанным на полях; в тексте же его заменяет вариант «б», т. е. «а» → «б(а)». Характер замен показывает, что это — синонимы, введенные редактором с целью стилистического и смыслового уточнения текста: вместо «писмен» — «слов», вместо «вещных слов» — «вещей словесных», «письмо» — «образец», «корысть» — «достояние» и т. д. Мы остановились на слове «редакция» для обозначения этих разночтений, поскольку их регулярность и количество (34), а главное, характер изменений позволяют предположить сознательную целенаправленность в работе писца и характеризуют «определенный этап в развитии текста»³¹. Обращение к

³¹ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. М.: Л., 1983, с. 140.

тексту латинской «Риторики» Меланхтона показало, что уточнения касаются слов, недостаточно точно переведенных на славянский язык в начальной редакции; следовательно, первая стилистическая редакция могла быть сделана автором-переводчиком всей «Риторики» по тексту латинского или польского оригинала.

Если 1-я редакция невелика, то 2-я пространная редакция заключалась в том, что к ответам на вопросы (напомним, что «Риторика» написана «в вопросах» и ответах) делались дополнения, начинавшиеся словами «О том же иначе» с последующим комментарием. Кроме того, все греческие термины второй книги были переведены на русский язык.

В списках Ш и Сол-1 обнаруживаются авторские черновики 2-й редакции. В Ш, переписанном по главам писцами-учениками и также по главам правленном несколькими почерками, дидакал — создатель редакции — записывает свой комментарий на полях, выделяя трудные для понимания учеников главы. Факт присутствия дидакала рядом с учениками подтверждается передачей ему «из рук в руки» л. 26—27 и написанием здесь пространного комментария к одному из ответов.

Одновременно с перепиской Ш или непосредственно после нее редактор делал конспекты «Риторики» на идентичной бумаге (филигрань «кувшинчик» с литерами РО — Хивуд, № 3582—1619 г., л. 350—368 сборника-конволюта Сол-1), переписав сюда из Ш пространные глоссы и сведя в единые списки свой русский перевод греческой терминологии второй книги. Переписывая вчерне написанные глоссы Ш, он зачеркивает их там, меняет при переписке некоторые слова (эта мена проявлена по поздним спискам).

Однако основной корпус глосс — дополнений, которые ученики сами могли легко разобрать при переписке в беловой вариант, — редактор оставляет на полях Ш, так что в поздних списках 2-й редакции обнаруживаются прежде всего глоссы Щукинского списка, а затем уже слегка поновленный текст Соловецкого списка с перечнем русской терминологии, переведенной с греческого. Таким образом, беловой вариант делался не по одному, а по двум спискам: и Ш, и Сол-1.

И все-таки не все глоссы Ш (хотя и большинство) обнаруживаются в поздних списках, некоторые из них так и остались на полях Ш. Интересно, что эти перенесенные непосредственно в текст беловика 2-й редакции глоссы вновь появляются на полях отдельных списков (У-2, А-2), что можно объяснить только тем, что эти списки сверялись после основной переписки с текстом списков типа Ш, дополняясь его глоссами, либо же как-то восходят к этому архетипу — черновику 2-й редакции. Основной же корпус поздних списков, повторяем, имеет большинство перенесенных в текст с припиской «о том же иначе» глосс Ш с коррекцией некоторых из них по Соловецкому списку и переводом из последнего греческой терминологии на русский язык. Кроме того, именно создателю 2-й редакции (выше она названа пространной) можно приписать удаление из текста «реестров» — таблиц, обобщавших предшествующий материал, — и одной из глав второй книги, как относящейся к грамматике, с заменой ее перечислением новых грамматических терминов.

Наблюдения над текстом поздних списков позволяют разбить их на несколько групп в зависимости от в основном случайных разночтений, допущенных вследствие ошибок при переписке. Укажем лишь на два сознательных поновления в поздних списках: 1) в М-1 конца XVII в. сделана компиляция раннего (с «реестрами» и грамматическим разделом, удаленными создателем 2-й редакции) и позднего текстов (включая сами дополнения) — этот текст можно назвать третьей компилятивной редакцией; 2) в С-3 писец намеренно упрощает вопросно-ответный принцип построения текста, удаляя вопрос и переходя сразу к определению термина.

Таким образом, разбор истории текста «Риторики» позволяет сделать следующие выводы:

1. «Риторика» активно изучалась и переписывалась по меньшей мере

с 1620 г. по петровское время. Она получила распространение прежде всего в Москве и к северу от нее (Новгород, Ярославль, Соловецкий монастырь, Нилова пустынь и в некоторых других местах).

2. Латинский источник ее — «Риторика» Филиппа Меланхтона, сокращенная и переделанная в форму вопросно-ответного диалога. Возможно, переработка имеется в какой-либо польской «Риторике», бывшей непосредственным оригиналом первой русской «Риторике».

3. Атрибуция «Риторике» новгородскому и великолукскому митрополиту Макарию вызывает большое сомнение: единственное достоверное свидетельство — запись в списке 1623 г. (У-1) о копии с его «книги».

4. «Риторика» имеет три поздних предисловия: первое — похвала риторике из «Сказания о семи свободных мудростех» (выясняется текстовая связь этой главы и текста «Риторике»); второе и третье написаны специально для данной «Риторике», возможно создателем 2-й пространной редакции.

5. Начальная редакция сделана до марта 1620 г. (С-1). 1-я (стилистическая) редакция выполнена путем сверки с текстом латинского или польского источника до мая 1620 г. (дата Тип). 2-я (пространная) редакция сделана в январе 1622 г. в двух черновиках (Щ и Сол-1) неким учителем-дидаскалом, комментировавшим трудные для учеников статьи и переводившим греческие термины на русский язык.

Сделанное описание далеко не решает многие вопросы, касающиеся истории текста «Риторике» начала XVII в. Однако накопленная и систематизированная информация позволяет более конкретно увидеть картину изучения на Руси в XVII в. одной из основных филологических дисциплин, регулирующих речевую жизнь общества. Будущие исследования должны уточнить и дополнить эту картину.

МАРГИНАЛИИ НА КНИГАХ БИБЛИОТЕКИ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Существующее ныне книжное собрание филиала ГИМ «Новодевичий монастырь» насчитывает 1193 книги кирилловской печати 1581—1917 гг., из которых 263 книги изданы в XVI—XVII вв. в московских и западно-русских типографиях. Это книжное собрание было сформировано в советские годы на основе библиотеки Новодевичьего монастыря.

К сожалению, в архиве музея нет описей монастырской библиотеки; отсутствует и подробная документация на книжные поступления времени формирования фондов музея — 1922—1934 гг. Поэтому важным источником, проясняющим для нас судьбу книг этого собрания, являются записи на их страницах. Анализ книжных записей лежит в основе работы по восстановлению в существующем книжном собрании первоначальной библиотеки Новодевичьего монастыря. Обнаруженные нами записи различны по характеру: они делались как светскими, так и духовными лицами; содержат сведения о вкладах, покупках, обмене, групповом или индивидуальном владении книгой.

Пометы о принадлежности Новодевичьему монастырю встречаются на 161 книге кирилловской печати XVII—XIX вв., из них на 34 книгах обнаружены вкладные записи лиц светского происхождения, в числе которых преобладают члены семьи царя Алексея Михайловича (29 книг). Наибольшее количество книг подписано царевной Евдокией Алексеевной (Милославской), жившей в Новодевичьем монастыре с 1698 по 1712 гг., — 16 книг, среди них годовой комплект Миней служебных (М., 1705), Триодь постная (М., 1704), Пролог (М., 1702)¹.

С именем царевны Софьи Алексеевны связано семь книг собрания. Некоторые записи отражают изменения положения Софьи в монастыре. Например, Псалтырь следованная (М., 1698) «царевны иноки Сусаны»; Триодь цветная (М., 1886) «царевны схимомонахини Софиа Алексеевна» или поздняя запись в книге «Поучения Ефрема Сирина» (М., 1701) — «из книг монахини Софьи А».

Царем Федором Алексеевичем в монастырь было вложено четыре книги: два экземпляра Триоди цветной (М., 1670) и два экземпляра «Повести о Варлааме и Иоасафе» (М., 1681). Царевичами Петром и Иваном вложено пять книг: два экземпляра проповедей Симеона Полоцкого «Вечеря душевная» (М., 1683), два экземпляра Евангелия учительного (М., 1686), Часослов (М., 1688). Пожалования книгами делались и представителями родовой и служилой московской знати (Одоевскими, Милославскими, дьяком поместного приказа Андрианом Григорьевым). Высокое происхождение вкладчиков книг подтверждает привилегированное положение Новодевичьего монастыря в конце XVII в.

Подлежащее число записей в книгах принадлежит монахиням и игуменьям Новодевичьего монастыря. Книга в записях чаще всего фиксируется как собственность монастыря, реже — как собственность группы монахинь и очень редко — как собственность отдельных монахинь. Вероятно, в условиях общежительного монастыря право на личную собственность признавалось лишь за немногими старицами (следует учесть и относительно низкий уровень грамотности среди женщин). В числе та-

¹ Из четырех книг Пролога подписана только одна четверть. Однако качество кожи и орнамента переплетов, общие для всех четырех частей, позволяют во всех них видеть вклад царевны Евдокии Алексеевны.

ких книг — Трефологион (Кутейно, 1647) «панфилии яковлевны глаголе Трефолой» (там же более поздняя запись: «книга трефолой новодевичя монастыря старицы магалыни семеновны»); Триодь постная (М., 1687): «сия книга глаголемая треодь инокини февронии потемкиновой дала сию в Новодевичь монастырь по души своей вечное поминовение»².

В записях, связанных с покупкой книг, обязательно отмечается имя игуменья, а в период междуигуменства — уставщицы или ризничей монастыря. Например, в Минее служебной на январь (М., 1691): «лето от создания мира 7200 а от воплощения бога слова 1689 месяца декабрь купили в монастырь миней месячныя при игуменнии анastasии федоровне хоцковской»³.

Единственная обнаруженная нами по книжным записям попытка «подписать» библиотеку монастыря предпринята в 1778 г. игуменьей Палладий Дуровой. Записи, составленные по единому образцу, делались, как правило, на внутренней стороне переплета — Триодь цветная (М., 1697): «1778 году июля 4 дня московского новодевичя монастыря игуменья паладия дурова суца книгу треодь цветную и подписала»; Псалтырь следованная (М., 1697): «1778 году июля 4 дня московскаго новодевичя монастыря игуменья паладия дурова суца книгу псалтырь и подписала». «Подписывая» библиотеку, игуменья обращала внимание на уже имеющиеся в книгах записи. Обычно она вторично подписывает книги светских вкладчиков и оставляет неподписанные книги, принадлежавшие прежним игуменьям или монахиням монастыря. Так, ею не были подписаны книги, купленные при игуменьях Анастасии Хоцковской, Олимпиаде Коховской (1718—1739), Анастасии Голенкеевской (1739—1746), Иннокентии Келпинской (1746—1774).

Оказалась не подписанной игуменьей и «внутренняя» библиотека Новодевичьего монастыря, принадлежавшая коллективному собственнику, названному в записях «кутеинскими старицами». Библиотека «кутеинских стариц» насчитывает в общей сложности 82 книги, в основном клиросного и келейного назначения. Из этой библиотеки 62 книги помечены как вклады самих стариц — «сию треодь купили оу монастырь кутеинские новодевичьи старицы» или «7202 году марта в 1 день сия глаголемая Треодь постная купили кутеинския старицы переведеныя в новодевичь монастырь на манастырския денги». Из книжных записей следует, что старицы были хорошо известны в Москве и пользовались покровительством царской семьи. Царь Федор Алексеевич и царевичи Петр и Иван пожаловали им семь книг. Духовник старец иеромонах Варфоломей⁴ вложил в монастырь 13 книг. На всех этих книгах — близкие по формулировке записи: Патерик Киево-Печерской лавры (Киев, 1678) — «7203 году марта в 1 день сия книга патерик печерский дал по душе свое детям своим духовным кутеинским старицам на общу».

Сведения о заселении Новодевичьего монастыря «казацкими монахинями» «из Смоленска и Могилева» впервые встречаются у Павла Алеппского⁵. Истинность этих сведений подтверждена архивными изысканиями К. В. Харламповича, полагавшего, что во второй половине XVII в. «большинство новодевичьих стариц были белорусскими, сохранившими связи с кутеинскими и другими белорусскими монастырями»⁶. Маргина-

² Имена этих монахинь, а также род Потемкиных многократно упоминаются в монастырском Синодике 1710 г. (ГИМ 104027/3).

³ В этой записи вторая дата предшествует году издания книги. Очевидно, в записи вкралась ошибка, правильным следует считать 1691 г. Эта дата совпадает со сроком игуменства Анастасии Хоцковской (1690—1693).

⁴ Иеромонах Варфоломей — возможно, выходец из Иверского Валдайского монастыря. В Синодике 1710 г. его имя упомянуто в роде игуменья И. М. Потемкиной (л. 25 об.).

⁵ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1898, вып. 4, с. 152.

⁶ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т. 1, с. 279.

лии на книгах монастырской библиотеки сегодня являются важнейшим источником в фондах музея, подтверждающим этот вывод исследователя.

Книжные записи в библиотеке «кутеинских стариц» позволяют уточнить положение «стариц» в монастыре. Так, запись в Триоди постной (М., 1693) сообщает нам имя игуменьи Новодевичьего монастыря с 1693 по 1701 г. Ею оказывается одна из «кутеинских стариц» — Памфилия Потемкина. В рукописном Синодике Новодевичьего монастыря 1710 г. «схимомонахиня игуменья Памфилия» помещена в списке игумений кутеинского монастыря. В монастырском Синодике неоднократно встречается род Потемкиных, давший монастырю игумений, наместниц и стариц⁷. Материалы Синодика 1710 г. и книжные записи монастырской библиотеки позволяют видеть в «кутеинских старицах» одну из авторитетных групп, возможно даже занимавших главенствующее положение в монастыре конца XVII — начала XVIII в.

В это время Новодевичий монастырь вызывал повышенный интерес Преображенского приказа, где велось следственное дело о стрельцком восстании 1698 г. В задачу следствия входил розыск письма царевны Софьи стрельцам. Допросы царевен, их ближайшего окружения (кормилиц, карлиц, сенных девушек) не дали определенных результатов. Монастырское окружение царевны Софьи (в частности, «кутеинские старицы») к следствию не привлекалось, хотя в распросных речах появляются имена и обстоятельства, имевшие к ним отношение. Называется имя старицы «Лисанья родом польки»⁸, передавшей письмо у задних ворот монастыря; священника «кутьян»⁹ Василия Харитонова, сообщившего о появлении стрельцов; «церковных дячков»¹⁰, знавших о приходах стрельцов, и т. д. Кроме того, «кутеинские старицы», имевшие много родственников в окрестностях монастыря и часто ездившие в Успенский монастырь под Оршей¹¹, сами могли помочь царевне в передаче письма. Возврат правления царевны Софьи, много сделавшей для благосостояния монастыря в 80-е годы, естественно, соответствовал интересам правящих монастырских группировок.

«Кутеинские старицы» оказались среди немногих лиц, которым удалось избежать допросов в застенках Преображенского приказа. Однако выводы из следственного дела в целом оказались неблагоприятными для дальнейшей истории Новодевичьего монастыря. В 1702 г. по указу Петра I были строго ограничены посещения монастыря и сам он подчинен Преображенскому приказу.

Так маргиналии на книгах Новодевичьего монастыря расширили наши представления о конкретных участниках известных политических событий конца XVII в.

⁷ Синодик 1710 г., л. 18 об.

⁸ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 12/216, л. 30.

⁹ Там же, д. 12/121, л. 1. М. М. Богословским слова «у кутьян» были прочитаны как «у крестов». См.: *Богословский М. М.* Петр I. М., 1946, т. 3, с. 57.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 12/121, л. 1.

¹¹ *Харламович К. В.* Малороссийское влияние..., с. 279–280.

А. Б. Каменский

О РАБОТЕ Г.-Ф. МИЛЛЕРА НАД ИСТОЧНИКАМИ ПО ИСТОРИИ И ГЕНЕАЛОГИИ ДВОРЯНСТВА

Исследования в области истории и генеалогии русского дворянства занимают видное место в отечественной историографии XVIII в. Значительный вклад в изучение этих проблем внес Г.-Ф. Миллер, чья книга «Известие о дворянах российских» явилась первым научным трудом в данной области. Настоящая работа посвящена определению источниковой базы историко-генеалогических трудов Миллера, характерных для него приемов работы с источниками.

Начало занятий Миллера генеалогией совпало с его первыми шагами в исторической науке. Уже в 1730 г. ему было поручено составить родословие графов Сапег. По признанию самого историка, этим первым опытом он «подготовил себя к трудным, но полезным работам представлять в таблицах родословия из истории, а также знатнейших русских семейств»¹. Вскоре после возвращения Миллера из Сибири состоялся его спор с П. Н. Крекшиным о происхождении царской фамилии², который был окончательно разрешен уже после смерти последнего в 1764 г., когда Сенат постановил сдать дело в архив, поскольку «зачалось оное по самопроизвольному от Крекшина представлению»³. В последующие годы Миллеру еще несколько раз пришлось участвовать в дискуссиях историко-генеалогического характера. Одна из них была связана с ответом Миллера на критику опубликованной им в 1755 г. в «Ежемесячных сочинениях» «Краткой росписи великим князьям всероссийским», составленной В. Н. Татищевым⁴. Миллер сопоставляет указанные в ПВЛ даты обручения Игоря и Ольги, похода Ольги на древлян, первых походов Святослава, посещения Ольгой Константинополя. Историк ссылается на различные списки летописи, в том числе на лицевую Радзивилловскую летопись. Он приходит к выводу, что указанная в летописи дата обручения Игоря и Ольги неверна, ибо если бы это произошло в 903—904 гг. («оба года находятся у Нестора в разных экземплярах его летописи», — замечает Миллер⁵), то в 955 г. византийский император не мог бы удивляться ее красоте. Это незначительное на первый взгляд замечание примечательно тем, что уже в нем отразился критический подход Миллера к летописным известиям. Рассуждения Миллера о неточности хронологии в летописи попали позднее в его статью «Сумнительства, касающиеся до российской истории».

В 1765 г. Миллер переезжает в Москву, где ведет активную научную и издательскую деятельность, которая проходит в тесном сотрудничестве с Н. И. Новиковым. Авторитет Миллера-историка велик, к нему постоянно обращаются за различными справками исторического характера. Видимо, в связи с подобной консультацией и появляются в «портфелях» два документа, в которых речь идет о происхождении матери царя

¹ Пекарский П. П. История императорской Академии наук. СПб., 1870, т. 1, с. 312.

² Подробнее об этом см.: Каменский А. Б. История создания и публикации книги Г.-Ф. Миллера «Известие о дворянах российских». — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 164—165.

³ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 578, л. 2.

⁴ См.: Каменский А. Б. Неизвестные татищевские документы в «Портфелях Г.-Ф. Миллера» ЦГАДА. — В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984.

⁵ ЦГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 1, д. 13, л. 1 об.

Михаила Федоровича. Это два подлинных письма, подписанных «Симон Е. К.». Первое датировано 23 февраля 1777 г. Из письма становится ясно, что его автор написал некое сочинение по истории Костромы, и, поскольку речь в нем шла о пребывании Михаила Романова с матерью в Костромском Ипатьевском монастыре, возник спор автора письма с Миллером о происхождении инокини Марфы: откуда она — из рода Сицких или Шереметевых? Автором письма был, по всей видимости, Симон (Лагов) — епископ Костромской с 1770 по 1778 г. В 70—90-е годы XVII в. типография Московского университета издала несколько сборников его проповедей⁶. Текстом работы Симона по истории Костромы мы не располагаем, опубликована она не была⁷, однако его письма свидетельствуют о широкой образованности и интересе их автора к русской истории.

Симон сообщает, что в Синодике Ипатьевского монастыря никаких сведений о происхождении Марфы нет, но ссылается на «Костромской летописец», где рассказывается о присылке к Михаилу Романовичу от Земского собора боярина Ф. И. Шереметева, что, по мнению автора письма, свидетельствует о происхождении матери молодого царя из рода Шереметевых. Во втором письме Симон ссылается на Летопись о многих мятежах, сочинения М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова. На полях этого письма Симон кратко записал возражения Миллера, из которых явствует, что тот не слишком настаивал на своем мнении о происхождении Марфы из рода Сицких. По-видимому, в связи с этим спором Миллер составил «Записку и табель родства фамилии Сицких с Романовыми». Здесь Миллер сообщает, что князь В. А. Сицкий был женат на сестре Анастасии Захарьиной, а князь И. В. Сицкий — на сестре Филарета Романова. В первом случае историк ссылается на родословные книги, во втором — на надгробные надписи в Новоспасском монастыре в Москве. Что же касается жены Федора Никитича, то Миллер вспоминает, что в родословной таблице, составленной им в противовес таблице Крекшина, он указал, что она была дочерью князя Ивана Петровича Сицкого. «Теперь я не помню, откуда я тогда оное взял, может быть, из родословной таблицы о той же фамилии Романовых, Крекшиным сочиненной», — признается Миллер⁸. Позднее историк исправил свою ошибку. В деле с материалами к родословию Романовых рукой Миллера записано: «7139 26 генваря преставилась Марфа Ивановна, мать царя Михаила Федоровича, от родства была Шестовых, Морозовых и Салтыковых»⁹.

Приведенные эпизоды дают лишь некоторое представление о генеалогических разысканиях Миллера и характере источников, которыми он пользовался. В «Портфелях Г.-Ф. Миллера» собраны материалы по генеалогии и истории нескольких десятков дворянских фамилий. Здесь

⁶ См.: *Филарет (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы 1720—1858 гг. СПб., 1861, кн. 2, с. 107—108.

⁷ Сведения о подобном труде отсутствуют в библиографических указателях: *Титов А. А.* Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. М., 1892; *Неустров А. Н.* Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. СПб., 1898; Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае. Кострома, 1907.

⁸ ЦГАДА, ф. 199, п. 150, ч. 6, д. 11, л. 1.

⁹ Там же, п. 284, ч. 3, д. 34, л. 3. Интересно, что сюжет, связанный с происхождением матери царя Михаила Федоровича, отразился и в трудах Гатищева, который в «Примечаниях на книгу, учиненную господином Стралебергом...» писал: «Сказует, якобы Федор Иванович Шереметев был брат матери царя Михаила Федоровича. Оное неправо, показывают бо быть ей рода Жестовых; а по гистории видится, что она была дочь князя Ивана Петровича Ситского, потому что Годунов как Федора Никитича Романова с женою, разослав по монастырем, велел постричь, а детей их, Михаила с сестрою, сослал к деду их, оному Ситскому, в деревню, и тако мнится, что он тесть был Романова. Шереметев же был свой тому, что он и Лыков имели сестер Федора, или Филарета, Никитича Романова» (*Гатищев В. Н.* История Российская. Л., 1968, т. VII, с. 425). Позднейшие исследования подтвердили мнение Миллера о том, что Ксения Романова была из рода Шестовых. См., например: *Кизиветтер А. Филарет.* — Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон, 1902, т. 70, с. 735—737.

копии и подлинники различных документов, выписки из рукописных и печатных русских и иностранных источников, многочисленные родословные таблицы, росписи, заметки по истории родов. Все это собиралось Миллером на протяжении многих лет и, вероятно, лишь незадолго до смерти систематизировано по фамилиям.

Генеалогические материалы Миллера сконцентрированы в основном в портфелях № 246, 279 и 284; всего здесь находится 150 ед. хр. Собранные в них документы можно условно разделить на две большие группы, отнеся к первой источники в виде копий и подлинников отдельных документов, а также выписки из разного рода рукописей и книг, а ко второй — материалы авторского характера: составленные Миллером родословные таблицы, работы по истории отдельных фамилий.

В первой группе выделяются подлинные документы XVII в., которые, хотя и не многочисленны, представляют значительный интерес. Среди них — родословная таблица великих князей от Владимира Святославича до царя Федора Ивановича, представляющая собой, по всей видимости, лист из родословной книги XVII в.¹⁰ В деле с материалами по истории фамилии Волконских находится несколько листов столбцовой формы с родословными росписями, на обороте одного из них — помета: «134 году мая в 20 день принес князь Федор Волконской»¹¹. По-видимому, это часть местнического дела, в котором, помимо росписи, находятся черновые выписки из нее и родословная таблица, написанные отличным от росписей почерком, вероятно рукой подьячего. В виде особого дела хранится в фонде обрывок столбца с записями о родстве по женской линии князей Долгоруких. На документе имеется отметка о том, что он подан боярином Владимиром Тимофеевичем Долгоруком¹². Это позволяет датировать составление документа не позднее 1633 г. (дата смерти В. Т. Долгорукого). Среди подлинных документов XVII в. находится также родословная роспись князей Ромодановских, написанная полууставом с киноварными прописными буквами на бумаге с филигранью «Голова щута», близкой к № 478 в альбоме Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной (1680 г.)¹³.

Среди копияных материалов привлекает внимание спорное дело князей Волконских с И. Б. Репниным, М. И. Лыковым и К. О. Щербатовым, возникшее в связи с подачей Волконскими родословной росписи в Палату родословных дел после отмены местничества. К делу прилагались копии и выписки из ряда документов XV—XVI вв. В «портфелях» имеется также ряд копий с родословных росписей конца XVII в., в том числе не сохранившиеся в подлиннике и неизвестные в других копиях росписи Морткиных, Нарышкиных, Грязных, Стремоуховых и Толстых.

Вторая группа генеалогических материалов в «Портфелях Г.-Ф. Миллера» представлена прежде всего составленными им родословными таблицами великокняжеских, княжеских и дворянских родов. Как правило, таблицы имеются в фонде не менее чем в двух экземплярах: черновом и беловом. Они весьма разнообразны по форме, полноте сведений, широте хронологического охвата. Здесь — и вертикальные и горизонтальные таблицы, в основном нисходящего родства. В вертикальных таблицах имя родоначальника, как правило, помещено в верхней части листа. Таблицы в виде генеалогического древа практически отсутствуют. Также редки таблицы «в кружках»; чаще встречаются таблицы с использованием фигурных скобок. В таких таблицах в скобках обрисовывается потомство одного члена рода. Помимо простого перечисления имен, многие таблицы содержат информацию о службах, браках, датах жизни. Таковы, например, таблицы по генеалогии рода Шереметевых¹⁴, составляющие часть

¹⁰ ЦГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 1, д. 1а, л. 1.

¹¹ Там же, ч. 2, д. 7, л. 88.

¹² Там же, д. 8.

¹³ Водяные знаки рукописей России XVII в./Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980, с. 68.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 199, п. 246, д. 10, л. 4–5.

обширного дела с материалами по истории этого рода. Здесь сохранился составленный Миллером своеобразный формуляр для заполнения на членов рода с выделением в отдельные графы конкретных данных о лицах мужского и женского пола. Так, для женщин выделены следующие графы: «Рождение, брачное сочетание, служба супруга ея, дети»¹⁵. Подобное расширение информативности родословных таблиц путем введения в них данных о служебной деятельности, брачных связях (не только мужчин, но и женщин), использование родословных таблиц различных видов, а также разработка новых форм фиксации генеалогических данных были, безусловно, шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом в развитии генеалогии как специальной исторической дисциплины.

Среди генеалогических таблиц, находящихся в «портфелях», обращают на себя внимание таблицы по истории княжеских и царских родов различных народов Сибири, Поволжья, некоторых стран зарубежной Азии. Эти таблицы, составленные большей частью на основе материала, собранного Миллером во время пребывания в Сибири в результате опроса местного населения, являются ценным источником по истории бесписьменных народов Сибири и Дальнего Востока¹⁶.

При изучении и использовании работ Миллера по генеалогии встает вопрос о степени достоверности содержащихся в них сведений, об их источниковедческой значимости. Этот вопрос может быть решен лишь путем определения источниковой базы трудов Миллера по генеалогии и истории дворянства. Анализ текста рукописей, состава выписок из документов, источниковедческий анализ отдельных известий позволяют определить, что в круг использованных Миллером источников входят летописи, хронографы, Киево-Печерский патерик, Степенная книга, родословные книги, акты, акты источники, разрядные книги, боярские книги, десяти, дела Посольского и Разрядного приказов, Государев родословец 1555 г., Бархатная книга, надгробные надписи на плитах крупных монастырей и т. д. Однако, помимо обозначения круга использованных Миллером источников, можно определить и некоторые конкретные рукописи и документы, с которыми он был знаком. Такая возможность обуславливается, во-первых, тем, что известно, какими рукописными собраниями пользовался Миллер, и, во-вторых, наличием в его трудах ряда отсылок на конкретные источники.

С 1725 по 1765 г. Миллер жил в Петербурге, где сначала в качестве помощника библиотекаря, а затем профессора и конференц-секретаря Академии наук имел доступ к богатейшему собранию академической библиотеки (ныне рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР). После переезда в Москву и назначения в 1766 г. управляющим Архивом Коллегии иностранных дел историк знакомится с его документальными фондами и рукописным собранием. Наконец, в 1768 г. специальным приказом генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского Миллеру разрешается работать с материалами Разрядно-Сенатского архива¹⁷. Помимо государственных коллекций, он, конечно, знал и ряд рукописей, находившихся в частных собраниях; многие из этих документов были им скопированы. Эти копии сохранились большей частью в ЦГАДА в составе двух фондов: «Портфели Г.-Ф. Миллера» и «Рукописный отдел библиотеки МГАМИД».

Один из важнейших источников родословных таблиц Миллера — летописи. Выше уже говорилось о знакомстве Миллера с ПВЛ по лицевой Радзивилловской летописи, две копии которой хранились в академической библиотеке. По этим рукописям И. Паусом был осуществлен перевод на немецкий язык отдельных отрывков, изданных Миллером еще в первой половине 30-х годов XVIII в. Известно также, что Миллер знал Троицкую пергаменную рукопись, копия отрывка которой хранится в

¹⁵ Там же, л. 3.

¹⁶ См., например: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 388, д. 53, л. 33 об.

«портфелях»¹⁸. Кроме этого, в первой половине XVIII в. в Библиотеке Академии наук хранились рукописи Воскресенской, Ипатьевской, Новгородской первой, Никаноровской, Симеоновской и Никоновской летописей¹⁹.

В генеалогических таблицах Миллер часто ссылается на летописи, понимая этот термин значительно шире, чем принято в современном источниковедении. Так, сообщая о том, что на свадьбе Василия Темного в 1433 г. присутствовал Захарий Иванович Кошкин, историк ссылается на «Старинный новгородский летописец»²⁰. О «Новгородском летописце» упоминает Миллер и в родословной таблице литовских князей в связи с женитьбой Ягяйла Ольгердовича на польской принцессе в 1381 г.²¹ Между тем, оба эти известия отсутствуют в Новгородской первой летописи, поступившей на хранение в академическую библиотеку в 1737 г., однако оба они имеются в Хронографе редакции 1512 г.²² Список этого Хронографа поступил в БАН в 1728 г., а запись на листе 6 об. этой рукописи объясняет название, употребляемое Миллером: «Книга, глаголемая Хронограф, сиречь Летописец Великаго Новаграда соборныя церкви Премудрости слова божия церковныя»²³. Характерно, что в отношении датировки свадьбы Ягяйла хронограф подвел Миллера: в других русских источниках это событие отнесено к 1386 г., в том числе в Ипатьевской и Воскресенской Летописях²⁴. В той же таблице литовских князей в связи с обозначением даты смерти Гедемина Миллер отмечает, что в русских летописях указывается 1341 г., в то время как польские авторы (конкретных имен Миллер здесь не называет) относят это событие к 1328 г.²⁵ Историк склоняется в пользу версии русских источников и на этот раз не ошибается.

В небольшом предисловии к родословной таблице князей Голицыных в числе других источников Миллер называет и «Хронограф соборной церкви Софии премудрости божии казенныя из Великаго Новаграда»²⁶. Это название близко к приведенной записи на Хронографе редакции 1512 г., однако последний, как установлено, Миллер называл «Новгородским летописцем». Между тем, в 1748 г. в академическую библиотеку от П. Н. Крекшина поступил исторический сборник XVII в. под названием «Сия книга Гранограф соборныя церкви Софии премудрости божия казенныя из Великаго Новаграда»²⁷. Без сомнения, Миллер пользовался именно этой рукописью, в состав которой входит список новгородской Уваровской летописи с рядом родословий.

Другой важный источник генеалогических работ Миллера — Степенная книга. Как известно, Миллер впервые осуществил издание Степенной книги в 1775 г.²⁸ Рукопись, которой он, по всей видимости, пользовался при издании, принадлежала Н. Н. Бантышу-Каменскому и хранится ныне в ЦГАДА²⁹. Однако со Степенной книгой Миллер был

¹⁸ Моисеева Г. Н. Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г.-Ф. Миллером. — ТОДРЛ. Л., 1971, т. XXVI. Исследовательница ошибается, считая, что документ написан рукой самого Миллера, — он написан писарским почерком. Этот отрывок не был известен М. Д. Приселкову, который знал лишь выписки Миллера из Троицкой летописи, опубликованные в 1840 г. М. Оболенским. См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 9.

¹⁹ См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959, т. 3, вып. 1, с. 303–304, 310–311, 325–327, 332–354 (далее: Описание БАН).

²⁰ ЦГАДА, ф. 199, п. 279, ч. 1, д. 6, л. 1.

²¹ Там же, д. 43, л. 15.

²² ПСРЛ, т. 22, ч. 1, с. 415, 431.

²³ Описание БАН, т. 3, вып. 1, с. 69–70.

²⁴ ЦГАДА, ф. 199, п. 279, ч. 1, д. 6, л. 1.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, п. 279, д. 43, л. 1.

²⁶ Там же, д. 32, л. 6.

²⁷ Описание БАН, т. 3, вып. 2, с. 175–181 (современный шифр: ОР БАН 34.4.1).

²⁸ Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российскую, напечатанная под смотрением... Г.-Ф. Миллера. М., 1775. Ч. 1, 2.

²⁹ ЦГАДА, ф. 181, д. 27.

знаком задолго до переезда в Москву. В библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. хранилось несколько списков этого памятника. В одной из родословных таблиц великих князей Миллер ссылается на одну из этих рукописей: «Напереди Степенной книги в академической библиотеке под № 14 приплетена часть родословной книги»³⁰. В «портфелях» хранится несколько рукописей с копиями отдельных глав Степенной книги. Среди них — «Выписка из Степенной книги действительного тайного советника барона Ивана Антоновича Черкасова»³¹.

В Библиотеке Академии наук в Петербурге Миллер мог познакомиться и с рядом родословных книг. Некоторые из этих рукописей первоначально также принадлежали П. Н. Крешину. Однако до ссоры с последним Миллер пользовался и его коллекцией рукописей. В ней, вероятно, находилась и, по-видимому, несохранившаяся «Золотая родословная книга». Сборник выписок из нее рукой Миллера на немецком языке с небольшими фрагментами текста по-русски хранится в ЦГАДА, а копия сборника писарским почерком под заголовком «Excerpta Genealogica» — в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР³². Ленинградский список написан на бумаге с филигранью «1743», а его титульный лист с заголовком — рукой Миллера на бумаге с филигранью «1748». Оригинал книги, состоявшей из 34 глав, был на русском языке: оставленные непереведенными фрагменты текста сохранены, видимо, в виду образности языка, пропадавшей при передаче на немецком. Кроме этого, даты в тексте рукописи даны от сотворения мира.

После переезда в Москву Миллер активно занялся собиранием источников по генеалогии. По его приказанию была скопирована родословная книги, присланная от канцлера князя А. М. Голицына. В фонде «Рукописное собрание библиотеки МГАМИД» хранится родословная книга, на титульном листе которой имеется запись: «Оная книга списана по приказанию его высокородия коллежского советника Герарда-Фридриха Миллера в 1768 году в марте месяце»³³. В МАКИД хранились и другие родословные книги. На одну из них Миллер ссылается в таблице «Род астраханских царей», называя ее «родословной книгой архивской в самом большом формате»³⁴. Знал Миллер и Родословие, составленное Лаврентием Хурелигом в 1673 г. Его латинский текст и перевод на русский язык, выполненный Н. Спафарием, сохранились в архиве Посольского приказа³⁵. Выписки из этого сочинения рукой Миллера имеются в его «портфелях»³⁶. Здесь же находится сообщение о неизвестной нам родословной книге: в виде отдельного дела хранится «Содержание родословной книги Андрея Поснякова»³⁷. Такого же частного происхождения была, видимо, «домовая книга князя Андрея Яковлевича Хилкова о представлении родителей его, которая осталась после смерти князя Алексея Дмитриевича Голицына»³⁸.

Знакомство Миллера с материалами Архива Коллегии иностранных дел заставило его обратить внимание на дела Посольского приказа при сборе данных о службах представителей различных фамилий. На посольские книги Миллер ссылается в родословиях Милославских, Шереметевых, Завадовских. В частности, упоминается посольство Б. П. Шереметева в Польшу в 1686—1687 гг.

Широкие возможности для изучения генеалогии русского дворянства

³⁰ Там же, ф. 199, п. 279, д. 8, л. 1 (выше: рукопись ОР БАН 32.8.6).

³¹ Там же, п. 23, д. 3. В описи фонда по названию этого дела описан весь «портфель», хотя в нем хранятся различные материалы, в том числе список «Летописи о многих мятежах».

³² Там же, п. 284, ч. 1, д. 7; ЛО ААН, ф. 21, оп. 6, д. 10.

³³ ЦГАДА, ф. 181, д. 176, л. 1 (описание рукописи: *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 60).

³⁴ Там же, ф. 199, п. 284, ч. 2, д. 1, л. 1.

³⁵ Там же, ф. 135, отд. V, рубр. II, д. 26, 27 (описание см.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. М., 1971, с. 167).

³⁶ Там же, ф. 199, п. 284, ч. 1, д. 10.

³⁷ Там же, д. 16.

³⁸ Там же, ч. 2, д. 17, л. 1.

открылись для Миллера в связи с его знакомством с разрядными книгами. Впервые он обратился к ним еще в Петербурге, в основном, по спискам П. Н. Крекшина. Историк сразу оценил значение этого источника для генеалогии. В составленной им родословной таблице Рюриковичей Миллер пишет: «Сие родословие утверждается по большей части на разрядных книгах, которые комисар Петр Крекшин у себя имеет, потому что в оных дела и заслуги всех знатных российских родов, которые государству свои службы показали, обстоятельно описаны»³⁹. Выписки из разрядов с рукописи Крекшина за 1575/76—1580 гг. сохранились в «портфелях»⁴⁰. Здесь же хранится ряд копий с разрядных книг и несколько рукописей XVII в. Некоторые из этих рукописей частного происхождения, в том числе «Книга розрядная дому боярина князя Федора Григорьевича Ромодановского»⁴¹ и копия книги, принадлежавшей князю Д. М. Черкасскому⁴².

Важным источником родословных росписей Миллера, связанным с Разрядным архивом, являются боярские книги. Ссылки на них встречаются в родословиях Нарышкиных, Милославских, Грушецких, Шереметевых и др. Вследствие неустоявшейся источниковедческой терминологии ссылки Миллера на боярские книги не всегда можно с точностью идентифицировать. Так, в родословии Милославских имеется ссылка на боярскую книгу 7060 г., под которой, очевидно, понимается Дворовая тетрадь. В данном случае Миллер следовал за источниками XVII в.⁴³ В этом же родословии историк упоминает боярские книги 7162, 7168 и 7169 гг., имея в виду кормленые четвертные книги⁴⁴. В родословии Нарышкиных находится ссылка на боярские книги 7135, 7137, 7139, 7148, 7155 и 7166 гг.⁴⁵ Все эти книги, действительно, определяются современными исследователями как боярские, они хранились в Разрядном архиве⁴⁶.

Работая с материалами Разрядного архива, Миллер не мог, конечно, пройти мимо родословных росписей конца XVII в. В «портфелях» хранится не только ряд копий с этих росписей, но и значительное число родословных таблиц, составленных Миллером на основании этих росписей. Важно отметить, что, составляя эти таблицы, Миллер повторял ссылки росписей на те или иные источники. Так, в таблице Головиных историк вслед за росписью этого рода ссылается на вкладные книги Троице-Сергиевого монастыря⁴⁷.

Среди документов Разрядного архива, упоминаемых в родословных росписях Миллера, находятся также записные книги Московского стола Разрядного приказа и десяти. Первый из этих источников активно использовался историком при изучении формирования государственного аппарата России XVI—XVII вв.⁴⁸ В «портфелях» находятся комплекс выписок из записных книг с 1626 по 1711 г., а также сборники выписок по определенной проблеме, например по истории приказов. Что же касается десятен, то привлечение их в качестве источника по генеалогии было безусловным достижением в ее развитии как специальной исторической дисциплины. Как будет показано ниже, Миллер впервые в историографии оценил значение этого источника для изучения структуры и функций служилого сословия Российского государства XVI—XVII вв.

³⁹ Там же, п. 279, д. 8, л. 1.

⁴⁰ Там же, п. 127, ч. 15, 16, 18, 20, 21.

⁴¹ Там же, п. 159, ч. 1, д. 2, л. 1 (описание рукописи: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М., 1962, с. 52).

⁴² Там же, п. 127, д. 12, л. 1.

⁴³ *Лукичев М. П.* Сведения о боярских книгах в архивных описях XVII—XVIII вв.— В кн.: *Источниковедческие исследования по истории феодальной России.* М., 1981, с. 51, 52.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 3, д. 22, л. 8.

⁴⁵ Там же, д. 24, л. 24.

⁴⁶ *Лукичев М. П.* Обзор боярских книг XVII в.— АЕ за 1979 год. М., 1981, с. 255—266.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 3, д. 11, л. 14.

⁴⁸ См.: *Каменский А. Б.* Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине XVIII в.— ИЗ. М., 1982, т. 108, с. 264.

Как видно из родословных росписей, Миллер был также хорошо знаком с Государевым родословцем 1555 г. и Бархатной книгой. По последней Миллер приводит родословную Кобылиных. Как известно, именно от Миллера Н. И. Новиков получил рукопись Бархатной книги, по которой осуществил ее публикацию в 1787 г. Впервые в истории генеалогии Миллер использовал и такой источник, как синодики. В родословной таблице сибирских царей он ссылается на «Синодик церкви Грузинской богородицы, что в Китае-городе»⁴⁹.

Важное место в генеалогических исследованиях Миллера занимают акты материалы. Среди них — договорная (докончальная) грамота великого князя Василия Дмитриевича московского с великим князем Федором Ольговичем рязанским 1402 г., впервые опубликованная Новиковым в 1775 г. и, вероятно, сообщенная ему Миллером⁵⁰. Упоминаются также жалованные грамоты Ивана Грозного, Василия Шуйского, Михаила Федоровича и т. д. Основная часть этих документов хранилась в МАКИД и Разрядном архиве, упоминания о других были почерпнуты Миллером из родословных росписей конца XVII в.

Своеобразным источником генеалогических данных послужили для Миллера надгробные надписи московских монастырей. Прежде всего это надписи на надгробиях членов фамилии Романовых в Новоспасском монастыре⁵¹. Этот же монастырь упоминается и в родословии Шереметевых⁵². В родословной таблице рода Апраксиных упоминаются надгробные надписи Златоустовского монастыря⁵³. Действительно, в этом монастыре находились захоронения Апраксиных: в 1728 г. граф Ф. А. Апраксин вложил в монастырь 100 руб. на помин души его родителей⁵⁴. Надгробные монастырские надписи использовались Миллером для уточнения дат жизни отдельных лиц. В этом смысле характерна запись на родословной таблице князей Трубецких: «В Спасском монастыре, что на Новом в Москве, между прочими находится надгробная надпись о некотором князе Михайле Трубецком, по которой разсудить можно, что она князя Михайла Богдановича, и, следуя той подписи, он умер в 7043 (1534) году декабря 15 дня»⁵⁵. В «портфелях» имеется также отдельное дело, представляющее собой сборник копий с различных надгробных надписей, в том числе Вознесенского девичьего монастыря, Новоспасского монастыря, Архангельского собора⁵⁶.

Изучение Миллером различных видов источников и их использование для генеалогических исследований не могли не привести к необходимости критического рассмотрения отдельных известий этих источников. Прежде всего это относится к родословным книгам. На них, в частности, основаны родословные заметки и таблицы рода Бутурлиных. Миллер возводит его к легендарному Радше, выехавшему, согласно родословным книгам, в Россию при Александре Невском. Историк объясняет сообщение источника о выезде Радши «из немец» употреблением в древнерусском языке этого понятия для обозначения всех европейских народов. По мнению Миллера, Радша был выходцем из Венгрии и родственником правившего здесь магнатского рода Батори («паче для того, что прозвание Бутурлин имеет немалое сходство с фамилией прежних князей семиградских Баторевых»⁵⁷). Миллер ссылается на герб Бутурлиных,

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 2, д. 5, л. 14. Имеется в виду церковь Троицы в Никитниках, иногда называемая церковью Грузинской богородицы по хранившейся здесь иконе.

⁵⁰ Подлинник грамоты в ЦГАДА: ф. 135, отд. 1, рубр. II, № 10, л. 1 об.—2. Публикация Н. И. Новикова: ДРВ, 1-е изд., т. 8, с. 307—315.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 3, д. 34, л. 4.

⁵² Там же, п. 246, д. 10, л. 34.

⁵³ См.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892, т. 2, с. 138—139.

⁵⁴ ЧОИДР, 1866, т. 4, смесь, с. 62.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 199, п. 279, д. 43, л. 18.

⁵⁶ Там же, п. 413.

⁵⁷ Там же, п. 284, ч. 3, д. 3, л. 2 об.

который, по его мнению, также указывает на их венгерское происхождение, и на «Историю Венгрии» А. Бонфини⁵⁸. Далее историк подвергает сомнению сообщение русских родословных книг, приписывающих прозвание Бутурля не самому Радше, а одному из его потомков. Это, считает Миллер, произошло потому, что другие знатные роды также претендовали на происхождение от Радши.

В родословии князей Волконских Миллер останавливается на истории составления родословных книг, отмечая, что включаемые в них росписи не проверялись, за исключением тех случаев, когда их оспаривали представители других родов. По мнению историка, родословные книги впервые начали составляться на основе родословных, подававшихся при местнических спорах. Об этом Миллер пишет и в предисловии к своему «Опыту новейшей истории о России», причем осторожно добавляет: «...но всегда ли оные росписи были основаны на подлинных известиях, сие оставляется другим на разсуждение»⁵⁹. Порядок составления родословных книг отразился и на их составе. Так, служба князей Волконских рязанским князьям в XV в. (именно здесь Миллер ссылается на договорную грамоту Василия Дмитриевича с Федором Ольговичем) лишила их возможности подать роспись своего рода для включения в родословную книгу.

Обзор генеалогических материалов, находящихся в «Портфелях Г.-Ф. Миллера» в ЦГАДА, показывает, что поставленные историком цели далеко выходили за рамки прикладной генеалогии, распространенной в XVIII в. Сбор источников о происхождении, службах, родовых связях представителей самых различных фамилий русского дворянства независимо от степени их знатности в конечном счете вел к изучению истории всего правящего класса в целом или по крайней мере создавал источниковую базу для такой работы. Таким образом, впервые в отечественной историографии речь, по сути дела, шла о воссоздании истории целого сословия. Важным шагом на пути к этой цели должны были стать созданные под руководством Миллера «генеалогические тетради», представлявшие собой систематизированные по алфавиту фамилий выписки из разрядных книг о представителях нескольких сотен родов русского дворянства.

Составление служащими МАКИД «генеалогических тетрадей» проводилось, без сомнения, по разработанному Миллером плану, под его контролем и при непосредственном участии. Анализ текста «тетрадей» показывает, что после разности по фамилиям сведений разрядных книг предполагалось подобным же образом обработать и другие источники. Первым из них стала боярская книга 1573 г., сведения из которой находятся в «тетрадах». Если учесть, что боярская книга 1573 г. была, по видимому, самой ранней из известных Миллеру (список с нее, вероятно, имелся в МАКИД), то можно полагать, что вслед за ней также были бы обработаны и другие аналогичные источники.

Следует отметить, что Миллер отнюдь не рассматривал такие источники, как разрядные и родословные книги, исключительно с точки зрения генеалогии, он понимал их значение для разработки общеисторических проблем. Своего рода итогом занятий Миллера генеалогией и историей правящего класса явилась его книга «Известие о дворянах российских», написанная по заказу Екатерины II в 1776 г.

Книга начинается замечанием, свидетельствующим о глубоком знании автором приказного делопроизводства XVI—XVII вв. Миллер отмечает, что в допетровское время в России не существовало специального законодательства о дворянстве. Историк отрицает вероятность того, что такой документ мог не сохраниться, так как «когда б нибудь по каким ни есть делам в грамотах, указах, челобитных, приговорах и выписках на оные

⁵⁸ Антонио Бонфини (1434—1503) — итальянский историк, живший с 1486 г. при дворе венгерских королей, автор труда по истории Венгрии.

⁵⁹ Ежемесячные сочинения, 1761, т. 1, с. 15.

ссылались, чего не видно»⁶⁰. Останавливаясь на правах дворянства на владение поместьями, Миллер ссылается на Соборное уложение 1649 г. и указ Петра I о единонаследии 1714 г. как на важнейшие вехи в эволюции поместной системы. Он подчеркивает, что русское крестьянство далеко не всегда находилось в крепостной зависимости, и проследживает процесс закрепощения на основе указов 1593, 1597, 1601, 1607 гг. и Соборного уложения 1649 г. Историк ссылается на примечания В. Н. Татищева к Судебнику Ивана Грозного, которые были хорошо известны Миллеру, так как в 1768 г. он первый их издал. Этому изданию предшествовала длительная кропотливая редакторская работа как над текстом Татищева, так и над текстом самого Судебника, направленная на выявление и исправление ошибок в имевшейся у Миллера рукописи. Надо думать, что в ходе этой работы историк тщательно изучил законодательство XVI—XVII вв., чему способствовало его знакомство с материалами Разрядного архива и Архива Коллегии иностранных дел.

Переходя к характеристике дворянских служб и чинов, Миллер начинает ее с описания службы детей боярских. В этой главе фигурируют два источника: Тысячная книга и десятня по г. Владимиру 1570 г. Первая, по-видимому, была знакома Миллеру по списку, хранившемуся в МАКИД⁶¹. Он почти дословно приводит по Тысячной книге изложение указа Ивана Грозного об испомещении под Москвой тысячи дворян, а затем на основании данных источника дает краткую характеристику поместных окладов детей боярских. К десятне по Владимиру историк обращается для иллюстрации принципов организации русского войска XVI—XVII вв., системы поместных окладов провинциального дворянства. Он приводит отрывок из десятины, имеющий особую ценность, так как ее подлинник не сохранился. Отдельные фрагменты этой десятины встречаются в справках Разрядно-Сенатского архива XVIII в., но отрывок, приведенный Миллером, не повторяется⁶². Отрывок из десятины по Владимиру 1570 г., соответствующий тексту «Известия о дворянах», сохранился в «портфелях»⁶³. Между этой копией и текстом, включенным в книгу, имеются незначительные разночтения, касающиеся в основном написания имен. Копию из «портфелей» следует признать более достоверной ввиду ее первичности.

В главе, посвященной жильцам, Миллер обнаруживает хорошее знакомство с жилецкими списками. Он ссылается на списки 1663, 1665, 1671 гг., отмечает, что жилецкие списки составлялись до 1710 г. Историк приводит заимствованное из разрядных книг известие об участии жильцов в походе князя Д. И. Вишневецкого на Хортицу в 1558 г.

Описывая значение высших чинов русского дворянства XVI—XVII вв. — окольничих, стольников и бояр, Миллер опирается на сведения боярских книг 1616 и 1686 гг. На основании изучения этих книг историк приводит данные об изменениях в численности указанных чинов Государева двора, их денежных и поместных окладах на протяжении XVII в. Первый источник Миллер именуется не книгой, а списком. Это не случайно: боярская книга 1616 г. в виде книги появилась лишь в 1626 г. Она была переписана со столбца после пожара в Московском Кремле, и на ней значилось, что она скопирована «с списка 124-го года». Книга, которой пользовался Миллер, не сохранилась (известия о ней дошли до нас в описях XVIII в.)⁶⁴, но выписки из нее также имеются в «портфелях»⁶⁵. Боярская книга 1686 г. сохранилась и в настоящее время находится в ЦГАДА. Использование Миллером боярских книг для изучения состава Государева двора явилось, как отмечал М. П. Лукичев, первым

⁶⁰ Миллер Г.-Ф. Известие о дворянах российских. СПб., 1790, с. 1.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 181, д. 222.

⁶² За это сообщение благодарим М. Г. Кротова.

⁶³ ЦГАДА, ф. 199, п. 127, д. 14. Копия рукой Миллера под заголовком: «Выписка из оклада десятины детей боярских володимерцев».

⁶⁴ Лукичев М. П. Сведения о боярских книгах..., с. 56.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 199, п. 150, ч. 4, д. 15, л. 1—9.

в отечественной историографии случае привлечения этого ценного исторического источника⁶⁶: причем книга 1616 г. вплоть до 1890 г., когда опубликовали сохранившийся столбец, не была известна исследователям⁶⁷, ее не знали А. А. Востоков и В. О. Ключевский (по сути дела, единственные дореволюционные историки, изучавшие боярские книги).

С точки зрения развития источниковедения в «Известии о дворянах» представляют также интерес замечания автора о формуляре некоторых документов. Так, описывая функции и деятельность Боярской думы, Миллер анализирует формулу «государь указал и бояре приговорили». По мнению историка, ее следует воспринимать не буквально, а скорее как своего рода традицию, так как начиная с Ивана III русские цари правили самодержавно независимо от думы. Упомянув о посольстве князя Г. К. Волконского в 1697 г., Миллер отмечает, что звание «елатомского наместника» у Волконского фиктивно, и утверждает, что оно связано с традицией титулатуры полномочных посланников и носит не реальный, а «титулярный» характер⁶⁸.

Уже в своей работе «Опыт новейшей истории о России» Миллер значительно расширил традиционный круг источников историографии середины XVIII в. Состав источников, привлеченных им в этой работе, был вполне достаточен для исследования на научном уровне. То же можно сказать о работах Миллера по генеалогии русского дворянства. Однако уровень «научности» генеалогических трудов Миллера, бесспорно, соответствовал уровню развития исторической науки этого периода в целом. Процесс превращения генеалогии из занятия прикладного характера в специальную историческую дисциплину находился в самом начале, но в его ускорении Миллер, видимо, сыграл не последнюю роль. Особое значение для изучения проблем истории правящего класса имела книга «Известие о дворянах российских». Основанная на широком круге источников, некоторые из которых впервые вводились в научный оборот, она оказала определенное влияние на развитие отечественного источниковедения. Методика использования делопроизводственных источников, примененная Миллером в этой книге, была повторена в ряде других работ по истории дворянства, появившихся в конце XVIII в. Применение Миллером сопоставительного анализа данных различных источников для наблюдения за эволюцией отдельного сословия, а также наметившийся в его трудах критический подход к этим данным наряду с использованием широкой источниковой базой дают возможность согласиться с выводом С. В. Бахрушина об эволюции научного метода Миллера в прогрессивном для его времени направлении⁶⁹.

⁶⁶ Лукичев М. П. Обзор боярских книг..., с. 256.

⁶⁷ Опубликованный столбец датируется 1615 г. (Лукичев М. П. Обзор боярских книг..., с. 265).

⁶⁸ Миллер Г.-Ф. Известие о дворянах..., с. 51, 89.

⁶⁹ Бахрушин С. В. Г.-Ф. Миллер как историк Сибири.— В кн.: Миллер Г.-Ф. История Сибири. М.; Л. 1937, т. 1, с. 38–39.

Л. И. Шохин

ОБ ОДНОМ АРХЕОГРАФИЧЕСКОМ ЗАМЫСЛЕ Н. В. КАЛАЧОВА
(Подготовка издания приговоров
и актов Боярской думы и приказов)

Недавно С. О. Шмидт вновь обратил внимание на необходимость дальнейшего изучения того, как готовилось предложенное Н. В. Калачовым издание «Приговоров и актов Боярской думы и приказов»¹. Немного об этом издании конкретных данных в литературе: слишком запутана его история. Задуманное Калачовым, не успевшим выпустить ни одного тома, оно осуществлялось с немалыми трудностями после его смерти. До сих пор мало привлекали внимание исследователей источники, легшие в основу данной статьи,— хранящиеся в разных архивных фондах докладные записки, деловая и частная переписка организаторов и участников этого научного предприятия. Пытаясь разобраться в вопросах подготовки издания, приходится затронуть малоизученные стороны археографической деятельности Академии наук и архивных учреждений России того времени, так как в привлеченных источниках отразилась деятельность архивистов в период подъема научной работы в МАМЮ в конце XIX в.

В 1863 г. Калачов составил записку о задачах русской археографии, выдвинув на первый план издание повествовательных источников, а затем — «акты государственно-юридические: грамоты, уставы, наказания, судебные дела, розыски и т. п. документы, объясняющие законодательство, управление, судопроизводство до начала XVIII столетия»². Через 20 лет эта группа источников приобрела для него первостепенное значение. Он писал непременно секретарю Академии наук К. С. Веселовскому, что рассматривает свое избрание в академики как свидетельство желая ученого мира скорее начать разработку наших архивных материалов³. Калачов указывал: «...для Академии было бы весьма важно, пользуясь моими разысканиями, предпринять издание докладов и приговоров Боярской Думы с половины XVI столетия по 1708 г. и Ближней канцелярии с 1708 по 1711 г., а также докладов и приговоров XVI—XVIII столетий всех правительственных и земских, городских и уездных учреждений, собраний, съездов, сходок и пр.... Для образца же нового издания „Докладов и приговоров“ может послужить 2-я половина 2-го тома „Докладов и приговоров Сената“»⁴.

Возглавляемый Калачовым архив к тому времени уже начал совместное с Академией издание «Докладов и приговоров Сената» — учреждения, продолжавшего деятельность Боярской Думы и Ближней канцелярии.

Издать сенатские протоколы, естественно, несравненно легче, чем отыскать среди массы документов архива приговоры Боярской Думы. В этом отношении более просто осуществима вторая часть плана Калачова по изданию приговоров приказов. Как отмечал Н. Н. Ардашев, если некоторые указы и боярские приговоры были ранее напечатаны, главным образом в ПСЗ, то дела с приказными приговорами впервые предложил

¹ Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984, с. 116—118.

² ОР ГБЛ, ф. 18. Н. П. Барсуков, п. 5, д. 69, л. 1 и об.

³ ОР ГПБ, ф. 124. Собрание П. Л. Вакселя, д. 1891, л. 5—6.

⁴ ЦГИА, ф. 950. Н. В. Калачов, оп. 1, д. 307, л. 8—8 об., 9 (письмо Калачова Веселовскому).

опубликовать Калачов⁵. Но на практике эти два издания настолько тесно связаны, что разграничить проделанную по ним подготовительную работу затруднительно, тем более что ими занимались одни и те же сотрудники.

По мнению Н. А. Попова, преемника Калачова на посту директора МАМЮ, выбор такой темы издания, как «Приговоры и акты Боярской Думы», делает Калачову большую честь: «В настоящее время наша историческая литература только еще подошла к этому вопросу, и покойный Калачов с свойственной ему отзывчивостью схватился за этот вопрос». Он мог решиться на гигантскую работу по отысканию следов думского архива в делах учреждений, имевших доклады в Думе, «как академик, одновременно, и это еще, пожалуй, важнее в данном случае, управляющий таким громадным архивом»⁶.

В последние годы жизни Калачов считал названное издание своей важнейшей задачей и смотрел с точки зрения ее осуществления на многие другие стороны архивной деятельности, принесшие ему подчас больше известности, чем это не совсем удавшееся археографическое предприятие. Наряду с МАМЮ и Петербургским археологическим институтом он собирался привлечь к выявлению документов для издания слушателей создававшегося им при МАМЮ нового археологического института⁷ и губернские ученые архивные комиссии, а также воспользоваться неопубликованными работами исследователей, занимавшихся в МАМЮ и других архивах⁸. Обосновывая перед Академией проект создания губернских архивных комиссий, Калачов писал: «...я глубоко убежден, что осуществление предполагаемого мною издания Академией наук царских указов и приговоров, состоявшихся в разных учреждениях XVII столетия по 1711 г., невозможно без содействия губернских ученых архивных комиссий»⁹.

Избранный в апреле 1883 г. академиком, Калачов, придавая особое значение этой работе, посвятил свою речь на торжественном собрании Академии 29 ноября 1883 г. Боярской Думе и ее докладам и приговорам. Он, в частности, сказал: «...если мое собрание думских приговоров не превышает 2000 номеров, то приблизительное количество всех состоявшихся докладов и приговоров с половины XVI по начало XVIII столетия должно простираться по меньшей мере до 100 000»¹⁰.

И. Н. Николаев, начальник Разрядно-Сенатского отделения архива, подавая список своих трудов при избрании в МОИДР (его вместе с некоторыми другими сотрудниками Калачова избрали в знак уважения к памяти покойного), указал, что им по заданию Калачова выявлены боярские приговоры, на основании которых последним сделан доклад в Академии. Приговоры выписывались Николаевым из первых 26 записных книг Московского стола и из трех других книг 1615—1697 гг.; из древнейшей указной книги Поместного приказа 1626—1649 гг., хранящейся в библиотеке Калачова; из указной книги Поместно-Вотчинного отделения МАМЮ 1649—1709 гг.; из разрядных вязок по Ближней канцелярии и Разряду 1707—1708 гг.; из 73-й книги Белгородского стола (1677 г.); из четырех книг, хранящихся в делах Сената, но относящихся к 1690—1708 гг.; из столбца Поместного приказа по Москве № 26/189 (1652 г.)¹¹.

⁵ ЦГАДА, ф. 337. Канцелярия МАМЮ, оп. 1, д. 9737 (докладная записка Н. Н. Ардашева Д. Я. Самоквасову), л. 11.

⁶ ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451 (письмо Попова Веселовскому), л. 11, 16.

⁷ *Востоков А. А.* Памяти Н. В. Калачова. — *Вестн. археологии и истории*, 1886, вып. 5, с. 50—52.

⁸ ЦНБ АН УССР, № 1.45842, л. 2 (письмо Калачова Д. И. Багалею об издании его диссертации «Окраины Московского государства»).

⁹ ЛО ААН, ф. 2. Конференция АН, оп. 1, 1883 г., д. 9, л. 20—20 об.

¹⁰ *Калачов Н. В.* О Боярской думе. СПб., 1885, с. 29.

¹¹ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 8444, л. 11; д. 1346, л. 5 (представление Калачова о награждении Николаева).

В 1893 г. Ардашев подал Д. Я. Самоквасову докладную записку о просмотре копий документов, собранных Калачовым для издания «Сборника докладов и приговоров Боярской Думы и приказов» — свыше 1 тыс. листов выписок и копий (в фонде канцелярии МАМЮ оставлен составленный в 1906 г. перечень этих материалов¹²). В записке Ардашева отмечается, что дела Новгородской приказной избы с решениями воевод и дьяков за 1577—1606 гг. оставлены все вместе как единственные для XVI в., в то время как выписки из книг, столбцов и грамот приговоров, иногда с докладами по земельным делам XVII в., не лежат в том порядке, как были сделаны, а разобраны на три группы по происхождению: 1) указы, состоявшиеся по докладом государю 1620—1709 гг. (90 номеров); 2) боярские приговоры 1634—1700 гг. (202 номера); 3) приговоры Поместного приказа 1627—1696 гг. (10 номеров). В такой группировке собранного материала Ардашев усматривает план для издания: «материал как будто был совсем приготовлен к печатанию»¹³.

Можно предположить, что доработка и систематизация выписок произведена, впрочем, позднее, уже при Попове, ибо он неоднократно писал Веселовскому, что обнаружил после Калачова только отрывки готовящихся материалов, которые «разбросаны теперь в разных местах, в архиве их весьма мало»¹⁴. Возвращение того, что было обнаружено в Петербургском археологическом институте¹⁵, показало Попову, что подбор разнородных документов для издания потребует еще много труда и времени. По их перечню налицо оказались копии 17 указных грамот и боярских приговоров из 1-й записной книги Московского стола, относящихся к устройству станичной и сторожевой службы 1577—1590 гг., большинство из которых уже было опубликовано И. Д. Беляевым в его исследовании «О сторожевой и станичной службе»; дела Новгородской приказной избы по челобитьям служилых людей об отводе поместья; подробные описи 206 столбцов Московского стола, из которых выписаны все доклады и приговоры (из них описи 43 столбцов неизвестно где затерялись). Из указной книги Поместного приказа, принадлежавшей Калачову, выписано 48 указов: из другой указной книги, хранившейся в МАМЮ, и из 30 столбцов Поместного приказа по Москве и по Рязани — свыше 200 дел с приговорами по отдельным челобитным 1634—1700 гг. и 42 указа о том же 1650—1696 гг.; из Петербургской Публичной библиотеки (Погодинского и Толстовского собраний) — 116 указов и приговоров Поместного приказа (однородных с делами МАМЮ); из ПСЗ — 58 указов и из «Актов исторических» — 6 за 1649—1690 гг. для сличения с делами МАМЮ¹⁶.

Калачов надеялся, что легче будет выявить материал для «Докладов и приговоров приказов». Он сообщил Академии, что описи документов Разрядного и Поместного приказов «с потребными для объяснения их исследованиями могут быть в скором времени изготовлены чиновниками архива» и документы подготовлены к изданию¹⁷. Из рапорта Калачова министру юстиции в ноябре 1884 г. видно, что он собирался издать 1-й том в 1885 г.¹⁸, но работа над ним двигалась медленнее, чем предполагалось. 18 июня 1885 г. Калачов поручил Попову составить пред-

¹² Там же, д. 8307; выписки из указных книг Поместного приказа и копии боярских приговоров см.: Там же, д. 6351; выписки и копии из документов Разрядного приказа см.: Там же, д. 6300, 6301.

¹³ Там же, д. 9737, л. 10.

¹⁴ ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451, л. 6 об.

¹⁵ См. письма Попову слушателя Археологического института П. О. Черневского и секретаря института А. П. Ясенского (ОР ГБЛ, ф. 239. Н. А. Попов, п. 21, д. 26, л. 1; п. 22, д. 24, л. 7).

¹⁶ ЦГАДА, ф. 337, ок. 1, д. 8307, л. 1—1 об., 2.

¹⁷ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1870 г., д. 8 (об издании АМГ), л. 84.

¹⁸ ЦГИА, ф. 950, оп. 1, д. 295, л. 21 об.

словие к 1-му тому (за XVI в.), готовящемуся к изданию теперь уже в 1886 г.¹⁹

Попов заявил Академии о желании продолжить это издание после Калачова²⁰, но предложение Веселовского взять на себя издание «Докладов и приговоров Боярской Думы»²¹ встретило возражение Попова. Он сказал, что план публикации требует пересмотра. По его мнению, сам Калачов имел «смутное понятие» о том, как в архиве подбирали материал для издания, и приступил к нему, не имея определенной программы²². Доказательство Попов видел в том, что ни один из сотрудников ни в Москве, ни в Петербурге не получил никаких указаний, как исполнять работу. «Из того, что у меня находится в руках, ясно вижу, — писал Попов, — что один издательский сотрудник просто переписывал все, что находил в книгах и столбцах Поместного и Разрядного приказов; другой был занят извлечением собственно приказных дел, не касаясь входивших извне; третий останавливался только на приговорах, чьи бы то они ни были: приказа ли, полкового или воеводы, или какого другого лица и ведомства; четвертый составлял лишь опись всего, что он встретил в фолианте или столбце...; пятый держался какой-либо собственной программы при своей работе»²³.

Действительно, Востоков в марте 1885 г. обратился к Калачову за разъяснениями: «Получивши Ваше приказание обозреть документы, относящиеся ко времени до 1613 г., я нахожусь в недоумении, относится ли это приказание лишь к документам Разрядного приказа или оно касается всех вообще документов 1 и 2 отделений. В первом случае задача моя исчерпывается обозрением столов Разряда, десятен, боярских книг (и то, какжется, излишне) и разрядов. Во втором случае нужно будет просмотреть столбцы и книги и прочих приказов: Сибирского, Дворцового, Каменного и пр., а также дела Печатной конторы и грамоты Коллегии эконومیи» (последние Востоков считал более подходящими для особого издания)²⁴. Судя по результатам работы Калачов задал Востокову первое направление поисков, но и оно оказалось чрезмерно широким. Вообще Калачов не любил давать подробные инструкции своим сотрудникам, полагаясь на их собственную инициативу.

В записке, поданной в Академию²⁵. Попов указывал, что сначала Калачов хотел ограничить издание периодом Смутного времени, озаглавив его «Указы, приказы и приговоры: думские, чиновные, соборные и земские, состоявшиеся в Московском государстве». Но после двухлетних поисков, собрав незначительное количество материала, он вынужден был включить в издание документы, относящиеся ко всему периоду до Уложения 1649 г. В виде продолжения он собирался издать «Сборник докладов и приговоров Московской Боярской Думы, Ближней канцелярии и приказов». «В качестве директора архива я принимаю завещание Калачова относительно выполнения задуманного им предприятия, — писал Попов Веселовскому, — но надо хорошенько обдумать программу, которая до сих пор более чувствовалась, чем строго определялась, и к тому же развивалась вместе с ходом занятий и по мере ознакомления с материалом. Мысль была высказана ранее, чем осмотрелись в материале и сознали его громадность и разнообразие»²⁶.

Попову указали в архиве на два «рукописных сборника», которые, по словам сотрудников, были у Калачова главным материалом для выписок к «Приговорам и актам Боярской Думы» (несомненно, это — указные

¹⁹ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 1063, л. 10–11 (приказ Калачова Попову); ОР ГБЛ, ф. 239, п. 10, д. 3а, л. 1 об. (письмо Калачова).

²⁰ ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451, л. 10.

²¹ ОР ГБЛ, ф. 239, п. 6, д. 25а, л. 1 об. (письмо Веселовского).

²² ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451, л. 6 об., 10.

²³ Там же, л. 10–10 об.

²⁴ ЦГИА, ф. 950, оп. 1, д. 302, л. 23–23 об. (письмо Востокова).

²⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1870 г., д. 8, л. 120–120 об.

²⁶ ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451, л. 10.

книги Поместного приказа). По мнению Попова, они не заключали подлинных приговоров, и утверждать на основании подобных данных, что дума имела канцелярию и архив, — заблуждение; и издать подобный материал под громким названием «Приговоры и акты Боярской Думы», когда есть возможность добраться до подлинных приговоров путем изучения приказных дел, значило бы дать повод критикам усомниться в убедительности такого издания. Калачов велел копировать сборники, оставив первоначальную работу по переписке почти целиком документов Поместного приказа за XVI в. (особенно по Новгороду), «очевидно, в видах сокращения труда, а может быть, и по увлечении ими; но ведь это не могло удовлетворить, — писал Попов, — к тому же убедились и в массе документов за XVII в. ...и пришли к плану составить предварительно подробные описи столбцов Московского стола... чтобы иметь сведения о том, что хоть из них можно взять для издания»²⁷.

Вероятно, Калачов преследовал цель выборочного издания из документов разных фондов, чем объясняется большое разнообразие подготовленных им выписок, хотя Ардашев впоследствии указывал на то, что по Поместному приказу вовсе не обязательно было просматривать столбцы, в то время как только в «книги записные приговорам» занесено более 200 тыс. приговоров; но этот источник Калачов не использовал²⁸. Следует также иметь в виду, что «записные книги» 1626—1679 гг. издавались Археографической комиссией в РИБ (СПб., 1884—1889, кн. 9—11), в связи с чем А. Ф. Бычков в записке, поданной президенту Академии наук Д. А. Толстому, высказал сомнение в целесообразности начинать другое издание²⁹, но тот одобрил план Попова. Публикация получила название «Акты Московского государства»³⁰.

Попов распорядился³¹ продолжить описание столбцов по системе Калачова вплоть до царствования Алексея Михайловича (пределом первой серии АМГ он предложил установить Уложение 1649 г., с которого начали издавать ПСЗ I)³², а также пересмотреть и дополнить первые тома ПСЗ, выявляя неопубликованные в них указы (В. Н. Сторожев в 1887—1888 гг. сличал указные книги с ПСЗ, одновременно составляя систематический табель всех видов вотчинных документов, а также просматривал столбцы Поместного приказа, подготавливал примечания об исполнении постановлений, внесенных в указную книгу Поместного приказа)³³.

Исходя из того, что списание столбцов двигалось медленно, Попов предложил Академии³⁴ разрабатывать для издания столбцы каждого стола порознь; дела каждого стола в отдельности разбить на рубрики соответственно их содержанию; в каждой рубрике разместить в хронологическом порядке указы и грамоты, а также памяти и записи, в которых встречаются утраченные указы и приговоры соборные, боярские, земские, приказные; из однородных дел по челобитным ограничиться особенными; не вводить в текст издания списки служилых людей, а дать обзорение в предисловии. Цель заключалась в том, чтобы показать ученым все виды имеющихся в Разряде документов, а затем перейти к изучению фонда Поместного приказа³⁵. При Попове были подготовлены два тома АМГ, и он докладывал в Академию: «При 3-м томе

²⁷ Там же, л. 10—10 об.

²⁸ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 9737, л. 11 об.

²⁹ ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451, л. 23 об.

³⁰ См. об этом письмо и записку Веселовского (ОР ГБЛ, ф. 239, п. 6, д. 25а, л. 7 и об.; ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1870 г., д. 8, л. 72—78 об.).

³¹ ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451, л. 7—8 об.

³² Там же, л. 23 об.

³³ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 7050, л. 16; д. 7051, л. 6 и др. (отчеты).

³⁴ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1870 г., д. 8, л. 124—125 об.

³⁵ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 8310, л. 3—4 (статья одного из составителей АМГ об издании 1-го тома).

перейдем к делам Поместного приказа; т. к. материалы сего приказа очень разбросаны и собрать их гораздо труднее, чем материалы Разрядного, то я отчасти уже теперь занимаюсь лично этим делом»³⁶.

Для первых томов АМГ использовались преимущественно документы по военной истории; остальные документы представлены в них в виде отдельных примеров. Наряду со столбцами Попов предпринял описание 370 разрядных вязок, поступивших в 1870 г. без описей из Московского сенатского архива³⁷. Документов конца XVI — начала XVII в. в них не оказалось, но зато из них была извлечена опись чертежей второй половины XVII в., изданная А. А. Гоздаво-Голомбиевским в 6-й книге «Описания документов и бумаг МАМЮ» (М., 1889). Многие направления работы архива так или иначе связаны с осуществлением замысла Калачова. Для 5-й книги «Описания» (М., 1888) подготовили обозрения документов Генерального двора и Ближней канцелярии, возникших на месте Боярской Думы. Несмотря на то что история деятельности этих учреждений не была еще изучена, составить обозрения такого рода не представляло большого труда: небольшие комплексы дел Генерального двора и Ближней канцелярии сохранились в МАМЮ довольно полно; надо было их только описать, а затем передать содержание документов вместе с историей фондообразователя.

В 1887 г. В. А. Тихомиров и И. И. Шимко описывали указную книгу Поместного приказа 1626—1649 гг. и производили сверку с ПСЗ³⁸, затем работу по изданию этой книги продолжил Сторожев. В предисловии к публикации указной книги («Описание», 6-я книга) высказано сомнение в ее подлинности, но Ардашев доказал, что речь идет о считавшейся пропавшей указной книге, высланной из архива в Петербург в 1778 г. (попавшей в руки Калачова, а от него — в библиотеку МАМЮ)³⁹. Кроме столбцов Разряда, в АМГ собирались указать исследователям на другой малоизученный источник — десятици. Востоков написал, видимо по заданию Калачова, статью «Десятици как материал для истории низшего русского служилого сословия»⁴⁰. Работа над десятициами продолжена также Сторожевым. Он приступил к подготовке 1-го тома новой серии АМГ по истории землевладения, но в связи с прекращением издания этот том не увидел света, как и подготовленный Ардашевым, Голомбиевским и другими архивистами 4-й том «Актон» Разряда.

В 1899 г. Академия поставила в известность директора архива Д. Я. Самоквасова о составлении плана продолжения издания; но как только этот план с предложением замены издания разрядных актов грамотами Коллегии экономии был опубликован⁴¹, Самоквасов объявил о прекращении участия архива в этом предприятии⁴². Несмотря на критическое отношение к АМГ, А. С. Лаппо-Данилевский содействовал Сторожеву в публикации части собранного последним материала под заглавием «Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в.» (СПб., 1906, вып. 1)⁴³.

³⁶ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1870 г., д. 8, л. 151—151 об.

³⁷ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 565, л. 29 (из отчета архива); ОР ГПБ, ф. 124, д. 3451, л. 26.

³⁸ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 549, л. 21—21 об.; д. 565, л. 36 об.—37 (отчеты архива); д. 9737, л. 35, 71 об. (докладные записки Тихомирова и Шимко о проделанной работе).

³⁹ Там же, д. 672, л. 14 об.—15 (докладная записка Ардашева).

⁴⁰ О розыске этой статьи см. письмо А. П. Ясенского Попову (ОР ГБЛ, ф. 239, л. 22, д. 24, л. 7 об.).

⁴¹ План издания архивных документов XVI—XVIII веков, разработанный адъюнктом А. С. Лаппо-Данилевским 25 октября 1900 г. СПб., 1900. 12 с. На правах рукописи.

⁴² ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 636, л. 52—55 об., 63—69, 71—71 об. (переписка Самоквасова с Академией об издании АМГ); см. также: *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902, кн. 1, с. 75—83.

⁴³ ЛО ААН, ф. 113. А. С. Лаппо-Данилевский, оп. 3, д. 357, л. 1 и след. (письма Сторожева Лаппо-Данилевскому).

Археографический опыт Калачова не остался без применения. Принцип тематического издания документов из разных фондов, впервые введенный им в архиве, был положен в основу принятой в 1912 г. программы нового издания — «Сборника МАМЮ». Такой способ труднее (чем публиковать документы одного фонда): «Чины архива по своим долголетним служебным занятиям часто лучше всех знакомы с составом документов. При коллективной работе каждый из них по своему определению подбирает сводный комплекс документов по одному вопросу. Для исследователей это может явиться своеобразным практическим руководством тех отделов, где они могут продолжить поиски»⁴⁴. Одним из препятствий стало неудовлетворительное состояние научно-справочного аппарата. Востоков писал Попову, что документы по теме АМГ «могут быть в столбцах Новгородского, Белгородского, Поместного и Денежного столов, но с точностью сказать не могу, потому что основательно столбцов этих столов не проходил, хотя описи их просматривал много раз»⁴⁵. Не случайно Сторожев, отмечавший, что Калачов в своих археографических работах «не всегда любил и умел доводить дело до конца», в то же время подчеркивал плодотворность его творческих замыслов⁴⁶.

⁴⁴ Цветаев Д. В. Новые издания МАМЮ.— Рус. ист. журн., 1917, кн. 1/2, с. 152.

⁴⁵ ОР ГБЛ, ф. 239, п. 6, д. 42, л. 20.

⁴⁶ Сторожев В. Н. К вопросу о современном состоянии науки истории русского права.— В кн.: Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1894, т. 3, с. 56; Он же. Н. В. Калачов.— Новости, 1895, № 294.

С. В. Чирков

РАЗРАБОТКА ПРАВИЛ
ИЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИЕЙ
В XIX — НАЧАЛЕ XX в. *

150 лет назад, в январе 1835 г., начала работать Петербургская Археографическая комиссия, наиболее авторитетное до революции научное учреждение России в области издания источников отечественной истории. Важным аспектом столетней деятельности комиссии явилась разработка правил издания письменных источников. Кратко рассмотреть ход этой разработки и попытаться выявить некоторые закономерности истории эдичионно-археографического «нормотворчества», проявившиеся в трудах Археографической комиссии, — задачи данного сообщения.

В общих чертах история выработки правил издания в дореволюционной России изучена в статье А. И. Андреева¹; роль Археографической комиссии в создании издательских правил отмечалась в учебных пособиях по истории русской археологии². Обращение к протоколам заседаний и изданиям комиссии позволяет пополнить и уточнить приводившиеся в печати сведения.

Как известно, при самом основании Археографической комиссии в 1834 г. были утверждены и опубликованы «Правила Комиссии для издания собранных Археографической экспедицией актов», четвертый параграф которых касался организации работы по изданию актов³. В феврале 1837 г. были опубликованы «Предположения об издании русских летописей и государственных актов» Н. Г. Устрялова, содержавшие проект правил издания названных категорий памятников⁴. Этот проект лег в основу «высочайше» утвержденных правил работы комиссии, уже более детально регламентировавших приемы издания летописей и актов⁵. Строгая формализация издательских приемов, которая диктовалась этими правилами и которую стремился проводить в жизнь первый председатель Археографической комиссии П. А. Ширинский-Шихматов, была своеобразным выражением духа времени. Культурная ситуация николаевской эпохи обусловила то, что даже протестовавший против бюрократического формализма П. М. Строев давал сотруднику своему по Археографической экспедиции Я. И. Бередникову инструкции, имевшие форму правил⁶.

Реальное значение этих первоначальных правил оказалось меньшим, чем можно было ожидать. При издании актов Археографической экспедиции редакторы томов руководствовались утвержденными правилами при составлении заголовков и примечаний, при датировке и связанной с ней систематизации материалов. Центральный вопрос — о методах

* В основе статьи — выступление на совместном заседании ученого совета ЛОИИ и Археографической комиссии, посвященном 150-летию Петербургской Археографической комиссии (Л., 29 янв., 1985 г.).

¹ Андреев А. И. О правилах издания исторических текстов. — АД, 1926, вып. 5/6, 7.

² Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археологии в дореволюционной России. М., 1969; Эпштейн Д. М. История археологии в дореволюционной России: Период капитализма. М., 1979.

³ ЖМНП, 1835, янв., с. VII—IX.

⁴ Там же, 1837, февр.

⁵ Там же, 1838, янв.

⁶ Археографическая экспедиция Академии наук, 1828—1834: Сб. материалов. Л., 1930. Вып. 1.

передачи текста источников — оказался предreshен в результате того, что в качестве оригиналов использовались копии, снятые Строевым и Бередниковым с подлинных актов во время экспедиции. «Внутренние» правила передачи текста, соблюдавшиеся ими, описаны в предисловии к изданию⁷. Они сформировались в предшествующей археографической работе Строева и отражают научно-критические установки Румянцевского кружка. Характерно, что в предисловии дается не перечень правил передачи текста, а отчет о произведенных с текстом операциях.

Сформированные предшествующим развитием русской археографии приемы издания легли отчасти в основу и первоначальных правил издания летописей. Способ передачи текста летописи по одному основному списку с подведением вариантов из побочных списков каждого «разряда» был применен Р. Ф. Тимковским в начале XIX в. Однако решающую роль в формулировке правил установления летописного текста сыграло выдвинутое Строевым представление о летописях как о сборниках разнообразного материала. Когда комиссия приступила к публикации Полного собрания русских летописей, правила издания его много раз обсуждались на ее заседаниях⁸. Но все эти обсуждения лишь отражали эволюцию «внутренних правил», какими руководствовался редактор летописей Бередников. В ходе этой эволюции первоначальные правила во многом оказались отвергнутыми. Опыт Бередникова в конечном счете составил отрицательную величину: в 40–50-х годах XIX в. почти не было осуществлено изданий летописей, кроме ПСРЛ, а в 60-х годах первые тома серии уже были признаны устаревшими по издательским приемам, и в комиссии ставится вопрос об их переиздании⁹.

Таким образом, ведущее положение в деле разработки эдиционных норм было достигнуто Археографической комиссией далеко не сразу. Исполдволь происходили изменения в приемах передачи текста актов. Уже в «Актах исторических» и «Актах юридических» редакторы отказались от норм «Актов Археографической экспедиции» в пользу более точного воспроизведения грамматических особенностей подлинников (эти издания в основном готовились по подлинным документам). Формировалась традиция научных приемов издания, на публикации комиссии в дальнейшем стало принято ссылаться как на образцы подготовки актов к печати. Если в представлении Бередникова и Устрялова «правильный» научный способ издания был связан обязательно с выполнением внешних по отношению к издателю правил, вносящих единообразие в издательскую практику (хотя в действительности деятельность, например, Бередникова представляла развитие традиций Калайдовича и Строева), то для Н. В. Калачова и А. А. Куника естественным стало основываться на традиции, заимствуя из нее приемы, отвечающие собственным источниковедческим воззрениям, и вводя новые, развивающие издательскую методику. Снижение пиетета по отношению к правилам было связано с изменением культурной ситуации, зависящим от буржуазных преобразований в стране. Обращение к традиции снимало иллюзию «всепогущества» внешних правил и тем самым открывало путь к постижению законов развития издаваемых источников, лежащих в основе всяких правил издания. Но в то же время оно вело к отказу от единообразия издательских приемов, объективно осложняющему работу с изданным материалом, а субъективно воспринимаемому как досадный «разнобой» в правилах издания¹⁰. Это стимулировало стремление к созданию «стабильных» из-

⁷ ААЭ, т. 1.

⁸ Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1882, вып. 1, с. 81, 188–189, 199–204, 263–264, 280–282, 473–476, 569–573, 588–590.

⁹ Там же. СПб., 1892, вып. 3, с. 151–152, 251–253.

¹⁰ Наивное суждение о пагубности «разнобая» в правилах издания источников одной разновидности случается слушать и сейчас. Очевидно, однако, что различия в приемах, существующие в разных публикациях, объясняются именно продолжающимся развитием издательской методики и должны быть научно истолкованы. Здесь следует обратить внимание на то, что «синхронный срез» научной культуры обычно раскрывает в ней слои разного хронологического проис-

дательских правил. Такого рода попытки предпринимались в связи с подготовкой издания новых для комиссии разновидностей источников: житий и четьих-миней, писцовых книг¹¹.

Особым путем развивалась методика издания летописных текстов. Уже в конце 1859 г. А. Ф. Бычков выступил с предложением изменить приемы публикации ПСРЛ, рассмотрев для обоснования этого предложения весь предшествующий ход издания летописей в России¹². Правила издания были частично пересмотрены на заседании комиссии с целью освободиться от наиболее неудовлетворительных положений, введенных Берендиным (выделение «Повести временных лет» из текста большинства летописей, отдельное печатание «вставных» повестей и сказаний и пр.)¹³.

Через десять лет, когда возник проект переиздания первых томов ПСРЛ, комиссия пошла на необычную меру, собрав мнения о способах издания летописей крупнейших отечественных специалистов — историков и филологов. Свои суждения представили К. Н. Бестужев-Рюмин, И. Д. Беляев, А. Ф. Бычков, П. П. Вяземский, А. В. Горский, Я. К. Грот, И. Е. Забелин, Е. Е. Замысловский, Н. В. Калачов, Н. И. Костомаров, М. О. Коялович, А. А. Куник, М. А. Максимович, М. А. Оболенский, П. П. Пекарский, М. П. Погодин, Н. А. Попов, С. М. Соловьев, И. И. Срезневский, П. М. Строев, М. В. Юзефович и др. Подробная сводка этих суждений сделана в «Летописи занятий» комиссии¹⁴. Для обсуждения были предложены подготовленные Бычковым четыре образца издания летописного текста, представлявшие различные степени эмэндации текста: от «буквального» воспроизведения до критического изменения разными способами. С учетом мнения большинства ученых были сформулированы соответствующие правила, хотя и весьма осторожно; они касались внесения в текст пропущенных частей, исправления явно испорченных мест, передачи разности правописания, встречающейся в побочных списках, формы указателей и пр. Правила использовались при подготовке очередных томов ПСРЛ и отдельных изданий летописей, но не смогли гарантировать желанного единообразия: по-прежнему отчет о приемах публикации предпосылался каждому новому тому. Более существенным оказалось признание учеными возможности альтернативного существования разных издательских приемов, резко противоречившее прежнему представлению о «правильной» эдиционной методике. Практически это проявление в осознании отличия интересов исследователей, принадлежащих к разным дисциплинам — историков и филологов. В целях филологического изучения решено было подготовить факсимильные издания трех древнейших летописных списков.

Помимо совершенствования общей методики публикации, с 1860-х годов в комиссии часто разрабатывались правила, не имевшие даже в замысле общеобязательного характера, правила для конкретных изданий либо частных случаев. Так, в 1879 г. были «преподаны» издателю «Воронежских петровских актов» Ф. Яворскому краткие правила издания¹⁵. В 1885 г. одобрены правила для печатания С. Ф. Платоновым «Новой повести о преславном Российском царстве», а в следующем году — для «Сказаний о Смутном времени»¹⁶. Правила (в шести пунктах), каких следовало держаться при издании актов, были сформулированы А. И. Ти-

хождения. Совсем уже недоразумением выглядят сетования на отсутствие единообразных приемов издания в прошлом нашей археографии (см.: *Софинов П. Г.* Из истории русской революционной археографии: Краткий очерк. М., 1957, с. 137–151). Ясно, что единообразие на уровне 1838 г. означало бы остановку в этом году развития археографии.

¹¹ Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1886, вып. 2, с. 379–383; вып. 3, с. 168–187, 216–219, 419–422, 427–433.

¹² *Бычков А. Ф.* Обзор хода изданий летописей в России. — ЖМНП, 1860, № 1, отд. 2.

¹³ Протоколы заседаний Археографической комиссии, вып. 2, с. 434–435; ЛЗАК. СПб., 1860, вып. 1, с. 234.

¹⁴ ЛЗАК. СПб., 1871, вып. 5, с. 115–128.

¹⁵ Там же. СПб., 1888, вып. 8, с. 25–26.

¹⁶ Там же. СПб., 1895, вып. 10, с. 28, 46–47.

мофеевым по запросу библиотекаря Томского университета С. К. Кузнецова в 1889 г.¹⁷ Подобные частные правила, по существу, не отличались от предисловий к изданиям, где оговаривалась их методика. При общем упадке работы комиссии в 80–90-х годах ее «кодификационная» деятельность далее не простиралась.

Новое оживление «нормотворчества» в Археографической комиссии пришлось на начало XX в. и совпало с приходом в нее А. А. Шахматова. В представленном в декабре 1900 г. плане продолжения ПСРЛ Шахматов сформулировал восемь пунктов правил передачи летописного текста, которые предусматривали максимальную точность (исходя из наличных типографских условий) воспроизведения орфографии и пунктуации подлинника (Ипатьевской летописи)¹⁸. В дальнейшем Шахматов расширил свой проект дипломатической по приемам передачи текста публикации летописей, но он не был признан большинством ученых комиссии удовлетворяющим требованиям изданий для историков¹⁹.

Когда в 1904 г. вновь был поднят вопрос о правилах издания, Шахматов составил также первоначальные проекты печатания древнейших актов и литературных памятников, обсуждавшиеся в комиссии. С. А. Адриановым был подготовлен проект правил составления указателей. Все эти проекты были сведены в отпечатанный (но не утвержденный) проект «Правила для изданий имп. Археографической комиссии»²⁰, заверченный около 1905 г. Тем временем в 1904 г. рассматривались правила нового издания сочинений Котошихина и дел Тайного приказа, в 1906 г. — краткие правила издания актов Литовской метрики, в 1910 г. — краткие правила печатания приказных приходно-расходных книг, в 1916 г. — правила издания писцовых книг Обонежской пятины²¹. В 1911 г. В. Г. Дружинин вновь поставил вопрос о составлении систематических правил издания, не считая его разрешенным появившимися проектами²². Таким образом, можно отметить, что Археографическая комиссия сохранила достигнутое в 1860-х годах положение «пионера» в разработке правил издания и в начале XX в., особенно в области издания повествовательных текстов. Как известно, центр разработки методов актовой археографии переместился после 1901 г. трудами А. С. Лаппо-Данилевского в Академию наук. Однако традиционно тесные связи комиссии с гуманитарными учреждениями Академии наук, в частности деятельное сотрудничество в ней самого Лаппо-Данилевского, определили высокий научный уровень решения в ней проблем публикации актовых источников. Едва ли случайно составленные Лаппо-Данилевским «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии» были (по смерти автора) опубликованы Археографической комиссией. Знаменательно, что ученые Историко-археографического института АН СССР, явившегося преемником Археографической комиссии, указывали в предисловии к «Правилам издания документов XVI—XVII вв.», что следовали «Правилам» Лаппо-Данилевского как «основе и отправному пункту» в своей работе²³. Стоит добавить, что среди участников совещания по научно-издательскому делу ГУАД, выработавшего в 1919 г. первые советские «Правила издания документов», преобладали ученые, работавшие в Археографической комиссии: председательствовал на совещании А. Е. Пресняков, а конкретно составлением правил занимались С. Ф. Платонов, А. И. Андреев и В. Г. Дружинин²⁴.

¹⁷ Там же. СПб., 1903, вып. 11, с. 54–55.

¹⁸ Там же. СПб., 1901, вып. 13, с. 35–36.

¹⁹ Археографические проекты А. А. Шахматова. — АЕ за 1973 г. М., 1974.

²⁰ Правила для изданий имп. Археографической комиссии: Проект. Б. г. (Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948, с. 42).

²¹ ЛЗАК. СПб., 1907, вып. 17, с. 24–25, 29–31; Там же. СПб., 1908, вып. 19, с. 15–18; Там же. СПб., 1912, вып. 24, с. 26; Там же. Пг., 1917, вып. 28, с. 23–24.

²² ЛЗАК, вып. 24, с. 32.

²³ Валк С. Н. Указ. соч., с. 43–45.

²⁴ Там же, с. 46; ЛО ААН, ф. 133, оп. 1, д. 1062а. Протоколы Совещания по научно-издательскому делу ГУАД.

Приведенный краткий обзор «кодификационных» усилий Археографической комиссии дает известное представление о том важном месте, какое занимала выработка правил издания источников в ее деятельности. Обилие составленных проектов правил может показаться тем более удивительным, что, как известно, существовали и плодотворно работали в области публикации письменных памятников такие учреждения (скажем, Московское общество истории и древностей или Русское историческое общество), которые почти на всем протяжении своей деятельности вовсе обходились без разработки правил издания. Обилие проектов правил в Археографической комиссии и тот факт, что в большинстве они остались без утверждения и не имели обязательного значения для издателей, наводят на мысль, что наряду с прямой своей функцией — регламентация издательской работы — правила имели и другие функции.

Очевидно, что правила обобщают опыт предшествующей издательской практики, выделяя из нее сложившиеся, общепринятые нормы. Надо иметь в виду, что понятие нормы — понятие динамичное, текучее. Поэтому лучше сказать, что правилами отбираются из практики те приемы, какие наиболее соответствуют научным, источниковедческим представлениям своего времени, «исследовательской парадигме» определенного научного коллектива. Однако правила по своей природе не предназначены для описания «текста» породившей их публикаторской культуры. Их направленность в известном смысле противоположна: они призваны формировать эту культуру. Ясно, что главное в «другой функции» правил — их способность вносить в издательскую практику представления, выработанные современной наукой, в первую очередь источниковедением, исторической или филологической критикой. Представляется, что правила служат наиболее удобным «метатекстом» эдиционной культуры по сравнению с научными обсуждениями приемов издания или диахроническим их описанием. Не случайно для обсуждения часто предлагались проекты правил, а учебные курсы археографии представляли собой все те же несколько препарированные правила. Дело в том, что в публикаторской работе осуществляется сложный сплав воплощения научных представлений и чисто технических процедур. С этой точки зрения развитие правил нуждается еще в изучении, в выделении в них слоев, формируемых, с одной стороны, характерными для данного времени и научного направления источниковедческими представлениями, а с другой — современными техническими возможностями. Второй фактор изменяется в своей собственной последовательности и в ином, более медленном темпе.

С этой темой связана и другая. Важно представить, что входило в данное время в понятие правил, а что оставалось само собой разумеющейся, общепринятой и не привлекающей специального внимания областью традиции. Речь идет, в сущности, об иерархии языков культуры, не всегда осознаваемой современниками. К примеру, когда археограф «исправлял» орфографию древнего памятника, подставляя в конце слов после согласных «ер», он едва ли задумывался о значении этого знака или об исторической обусловленности естественного языка. История разработки правил издания Археографической комиссией показывает, что существовала тенденция к расширению «области правил», связанная, видимо, с успехами специальных исторических дисциплин, этой, по-разному определению Д. С. Лихачева, твердой оболочки гуманитарного знания. На всем протяжении эдиционной работы комиссии видим весьма сложное переплетение правил и традиций издательской работы. В формулировании правил нередко ссылались на обычай, а обычай иногда возводился в ранг правил. При всей сложности сказавшихся здесь закономерностей развития культуры прослеживается некая зависимость: ориентация на правила сильнее выражена в таком научном коллективе, который теснее сплочен вокруг определенной системы воззрений, «исследовательской парадигмы».

Наступивший в начале XX столетия новый период преобладания из-

дательских правил имел важные качественные отличия от первого, начального периода господства «внешних» правил. Рост историзма в представлениях ученых, расширение круга исторических источников и горизонтов археографической работы, развивавшийся в связи с этим систематический подход к задачам научной публикации источников стали теми предпосылками, которые позволили таким крупнейшим ученым, как Шахматов и Лаппо-Данилевский, осуществить переворот не только в изучении летописей и актов, но и в археографии. Впервые изучение истории текста позволило понять, что в нем было значимым для создателя текста и современных его созданию читателей. Поэтому правила издания были впервые построены в соответствии с открытыми внутренними законами памятников. Отпало характерное для прежних этапов развития археографии своеобразное потребительское отношение к приемам издания, когда главным провозглашалось удобство издания для читателя. Акцент был перенесен на соотношение «памятник — издание», задачей археографа стало бережно воспроизвести все существенные особенности памятника. В этих условиях и правила издания, созданные в начале XX в., могли получать особое значение, влияя на разработку тех отраслей науки, практическим воплощением достижений которых они, правила, обыкновенно выступали. Как отмечал С. Н. Валк, именно в «Правилах издания Сборника грамот Коллегии экономии» получила впервые основательную разработку русская дипломатика²⁵. В данный период правила издания, в которых функция обогащения издательской работы новой источниковедческой методикой выступила на первый план, естественно, быстро изменялись. Но именно они стали предпосылкой появления стабильных систематических сводов издательских правил в советское время.

В свете изложенного становится ясно, почему именно Археографическая комиссия оказалась чуть ли не единственным учреждением, столь интенсивно разрабатывавшим на протяжении почти столетия эдиционные нормы. Это определялось прежде всего тем, что в нее входили крупные ученые, видные деятели Академии наук, все на практике осуществлявшие издание источников. Большинство из них принадлежало к петербургской школе русской исторической науки. Отличительной чертой этой школы было бережное отношение к факту, «уважение к источникам, то „блюденіе матеріала“ и выдержанного метода, которое одно только и вырабатывает „психологию научной уверенности, твердой научной устойчивости“»²⁶. Одним из слагаемых фундамента такой психологии были сознательно выработанные твердые приемы издания источников. На этом поприще целое столетие трудились ученые Археографической комиссии. Ее наследие — благодарный объект для наблюдений над развитием как эдиционного «нормотворчества», так и собственно приемов изучения и издания памятников письменности.

²⁵ Валк С. Н. Указ. соч., с. 45.

²⁶ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. с. 34–35; Валк С. Н. Воспоминание ученика. — РИЖ, 1920, кн. 6, с. 194.

ДОКУМЕНТАЦИЯ СЕЛЬСКОГО СХОДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1920)

Возросший в последние годы интерес к судьбам крестьянской общины послереволюционного периода сопровождался появлением интересных работ¹ и оживленной полемикой на трех сессиях симпозиума по изучению аграрных проблем². Дискуссии, в частности, показали, что по ряду высказанных положений отсутствует документально мотивированная база. Поэтому дальнейшее продвижение исследовательской работы зависит от разыскания, собирания и введения в научный оборот новых источников. Некоторые итоги и перспективы такой работы уже определены³.

Наиболее плодотворным представляется поиск документов непосредственно общинного происхождения, в частности приговоров и наказов сельских и волостных сходов, а также методов их обработки⁴ и публикации.

Нет нужды доказывать важность общинных документов, прямо отражающих жизнь деревни, для изучения истории крестьянства, особенно в период Октябрьской революции. Однако документы сельских сходов эпохи революции еще не стали предметом специального рассмотрения. В статье делается попытка установить в самом общем плане разновидности документации сельского схода, наметить возможности ее классификации, поиска, обработки и публикации⁵.

Для анализа привлечены материалы, опубликованные в документальных сборниках, посвященных установлению Советской власти на местах, документы ЦГАНХ СССР из фондов Народного комиссариата земледелия РСФСР (по земельным спорам, семейно-имущественным разделам и др.), Народного комиссариата по продовольствию РСФСР (по продовольственному вопросу, организации комитетов бедноты).

Публикация приговоров сельских обществ в советской археографии

¹ Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: (К вопросу о типологии общины на территории советских республик).— Народы Азии и Африки, 1973, № 3; *Он же*. Об исторических судьбах крестьянской общины в России.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976, вып. 6; *Он же*. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община, 1920—1933. М., 1978; и др.

² Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. Вып. 1; Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971; Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. Вып. 2.

³ Данилов В. П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции.— В кн.: Археография и источниковедение: Северный археографический сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4.

⁴ В этом плане можно назвать работы по анализу сельских приговоров дореволюционного времени: Бузовец О. Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг.: (По материалам Самарской губернии).— История СССР, 1979, № 8; и др.

⁵ Отдельные соображения по этому поводу были изложены автором в статье «Проблемы исследования общественно-политической жизни советской деревни периода революции и гражданской войны» (XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Уфа, 1984, с. 80—81). Применительно к делопроизводственным документам советских учреждений послереволюционного периода эти вопросы рассмотрены в статье: Тамм И. Е. К изучению делопроизводственных документов первых лет Советской власти: (О классификации и археографическом заголовке).— АЕ за 1981 год. М., 1982.

практиковалась издавна. Еще в 20-е годы они помещались в таких изданиях, как «Советы в Октябре (1918—1921)» (М., 1928), «Советы в эпоху военного коммунизма» (М., 1929). В 30-е годы приговоры публиковались в сборниках о комбедах⁶, а в 50—60-е — в многочисленных документальных изданиях, посвященных 40- и 50-летию Советской власти⁷.

Наряду с приговорами с конца 20-х годов публиковались и крестьянские наказания, в том числе и наказания сельских сходов⁸. Значительное число их включено в серию «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957—1963), а также в упомянутые сборники, изданные к юбилеям Октября.

Основное содержание этих документов — те или иные конкретные требования, а также меры по реализации принятых решений — в извлечении или авторском изложении часто используется при составлении хроник революционных событий⁹.

Уже после февральской революции сельские сходы требуют захвата помещичьих земель, принятия их на учет, изгнания управляющих и т. д. Отражение этих решений можно найти в донесениях должностных лиц. Так, заведующий лесным хозяйством Брасовского и Дерюгинского имений (Севский у. Орловской губ.) 6 апреля 1917 г. сообщал губернскому комиссару Временного правительства: «...3 апреля общее собрание крестьян слободы Алтухово постановило предложить мне оставить службу в Брасовском имении, о чем известило меня 4 апреля приговором этого собрания»¹⁰. Подобные документы, косвенно передающие решения сходов, широко представлены в опубликованных официальных данных управления милиции Временного правительства о развитии крестьянского движения в 1917 г.¹¹

Содержание приговоров и наказов, их анализ присутствуют в монографиях¹²; имеются и специальные исследования¹³. Уместно вспомнить, что аналитическая работа с наказами проводилась еще в 1917 г. редакцией газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», опубликовавшей 19 и 20 августа свод 242 наказов.

Прежде чем перейти к анализу рассматриваемых документов, необходимо вкратце охарактеризовать сельский сход и сельское общество. Сельское общество — исторически сложившаяся форма совместного пользования землей и крестьянского самоуправления — являлось исходным звеном общинной организации крестьянства; оно управлялось сельским

⁶ *Аверьев В. Н.* Комитеты бедноты: Сб. док. М.; Л., 1933. Т. 1; Комитеты деревенской бедноты Московской области: Сб. материалов и док. М., 1938; и др.

⁷ Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии: Сб. док. и материалов. Молотов, 1957; Установление Советской власти в Ярославской губернии: Сб. док. и материалов. Ярославль, 1957; Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии: Сб. док. и материалов. Пенза, 1957; Борьба за власть Советов в Вологодской губернии (1917—1919 гг.): Сб. док. Вологда, 1957; и др. Текст одного из приговоров частично воспроизведен в упоминавшейся статье И. Е. Тамм (с. 192).

⁸ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1, ч. 1.

⁹ 1917 год в Сталинградской губернии: (Хроника событий). Сталинград, 1927, с. 9, 11, 17, 23, 26 и др.; 1917-й год в Воронежской губернии: (Хроника). Воронеж, 1928, с. 90; За власть Советов: (Хроника революционных событий в Костромской губернии), Февраль 1917 г.— март 1918 г. Ярославль, 1967, с. 52, 136; *Полов Ф. Г.* 1918 год в Самарской губернии: (Хроника событий). Куйбышев, 1972, с. 21—22; и др.

¹⁰ К 40-летию Октября на Брянщине: Сб. док. и воспоминаний. Брянск, 1957, с. 23.

¹¹ Крестьянское движение в 1917 году: (1917 год в док. и материалах). М.; Л., 1927.

¹² *Герасименко Г. А.* Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. Саратов, 1974; *Кострикин В. И.* Земельные комитеты в 1917 г. М., 1975; *Маяевский А. Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г., Март — октябрь. М., 1981; и др.

¹³ *Луцкий Е. А.* Крестьянские наказания 1917 г. о земле. — В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1968, вып. 2; *Смирнов Н. Н.* Наказы с мест III Всероссийскому съезду Советов. — ВИД. Л., 1981, т. 12; и др.

сходом, состоявшим из домохозяев во главе с сельским старостой. Основные функции общины находились в сфере земельно-хозяйственных отношений. Особенностью общинной системы землепользования являлась ее связь с мирской организацией крестьянства. В период революции община не только активно отстаивает свои права как организации крестьянского самоуправления, но и включается в политическую жизнь, ей принадлежит важная роль в утверждении власти Советов¹⁴.

Революционное законодательство не регламентировало правовое положение общины, как и ее внутреннюю жизнь, которая по-прежнему основывалась на нормах обычного гражданского права, традициях и дореволюционном законодательстве, в частности на «Положении о сельском состоянии»¹⁵. Разумеется, революция вносила свои коррективы, но они более касались содержания, чем формы и юридической стороны дела; за общиной фактически сохранялось право юридического лица. Обозначившаяся тенденция к демократизации схода оставляла все же за старым, традиционным сходом домохозяев право решающего голоса по важнейшим делам.

Сельский сход обсуждал значительный круг вопросов: экономических, социальных, политических. Изучение опубликованного и архивного материала (журналов и протоколов заседаний, отчетов волостных, уездных, губернских земотделов, протоколов и стенограмм различных местных съездов, заявлений крестьян в государственные учреждения, приговоров и наказов сельских и волостных сходов, комплексов материалов по земельным тяжбам и семейно-имущественным разделам, по землеустройству, документов по организации Советов, комбедов и т. д.) показывает, что круг вопросов, решаемых сходом, по сравнению с его компетенцией, установленной дореволюционным законодательством¹⁶, становится более широким, а решения схода приобретают качественно новые черты, *принимают определенно выраженную социально-экономическую и политическую направленность*: сначала против помещиков, затем против деревенской буржуазии, против буржуазно-помещичьего государства — за власть Советов.

Это проявилось в решении и земельно-хозяйственных вопросов, и вопросов финансово-налоговых.

Активизация сельского схода, усиление самостоятельности крестьянства, рост его общественно-политических устремлений более всего проявились в решении организационно-административных, политических и культурно-бытовых вопросов. Это прежде всего реальное участие в выборах Советов, комбедов и других крестьянских организаций. Широко обсуждались политические вопросы: принимались наказания о предстоящих преобразованиях, заслушивались и обсуждались доклады агитаторов различных политических партий, сравнивались их платформы, особенно по земельному вопросу, принимались решения о поддержке власти Советов, вождей революции, о помощи Красной Армии и т. д. Возрастает число вопросов, связанных с культурным строительством, благоустройством: организация школ, общественных построек, народных домов, библиотек, различных сельскохозяйственных курсов и пр.

Не следует, однако, преувеличивать влияние новых веяний. Революция еще не везде и недостаточно проникала в деревенскую жизнь, сохранявшую прочность старого деревенского уклада, живучесть полупатриархальных и патриархальных представлений.

Большинство решений сходов облекалось в такую традиционную форму актовой документации, как приговор. В «Положении о сельском состоянии» отмечалось, что «для письменных приговоров схода не устанавли-

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Кабанов В. В.* Октябрьская революция и крестьянская община. — ИЗ. М., 1984, № 111.

¹⁵ Свод законов Российской империи. 4-е изд. Б. м., 1904. Кн. I, ч. II. Положение о сельском состоянии. Особое приложение к тому IX Законов о состоянии, кн. I, разд. I, гл. 2, отд-ние I («О сельских сходах»), ст. 57–70.

¹⁶ Там же, ст. 62.

ливается никакой особой формы»¹⁷. Однако таковая в течение продолжительного времени функционирования сложилась в устойчивую структуру. Информация приговора сводилась к следующему.

В первой (назовем ее условно — вводной) части — «исходные» координаты: время, состав схода и число его участников. Например: «1918 года, сентября 24 дня, мы, нижеподписавшиеся граждане Ярославской губернии Мологского уезда Янской волости деревни Перекидное быв сего числа на сельском сходе в числе всех домохозяев...»¹⁸. Кроме того, упоминались, если таковые имелись, посторонние лица: представители власти, агитаторы и пр. Звучало это, например, так: «...в присутствие члена Екатерининского исполкома, при Григории Николаевиче Костяеве, начальнике милиции Нолинского уезда и при Екатерининском волостном милиционере Михаиле Нехнине»¹⁹.

Далее следовала часть, в которой перечислялись рассматриваемые вопросы. В этой, назовем ее содержательной, части иногда излагались обстоятельства дела, давались отсылки на соответствующую документацию, законодательство. Этот фрагмент формулировался нередко путанно из-за сложности дела и из-за малограмотности авторов.

В постановляющей части фиксировалось принятое сходом решение, которое иногда предвлялось формулой: «посоветовавшись между собой, постановили».

Решение приговора скреплялось подписями присутствовавших домохозяев: «в чем и подписуемся», причем за неграмотных расписывались по их просьбе другие: «по безграмотству и их личной просьбе»; «за неграмотностью по личному доверию»²⁰.

Обычай скреплять документ подписями участников схода обусловлен традициями круговой поруки. Подпись каждого подчеркивала и личную ответственность и ответственность всех вместе за принятое решение. Крестьянин К. Фонаров вспоминал: «В конце года стали настаивать на разделе имений и полном изгнании помещиков. Общее собрание постановило составить об этом общественный приговор, под которым обязательно всем (как при круговой поруке) подписаться»²¹.

Наряду с приговорами встречаются протоколы. Деревенский протокол похож на приговор, только подписан председателем, секретарем и скреплен печатью (старого образца). Например, протокол общего собрания граждан Ильинского общества с. Большие Поляны Пронского у. Рязанской губ. от 20 июня 1918 г. имеет «печать сельского старосты с. Б. Полян Ильинского общества Полянкой волости, Пронского уезда»²². В этом же селе, состоящем из двух обществ, второе общество — Орловское — имело печать: «Сельский староста села Б. Полян I Орловского общества Полянкой волости, Пронского уезда Рязанской губернии»²³. Протокол, уже теперь нередко вытеснявший приговор, внедрялся в деревенскую жизнь как следствие революционных преобразований, демократизации общины. Встречающееся новое именование крестьянского схода собраниям как бы влекло за собой и новое документальное оформление в виде протокола.

Появляется и этакий симбиоз приговора и протокола. В таком документе характерна заверительная часть. Документ, имеющий самоназвание «протокол», должен подписываться председателем и секретарем, а здесь — подписи домохозяев, как в приговоре.

Такое явление, думается, следует объяснять не только и не столько традиционной устойчивостью формуляра документа, сколько своеобразием объективной обстановки. А она требовала установления жестких мер

¹⁷ Там же, ст. 69.

¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 1943, д. 272, л. 28.

¹⁹ Там же, ф. 478, д. 1610, л. 66.

²⁰ Там же.

²¹ 1917 год в деревне: Воспоминания крестьян. М., 1967, с. 49.

²² ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 1094, л. 11 об.

²³ Там же, л. 14 об.

контроля за исполнением продрозверстки, трудовой, гужевой и иных повинностей. И государство использует для этого коллективную ответственность членов общества. В приказе от 1 сентября 1920 г., подписанном председателем Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтером, говорилось: «...отвечает за исполнение разверстки каждый, подлежащий обложению, домохозяин в отдельности и все общество в целом»²⁴. Как отмечалось в отчете Череповецкого губземотдела в октябре 1920 г., община «ныне, как и прежде, продолжает служить основой для круговой поруки в фискальных целях»²⁵. Надо полагать, что эта практика применялась довольно широко, ибо в декрете ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» специально оговаривалось, что за выполнение налога круговая ответственность отменяется²⁶.

Государство до определенного времени возлагало коллективную ответственность на сельское общество за укрывательство дезертиров. В декрете ВЦИК «Об амнистии к 3-й годовщине Октябрьской революции» от 6 ноября 1920 г. говорилось: «Сложить наложенные на сельские общества на основе круговой поруки имущественные взыскания за укрывательство дезертиров, если постановления о таковых не приведены в исполнение до 7-го ноября 1920 г.»²⁷.

Теперь становится понятным, что протокол, оформлявший решение схода, по существу и по форме был направлен против традиции круговой поруки. Крестьянин чувствовал, что отсутствие его подписи значительно снимало с него ответственность за решение, зафиксированное протоколом. Вот почему появляются протоколы, подписанные участниками сходов. Но надо иметь в виду, конечно, и устойчивость формы приговора.

Другой распространенной разновидностью документов схода является наказ. Часто он оформляется в виде приговора: «Приговор крестьян Зарецкой волости Макарьевского уезда Костромской губернии о нуждах и требованиях крестьянства. 2 мая 1917 г. ... Мы, нижеподписавшиеся... крестьяне Зарецкого и Ярцевского сельского общества деревень Заречная, Поломы и Киселихи, состоящего из домохозяев, имеющих право голоса на сходе, быв сего числа в общем собрании на сельском сходе в числе 152 человек, на котором под председательством нашего сельского старосты Филатова имели между собой суждения о выражении своих крестьянских нужд, а посему постановили...»²⁸. Далее документ конкретизирует эти нужды.

Если приговор есть реализация функции общины, то наказ — скорее документально оформленное требование; если приговор — документ по большей части все же внутренний, то наказ — документ, так сказать, внешнего общения. Он получает широкое распространение с возникновением буржуазно-демократических представительных учреждений; наказания служили как бы программой, руководством к действию, документом, отражающим интересы и чаяния крестьян. Наказы посылались с посланцами в те или иные делегатские собрания (съезды). Наказы имели хождение и в городе, армии, в различных общественных организациях, но нас, понятно, интересуют лишь наказания сельских сходов.

После свержения царизма уже в марте 1917 г. сельские и волостные сходы выносят свои суждения о власти, о войне, о земле. Их наказания доставлялись в уездные и губернские общественные организации: Советы крестьянских депутатов, крестьянские съезды, земельные комитеты и пр. С апреля 1917 г., когда развернулась подготовка Всероссийского съезда крестьянских депутатов, эти документы стали приниматься как наказания делегатам к съезду. В дальнейшем с обострением классово-

²⁴ Советы в эпоху военного коммунизма: Сб. док. М., 1929. Ч. 2.

²⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 2010, л. 99 об.

²⁶ Советы в эпоху военного коммунизма, с. 50.

²⁷ СУ. М., 1920, № 88, ст. 450.

²⁸ Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии: Сб. док. (март 1917 — сентябрь 1918 гг.). Кострома, 1957, с. 109.

бы в деревне наказания все более наполняются решениями о немедленной конфискации помещичьих земель. Важнейшего значения актом, зафиксированным наказами, является признание власти Советов. Так, делегаты, прибывшие на V Самарский губернский крестьянский съезд 12 января 1918 г., привезли наказания, включавшие следующие требования: «Вся власть в центре и на местах — Советам» (Преполовенская вол.), «За переход власти к Советам повсеместно» (Коноваловская вол.), «Требуем... передачи всей власти в центре и на местах Советам» (Липовская вол.), «Твердо настаивать на передаче всей власти повсеместно Советам...» (Падовская вол.) и т. д.²⁹

Обращает на себя внимание распространение резолюций. Они обычно принимались на расширенных сходах по общеполитическим вопросам, текущему моменту и т. д. Влияние горожан на процедуру сходов и документальное оформление принятых решений, конечно же, сказалось. Рабочие, солдаты, агитаторы, уполномоченные проводили сходы по подобию городских собраний. Избирался председатель, секретарь, велся протокол. Внедрялся и городской язык. Под влиянием агитационной работы, проникновения в деревню листовок, политических брошюр, газет происходит активная, если можно так выразиться, «лозунгизация» крестьянской документации.

Но новая документация типа резолюций формировалась не только под влиянием города. Деревня уже и сама стремилась выразить свои требования на языке политики, которым говорила революция. Этому способствовали возвращавшиеся с фронта солдаты, отходники, учителя, грамотные крестьяне.

Часто крестьяне осваивали новые документы на свой лад, согласно своим привычкам и взглядам, приравливая их к известным формам.

Значительный комплекс документации сельского общества связан с различного рода административными и судебными разбирательствами. Обширной была область спорных земельных дел. Сюда относились все дела, связанные с поземельными отношениями: о нарушении землепользования, покосах, потравах, споры об усадьбах, разделы и пр.

Сходу принадлежало определение жалоб и просьб по делам общественным, им составлялись прошения, заявления в административные и судебные органы по поводу земельных тяжб с соседними обществами, незаконных действий властей и т. д. Так, хорошо известно дело о принудительной организации коллективных хозяйств в Княгининском у. Нижегородской губ., о чем 6 апреля 1919 г. сообщало в Совнарком Ленину 2-е Запьянское общество³⁰. В связи с этим В. И. Ленин телеграфировал уземному земотделу: «Недопустимы какие-то бы ни было меры принуждения для перехода крестьян к общественной обработке полей»³¹.

Ходатайства по делам общественным практиковались и через особо выборных или ходоков. Хождение по мирским делам получило в период революции большое распространение. Свои претензии, просьбы, жалобы, предложения крестьяне оформляли приговорами сходов, которые выдавались ходокам. Вспомним популярного крестьянина 20-х годов, ходока от владимирских крестьян, селькора «Бедноты», затем активного сотрудника Наркомзема и «Крестьянской газеты» И. А. Чекунова. Он, будучи ходоком, дважды побывал у В. И. Ленина. Последний раз — в феврале 1921 г., накануне отмены продразверстки и замены ее натуральным налогом. В те дни мужики до хрипоты обсуждали волновавшие всех вопросы о голоде, разрухе, заброшенных полях... Как дальше жить? Что предпримет Советская власть? И как мыслят себе будущее сами крестьяне? Обо всем этом и должен был переговорить с В. И. Лениным крестьянский посланец. А руководством ему служило решение схода с. Фоминки, которое он привез Ильичу³².

²⁹ Нопов Ф. Г. Указ. соч., с. 21–22.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 3, д. 626, л. 12.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 381.

³² Шелест П. Судьба ходока. М., 1973, с. 4, 9.

Уполномоченный от общества обладал правами юридического лица, предоставляемыми ему обществом. Он мог писать заявления, прошения. Так, уполномоченный Старо-Варяшевского общества Кызыл-Яровской вол. Бирского у. Уфимской губ. писал: «На основании полномочия, данного мне приговором Старо-Варяшевского общества от 2 февраля 1918 г., имею честь обратиться в Бирский уездный земельный комитет с ниже-следующей просьбой»³³.

Полномочия ходоку облекались и в форму доверенности. Перед нами документ, выданный обществом д. Опланской Игуменской вол. Котельничского у. Вятской губ. Г. К. Олюнину: «Доверенность. Товарищ Григорий Константинович Олюнин, просим и уполномочиваем вас на право ведения дела как перед губернским земотделом, так и подачу жалобы в Народный комиссариат земледелия — оспаривать покос „Кудринский остров“ с гражданами дер. Аверки Щепкина, в чем и доверяем. Ни в каком случае против сей доверенности спорить и прекословить не будем, в чем и подписуемся». Доверенность и подписи освидетельствовал председатель местного сельского Совета. По доверенности Олюнин представлял общество перед губземотделом, а после решения вопроса не в пользу своего общества направлял на губземотдел жалобу в Наркомзем³⁴.

Не все решения схода документировались, да и не всегда в этом была нужда (например, не документировалось, начать сев или жатву или же еще не начинать). Но даже решения, безусловно требовавшие письменного засвидетельствования, протоколировались не все. Например, собрание комиссии по распределению земли в Сафаровской вол. Уфимского у. 17–18 апреля 1918 г. утверждало решения сельских сходов о распределении земли в обществах. Среди прочих было рассмотрено «личное заявление делегата Шамеевского общества с приложением списка для распределения земли под яровое». (Под личным заявлением имеется в виду ходатайство по поручению общества, изложенное устно.) В протоколе комиссии записано: «Из словесного заявления делегата выяснилось, что земли общества распределяются по усмотрению общества. Со стороны комиссии считать правильным и утвердить». Точно так же были рассмотрены и «личное заявление представителя Игнатьевского общества», и «заявление делегатов (словесное) Сарайлы-Муталыповского общества»³⁵.

Решения по семейно-имущественным разделам, о передаче пустующих участков во временное пользование и другие тоже не всегда фиксировались письменно, и поэтому земотделы, бывало, и не утверждали решения сельских сходов. Например, Собакинский волземотдел 27 мая 1919 г. отказал крестьянину с. Собакино И. С. Филиппову в передаче ему огорода Сидорова только потому, что разрешение общества на это не подтверждалось приговором³⁶.

Плохо поставленное делопроизводство — это отнюдь не пренебрежение крестьянина к документу. Здесь сказывалось наследие прошлого. Промышленное законодательство требовало протоколирования лишь наиболее важных дел³⁷, дабы запись эта имела силу юридического доказательства на случай споров. Давал о себе знать и низкий уровень грамотности. Крестьянин был неграмотен, несведущ, а потому и часто беспомощен перед нередкими случаями проявления беззакония.

Конечно, находились и бывалые люди, скажем из пришлых или вернувшихся солдат. А если к тому же они поднаторели в различного рода бумажных делах, то становились весьма полезными для мира в писании прошений и жалоб по крестьянским нуждам и тяжбам. А крестьянские дела временами оказывались запутанными. Особенно много столк-

³³ Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. — май 1918 г.): Сб. док. и материалов. Уфа, 1979, с. 228.

³⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 1610, л. 1–5.

³⁵ Октябрь в Башкирии, с. 243–244.

³⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 1016, л. 235.

³⁷ Свод законов Российской империи, ст. 69.

новений случалось при косье лугов в так называемых «сложных» или «однопланых», общинах, а также в «раздельных», или «разнобарщинных». Крестьяне всегда с трудом делили луга. Да и как их можно было поделить, если граница порой определялась способом, описанным М. Е. Салтыковым-Щедриным: «в урочище, „где Петру Долгого секли“, — клин, да в дву потомуж»³⁸.

В целом же делопроизводство сходов было поставлено плохо. Бывали потери документов, не все оказывались подписанными, не всегда ставилась дата, учет присутствующих иногда определялся «на глаз». Такие особенности общинного делопроизводства сохранялись и в 20-е годы, когда, например, комиссия, обследовавшая (в 1927 г.) 213 обществ, зафиксировала подобные же недочеты³⁹.

Таким образом, среди документов сельского схода можно выделить следующие: приговоры, протоколы, наказания, резолюции, доверенности, поручительства. Все они, однако, являются разновидностями приговора, он унифицирует, объединяет в себе, по существу, всю документацию схода.

Собственно же приговор можно классифицировать по содержанию, используя при этом терминологию, встречающуюся в крестьянских документах и в делопроизводстве государственных учреждений. Например, раскладочный приговор — это решение схода о принятии обществом на себя определенных обязательств по выполнению тех или иных податей и натуральных повинностей. Раздельный приговор фиксировал решение схода о семейно-имущественном разделе того или иного двора. Приговор по выделу давал право какому-либо члену общества выделиться из такового на хутор или отруб; такой же приговор выносился для выделения земли под образовывающую коммуну или артель, если такая организация вывалась членами общества и на общественной земле. Приписной приговор — это решение схода о приписке к обществу, т. е. о принятии в общество нового члена. В приговоре о переделе земли находило отражение волеизъявление большинства к новому перераспределению земли. Количество видов приговоров по содержанию всецело определялось способностью общества к выполнению его многообразных функций.

Несколько слов о поисках общинной документации. Документов сельских сходов опубликовано немного. Большинство их хранится в местных архивах, есть они и в центральных — в ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР. Например, такие документы имеются в фонде Наркомзема, и попали они туда не случайно: наркомат с приходом к его руководству весной 1918 г. большевиков вместо представителей обанкротившейся партии левых эсеров стал требовать от местных земельных органов представления копий протоколов заседаний земельных отделов, инструкций, отчетов, журналов заседаний различных съездов и других документов и пр. Затребованное присылалось, среди документов встречаются и приговоры сельских сходов. Другой канал, по которому попадали подобные документы, — это дача по земельным тяжбам, семейно-имущественным разделам, которые не были решены ни на уездном, ни на губернском уровне и присылались в Наркомзем, как высшую инстанцию⁴⁰. В таких делах могут присутствовать инициативные документы — приговоры сельских обществ по спорному вопросу.

Приговор в спорных делах может присутствовать и как свидетельское показание. Например, бывший помещик А. И. Ильин, сдавший свое имущество и землю Ильинскому обществу с. Большие Поляны (Рязанская губ.) и приписанный к этому обществу (т. е. общество наделило его землей согласно трудовой норме как члена общества), вступил в конфликт с местным Советом по поводу имущества и написал заявление в вышестоящие уездные органы с просьбой разобраться. К заявлению приложены протоколы собраний Ильинского и Орловского общества с. Большие Поляны (село состояло из двух обществ), в которых удостоверилось.

³⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., 1969, т. 8, с. 349.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 6, д. 214, л. 18–21.

⁴⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 1610, л. 63–68.

что Ильин добровольно сдал свое имущество, что он исполняет все распоряжения Советской власти, что в контрреволюции и саботаже не замечался и что «Ильина с женой и свояченицей, как членов нашего общества, из данного ему жилья и удела не выселять и предоставить им жить здесь по данной норме беспрепятственно, так как они такие же свободные граждане, как и мы»⁴¹.

Документ, кстати, еще раз подтверждает ту мысль, что любая разновидность общинной документации унифицируется в одну форму — приговор (протокол). В данном случае под протоколом скрывается не что иное, как поручительство в политической благонадежности одного из членов общества.

Приговоры можно найти в частично отраженном виде в волостной документации, которая, как уже говорилось, присылалась в Наркомзем для сведения. В протоколах волостных Советов нередко воспроизводилась главная часть приговоров. Перед нами — протокол № 3 заседания Белебелковского волостного земотдела Новгородской губ. от 3 января 1919 г. о разделе имущества гражданина д. Шестово Алексея Ильина с сыном Иваном Алексеевым. В тексте, помимо упоминания о предоставлении личного заявления на раздел, приводится содержание, видимо почти дословное, приговора граждан д. Шестово от 10 марта 1918 г., в котором обозначена выделяемая Ивану Алексееву доля, а именно: «1 избу, 1 лошадь, 1 корову, 1 овцу, 1 амбар, 1/2 гумна, 1 хлев, 1 плуг, 1 телегу, 1 борону, 1/3 часть огородной земли, 1 армяк, а двор пособлять поставить вместе. Все перечисленное имущество и указанная доля прочитана вслух делящимися сторонами, и на что согласие состоялось обоюдное»⁴².

На уездном уровне в журналах заседания воспроизводилась лишь суть решения того или иного сельского схода, квалифицировалась его обоснованность, признавалось или не признавалось документальное подтверждение и выносилось решение утвердить или не утверждать ходатайство волземотдела по тому или иному приговору. Так, в журнале заседания земотдела Мышкинского у. Ярославской губ. 12 июня 1919 г. записано: «Приговор граждан Поводневской вол. дер. Гордеевки о выделении гражданки Анны Ляджиной из семьи гражданки Веры Тимофеевой». По этому вопросу было принято решение: «Приговор о разделе Ляджиных принять к сведению». А по рассмотренному отношению Богородского волземотдела «с разделительным актом крестьян деревни Бокowo Петра и Василия Соколовых» принятое решение гласило: «Приговор о разделе семейного имущества Соколовых утвердить»⁴³.

Устойчивость структуры приговора дает возможность передать его содержание в виде перечня:

1. Губерния, уезд, волость, село, общество.
2. Дата.
3. Самоназвание схода.
4. Состав и количество участников.
5. Председательствующий, должностные члены общества.
6. Присутствие посторонних (представителей власти, агитаторов и др.).
7. Самоназвание документа.
8. Краткое содержание обсуждаемого вопроса.
9. Содержание принятого решения.
10. Наличие подписей, печати.
11. Примечания.

Укладывая содержание приговора для облегчения его обработки в условную схему, автор, однако, далек от мысли настаивать на ее категоричности. Ясно, что жизнь богаче всякой схемы. И непредвиденных случаев сколько угодно (см. Приложение, II).

⁴¹ Там же, д. 1094, л. 11–11 об., 14–14 об.

⁴² Там же, д. 1018, л. 211–211 об.

⁴³ Там же, л. 482 об.–483.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы сельского схода
(схема формализации содержания)

I

1. Губерния, уезд, волость, село, общество	Ярославская губ., Мологский у., Янская вол., д. Перекидное
2. Дата	1918 г., 24 сентября
3. Самоназвание схода	Сельский сход
4. Состав и количество участников	В числе всех 34 домохозяев
5. Председательствующий, должностные лица общества	Нет сведений
6. Присутствие посторонних (представителей власти, агитаторов и др.)	Не было
7. Самоназвание документа	Приговор
8. Краткое содержание обсуждаемого вопроса	1) Об организации комитета бедноты
	2) О ценах на хлеб «у кого по учету оказались излишки»
9. Содержание принятого решения	1) Избрать комитет бедноты в составе 3-х человек
	2) С общего согласия установить цену 60 руб. за пуд излишков
10. Наличие подписей, печати	34 подписи, в т.ч. 2 — по безграмотству и их личной просьбе
11. Примечание	ЦГАНХ СССР, ф. 1943, оп. 3, д. 272, л. 28
12. Поисковые данные	

II

1. Губерния, уезд, волость, село, общество	Вятская губ., Нолинский у., Екатерининская вол., общество д. Займище Русских
2. Дата	1920 г., 9 июня
3. Самоназвание схода	Нет сведений
4. Состав и количество участников	10 из 13 домохозяев
5. Председательствующий, должностные лица общества	Нет сведений
6. Присутствие посторонних (представителей власти, агитаторов и др.)	Член волысполкома, начальник милиции района, волостной милиционер
7. Самоназвание документа	Приговор
8. Краткое содержание обсуждаемого вопроса	О переделе земли
9. Содержание принятого решения	Выполнить постановление уземотдела и вернуть отобранную у трех членов общества землю, пущенную в общий передел при переходе на широкополосицу
10. Наличие подписей, печати	10 подписей
11. Примечание	После формулировки принятого решения отмечено: «Но хотя и распишемся и возвращаем землю, но ходатайствовать будем»
12. Поисковые данные	ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 1610, л. 66—66 об.

Но схема все же нужна, без такого или подобного инструментария мы просто не «поднимем» приговор из множества единичных фактов. Некоторым выходом для непредусмотренных случаев может служить введение в схему графы «Примечания».

Подобная методика обработки материала подсказывает и один из возможных путей экономной его публикации путем составления регест в виде перечней с группировкой их по хронологическому, географическому, проблемному принципам или в их комбинации.

Документы общинного происхождения конкретны. Они вне рамок усредненных величин, обобщающих представлений, непосредственно приближают исследователя к массовым участникам исторических деяний. В этом — неповторимость и важность источника.

В то же время такая массовая первичная документация может быть сравнительно просто обобщена путем: а) разбивки текста приговора на составные элементы; б) накопления по данной форме необходимого пред-

III

1. Губерния, уезд, волость, село, общество	Рязанская губ., Пронский у., Полянская вол., с. Большие Поляны, Орловское общество
2. Дата	1918 г., 30 июня
3. Самоназвание схода	Общее собрание
4. Состав и количество участников	58 человек
5. Председательствующий, должностные лица общества	Нет сведений
6. Присутствие посторонних (представителей власти, агитаторов и др.)	Не было
7. Самоназвание документа	Протокол
8. Краткое содержание обсуждаемого вопроса	О политической благонадежности односельца, бывшего помещика А. И. Ильина А. И. Ильин с женой и свояченицей, как граждан села Большие Поляны, из данного им жилья и удела не выселять и предоставить им жить здесь по данной им норме; в саботаже и контрреволюции они не замечались
9. Содержание принятого решения	Результаты голосования: за — 46, против — 12
10. Наличие подписей, печати	Подписи председателя, товарища председателя, секретаря; печать сельского старосты.
11. Примечание	
12. Поискные данные	ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 1094, л. 14, 14 об.

ставительного комплекса; в) его статистической обработки и анализа с последующим обобщением по заданной программе.

Этот же путь ведет и к наиболее экономной публикации документов в виде регест.

Намеченные в статье некоторые пути поиска, обработки и публикации крестьянских приговоров — лишь начало работы над интереснейшей группой исторических источников.

В. Е. Корнеев

МАТЕРИАЛЫ ЦГАОР СССР О СОБИРАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ В 20-е ГОДЫ ДОКУМЕНТОВ К. МАРКСА, Ф. ЭНГЕЛЬСА И МЕЖДУНАРОДНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Документальные материалы К. Маркса, Ф. Энгельса, членов их семей, зарубежных революционных и международных рабочих и коммунистических организаций, выдающихся деятелей международного рабочего и коммунистического движения, представителей социалистических учений, поступившие в распоряжение Коммунистической партии Советского Союза, являются важной частью Архивного фонда КПСС¹. Концентрация этого значительного комплекса документов в ЦПА ИМЛ — результат громадной работы нескольких поколений советских архивистов, историков, философов. Огромный вклад в формирование этой части Архивного фонда КПСС внес созданный в 1921 г. по инициативе В. И. Ленина Институт К. Маркса и Ф. Энгельса².

Владимир Ильич уделял большое внимание деятельности института. В записке директору института, написанной ранее 2 февраля 1921 г., он спрашивался, есть ли в библиотеке института «коллекция всех писем Маркса и Энгельса из газет? и из отдельных журналов?.. Есть ли *каталог всех писем* Маркса и Энгельса? Нельзя ли мне его взглянуть на недельку, т. е. *каталог?*»³. В другой записке, от 2 февраля, В. И. Ленин, в частности, писал: «4) Нельзя ли нам *купить* у Шейдеманов и Ко (ведь это продажная сволочь) письма Маркса и Энгельса? или купить снимки? 5) Есть ли надежда собрать нам в Москве *все* опубликованное Марксом и Энгельсом? 6) Есть ли каталог *уже собранного здесь?* 7) Письма Маркса и Энгельса собираем мы (или копии), или это не осуществимо?»⁴. В цитированных документах В. И. Ленин, по существу, сформулировал целую программу деятельности этого важного научно-исследовательского центра. Основой такой деятельности должно было стать широкое собрание как опубликованных произведений, так и рукописей из эпистолярного наследия основоположников научного коммунизма.

Исследователи, изучающие роль, место и значение Института К. Маркса и Ф. Энгельса в отечественной историографии, к сожалению, вынуждены обращаться в основном к опубликованным источникам, так как архив этого научного учреждения практически не сохранился. Прделанная нами работа позволила найти в ЦГАОР СССР сравнительно разнообразный материал по истории создания и деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) за 1921—1931 гг. Этот материал обнаружен в фондах учреждений, в подчинении которых в разные годы на-

¹ Об Архивном фонде КПСС.— Парт. жизнь, 1967, № 20, с. 53.

² О создании, задачах и основных направлениях деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса см.: *Алексеева Г. Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968, с. 27; *Алексеева Г. Д., Желгова Г. И.* Становление и развитие системы научно-исторических учреждений (20—30-е годы). Ташкент, 1977, с. 33—34, 77—78, 99; *Городецкий Е. Н.* В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970, с. 495, 502—505; Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР. М., 1969; *Рудяк Б. М.* Из истории собирания рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса.— В кн.: Актуальные вопросы марксологии: (Архивоведение, источниковедение). М., 1984, с. 42—62; и др.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 63.

⁴ Там же, с. 64.

ходился институт, — Коммунистической академии при ЦИК СССР (ф. 3415), ВЦИК (ф. 1235), ЦИК СССР (ф. 3316), Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями (Ученый комитет) при ЦИК СССР (ф. 7668).

В фондах Коммунистической академии, ВЦИК и Ученого комитета при ЦИК СССР отложилось крайне незначительное количество документов о деятельности ИМЭ. Так, в материалах Коммунистической академии (с 1919 по 1924 г. называвшейся Социалистической академией) сохранились подлинники протоколов заседаний Президиума академии от 11 мая и 10 сентября 1921 г., на которых среди других вопросов рассматривались и некоторые аспекты деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса — о выделении средств на фотокопирование рукописей, о помещении для института, об организации читального зала и др. (ф. 3415, оп. 1, д. 86, л. 2, 8; д. 92, л. 3). В фонде ВЦИК за период 1921—1924 гг. выявлено только два документа. Это — подлинники протоколов заседаний Президиума ВЦИК, в которых имеются сведения о передаче ИМЭ из Социалистической академии в ведение ВЦИК (1921 г.), а затем ЦИК СССР (1924 г.) (ф. 1235, оп. 37, л. 120; оп. 41, д. 11, л. 13). В фонде Ученого комитета при ЦИК СССР обнаружено несколько документов, касающихся деятельности института в 1928—1931 гг., в том числе отчет о деятельности комитета и представленный в комитет план работы ИМЭ на 1930—1931 гг., содержащий и некоторые итоговые данные за 1928—1929 гг. (ф. 7668, оп. 1, д. 209, л. 36, 52; д. 266, л. 5, 6).

Наибольшее количество документов с самой разнообразной информацией о практической деятельности ИМЭ отложилось в фонде ЦИК СССР. Среди них — постановления и протоколы заседаний Президиума и Секретариата ЦИК СССР, в повестку которых были включены вопросы о работе института. Особенно важны приложения к этим протоколам. В приложениях имеются отчеты о деятельности ИМЭ, доклады руководства института, докладные записки, письма, информационные справки и т. д., т. е. документы, вышедшие непосредственно из делопроизводства института. В них содержатся разнообразные сведения, количественные показатели, проливающие свет на такие направления деятельности, как розыск и выявление документов, создание архива ИМЭ, научное и практическое использование документов основоположников научного коммунизма и др. Наиболее полно представлены документы института за 1924—1926 гг., за последующие — фрагментарно.

Анализ выявленных документов показывает, что в них заключена важная и малоизученная информация о деятельности одного из крупнейших научных учреждений нашей страны периода 1920-х гг. Отсутствие документов за некоторые годы в одном фонде может быть в какой-то мере восполнено сведениями из документов последующих лет и других фондов. Например, выше отмечалось отсутствие (кроме двух) документов о деятельности ИМЭ за 1921—1924 гг. в фонде ВЦИК. Но среди материалов к протоколу заседания Президиума ЦИК СССР от 30 апреля 1926 г. имеется доклад директора института Д. Б. Рязанова об итогах деятельности ИМЭ в 1921—1925 гг. (ф. 3316, оп. 12, д. 350, л. 3, 4).

Учитывая степень сохранности документов, отложившихся в ЦГАОР СССР, следует иметь в виду, что изучение тех или иных вопросов организации и деятельности ИМЭ в полной мере возможно только с привлечением опубликованных источников, количество которых, к сожалению, тоже невелико.

Среди разнообразных источников рассмотренного комплекса, хранящегося в ЦГАОР СССР, наибольшую группу представляют документы со сведениями о собирательской деятельности, что, собственно, является естественным, поскольку вся работа института по изучению и пропаганде идейно-теоретического наследия основоположников научного коммунизма целиком зависела от документальной базы, которую надо было формировать. Так, уже в вышеупомянутом протоколе заседания Президиума

Социалистической академии от 11 мая 1921 г. записано, что академия выделила институту 100 тыс. рублей для фотокопирования рукописей основоположников научного коммунизма (ф. 3415, оп. 1, д. 86, л. 2).

Опубликованные материалы свидетельствуют, что в первые примерно два года поступления документов в институт были незначительными. В 1920 г. Социалистическая академия приобрела библиотеку венских коллекционеров Т. Маутнера и В. Паппенгейма, собиравшуюся ими с 1876 по 1914 г., в которой имелось также 120 писем Ф. Лассалья к родным. Л. Лафарг передала институту ряд документов: пятнадцать записных книжек К. Маркса, тетрадь с извлечениями из трудов А. Смита, заметки по польскому вопросу, восемь писем к А. Руге⁵. Институту требовалось определенное время для установления источников предстоящего комплектования, так как документальное наследие основоположников научного коммунизма было рассеяно по архивохранилищам многих стран Европы и Америки, по личным собраниям или же находилось неизвестно где.

Новый этап в собирательской деятельности института был связан с поездкой директора института летом 1923 г. в Берлин, где он вел переговоры с руководством Германской социал-демократической партии о снятии фотоконий с документов К. Маркса и Ф. Энгельса, которые поступили на хранение в архив этой партии в соответствии с завещанием Ф. Энгельса. В 1923 и 1924 гг. институт провел подготовительную организационную работу к предстоящему копированию документов. В ЦГАОР СССР хранится копия договора от 20 августа 1924 г., заключенного между ИМЭ и Обществом социальных исследований во Франкфурте-на-Майне (как оно называется в документе). При обществе учреждалось издательское товарищество с ограниченной ответственностью — «Архив Маркса и Энгельса». На товарищество, помимо публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, возлагалось также изготовление копий всех печатных изданий и рукописей, интересовавших ИМЭ. Для этой цели на общие средства Института К. Маркса и Ф. Энгельса и Общества социальных исследований приобретался фотоаппарат со всеми необходимыми принадлежностями и устанавливался в здании общества (ф. 3316, оп. 17, д. 181, л. 3, 6, 7). Как выяснилось, документы К. Маркса и Ф. Энгельса, хранившиеся в архиве Германской социал-демократической партии, не имели ни описей, ни каталога. Чтобы привести документы в относительный порядок, институту пришлось пригласить двух немецких профессоров-архивистов. Обнаружилось, что некоторые документы К. Маркса и Ф. Энгельса находились на руках у отдельных лиц. С большим трудом удалось добиться возвращения в архив ГСДП всех рукописей и документов, находившихся у Ф. Адлера, Э. Бернштейна, Г. Майера и др. После такой подготовительной работы приступили к фотокопированию документов с помощью специального аппарата, новинки техники того времени, — фотостата. Если оригиналы имели какие-либо особенности или дефекты, которые не воспроизводились, то сотрудники института делали на копии соответствующие пометки⁶. В копии протокола № 3 заседания Совета ИМЭ от 30 мая 1925 г. из фонда ЦИК СССР имеются сведения, позволяющие судить об объеме этой работы: из архива ГСДП ИМЭ получил 21 609 фотоконий документов К. Маркса и Ф. Энгельса (ф. 3316, оп. 17, д. 181, л. 45).

В 1924—1926 гг., как свидетельствуют данные копий протоколов № 2 и 3 заседаний Совета ИМЭ от 29 января и от 30 мая 1925 г. и доклада дирекции ИМЭ на заседании Президиума ЦИК СССР 30 апреля 1926 г., институт получил значительный комплекс оригиналов документов основоположников научного коммунизма и по истории социалистических идей. Среди них: английский вариант «Гражданской

⁵ Бюл. ИМЭ при ЦИК СССР, 1926, № 1, с. 30; *Цобель Э.* Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. — Печать и революция, 1927, № 7, с. 258; *Шиллер Ф. П.* Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. — Молодая гвардия, 1927, № 17, с. 102.

⁶ Бюл. ИМЭ при ЦИК СССР, 1926, № 1, с. 31.

войны во Франции», три тетради Маркса с заметками и выписками из газет; рукописи Ф. Энгельса: «Бруно Бауэр и первобытное христианство», некролог «И. Ф. Беккер», четыре рецензии на «Капитал»; письма К. Маркса и Ф. Энгельса В. Либкнехту и другим лицам, а также письма и документы I Интернационала. Из архива Трирской гимназии было получено 60 снимков гимназических работ Маркса и его аттестата зрелости. Из архива философского факультета Йенского университета поступило 13 снимков документов, касающихся присуждения Марксу докторской степени. Из семейного архива Энгельсов в г. Энгельскирхене были получены 1075 фотокопий переписки и юношеских работ Ф. Энгельса. Институт также приобрел 25 фотокопий документов из наследия К. Зибеля, 242 снимка документов В. Либкнехта, 43 — Э. Бернштейна. У дочери ганноверского врача Л. Кугельмана удалось приобрести 14 оригиналов писем А. Бебеля и 11 писем П. Зингера к Кугельману за 1892—1901 гг. В подлинниках были приобретены четыре письма Л. Фейербаха к А. Руге, два письма М. Бакунина к А. Руге (1843 г.), четыре письма А. Руге доктору Кехли (1844 г.) и др. (ф. 3316, оп. 17, д. 181, л. 45; оп. 19, д. 682, л. 16, 18).

На заседании Совета ИМЭ 29 января 1925 г. рассматривалось предложение анархистского историка биографа М. Штирнера Дж. Г. Маккея о покупке собранного им архива за 4 тыс. долларов. В постановляющей части протокола зафиксировано: «Предложение возражений не встречает» (ф. 3316, оп. 17, д. 181, л. 38). В Приложении 1 к докладу на заседании Президиума ЦИК СССР 30 апреля 1926 г. приводятся сведения о том, что этот архив был куплен институтом в конце июля 1925 г. В нем имелись подлинные документы, относящиеся к биографии Штирнера, и по истории политических и литературных течений в Германии 40-х годов XIX в., а также свыше 300 писем, полученных Маккем и его помощниками от современников Штирнера⁷. В приобретенном архиве также были подлинники писем Ф. Энгельса, Э. Бауэра, В. Либкнехта, К. Фогта, Ф. А. Зорге и др. (ф. 3316, оп. 19, д. 682, л. 16).

В хроникальной заметке, опубликованной в журнале «Летописи марксизма» (1926, № 1, с. 152), сообщалось, что в 1925 г. институтом во Франции была приобретена ценнейшая коллекция документов Г. Бабёфа, включавшая подавляющую часть его рукописного наследия — около 1000 писем; из архива Национальной библиотеки в Париже получено 823 фотокопии документов О. Бланки. Информация, содержащаяся в документах ЦГАОР СССР, существенно дополняет эти опубликованные сведения о поступлении в институт документальных материалов из Франции. Как явствует из Приложения 1 к докладу о деятельности Института на заседании Президиума ЦИК СССР 30 апреля 1926 г., летом 1925 г. и зимой 1926 г. удалось приобрести у парижских антикваров около 2500 подлинных документов, среди которых были: 41 письмо Г. Бабёфа, рукописи и письма Сен-Симона, Б.-П. Анфантена, А. Венсара, Кабе, О. Бланки, Л. Блана, 1200 документов по истории Парижской коммуны — листовки, брошюры, афиши, письма и рукописи Делеклюза, Кюзере, Л. Мишель (более 100 писем и несколько рукописей) и др. (ф. 3316, оп. 19, д. 682, л. 16).

В эти же годы из Нью-Йоркской публичной библиотеки получили литературное наследие Ф. А. Зорге (624 фотокопии). В архиве Исторического общества штата Висконсин (США) были скопированы материалы, относящиеся к деятельности Генерального совета I Интернационала после его переезда в Америку, а также документы Ф. А. Зорге и Г. Шлютера (ф. 3316, оп. 19, д. 682, л. 18). В Британском музее началось фотокопирование переписки Н. Ф. Даниельсона с К. Марксом, протоколов гайнских корреспондентских обществ времен Французской буржуазной революции. Но вследствие разрыва дипломатических отношений СССР с Англией в 1927 г. эта работа в значительной степени была свернута.

⁷ Цобель Э. Указ. соч., с. 260.

К весне 1926 г. было фактически закончено фотокопирование документов из архива ГСДП. В ИМЭ поступило примерно 44,5 тыс. фотографий. Только фотокопии рукописей «Капитала» и «Теории прибавочной стоимости» составили 9800 экз. В архиве ГСДП были также скопированы документы из эпистолярного наследия соратников основоположников научного коммунизма — И. Ф. Беккера, Ф. Лесснера и др. (ф. 3316, по. 19, д. 682, л. 17). Но руководство ГСПД начинает создавать препятствия этой работе, а в 1930 г. запрещает использование партийного архива уполномоченным Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса⁸.

Со второй половины 20-х годов расширились розыск и выявление документов по истории международного рабочего и коммунистического движения. Институту удалось достичь соглашения с генерал-директором прусских архивов историком П. Кером, в соответствии с которым ИМЭ получил разрешение на издание всех интересующих его материалов, имеющихся в прусских архивах. Для института был разработан подробный инвентарь всех документов, связанных с историей марксизма и рабочего движения в XIX в. ИМЭ разрешалось не только фотокопировать документы, но и в случае необходимости получать оригиналы для их изучения в Москве⁹. Уже в 1926 г. институт получил из Берлинского отделения Прусского тайного государственного архива около 3 тыс. фотокопий документов. Среди них — тайные доносы агентов полиции на К. Маркса, В. Вейтлинга, А. Руге, Г. Юнга и др., цензурные акты, касающиеся запрещения «Рейнской газеты». Из отделения этого архива в г. Кобленце было получено 302 снимка документов, связанных с деятельностью «Рейнской газеты» (ф. 3316, оп. 19, д. 682, л. 17, 18).

Работе по розыску и выявлению документов был придан новый размах после постановления юбилейной сессии ЦИК СССР 18 октября 1927 г., возложившего на Институт К. Маркса и Ф. Энгельса также задачу собирания и изучения материалов по истории пролетариата в различных странах¹⁰. Данные об этом направлении собирательской деятельности ИМЭ можно почерпнуть в основном из опубликованных источников, так как в ЦГАОР СССР документов, вышедших из делопроизводства института во второй половине 20-х годов, сохранилось крайне незначительное количество и по ним трудно проследить историю собирания документов в целом за этот хронологический период. Опубликованные данные свидетельствуют о том, что к 1925 г. из Прусского тайного государственного архива поступило примерно 25 тыс. снимков с таких документов, как полицейские дела революционных деятелей, доносы и докладные записки провокаторов, цензурные акты, следственные дела рабочих и коммунистических организаций. Такие же материалы были сфотографированы во многих провинциальных государственных архивах Швейцарии, Австрии, Саксонии, Силезии, городов Гамбурга, Кельна, Берлина, Дюссельдорфа и др.¹¹

В марте 1928 г. институт приобрел у наследников основателя голландской социал-демократии Ф. Д. Ньюенгейса коллекцию его рукописей из 250 дел, среди которых имелись подлинные документы К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, Э. Эвелинг и др.¹² У родственников старого друга Маркса по Кельнскому процессу коммунистов Р. Даниельса удалось найти две тетради со стихами молодого Маркса¹³.

Таким образом, документы ЦГАОР СССР вместе с опубликованными материалами свидетельствуют о том, что Институт К. Маркса и Ф. Эн-

⁸ Штерн Х., Вольф Д. Великое наследие: Исторический репортаж о литературном наследии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. М., 1976, с. 86—87.

⁹ Летописи марксизма, 1928, вып. V, с. 17.

¹⁰ 2-я сессия ЦИК СССР 4-го созыва: Стеногр. отчет, Октябрь 1927 г. М., 1927, с. 226.

¹¹ Шиллер Ф. П. Указ. соч., с. 103.

¹² Коллекция рукописей из литературного наследия Ф. Домелы Ньюенгейса. — Летописи марксизма, 1928, вып. VII/VIII, с. 249—250.

¹³ Шиллер Ф. П. Указ. соч., с. 102.

гельса в 1920-е годы осуществил громадную и важную работу по собиранию документов основоположников научного коммунизма, активных деятелей международного рабочего и коммунистического движения, представителей социалистических течений. К началу 1930-х годов в архиве института насчитывалось более 15 тыс. подлинных документов и 175 тыс. фотокопий. Среди них рукописи и письма К. Маркса и Ф. Энгельса составили 4316 ед. хр.—437 подлинников и около 55 тыс. фотокопий¹⁴.

В первые годы существования института архив как самостоятельное структурное подразделение предусмотрен не был. В 1922 г. институт состоял из 12 кабинетов: К. Маркса и Ф. Энгельса, истории Германии, истории Франции, истории Англии, философии, права, политической экономики, социализма, социологии, Г. В. Плеханова, внешней политики, I Интернационала. Поступавшие документы в зависимости от содержания направлялись на хранение по профилю в соответствующий кабинет. Наибольшее количество документов и материалов было сосредоточено в главном структурном подразделении института — в кабинете К. Маркса и Ф. Энгельса. Здесь в пяти несгораемых шкафах находились издания основоположников научного коммунизма, подлинники и фотокопии их писем и рукописей. В этом кабинете хранились также материалы по истории I Интернационала, первые издания сочинений Ф. Лассаля, его письма и др.¹⁵

Широкий размах собирательской деятельности института со второй половины 1923 г. привел к резкому увеличению количества поступающих документов, как подлинников, так и фотокопий. Хранение документов по кабинетам стало неоправданным. Появилась необходимость в создании специального структурного подразделения, призванного заниматься хранением, научно-технической обработкой и подготовкой документов к научному и практическому использованию. Архив как самостоятельное структурное подразделение института был образован весной 1925 г. Для архива была выделена комната в здании института, располагавшегося в Малом Знаменском переулке, в бывшем особняке князей Долгоруких (ныне Музей К. Маркса и Ф. Энгельса на ул. Маркса и Энгельса, д. 5). Подлинные документы были помещены в два несгораемых шкафа, фотокопии хранились в четырех обычных шкафах. Из-за тесноты помещения архива сотрудники, штат которых к концу 1925 г. составлял десять человек, были размещены по нескольким кабинетам института, и, таким образом, работа над документами велась вне архива¹⁶. Условия для обеспечения соответствующих требований к сохранности документов были явно недостаточными. В 1927 г. в связи с ростом поступлений условия архива были улучшены, ему были предоставлены уже семь комнат¹⁷. Документы ЦГАОР СССР свидетельствуют, что штат архивистов к началу 1930-х годов возрос до 17 человек (ф. 3316, оп. 22, д. 1015, л. 4).

С момента образования архива началась и систематическая работа по научно-техническому упорядочению и описанию хранившихся в нем документов. Особенно тщательно обрабатывались документы Маркса и Энгельса. В результате обосновывалось авторство, устанавливался адресат, даты и т. д. Одновременно с этим началась работа по составлению научно-справочного аппарата к документам, и прежде всего алфавитного и биографического каталогов. Большая часть сотрудников архива занималась расшифровкой трудночитаемых рукописей Маркса и Энгельса, проводила проверку текстов, корректуру иностранных текстов. Эту работу осуществляли наиболее квалифицированные сотрудники, обладавшие отличным знанием иностранных языков. Учитывая сложность работы с такими текстами, в архиве установили норму выработки — четыре стра-

¹⁴ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М.; Л., 1930, с. 43.

¹⁵ *Цобель Э.* Об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.— Под знаменем марксизма, 1923, № 2/3, с. 227.

¹⁶ Бюл. ИМЭ при ЦИК СССР, 1926, № 1, с. 34.

¹⁷ *Цобель Э.* Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 264.

ницы рукописи на одного научного сотрудника в день (ф. 3316, по. 19, д. 165, л. 2, 5, 8).

Как явствует из доклада директора института на заседании Президиума ЦИК СССР 30 апреля 1926 г. (ф. 3316, оп. 12, д. 119, л. 180) и опубликованного отчета института на 1924—1925 гг.¹⁸, все архивные материалы были разделены на три группы: 1) подлинные документы (рукописи, письма, заметки, выписки и т. д.); 2) фотокопии рукописей, составлявших собственность других, преимущественно иностранных архивов, которые не могли быть приобретены в оригиналах; 3) печатный материал (подлинники и фотокопии). В основу деления был положен номинальный принцип, в данном случае внешняя разновидность документа.

На основе изучения опубликованных данных и материалов ЦГАОР СССР можно сделать вывод о том, что во второй половине 20-х годов в архиве института была проделана работа по совершенствованию систематизации. К началу 30-х годов документы пересистематизировали в следующие тематические отделы:

1. Документы К. Маркса и Ф. Энгельса. Здесь были сосредоточены исторические, философские, экономические и политические работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Значительное место занимали письма основоположников научного коммунизма — свыше 10 тыс. Здесь же хранились тетради К. Маркса и Ф. Энгельса с выписками почти из 5 тыс. книг по самым различным отраслям человеческого знания (всемирная история, экономика, философия, искусство, техника и т. д.).

2. Документы по истории I и II Интернационалов. В этом отделе хранились фотокопии протоколов заседаний Генерального совета I Интернационала, социалистических конгрессов, документы Ф. Энгельса — секретаря итальянской и испанской секций, коллекции документальных материалов деятелей I и II Интернационалов: И. Ф. Беккера, И. Вейдемейера, М. Гесса, Ф. А. Зорге, Ф. Лесснера, Ю. Моттелера, Г. Шлютера и др.

3. Документы по истории социализма и рабочего движения в германских странах. Они были представлены почти 6 тыс. подлинных рукописей по истории раннего либерализма, истории социализма, революции 1848—1849 гг. в Германии и Австро-Венгрии, рабочего движения и социал-демократии в этих странах. Большую ценность представляли 165 писем Л. Фейербаха, 250 писем и дневник Ф. Лассаля. Здесь же хранились 25 тыс. фотоснимков из Прусского тайного государственного архива.

4. Документы по истории социализма и рабочего движения в романских странах. Рукописная коллекция этого отдела насчитывала до 8 тыс. ед. хр., и среди них — «Завещание» Ж. Мелье, 22 рукописи А. Сен-Симона, письма и рукописи Э. Кабе, П. Ж. Прудона, П. Леру и др. Здесь же была сосредоточена самая богатая в мире коллекция рукописей Г. Бабефа. Самостоятельную группу представляли документы Французской буржуазной революции. Разнообразной по составу была коллекция документов по истории революции 1848 г., среди которых имелись рукописи воззваний и переписка членов Временного правительства, Национального собрания, десятки и сотни писем Л. Блана, А. Барбеса, А. Кремье, О. Бланки, А. О. Ледрю-Роллена и др.

5. Документы по истории социализма и рабочего движения в славянских странах. Здесь были сосредоточены документы части литературного наследия Г. В. Плеханова, часть архива В. И. Засулич, архив В. В. Берви-Флеровского, чью книгу о положении рабочего класса в России тщательно изучал К. Маркс, и др.¹⁹

К документам, хранившимся в архиве, разрабатывался научно-спра-

¹⁸ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР: Отчет за 1924—1925 гг. (Делегату III съезда Советов). М.; Л., 1925, с. 9.

¹⁹ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, с. 43—47; Шиллер Ф. П. Указ. соч., с. 103; ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 12, д. 119, л. 182—184.

вочный аппарат. На именные и предметные карточки выписывались из документов все предварительно установленные названия учреждений, лиц, события, краткое содержание документа. Затем на основе этих карточек, систематизированных по алфавитному, хронологическому, именованному и предметному признаку, составлялись различного рода каталоги, которых к концу 20-х годов в архиве насчитывалось 12²⁰.

Вместе с тем в организации хранения архивных материалов имелись и серьезные недостатки. Суть их, на наш взгляд, заключалась в отступлении от основных требований теории и практики архивного дела. Если в это же время в Институте В. И. Ленина относительно ленинских документов был разработан и осуществлен целый комплекс мероприятий по созданию условий для их долговременного хранения²¹, то в ИМЭ отношение к документам носило все-таки чисто утилитарный характер. После объединения ИМЭ с Институтом В. И. Ленина в 1931 г. обнаружилось и другие недостатки в деятельности архива. Так, например, фактически рукописи Маркса и Энгельса находились вне архива. В основной массе они хранились в других кабинетах института, где изучались в соответствии с планами текущей научно-исследовательской работы данного структурного подразделения. Документы не имели инвентарных номеров, контроль за их хранением и выдачей отсутствовал, что привело даже к потере некоторых материалов²². Подобное положение объясняется, на наш взгляд, тем, что руководство и коллектив сотрудников института на первый план выдвигали работу по собиранию и активному научному, практическому и политическому использованию документов, не уделяя должного внимания вопросам правильной постановки и организации хранения документов в своем архиве.

Действительно, институт одновременно с розыском и выявлением документов развернул активную и широкую работу по их публикации и пропаганде. Поступавшие документы после расшифровки и перевода на русский язык сразу же включались в научный оборот. Основной формой использования документов явилась их публикация. Ведущее место при этом заняла работа по подготовке к изданию Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке и на языке оригинала, предпринятому по решению XIII съезда РКП(б)²³. Значительное количество ранее неизвестных документов было опубликовано в таких изданиях института, как «Архив Маркса и Энгельса», «Летописи марксизма». Предпринял институт также научное издание отдельных произведений основоположников научного коммунизма и представителей социалистических идей, регулярно публиковались документы на страницах периодической печати²⁴.

Менее изученным пока остается такая форма использования, как организация музейной экспозиции и проведение специальных тематических выставок. Эта работа была возложена на музейное отделение, созданное при институте в начале 20-х годов. Вопросы организации и деятельности музейного отделения по марксведению и истории международного рабочего и коммунистического движения нашли отражение в Постановлении ЦИК СССР от 11 июля 1924 г., в Положении об ИМЭ, утвержденном ЦИК СССР 28 июня 1929 г., и др.²⁵

Как свидетельствуют документы, музейное отделение проделало громадную работу по собиранию экспонатов: документов, иконографии, произведений искусств, листовок, брошюр, газет и других реликвий истории международного революционного движения. Согласно справки о

²⁰ Шиллер Ф. П. Указ. соч., с. 103.

²¹ Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд., доп. М., 1984, с. 178–201, 279–285.

²² Тихомирнов Г. А. Единый партийный архив. — В кн.: Лит. наследство. М., 1932, № 3, с. 327.

²³ Тринадцатый съезд РКП(б), Май 1924 года: Стеногр. отчет. М., 1963, с. 677.

²⁴ О публикационной деятельности ИМЭ подробно см.: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР, с. 149–156, 175–178.

²⁵ Идеиный арсенал коммунистов. 2-е изд., доп. М., 1979, с. 208–209.

музейном материале, приложенной к копии протокола № 3 заседания Совета ИМЭ 30 мая 1925 г., к этому времени в музейном отделении хранился 9521 экспонат, в том числе 3049 портретов, 4655 афиш, воззваний и листовок, 93 альбома разных эпох и др. (ф. 3316, оп. 17, д. 181, л. 44). К маю 1930 г. в музейном фонде института уже было свыше 150 тыс. отдельных экспонатов²⁶.

Отсутствие специального помещения для музея в определенной мере сдерживало работу по развертыванию широкой экспозиции материалов, имевшихся в институте. В связи с этим ИМЭ пошел по пути демонстрации специальных временных тематических выставок, знакомящих трудящихся с наиболее ценными материалами по истории жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, представителей социалистических учений, по истории международного революционного движения. Организация таких выставок развернулась в основном во второй половине 20-х годов, когда для этого была создана соответствующая материальная база — собрание бесценных, уникальных документов и реликвий. Документы ЦГАОР СССР не дают последовательного представления об этой работе коллектива института. Восполнить пробелы помогают опубликованные источники.

Первой выставкой, организованной институтом, явилась выставка «Парижская коммуна», открытая 18 марта 1926 г. в помещении бывшей картинной галереи Румянцевского музея (Знаменка, Ваганьковский пер., 4)²⁷. «Карикатуры, литографии, журналы, книги-брошюры, листовки, афиши с текстами декретов, прокламации, продовольственные карточки, подлинные рукописи, письма, оригиналы фотографий деятелей Коммуны, — писала газета „Труд“, — все это выставлено в таком изобилии, что нужны дни, чтобы более менее основательно ознакомиться с тем, что показано на выставке... Едва ли в Европе найдется вторая коллекция, столь же богатая, как собрание института»²⁸. Работа по совершенствованию и углублению экспозиции по данной теме продолжалась и в последующие годы. В 1928 г. в четырех залах нынешнего Центрального дома Советской Армии была развернута документальная выставка «Парижская коммуна. 1871 г.», работавшая в течение семи месяцев. На ней были представлены копии архивных документов, газеты, брошюры, книги, схемы, плакаты, картины и т. д. В первом зале выставки была дана развернутая характеристика империи Наполеона III; во втором зале, посвященном периоду осады Парижа, экспонировались документы правительства Национальной обороны и Национальной измены, на особом стенде — материалы I Интернационала; материалы третьего зала представляли историю создания и развития Парижской коммуны; четвертого — падения Коммуны. Выставка тепло была встречена советской общественностью. На ней побывало свыше 20 тыс. человек, в том числе 484 организованных экскурсий (около 13 тыс. человек)²⁹.

В феврале и мае 1927 г. в Москве работали две документальные выставки, организованные институтом: «Жизнь и деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса», посвященная 80-летию со дня выхода «Манифеста Коммунистической партии», и «К 130-летию со дня казни Г. Бабефа»³⁰.

Из сохранившейся в ЦГАОР СССР копии плана работы Института К. Маркса и Ф. Энгельса на 1930—1931 гг., содержащего также и некоторые отчетные данные, видно, что ИМЭ оказывал действенную помощь союзным республикам в деле пропаганды идей марксизма и революционных традиций международного рабочего движения. Так, в конце 20-х — начале 30-х годов в Тбилиси с помощью института была органи-

²⁶ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, с. 53.

²⁷ Рабочая газ., Москва, 1926, 17 марта; Рабочая Москва, 1926, 20 марта.

²⁸ Труд, 1926, 23 марта.

²⁹ *Голосовкер М.* Парижская Коммуна — 1871 г.: (Выставка). — *Летописи марксизма*, 1928, вып. VII/VIII, с. 251—270; Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, с. 52—53.

³⁰ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, с. 49—50.

зована документальная выставка «Жизнь и деятельность К. Маркса». Институт помог организовать документальные выставки в Баку и Ереване по истории Парижской коммуны. В эти же годы при низовых культурных ячейках заводов и фабрик Московской области было организовано пять передвижных выставок по истории социализма и международного рабочего движения (ф. 7668, оп. 1, д. 266, л. 6).

Такое использование документов имело большое политическое значение в деле пропаганды бессмертных идей К. Маркса и Ф. Энгельса и воспитания трудящихся нашей страны на революционных и боевых традициях пролетарского интернационализма.

Многоплановая деятельность по собиранию, научному и практическому использованию документов основоположников научного коммунизма и по истории международного революционного движения получила общую положительную оценку в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 июня 1929 г. «О работе Института К. Маркса и Ф. Энгельса»³¹. Постановлением ЦИК СССР от 3 ноября 1931 г. в целях объединения работы по изданию сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и разработки вопросов марксизма-ленинизма Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и Институт В. И. Ленина были слиты в одно научно-исследовательское учреждение — Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (ф. 3316, оп. 12, д. 485, л. 3)³². Архив ИМЭ составил основу секции документов К. Маркса и Ф. Энгельса ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, в которой сейчас насчитывается 8612 документов основоположников научного коммунизма, в том числе 2815 подлинников, а вместе с письмами в их адрес — свыше 15 тыс. документов³³. Здесь же сосредоточены документы членов семьи Маркса, документальные материалы соратников Маркса и Энгельса, документы руководимых основоположниками научного коммунизма революционных организаций — «Новой Рейнской газеты», Союза коммунистов, Международного товарищества рабочих (I Интернационала), коллекции документов по истории революционных движений конца XVIII и XIX вв. (французской революции 1789—1794 гг., революций 1848 г. в странах Западной Европы, Парижской коммуны) и истории социалистических учений³⁴.

Таким образом, документы Института К. Маркса и Ф. Энгельса, отложившиеся в различных фондах ЦГАОР СССР, представляют несомненный интерес для исследователя истории собирания, организации хранения, научного и практического использования документов основоположников научного коммунизма и истории международного революционного движения. Эти документы содержат конкретные сведения об источниках комплектования, о фактах и датах приобретения тех или иных документов, собраний, архивов, дают представление о составе и содержании собранных материалов; в них приводятся различные количественные показатели, необходимые для вынесения оценочных суждений при изучении соответствующих направлений деятельности ИМЭ. Все эти данные (учитывая, что делопроизводственный архив Института К. Маркса и Ф. Энгельса сохранился неполно) вместе с опубликованными источниками позволяют глубже и шире раскрыть ту громадную работу по собиранию и использованию бесценных документов, которая была проделана в 20-е годы.

³¹ Известия ЦК ВКП(б), 1929, № 19 (278), с. 17.

³² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза ССР, 1931, № 68, ст. 455.

³³ *Фомичев В. Н.* Обзор рукописных документов К. Маркса и Ф. Энгельса, хранящихся в Центральном партийном архиве. — В кн.: Актуальные вопросы марксологии, с. 98; *Рудяк Б. М.* Указ. соч., с. 51.

³⁴ Идеальный арсенал коммунистов, с. 54—55.

А. П. Пшеничный

КАБИНЕТ АРХИВОВЕДЕНИЯ ПРИ ЦАУ СССР (1928—1933)

Развитие архивного дела в 20-е годы заставило пересмотреть весьма распространенный среди большинства архивных работников взгляд о чисто прикладном характере архивного дела и, следовательно, отсутствии теории архивоведения.

Для разработки и развития теории архивоведения, а также научного обеспечения работы советских архивов потребовалось создать организацию научно-исследовательского характера. Предложения на этот счет были подготовлены видным советским архивистом Михаилом Станиславовичем Вишневским. В январе 1928 г. он подал в коллегию Центрархива РСФСР записку о создании именно такой организации. Вишневский определил задачу этой организации следующим образом: всестороннее обслуживание архивных учреждений в архивно-научном отношении и всемерная популяризация значения архивного дела¹. Это предложение было принято, и в мае 1928 г. при управлении Центрархива РСФСР был образован Кабинет архивоведения.

Деятельность Кабинета архивоведения еще слабо изучена. Начало ее исследования было положено автором этих строк². К этому нужно добавить статью М. П. Бобылевой в журнале «Советские архивы» в том же 1985 г., рассмотревшей деятельность Кабинета архивоведения в одном направлении — рационализации управления архивным делом³.

Источниками для изучения деятельности Кабинета архивоведения явились документы фонда Главархива СССР, хранящегося в ЦГАОР СССР. Кроме того, сведения о работе Кабинета содержатся в печатных органах ЦАУ СССР и РСФСР — журнале «Архивное дело» (1923—1932, 1935—1941) и «Бюллетене ЦАУ РСФСР» (1921—1932).

Первое положение о Кабинете архивоведения было утверждено коллегией Центрархива РСФСР 17 мая 1928 г.⁴. Согласно этому положению, Кабинет архивоведения квалифицировался как научно-вспомогательное учреждение Центрархива, состоящее при коллегии на правах отдела. Его задача — «собрание всех материалов о достижениях архивной науки и соприкасающихся с ней дисциплин как в СССР, так и за границей, необходимых для разработки вопросов архивоведения». Его структура была определена следующим образом: отдел истории и техники архивного дела, научно-справочная библиотека, архивный музей, выставка архивных документов, консультации по вопросам архивного дела, учебно-показательный архив. Кроме того, в состав Кабинета была включена образованная в 1927 г. архивная химико-техническая лаборатория Центрархива РСФСР. Кабинет архивоведения осуществлял также научное руководство фотостатом (фотолабораторией) и ремонтно-реставрационными мастерскими. При Кабинете был создан и активно функционировал архивно-исторический кружок.

12 февраля 1929 г. Президиум коллегии ЦАУ дополнительно утвердил положение еще об одной структурной части Кабинета архивоведения —

¹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1677, л. 1—4.

² Пшеничный А. П. Центральное архивное управление СССР и РСФСР (1929—1938): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985, с. 53—55, 90—98.

³ Бобылева М. П. Из опыта рационализации работы в архивных учреждениях (1920—1930-е годы). — СА, 1985, № 4, с. 40—45.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1676 л. 5.

архиве-музее Печатного двора (бывшей Синодальной типографии), содержащем памятники по истории русской письменности и печатных изданий⁵.

В соответствии с решением II Всероссийского съезда архивных работников коллегия ЦАУ РСФСР 4 марта 1930 г. утвердила новое Положение о Кабинете архивоведения⁶. Кроме задачи собирания материалов об архивоведении и сопредельных дисциплинах, коллегия ЦАУ поставила перед Кабинетом задачу разработки вопросов архивоведения, использования его достижений для нужд социалистического строительства и учебно-методического руководства и консультаций по вопросам архивного дела.

Структура Кабинета была определена следующим образом: научная справочная библиотека, архивный музей, архивная выставка, центральная картотека фондов с тематическими картотеками, архивная химико-техническая лаборатория, фотолаборатория и фотостат, архив-музей Печатного двора, учебно-показательный архив. Центральная картотека фондов состояла из трех частей — собственно картотека фондов, тематические картотеки и отдел справок.

В Положении о Кабинете архивоведения, утвержденном коллегией ЦАУ 29 апреля 1931 г., структура Кабинета архивоведения была изменена: Архивная выставка развернута в группу агитации и пропаганды. Группа состояла из трех отделов — выставочного, печати и радио. Учебно-показательный архив был переименован в учебную лабораторию начавшего свою деятельность Института архивоведения (ныне МГИАИ).

Дополнительно была организована группа повышения архивной квалификации, ведавшая работой архивно-исторического кружка при Кабинете, отраслевых и тематических кружков, кружков и конференций на местах, семинаров для руководителей кружков и ячейки содействия Обществу историков-марксистов.

3 сентября 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР Кабинет архивоведения из ведения ЦАУ РСФСР был передан в ведение ЦАУ СССР⁷. Этим актом за Кабинетом архивоведения признавалось общесоюзное значение.

Активная деятельность Кабинета архивоведения при ЦАУ РСФСР развернулась в 1929 г. В 1929—1930 гг. Кабинет объединял вокруг себя различного рода комиссии при ЦАУ. В это время значительно продвинулась работа по собиранию материалов и организации структурных частей Кабинета, функционировали консультации по различным вопросам архивного дела, архивная выставка, центральная картотека архивных фондов, архивно-химическая лаборатория, фотолаборатория, архивно-справочная библиотека, архив-музей Печатного двора.

Началась разработка важнейших вопросов архивного дела. В 1929 г. при Кабинете начала работу комиссия по составлению «Руководства по архивному делу», так как отсутствовало какое-либо доступное всем пособие по архивной работе. «Руководство» мыслилось как учебно-теоретическое пособие, а не как нормативный документ. В 1931 г. в Кабинете были образованы бригады по подготовке статей и глав для «Руководства». К этой работе были привлечены силы общественности ЦАУ СССР и РСФСР и центральных архивов. «Руководство» планировалось из 21 раздела (статьи)⁸.

В 1932 г. эта схема претерпела определенные изменения. На совещании при Кабинете при подготовке «Руководства» 2 декабря 1932 г. был принят план этой работы на 1933 г.⁹ Ряд статей, намеченных в 1931 г., ввиду явной узости тем отпал, были признаны готовыми девять статей. Что касается остальных, то с частью из них только начали работать, некоторые же нуждались в доработке. Эта неравномерность в работе и

⁵ Там же.

⁶ Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961 (далее: СРМАД), с. 201—202; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1676, л. 9.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5325, д. 2227, л. 11; СЗ СССР, 1930, № 48, ст. 499.

⁸ Истнюк Д. Задачи издания «Руководства по советскому архивному строительству». — АД, 1932, № 1/2(30/31), с. 21—22.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2873, л. 7—9.

быстрое устаревание подготовленного материала (2 декабря 1932 г. было поручено С. М. Абалину и Д. Г. Истнюку проверить возможность использования материалов, составленных в 1929—1930 гг.)¹⁰ были причиной того, что работа по составлению «Руководства» затянулась. К тому же совещание при Научно-исследовательском кабинете (НИКе) 9 февраля 1933 г. поручило ряду авторов подготовить учебные пособия, в известной степени дублирующие «Руководство»¹¹.

В дальнейшем с переносом центра тяжести на составление нормативно-методических пособий идея создания «Руководства по архивному делу» так и осталась неосуществленной. Впервые она была реализована вне архивной системы выходом в 1935 г. пособия Г. А. Князева «Теория и техника архивного дела» и в более полном виде в 1946 г. пособия К. Г. Митяева «Теория и практика архивного дела».

Вопросы разработки важнейших проблем архивоведения обсуждались на совещаниях при Кабинете архивоведения в 1929—1930 гг.¹². Так, 12 января 1930 г. обсуждался вопрос об издании перечней фондов и 24 сентября 1930 г.— вопрос о составлении путеводителей по центральным архивам (поводом для этих серьезных обсуждений явилось обсуждение 26 декабря 1929 г. Путеводителя по облархиву Центрально-Черноземной области).

В 1931 г. к работе Кабинета был привлечен научный актив из сотрудников ЦАУ (Б. И. Анфилов, Н. А. Павлова, А. А. Сергеев и др.), центральных архивов (О. Е. Карноухова, А. А. Покровский и др.), Московского облархбюро (В. Н. Дербина и др.). Всего привлечено к работе Кабинета 44 специалиста¹³.

С 1929 г. Кабинетом архивоведения стали регулярно проводиться курсы как для работников архивных учреждений (в 1929—1930 гг. закончили 27 человек; в 1930—1931 гг.— 25), так и для работников ведомственных архивов (в 1930 г. закончило 32 человека; в 1931 г.— 35 человек)¹⁴.

В 1930 г. в Кабинете архивоведения стали проводиться регулярные групповые и индивидуальные консультации как для работников ЦАУ и центральных архивов, так и для работников учреждений и организаций¹⁵. Групповые консультации проводились по широкому спектру вопросов архивоведения. Их посетило около 170 работников архивных учреждений¹⁶. Особым масштабом отличались групповые консультации Кабинета архивоведения для работников учреждений, организаций и предприятий. Консультация Б. И. Анфилова и В. А. Домбровского по экспертизе документов повторялась четыре раза и собрала 102 слушателя. Консультация Б. И. Анфилова о составлении перечней документов, не подлежащих хранению, повторявшаяся девять раз, собрала 228 слушателей¹⁷.

Групповые консультации для партийных архивов, фабрик и заводов (в 1931 г. их провели 53)¹⁸ как способ научно-методической работы среди архивистов вполне оправдали и в отношении внесения большей ясности в рассматриваемые вопросы, и в отношении выявления недостатков в работе. В 1931 г. Кабинет архивоведения приступил к методической разработке проведения групповых консультаций¹⁹.

В 1929 г. началось активное собирание материалов для Архивного музея. Начало этому процессу было положено директивой ЦАУ от 9 августа 1928 г. о присылке в Кабинет конкретных материалов²⁰.

¹⁰ Там же, л. 4 об.

¹¹ Там же, л. 10—10 об.

¹² Там же, д. 2239, л. 59, 60.

¹³ Там же, д. 2239, л. 8.

¹⁴ Там же, л. 5—5 об.; Бюл. ЦАУ РСФСР, 1929, № 12(99), с. 7—8; АД, 1930, № 1/2 (22/23), с. 98; № 3/4(24—25), с. 92.

¹⁵ АД, 1930, № 1/2(22/23), с. 100.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2239, л. 60—61.

¹⁷ Там же, л. 61—62.

¹⁸ Там же, д. 2469, л. 19 об.

¹⁹ АД, 1930, № 1/2(22/23), с. 100.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 1906, л. 1—5.

По постановлению президиума коллегии ЦАУ РСФСР от 14 января 1930 г. все областные архивные учреждения были обязаны до 1 мая 1930 г. представить в ЦАУ экземпляры имеющихся у них учетных карточек фондов²¹. Этим было положено начало образованию Центрального фондового каталога (ЦФК) ЦАУ. На 1 октября 1930 г. в ЦФК было сконцентрировано свыше 70 тыс. карточек фондов, в том числе центральных архивов — 18,5 тыс., местных — 53 тыс. С середины сентября 1930 г. приступили к созданию центральной тематической картотеки. Первые поступления в нее составили 1169 карточек. 13 января 1931 г. Кабинет архивоведения начал организовывать справочный отдел при каталоге²². В 1931 г. в ЦФК поступило 17 317 карточек фондов, в тематическую картотеку — 40 тыс., в том числе около 10 тыс. — по социалистическому строительству.²³

Архивная химико-техническая лаборатория выполняла две взаимосвязанные задачи — исследовательского характера (изучение процессов распада бумаги, чернил и красок) и практического (проведение в жизнь мероприятий, основанных на выводах и наблюдениях в процессе выполнения первой задачи). Исследовательский характер имели анализы на светостойкость чернил и штемпельных красок. Были также поставлены опыты на выцветание всех имеющихся в ассортименте торговли карандашей, копировальной бумаги и лент. Впервые предприняли попытку решить нерешенную до настоящего времени задачу — восстановление угасших текстов вследствие выцветания²⁴.

Фотолаборатория Кабинета архивоведения в 1929—30 гг. провела 2776 снимков документов архивов по запросам различных государственных и научных учреждений и для нужд ЦАУ. С 1931 г. фотолаборатория приступила к систематическому страховому фотографированию поврежденных архивных документов²⁵, на четверть века предвосхитив систематическую работу по созданию страхового фонда документов. Всего в 1931 г. было изготовлено 36 127 снимков документов архивов²⁶.

Большой объем в работе Кабинета архивоведения занимали подготовка и экспонирование выставок архивных документов. Сотрудники Кабинета не только разрабатывали планы выставок и подбирали документы в центральных архивах, но и монтировали экспозиции. Так, в начале 30-х годов ЦАУ и центральными архивами проводилась постоянно действующая выставка к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Эта выставка состояла из ряда выставок-передвижек к определенным датам²⁷.

Научно-справочная библиотека Кабинета в 1930 г. составляла 10 935 названий книг, а с неописанными — 20 тыс.²⁸ В 1931 г. было закаталогизировано 10 182 вновь поступивших книги²⁹. Комплектование библиотеки протекало путем отбора книг из обменного фонда ЦАУ и других учреждений (Наркомюста РСФСР, Наркомфина РСФСР, ГИМ и др.), а также покупки новых книг. Для пополнения библиотеки иностранными изданиями по вопросам архивоведения и смежных дисциплин была установлена регулярная связь с рядом зарубежных научных организаций. В 1931 г. библиотеки Кабинета и Института архивоведения слили³⁰.

²¹ Бюл. ЦАУ РСФСР, 1930, № 1(100), с. 4—5.

²² Там же, 1931, № 2/3(109—110), с. 3.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2239, л. 12 об.—14.

²⁴ *Завьялов И.* Борьба с вредителями архивного материала.— АД, 1929, № 3(20), с. 46—50; *Он же.* Состав и качество чернил и конторских красок.— Там же, № 4(21), с. 67—72; *Он же.* О введении стандарта копировальной бумаги.— Там же, с. 73—75; *Он же.* К вопросу об изучении плесневых грибов в архивах и способов борьбы с ними.— Там же, 1930, № 3/4(24/25), с. 76—82.

²⁵ АД, 1930, № 1/2(22/23), с. 102.

²⁶ Там же, 1932, № 1/2(30/31), с. 128.

²⁷ Там же, 1930, № 1/2(22/23), с. 92; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2595; АД, 1932, № 3/4(32/33), с. 78—80.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2239, л. 66.

²⁹ АД, 1932, № 1/2(30/31), с. 128.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2239, л. 1 об., 14 об., 79.

Архив-музей Печатного двора в 1929—1930 гг. посетило 92 человека, в 1931 г. — 200 человек³¹. Всего в 1929—1930 гг. Кабинет архивоведения посетили 339 человек (не считая архива-музея).

Архивно-исторический кружок при Кабинете архивоведения действовал постоянно и был одной из форм развития теоретической архивоведческой мысли. Работа его началась с 1928 г. 15 ноября 1928 г. в кружке был заслушан доклад архивной химико-технической лаборатории (И. Н. Завьялова) о пожелтении бумаги под действием света. С октября 1929 г. сделаны несколько докладов о текущих задачах архивных учреждений. Очень оживленно обсуждал кружок насущные задачи археографии. В 1930 г. архивно-исторический кружок работал с большими перебоями. В 1931 г. работа кружка вначале прекратилась, но потом возобновилась. В этом году проводилось пять заседаний³².

На работе кружка отразились некоторые вульгаризаторские идеи в области архивного дела. В частности, И. Л. Маяковский критиковался за положительную оценку публикационной деятельности губернских ученых архивных комиссий, мнение о которой руководителей ЦАУ было резко отрицательным.

В декабре 1931 г. архивно-исторический кружок Кабинета преобразовали в группу содействия Обществу историков-марксистов, насчитывающую 30 человек, которая была реорганизована в секцию научных работников ЦАУ СССР и РСФСР³³. К этому времени в ее состав входило 24 члена, а в конце 1932 г. — уже 56.

Несмотря на несомненные успехи работы Кабинета, деятельность его протекала в тяжелых условиях из-за недостатка квалифицированных кадров, средств и помещений. Кабинет в 1931 г. не получил необходимых ему кадров квалифицированных работников, которые были бы в состоянии осуществить стоящие перед ним задачи. При слиянии библиотек Кабинета и Института архивоведения Кабинету пришлось в течение ряда месяцев нести дополнительные обязанности по комплектованию и библиографированию³⁴.

В начале 1931 г. предполагалось даже ликвидировать Кабинет с распределением его обязанностей по структурным частям ЦАУ. Коллегия ЦАУ РСФСР заслушала доклад о деятельности Кабинета архивоведения на заседании 29 апреля 1931 г., учла имеющиеся трудности в его работе и постановила укомплектовать его квалифицированными кадрами. Однако это постановление не было выполнено из-за отсутствия таких кадров. Коллегия ЦАУ РСФСР 20 июня 1931 г. вновь подтвердила свое решение, и вновь оно исполнено не было. Учитывая все эти обстоятельства, коллегия ЦАУ РСФСР 25 октября 1931 г. в третий раз рассмотрела вопрос о Кабинете архивоведения. В решении коллегии отмечались недочеты в состоянии работ Кабинета — отсутствие сдвига в разработке Кабинетом на основе марксистско-ленинской методологии теории архивного дела, в частности, недоработка «Руководства по архивному делу», и другие недостатки³⁵. Вследствие всего этого коллегия признала необходимым «коренным образом пересмотреть Кабинет архивоведения» с целью организации планомерных научно-исследовательских работ в области теории и практики архивного дела³⁶.

25 октября 1931 г. Кабинет архивоведения переименовали в Научно-исследовательский кабинет. Была введена его новая структура — научно-исследовательская группа, группы повышения квалификации, техники и методики архивной работы, агитации и пропаганды, картотека Государственного архивного фонда, архивная фото-кино-лаборатория (на хозрасче-

³¹ Там же, л. 63—64 об.

³² АД, 1929, № 1(18), с. 103; № 4(21), с. 79—80; 1931, № 1/2(26/27), с. 13—14; № 3/4(28/29), с. 7; 1932, № 1/2(30/31), с. 136.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2239, л. 12.

³⁴ Там же, № 1/2(30/31), с. 127.

³⁵ Там же, ф. 5325, оп. 9, д. 2239, л. 2 об.—3.

³⁶ Бюл. ЦАУ РСФСР, 1932, № 1(116), с. 6—7.

те), архивная химико-реставрационная лаборатория, центральная архивно-справочная библиотека, учебная лаборатория (вскоре была передана Институту архивоведения), журнал «Архивное дело»³⁷ и канцелярия-архив³⁸.

Заведующим НИК 25 октября 1931 г. был назначен Д. Г. Истнюк (до этого с 15 июня 1928 г. — В. В. Максаков). Фактическим руководителем Кабинета остался М. С. Вишневецкий. В связи с тем, что Истнюк руководил работой научно-методического отдела ЦАУ, в конце 1933 г. НИК был полностью включен в состав этого отдела³⁹.

Это решение руководства ЦАУ следует признать ошибочным. Научно-методический отдел ЦАУ был органом научно-организационным, а не научно-исследовательским. В дальнейшем в деятельности этого отдела а следовательно и бывшего НИК продолжали доминировать организационные и методические функции, а научно-исследовательская работа сошла на нет. Поэтому потребность в самостоятельной научно-исследовательской организации продолжала ощущаться, и в апреле 1938 г. при ЦАУ СССР была образована Научно-исследовательская лаборатория (более узкого по сравнению с НИК профиля), задачей которой являлась только разработка методов и системы сохранности документов архивов⁴⁰.

За пять лет своей деятельности Кабинет архивоведения — НИК оставил заметный след в развитии советского архивного дела. Начали развиваться исследования по теории и практике архивного дела, резко активизировалась выставочная деятельность по документам архивов, стали повсеместно проводиться учебно-курсовые мероприятия по повышению квалификации кадров. Кабинет был примером для создания подобных же подразделений в центральных архивах, а также в союзных республиках (Кабинет архивоведения при ЦАУ Украины, Кабинет архивоведения при ЦАУ Грузии, Научно-исследовательский кабинет при ЦАУ Азербайджана).

Характер деятельности Кабинета архивоведения позволяет видеть в нем в определенной степени предшественника ныне существующего Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Конечно, исследования в области документоведения в то время еще не стояли в повестке дня, но деятельность Кабинета в области архивного дела даже превышала компетенцию ВНИИДАД) (учебно-курсовые мероприятия, выставки, учет фондов, архивный музей и др.). Создание Кабинета архивоведения при ЦАУ означало переход к постоянной работе по осмысливанию и научной разработке актуальных проблем архивоведения и пропаганде архивных документов и передовых достижений практики архивного дела.

³⁷ Решение о включении в состав НИК журнала было отменено руководством ЦАУ (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2469, л. 21).

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 2224, л. 30—30 об.

³⁹ Там же, д. 2721, л. 36.

⁴⁰ Там же, д. 4349, л. 13.

К. Ф. Шацлло

О МЕМУАРАХ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР АН СССР О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ¹

Чем дальше в прошлое уходит всякое подлинно важное историческое событие, тем интерес к нему его активных участников и ближайших поколений все более возрастает. Это вполне понятно: в исторической драме, которую переживает весь народ, каждый отдельный человек ощущает себя песчинкой, маленьким камушком, из которых и складывается грандиозное творение, долго видимое многими последующими поколениями. Это во-первых. А во-вторых, участники таких событий в ходе их приобщаются к очень узкому кругу информации; но, чем дальше они от этого события отступают, тем круг этой информации все более расширяется, что позволяет глубже понять и осмыслить свой скромный вклад во все происшедшее. Поэт был глубоко прав, когда писал:

Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстояньи.

Характерно, что в первые годы после победы в Великой Отечественной войне мемуаров о ней появилось ничтожно мало. Лишь по прошествии многих лет крупнейшие военачальники, к этому времени оставшиеся в живых, опубликовали интереснейшие мемуары, основанные, как правило, не только на личных воспоминаниях, но и на архивных источниках². Значение этих трудов переоценить невозможно, без них не обходится ни один исследователь, ни один человек, интересующийся самым трагическим событием в истории нашей Советской Родины.

Но вскоре стал заметен один пробел: молчал главный герой войны, тот герой, которому Маршал Советского Союза Г. К. Жуков посвятил свои «Воспоминания и размышления»; молчал советский солдат. Одним из первых на это обратил внимание Константин Симонов, выступивший и в печати, и по телевидению с серией передач, которая так и называлась: «Солдатские мемуары». Передачи эти удивительны по силе эмоционального воздействия, они не оставляли безразличным ни одного зрителя, будь он поседевшим ветераном или человеком, знавшим войну только по книгам и кинофильмам. Однако с экрана телевизора говорили кавалеры всех трех степеней ордена Славы—этого высшего знака солдатской доблести.

У Совета ветеранов Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР (председатель совета — К. Ф. Шацлло, заместители председателя — Г. И. Киселев и Л. У. Юсупов, секретарь — Р. Г. Стольникова, члены совета — Е. И. Дружинина, В. А. Дунаевский, В. Т. Ермаков и И. М. Кузнециков) несколько лет назад родилась идея предложить каждому ветерану написать воспоминания о своем личном вкладе в победу в Великой Отечественной войне. Мы обратились с письменным призывом к каждому ветерану войны в институте, и когда получили от некоторых из них воспоминания, то увидели, что имеем не просто

¹ В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. См. также: *Ковальчук В. М.*— История СССР, 1986, № 3, с. 164—166; *Ненароков А. П.*— ВИ, 1986, № 2, с. 136—137. Рецензии на кн.: В годы войны: Статьи и очерки.

² См. хронику совместного заседания Археографической комиссии АН СССР и редакции серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах» (*Андрюшайтите Ю. В., Расгончина Л. Н.* Деятельность Археографической комиссии в 1975 г.— АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 346—350).

собрание разрозненных рассказов о войне, но нечто большее. Наш институт — научный творческий коллектив, в котором как в кашле воды отражена история и судьба советского народа. В нем трудится около 400 сотрудников, из них — 71 участник боевых действий, награжденный 177 боевыми орденами и медалями, более чем 600 памятными медалями за оборону и освобождение советских и европейских городов, взятие вражеских крепостей и т. д. и т. п. Запланированный сборник «В годы войны. Воспоминания историков» приобретал, таким образом, не только мемуарное, но в известной мере и социологическое значение: он давал срез, правда, не молодого по среднему возрасту, но обычного по составу трудового коллектива нашей страны к 40-летию Дня Победы.

Первоначально редакционную коллегию составил Совет ветеранов института, но в дальнейшем обнаружилась необходимость несколько изменить ее состав. Возглавить редакционную коллегию согласился ветеран Отечественной войны, один из ведущих в стране специалистов по ее истории академик А. М. Самсонов, а значительная часть редакторской работы легла на плечи другого ветерана войны — А. В. Басова, тоже много сделавшего для исследования ее истории.

К сожалению, далеко не все участники Отечественной войны откликнулись на призыв Совета ветеранов и написали свои воспоминания. Видимо, и сам совет проявил недостаточную настойчивость в выполнении собственных планов. Образовавшийся пробел решено было заполнить с учетом профессионального профиля нашего института: попросить известных советских историков рассказать об их деятельности в годы Великой Отечественной войны по пропаганде военно-патриотических знаний, по воспитанию советского народа на героических традициях богатого прошлого нашей Родины. Такое дополнение солдатских мемуаров, бесспорно, обогатило сборник, ибо граница между фронтом и тылом в этом время была весьма условной, что нашло свое отражение в крылатых словах: «Фронт и тыл — едины». Может быть, наиболее ярким подтверждением этих слов послужили воспоминания академика Б. Б. Пиотровского «Эрмитаж в блокаду». Нынешний его директор — тогда сравнительно молодой научный сотрудник — рассказывает о поистине героических подвигах сотрудников Эрмитажа, которые под бомбежкой, в голод и холод блокадных дней мужественно выполняли свой долг. Патриарх советских историков академик Н. М. Дружинин рассказывает о работе сотрудников Института истории в годы войны, а академик М. В. Нечкина — о лекционной работе.

14 воспоминаний принадлежат перу активных участников боевых действий. Здесь есть все — рядовой солдат и гвардии капитан, шофер и политработник, артиллерист и морской пехотинец, лихой командир и собранный, неторопливый топограф. Лишь меньшая часть мемуаристов ушла на фронт, имея профессию историка (Е. И. Дружинина, В. А. Дунаевский, Л. Н. Пущкарев, А. М. Самсонов, С. С. Хесин); большинство учились или доучивались в послевоенные годы (А. И. Алексеев, А. В. Басов, Л. М. Гаврилов, П. А. Иванов, А. Н. Мерцалов, К. Н. Тарновский, В. В. Фарсоби, Ю. П. Шаралов). Совет ветеранов не производил предварительного отбора и после небольшой правки опубликовал в указанном сборнике все полученные воспоминания о Великой Отечественной войне. Характерно, что среди мемуаристов — бывших солдат и офицеров — оказались один академик, один член-корреспондент АН СССР, восемь докторов наук и четыре кандидата. Ветераны войны и в труде — в первых рядах!

Цель данного сообщения не излагать содержание сборника и не делать его критический разбор. Помимо рассказа о происхождении и составе этой книги, хотелось бы высказать несколько соображений о других возможных видах монографий и сборников, касающихся истории Великой Отечественной войны, что может быть небесполезным и другим трудовым коллективам, а нашему — особенно в связи с приближающейся юбилейной датой: 50-летием образования Института истории АН СССР.

Почему бы оставшимся в живых не сделать сборник воспоминаний о сотрудниках института, павших на полях сражений, или о тех, кто возвратился с войны, но безвременно ушел из жизни? Все мы, ныне живущие, многим обязаны им, и как собратьям по оружию, и как учителям по избранной нами профессии.

Возможен и еще один поворот этой вечно живой темы — истории Великой Отечественной войны. Не только солдат делал войну, но и война делала солдата. На войну шли в большинстве молодые люди, часто они шагали со школьной скамьи прямо в солдатский строй. Война лепила еще не оформившиеся характеры, отсекая многие дурные качества и тяжело карая тех, кто упорно не желал с ними расставаться. Она учила взаимовыручке, самопожертвованию, любви к Родине и острой ненависти к фашизму. В экстремальных условиях боевых действий человек раскрывался полностью. Недаром у солдат бытовала поговорка: «С этим парнем я пойду (или не пойду!) в разведку».

Наконец, война определила для многих из нас выбор профессии историка или помогла тем, кто уже ее имел, глубже и по-иному посмотреть на историческое прошлое нашей страны. Для многих она подсказала даже выбор проблематики в избранной исторической специальности.

Как повлияла Великая Отечественная война на характер человека, выбор и понимание роли облюбованной им профессии, объяснить может только сам человек. Надо спешить предоставить ему возможность рассказать об этом. Ведь после окончания войны прошло долгих 40 лет, и если не поторопиться, мы никогда не узнаем об очень интересном, важном и нужном для последующих поколений.

И. А. Альтман

**О МЕТОДИКЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И УЧЕТА ДОКУМЕНТОВ
ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(из опыта работы во Владимирской области)**

Выявление, учет, сбор и использование документальных памятников новейшего времени привлекают все большее внимание. «Теперь вопрос стоит не так: собирать или не собирать документальные памятники? А кому, каким учреждениям и организациям, где, у кого, что собирать, какими рекомендациями руководствоваться, как и где хранить собранное, как наладить систему строгой взаимосвязи общественных музеев и государственных хранилищ?»¹. Одним из путей решения данного вопроса является взаимодействие государственных архивов и школьного краеведения. Опыт сотрудничества владимирских архивистов и школьных следопытов по сбору документов периода Великой Отечественной войны, его первые итоги нашли освещение в специальных научных изданиях² и в общесоюзной периодической печати³.

Во Владимирской области школьные поисковые отряды одними из первых в стране получили от государственного хранилища задание по сбору документальных памятников личного происхождения; вели этот сбор на основании методики, разработанной архивистами; они передали на государственное хранение около 5 тыс. подлинных документов периода 1941–1945 гг. (в том числе более 3 тыс. писем с фронта и на фронт) и воспоминаний фронтовиков, а также несколько тысяч анкет, заполненных в ходе поиска.

В данном сообщении ставится цель осветить некоторые методические вопросы организации и проведения поисковой работы, предусматривающей массовое обследование семейных архивов того или иного региона с целью выявления, учета и последующей передачи на государственное хранение комплекса документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны, а также других важнейших периодов истории нашей страны.

Поисковая работа владимирских школьников, получившая название «Операция „Фронтное письмо“», началась в мае 1980 г. Руководил ею штаб при Владимирском обкоме ВЛКСМ, куда входили комсомольские работники, ветераны войны, представители облоно, облвоенкомата, журналисты, архивисты. Научно-методическое обеспечение и общее руководство операцией было возложено на ГАВО. Сотрудники архива подготовили методические рекомендации⁴ и разработали форму анкеты; анкеты

¹ Шмидт С. О. Ответственность перед будущим.— В кн.: Памятники Отечества: Альманах ВООПИК. М., 1982, № 1(5), с. 131.

² Афиани В. Ю. Деятельность Археографической комиссии в 1981 г.— АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 349–350; Альтман И. А., Альтман М. М. Государственные архивы и школьное краеведение: Перспективы сотрудничества.— В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982, ч. 1, с. 127; Полянский Н. В. [Сообщение].— В кн.: Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда, 1984, с. 50–53.

³ Юность, 1984, № 2; Комс. правда, 1983, 9 мая; Сов. Россия, 1984, 7 февр., 6 окт.; Пионерская правда, 1984, 22 февр.; Красная Звезда, 1984, 15 сент.; Правда, 1985, 2 июля.

⁴ Операция «Фронтное письмо»: Сбор и использование документов Великой Отечественной войны. Рекомендации руководителю поисковой группы/Сост. И. А. Альтман. Владимир. 1980. Позднее исправлено и дополнено: Летопись Великой Оте-

были изданы типографским способом летом 1980 г. Первоначально основной задачей операции, рассчитанной на один год, являлась работа с участниками Великой Отечественной войны. Предполагалось обследовать личные архивы участников войны, проживающих на территории области, учесть с помощью анкет фронтовые документы, получить их для школьных музеев и комнат боевой славы и передать в конце 1980/81 учебного года в ГАВО. В связи с начавшейся осенью 1981 г. Всесоюзной экспедицией ЦК ВЛКСМ «Летопись Великой Отечественной», цели и методика проведения которой во многом совпадали с «Операцией „Фронтовое письмо“», было решено продлить поиск до мая 1985 г. Это позволило одновременно учесть опыт предшествующей работы и задачи «Летописи».

Перед школьниками были поставлены задачи: фронтально обследовать личные архивы жителей каждого микрорайона и записать воспоминания участников войны и тружеников тыла. Изменение и уточнение объекта поиска обуславливались и тем, что (вопреки первоначальному прогнозу) у вернувшихся с фронта воинов крайне редко сохранялись их фронтовые письма. Подавляющее большинство реликвий военных лет сохраняется в семьях погибших и пропавших без вести. Возможность установить и зафиксировать с помощью анкет этот факт стала реальной, безусловно, только благодаря массовому привлечению школьников к поиску. После первого этапа операции выяснились и другие важные обстоятельства. Во-первых, неэффективным оказалось распространение анкет через военкоматы: из 15 тыс. анкет, розданных фронтовикам при обмене удостоверения «Участник Великой Отечественной войны», было возвращено сотрудникам военкомата и передано в ГАВО лишь около 100 заполненных анкет. Во-вторых, обращение к населению через областную прессу и радио с призывом передавать на государственное хранение документы личного происхождения периода войны привело к установлению контактов архивистов со сравнительно небольшим числом лиц — держателей фронтовых документов. Наконец, само школьное краеведение, особенно там, где еще не созданы общественные музеи, не всегда было готово к поиску на научной основе. Это сказалось на количестве анкет и качестве их заполнения и поставило перед архивистами задачу широкого внедрения методических рекомендаций по проведению поиска.

В 1980—1981 гг. состоялось несколько десятков совещаний и семинаров, на которых обсуждались организация и ход поиска. Занятия строились с учетом состава слушателей. Особенно интенсивно проводились они с учителями, ответственными за внеклассную и краеведческую работу (на базе ежемесячных семинаров по краеведению во владимирском Дворце пионеров и школьников). Сотрудник ГАВО выезжал с агитавтопоездом обкома ВЛКСМ «Комсомольская искра» в несколько районов области, где было прочитано 20 лекций о целях и задачах операции, а также организован ряд семинаров. И в дальнейшем такие выезды на места являлись одной из эффективных форм помощи в проведении операции и контроле за ее ходом. Важное значение придавалось обучению комсомольских работников, ответственных за краеведческую работу на местах, на специальных семинарах, организованных обкомом ВЛКСМ.

Все узловые моменты поиска и его предварительные итоги регулярно освещались в областной печати и по радио. Упор делался на ознакомление населения с целями и задачами «Операции „Фронтовое письмо“», а также на необходимость оказать помощь школьным поисковым группам в выявлении и сборе документальных памятников. Публиковались статьи с подборками переданных в архивы фронтовых писем⁵, после чего нередко были зафиксированы новые поступления документов на государственное хранение. В областной молодежной газете «Комсомольская искра», как правило, не только печатались письма комсомольцев 40-х годов, но и

чественной: Метод, рекомендации для руководителя поисковой работы/Сост. И. А. Альтман, Н. В. Полянских. Владимир, 1983.

⁵ Козлов В. Ф. [Сообщение]. — В кн.: Охрана и использование документальных памятников истории и культуры. Вологда, 1984, с. 89.

разъяснялись методические и организационные вопросы, ставились задачи вовлечения в поиск студентов, старшекласников. С 1981 г. активное участие в пропаганде операции принимали сотрудники районных и городских госархивов области, опубликовавшие в районной печати более 30 статей. В подготовке публикаций принимали участие также студенты-историки Владимирского пединститута. Отметим, что акцентировка передачи документов на государственное хранение именно через поисковые отряды школьников преследовала цель максимально полно использовать эти документы в воспитательных целях до поступления в архивы. Активно участвовали в пропаганде поисковой работы члены штаба — комсомольские работники Н. В. Полянских, И. Ю. Нечаева, ветераны войны — один из инициаторов проведения операции генерал-майор в отставке, бывший областной военный комиссар Я. М. Шапкин, председатель Совета ветеранов Ленинского комсомола при Владимирском обкоме ВЛКСМ С. С. Заржицкая, бывший директор ГАВО Н. В. Шувалов, десятки энтузиастов на местах. Все это обеспечило массовое участие школьников в поиске и облегчило их контакты с архивами при передаче документов на государственное хранение.

Основным источником получения информации о составе личных архивов стали анкеты «Операции „Фронтное письмо“», разработанные при содействии сотрудников Археографической комиссии АН СССР. В предисловии к анкете кратко освещалась цель операции, указывались место и точный адрес постоянного хранения документов, гарантии лицу, передавшему их в ГАВО (на изготовление фотокопий, возврат по первому требованию, широкое использование). Сама анкета содержала несколько групп вопросов: биографические сведения об авторе фронтных документов (в том числе о его деятельности и образовании до и после войны); данные о времени и местах пребывания на фронтах Великой Отечественной войны; сведения о судьбе фронтных писем в среде их бытования (кому были адресованы, у кого хранились, степень сохранности, причины утраты или уничтожения, согласие владельца на передачу в архив); число и виды оставшихся в семье фронтных документов; сведения о ценных документах и воспоминаниях по другим периодам истории нашей страны; данные об участнике «Операции „Фронтное письмо“», дата передачи и число полученных документов (последние пункты рекомендовалось заполнять самим участникам операции; остальные, как правило, заполняли ветераны войны или их родственники). При разработке анкеты преследовалась цель получения информации, необходимой как для дальнейших контактов архивистов с авторами (или держателями) документов периода Великой Отечественной войны, так и для научного использования собранных материалов. Кроме того, анкета является ценным источником о возрастном и профессиональном составе участников операции, помогает в определенной степени контролировать размах и эффективность поисковой работы школьников.

В первом варианте методических рекомендаций по проведению «Операции „Фронтное письмо“» предполагалось заполнение анкеты лишь при наличии у ветеранов или их родственников документов периода Великой Отечественной войны. В дальнейшем было признано целесообразным заполнять анкету независимо от наличия или отсутствия реликвий военных лет в семьях участников войны. Анализ причин утраты этих документов представляется весьма важным для прогнозирования комплектования государственных хранилищ материалами личного происхождения по различным периодам истории советского общества. Заполненные же в ходе операции анкеты четко выявляют основную причину утраты фронтных документов: непонимание их исторической ценности, отсутствие культуры хранения семейных реликвий. В то же время анкеты показывают, что у ряда фронтовиков, сохранивших свои письма, отлагаются целые комплексы таких писем. Зафиксировано около десяти комплексов, состоящих из ста и более писем. Как правило, их авторы соглашались передать эти комплексы на государственное хранение (при условии

изготовления фотокопий наиболее памятных из них). Однако такая передача шла обычно после поступления анкеты в государственный архив и установления научными сотрудниками архива контактов с ветераном. Школьникам же передавалась, как правило, незначительная часть писем (об этом красноречиво свидетельствуют анкеты). На данное обстоятельство следует обратить особое внимание, так как отсутствие анкеты с адресом держателя фронтовых документов почти неминуемо ведет к распылению того комплекса, который отложился в семье.

Сведения анкет содержат информацию о том, что процесс стихийного уничтожения и утраты фронтовых писем неминуемо убыстряется. Уходят из жизни солдатские матери и вдовы, которые наиболее бережно хранили письма павших. Сейчас их чаще всего хранят дети, братья и сестры фронтовиков. Очевидно, в будущем розыск этих документов станет гораздо более трудоемким и менее эффективным.

Анкеты показали причину сравнительно неудачного выявления и записи воспоминаний участников войны. Поисковые группы состояли преимущественно из учеников 5—7 классов, которые не всегда могут грамотно и точно зафиксировать воспоминания ветерана. Необходимо больше привлекать старшеклассников, особенно юношей, иначе научная да и воспитательная значимость поисковой работы во многом обесценивается. Вместе с тем, несмотря на разработанный архивистами вопросник, участники войны крайне редко и неохотно пишут свои воспоминания. Очевидно, вопрос об установлении круга лиц, воспоминания которых о войне необходимо фиксировать на магнитофон либо способствовать их собственноручной записи, нуждается в скорейшем решении.

Ежегодно накануне Дня Победы поисковые отряды школ области передавали собранные документы, воспоминания и анкеты на государственное хранение; причем число отрядов с каждым годом возрастало. Архивистам удалось найти взаимоприемлемые формы контактов со школами. По желанию последних в ГАВО изготовлялись фотокопии наиболее интересных документов для музеев и комнат боевой славы. Многие школы иногда еще до передачи документов своими силами изготовляли качественные фотокопии. Неукоснительно соблюдалось условие, что передаче подлежали только документы, собранные в ходе «Операции „Фронтовое письмо“». Документы из экспозиций школьных музеев передавались лишь по желанию школ. Отметим, что учет этих документов до начала операции выявил как их малочисленность, так и недостаточную для использования информативность: представленные в школьных музеях письма часто не были полностью атрибутированы.

За 1980—1984 гг. в ГАВО передали фронтовые документы более 80 школ всех без исключения районов области. Наиболее активно участвовали в операции школы Владимира, где сотрудники ГАВО могли руководить поиском непосредственно. Немалую помощь школьникам на местах оказали сотрудники городских и районных государственных архивов. В 1983—1984 гг. передача документов проходила преимущественно через эти архивы, что позволило быстрее разобрать документы, а в необходимых случаях оперативно уточнить сведения об их авторах.

Коллекция фронтовых материалов, отложившаяся в ГАВО, включает немало ценных исторических документов. Это прежде всего три рукописных «Журнала боевых действий 20 танковой бригады» за 1942 и 1944 гг. В них помещены статьи о боевом пути бригады, воспоминания, фотографии, рисунки, которые ярко отражают повседневную жизнь воинов. Своеобразной летописью боев являются комплексы писем И. И. Лепяхина и И. И. Прошина. В их семьях сохранилось соответственно 411 и 384 письма с фронта. Интересную переписку военных лет в стихах обнаружили школьники г. Владимира в семье слесаря К. А. Платонова, бывшего в годы войны комсоргом батальона, награжденного пятью боевыми орденами. Получавшая эти стихи его невеста, а впоследствии жена А. Ф. Шаповаленко-Платонова избиралась в 1966—1970 гг. депутатом Верховного Совета СССР. Более 300 фронтовых фотографий передала на

государственное хранение С. С. Заржицкая, бывшая в годы войны заместителем командира полка по политчасти. Среди них немало снимков, сделанных в мае 1945 г. в Берлине. В коллекции имеются письма из блокадного Ленинграда, редкие фотографии А. Н. Толстого и И. Г. Эренбурга в 1943 г. в Харькове, переписка заведующего военным отделом Владимирского горкома ВКП(б) А. Н. Сокова с сотрудниками горкома, ушедшими на фронт, дневники 1941–1943 гг. учителя А. Д. Позднякова, погибшего под Варшавой, и многие другие интереснейшие материалы.

Документы в основном уже систематизированы сотрудниками архива и студенческим археографическим отрядом МГИАИ, работавшим летом 1983 г. С помощью студентов Владимирского государственного педагогического института подготовлен и передан в Верхне-Волжское книжное издательство сборник фронтовых писем владимирцев. Таким образом, сформированный в ходе поиска ценный комплекс документов личного происхождения будет активно использоваться в научных и идейно-воспитательных целях.

Проводившаяся во Владимирской области «Операция „Фронтовое письмо“» представляет интерес и с точки зрения апробации на практике методических рекомендаций, подготовленных в 1977–1981 гг. Археографической комиссией АН СССР совместно с Центральной детской экскурсионно-туристской станцией Минпроса СССР и Центральным архивом ВЛКСМ⁶. В части организации выявления, учета и сбора документальных памятников новейшего времени, подлежащих передаче на государственное хранение, эти рекомендации оказались вполне приемлемыми не только для тех школ, где созданы общественные музеи. В то же время очевидно, что школы не располагают возможностями для хранения и использования богатейшего документального материала, который выявляется ими в ходе поиска и именно по этой причине зачастую не становится объектом сбора. Значительно отстает от требований указанных рекомендаций уровень описания и учета собранных памятников. Как показала «Операция „Фронтовое письмо“», в школах целесообразно оставлять второй экземпляр заполненных анкет в тех случаях, когда владельцы документов по каким-либо причинам не передают их пока на государственное хранение. Тогда не только государственный архив, но и школьные поисковые отряды могли бы продолжать вести работу с держателями документов.

Совместная поисковая работа государственных архивов страны и школьных краеведов имеет несомненную перспективу. По мере повышения качества краеведческой работы в школе⁷, роста внимания архивистов к школьным музеям как источникам комплектования ГАФ СССР появятся новые возможности для привлечения школьников к выявлению и учету документальных памятников личного происхождения по многим важным периодам истории Советского государства.

⁶ О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев, экспедиции «Летопись Великой Отечественной»)/Под ред. С. О. Шмидта. М., 1981 (1-е изд.—1977 гг.).

⁷ Туманов В. Е. О месте документальных памятников школьных музеев в составе ГАФ СССР: (К постановке вопроса).— В кн.: Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины. М., 1980, с. 52–56; *Он же*. Организация и деятельность школьного музея: Учебный план и программа курса для факультетов общественных профессий педагогических институтов. М., 1984; *Он же*. К методике собирательской работы школьных музеев.— В кн.: Кружковая работа по истории и обществоведению: Сб. статей/Сост. М. П. Простов. М., 1984, с. 129–149. См. также: Школьные музеи. Теория и практика: Метод. пособие. М., 1984.

Ю. В. Андрушайтите

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ФИЛИГРАНОВЕДЕНИЯ В 50-х ГОДАХ — НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ *

Сотрудники архивов, отделов рукописей библиотек и музеев, описывающие средневековые рукописи, сталкиваются с огромными трудностями, преодоление которых требует специальных знаний. Те из сотрудников, которые посвящают себя изучению водяных знаков, становятся настоящими подвижниками, могущими увидеть результаты своего труда зачастую лишь на закате жизни.

Филиграноведение в нашей стране после долгого перерыва получило интенсивное развитие в 50-е годы. Усиление интереса к специальным (вспомогательным) историческим дисциплинам, в том числе к анализу водяных знаков¹, связано с общим развитием исторической науки, со все более глубоким изучением отечественной истории, с вводом в научный оборот многочисленных источников. Советские филиграноведы, перенимая эстафету достижений классиков русской дореволюционной палеографии, внесли свой вклад в исследование истории материальной и духовной культуры народов СССР.

Последними работами, связующими старое и новое поколения филиграноведов, явились статья В. Н. Щепкина и М. В. Щепкиной «Палеографическое значение водяных знаков»² и переиздание труда В. Н. Щепкина «Русская палеография» (М., 1967). Без учета положений этих работ и по сей день не обходится ни один филиграновед. Чрезвычайно важно приложение к «Русской палеографии», в котором изложены вопросы вводной части классического труда Ш. Брике. Однако, учитывая развитие филиграноведения и включение в его область многих практических работников (архивистов), следовало все же перевести на русский язык хотя бы основные фрагменты введения этой работы Брике, до сих пор сохраняющие свою актуальность.

Вопросы филиграноведения как части палеографии рассматривались в послевоенные десятилетия в создаваемых и переиздаваемых общих курсах и пособиях³.

Среди ученых, наиболее активно пропагандировавших и осуществляющих идею развития специальных исторических дисциплин в 50-х—60-х годах, был и основатель Археографической комиссии академик М. Н. Тихомиров. Концентрируя деятельность комиссии на проблеме археографии, он вместе с тем уделял внимание другим дисциплинам. Под его руководством было подготовлено пособие по изучению внешних

* Статья написана на основе сообщения 10 мая 1984 г. на заседании в рамках выставки «Использование материалов ГАФ СССР для дальнейшего развития советской культуры» на ВДНХ.

¹ Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных дисциплин за 50 лет.— СА, 1967, № 5, с. 131—134; Кукушкина М. В. Советская палеография.— ВИД. Л., 1968, т. 1, с. 84, 88—91, 94; Она же. О новом альбоме филиграней.— АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 405; Соболева Н. А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин: Историографический обзор за 1964—1978 гг.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1979. М., 1980, с. 221, 223, 225; и др.

² Проблемы источниковедения. М.; Л., 1958. Т. 6. См. в наст. издании статью Л. М. Костюхиной о М. В. Щепкиной.

³ Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1946; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1966; 2-е изд., доп. М., 1982; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; факс. М., 1979; Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии: (В дореволюционной России и в СССР) М., 1963, с. 130—132; и др.

признаков исторических источников первых лет Советской власти, в котором исследовались и бумажные водяные знаки (С. А. Клепиковым и Р. В. Костиной). Пособие, к сожалению, не вышло в свет, но отдельные статьи из него были опубликованы, в том числе статья Р. В. Костиной⁴.

Как отметил А. А. Амосов, крупнейшего советского филиграноведа С. А. Клепикова с М. Н. Тихомировым «связывали не только общий глубокий интерес к специальным историческим дисциплинам, но и совместные научные разработки»⁵. Благодаря Тихомирову Клепиков начал публиковать свои исследования о водяных знаках в «Археографическом ежегоднике». Традиция публикации филиграноведческих статей в АЕ сохраняется до сих пор, хотя эта проблематика в нем не профилирующая. Ценные статьи такого рода появляются в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины», издаваемом Ленинградским отделением Археографической комиссии, в трудах других научных учреждений.

Ныне основными центрами исследования, имеющими давние традиции в изучаемой области, являются ОР ГИМ, ОР БАН и ОР ГПБ.

Рассмотрим публикации водяных знаков в СССР в 50–80-х годах, работы справочного характера. Прежде всего, конечно, следует назвать С. А. Клепикова, с именем которого связано у нас выделение филиграноведения из палеографии в самостоятельную специальную дисциплину. Его работы в области водяных знаков известны не только у нас в стране, но и за рубежом. Из 135 его печатных работ 49 – посвящены филигранологии⁶. Среди них – капитальные справочники «Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв.» (М., 1959. Описаны 883 русских и 565 иностранных филиграней и штемпели (222 русских и 70 иностранных); воспроизведено в натуральную величину 222 знака; дополнение – 173 русских и 100 иностранных штемпелей в статье «Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX–XX вв.»⁷); «Филиграния на бумаге русского производства XVIII – начала XX века» (М., 1978. Описано 1378 водяных знаков, впервые – 994, воспроизведено 240 знаков); работы, посвященные отдельным водяным знакам⁸, а также теоретическим и методическим вопросам их изучения, описания и публикации.

Благодаря табличному методу описания водяных знаков в алфавите их литерных сопроводжений, разработанному С. А. Клепиковым (по образцу дореволюционного бумаговеда Н. А. Резцова), а также творчески применявшей этот метод М. В. Кукушкиной⁹, удалось ввести в научный

⁴ Костина Р. В. Об изучении бумаги советских документов. – АЕ за 1974 год. М., 1975.

⁵ Амосов А. А. Новый справочник по филиграноведению. – АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 307.

⁶ Там же, с. 306; Кукушкина М. В. Сократ Александрович Клепиков: (К 90-летию со дня рождения). – В кн.: Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984, с. 208–212.

⁷ АЕ за 1966 год. М., 1968. Первая работа ученого в этой области – «Филиграния и штемпели бумаг русского производства XVIII–XX вв.» (ЗОР ГБЛ. М., 1952. Вып. 13). Описано 273 русских знака и впервые 123 штемпеля. Воспроизведено в уменьшенном виде 36 филиграней.

⁸ Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». – ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20; 1963. Вып. 26; *Он же*. Бумага с филигранью «Голова шута (Foolscar)». – ЗОР ГБЛ. М., 1963, вып. 26; Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения. – В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Л., 1965, [вып. 1], с. 83–192; 1973, вып. 3, с. 319–383; Клепиков С. А. Филигрань «Рожок», ее история и опыт анализа ее эволюции (1314–1600 гг.). – АЕ за 1967 год. М., 1969; *Он же*. Филиграния бумажной фабрики Земских Мецаниновых (1752–1900). – СА, 1971, № 1; *Он же*. Водяные знаки бумажных фабрик Ольхиных и Кайдановой (1763–1841 гг.). – АЕ за 1975 год. М., 1976; *Он же*. Филиграния на бумаге фирмы Гониг (Honigh) (1665–1869 гг.). – СА, 1976, № 1. См. также: IPN Information (Gannover), 1972, № 1, р. 10–13; и др.

⁹ Кукушкина М. В. Филиграния на бумаге русских фабрик XVIII – начала XX в. – В кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. Описано 637 знаков и на основе архивных документов дана краткая история 47 русских бумажных фабрик. Воспроизведено 150 знаков в уменьшенном виде.

оборот тысячи знаков. Как отмечалось в литературе, такой метод вполне уместен при описании русских знаков и отчасти поздних иностранных.

В 1963 г. в Москве вышел, наконец, труд А. А. Гераклитова «Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения», подготовленный еще в 20-е годы (воспроизведено и описано 1518 водяных знаков), с ценными указателями, комментариями и предисловием С. А. Клепикова. Клепиковым же в 1963 г. были изданы указатели к работе К. Я. Тромонина¹⁰.

В 50–70-х годах большой вклад в изучение истории производства бумаги и водяных знаков в России внесла известный бумажовед З. В. Участкина. В ее труде «A History of Russian Hand Paper — Mills and their Watermarks» (Hilversum, 1962) описано и воспроизведено 815 водяных знаков XVIII–XIX вв. и на основе большого количества архивных документов воссоздана история 228 бумажных мануфактур. В ряде других ее работ¹¹ давалось описание водяных знаков бумаги русских фабрик и производилась расшифровка их литерных сопроводительных по архивным документам.

В 60–70-е годы география филиграноведения в нашей стране расширяет границы, включая, кроме РСФСР, Прибалтику, Украину, Грузию. Исторические очерки о бумажных мельницах Латвии XVIII–XIX вв. с описанием их водяных знаков опубликовал Г. А. Енш, о бумажных мельницах Эстонии — Л. Тийк¹².

Знаменательным фактом в советском филиграноведении явился выход фундаментальной работы Э. Т. Лауцявичюса «Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.» (Vilnius, 1967) («Бумага в Литве в XV–XVIII веках»). Она носит комплексный характер. В первом томе дана история производства бумаги и использования водяных знаков не только в Литве, но и в Белоруссии, частично на украинских и польских 63 бумажных мельницах. Кроме того, том включает очерки о ручном производстве бумаги, истории возникновения водяных знаков и описание водяных знаков, употреблявшихся в Литве. Имеется обширный справочный аппарат и приложение документов. Во втором томе (атласе) воспроизведены 4277 водяных знаков в натуральную величину.

Учитывая пожелания исследователей, по предложению Т. В. Диановой, Археографическая комиссия осуществила сокращенный перевод первого тома этого труда на русский язык с уточнениями и дополнениями (Вильнюс, 1979).

А. М. Патаридзе изучил вопросы филигранологии на основе грузинских документов XIV–XIX вв. и поместил в своей диссертации 245 водяных знаков¹³.

В труде О. Я. Мацюка «Папір та філіграні на українських землях (XVI — початок XX ст.)» (Київ, 1974) охвачена история бумажного производства 146 мельниц и воспроизведено 655 водяных знаков (из них 200 впервые), 8 штемпелей. Ранее З. В. Участкиной было указано вдвое меньше украинских мельниц. В сумме в работах Мацюка, И. Каманина и О. Витвицкой (Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. 1566–1651. Київ, 1923) опубликовано более 2 тыс. знаков на бумаге украинских документов XVI–XX вв.

Крупный филиграноведческий справочник — долгожданный альбом-

¹⁰ Указатели к работе К. Я. Тромонина «Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге...» (М., 1844). М., 1963. Ротапр.

¹¹ Участкина З. В. Водяные знаки русской бумаги. — В кн.: Тр. Ин-та истории естествознания и техники. М., 1956, т. 12, с. 312–337; Она же. Сибирская бумага и ее водяные знаки. — Изв. СО АН СССР, № 9. Сер. обществ. наук, Новосибирск, 1965, вып. 3, с. 89–96. См. также ее работу «Развитие бумажного производства в России» (М., 1972, с. 221–239).

¹² Мацюк С. Я. Вклад ученых Прибалтийских республик в развитие филигранологии. — В кн.: Материалы Межреспубликанской научной конференции по историко-филиграноведению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР: Историография. Вильнюс, 1978, с. 68–71.

¹³ Патаридзе Р. М. Основные вопросы грузинской филигранологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1967.

указатель «Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ» (Сост. Т. В. Дианова и Л. М. Костюхина; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1980, тираж 500 экз. Ротапр.). Он включает 1295 воспроизведений знаков рукописей XVII в. ОР ГИМ и из коллекции, составленной в конце XIX в. Н. И. Тихомировым. Благодаря изданию этого альбома имя Н. И. Тихомирова займет место в ряду русских дореволюционных флиграноведов.

Издание этого альбома — продолжение работы и начало реализации замысла одного из крупнейших русских палеографов В. Н. Щепкина по созданию справочника филиграней XVII в. Возобновлена работа в 1959 г. по инициативе М. В. Щепкиной. Это — начало, потому что изданный альбом — только небольшая часть коллекции водяных знаков XVII в. по старопечатным книгам и рукописям ГИМ, состоящей из 8262 воспроизведений¹⁴ и ждущей публикации. Коллекция представляет собой самое крупное собрание по сравнению с опубликованными атласами водяных знаков XVII в., известное советским и зарубежным исследователям.

Проблема публикации остается очень острой не только для этой, но и для других коллекций, собранных в различных центрах страны, например в ОР ГПБ (сводный справочник В. М. Загребина, альбом филиграней XV в. из собрания Софийско-Новгородской библиотеки); в архиве С. А. Клепикова — сводные справочники с описанием и воспроизведением нескольких тысяч водяных знаков XV—XX вв.¹⁵; Т. В. Диановой подготовлен «Каталог филиграней „Голова шута“ по русским старопечатным изданиям XVII в.». Он включает около 700 изображений.

В рассматриваемый период необходимо отметить выход отечественных филиграноведческих работ за границей в серии «Monumenta Chartae Papyraceae Historiam Illustrantia or collection of Works and Documents illustrating the History of Paper» (далее Monumenta...) международного Общества публикации документов (The Paper Publications Society) в Нидерландах. Так, издана упомянутая работа З. В. Участкиной «A History of Russian Hand Paper — Mills and their Watermarks»¹⁶. В 1965 г. при участии С. А. Клепикова переиздан с полным справочным аппаратом альбом К. Я. Тромонина «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге...» (Tromonin's Watermark Album.— Monumenta..., vol. 11, Hilversum) — 1827 водяных знаков, преимущественно XVI—XVII вв. Этим же обществом, к сожалению, прекратившим свою деятельность, подготовлен к переизданию классический труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков».

Подготовку и выпуск перечисленных изданий, а также статей С. А. Клепикова и других специалистов можно рассматривать в качестве признания достижений отечественного филиграноведения за рубежом, как и положительную оценку справочника С. А. Клепикова 1959 г., монографии Э. Лауцявичюса (Международным конгрессом историков бумаги в Оксфорде (Англия) в 1967 г. и присуждение ей золотой медали на выставке в Болонье) и других работ¹⁷.

До 70-х годов членами Международного общества историков бумаги (IPH) были С. А. Клепиков, З. В. Участкина. На 1983 г. его членами являлись Я. Р. Дашкевич и О. Я. Мацюк (Львов), Г. А. Енш (Рига), Р. М. Патаридзе (Тбилиси)¹⁸. Членство в этой организации не только

¹⁴ Дианова Т. В. Водяные знаки бумаги в источниковедческом анализе: (По материалам XVII в. Отдела рукописей Гос. Ист. музея). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981, с. 6. См. также: АЕ за 1968 год, с. 459.

¹⁵ Шеварц Е. М. О методике определения филиграней: (На материале славянских средневековых кодексов).— ВИД. Л., 1983, т. 15, с. 85; Амосов А. А. Указ. соч., с. 308.

¹⁶ Monumenta... Hilversum. Vol. IX, 1962.— Рец.: Dashkevych J. K.—IPH Information, Mainz, 1978, № 1/2, p. 36—39.

¹⁷ Амосов А. А. Указ. соч., с. 306, сн. 2; Кн. обозрение, 1969, 14 нояб., с. 12; Вечерние новости, Вильнюс, 1974, 4 окт. Список зарубежных откликов на монографию Лауцявичюса см. в русском переводе его книги (Вильнюс, 1979, с. 174).

¹⁸ IPH Information, 1983, № 4. List of Members IPH, p. 16.

почетно, но и означает еще один канал информации о развитии филигранологии за рубежом (участие в конгрессах Общества, публикация статей в его бюллетене «IPN information», на страницах которого помещаются сообщения о вновь найденных водяных знаках, статьи по истории бумаги и бумажного производства, персоналии, в том числе о советских исследователях).

Обзор крупнейших справочных изданий советских филиграноведов за последние десятилетия позволяет сделать следующие выводы. Если в дореволюционный период были изучены и опубликованы ранние бумажные водяные знаки, преимущественно по XVI в., то теперь усиленно исследуются знаки XVII—XX вв.

Продолжавшееся в этот период исследование филиграней бумаги иностранного производства по документам, хранящимся в наших архивах, значительно пополнило число вариантов ряда знаков, известных в мировой практике, расширило наши знания о хронологических границах их применения, позволило найти более точные их образцы («Голова шута», «Герб г. Амстердама», «Рожок», «Pro Patria» и др.). Одним из ярких примеров такого рода являются изучение и публикация водяных знаков «Голова шута». Ко времени выхода обобщающей статьи С. А. Клепикова о названном знаке (1963 г.) общее число филигранодат, под которыми найден этот знак, составило 551. Число дат для этого знака с литературными сопровождениями — 457, из них дореволюционными русскими и советскими исследователями обнаружено больше половины¹⁹. Клепиковым были намечены шесть основных групп знака «Голова шута» XVII в. и приведены наблюдения над их литературными сопровождениями. Если в упомянутой статье Клепикова описаны 360 филиграней «Голова шута» XVI—XVIII вв. (с литерами и без них) и 1/3 воспроизведена, то в альбоме, по материалам Отдела рукописей ГИМ, дан только за XVII в. 231 знак (№ 289—518), а в диссертации Т. В. Диановой изучено и в упомянутом каталоге (см. с. 145) воспроизведено около 700 таких знаков (выявленных из старопечатных изданий XVII в.), среди которых много новых разновидностей и вариантов.

Другой пример касается изучения филиграней бумаги голландской фирмы Гониг. Обобщив опыт этого изучения, Клепиков показал, что к середине 70-х годов советскими исследователями (Клепиковым, Кукушкиной, Лауцявичюсом и др.) было выявлено больше половины водяных знаков этой фирмы и почти $\frac{3}{4}$ всех их филигранодат на документах, обнаруженных в архивах и библиотеках разных стран. Большая часть знаков фирмы Гониг, выявленных по отечественным источникам, относится ко второй половине XVIII — началу XIX в., т. е. к периоду, слабо отраженному в справочниках.

Специально изучен С. А. Клепиковым и водяной знак «Герб г. Амстердама». На 1963 г. всего в мире было выявлено 354 варианта этого знака, из них больше половины впервые описаны Клепиковым. Самый ранний документ с этим знаком в России он обнаружил под 1657 г.²⁰ С выходом альбома «Водяные знаки рукописей России XVII в.: (По материалам Отдела рукописей ГИМ)» эту дату приходится заменить более ранней — 1655 г. (№ 208 из коллекции Н. И. Тихомирова. Муз. 4160).

Благодаря изданию этого альбома, а также работам Т. В. Диановой²¹ опубликованы и описаны, введены в научный оборот массивы пространенных в XVII в. водяных знаков «Кувшин», «Голова шута», «Герб г. Амстердама» и др. Среди них — редко представленные в филиграноведческих справочниках знаки «Феникс» и «Пеликан», новые варианты которых первой половины XVII в. найденные Диановой,

¹⁹ Цифры приведены по статье Клепикова «Бумага с филигранью „Голова шута (Foolscap)“» (с. 411—412).

²⁰ Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама», с. 319.

²¹ Список см.: Дианова Т. В. Водяные знаки бумаги в источниковедческом анализе, с. 24.

позволили уточнить их графику и проследить эволюцию, установить период их бытования на бумаге русских документов.

Выявлены и опубликованы новые водяные знаки²². Число приведенных примеров можно увеличить; но ясно одно, что монографическое исследование и публикацию отдельных водяных знаков необходимо продолжать, учитывая новые поиски и находки.

Изучение водяных знаков по XVII в. связано исключительно с иностранной бумагой, хотя источники свидетельствуют о попытках производства русской бумаги еще раньше. Предполагаемый образец русской бумаги XVI в. был найден за рубежом Э. Кинаном. Версия о ее московском производстве подвергалась критике²³ и с тех пор в нашей исторической литературе не фигурирует, но в работах специалистов-бумажников она сохраняется²⁴.

Исследования С. А. Клепикова, М. В. Кукушкиной, Э. В. Участкиной в рассматриваемый период впервые дали огромный материал о водяных знаках и штемпелях бумаги русских фабрик. По подсчетам Клепикова, на 1952 г. «было описано не более 100 русских знаков», а в конце 70-х годов «зафиксировано и описано около 3000 филигранных и водяных знаков русских бумажных фабрик» (из них повторы составляют 500—700 знаков)²⁵. Основа для подготовки свода русских филигранных заложена, но работа в этой области должна продолжаться. Аналогичный вывод можно сделать и относительно водяных знаков Литвы и Украины.

Для рассматриваемого периода характерен исторический подход к вопросу, изучение водяных знаков становится комплексным в связи с историей бумаги и бумажных мельниц, фабрик. Разрабатывается история бумажных предприятий, исследуются и публикуются архивные документы о них. Такой подход, как отмечал Клепиков в статье «Новые работы в области филигранологии» (см. сн. 63), наметился еще на рубеже века в работах Хейца, Винера, Резцова, а затем утвердился в ряде западных исследований 30—50-х годов. Советские филиграноведы внесли весомый вклад в развитие этого нового направления изучения филигранных.

Наряду с изданием справочников водяных знаков (в виде альбомов и специальных статей), работ по истории бумажного производства в бывшей Российской империи в послевоенные и особенно в последние десятилетия вышли специальные статьи по вопросам теории и методики филиграноведения. Эти вопросы кратко освещаются и в учебных пособиях по палеографии, однако в них (по причине редкого переиздания или переиздания без исправлений и дополнений) не всегда учитываются новые данные, не указаны трудности методики разработки водяных знаков²⁶. Назрела необходимость выпуска специального учебного пособия по филиграноведению.

Особо надо отметить, что бумажные водяные знаки, давно используемые как средство для датировки рукописей, а в последнее время интенсивно и как кодикологический признак²⁷, иногда становятся объектом

²² Там же, с. 18—19; Дианова Т. В., Клосс Б. М. Филигрань «Бегущий заяц» и ее датировка.— АЕ за 1976 год. М., 1977; и др.

²³ Клепиков С. А. О допетровской бумаге и «бумаге для царя» (письма Ивана IV) Э. Кинана.— В кн.: Исследования и материалы. М., 1973. Сб. 28.— Рец.: Dashkevych J. K.— IPH Information, 1981, N 4.

²⁴ Сквернюков П. Ф. Слово о бумаге. М., 1980, с. 47; и др.

²⁵ Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978, с. 5.

²⁶ На последнее обстоятельство обратил внимание А. А. Амосов в статье «Проблема точности филиграноведческих наблюдений. 1. Терминология» (Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981, с. 74).

²⁷ Каштанов С. М. По следам троичких копийных книг XVI в.: (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря).— ЗОР ГБЛ, 1977. Вып. 38; Там же, 1979. Вып. 40; Там же, 1981. Вып. 42; Там же, 1982, Вып. 43; Там же, 1984. Вып. 45; Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого летописного свода Ивана Грозного.— В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978; Он же. Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде:

изучения, исследуются как источник по истории бумажных фабрик и деятельности мастеров²⁸, в геральдике, искусствоведении. Нам представляется, литературные сопровождения водяного знака могут быть использованы как источник (наряду с текстом) в изучении написания имен, фамилий, названий местностей.

Среди основных проблем филиграноведения, рассматриваемых в нашей специальной литературе, можно выделить следующие.

Прежде всего это источники выявления водяных знаков. Разные ученые отдают предпочтение разным источникам. Используются рукописные документы и книги, упаковочная бумага, макулатурная и, наконец, бумага газет и книг²⁹. Одной из последних работ, где рассматривается этот вопрос, является исследование Т. В. Диановой. Призная в качестве источников для выявления знаков, особенно знаков ранних эпох, рукописные материалы, она успешно доказала мысль А. А. Гераклитова о старопечатных книгах как наиболее информативном, точно датированном источнике XVII в. для этих целей, а также как прекрасном справочнике³⁰.

Водяные знаки одного типа со времен Брикe делили при изучении на три группы: 1) знаки тождественные (*identiques*); 2) знаки сходные (*similaires*), незначительно отличающиеся по форме и размерам; 3) подобные (*divergentes*), различающиеся существенно³¹. Четкого критерия этого деления, кроме определения первой группы, нет.

Некоторые исследователи отмечали знаки с едва уловимыми изменениями, которые возникали в результате работы с парой форм («парной формой»). Брикe знал об использовании пары форм, но их знаки специально не выделял³². Гераклитов (по данным хранящейся в архиве рукописи «О парных филигранях», приведенным в статье Амосова³³) также отметил «парность» знаков. Э. Лаудявичюс (рус. пер. книги, с. 148–149) в связи с употреблением одновременно пары форм писал о водяных знаках-близнецах, ссылаясь и на данные других ученых (А. Шульте, К. Малечинской). Он отмечал, что на некоторых французских и немецких бумажных мельницах использовались двоянные черпальные формы, т. е. отливалось четыре знака-близнеца.

В связи с наличием парных знаков в ряде зарубежных работ принята классификация знаков внутри типа на четыре группы³⁴. Новые для советского филиграноведения степени сравнения водяных знаков одного типа предложил и А. А. Амосов, введя после «тождественных знаков» категорию «знаки близкие» («тождественность в деталях при незначительном расхождении в линейных размерах и расположении на сетке»), принадлежавшие разным, но одновременно использовавшимся формам³⁵. Соответственно названным степеням сравнения тут же он

(Заметки о бумаге так называемой Царственной книги).— ВИД. Л., 1982. Т. XIII; и др.

²⁸ Единственной в своем роде является работа Г. А. Енша «Водяные знаки латвийских бумажных мельниц как исторический источник» (Источниковедческие проблемы народов Прибалтики. Рига, 1970).

²⁹ Лаудявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII веках/Сокр. пер. с лит. Ю. В. Андрушайтите. Вильнюс, 1979, с. 14–18.

³⁰ Дианова Т. В. Водяные знаки бумаги в источниковедческом анализе, с. 9–10; Она же. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летоисчисления. В кн.: Летописи и хроники. 1970 г. М., 1976.

³¹ Русская терминология В. Н. Щецкина: (Русская налеография). М., 1967, с. 201–202.

³² Briquet Ch.-M. Les filigranes. Genève, 1907, vol. 3, p. 614; Piccard G. Ochsenkopf.— Wasserzeichen. Stuttgart, 1966, T. I, S. 3.

³³ Амосов А. А. Проблема точности..., с. 82, сн. 29.

³⁴ Mošin V. Anchor Watermarks. Amsterdam, 1973. Monumenta..., vol. XIII; Idem. Filigranologija kao pomoćna historijska nauka.— In: Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1954, vol. 1, с. 74–76, 92. См. о Мошине: Шеварц Е. М. Указ. соч., с. 85. Классификацию Мошина восприняли другие исследователи, ее поместил в своем пособии по кодикологии голландский ученый А. Грюйс (Gruijs A. Codicologie voor gevorderden. Papieronderzoek in de codicologie. Nijmegen. S. a., p. 7. Ротапр.

³⁵ Амосов А. А. Проблема точности..., с. 80–84; и др.

предложил и уровни классификации знаков: «вариант», «разновидность», «вид» («группа», «класс», «тип»).

М. В. Кукушкина высказывается за сохранение традиционной классификации знаков, считая, что филиграноведы не располагают средствами для определения столь тонких различий³⁶. Е. М. Шварц, разделяя точку зрения А. А. Амосова на унификацию способов классификации, считает, что русское филиграноведение «обладает авторитетной традицией в области терминологии, ведущей свое начало от классического труда Н. П. Лихачева. Реальные водяные знаки там выступают обычно как разновидности, а последующие ступени их классификации как виды (у Брикe соответственно варианты, группы и типы). Каждая из этих систем терминов адекватно выражает обозначаемые ими понятия, исследователь лишь не должен смешивать их...»³⁷.

В связи с описанием и публикацией водяных знаков наиболее остро встают вопросы о методе датировки, идентификации водяных знаков и сроках залежности бумаги. Они в последнее время обсуждаются почти в каждой из статей по филиграноведению.

В чрезвычайно ценной по ряду вопросов статье А. А. Амосова определение выявленных водяных знаков рассматривается как процесс, разделяющийся на две стадии: описание («первичное прочтение знака „с листа“ (1), калькирование или выполнение прориси данного знака (2), окончательное прочтение знака по прориси (3), составление словесного эквивалента графическому образу знака (4)») и идентификацию («сопоставление определяемого знака с локализованными (5) и установление соотношений его с локализованными (6)») ³⁸. Они имеют единую общую цель — разработку данных для датировки рукописи. В статье даны тщательно аргументированные предложения не только о последовательности отмененных операций, но и по терминологии вопроса.

Конкретная методика определения филигранов рассматривалась в целом ряде статей, начиная со статей С. А. Клепикова. Он много сделал как в области разработки табличного метода описания филиграней, предложив типизацию знаков и создание типологического ключа при их публикации, так и в деле составления методических рекомендаций архивистам ³⁹.

В одной из историографических статей по палеографии, содержащей и очерк развития филиграноведения в 50-х — середине 60-х годов, отмечено, что привлечение «архивных данных для установления временных границ каждой из филиграней — метод, предложенный в ранней работе З. В. Участкиной и использованный в работе М. В. Кукушкиной, сделал их датировку более обоснованной и точной»⁴⁰. Его применяли О. Маджук, Э. Лауцявичюс, Г. Енш и другие исследователи. Обобщающие статьи по вопросам определения филиграней принадлежат Т. В. Диановой и Е. М. Шварц.

Дианова справедливо считает, что метод датировки рукописей с помощью водяных знаков остается основным вопросом в филиграноведении⁴¹. Опираясь на положения русских и зарубежных классиков фили-

³⁶ Кукушкина М. В.— Рец. на рус. пер. кн.: Лауцявичюс Э. Т. Бумага в Литве в XV—XVIII веках.— СА, 1981, № 4, с. 83.

³⁷ Шварц Е. М. Указ. соч., с. 82 (у Брикe «varietes», т. е. тоже «разновидности».— Ю. А.). У Н. П. Лихачева (Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. 1), см. с. LXXXIV, LXXXV.

³⁸ Амосов А. А. Проблема точности..., с. 86—87.

³⁹ Клепиков С. А. Проблема филиграноведческих публикаций.— АЕ за 1962 год. М., 1963; Он же. Филигранология на службе архивиста.— СА, 1967, № 3; Он же. Использование филиграней в работе с недатированными рукописными и печатными книгами XV—XVI вв.— СА, 1968, № 6; и др.

⁴⁰ Кукушкина М. В. Советская палеография, с. 90.

⁴¹ Дианова Т. В. Метод датировки документов с помощью водяных знаков и принципы публикации филиграней.— АЕ за 1974 год. М., 1975; Она же. Методическое пособие по датированию рукописей с помощью водяных знаков (филиграней) бумаги.— В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973,

грановедения и учитывая последние изыскания, Дианова пишет, что в среднем срок залежности бумаги сохраняется равным десяти годам. Далее она приводит данные разных исследователей о средних сроках залежности по векам: XIII—XVI вв. — пять—восемь лет (Клепиков); XVII в. — пять лет (Дианова), XVIII—XIX вв. — три года (Клепиков. Кукушкина). Эти показатели и должны учитываться при использовании классического метода датировки по «черным» датам и «белым» датам в филигранях.

В первой из указанных статей ею охарактеризованы также новейшие зарубежные исследования по вопросам идентификации и публикации филиграней. Положительно оценивая работу Г. Пиккара о водяном знаке «Голова быка», Дианова убедительно доказывает, что его материалы подтверждают приближенность датировки по водяным знакам до десяти лет, и на это не влияет новый принцип публикации филиграней Пиккара (учет шести параметров обмеров филигранны и расстояний между линиями дна бумажной формы). Также шесть параметров (но несколько иных — с добавлением размеров бумажного листа и точки соединения бумажного знака с формой) предложил американский специалист Д. Уо. Дианова пишет, что все эти предложения не могут быть приняты как универсальные, т. е. при публикации всех типов знаков, и доказывает это на весьма представительных материалах XVII в. «...Проблема точной идентификации филиграней... — делает она вывод в той же статье (с. 59), — прежде всего должна основываться на самом достоверном, с учетом всех мельчайших деталей рисунка филигранны, воспроизведении ее в справочнике».

А. А. Амосов предлагает сравнивать простые филигранны методом трех точек⁴².

Через десять лет после выхода рассмотренной статьи Диановой основные итоги изучения проблемы подвела Е. М. Шварц⁴³. Изложив кратко различия в существующих методах установления тождества знаков Диановой, Амосова, Эрстова, а также зарубежных исследователей Пиккара, Уо, изучения сроков залежности бумаги, она обратила внимание на различие анализа водяных знаков в археографии («описания, научная каталогизация, составление учетных списков рукописей и т. д.») и кодикологии, проводимое Диановой. Точные данные, считает Шварц, могут быть получены лишь в результате комплексного изучения кодекса.

Она отметила точку зрения Амосова, отвергающего возможность точной датировки с помощью сходных знаков в альбомах, но выдвинувшего «аргументированную гипотезу о возможности точной датировки и по формуле Щепкина при соответствующих поправках и коррекции ее при помощи внефилиграннистических факторов»⁴⁴.

Основное внимание в статье Шварц уделено ознакомлению с методикой описания филиграней недавно скончавшегося болгарского кодиколога Мирослава Зафирова⁴⁵. Шварц изложила особенности применения ею этой методики при кодикологическом исследовании Софийско-Новгородского собрания и составлении на его основе Альбома филиграней XV в. В статье приведен формуляр карточки описания вариантов филиграней. Шварц отмечает чрезвычайную важность для исследования водяных знаков фиксирования отпечатка в бумаге сетки дна формы, кратко из-

выш. 1, с. 180—204; Она же. Методы изучения филиграней в печатных и рукописных книгах XVII в. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974; Она же. Водяные знаки бумаги в источниковедческом анализе..., с. 4—5, 12—13, 21.

⁴² Амосов А. А. Проблема точности филигранологических наблюдений в исследованиях и описаниях рукописей. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Тез. докл. JL, 1979, с. 8.

⁴³ Шварц Е. М. Указ. соч., с. 79—91.

⁴⁴ Там же, с. 81.

⁴⁵ Благодарю А. А. Турилова за указание на статью Зафирова «Предварительные заметки к вопросу о проникновении и распространении бумаги в Болгарии в XIII и XIV веках» (Помощи исторически дисциплины. С. 1980. Т. 2).

лагая разницу во взглядах исследователей по этому вопросу (Брике, Н. П. Лихачева, Уо, Диановой, Жуковской, Каштанова, Богданова). Дискуссия ведется о том, всегда ли нужны тщательные измерения знака и сетки? Обобщая разные мнения, Шварц приходит к главному выводу: при описании водяных знаков такая тщательность необязательна, но в кодикологии «мы не только не можем отвергнуть как излишние наблюдения над теми или иными элементами бумажной сетки, но и обязаны вводить по мере сил возможно более подробные описания каждого знака»⁴⁶.

Ныне, как отмечалось, многие из этих показателей учитываются в целом ряде зарубежных работ и при публикации водяных знаков (Пиккар, Уо, Зафиров и др.), в методическом пособии Института исследования и истории текстов «Guide pour l'elaboration d'une notice de manuscrit» (Paris, 1977)⁴⁷ и др. Причем предусматривается использование математического аппарата и ЭВМ.

В нашей стране указанные параметры активно используются в последнее десятилетие в кодикологии. Так, С. М. Каштанов ювелирно исследовал варианты филигранны «Рука с розеткой», расположение ее и ее деталей относительно ближайших понтюзо, указав размеры между понтюзо, для доказательства идентичности бумаги Погодинского сборника и копийных книг и установления места первоначального нахождения листов этого сборника в копийных книгах Тр. 518 и Тр. 637.

Л. П. Жуковская при изучении некоторых списков Стишного пролога Троицкого собрания с целью определения истинного времени их написания исследовала водяные знаки и их расположение относительно понтюзо, провела расчеты размеров между понтюзо бумаги этих рукописей. Она также призвала продолжать изучение интервалов между понтюзо и размещение филигранны на них с целью обобщения данных «об изменении интервалов между понтюзо в разных странах и на отдельных бумажных мельницах»⁴⁸. Ее таблица по материалам Брике («Литера Р» готическая) доказывает изменения интервалов с XIII по XVI в. и возможности использования их в датировке рукописей. В числе других пример именно этой филигранны назвала для исследования Дианова (АЕ за 1974 год, с. 59). Жуковская предложила и необходимые элементы археографического описания бумажных рукописей. Большинство этих элементов имеется во французской «Инструкции по составлению описания рукописей». Жуковская считает необходимым учитывать независимые интервалы между понтюзо и особо обусловленные (поддерживающие филигрань или находящиеся у края формы). В аспекте комплексного исследования водяных знаков и прочих внешних признаков важна постановка ею вопроса об изучении археографами и другими специалистами по исследованию рукописей не только филиграней и водяных линий бумаги, но и размеров первоначального, «формочного», листа.

Специальное исследование соотношения интервалов понтюзо бумаги XVI—XVII вв. ведут А. П. Богданов и А. М. Пентковский с применением математического аппарата. Если окончательные результаты окажутся успешными, то будет значительно облегчена работа филиграноведов.

В советской филиграноведческой литературе послевоенного периода

⁴⁶ Шварц Е. М. Указ. соч., с. 88.

⁴⁷ Инструкция по составлению описания рукописи/Пер. с фр. Л. И. Киселевой; Под ред. А. Д. Люблинской. Париж, 1977. Перевод осуществлен по поручению Археографической комиссии АН СССР и размножен Секретариатом CIBAL для участников Международной конференции по описанию средневековых рукописей (София, 1982).

⁴⁸ Жуковская Л. П. О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросах филиграноведения.— АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 71; Она же. Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописях форматом 4° и датировки рукописей по филиграммам.— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1.

известны три способа публикации водяных знаков: 1) классический способ воспроизведения филигранны (и контрмарки) в натуральную величину калькированием или с помощью прорисей; 2) описательно-изобразительный способ с акцентом на первостепенное значение литерной части филигранны, особенно филигранны поздних веков (Клепиков, Кукушкина); 3) бета-радиографический метод Д. П. Эрастова⁴⁹.

Первым способом опубликованы многие водяные знаки как в дореволюционное, так и в советское время, но он очень трудоемкий, дорогостоящий, что сдерживает темпы публикации.

Благодаря второму способу введено в научный оборот большое число водяных знаков⁵⁰, выявленных в послевоенный период, и прежде всего знаков русских фабрик. Характер таблицы описания знаков Клепиковым за прошедшие десятилетия «значительно изменился в сторону уплотнения»⁵¹. Однако ограниченная точность определения водяных знаков этим способом и предпочтение, отдаваемое литерным сопровождениям, не разделяемое многими филиграноведами применительно к знакам ранних эпох, не позволяют ему получить широкое распространение.

Перспективным по возможностям является третий метод, поскольку рисунок филигранны при передаче не искажается (проблематичным является вопрос ретуширования рисунка). Но этот метод применяется только в лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР, с его помощью воспроизведены немногие филигранны.

Остается верным положение Клепикова⁵², обоснованное и в статье Диановой (АЕ за 1974 год), что не может быть общего решения для конструкции разных справочников и типов водяных знаков. Но при неодинаковых решениях этого вопроса завоевывают права гражданства, начиная с классических работ Брикe, система расположения знаков в альбомах в алфавите их названий или изображений, обязательное воспроизведение сетки дна формы или только понтюзо, указание для ранних веков (до XV в.) размеров между вержерами и понтюзо, а для последующих веков размеров между понтюзо. Важное датирующее значение последних отмечали Н. П. Лихачев и Брикe. Но Лихачев считал для того времени «роскошью» воспроизведение сетки и указание размеров во время описания и публикации знаков⁵³. Гераклитов⁵⁴ вывел уже специальную формулу.

Общепринятым становится в последнее время (и прежде всего в зарубежных альбомах) помещение рядом со знаком даты его бытования, а в справочном аппарате — указателя буквенных изображений или сопровождений водяного знака. Последнее, думается, произошло и под влиянием широко известных работ Клепикова, отдававшего предпочтение литерным изображениям бумажных знаков XVI—XVIII вв.

Конечно, соблюдение всех этих требований в каждом справочнике — пока еще идеал. Но только при таких условиях лучше всего может быть выполнена «основная задача атласов или текстовых описаний филигранны — служить справочным пособием историку-архивисту для облегчения датировки рукописных, печатных книг и документов»⁵⁵.

И последний (по счету, но не по важности) вопрос, который рассматривается в ряде филиграноведческих статей и справочников, — терминологический.

⁴⁹ Эрастов Д. П. Бета-радиографический метод воспроизведения филигранны с документов. — В кн.: Новые методы реставрации и консервации документов и книг. М.; Л., 1960. Этот метод применен, например, для воспроизведения филигранны Pro Patria в указанных статьях Клепикова и Кукушкиной.

⁵⁰ Кукушкина М. В. Советская палеография, с. 90.

⁵¹ Клепиков С. А. Филигранны на бумаге русского производства XVIII — начала XX века, с. 5.

⁵² Он же. Проблема филигранографических публикаций, с. 336.

⁵³ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: Историко-археографический очерк. СПб., 1891, с. 19; Он же. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, с. XVII—XXVIII.

⁵⁴ Гераклитов А. А. Указ. соч., примеч. 6.

⁵⁵ Клепиков С. А. Проблема филигранографических публикаций, с. 331.

Еще в конце XIX — начале XX в. классики русской палеографии отмечали трудности в терминологии при исследовании бумаги и ее водяных знаков⁵⁶. Это были естественные трудности периода становления отечественного флиграноведения как части палеографии.

Теперь та же проблема дает о себе знать на ином этапе развития этой дисциплины. Ее обсуждение во многих работах объясняется не только интенсивным развитием нашего флиграноведения в послевоенный период, но и терминологическим разнообразием в литературе. Положение осложняется наличием иностранных заимствований и переводов основных терминов, поскольку до XVIII в. в России пользовались почти исключительно иностранной бумагой.

В упомянутой статье Шварц вся терминология, связанная с производством, описанием или публикацией и изучением водяных знаков, делится на три группы: 1) «Названия сюжетов — рисунков, водяных знаков»; 2) «Термины бумагоделательной промышленности»; 3) «Термины собственно флигранистические, относящиеся к предмету и методу новой науки»⁵⁷.

Отмечая наличие множества названий, в том числе дублеров в первой группе, Шварц находит приемлемым «во многих случаях» высказанное еще в 50-х годах предложение итальянского специалиста А. Ф. Гаспаринетти, считавшего необходимым принять единую общую терминологию знаков-рисунков (взяв за образец французские термины Брике), на которую обязательно ссылки во всех других работах.

Клепиков в упомянутой статье 1962 г. ставил вопрос об унификации названий всех наиболее распространенных типов знаков, отмечая, что эту проблему должен обсуждать Международный конгресс историков бумаги 1962 г. и принять унифицированную систему в качестве обязательного стандарта. В дальнейших работах Клепикова (и других авторов) названия основных типов знаков даны в английской (иногда французской) транскрипции. В своих справочниках Клепиков вводил и условные обозначения видов знаков.

Для сокращения объемов публикации флиграней и их унификации в той же статье он, как отмечено, пришел к выводу о необходимости типизации основных знаков и издания типологического ключа.

Как отмечалось, Шварц, разделяя точку зрения Амосова на унифицирование способов классификации водяных знаков, считает необходимым сохранить авторитетную традицию в области терминологии, например названия ступеней классификации знаков у Н. П. Лихачева (разновидность, вид, тип).

Естественно, что как в упомянутой, так и в других статьях большинство рассуждений касается первой и третьей групп терминов. Установление терминов второй группы — прерогатива бумаговедов⁵⁸; но флиграноведение заимствует часть этих терминов, и они также попадают в поле зрения наших ученых, обсуждаются, но, как правило, без учета положений бумаговедческой литературы. Задача состоит в том, чтобы увязать обсуждение флиграноведами терминов второй группы с определениями из бумаговедческой литературы, справочников и стандартов.

Что касается самой дисциплины, то в литературе существуют разные ее определения: флигранология, флиграноведение (у большинства авторов), флиграневедение⁵⁹, флигранистика (Шварц), флигранография

⁵⁶ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, с. XII и др.; Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 2; Гераклитов А. А. Указ. соч., с. 14.

⁵⁷ Шварц Е. М. Указ. соч., с. 81.

⁵⁸ Терминологию русского бумажного производства см.: Участкина З. В. Русская техника в производстве бумаги. М., 1954; и др.

⁵⁹ Ханнира Э. И. Архивоведческое терминоведение: объект и предмет. — АЕ за 1982 год. М., 1983, с. 43. Разница в этих определениях проистекает из разной основы: в первом случае от слова «флигран», во втором — от слова «флигрань». Более точная русская транскрипция у бумаговедов — «флигран». У флигранологов давно бытует «флигрань», следовательно, и дисциплину точнее называть

(относительно публикаций водяных знаков — Глепиков, Маслов). Даже этого перечисления достаточно, чтобы ставить вопрос об унификации названий новой дисциплины или «новой науки» (Шварц). В работах Диановой речь идет о «теоретическом и прикладном филиграноведении (филигранологии)».

Некоторые основные термины филиграноведения и бумаговедения («водяной знак», «филигрань», «понтюзо», «вержеры», «книжный лист», «формочный лист») рассматривает в упомянутой статье Жуковская, предлагая уточнить их дефиниции и употребление. Шварц считает эти предложения во многом спорными, но чрезвычайно своевременными в методическом отношении.

Терминологический вопрос как один из главных вопросов перевода филиграноведческой литературы рассмотрен автором данной статьи⁶⁰.

Наиболее обстоятельно вопросы терминологии описания водяных знаков проанализированы в упоминавшейся статье Амосова «Проблема точности филигранологических наблюдений. 1. Терминология». В ней на основе озаколки с опубликованными в последние десятилетия описаниями рукописей и источниковедческими работами показан разноречивый язык описания водяных знаков. Причину автор видит в неразработанности терминологии описания и вносит свои предложения. Но ценность статьи этим не ограничивается. Амосов ставит вопрос об унификации и формализации языка филиграноведения как необходимом условии его дальнейшего развития на пути «от „вспомогательной дисциплины“ к специальной науке», предлагает «одну из возможных моделей начального терминологического фонда»⁶¹, предварительно испытанную на практике в Отделе рукописной и редкой книги БАН СССР.

Как отмечено, кроме определений степеней сравнения водяных знаков вместо трех традиционных, им предложены также определения для новой классификации знаков.

Первой стадией создания формализованного языка описаний водяных знаков, по мнению Амосова, должна стать «унификация названий филиграней на уровне их типов»; второй — «разработка формализованных моделей описания конкретных знаков» (тут же автор предлагает для обсуждения свою модель описания знака). В статье рассматриваются и другие важные вопросы.

В заключение автор ставит такие конкретные задачи:

1. «Продолжить создание терминологического минимума, на основе которого мог бы развиваться язык отечественной филигранологии как специальной науки». Составить толковый терминологический словарь по филигранологии.

2. Разработать унифицированную номенклатуру «обозначений филиграней на уровне типов, а в пределах широких типов — и на уровне основных классов знаков» и издать в виде справочников.

3. Продолжить разработку «принципов классификации водяных знаков и создание детальных схем классификации знаков в пределах каждого типа» в качестве базы для издания тематических справочников и для создания «практических моделей описания конкретных знаков»⁶². Решение этих задач облегчит работу по созданию программ автоматизированных информационно-поисковых систем.

Высказанные в печати соображения о терминологии филиграноведения, надо полагать, послужит хорошей базой для ее дальнейшего плодотворного обсуждения и унификации. Результаты будут более успешны,

«филиграноведение». Но вопрос в том, что прежний термин уже давно находится в обращении.

⁶⁰ Андрияшайтите Ю. В. О работе Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV—XVIII веках» и некоторых вопросах перевода филиграноведческой литературы. — АЕ за 1981 год. М., 1982.

⁶¹ Амосов А. А. Проблема точности..., с. 75, 78. Ранее об этом см. тезисы его же доклада аналогичного названия. — В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Тез. докл. (Л., 1979).

⁶² Там же, с. 89—91.

если удастся объединить усилия историков, архивистов, языковедов и бумажковедов.

Полезно было бы проследить отражение филиграноведческой терминологии в нашей общей справочной литературе.

Успешному развитию филиграноведения безусловно способствовало бы возобновление публикации списков отечественных и зарубежных работ, начатой в 50-х годах и доведенной до 1968 г. Клепиковым⁶³, а тем более издание специальной библиографии.

Историографический обзор показывает, что активизация работы в области филиграноведения, начавшаяся в 50-х годах, успешно продолжается. Если в первые 15 лет, как отмечала Кукушкина, в основном шло изучение русских и иностранных водяных знаков, а теоретико-методические вопросы ставились попутно⁶⁴ (кроме работ Клепикова), то позднее наряду с изучением и публикацией водяных знаков все большее число статей посвящается вопросам теории, методики, терминологии, учитываются отечественные и зарубежные данные. Отечественное филиграноведение успешно развивается по пути превращения из раздела палеографии в специальную дисциплину.

⁶³ Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, с. 117—125; *Он же*. Новые работы в области филигранологии. — В кн: Проблемы источниковедения. М., 1961, вып. 9, с. 433—438; *Он же*. Новые работы по филигранологии и филигранографии (дополнение). — ЗОР ГБЛ. М., 1963, вып. 26, с. 486—492; *Он же*. Новые издания по филигранографии. — СА, 1968, № 6; и др.

⁶⁴ Кукушкина М. В. Советская палеография, с. 88.

М. В. ЩЕПКИНА КАК ПАЛЕОГРАФ

Для доктора исторических наук заведующей Отделом рукописей Государственного Исторического музея М. В. Щепкиной — специалиста в области истории славяно-русской культуры, искусства и письменности — традиционной, «родной» темой была русская палеография. По этой теме Марфа Вячеславна работала как ученый-исследователь и популяризатор, как преподаватель и консультант. Палеографией подлинных живых памятников она занималась ежедневно многие десятилетия. Выбор основных направлений палеографического исследования определялся для нее традициями научных разработок В. Н. Щепкина и творческим сотрудничеством с М. Н. Тихомировым.

Любой памятник древнерусской письменности, в том числе книга, рассматривался М. В. Щепкиной как единый комплекс внутренних (содержательных) и внешних (палеографических) признаков, каждый из которых должен быть тщательно проанализирован.

Большое внимание Марфа Вячеславна уделяла исследованию русского письма. Так, в труде «Два памятника новгородской письменности», анализируя почерк духовной грамоты Климента-новгородца, она не только отметила типичные признаки почерка этой рукописи, датируемой ею серединой XIII в., но и дала характеристику русского уставного письма XIII столетия¹.

М. В. Щепкиной был проведен и палеографический анализ новгородских берестяных грамот, переданных на хранение в ОР ГИМ. Результаты анализа послужили основой для ее рецензии на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте»². Датировка, предложенная Марфой Вячеславной, вошла в коллекционную опись берестяных грамот ОР ГИМ. Эта работа поставила и весьма важный вопрос русской палеографии: о временном соотношении графических форм письма на бересте и пергамене.

Проблемы русского письма нашли отражение в труде М. В. Щепкиной по идентификации почерков. Здесь исследование проводилось в контакте с М. Н. Тихомировым. В ряде работ, предпринятых в 50–60-х годах XX в., таких, как издание Мерила праведного, исследование комплекта рукописей Чудовских миней 1599–1600 гг.³, встали вопросы отождествления почерков для выявления круга писцов, определения писцовых школ, соотношения труда учителей и обучающихся письму людей. М. В. Щепкина осуществляла непосредственное руководство поисками принципов отождествления и типизации почерков. Этому была посвящена и ее собственная статья о возможности отождествления почерков в древнерусских рукописях⁴. Сопоставив комплексы палеографических при-

¹ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности: (Духовная Климента-новгородца и Устав Святослава Ольговича. Тексты и комментарии). М., 1952, с. 6–8.

² Щепкина М. В. Рец. на кн.: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 г.). М., 1953.— ВИ, 1954, № 4, с. 158–161.

³ Мерило праведное по Троицкому списку XIV в./Изд. под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961; Милов Л. В. Из истории древнерусской книжной письменности XIV в.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1963, № 3, с. 23–33; Костюгина Л. М. Писцовая школа московского Чудова монастыря в конце XVI в.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 134–142.

⁴ Щепкина М. В. Возможность отождествления почерков в древнерусских рукописях.— В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974, сб. 2, с. 7–13.

знаков двух рукописных книг — «Псалтыри Марины» 1296 г. (ОР ГИМ, Син. 235) и «Симоновской псалтыри» последней четверти XIII в. (ОР ГИМ, Хлуд. 3), М. В. Щепкина пришла к выводу о тождестве их почерков. В ходе палеографического анализа она решала вопросы о типичных (временных) и индивидуальных (писцовых) признаках почерков XIII в., о главном и второстепенном в отождествлении руки одного писца, раскрывала причины появления черт несходства одного почерка в разных рукописях.

Свой вклад Марфа Вячеславна внесла и в исследование таких традиционных разделов палеографии, как орнамент и миниатюра. В ряде работ она на конкретных образцах книжного орнаментального декора определила основные черты византийского — классического и нововизантийского — и тератологического стилей. Приняв в основном схему развития славяно-русской орнаментики, предложенную В. Н. Щепкиным, Марфа Вячеславна в конкретном анализе тератологических украшений русских рукописей обратила внимание на самобытность и самостоятельность этого стиля в новгородских вариантах XII в.⁵ В исследовании орнамента византийского и нововизантийского стилей она провела интересные сопоставления широкого круга греческих, югославских и грузинских рукописей XI—XVI вв., указала отличительные признаки этих стилей в славянских и русских рукописных книгах XIV—XVI вв.⁶

Книжной миниатюре посвящен ряд работ, из которых наиболее фундаментальной и содержательной в палеографическом отношении является монография «Лицевые рукописи времени царя Федора Ивановича и Бориса Годунова»⁷. Здесь характеристики древнерусских миниатюр построены на выявлении соотношения традиционных черт — схематизма, обобщенности образа, постоянства символики и др., и новых, отражающих время создания той или иной рукописной книги. Эти историко-бытовые черты проявляются в изображениях архитектуры, одежды, оружия, домашней утвари. Именно они дают возможность датировки и локализации исследуемых памятников письменности, именно они могут быть свидетельствами подлинности рукописи.

Предметом изучения для М. В. Щепкиной были и водяные знаки бумаги. Продолжая дело В. Н. Щепкина по систематизации водяных знаков и выработке методики датировки, Марфа Вячеславна подготовила к печати статью об их палеографическом значении⁸.

Совершенно своеобразное преломление получили вопросы палеографии в трудах М. В. Щепкиной о «Слове о полку Игореве»⁹. Опыт многолетней работы с подлинными русскими рукописными книгами привел исследовательницу к мысли о возможности реконструкции внешнего вида рукописи «Слова», принадлежавшей А. И. Мусину-Пушкину и погибшей в 1812 г. Используя отдельные замечания Мусина-Пушкина и его современников о внешнем виде сборника со «Словом о полку Игореве» и учтя результаты лингвистических наблюдений исследователей XIX—XX вв. над текстом Екатерининской копии «Слова» и его изданием 1800 г., М. В. Щепкина пришла к выводу, что сборник был написан на лощеной бумаге листового формата полууставом без разделения на слова, с надстрочными буквами, обычными для русских рукописей XV—XVI вв.

⁵ Щепкина М. В. Тератологический орнамент. — В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга, сб. 2, с. 219—239.

⁶ Щепкина М. В. Болгарская миниатюра XIV в. М.; Л., 1963, с. 39—60.

⁷ Перечень этих работ см.: Список научных трудов доктора исторических наук М. В. Щепкиной: (К 50-летию научной деятельности). — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 290—291.

⁸ Щепкин В. Н., Щепкина М. В. Палеографическое значение водяных знаков. — ПИ. М., 1958, т. 6, с. 325—346.

⁹ Щепкина М. В. Рукопись «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1952; Она же. Замечания о палеографических особенностях «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ. М.; Л., 1953, т. 9, с. 7—28; Она же. К вопросу о сгоревшей рукописи «Слова о полку Игореве». — Там же, 1955, т. 11, с. 39—47; Она же. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». — Там же, 1957, т. 13, с. 90—104; Она же. К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве». — Там же, 1958, т. 14, с. 72—76.

Далее на основании сопоставления Екатерининской копии «Слова» и первого его издания 1800 г. с рядом рукописей XV—XVI вв. из собрания ОР ГИМ исследовательница охарактеризовала способы написания строчных и выносных букв, сокращений, титлования, приемов исправления текста, типичных для русских писцов конца XV — первой половины XVI в.

Параллельно с этой работой М. В. Щепкина проделала расчет числа письменных знаков в строке и на странице нескольких рукописных книг первой половины XVI в. и сравнила его результаты с числом знаков в издании «Слова» 1800 г. Выяснилось, что в сборнике Мусина-Пушкина «Слово» занимало десять неполных листов, в среднем по 30 строк на странице. Аналогичный расчет был проведен и по Екатерининской копии. Он послужил контролем и привел к уточнению первого результата.

Такое многоплановое исследование позволило М. В. Щепкиной дать представление о внешнем виде сборника Мусина-Пушкина со «Словом о полку Игореве», о характере почерка и указать реально существующие книги, близкие по внешним признакам к этому сборнику: Октоих 1536 г. из Сборника Уварова и Летописец начала XVI в. из Синодального собрания ОР ГИМ¹⁰.

Правомерность и целесообразность идеи палеографической реконструкции рукописных книг, предложенной М. В. Щепкиной, подтвердились временем. Подобные работы и по «Слову о полку Игореве», и по другим памятникам стали практикой источниковедения, принятой в последние годы¹¹.

Важным направлением палеографических исследований Марфы Вячеславны были русские старопечатные книги: их внешние признаки, связи с рукописями, истоки книжного мастерства¹².

Большое внимание исследовательница уделяла подготовке 2-го издания «Русской палеографии» В. Н. Щепкина¹³. Бережно сохранив основной текст классического учебника, она дополнила его новыми материалами, привела в соответствие с уровнем палеографических знаний нашего времени. Учебник вышел в 1967 г. и является настольной книгой широкого круга специалистов: филологов, историков, искусствоведов.

В трудах М. В. Щепкиной значительное место занимали вопросы южнославянской и славяно-молдавской палеографии. Блестящее обобщение они получили в книге «Болгарская миниатюра XIV в.»¹⁴. Проанализировав большой круг болгарских, сербских и славяно-молдавских рукописей XI—XVII вв., автор дала их полное палеографическое описание, указала датирующие и локализирующие особенности их материала, письма, орнамента и миниатюры. В монографии был охарактеризован целый ряд славянских книгописных и художественных школ в их взаимосвязях с русской письменностью и искусством.

Свои обширные знания в области истории культуры и специальных исторических дисциплин, огромный опыт практической работы с рукописными и старопечатными книгами М. В. Щепкина широко использовала в консультациях и лекциях. Историки, филологи, музееведы нашей страны и зарубежные ученые получали исчерпывающие ответы на многие вопросы славяно-русского источниковедения и палеографии. В ОР ГИМ постоянно шли консультации по надписям на предметах древнерусского искусства и ремесла, которые Марфа Вячеславна знала и любила не

¹⁰ ОР ГИМ, Увар. 86-1°, Син. 280-1°.

¹¹ Милов Л. В. О «Слове о полку Игореве»: (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи»). — История СССР, 1983, № 5, с. 82—106; Костюхина Л. М., Шульгина Э. В. Изборник 1073 г.: Палеографический анализ и реконструкция рукописи. — В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983, сб. 3, с. 90—100.

¹² Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сказания о начале московского книгопечатания: Тексты и переводы. — В кн.: У истоков русского книгопечатания: Исследования и материалы. М., 1959, с. 197—214. Кроме того, М. В. Щепкиной для этой книги была завершена и отредактирована статья Е. В. Зацепиной «К вопросу о происхождении старопечатного орнамента» (Там же, с. 101—154).

¹³ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.

¹⁴ Щепкина М. В. Болгарская миниатюра XIV в.

меньше, чем письменные источники. Достаточно вспомнить ее работу о шитой пелене Елены Волошанки¹⁵.

Глубоко научно и занимательно рассказывала Марфа Вячеславна об истории русской письменности, книги и русской палеографии. Многие москвичи от сотрудников научно-исследовательских институтов АН СССР до студентов вузов помнят ее увлекательные, изящные, тонкие, как кружево, лекции по истории древнерусской книги.

До последних дней жизни Марфа Вячеславна оставалась добрым наставником и учителем своих коллег и сотрудников. Она помогала им определить темы исследований и основные направления работы, постоянно наблюдала за ростом их профессионального мастерства, щедро делилась своими знаниями, формируя кадры палеографов. Она поддерживала научные традиции Отдела рукописей Государственного Исторического музея на уровне одного из ведущих в нашей стране центров палеографических знаний.

¹⁵ Щепкина М. В. Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. М., 1954.

Тихомировские чтения 1985 года

А. М. Самсонов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Исполняется 20 лет после смерти (2 сентября 1965) выдающегося советского историка академика М. Н. Тихомирова. Неоценимо его научное наследие. Его исследования по феодализму по праву заняли заметное место в золотом фонде отечественной историографии. Этим не ограничивается значение его наследия. Сохраняют актуальность и традиции созданной им научной школы. Важнейшим их принципом является пристальное внимание к фактам истории, к документальным источникам. Подлинно объективной истории событий прошлого не может быть вне научной методологии и всестороннего выявления и изучения фактов. Это кардинальное положение марксистской историографии относится ко всем периодам прошлого человечества, включая и новейшую историю. Здесь мы многое можем извлечь и из опыта творческой жизни М. Н. Тихомирова.

Настоящие Тихомировские чтения совпали со знаменательной исторической датой — 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. И закономерно, что они посвящены изучению ее важнейших событий. В повестку заседаний включены доклады и сообщения по очень интересным аспектам этой проблемы отечественной и всемирной истории. Это тем более важно, что миллионы документов, хранящихся в архивах — здесь следует особо выделить Центральный архив МО СССР, — еще не изучены исследователями, а их публикации известны лишь в очень ограниченных масштабах.

Встречая с чувством гордости 40-летие Победы над фашистскими агрессорами, мы не можем забыть и того, что путь к ней пролегал через суровые испытания. В годы войны наша страна потеряла свыше 20 млн. человек. Это самая общая цифра. В исследованиях она почти не раскрыта. Сколько советских патриотов, когда и при каких обстоятельствах погибло на фронтах, на оккупированной противником территории, в фашистских лагерях; наконец, сколько погибло от голода и болезней? Все это должно изучаться. Пока неизвестна, например, точная цифра жертв в блокированном врагом Ленинграде. Предположительно жертвами голода стало свыше 641 тыс. человек. В литературе назывались и другие данные — не менее 800 тыс. человек. Во многих населенных пунктах нашей страны установлены мемориалы с поименным перечислением тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с агрессором. Поколения советских людей должны знать, какой ценой завоевывалась победа над агрессором.

Первый период войны был наиболее тяжелым для нашей страны. И конечно, историками еще не все о нем сказано. Полнее освещены победы наших Вооруженных Сил на полях сражений, подвиг тружеников тыла. Здесь мы имеем наиболее глубокое освещение событий. В целом же раскрытие героической борьбы советского народа в Великой Отечественной войне потребует еще многих исследований. Эту задачу будет решать не одно поколение исследователей. Многое предстоит сделать в ознакомлении с фондами наших архивов. Пока что наибольшие достижения имеются в издании документов о внешней политике СССР периода войны и предвоенных лет.

Памятники истории Великой Отечественной войны многообразны. Ярким примером была выставка «Книга сражается», организованная в канун юбилея Победы Госкомиздатом РСФСР, Всесоюзным обществом любителей книги, Добровольным обществом любителей книги РСФСР. На ней экспонировались книги уникальных биографий, фронтовые листочки, боевые бюллетени, плакаты и пр., представленные из личных собраний книголюбов. Большая часть этих материалов демонстрировалась на международной выставке книг и плакатов, посвященной 40-летию победы над фашизмом в мае — июне 1985 г. в Центральном Доме Советской Армии. Дальнейшая судьба таких памятников нуждается в серьезном участии и историков.

Не буду углубляться в вопросы, обозначенные в повестке нашего заседания. Коснусь лишь отдельных сюжетов, которые также нуждаются в повышенном внимании. Известно, что Советские Вооруженные Силы превосходили гитлеровский вермахт во всех отношениях, в том числе и в области военного искусства. Широкому читателю хорошо известны имена наших выдающихся военачальников. Однако пока еще не так много сделано в описании их жизненного пути. Имею в виду не отдельные популярные очерки и даже книги (они издаются), а основанные на документах монографические исследования жизни и боевой деятельности прославленных полководцев и флотоводцев: Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского, Н. И. Крылова, К. К. Рокоссовского, адмирала Н. Г. Кузнецова, других военных деятелей периода Великой Отечественной войны. Решение этой задачи невозможно без изучения соответствующих архивов. Но не только архивов. Существуют письма и другие личные бумаги военачальников, находящиеся у частных лиц. Многие из них несут полезную информацию для воссоздания биографий советских полководцев. Публикация их — при необходимом отборе — целесообразна.

Коснусь и другой проблемы. Во многих краеведческих музеях, школах и институтах, на предприятиях и в учреждениях, советах ветеранов войны и в личных архивах хранятся миллионы «солдатских документов». Это — рукописи воспоминаний, письма, фронтовые записи, порой содержащие интересные данные о фактах и событиях Великой Отечественной войны, свидетельства о послевоенном ветеранском движении. Многие из них являются своеобразными документами эпохи. Однако далеко не везде существуют условия для их сбора, хранения и публикации. Эта тема нуждается в специальном обсуждении с участием не только историков, но и краеведов. Думаю, что здесь будет полезным обсудить опыт, накопленный Археографической комиссией в изучении археографических и источниковедческих проблем, связанных с историей Великой Отечественной войны, в частности с научной организацией деятельности следопытов.

Таким образом, обсуждаемая сегодня проблема весьма многообразна. Она требует к себе внимания исследователей, координации усилий научных учреждений, архивов и музеев.

В заключение разрешите поздравить всех присутствующих с только что прошедшим знаменательным праздником — 40-летием великой Победы советского народа над зловещими силами империалистической агрессии.

В. В. Гуркин

ВОЕННЫЕ АРХИВЫ — БАЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Историческая наука в числе других общественных наук находится на передовой линии идеологической борьбы, которая особенно остро ведется в настоящее время. Практическое значение истории состоит прежде всего в том, что она, являясь хранилищем человеческого опыта, помогает решать более верно и проблемы современности. Об этом весьма убедительно сказано в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева 8 мая 1985 г. «Бессмертный подвиг советского народа», посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «... война оставила такое наследие, что ее итоги и уроки продолжают оказывать воздействие на весь ход и характер мирового развития, на сознание людей»¹.

Важнейшее требование нашей партии ко всем общественным наукам, в том числе и к военной истории заключается в повышении научного уровня исследований и улучшении качества издаваемой литературы. Поэтому вполне оправданно стремление военных историков вводить в научный оборот все новые документы и на их основе освещать и обобщать исторические факты и события.

Великая Отечественная война была главной частью второй мировой войны. Ее освободительный, всенародный характер, бескомпромиссные классовые цели определили ожесточенный накал вооруженной борьбы, решительные и активные способы ее ведения.

Военные действия на советско-германском фронте представляли собой противоборство массовых, многомиллионных армий, оснащенных огромным количеством военной техники. На советско-германском фронте от Баренцева до Черного моря на различных этапах войны с обеих сторон одновременно находилось от 8 до 12,8 млн человек, свыше 160 тыс. орудий и минометов, до 20 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок (штурмовых орудий), от 6,5 до 19,0 тыс. боевых самолетов², большое количество стрелкового вооружения и другой боевой техники. В этих условиях каждая стратегическая операция требовала такого расхода материальных средств, которого в прежних войнах хватало на несколько кампаний, а то и на войну в целом. И все это в той или иной степени получило отражение в архивных документах.

Война предъявила чрезвычайно высокие требования ко всему советскому народу: к тем, кто воевал на фронте, к тем, кто вел борьбу с оккупантами в тылу врага, и к тем, кто самоотверженно трудился для фронта в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве.

Главный источник великой Победы был заложен в самом характере нашего передового общественного строя, его огромных экономических, социально-политических и духовных возможностях. Победа ковалась усилиями всего советского народа, о чем убедительно свидетельствуют архивные материалы, представленные на Всесоюзной тематической выставке 1985 г. в ЦГАСА «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. в документах Государственного архивного фонда СССР и документальных изданиях»³. В числе факторов нашей Победы важное место по праву занимает передовой характер советской военной науки и

¹ Коммунист, 1985, № 8, с. 13.

² История второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1982, т. 12, с. 217—218.

³ Проспект под общей ред. В. Н. Автократова. М., 1985.

военного искусства. «Победа в Великой Отечественной войне, — отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — показала превосходство советской военной науки и военного искусства, высокий уровень стратегического руководства и боевого мастерства наших военных кадров»⁴.

Вооруженная борьба на фронтах Великой Отечественной войны, боевая деятельность войск и сил флота, героические подвиги советских воинов получили отражение в основном в документальных материалах Советской Армии и Военно-Морского Флота, которые сосредоточены в двух центральных архивах Министерства обороны: Центральном архиве Министерства обороны СССР (Подольск) и Центральном военно-морском архиве (Гатчина).

В ЦАМО — одном из самых крупных архивохранилищ нашей страны (более 18 млн дел) — сосредоточены материалы центрального аппарата, военных округов, групп войск, фронтовых и армейских объединений, соединений и воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций Наркомата (Министерства) обороны СССР. В нем хранится более 11 млн дел периода Великой Отечественной войны⁵. Это главное хранилище военной документации.

В ЦВМА собраны документы центрального аппарата Военно-Морского Флота, флотов, флотилий, соединений, частей, кораблей, флотских учреждений. В нем находится 2 млн дел, содержащих сведения о составе, организации и роли ВМФ в вооруженной защите СССР⁵.

Одной из особенностей хранения документации в армии и на флоте является то, что военные архивы в соответствии с Положением об Архивном фонде КПСС хранят документы политических органов (военных советов, политических управлений и отделов), партийных и комсомольских организаций в едином комплексе с другими военными документами (боевыми, оперативными, отчетными и др.).

С первых дней Великой Отечественной войны Советское правительство, руководство Наркоматов обороны и Военно-Морского Флота СССР осуществили срочные меры по обеспечению сохранности военной документации. В июле 1941 г. было принято решение об эвакуации военных архивов из Москвы в глубь страны. Отдел архивов Наркомата обороны СССР был эвакуирован в Бузулук Оренбургской области, архив Наркомата Военно-Морского Флота — в Ульяновск, а Центральный архив Красной Армии — в Барнаул.

В тяжелейших условиях военных лет сотрудники архивов приложили максимум усилий, чтобы своевременно принять от войск и сохранить ценнейшие документы Великой Отечественной войны. Только архив Наркомата обороны СССР за четыре года войны принял от штабов фронтов и армий, соединений, частей и учреждений свыше 3 млн архивных дел. Конечно, без потерь в силу тяжелой обстановки, сложившейся на фронтах в первый период Великой Отечественной войны, не обошлось. Частично погибли или были утрачены материалы управлений приграничных военных округов, полевых управлений ряда объединений, соединений, частей и учреждений. С 1941 по 1945 г. я находился в частях и соединениях Действующей армии и работал как на командных, так и на штабных должностях. И могу засвидетельствовать, насколько продуманно и четко была организована работа по ведению военной документации и сохранению ее в боевых условиях. Именно благодаря этому основная масса военных документов сохранилась.

В послевоенные годы выявление и сбор военной документации периода войны продолжались, продолжается эта работа и сейчас. Приведем

⁴ Красная звезда, 1984, 17 июня.

⁵ Гуркин В. В. Архивы Министерства обороны СССР — навстречу 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. — В кн.: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества». М., 1985, вып. 1, с. 7.

несколько примеров. В 1949 г. в районе Вязьмы были найдены зарытые в землю восемь сейфов с боевыми документами штабов ряда соединений и частей Западного фронта. В 1961 г. в районе Умани в земле были обнаружены документы 301-й стрелковой дивизии, в 1962 г. в с. Старая Калитва Воронежской области — документы 23-й мотострелковой бригады. В мае 1981 г. Пирятинский, военный комиссар, прислал в ЦАМО большой железный ящик с документами 620-го гаубичного артиллерийского полка 167-й стрелковой дивизии, спрятанными в сентябре 1941 г. Сотрудники архива проявили большое мастерство и искусство в восстановлении этих документов, длительное время пролежавших в земле.

Наряду с выявлением, приемом и сохранностью архивных документов сотрудники архивов ведут большую работу по их многостороннему использованию в различных сферах теоретической и практической деятельности.

Работа по выявлению и публикации архивных документов в Министерстве обороны развернулась сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Инициатором явилось Военно-историческое управление Генерального штаба. Так, в период с 1947 по 1960 г. этим управлением совместно с ЦАМО было подготовлено и издано 43 тематических сборника архивных документов, характеризующих боевые действия на советско-германском фронте. Начиная с 1961 г. ЦАМО перешел на новую форму публикации материалов — создание микрофотосборников. Всего было подготовлено 30 таких сборников, посвященных важнейшим операциям Советской Армии, а также боевым действиям танковых армий в годы войны. В настоящее время эта работа продолжается.

Значительно увеличился объем работы, связанной с использованием архивных документов в связи с 40-й годовщиной Победы над фашистской Германией.

Известно, что исторические факты и события, достоверность которых подтверждается архивными источниками, всегда были надежным оружием в борьбе против фальсификаторов военной истории, против различного рода антинаучных концепций и измышлений. Так, в настоящее время буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны изо всех сил стремятся принизить решающий вклад СССР в победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, непомерно преувеличить роль наших западных союзников, особенно в оказании помощи нашей стране техникой и вооружением. Но эти попытки явно не в ладах с фактами, которые убедительно подтверждаются архивными источниками, о наличии вооружения в составе войск нашей действующей армии и производства вооружения и боевой техники в нашей стране. Архивные документы свидетельствуют, что поставки США по ленд-лизу составляли лишь 4% от общего объема советского военного производства⁶.

За последние пять лет в ЦАМО работало более 3 тыс. исследователей, а в ЦВМА — около 600. Они трудились над созданием военно-исторических монографий, очерков по истории военных округов, объединений, соединений и частей, мемуарных и художественных произведений, разрабатывали докторские и кандидатские диссертации.

В целях обеспечения работы исследователей в военных архивах создан и постоянно совершенствуется научно-справочный аппарат, который с достаточной полнотой раскрывает содержание хранимых документов. Так в ЦАМО научно-справочный аппарат насчитывает 100 тыс. фондов, 2,5 млн описей, большое число справочников, миллионные картотеки, различные указатели.

При читальном зале архива имеется научно-справочная библиотека, в которой находятся литература по истории Великой Отечественной войны, справочники по документальному составу архива, а также микрофотосборники архивных документов по основным стратегическим операциям Великой Отечественной войны.

⁶ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985, с. 400.

Среди крупных научных трудов, вышедших в последние годы и созданных с привлечением документов военных архивов, в первую очередь следует назвать 12-томную «Историю второй мировой войны 1939—1945 гг.» (М., 1973—1982). Этот труд представляет собой фундаментальное исследование подготовки, хода и итогов второй мировой войны, проведенное на базе изучения большого фактического и статистического документального материала.

Глубокие и продолжительные исследования в архивах проводились генералами и офицерами при подготовке к изданию восьмитомной «Советской военной энциклопедии» (М., 1976—1980) и «Военного энциклопедического словаря» (М., 1984).

В канун праздника Великой Победы были подготовлены на основе документов военных архивов и вышли в свет: историко-статистический очерк «Герои Советского Союза» (М., 1984), сборник документов «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне» (М., 1985), справочник «Освобождение городов» (М., 1985) и др.

Тематические подборки архивных документов публиковались в журналах «Коммунист», «Военно-исторический журнал», «Вопросы истории КПСС», «Советские архивы» и центральных газетах.

За последние годы значительно увеличилось издание тематических сборников документов. В тесном контакте с Министерством иностранных дел, Академией наук и Главархивом СССР, научными институтами и другими учреждениями страны были выявлены и подготовлены военные документы для сборников по истории советско-болгарских, советско-венгерских, советско-коре́йских, советско-монгольских, советско-польских, советско-чехословацких и советско-французских отношений⁷. Эта работа продолжается и в настоящее время.

Научные сотрудники центральных военных архивов оказали большую помощь в издании таких сборников документов, как трехтомник «Советская Украина в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» (Киев, 1980), однотомник «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.» (Кишинев, 1970), сборник о боевом братстве народов СССР⁸. Центральные военные архивы помогли архивным и другим учреждениям союзных и автономных республик, областей в подготовке сборников документов и материалов, показывающих вклад трудящихся этих республик и областей в разгром фашизма: «Советская Армения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)» (Ереван, 1975), двухтомник «Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945» (Таллин, 1973, 1980), «Страницы народного подвига: Калининская область в годы Великой Отечественной войны» (М., 1974), «Смоленская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945» (М., 1977) и др.

За последние годы проводилось значительно больше военно-исторических исследований для обеспечения достоверными сведениями создателей кинофильмов, радио- и телепередач. Так, архивные документы использовались при подготовке цикла передач советского радио о городах-героях, телеальманаха «Подвиг» телепередач «Служу Советскому Союзу», «Содружество», при создании кинофильмов и телефильмов, по-

⁷ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1981; Советско-венгерские отношения 1945—1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969; Отношения Советского Союза с Народной Кореей. 1945—1980: Документы и материалы. М., 1981; Советско-монгольские отношения: Документы и материалы. Т. 2. 1941—1974. М., 1979; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. 8; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Март 1939 — май 1945. М., 1981. Т. 4, кн. 1; 1983. Т. 4, кн. 2; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983.

⁸ Боевое братство народов СССР. Дружба и массовый героизм народов СССР в боях за Советскую Украину в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. Киев, 1984.

священных 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Велика роль военных архивов и хранящихся в них материалов при написании мемуаров, документальных очерков, художественных произведений.

Именно на базе военных архивных документов были написаны книги выдающихся советских военачальников: И. Х. Баграмяна, С. С. Бирюзова, А. А. Гречко, Г. К. Жукова, И. С. Конева, Н. И. Крылова, К. С. Москаленко, К. К. Рокоссовского, В. И. Чуйкова и др. Продолжительное время работали с материалами военных архивов писатели: В. О. Богомолов, М. Г. Брагин, Е. А. Долматовский, И. Маркин, К. М. Симонов, А. Б. Чаковский и др.

Исследованию военной документации много внимания уделяют видные советские историки. Так, академик А. М. Самсонов, с которым военные историки и архивисты поддерживают деловые и добрые отношения, неоднократно работал с военными документами по Московской и особенно по Сталинградской битве, а также истории боевого пути 3-го Гвардейского механизированного корпуса.

Одно из ведущих мест в деятельности военных архивов занимает справочная работа. В обычное время в ней занято до 60% личного состава центральных архивов. При этом исполняется до 300 тыс. писем и запросов в год. Но бывают годы, когда в архивы их поступает значительно больше. Тогда приходится приостанавливать другие виды архивных работ и переключать почти всех сотрудников на исполнение писем и запросов. Так, только в 1981 г. после выхода в свет известных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по расширению льгот участникам войны центральными архивами было исполнено около 1 млн. писем и запросов, связанных с подтверждением службы в годы войны, ранений и контузий, награждений, восстановлением фамилий и др.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на трудности, военные архивисты добросовестно и со знанием дела выполняют свои обязанности. Благодаря их чуткому отношению многие ветераны войны получили льготы, установленные Советским государством.

Большую работу ведут сотрудники военных архивов по уточнению судеб пропавших без вести военнослужащих, установлению мест захоронения погибших и умерших от ран воинов. Особенно интенсивно велись эти поиски в период подготовки к 40-летию Великой Победы. Так, только за последние годы отделом персонального учета безвозвратных потерь рядового и сержантского состава принято на учет 20 тыс. человек и снято с учета 2500 человек, которые оказались живыми. Эта работа очень кропотливая и трудоемкая. В ней наряду с архивными учреждениями участвуют военные комиссариаты, партийные и государственные органы, советы ветеранов, комсомольские и пионерские организации.

В качестве примера можно назвать Донецкую обл., представители которой часто бывают в ЦАМО. В результате совместной работы по семи братским могилам в г. Доброполье дополнительно установлено 200 фамилий захороненных в них воинов.

В пос. Гольма Горловского р-на Донецкой обл. имеется могила, надпись на которой до 1984 г. гласила: «Здесь похоронен офицер-летчик Приходько М. и несколько неизвестных воинов». Теперь выяснены имена этих неизвестных: двух офицеров (пилот и штурман) и двух сержантов (стрелок-радист и воздушный стрелок). Установлена связь с родственниками, которые через 40 лет узнали о судьбе и месте захоронения своих близких.

Пионеры — красные следопыты с. Маломихайловка Покровского р-на Днепропетровской обл. обратились в архив с просьбой «раскрыть тайну» братской могилы в их селе. В райвоенкомате пионерам сообщили фамилии 15 захороненных воинов и адреса их родственников.

Во время учений под Киевом солдаты, копая траншею, обнаружили

останки захороненного воина и флягу с надписью «Свиридова Шура». В результате сложного поиска сотрудниками архива установлено, что это погибшая во время бомбежки рядовая 836-го стрелкового полка, прибывшая в Политотдел дивизии за получением партийного билета, Александра Федоровна Свиридова, которая числилась без вести пропавшей. На месте гибели будет установлен обелиск.

Работа ЦАМО по увековечению памяти погибших советских воинов дает богатый материал для военно-патриотического воспитания подрастающего поколения на конкретных примерах и с его участием.

Свою главную задачу военные архивисты видят в том, чтобы на века сохранить бесценное достояние советского народа — документальные материалы периода Великой Отечественной войны и последующих лет — и активно их использовать в интересах общества развитого социализма, укрепления обороноспособности нашей Родины и стран социалистического содружества. И эти задачи военным архивистам по плечу, потому что личный состав, как правило, работает в архивах всю жизнь, т. е. это в основном люди, которые в архивной работе нашли свое призвание и с честью выполняют те нелегкие обязанности, которые возложены на них. И лучшей наградой военным архивистам являются благодарственные письма ветеранов и всех тех, кому приходится работать с документами военных архивов.

«ИСТОРИИ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ» В ФОНДЕ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АН СССР

Документирование еще не завершившихся или недавно завершившихся событий в годы Великой Отечественной войны проводилось не только посредством служебного делопроизводства. Большое место в корпусе источников этого периода занимают также неофициальные или полуофициальные нарративные документы, в частности «истории воинских частей». Общей питательной средой при их создании являлось необычайно развитое в тот период представление современников о громадном всемирно-историческом значении переживаемых событий. Отсюда — естественное стремление сохранить для будущего пережитое, виденное, передуманное, дела и имена боевых товарищей — живых и погибших.

Особенность «историй» состояла в том, что в подавляющем большинстве рассматриваемый комплекс создавался в разгар войны (большинство документов относится к 1942—1943 гг.)¹. В инструкции воинским частям по составлению «историй», разработанной Комиссией по истории Великой Отечественной войны в конце 1942 — начале 1943 г., указывалось: «Наша история создается и пишется одновременно. В этом — трудность, ибо не все еще известно, не все следует раскрывать. Но в этом — большие преимущества: события близки, много активных участников поделится своими воспоминаниями, отсюда — большая достоверность и правдивость в изложении. Это позволяет также сделать историю части творчеством боевого коллектива»². К этой характеристике работы по созданию «историй воинских частей» можно добавить еще одну особенность: непосредственное отражение событий, почти не преломленное под влиянием времени историографической, публицистической, литературно-художественной традиций. То, что «истории» создавались «внутри» событий, придает им силу и значение документов военного времени.

В данном сообщении рассматриваются «истории», хранящиеся в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (НАИИ СССР, ф. 2. Далее номер этого фонда не указывается), написанные ее сотрудниками или с их помощью и, наконец, под влиянием принципов и методов, разработанных этим научным коллективом. Близкие к ним источники хранятся и в других архивах, например в ЦАМО.

Как специфические документы, сочетающие в себе и первые попытки исторического синтеза и непосредственно-практическое назначение, «истории» почти не привлекали к себе внимания ученых, чем и объясняется выбор данной темы.

Упомянутой выше инструкцией Комиссии указывалось на необходимость систематической записи боевых дел частей Советской Армии и Военно-Морского Флота: «...надо во что бы то ни стало добиться того, чтобы все гвардейские части и каждая дивизия имели записанную бое-

¹ Специально в археографическом и источниковедческом плане эти документы исследователями не рассматривались. Они в большей степени вводились в работы более широкой тематики или посвященные другим видам документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны. См.: Курносос А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: (Организация и методика собрания). — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 118—132; Архангородская Н. С., Курносос А. А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива: (К 40-летию со дня образования). — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 219—229; и др.

² НАИИ СССР, ф. 14, оп. 1, д. 7, л. 37. Далее ссылки в тексте даются без указания архива.

вую историю. Это является большим и важным делом сегодняшнего дня, так как история воинского соединения или части — прекрасный материал для воспитания бойцов, для передачи опыта, знаний, боевых традиций. Это поможет составлению большой истории Великой Отечественной войны в будущем после победы» (ф. 14, оп. 1, д. 7, л. 36). «Истории воинских частей» нужно рассматривать как многоцелевые документы. Во-первых, они предназначались будущим историкам и должны были сохранить боевые дела воинских частей, соединений и объединений, подвиги бойцов и командиров, сражавшихся в их рядах. Во-вторых, большое значение придавалось «историям» как форме закрепления и сохранения традиций данного боевого коллектива для использования их в политико-воспитательной работе (не нужно напоминать о непрерывном обновлении личного состава частей и соединений; в этих условиях передача боевых традиций пополнению была одним из важных оснований партийно-политической работы). В-третьих, непосредственно-практическое значение «историй» состояло в сохранении и передаче боевого опыта, доставшегося тяжким трудом и немалой кровью. Отсюда — присутствующие во многих документах элементы критического анализа (подчас весьма острого и нелицеприятного) и вместе с тем подчеркивание наиболее эффективных приемов и способов борьбы — все это не умозрительно, а на основе конкретных боевых эпизодов и фактов. Сказанное объясняет заинтересованность войск в создании своих «историй». Со стороны же профессионалов-историков и других представителей гуманитарных специальностей такие документы имели значение не только сами по себе в качестве основы будущей работы, но и как всем понятное объяснение и обоснование работы по собиранию и созданию первичного материала — прежде всего такого, который не откладывался в государственных архивах, т. е. документов личного происхождения — дневников, рукописей воспоминаний, и, главное, документов, которые не могли возникнуть без их участия — стенограмм, устных свидетельств, «воспоминаний-интервью»³ участников событий. Субъективно же для историков эта работа представлялась формой активного использования в войне их профессиональных знаний и опыта, тем самым наиболее эффективным личностного в ней участия и вместе с тем служения своей науке.

Информативность «историй» определялась масштабами и кругом освещенных в них фактов и событий, уровнем их обобщения или детализации, формой и способами изложения. Понятно, что в основе всего лежали доступные и использованные авторами источники. Но в предоставлении их авторам каких-либо заметных ограничений, видимо, не было. Историографам частей были открыты и оперативная документация штабов, и документы Политотделов. Что же касается личных свидетельств участников событий, материалов прессы и т. п., то их мобилизация зависела от собственной активности составителей.

Прежде всего должны быть названы части и соединения, которым посвящены документы. В фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны хранится примерно 125 «историй» воинских частей. Они посвящены истории 4-го Украинского (ранее — Юго-Восточного, Сталинградского, Южного) фронта; девяти армий (1-й Ударной, 8-й воздушной, Приморской, 16-й, 24-й, 51-й, 60-й, 62-й и 64-й); пяти корпусов (3-го Гвардейского Сталинградского механизированного, 3-го Гвардейского стрелкового, 4-го танкового, 5-го Гвардейского казачьего кавалерийского, Донско-Будапештского краснознаменного, 130-го Латышского стрелкового), примерно 40 «историй» дивизий, в основном стрелковых, значительную часть которых составляют истории дивизий народного ополчения Москвы; около 30 историй бригад и полков, в основном авиационных и стрелковых. По видам и родам Вооруженных Сил рассматриваемые документы распределяются следующим образом: «историями» представлены 17 авиационных частей и соединений (1 армия, 2 дивизии, 13 полков,

³ См. об этом: Курносоев А. А. Указ. соч.

Таблица Хронологические рамки содержания «историй воинских частей»

Начало	Окончание									
	1941 г.				1942 г.					
	VIII	IX—X	XI	XII	I—III	IV—V	VI—VIII	IX—XI	XII	
1919—1918 гг.								1		
1926 г.										1
1930-е годы	1				2	7		1		
1940 г. до апреля 1941 г.			1			1		2		
Июнь 1941 г.					5	1	3	1		
Июль — август 1941 г.		5		2	3	2	2	1	1	
Сентябрь — ноябрь 1941 г.		2	1		5		2	1		
Декабрь 1941 г.								3		
Январь — март 1942 г.							1	1		
Апрель — март 1942 г.										
Июнь — сентябрь 1942 г.							4	13	1	
Октябрь — декабрь 1942 г.								1	2	
Январь — июнь 1944 г.										
Всего	1	7	2	2	15	11	12	25		5

1 батальон); 9 бронетанковых (танковый и механизированный корпуса, 6 танковых бригад, бронедивизион); 11 артиллерийских (1 дивизия, 2 бригады, 5 полков, в том числе 2 зенитных, 1 дивизион, 2 батареи); 55 стрелковых (2 корпуса, 38 дивизий, 5 бригад, 9 полков); 3 кавалерийских (корпус, дивизия, полк), а также саперная бригада, батальон береговой обороны, автотранспортный батальон, батальон железнодорожных войск. В фонде имеются и материалы по истории Военно-Морского Флота: Волжской военной флотилии, подводных лодок Северного флота, Гвардейского крейсера «Красный Кавказ» и некоторые другие.

Полнота информации «историй» в большой степени определяется их хронологическими рамками, которые указаны в таблице. Из нее следует, что в 50% документов начало описания боевого пути частей относится к июню 1941 — марту 1942 г., примерно в четверти — к довоенным годам, а в остальных — ко второй половине 1942—1944 гг. Показательно и время окончания «историй». Половина документов доведена до 1942 г. (большинство охватывает не весь год); четверть — до 1943 г. и примерно по 10% завершаются в 1941 или в 1944—1945 гг. Только три документа отражают почти всю войну — с лета—осени 1941 г. до победы.

Такое хронологическое ограничение содержания, разумеется, не случайно. Здесь отразились и объективные факторы — прежде всего время формирования и расформирования частей, практическая предназначенность документов к использованию в боевой и политико-воспитательной работе (последним, отчасти, объясняется небольшое число «историй», доведенных до 1944—45 гг., когда они постепенно утрачивали непосредственно практическое значение и все более приобретали значение «документов для истории»). Немалую роль играли и факторы субъективного характера: момент включения данного соединения в поле зрения Комиссии по истории Великой Отечественной войны, оценка его действий командованием, внимание прессы, присутствие в части людей, способных к подобной работе и, наконец, множество случайных обстоятельств, не всегда поддающихся учету и обобщению. Немалую роль в выборе объектов играла тематика работ Комиссии. Задуманная первоначально как Комиссия по составлению истории («хроники») обороны Москвы⁴, она,

⁴ В документах начального периода деятельности она фигурирует и под этими названиями (См.: *Архангородская Н. С., Курносоев А. А.* Указ. соч., с. 222—223).

Окончание

1943 г.				1944 г.		1945 г.	Всего
I-III	IV-VII	VIII-IX	X-XII	I-VII	VIII-XII		
				1			2
							1
1	3	1					16
	1		1				6
	2	1		1	1	2	17
2	1		2		1	1	23
3	1		1			2	18
			1				5
1				1			2
1	1						3
8			1			1	28
1		1	1			1	7
						2	2
17	9	3	7	3	2	9	130

естественно, концентрировала свое внимание на войсках, участвовавших в Московской битве, и прежде всего на формированиях Московского народного ополчения, а также авиационных частей и соединений, танковых и зенитно-артиллерийских частей и т. д. Значителен удельный вес «историй», посвященных Сталинградской битве и связанным с нею операциям (в Сталинград была направлена еще до завершения битвы группа сотрудников комиссии, в том числе известный историк Э. Б. Генкина). В то же время многие важнейшие операции, Курская например, слабо отражены «историями». Не следует, однако, жестко связывать наличие или отсутствие этих документов с тематикой и кругом деятельности комиссии. Во-первых, многие работы такого рода остались в архивах воинских формирований, были потом переданы в архивы военного и других ведомств, но не отложились в фонде комиссии⁵. Во-вторых, далеко не все работы получили свое логическое завершение в виде «историй». Многие формирования представлены только первичными документами служебного и личного характера, собранными для предполагавшихся, но ненаписанных потом «историй». Но их источниковая основа была заложена. И она тоже сохранилась в рассматриваемом фонде. «Истории» воинских частей не одинаковы и с точки зрения их «жанровой» принадлежности. Они имеют неодинаковые самоназвания: «История», «История и боевой путь», «Хроника боевых действий», «Очерк боевого пути», «Краткая справка о боевых действиях», «Справка-легенда», «Воспоминания из истории», «Доклад о боевых действиях», «Цикл лекций по истории» и т. д. Иногда такие самоназвания отражают особенности документа. Но нередко разными терминами обозначались сходные документы. За таким разнообразием стоят авторство и видовая принадлежность (жанр), тесно взаимосвязанные. С такой точки зрения можно выделить следующие основные разновидности «историй», хранящихся в данном архиве.

К первой, наиболее многочисленной группе относятся «истории-монографии», принадлежащие перу одного автора. Большинство авторов — историки-профессионалы или люди, нашедшие свое призвание в исторической науке, но вместе с ними и ученые, работавшие в области других

⁵ На выставке, посвященной 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, развернутой в ЦГАСА, были представлены «истории» и подобные им документы, хранящиеся, в частности, в ЦАМО.

гуманитарных наук — в философии, экономике, литературоведении и т. д. Среди авторов — Г. Н. Анпилов, Р. И. Голубева, Л. М. Зак, Я. Л. Лившиц, Б. Л. Маркус, А. М. Самсонов, В. И. Шунков и другие ученые. Одни из них состояли сотрудниками комиссии, другие — ее корреспондентами, третьи еще не были связаны с ней непосредственно.

Комиссией по истории Великой Отечественной войны практически с начала ее работы была «задана» свободная, не регламентированная форма «историй». Однако монографическим «историям» присущи последовательность изложения, более или менее сходная структура, почти одинаковый круг затронутых тем.

Характерно, что такое сходство лишь в малой степени зависит от масштабов соединения. Более ощутима зависимость от профессии и личности автора. Видимо, этими факторами в большей степени были обусловлены особенности документов. В пользу этого говорит, например, сравнение «истории» 173-й стрелковой дивизии и «истории» 4-го Украинского фронта, написанных Б. Л. Маркусом⁶ — видным ученым-экономистом, директором Института Красной профессуры (оставил эту должность незадолго до войны), журналистом, автором публицистических работ. Обе «истории» несут отпечаток профессиональных навыков ученого и журналиста. Объективное описание событий в обеих «историях» сочетается с максимальной доступностью изложения и рассчитано не только на офицеров, но и на более или менее подготовленных младших командиров и солдат (эти адресаты указаны автором в «истории» фронта). Анализ причин удач и неуспешных действий и операций, своего рода назидательность свойственны обоим текстам, хотя во фронтовом масштабе они, естественно, менее выявлены.

Работа В. И. Шункова о 53-й Гвардейской Ордена Красного Знамени стрелковой дивизии (р. I, оп. 37а, д. 11)⁷ в какой-то мере отражает личность и профессию автора. Педантизм историка проявляется уже в самом оформлении работы. Практически каждый сколько-нибудь существенный факт истории дивизии обеспечен ссылками на соответствующий документ (под строкой или в тексте) с указанием поисковых данных. Снижен удельный вес элементов непосредственно-практической дидактики. Она присутствует как бы в скрытом виде путем подробного и в военном смысле квалифицированного описания боев и боевых эпизодов. Но в основной схеме работы Маркуса и Шункова очень близки. К ним близки и история 1-й Гвардейской Московской мотострелковой дивизии, написанная П. М. Федосовым (р. I, оп. 12, д. 17).

«Очерк боевой истории 12-го Гвардейского истребительного авиаполка», подготовленный сотрудниками Комиссии Е. М. Грицевской, Л. М. Зак и М. Д. Розановой⁸, две работы А. М. Самсонова, ныне академика (р. III, оп. 76, д. 2; оп. 5, д. 61), Г. Н. Анпилова о 60-й стрелковой дивизии (р. I, оп. 69, д. 37), Р. И. Голубевой о 43-й Латышской Гвардейской стрелковой дивизии (р. I, оп. 16, д. 12). Некоторые из таких работ были представлены в качестве диссертационных⁹.

В основном такие документы были близки друг другу, хотя и различались между собой кругом событий и масштабами их освещения, акцентировкой на событийные, военно-аналитические и дидактические

⁶ См.: р. I, оп. 14, д. 2; оп. 101, д. 3.

⁷ В фонде представлен 2-й (рабочий) экземпляр работы Шункова с многочисленными рукописными и машинописными поправками, вставками, вычерками.

⁸ Там же, р. I, оп. 1, д. 28. Значение этой работы выходит за рамки только истории этого полка. Работа по созданию «историй» широко развернулась и в других авиационных частях и соединениях, участвовавших в Московской битве. Этому способствовала, в частности, публикация статьи Л. М. Зак о значении боевого опыта в газете соединения (См. также: р. I, оп. 2, д. 1; оп. 3, д. 1; оп. 4, д. 1; оп. 5, д. 1; оп. 6, д. 1; оп. 7, д. 1; оп. 8, д. 1).

⁹ См., например: *Ганюшкина А. М.* За Родину, за Ленинград. Двадцать третья дивизия войск НКВД в Великой Отечественной войне (р. I, оп. 217, д. 13). К работе приложен отзыв доктора исторических наук профессора И. Разгона, датированный 1 ноября 1944 г., в котором отмечено ее научное и политическое значение (Там же, «Отзыв», с. 4).

или личностно-психологические аспекты истории воинских частей, истрчниковой базой и способами введения источников в текст.

Вторую группу документов образуют «истории», подготовленные официально назначенными или не оформленными в приказном порядке комиссиями военнослужащих данной части, соединения, объединения.

В основных чертах документы этой группы близки к монографическим «историям», но имеют и некоторые особенности. Как правило, они суше, ближе к официальным «историческим формулярам» частей. Характеристики участников событий и отдельных боевых эпизодов менее индивидуализированы (первые ближе к устоявшимся формулам наградных документов, вторые — к публицистическим, тоже более или менее повторяющимся «клише»). Таков, например, «Очерк боевых действий 110-й стрелковой дивизии» (первоначально 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского р-на Москвы), охватывающий период с июля 1941 по февраль 1943 г. (р. I, оп. 27, д. 30). «Очерк» подписан командованием дивизии.

Более подробно и обстоятельна «Краткая история боевой деятельности 244-й стрелковой дивизии» (р. I, оп. 60, д. 1). Она не имеет прямых указаний на авторство (индивидуальное или коллективное). Учитывая особенности содержания специальной военной терминологии, круг использованных документов и способы их введения в текст, можно предположить, что «история» написана группой офицеров штаба дивизии и политработников. Авторами привлекались и опубликованные в центральной, фронтовой и армейской печати материалы (некоторые из них даны в качестве своего рода приложения к основному тексту). Вместе с тем единство стиля, формы и направленности изложения, логическая, хронологическая и событийная последовательность говорят о единстве редакции. В целом 35 «историй» утверждены командованием частей, но не имеют указаний на персональное авторство.

От двух названных разновидностей «историй» резко отличается третья: сборники статей и материалов по истории части.

Примером таких сборников может служить объемная (690 л.) работа «От Дона до Сейма. Год боевых действий. Апрель 1942 г.—апрель 1943 г.», посвященная боевому пути 60-й армии, которой командовал генерал-лейтенант И. Д. Черняховский (р. I, оп. 88, д. 1). Понимание жанра работы четко сформулировано на титульном листе: «Книга написана бойцами, командирами и политработниками армии. Политотдел Н-ской армии»¹⁰. Самим обозначением «книга» определено ее назначение для печати. Отсюда — зашифрованность наименований упомянутых в тексте частей. Но особенность данного экземпляра состоит в том, что на полях карандашом указаны номера частей.

Состав книги: вводный раздел — поздравительные приказы ВГК и командования фронта в связи с успешными действиями армии (приказ Верховного Главнокомандующего от 25 января 1943 г. в связи с освобождением Воронежа — с. 12 и др.); обобщающая статья И. Д. Черняховского и А. И. Запорожца «Воронеж — Курск — Льгов. Боевой путь 60-й армии» (с. 18—25); статья И. Г. Эренбурга «Год позади, большой год» (с. 26—27, в ссылке: «статья написана автором специально для этой книги»); статья с включением личных воспоминаний начальника политотдела армии генерал-майора К. П. Исаева «Первая страница боевой истории» (с. 30—36).

Далее в этом разделе следуют статьи, посвященные ретроспективному (с точки зрения 1943 г.) анализу действий отдельных частей и соединений и общеармейских операций: например, статья подполковника П. Лященко (карандашом указана его должность — «начальник оперативного отдела штаба армии») «Разгром немецких войск в районе г. Воронеж» (с. 79—91) и др. К статье Лященко даны приложения: таблица соотношения сил и четыре схемы, отражающие ход операции (с. 92—96).

¹⁰ На титуле обозначен также номер экземпляра сборника. Номер армии раскрыт уже в предисловии генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского и генерал-лейтенанта А. И. Запорожца (члена Военного совета).

В разделе с подобными же пометами и иногда приложениями схем помещены статьи оперативно-аналитического характера, посвященные действиям частей в ходе наступательных операций начала 1943 г.; авторы этих статей подчас четко определяют задачу своей работы как осмысление боевого опыта для его использования в предстоящих сражениях. В раздел включены и очерки о воинах, отличившихся в прошлых боях (как правило, с прямыми или слегка завуалированными рекомендациями на будущее). Эти поучения относятся и к командованию подразделениями, и к личному поведению командиров. Раздел завершается статьей старшего лейтенанта В. Бродера «Признания врага», основанной на публикациях фашистской печати, показаниях военнопленных и трофейных документах — письмах, дневниках и т. п., а также «Справкой о количестве освобожденных населенных пунктов, истребленных гитлеровцев, пленных и трофеев 60-й армии» за время зимнего наступления 1943 г.

Следующий раздел озаглавлен «Партия ведет». В нем собраны корреспонденции об опыте, теории и практике партийно-политической работы в войсках, о героизме коммунистов (помещены, в частности, статья о работе «Армейской правды», ее ответственного редактора В. К. Авдюшина — с. 298—311; о боевых листках в подразделениях — с. 312—318; о работе военкоров — с. 319—324; о встречах с населением освобожденных районов и связях с трудящимися советского тыла — с. 364—366; «Письма на фронт» — с. 369—371). В разделе «Во имя Родины» помещены очерки о бойцах и командирах всех специальностей — от танкиста до повара. Сюда вошла и песня Н. Ваганова «Уничтожим фашистскую нечисть» (с. 487). Специальные разделы посвящены фашистскому оккупационному режиму (здесь статья Эренбурга «Новый порядок в Курске» — с. 574—576) и искусству на переднем крае (как профессиональному, так и самодеятельному). В числе авторов — фронтовики и известные артисты М. Д. Михайлов и Е. Д. Кругликова (с. 674—677). Таков состав этой своеобразной истории-альманаха. (Примечательно, что очень близки к ней известные нам опубликованные «истории»: например, 1-й Гвардейской стрелковой дивизии генерала И. Н. Руссиянова¹¹). Книга подготовлена редакцией дивизионной газеты.

Выше названы три основные, как представляется, разновидности «историй». Уже отмечалось отсутствие какой-либо их регламентации. Индивидуальность таких документов определялась пониманием авторами, составителями, редакторами целей своей работы, их професией (историк, журналист, литератор, армейский политработник, профессиональный военный наиболее обычны в их контингенте). Отсюда множество вариантов и переходных форм и внутри основных разновидностей и между ними. Рассмотреть все их в рамках данного текста невозможно.

Внешним показателем степени детализации «истории» частей может служить характеристика физического объема документов. Нужно учесть, что во время войны были отменены стандарты перепечатки документальных текстов. Поэтому они в зависимости от наличия бумаги и значимости документов печатались через два, полтора и один интервал на одной или обеих сторонах листа, а очень часто — на чистой стороне использованной ранее бумаги.

Страниц в деле	Работ	Страниц в деле	Работ	Страниц в деле	Работ
от 1 до 10	13	от 51 до 100	22	от 301 до 400	4
от 11 до 30	35	от 101 до 200	20	от 401 до 700	4
от 31 до 50	21	от 201 до 300	5	Свыше 1000	1

Реальное содержание «историй» также с трудом поддается обобщению. Коллектив комиссии и не ставил перед собой задачу их унификации. Обратимся к уже цитировавшейся инструкции.

¹¹ [Ретлейдер А. Я., Корнилов В. И.]. Боевой путь: 1923—1943. Изд. редакции красноармейской газеты «В боях за Родину». [М.], 1944.

«История каждой части, естественно, не может быть написана по единому плану или рецепту. Каждая часть имеет свою специфику.

1. Можно представить историю части в виде связного единого рассказа, хронологически и логически последовательного, документально обоснованного, развертывающего картины боевой жизни части.

2. Можно составить сборник рассказов о героях части.

3. Наконец, можно рассказать лишь особо интересные боевые этюды и показать людей, отличившихся в них. Мы рекомендуем первый вариант. Не зная каждого данного материала, трудно наметить план и построение такой книги. Можно определить лишь круг вопросов, необходимых и обязательных для освещения, и методы обобщения материала, безусловно приемлемые.

1. Необходимо осветить начало, формирование части, ее боевую учебу, первые встречи с противником и их уроки.

2. Вооружение части и овладение боевой техникой на разных этапах боевого пути части...

4. Пополнения в рядовом и кадровом составе дивизии. Работа с новым пополнением и его обучение.

5. Роль руководства дивизии в разработке оперативных задач и ведении дела.

6. Ведущее место в истории части должны занять основные подразделения (стрелковые, затем артиллерийские). Но нельзя забывать о всех приданных подразделениях...

7. Поставить задачей описание всех значительных и важных боевых операций. Хорошо бы было дать полную картину хотя бы одного большого боя...

8. ...Стараться вскрыть причины героизма людей, как массового, так и отдельных бойцов и командиров. Показать живого человека, его мысли, чувства, переживания, а в связи с этим его роль и место в бою.

9. Не отрывать партийно-политическую работу части от общего изложения. Показать ее в действии, в бою, органически связанной со всей боевой работой части.

10. Не замазывать трудности и недостатки...

11. Показать быт своей части (ее жизнь, досуг, связь с тылом, переписку, горе и радости).

12. Во всем изложении соблюдать строгую историческую правдивость. Тщательно проверять... все события, все даты, имена и факты» (ф. 14, -оп. 1, д. 7, л. 40—41).

Эта программа в основном выполнялась, хотя и не всегда в полном объеме. Ответы на данный вопросник в разных документах неодинаково подробны. Нередки случаи освещения вопросов и проблем, программой не предусмотренных. Но в целом программа может служить своеобразной моделью информации, заключенной в «историях воинских частей».

Таким образом, охарактеризованный выше комплекс источников представляет интерес в ряде аспектов.

Во-первых, они — документы своей эпохи, свидетельствующие не только о множестве фактов и событий, но и об их восприятии участниками и современниками этих событий.

Во-вторых, «истории» являются переходной формой от документов, имеющих непосредственно-практическое назначение, к повествованиям, рассчитанным на использование будущими историками.

В-третьих, в этом своем качестве они могут рассматриваться и как начало историографии Великой Отечественной войны.

В-четвертых, помимо доминирующей в этих документах информации военного характера, в них заключен и большой объем, казалось бы, побочной, второстепенной информации, представляющей, однако, несомненный интерес. Здесь и фронтовая публицистика, и фронтовой фольклор и едва ли где-нибудь зафиксированные детали быта фронтовиков.

«Истории воинских частей» заслуживают дальнейшей разработки.

Н. Б. Волкова

МАТЕРИАЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФОНДЕ К. М. СИМОНОВА В ЦГАЛИ СССР

В ЦГАЛИ СССР хранится много материалов, в той или иной степени запечатлевших события Великой Отечественной войны. Свыше тысячи членов Союза писателей ушло на фронт, четыреста не вернулись. Фонды многих из них, а иногда и отдельные документы, связанные с последними днями их жизни и имеющие поистине реликвийный характер, бережно сохраняются в архиве. Есть фонды, где материалы войны преобладают: В. В. Вишневского, И. Г. Эренбурга, В. П. Ставского, П. А. Лидова. Но и среди них фонд К. М. Симонова по праву занимает первое место — и как писателя, для которого война была главной и почти единственной темой, и как историка-документалиста, собравшего по ней огромный материал, и, наконец, как прирожденного архивиста, который не только тщательно собирал пужную ему документацию, но и мог организовать ее поиск и запись.

Первые документы (5 ед. хр.), заложившие основание фонда К. М. Симонова (ф. 1814. Далее номер фонда не указывается), поступили в ЦГАЛИ СССР еще из Литературного музея, т. е. до войны. 10 октября 1960 г. писатель приехал и оформил передачу своего литературного архива на государственное хранение: им было передано 11 тыс. документов, главным образом, творческие рукописи, письма читателей и зрителей, фотографии. В настоящее время три описи обработанных еще при жизни Симонова материалов насчитывают 1853 ед. хр. Кроме того, в ЦГАЛИ СССР поступило, согласно его завещанию, более 34 тыс. документов по 25 сдаточным описям. Часть архива остается пока в семье. Большинство и тех и других материалов связано с Великой Отечественной войной 1941—1945 гг.

С войной Симонов столкнулся еще на Халхин-Голе, куда он был направлен в 1939 г. по предписанию Политуправления Красной Армии.

24 июня 1941 г. он выезжает на Западный фронт в качестве корреспондента. Его стихи, рассказы и очерки печатаются в газетах «Правда», «Известия» и «Красная звезда». Среди них прежде всего хочется выделить поэтическое наследие военных лет. Значительная часть стихотворений представлена отдельными автографами или записана во фронтовых блокнотах. Это — «Песня о комиссаре», «Ты помнишь Алеша, дороги Смоленщины...», «Я, верно, был упрямей всех...», «Убей его», «Был у меня хороший друг...», «Фляга», «У огня», «Матвеев курган», «Песня о веселом репортере», «Дожди», «Солдатский разговор», «Державная Родина наша» и др.

Сохранились и рукописи прозаических произведений того же времени. Ученическая тетрадь с черновыми набросками повести «Дни и ночи», повести, о которой Симонов писал: «Почти все мои сталинградские блокноты пропали... Весной 1943 г., воспользовавшись затишьем на фронтах, я стал было восстанавливать по памяти сталинградский дневник, но вместо этого вдруг написал „Дни и ночи“ — повесть об обороне Сталинграда. В какой-то мере эта повесть и есть мой сталинградский дневник, но факты и вымыслы переплелись в ней так тесно, что мне сейчас, много лет спустя, было бы уже трудно отделить одно от другого и попробовать воссоздать этот сталинградский дневник в первоначальном виде» (оп. 3, ед. хр. 57, л. 36). К этим же годам относятся сценарий «На Старой Смоленской дороге», написанный совместно с В. И. Пудовкиным; пьесы — «Рус-

ские люди», «Жди меня», «Так и будет», представленные рукописями от черновых набросков до окончательных вариантов и снабженные замечаниями автора к их постановкам.

Целиком основаны на наблюдениях, встречах и беседах с фронтовиками рассказы и очерки Симонова. Об их замысле он писал в дневнике 28—29 июля 1941 г.: «На следующий день я разговаривал с Ортенбергом (редактором газеты «Красная звезда». — Н. В.) и выдвинул перед ним такой план, чтобы мне оборудовали хорошую машину... и дали мне возможность объехать на ней весь фронт, от Черного моря до Баренцева, с тем, чтобы все мои статьи и материалы фотокорреспондента, едущего со мной, шли в газете под этой постоянной рубрикой» (оп. 1, ед. хр. 486, л. 188). Предложение Симонова было принято. Его очерки и рассказы, печатавшиеся в «Красной звезде», были изданы в 1942—1945 гг. в Москве в четырех сборниках под тем же названием «От Черного до Баренцева моря».

Не менее значительный фактический материал о войне содержится в трилогии «Живые и мертвые» и других произведениях последующих лет. «Почти весь материал — для книг, написанных во время войны, и для большинства послевоенных — мне дала работа корреспондентом на фронте», — писал Симонов в автобиографии¹. Живые прототипы, послужившие основой для художественных героев, подробности, запечатленные автором, находившимся в гуще событий тех дней, данные, извлеченные из архивов и других исторических источников, делают его литературные произведения одновременно и достоверным отображением войны.

Стремясь показать Великую Отечественную войну как войну всенародную, Симонов все больше использует документальный жанр. Чувствуя себя, по собственному признанию, не только писателем, «а может быть, немножко и историком войны»², он обращается к созданию документальных кинофильмов: «Если дорог тебе твой дом ...», «Чужого горя не бывает», «Шел солдат...», а также серии телевизионных фильмов «Солдатские мемуары». Сценарии всех фильмов имеются в архиве.

Наряду с материалами художественного творчества в фонде Симонова хранятся и другие группы документов, запечатлевшие события войны. Это прежде всего дневники и записные книжки или фронтовые блокноты 1941—1945 гг. Симонов придавал огромное значение дневниковым записям и даже предлагал следующее: «Что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же, как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне, за войну, окажутся именно их дневники»³.

Однако, по его же признанию, вести дневниковые записи систематически не хватало ни времени, ни душевных сил. Более того, если мы обратимся к архиву писателя, то дневника как такового не обнаружим. Фактически он составлялся из двух частей: записей о виденном, которые диктовались Симоновым машинистке между поездками на фронт, и записных книжек и блокнотов. Вот что он об этом писал: «Когда началась война, мне было двадцать пять лет. Четыре года я был корреспондентом газеты „Красная звезда“ на различных участках фронта. Насколько это позволяли обстоятельства войны, я вел дневник. Возвращаясь в редакцию, между двумя поездками на фронт, я передиктовывал краткие записи, сделанные в блокнотах, восполняя остальное по памяти. Чем дольше шла война, чем больше событий нагромождалось одно на другое, тем больше отставала расшифровка карандашных закорючек в моих блокнотах. Многие блокноты пропали, несколько сгорело в машине, один утонул, до других так и не дошли руки. И хотя эти дневники в конце концов составили почти

¹ Симонов К. Собр. соч.: В 10 т. М., 1979, т. I, с. 34.

² В одном строю: Из неопубликованной переписки К. М. Симонова с выдающимися советскими военачальниками/Подгот. Л. Лазарев. Лит. газ., 1985, 1 мая, с. 7.

³ Симонов К. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1982, т. VIII, с. 5.

две тысячи страниц, сейчас, перечитывая их подряд, я вижу, как много важного и необходимого пропущено мною» (оп. 3, ед. хр. 59, л. 1).

К теме невосполнимости утрат, мешающих отобразить историю Великой Отечественной войны во всей ее полноте, Симонов обращался и позднее. Так, в докладе для пленума Московского отделения СП СССР, который состоялся 28—29 апреля 1965 г., он писал: «Трудно переоценить потери, которые наша мемуарная литература понесла и в результате того, что во время войны в действующей армии было запрещено ведение дневников, и в результате того, что в первые годы после войны, именно тогда, когда все еще было свежо в памяти, в стране была обстановка, никак не располагавшая к писанию откровенных записок о войне, с изображением не только положительных, но и отрицательных сторон дела» (оп. 3, ед. хр. 91, л. 3).

Сейчас в ЦГАЛИ СССР хранится шесть томов машинописных записей, составляющих военный дневник писателя 1941—1945 гг. Записи за июнь 1941 г.—январь 1942 г. и 1945 г. подробнее. При изображении событий 1942—1944 гг. в тех случаях, когда военные записи не велись, Симонов широко использует свои корреспонденции и фронтовые блокноты. Этих записных книжек за период войны в архиве 43. Небольшая часть фронтовых блокнотов была передана Симоновым в Государственный литературный музей. Но в ЦГАЛИ СССР имеются их машинописные копии. В блокнотах содержатся записи бесед с офицерами и солдатами военных частей на разных фронтах, их характеристики, изложение боевых эпизодов, списки их участников, выписки из немецких писем, допросы пленных, наброски и черновики стихотворений и корреспонденций. В ряде случаев на них имеются уточняющие записи: на каких фронтах они велись, номера частей и род войск, а также пометы дальнейшей работы с ними. Например: «4-й Украинский фронт, Петров, Москаленко, март 1945». И наискось красными чернилами: «Расшифровано и передиктовано в 45 г.» (оп. 3, ед. хр. 143).

Подготавливая свои дневники к печати, Симонов постоянно возвращается и к военным блокнотам, останавливаясь на времени и обстоятельстве записи, случаях их утраты, комментируя содержание. Например, приведя короткую запись о выезде на фронт в 13-ю армию, Симонов продолжает: «Вот и вся запись об этих днях, которая осталась в дневнике... Поездки на фронт шли одна за другой. И я, очевидно, ничего не успевал передиктовывать с блокнотов. Но сами блокноты, связанные с этим последним крупным наступлением немцев на Курской дуге, когда они еще раз пытались переломить ход войны, частично сохранились» (оп. 3, ед. хр. 57, л. 58). Или: «Дневников за следующие две-три недели нет. Нет и записных книжек, за исключением маленького блокнота с несколькими отрывочными записями» (оп. 3, ед. хр. 57, л. 44).

Переписка Симонова поступила в ЦГАЛИ СССР частично. Письма к нему деятелей литературы и искусства, общественных деятелей, выдающихся полководцев так же, как и копии писем к ним, которые Симонов большей частью сохранял, остаются пока в семье писателя. Некоторое количество его писем имеется в других фондах архива. Среди них можно назвать письма периода войны, адресованные И. Н. Берсеневу, С. Г. Бирману, И. Т. Большакову, Н. М. Горчакову, В. А. Дыховичному, А. И. Недогонову, В. П. Ставскому, Ю. А. Шапорину, И. Г. Эренбургу. Зато письма читателей, зрителей, в том числе связанные с разработкой Симоновым темы Великой Отечественной войны, поступили в ЦГАЛИ СССР в огромном объеме. Представляется целесообразным их разделение по следующим группам: письма периода Великой Отечественной войны, письма участников Отечественной войны последующих лет с откликами на произведения Симонова, письма читателей, зрителей. Для нашей темы основное значение имеют две первые группы.

Среди писем к Симонову 1941—1945 гг. преобладают отклики на его произведения военных лет, особенно на стихотворения «Жди меня», «Убей его», пьесу «Русские люди», повесть «Дни и ночи» и др. Эти

письма дают возможность понять причину огромного успеха этих вещей у современников, которые ощущали то, о чем писал поэт. Широко известно, что стихотворение «Жди меня» перепечатывалось, переписывалось и посылалось с фронта. Но оно породило и ответный поток писем и стихов — «Жду тебя», которые посылались на фронт близким, а некоторые и Симонову. Так, в одном из писем говорилось: «Ваше слово пробуждает в людях самое прекрасное чувство, и одним из доказательств этого служит посылаемое мной маленькое творение 26-летней женщины, матери, жены...

Жду тебя
Жду тебя, и ты придешь
Сквозь огонь и кровь.
Жду тебя, и ты придешь
В дом родимый вновь.
Жду, едва забрезжит свет,
Жду в тиши ночей,
Жду, когда полгода нет
От тебя вестей».

Оп. 1, ед. хр. 766,
л. 2, 2 об.

Любопытно, что в отличие от критики, полемизированной с автором, поставившим ожидание любимой выше ожидания материнского, корреспондентки Симонова этого вопроса специально не затрагивали. Однако в посылаемых стихах большей частью говорится, что ждет вся семья (см., например, оп. 1, ед. хр. 766, л. 7, 10). Так жизнь корректировала стихотворение поэта.

Хочется отметить в этих стихотворных посланиях и патристическую ноту: встреча не должна состояться, пока не будет одержана победа над врагом; тема ожидания соединяется с призывом к уничтожению захватчиков (оп. 1, ед. хр. 766, л. 4, 4 об.). Чувство ожидания близкого человека не вытесняется даже ужасом жизни в немецкой оккупации, а после освобождения героиня возвращается в родной разрушенный город и, хотя писем нет, продолжает верить в возвращение любимого (Там же, л. 4, 4 об., 17, 38, 38 об.). Симонов в дневнике писал: «...через две недели... увидел, что стихотворение „Жди меня“ останется, а тогда, когда я его написал, я этого еще не понял. Первым его читателем был Кассиль, который сказал, что стихотворение в общем хорошее, хотя немного похоже на заклинание» (оп. 1, ед. хр. 486, л. 192). И пожалуй, в эти годы гибели близких, расставаний и разлук оно действительно приобрело своего рода магический, охранительный смысл. Это подтверждается и многими письмами: «Просто хочется сказать, что Вы, совсем не зная меня, помогаете мне жить. Мне было очень, очень тяжело. Долго не было (и нет) от мужа писем. Уже начала терять надежду. И тогда — вдруг „Жди меня“. Оно попало мне на глаза как раз в годовщину нашей свадьбы. Мне показалось, что это Юрка написал мне эти строчки, потому что именно так сказал бы он мне, если б мог подать о себе весть... И хоть подходит уже второй год, как нет ни слова о нем и от него, я все жду и, главное, верю, что он придет» (оп. 1, ед. хр. 765, л. 15, 15 об.).

Есть небольшое число отзывов другого характера, но и они любопытны, так как говорят об армейской жизни, душевном настрое людей, в какой-то степени о быте. Так, один из офицеров посылает Симонову случайно попавшее к нему письмо со стихотворением «Она не будет ждать». Возмущенный корреспондент обратился к Симонову: «В своей жизни я никогда не писал стихов, но тут мысли мои вдруг вылились стихами. Я потел, но писал, ибо хотел и решил ответить за Вас...

Она будет ждать!
Знаю, она будет ждать,
Жены нам верны!
Ты ж не можешь понимать
Искренность любви...
Пошлые стишки твои

Пронизала ложь,
И внимать не будет им
Наша молодежь».

Оп. 1, ед. хр. 766,
л. 31, 31 об.

Стихотворение Симонова «Убей его», кроме ответных писем, также получило немало стихотворных откликов (оп. 1, ед. хр. 769, л. 8, 8 об.). Посылая Симонову стихотворение «Убью его», краснофлотцы клянутся: «Все, написанное в ответе, мы претворим в жизнь... мы добьем немца» (оп. 1, ед. хр. 769, л. 1).

Приведенный материал позволяет предполагать, что как архив Симонова, так и архивы других известных поэтов, находящиеся в ЦГАЛИ СССР, могут также служить источником изучения фольклора периода Великой Отечественной войны, фольклора, порожденного современной ему поэзией.

Патриотическим подъемом и чувством ненависти к врагу исполнены и отклики на пьесу «Русские люди». «Ваша пьеса воодушевляет нас на подвиги. Мы будем беспощадно уничтожать немецких стервятников», — пишут Симонову из одной зенитной части. Другой корреспондент, перечисляя сделанное героями пьесы, пишет: «Вечный покой тебе, дорогая Мария Николаевна! Хорошего чайку ты заварила врагам. Ты всей душой ненавидела поработителей и погибла во славу Родины» (оп. 1, ед. хр. 768, л. 5, 13). Эти и другие письма являются непосредственным подтверждением слов А. М. Василевского в письме к Симонову от 29 ноября 1975 г.: «Наши Вооруженные Силы и я лично как солдат, испытавший на себе от первого до последнего дня всю тяжесть минувшей войны, разве можем забыть ту исключительную роль и то незаменимо высокое значение, которые имели на протяжении всей войны непрерывно выходящие из-под Вашего пера строки, всегда и немедленно зажигающие в сердцах всех воинов еще большую ненависть к врагу, вселяли в них необходимую изумительную отвагу, мужество и героизм на поле боя и укрепляли веру в победу советского народа над фашистским врагом?»⁴

Огромный фактический материал по Великой Отечественной войне содержится в письмах-откликах на роман «Товарищи по оружию», трилогию «Живые и мертвые», документальные фильмы «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары». Поражает и тот огромный размах, с которым проводилась писателем эта работа. Только в последней партии материалов, переданной в ЦГАЛИ СССР Константином Михайловичем незадолго до его смерти, содержится около 11 тыс. писем, посвященных трилогии (в том числе письма читателей — участников событий), и его ответы на них. Большое количество уточнений, сообщений о дальнейших судьбах участников событий, их характеристики мы встречаем в письмах, связанных с документальными очерками Симонова и публикациями его дневников, печатавшихся частями под названиями «Самый длинный день» и «Сто суток войны».

Среди писем, поступивших от самого писателя в ЦГАЛИ СССР, находится и его переписка с родителями. В ней выделены письма военных лет, о которых Симонов позднее писал: «С благодарностью думаю о покойной матери и о покойном отце, сохранивших у себя мои письма того времени. Порой только эти письма и помогают мне сейчас разобраться, что и когда было»⁵.

В фонде Симонова много и других документов Великой Отечественной войны, отложившихся у него в те годы или собранных им после войны, а также присланных его корреспондентами. К сожалению, большая их часть находится в необработанном поступлении и может быть охарактеризована суммарно.

Это отдельные документы тех лет: копия письма на фронт, послужившего основой для создания стихотворения «Открытое письмо», запись рассказа неизвестного лица о пребывании в Мариупольском лагере военнопленных и побеге из него, об оккупации Ростова-на-Дону и Краснодара, листовка со стихотворением Симонова «Убей его», отпечатанная в партизанской типографии в Крыму.

⁴ В одном строю..., с. 7.

⁵ Симонов К. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1983, т. IX, с. 218.

В фонде имеются рукописи воспоминаний участников войны, посвященных защите Бреста, Ленинграда, Керчи, Одессы, Сталинграда, пребыванию в плену, партизанской войне в Белоруссии. В воспоминаниях приводится много живых подробностей, ценных сведений, называются имена участников, рассказывается о их самоотверженной борьбе. Так, в письме, предпосланном воспоминаниям одного из защитников Брестской крепости, говорится: «Силы были неравные, но мы бились не щадя себя, не боясь смерти, с надеждой, что наша армия отбросит врага. И вот с такой надеждой прошли все 23 дня трагической обороны крепости» (оп. 1, ед. хр. 977, л. 4). В воспоминаниях описаны действия пограничников, принявших на себя первый удар, когда немцы «начали форсировать Буг, чтобы внезапно ворваться в крепость. Пограничники стойко выдержали этот первый натиск. По моим соображениям, дрались очень жестоко: трупы были просто навалены, шел рукопашный бой, лежали в одной куче по 4—5 и больше человек, и зубами впившиеся, и проколотые штыками... Немцы послали на крепость и авиацию, стали летать их самолеты, сбрасывать бомбы. Мы видим, что они очень низко летают, похватывали кто пулемет, кто винтовку, стали стрелять; помню, один „Юнкерс“ очень низко летел и наши подбили его» (оп. 1, ед. хр. 978, л. 7, 8).

В воспоминаниях рассказывается о подвиге полковника Матвеева, подбившего немецкий танк и загородившего тем самым вход в ворота крепости, о старшем лейтенанте Симоенко, который «был в городе на квартире, когда началась война, и не отступил, как другие, а решил пробраться в крепость и вывести солдат из крепости» (оп. 1, ед. хр. 978, л. 15), о безуспешных попытках осажденных сначала вырваться из крепости, об организации не только сопротивления, но и вылазок для уничтожения врага, о бомбежках, обстреле из огнеметов, когда люди сгорали заживо, о муках от жажды и голода, о положении женщин и детей, о последних днях крепости. «Когда они разрушили всю подковообразную крепость, оставаться там уже не было возможности. Тем наша оборона и кончилась. Человек 8—10 перешли в сторону 333-го полка, в один из казематов... Да, еще я пропустил, как мы приносили клятву. Собрались все. Писали на стенах разные слова: „Прощай, Родина!“, „Умрем, но не сдадимся“, „Из крепости живыми не уйдем“ и т. д. „Товарищи, отомстите за нас!“. Мы понимали, что погибает... Нас выволокли из дверей... В крепости еще раздавались выстрелы. Значит, кто-то из наших еще бился» (оп. 1, ед. хр. 978, л. 38—39).

Некоторые воспоминания написаны самостоятельно. Другие являются записью бесед, которые проводились Симоновым во время работы над трилогией «Живые и мертвые», в основном с участниками Сталинградской битвы Н. А. Ломакиным, К. С. Москаленко, Н. С. Никитченко и др. В них мы встречаемся с яркими боевыми эпизодами, с неожиданными деталями казалось бы известных событий: красочный рассказ разведчика-узбека, который в течение боев под Сталинградом сумел захватить и привести 23 «языка»; подробности сдачи в плен штаба Штеккера; о командире батальона Козубском, оставшемся в блиндаже на высоте, занятой немцами, и вызвавшем огонь на себя.

В некоторых случаях Симонов записывал весь боевой путь участника войны. Например, беседа с Е. Л. Минкиным, воевавшим под Сталинградом, на Яско-Кишиневском направлении, в Румынии, Австрии и Чехословакии. Интересны психологические наблюдения Минкина: «После возвращения из госпиталя на фронт кое-какие изменения были заметны... Мы наступали. А это очень важно было. И это победное настроение понемногу переросло, я бы сказал, даже в нахальство какое-то. Так, например, когда был момент и я оказался в безнадежном положении, я командовал немцам положить оружие, и они, очевидно, тоже чувствовали этот перелом и соответствующим образом принимали такие явления и подчинялись. Перелом в психике чувствовался. О себе могу сказать, что даже в период тяжелых боев в Сталинграде я не чувствовал подавленности, я не был травмирован периодом нашего отступления, так

как в Сталинград я приехал, когда уже намечался перелом в нашу пользу» (оп. 2, ед. хр. 135, л. 11—12).

Любопытен рассказ Минкина о происшествии во время доставки им пакета в соседнюю часть: «...за мной охотился самолет („Хейнкель“): он пикировал почти отвесно. Я бросил лошадь, привязал к какому-то пруту и упал ничком. Он начал меня лежачего обрабатывать: он бросал гранаты, но ни один осколок не задел [меня], он и пикировал, и из пулемета бил... А у него пулемет крупнокалиберный. В общем головы поднять я не мог. Только выйдет из пике, я подниму голову посмотреть, а он тут же опять. Так минут пятнадцать он летал надо мной. И что странно, не только меня даже не ранило, но лошадь осталась цела» (оп. 2, ед. хр. 135, л. 22). Или другой приведенный им случай: «Догнал я свою часть, и начались бои на Яско-Кишиневском направлении. Там нас без конца пытались спихнуть. Против нас там были немцы и дрались с яростью. Но мы держались. Именно тогда подняли (так в тексте.— *Н. В.*) старика Смишука за то, что он с перепугу подбил 6 танков. Он один остался в траншеях. Это был совершенно исключительный случай. Он один отбил атаку немецких танков» (оп. 2, ед. хр. 135, л. 22). В воспоминаниях много интересных фактов: о встрече с партизанами-французами и выводе их с территории Венгрии, еще занятой немцами, о «случайном», по словам рассказчика, захвате батареи шестиствольных минометов, об освобождении Вены, об окончании войны.

В фонде Симонова содержатся записи воспоминаний и бесед со многими известными военачальниками, в том числе Г. К. Жуковым, И. С. Исаковым, К. С. Москаленко, М. С. Шумиловым и др.

Есть группы документов, подобранные по отдельным темам. Так, большая подборка материалов посвящена защите Могилева. В нее вошли списки участников обороны города в июле 1941 г., как погибших, так и оставшихся в живых, их письма и материалы, ответные письма Симонова. Один из участников боев под Могилевом писал: «...рано или поздно о защитниках Могилева станет известно всем, как, например, о защитниках Брестской крепости... С 10 по 26 июля 1941 г. 172-й стрелковой дивизией был продемонстрирован беспрецедентный героизм целого соединения Красной Армии. Подобно 28 панфиловцам, 172 с[трелковая] д[ивизия], как один человек, встала стеной на Днепре. Встала раз и навсегда. Она сделала все максимально возможное, почти полностью погибла, но рубежей не оставила» (оп. 14, № 1, письмо А. Ф. Виттера).

И если сейчас защитникам Могилева воздано должное, то в этом значительная заслуга Симонова. Он писал, что только случай избавил его от участи тех, кто навсегда там остался, считал себя кровно с ними связанным и завещал развеять свой прах близ этих мест.

Огромный материал о выдающихся участниках Великой Отечественной войны был собран Симоновым для документальных фильмов «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары». Исчерпывающая характеристика этого поразительного по своему составу комплекса документов содержится в предпосланном ему письме самого писателя от 12 марта 1979 г.: «Несколько пояснительных слов к прилагаемым материалам, которые я прошу включить в мой фонд в ЦГАЛИ».

С 1973 года и по настоящее время я занимаюсь различными работами, связанными с темой рядового советского солдата на Великой Отечественной войне.

За эти годы мною с моими товарищами по работе на Центральной студии документальных фильмов и на Центральном телевидении были сделаны и выпущены на экран:

1. Полнометражный документальный фильм „Шел солдат“, продемонстрированный и в кино и на телевидении.

2. Шесть телевизионных полнометражных фильмов под общим заголовком „Солдатские мемуары“ о пехотинцах, артиллеристах, танкистах, саперах, разведчиках, связистах.

3. Две больших телевизионных передачи „Солдатские мемуары —

письма“, в которых состоялся разговор с авторами многочисленных писем, присланных мне в связи с фильмами „Шел солдат“ и „Солдатские мемуары“. В связи с работой над фильмами я имел подробные беседы, записанные на диктофон, более чем с пятьюдесятью кавалерами трех орденов Славы... Я располагаю в результате полными стенограммами более чем ста тех или других бесед, а также подлинниками и копиями присланных мне в связи с фильмами писем... Сдать этот материал я бы хотел двумя эшелонами, назовем их А и Б. Эшелон А, который я прошу принять у меня сейчас, включает в себя:

1. Справку о работе над фильмами.
2. Тексты семи фильмов.
3. Письма участников и членов семей участников войны, присланные мне после просмотра фильмов (в том числе с моими ответами и без моих ответов) — 3014 писем в 26 папках» (сд. оп. 17, № 1).

В справке, приложенной к письму, рассказывалось, как проходила работа над фильмами. Через военкоматы проводилось выявление полных кавалеров ордена Славы, они поочередно приглашались на студию в Москву. Беседы с ними записывались на магнитофон, расшифровывались, и наиболее интересные моменты отбирались для съемки. В справке имеется список кавалеров трех орденов Славы, уроженцев почти всех наших союзных республик.

Отдельные сведения и уточнения тех или иных военных событий можно почерпнуть и в материалах обсуждений произведений Симонова, в которых принимали участие и наши крупнейшие полководцы. Так, по просмотру фильма «Если дорог тебе твой дом...» (первоначально он назывался «Разгром немцев под Москвой») имеются отзыв маршала А. И. Еременко и замечания маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского (оп. 3, ед. хр. 273).

После войны, работая над художественными и документальными произведениями, Симонов выявил и перекопировал большое количество документов из военных архивов. Среди них — списки командного состава, принявшего участие в сражении под Москвой, перечни дивизий Московского ополчения, справка о боевых действиях армий западных фронтов 1941 г., доклад о боевом пути 50-й армии за период 16 VIII. 1941 — 16 VIII. 1944 гг., описание боевых действий 129-й отдельной танковой дивизии с 5 VII по 10 VII. 1943 г. и многие другие. Не менее интересовала писателя и ставшая доступной немецкая документация. В его архиве есть копии документов, входящих в планы операций «Барбаросса» и «Тайфун», списки немецкого командования, статьи из немецкой прессы.

Несомненный интерес представляют фотографии Симонова как участника Великой Отечественной войны. За эти годы их насчитывается 35 индивидуальных, а также свыше 40 в группах с генералами, офицерами, солдатами и писателями на фронтах.

Таковы основные группы документов Великой Отечественной войны в фонде К. М. Симонова.

Следует отметить и ту колоссальную работу, которая проводилась самим писателем с полученными документами. На большую часть писем посылались ответы, причем в этих случаях перепечатывались и письма корреспондентов и обязательно оставлялись копии ответов. Полученные сведения от фронтовиков или их близких проверялись и перепроверялись по данным военных архивов, после чего в той или иной форме находили отражение в его творчестве.

Наглядным примером их использования в самом различном сочетании может служить дневник писателя «Разные дни войны» в его собрании сочинений (т. VIII, IX). В предисловии к дневнику Симонов отмечал, что это «...не мемуары профессионального военного и не труд историка, а именно дневник писателя, своими глазами видевшего какую-то частичку событий Великой Отечественной войны»⁶. Далее он писал, что в этой

⁶ Там же, т. VIII, с. 5.

книге читатель встретится со страницами военных записок, со страницами, взятыми из фронтовых блокнотов, из переписки военного и послевоенного времени, а также с воспоминаниями автора и его комментарием, насыщенным сведениями из отчетов, донесений, выписок из личных дел и других архивных материалов. Иногда цитируются в нем документы, пока не поступившие на государственное хранение: например, клинический посмертный диагноз писателя Е. П. Петрова (погибшего при аварии самолета), переданный Симонову врачом санчасти штаба Южного фронта.

Строгая документальность изложения соединена в дневнике с глубоко личным отношением к происходящему. «Я и сейчас, через много лет, — пишет Симонов, — не могу перечитывать страницы керченского дневника без боли и горечи»⁷.

Соединение прошлого и настоящего, авторский комментарий, обращенный как к событиям, так и к себе самому, стремление раскрыть судьбы людей, с которыми он встречался в те дни, правдивость и сдержанный лиризм делают эту книгу совершенно неповторимой. Будучи сначала очевидцем, а затем историком войны, Симонов считал ее правдивое отображение своим долгом «военного писателя». «...сколько еще надо написать и сделать для того, чтобы это время во всем своем трагизме и величии навсегда осталось в памяти потомков»⁸, — писал он маршалу Г. К. Жукову 30 ноября 1966 г.

В год 40-летия Победы в Великой Отечественной войне мы можем сказать, что вся творческая деятельность писателя служила этой высокой цели, а материалы его архива остаются ценнейшим источником для изучения истории Великой Отечественной войны.

⁷ Там же, т. IX, с. 81.

⁸ В одном строю..., с. 7.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Состоявшиеся 30 мая 1985 г. пятнадцатые Тихомировские чтения были посвящены 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне¹.

Открывая заседание, председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* отметил, что нынешние чтения стоят в ряду научных мероприятий, которыми комиссия отмечает юбилей Великой Победы. Цель Тихомировских чтений 1985 г. — осветить актуальные вопросы, связанные с собиранием, изданием и изучением источников по истории Великой Отечественной войны.

Со вступительным словом выступил академик *А. М. Самсонов*. Он подчеркнул значение творческого наследия *М. Н. Тихомирова* для изучения документальных источников не только периода феодализма, но и новейшего времени и остановился на ряде малоизученных проблем в истории Великой Отечественной войны.

В докладе генерал-майора *В. В. Гуркина* (Историко-архивный отдел Генерального штаба Вооруженных Сил СССР) была освещена деятельность военных архивов, хранящих основную массу документальных источников по истории войны.

С докладом о публикациях документов по истории внешней политики и дипломатии СССР в период Великой Отечественной войны выступил *П. П. Севостьянов* (Историко-дипломатическое управление МИД СССР). Издаваемые МИД СССР сборники дипломатических документов, подчеркнул докладчик, расширяют источниковую базу научных исследований, имеют большое значение для разоблачения буржуазных фальсификаторов истории советской внешней политики накануне и в годы войны. В сборниках широко освещены деятельность Советского правительства по созданию системы коллективной безопасности для отпора агрессору в конце 30-х годов, отношения между членами антигитлеровской коалиции в годы войны. Подготовлены публикации документов, отражающих ход работы конференций руководителей трех союзных держав в Тегеране, Ялте, Потсдаме. Специальные сборники посвящены двусторонним отношениям СССР с Великобританией, США, Францией и другими странами в годы второй мировой войны.

Совместный доклад *Н. С. Архангородской* (Институт истории СССР АН СССР) и *А. А. Курносова* (Археографическая комиссия АН СССР) явился итогом работы по изучению «историй воинских частей», хранящихся в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР Научного архива Института истории СССР АН СССР.

Доклад *Н. В. Волковой* (ЦГАЛИ СССР) был посвящен материалам о Великой Отечественной войне в фонде *К. М. Симонова*².

*И. В. Поздеева*³ (МГУ) в своем выступлении сказала: Летописью подвига народов Советского Союза в битве с фашизмом стала книга военного времени. Печать в руках партии и государства явилась неопределимым по силе воздействия рычагом перестройки на военный лад всей жизни страны. В связи с этим была реорганизована и структура издательского дела. Кроме того, возникли новые формы печати — фронтовая, партизанская, подпольная. 40% всех изданий 1941—1945 гг. составляла военно-

¹ Информацию о заседании см.: ВИ, 1985, № 10, с. 113—114; СА, 1985, № 6, с. 66.

² Вступительное слово академика *А. М. Самсонова* и некоторые из докладов см. в наст. изд.

³ *Поздеева И., Самсонов А.* Книга грозных лет. — Коммунист, 1985, № 17, с. 122—126.

патриотическая и военно-техническая литература. Эти книги стали выходить буквально в первый месяц войны, а их тиражи постоянно увеличивались (при общем сокращении объема каждого издания, что было вызвано техническими трудностями, нехваткой бумаги и т. д.). Среди них важное место занимали книги, посвященные героическому прошлому нашего народа, его борьбе с иноземными захватчиками, выдающимся полководцам и флотоводцам. В июле — декабре 1941 г., т. е. за первые пять месяцев войны, по неполным данным, только о четырех крупнейших полководцах прошлого — Александре Невском, Дмитрии Донском, Александре Суворове и Михаиле Кутузове — в 12 городах страны 14 издательств выпустили 55 названий книг (43 — на русском языке, 12 — на языках народов СССР). В этой работе участвовало несколько десятков авторов: крупнейшие историки Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, М. Н. Тихомиров, М. В. Нечкина и др. Всего за время Великой Отечественной войны, по данным «Книжной летописи», издано 768 книг по истории.

Книга военного времени — незаменимый сегодня источник еще и потому, что она соединяет в себе судьбы страны, народа, воевавших армий и судьбу автора, издателя, печатника, читателя. Записи на книгах, сделанные в годы войны, говорят не только о читательских интересах и распространении изданий. Они способны передать массовую, всеобщую веру в нашу окончательную победу, веру, неколебимую даже в самые трудные трагические периоды войны. Когда враг рвется на Кавказ и к Волге, советский химик В. Е. Глушнеф посылает своему сыну книгу А. Т. Кононова «Рассказы о Ленине» (М., 1942). Примерно в это же время, в августе 1942 г., тринадцатилетний ленинградец В. Инчик, потерявший в блокаду отца и бабушку, сам создает книгу — копирует «Историю одной операции», антифашистские карикатуры Н. Радлова из журнала «Крокодил». Известный физиолог академик А. А. Ухтомский в блокадном Ленинграде ведет своеобразный дневник, делает записи на полях старопечатной книги Пролог. Эти книги можно было увидеть на выставке «Книга сражается», организованной к 40-летию Победы над фашизмом Обществом книголюбов (в организации выставки принял участие сотрудник Археографической комиссии А. А. Курносков). Для экспозиции, на которой было представлено 1700 книг, газет, журналов, плакатов, листовок, документов, были использованы материалы 102 личных библиотек и собраний жителей Москвы и Подмосковья, Ленинграда.

Опыт организации и работы выставки еще раз показал насущную задачу государственного централизованного хранения подобных материалов.

С. О. Шмидт в заключительном слове отметил, что история Великой Отечественной войны, точнее сказать, археографическая, архивоведческая и источниковедческая сферы изучения этой проблемы всемирно-исторического значения, занимали и занимают немалое место в деятельности Археографической комиссии и ее Отделений. Он напомнил о совместном заседании в 1975 г. Археографической комиссии и редколлегии серийного издания «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах», возглавлявшейся академиком А. М. Самсоновым, подробная информация о котором помещена в «Археографическом ежегоднике за 1975 год», о заседаниях 1984 г. — встрече сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, работой которой руководил академик И. И. Минц (выступление его и хроника заседания публикуются в «Археографическом ежегоднике за 1984 год») и пленарном заседании в декабре с докладом В. А. Куманева о записях воспоминаний военачальников и руководителей тыла военных лет, сделанных сотрудниками сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР, о недавнем заседании памяти покойного председателя Археографической комиссии члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова «В. И. Шунков на фронтах Великой Отечественной войны и военно-историческая тематика в его деятельности» (эти материалы публикуются в настоящем издании).

Вопросы собирания, учета, описания и использования документальных памятников времени войны были одной из главных тем организованной в 1983 г. совместно с ВООПИК конференции в Вологде. Там, в Северном отделении, под руководством П. А. Колесникова проводится большая и плодотворная работа по выявлению и публикации писем на фронт и с фронта (опыт этой деятельности нашел отражение в первой же подборке материалов «Память», публикуемых в журнале «Юность» с 1982 г.). Председатель комиссии выступал с докладом на заседании Межведомственного совета по работе с документами личного происхождения по теме «Актуальные вопросы собирания, обеспечения сохранности и передачи на государственное хранение документов участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла» в апреле 1985 г. Этой теме в значительной степени были посвящены выступления А. А. Курносова и других сотрудников комиссии и на заседаниях, проводившихся в дни выставки «Архивы и культура» на ВДНХ СССР в 1984 г.

На страницах «Археографического ежегодника», а также изданий, подготовленных в отделениях комиссии, опубликованы статьи и обзоры о собирании и использовании материалов о Великой Отечественной войне еще в военные годы (в ГИМ, Музее Революции СССР, учеными Урала), о деятельности архивов в годы войны (статьи А. Б. Закс, Н. С. Зелова и других), в частности архива АН СССР (работы Б. В. Левшина). А. А. Курносов, напечатавший в «Археографическом ежегоднике» статьи о мемуарной литературе о войне, в последние годы вместе с Н. С. Архангородской публикует материалы о деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны (АН СССР), фонд которой сосредоточен в основном в Научном архиве Института истории СССР. В «Археографическом ежегоднике за 1985 год» печатаются статьи К. Ф. Шацилло о подготовке книги «В годы войны»⁴, В. Ф. Козлова о подготовке известным историком П. П. Смирновым в 1942 г. сборника документов «Охрана памятников старины и искусства в СССР» (а еще ранее, в «Археографическом ежегоднике за 1980 год», им напечатан обзор записки П. П. Смирнова «Война и Историко-архивный институт в 1941 г.»), А. Д. Зайцева о фонде автора очерка «Таня» П. А. Лидова и другие материалы. В «Археографических ежегодниках», особенно в обзорах личных фондов историков, также немало сведений, относящихся к военным годам.

Вопросам хранения и изучения памятников времени Великой Отечественной войны посвящены и многие материалы сборника статей «Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Часть I. Памятники нового времени и советской эпохи», изданного Комиссией совместно с ВООПИК в 1982 г. Археографическая комиссия, как известно, оказывает научно-методическую помощь краеведческому движению, приобретшему в последние годы большой размах, движению «юных следопытов», выявляющих особенно деятельно как раз документы по истории Великой Отечественной войны. Вышло в свет уже несколько изданий соответствующих методических рекомендаций, в том числе о проведении экспедиции «Летопись Великой Отечественной» (подготовленных совместно с Минпросом СССР, Центральным архивом ВЛКСМ). Сотрудники Археографической комиссии постоянно участвуют в работе слетов активистов этого следопытского движения, в деятельности методических советов его руководителей, осуществляют методическое руководство археографическими отрядами студентов МГИАИ, выявляющими и описывающими документы Великой Отечественной войны.

Естественно, что в год празднования 40-летия Победы в Великой Отечественной войне Тихомировские чтения посвящены этому знаменательному событию Археографическая комиссия намерена и впредь уделять большое внимание вопросам охраны и использования документальных памятников времени Великой Отечественной войны, изучению ее истории.

Б. Н. Морозов

⁴ В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985.

В. И. Шунков на фронтах Великой Отечественной войны и военно-историческая тематика в его деятельности

С. О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Виктор Иванович Шунков — выдающийся исследователь и организатор науки — был председателем Археографической комиссии в 1965—1967 гг. Преемник академика М. Н. Тихомирова на этом посту, В. И. Шунков еще при жизни организатора Археографической комиссии много сделал для формирования и утверждения тех форм и направлений ее деятельности, которые мы теперь характеризуем как «тихомировские традиции».

Первое после кончины Виктора Ивановича заседание Археографической комиссии было посвящено его памяти. Это было совместное заседание с Отделением истории АН СССР (где Шунков с 1959 г. — т. е. еще до избрания его членом-корреспондентом АН СССР в 1962 г. — был заместителем академика-секретаря) и возглавлявшимися им до конца жизни Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР и Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Материалы заседания опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1967 год». Эти статьи, так же, как и статьи-некрологи в периодических и других изданиях и статьи (академика А. П. Окладникова и др.) в посвященных памяти ученого специальных изданиях, вышедших в Новосибирске, были первыми попытками историографического осмысления вклада В. И. Шункова в развитие нашей науки и культуры. Но еще до этого советские и зарубежные специалисты высоко оценили значение монографий Шункова для исследования аграрной истории периода феодализма и истории Сибири; рецензентами книг его были такие видные ученые, как Б. Б. Кафенгауз, Н. В. Устюгов, В. К. Яцунский. Литература о жизни и творчестве Шункова по 1971 г. указана в выпуске известного серийного издания «Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Виктор Иванович Шунков» (Серия истории, вып. 10, составитель Р. И. Кузьменко) и использована в моей статье, предваряющей эти библиографические данные.

В том же 1971 году в «Археографическом ежегоднике за 1970 год» был напечатан подготовленный Н. Г. Михайловой «Обзор документальных материалов фонда Шункова» (в Архиве АН СССР). Там охарактеризованы и наследие его самого, и отзывы о его трудах, письма к нему, материалы мемориального характера. В 1974 г. вышла книга трудов ученого «Вопросы аграрной истории России». В книгу включены не только ранее напечатанные труды, но и не публиковавшиеся прежде, причем более широкой тематики, чем отражено в названии книги. Издание новой книги Шункова и присуждение в 1973 г. ему (посмертно) вместе с А. П. Окладниковым Государственной премии как главным редакторам «Истории Сибири» (в пяти томах) вызвало также отклики в печати. В 1975 г. состоялось совместное заседание Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, материалы которого опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1975 год». На этом заседании в связи с докладом Е. Н. Кушевой было принято решение подготовить к печати кабальные книги конца XVI—XVII вв., используя археографиче-

ские приемы, разработанные применительно к этим памятникам Шунковым, довести до конца работу, начатую им еще до войны. В настоящее время В. М. Панейх в Ленинграде готовит такое издание. Оно должно включить все то, что было сделано Шунковым, а также результаты дальнейшего выявления и изучения кабальных книг. Об исследованиях Шункова, особенно по истории Сибири, аграрной истории, историографии написано немало, в том числе и в обобщающих трудах и учебных пособиях по истории советской исторической науки. (Об этом можно узнать из биобиблиографических материалов за 1971—1985 гг., подготовленных в ИНИОН для публикации в «Археографическом ежегоднике за 1985 год».) С годами становится все очевиднее, как велик вклад, внесенный Шунковым в развитие нашей науки, как его многосторонняя деятельность в значительной мере определила важные научные направления (и собственно научно-исследовательского и научно-информационного характера), оказавшиеся затем особенно перспективными.

Шунков был участником Великой Отечественной войны. Ученый секретарь Института истории АН СССР кандидат исторических наук Шунков ушел на фронт добровольцем-красноармейцем в трудный для судьбы Москвы день 15 октября 1941 г. Знаменательно и то, что именно на фронте ученый стал членом Коммунистической партии. Шунков писал тогда: «Историей я занимаюсь совсем в другом смысле: вместо того, чтобы писать ее, я ее делаю. Таких историков теперь у нас много». Но и в действующей армии он оставался историком и учителем-воспитателем: читал лекции, писал статьи. Об этом важнейшем этапе в биографии ученого написано уже и в опубликованном обзоре документальных материалов его фонда и особенно детально — в статье вдовы ученого Татьяны Михайловны «В. И. Шунков — участник Великой Отечественной войны» (основанной преимущественно на письмах и дневниковых записях мужа), и в ее «Воспоминаниях», т. е. на материалах семейного архива Шунковых. Тем самым уже положено начало изучению темы «В. И. Шунков и Великая Отечественная война».

19 апреля 1985 г. Шункову исполнилось бы 85 лет. В канун великого праздника 40-летия Победы, приближению которой он отдал столько сил, в Археографической комиссии решено было отметить этот юбилей, заседанием, посвященным участию Шункова в войне и роли его в изучении военной истории нашей Родины. Самый молодой из докладчиков, родившийся через 15 лет после Победы, С. В. Журавлев выявил в Центральном архиве Министерства обороны документы о деятельности Шункова в годы войны. Эта официального характера документация содержит много важных сведений для познания биографии ученого и воина. Доктор исторических наук, профессор Смоленского пединститута, заслуженный деятель науки РСФСР Д. И. Будаев молодым офицером слушал выступления Шункова во фронтовой обстановке. Участники Великой Отечественной войны доктора исторических наук Н. А. Ивницкий и Б. Г. Литвак были ближайшими сотрудниками Шункова в первый период деятельности журнала «Исторический архив». Их совместными усилиями определен характер издания, ставшего заметным явлением в развитии археографии. Шунков в военные годы участвовал в работе Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны, стоял у истоков историографии этой огромной темы. И когда ему было доверено в 1955 г. руководство научным историко-архивоведческим журналом, он оказался среди тех, кто уделял особое внимание изучению такой проблематики. По материалам, опубликованным в журнале, видно, как широко и научно перспективно мыслил В. И. Шунков, определяя возможную источниковую базу исследования истории Великой Отечественной войны.

Заслуги Виктора Ивановича Шункова — ученого и гражданина, исследователя истории нашей Родины и ее беззаветного патриота — в свете новых данных становятся еще более весомыми.

С. В. Журавлев

МАТЕРИАЛЫ ЦАМО О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ШУНКОВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Биография видного советского ученого-историка Виктора Ивановича Шункова хорошо известна специалистам. Есть работы, освещающие и военный период его деятельности. Особо следует отметить статью Т. М. Шунковой «В. И. Шунков — участник Великой Отечественной войны»¹, в основе которой письма и дневниковые записи ученого военных лет.

Хранящиеся в ЦАМО СССР материалы о деятельности В. И. Шункова в годы войны, не введенные до сих пор в научный оборот, позволяют в значительной мере дополнить факты его военной биографии.

Годы войны — прежде всего время суровых испытаний на верность Родине. Не случайно Шунков с гордостью писал в марте 1942 г.: «Историей я занимаюсь совсем в другом смысле: вместо того, чтобы ее писать, я ее делаю. Таких историков у нас теперь много»². Но военные годы стали и определенным этапом в его творческой биографии. Это было время осмысления сделанного и определения перспектив на будущее, время совершенствования лекторского мастерства и участия в разработке новой для Шункова проблематики создания истории воинских частей в ходе войны.

Военный период деятельности В. И. Шункова можно разделить на три основных этапа:

1. Октябрь 1941 г. — май 1942 г. — служба в 130-й стрелковой дивизии Калининского и Северо-Западного фронтов, с октября 1941 г. по январь 1942 г. — бойцом 151-й отдельной стрелковой моторазведывательной роты, а с января 1942 г. по май 1942 г. — начальником дивизионной библиотеки и одновременно внештатным лектором Политотдела 130-й стрелковой дивизии.

2. Май 1942 г. — ноябрь 1943 г. — служба старшим научным сотрудником отдела истории воинских частей Комиссии по истории Великой Отечественной войны в Москве.

3. Декабрь 1943 г. — июнь 1945 г. — служба в качестве лектора Политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта.

Наибольшую ценность для изучения деятельности Шункова в годы войны представляют хранящиеся в ЦАМО СССР его личные дела. В них имеются послужные списки, военные и послевоенные автобиографии Шункова, аттестации и аттестационные листы на присвоение воинских званий, наградные листы, боевые характеристики и другие документы.

Служба Шункова нашла отражение в материалах Политотделов 130-й стрелковой дивизии и 40-й армии, особенно — в планово-отчетной документации, политсводках и политдонесениях. В этих комплексах источников имеются его автографы.

Задачей данной работы является обзор материалов ЦАМО СССР, раскрывающих деятельность Шункова в период Великой Отечественной войны.

В своей послевоенной автобиографии Шунков записал: «До 1941 г. в армии не служил. Ушел добровольцем 15 октября 1941 г. Так как не имел военной подготовки, то после сформирования из рабочих батальонов

¹ Шункова Т. М. В. И. Шунков — участник Великой Отечественной войны. — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 199—203.

² Там же, с. 200.

3-й Московской дивизии (позднее — 130-й стрелковой дивизии) — был бойцом разведроты дивизии»³.

Из архивных документов известно, что 3-я Московская Коммунистическая стрелковая дивизия была создана по инициативе Московской парт-организации в труднейший период обороны столицы. В этом соединении было более 60% коммунистов и комсомольцев, стахановцев, передовой интеллигенции (ф. 1167, оп. 1, д. 105, л. 44, 136). Источники отражают тесную связь дивизии с москвичами, в том числе с творческой интеллигенцией столицы. Показательно в этом плане письмо начальника Политотдела 130-й стрелковой дивизии старшего батальонного комиссара К. Бирюкова, направленное в мае 1942 г. членам-корреспондентам АН СССР И. И. Минцу и А. М. Панкратовой с просьбой прочитать в частях дивизии ряд докладов по научным вопросам и текущей политике. «Нужда в свежем слове... огромная, — говорилось в письме. — Мы надеемся, что вы, как настоящие москвичи, кровно связанные с дивизией и со многими товарищами по прежней работе... приедете к нам» (л. 88). Отметим, что И. И. Минц в январе 1942 г. уже читал активу дивизии лекцию о международном положении (д. 83, л. 43).

Активные боевые действия дивизия начала в феврале 1942 г. Перед ней стояла задача перейти в наступление, уничтожить Ново-Русскую немецкую группировку и выйти в тыл Молвотицкой группировки противника. Дивизия успешно выполнила задачу, освободив с февраля по май 1942 г. 32 населенных пункта (д. 105, л. 44). Успехи давались ценой больших потерь. Как свидетельствуют документы, только за месяц боев с 20 февраля до 20 марта 1942 г. дивизия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 6117 человек — до трети личного состава (д. 84, л. 298).

В январе 1942 г. В. И. Шунков переводится из разведроты на должность начальника дивизионной библиотеки при клубе 130-й стрелковой дивизии и исполняет обязанности внештатного лектора, работая, как пишет он в своей автобиографии, в частях дивизии «и по направлению Политотдела в других соединениях, стоявших на обороне Москвы».

Политдонески и политдонесения Политотдела 130-й стрелковой дивизии, планы и отчеты о работе дивизионного клуба и библиотеки свидетельствуют о большой, разнообразной и плодотворной деятельности Шункова. «Во всякой своей работе т. Шунков инициативен и вкладывает во всякое порученное дело всю свою энергию», — отмечалось в характеристике, выданной ему в марте 1942 г. начальником Политотдела старшим батальонным комиссаром К. Бирюковым (ф. 45027, оп. 293151, д. 26).

Возглавляемая политруком Шунковым дивизионная библиотека систематически занималась распространением в частях дивизии и среди населения освобожденных от немецких оккупантов территорий политической, агитационной и художественной литературы, плакатов, лозунгов и боевых листов. Как свидетельствуют отчеты о работе клуба за март — май 1942 г., по инициативе Шункова в частях и подразделениях оборудовались агитземлянки и агитповозки; в мае 1942 г. он составил тематический указатель к подшивкам газет и рекомендательные списки литературы в помощь лекторам, агитаторам и пропагандистам дивизии (ф. 1167, оп. 1, д. 81, л. 52 об., 55; д. 82, л. 44).

Архивные документы показывают, что Шунков вместе с начальником дивизионного клуба младшим политруком Бычковым вели постоянную агитационно-пропагандистскую работу среди раненых красноармейцев: организовали регулярное снабжение медсанбата газетами, литературой, сводками Совинформбюро, читали лекции, беседовали, писали письма раненым. В политдонесении Политотдела дивизии от 3 марта 1942 г. отмечалась «большая и нужная работа, проводимая среди раненых ра-

³ ЦАМО СССР. Личное дело В. И. Шункова. Инв. № 0481985, л. 11. Поскольку все документы из ЦАМО СССР, то далее название архива не указывается, остальные элементы шифра документа приводятся в тексте в скобках.

ботниками дивклуба тт. Шунковым и Бычковым» (д. 84, л. 286, 348, 354—354 об.).

Являясь внештатным лектором Политотдела, Шунков прочитал много лекций в подразделениях дивизии. «Лекции тов. Шункова отличаются высоким идейно-теоретическим уровнем, аудитория всякий раз с большим интересом слушает лекции тов. Шункова по военно-историческим вопросам и текущему моменту», — написано в одной из его характеристик от 11 февраля 1942 г. (ф. 45027, оп. 293151, д. 26).

В апреле 1942 г. в частях дивизии широко отмечалось 700-летие Ледового побоища. Большую работу по пропаганде героического прошлого русского народа вела лекторская группа Политотдела. В политсводке от 5 апреля 1942 г. сообщалось: «Во втором эшелоне был организован в помещении бывшей Молвотицкой МТС вечер, посвященный этой исторической дате. С докладом о 700-летию выступил к.и.н. политрук В. И. Шунков. Вечер прошел хорошо. Лекция прослушана с большим вниманием. Такие же лекции прочитаны сегодня в 801-м отдельном мивдивизионе, 363-м артполку, отдельном саперном батальоне. Лекции читают кандидаты исторических наук Шунков и Бычков» (ф. 1167, оп. 1, д. 84, л. 281).

Как свидетельствуют документы, Шунков активно сотрудничал в дивизионной газете «Вперед, на Запад!». В феврале — апреле 1942 г. в ней публиковались его статьи «Источники силы и могущества Красной Армии», «Условия победы Красной Армии», «700-летие Ледового побоища». 5 апреля 1942 г. была помещена статья Шункова «Урок истории (1242—1942 гг.)», рассчитанная на агитаторов (л. 279, 281). В ней автор на основе анализа героического прошлого русского народа убедительно доказал его непобедимость и, как следствие, неизбежность разгрома фашизма.

Большой интерес представляет дело по приему младшего политрука Шункова в члены ВКП(б) в марте 1942 г. В деле имеются заявление Шункова, его автобиография, три рекомендации, характеристика, протоколы заседаний партбюро и партсобраний. В заявлении в парторганизацию управления дивизии 9 февраля 1942 г. он писал: «Прошу принять меня в члены ВКП(б), прошу дать возможность стать в ряды партии, ведущей борьбу с фашистскими насильниками, грабителями и убийцами за свободу нашего социалистического Отечества, за право советского народа на мирное развитие, за мир и счастье для всего человечества. Обещаю отдать партии все свои знания, умение и силы, обещаю с честью носить высокое звание коммуниста» (ф. 45027, оп. 293151, д. 26). Рекомендации ему дали А. Л. Сидоров⁴, Г. Войтинский (до войны доктор экономических наук, работал в Институте истории АН СССР), П. Е. Осипова⁵, знавшие Шункова еще по Институту истории и вместе с ним добровольно ушедшие в ополчение.

Наряду с исполнением обязанностей начальника дивизионной библиотеки и лекторской деятельностью Шунков активно участвовал в работе Комиссии по истории 130-й стрелковой дивизии, созданной в январе 1942 г. Среди материалов Политотдела дивизии имеется ряд документов, освещающих эту сторону деятельности Шункова. На начальном этапе работы комиссии (январь — май 1942 г.) ее основная задача — создание документальной базы для написания истории соединения. Шунков, как показывают источники, занимался главным образом организационной и методической сторонами вопроса. При его непосредственном участии в подразделениях были назначены историографы («хроникеры»), развернулась работа по составлению воспоминаний, ведению дневников, сбору

⁴ В справке о военнослужащих 130-й стрелковой дивизии, имеющих ученые степени, от мая 1942 г. значится: «Сидоров Аркадий Лаврович, батальонный комиссар, к.и.н. До армии имел опыт руководящей агитационно-пропагандистской работы. В последние годы занимался военно-историческими вопросами. Научную работу вел в ИИ АН СССР, преподавательскую — на истфаке МГУ. Работает зам. начальника Политотдела 130 с.д.» (ф. 1167, оп. 2, д. 54, л. 2. См. также: Личное дело А. Л. Сидорова. Инв. № 0499181).

⁵ Данных о Полине Ефимовне Осиповой в ЦАМО СССР обнаружить не удалось.

боевых листов, фотографий и т. д. В инструкции по составлению хроники части подчеркивалось, что «хроника должна строиться на документальном материале. Каждый факт должен аргументироваться. После изложения факта необходимо указать источник» (ф. 1167, оп. 1, д. 79, л. 1, 47, 126, 128; оп. 2, д. 57, л. 81). Как свидетельствуют отчеты и политдонесения Политотдела дивизии, с марта 1942 г. развернулась работа по сбору трофейных документов, фиксированию фактов зверств фашистов по отношению к пленным, мирному населению. Для этой цели приказом по Политотделу от 25 марта 1942 г. выделялась группа красноармейцев во главе с политработником (оп. 1, д. 80, л. 40).

Главный итог деятельности Комиссии с января по май 1942 г. — много ценных документов о начальном этапе боевого пути дивизии. В архиве сохранилась опись дел, сданных от дивизии в Комиссию по истории обороны Москвы. Среди них — 38 воспоминаний, боевые листки и стенгазеты, рапорты и докладные записки, переписка, планово-отчетная документация и т. д. Всего 12 дел, принятых представителем комиссии младшим политруком Л. М. Зак (л. 87).

Активная работа Шункова по организации сбора материала и написания истории 130-й стрелковой дивизии не прошла без внимания. В середине мая 1942 г. распоряжением Главного политического управления РККА он был отозван в Москву и прикомандирован к Комиссии по истории Великой Отечественной войны, где работал до ноября 1943 г. старшим научным сотрудником отдела истории воинских частей (л. 5 об., 12).

Об этом периоде жизни Шункова свидетельствует ряд документов. В его личном деле имеется аттестационный лист на присвоение воинского звания капитана (январь 1943 г.). В листе дается высокая оценка службы Шункова в комиссии, подчеркивается разноплановость его деятельности. В частности, отмечается, что он «к 1 февраля 1943 г. заканчивает написание истории 130-й стрелковой дивизии. Кроме того, написал статью по истории русского военного искусства и о партизанском движении». (Личное дело В. И. Шункова, инв. № 1634413, л. 13). В автобиографии в ноябре 1943 г. Шунков написал, что, кроме истории обороны Москвы и истории отдельных соединений, он собирал материал о Героях Советского Союза (л. 18). И все-таки, как показывают источники, Шунков наиболее активно занимался историей 130-й стрелковой дивизии, в которой начинал свой боевой путь. Как свидетельствует хранящееся в его личном деле письмо заместителя председателя Комиссии по истории Великой Отечественной войны И. И. Минца от 16 июля 1942 г., Шунков в июле — августе 1942 г. выезжал в 130-ю стрелковую дивизию для сбора материала по ее истории (л. 14).

Шункову не удалось завершить работу по созданию истории 130-й стрелковой дивизии, ставшей впоследствии 53-й Гвардейской. Во многом это объясняется тем, что, как пишет его жена, «в начале 1943 г. он тяжело и долго болел»⁶.

В конце ноября 1943 г. капитан Шунков был направлен в распоряжение 1-го Украинского, а затем — 2-го Украинского фронта. В препроводительном письме на имя начальника Политуправления 1-го Украинского фронта И. И. Минц писал: «Тов. Шунков вел научную работу по сбору материалов о дивизиях Московского народного ополчения, об обороне Москвы, об оккупационном режиме немцев и как ученый-историк собрал материал исключительной ценности» (Личное дело В. И. Шункова, инв. № 0481985, л. 29).

Следует подчеркнуть, что в настоящее время основу материалов фонда 130-й стрелковой дивизии ЦАМО СССР за 1941—1942 гг. составляют документы, собранные Шунковым. Как свидетельствует дело фонда, эти материалы в августе 1953 г. были переданы в ЦАМО СССР из отдела рукописных фондов Института истории АН СССР.

С декабря 1943 г. по конец войны Шунков находился в 40-й армии

⁶ Шункова Т. М. Указ. соч., с. 202.

2-го Украинского фронта, работая вначале в Комиссии по истории 40-й армии, а с 1944 г. — лектором Политотдела армии (л. 4 об., 5 об.). В послевоенной автобиографии Шунков писал: «В составе 2-го Украинского фронта проделал путь от Киева через Правобережную Украину, Румынию, Венгрию и Чехословакию. За это время приобрел опыт лекторской работы в военных частях. Читал лекции по вопросам воинского воспитания, истории войн и военного искусства, страноведения и международного положения. Проводил работу на сборах политсостава и на курсах, организованных Политотделом армии» (л. 12—13). По свидетельству архивных документов, 1944—1945 гг. 40-я армия провела в ожесточенных боях. В начале 1944 г. она участвовала в ликвидации Корсунь-Шевченковской немецкой группировки. В период весенней распутицы с 5 марта по 15 апреля 1944 г. части армии продвинулись вперед на 500 км фронтом 50—100 км, освободив до 1 тыс. населенных пунктов и форсировав такие водные преграды, как Днестр, Прут, Южный Буг. Части 40-й армии первыми достигли государственной границы СССР с Румынией. В августе 1944 г. армия прорвала мощные укрепленные районы противника в предгорьях Карпат, после ожесточенных боев в труднейших условиях горно-лесистой местности Карпатских гор форсировала Тиссу, продвинулась в глубь Венгрии и вышла на территорию Чехословакии (ф. 395, оп. 9153, д. 29 л. 39; д. 16, л. 148—149).

Третий этап военной биографии Шункова достаточно хорошо отражен в его личных делах и материалах Политотдела 40-й армии.

Планово-отчетная документация Политотдела позволяет судить о тематике и количестве прочитанных им лекций, составе слушателей. Тематика лекций Шункова отличалась большим разнообразием. В них затрагивались военно-исторические проблемы («Полководческое искусство Суворова», «Полководец Кутузов», «Богдан Хмельницкий»), историко-партийные («Партия большевиков в борьбе за социалистическую индустриализацию страны», «Стратегия и тактика партии большевиков», «Партия большевиков в период иностранной военной интервенции и гражданской войны»), вопросы международного положения («Военно-политическое и международное положение СССР», «Международное положение», «Военно-исторический обзор Чехословакии», «Экономическое и политическое положение Чехословакии») (д. 34, л. 10, 142; д. 33, л. 201; д. 30, л. 174; д. 29, л. 80, 90; д. 46, л. 341, 362; д. 94, л. 10, 27, 36, 49, 53, 65). Большой популярностью пользовались лекции Шункова по вопросам воинского воспитания и преданности Родине («О советском воинском воспитании» «О чести и достоинстве советского офицера», «Советский патриотизм»). Много выступал он с лекциями, подготовленными к юбилейным датам, — «27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», «27-я годовщина Красной Армии» (д. 29, л. 76, 80; д. 33, л. 197, 201; д. 34, л. 77, 141, 142, 153, 154; д. 94, л. 19).

Всего в документах зафиксировано более 30 выступлений Шункова с января 1944 г. по май 1945 г.

Его лекции слушала самая разнообразная аудитория — солдаты и работники Политотдела армии, комсорги полков и офицеры Румынской армии, вступившей в войну с гитлеровской Германией. 22 февраля 1945 г. он выступал на слете награжденных орденами Славы II и III степени, а 8 марта 1945 г. — перед участниками армейского слета женщин (д. 69, л. 110, 132, 269, 295).

Многочисленные архивные документы отмечают высокий профессионализм Шункова, его блестящее методическое мастерство лектора. В мае 1944 г. майор Шунков был награжден орденом Отечественной войны I степени. В наградном листе указывалось: «Тов. Шунков... проявил себя способным и всесторонне развитым политработником. Умеет простым, доходчивым языком правильно нацелить личный состав на выполнение предстоящих задач. Лекции и беседы тов. Шункова хорошо воспринимаются, пользуются большим успехом и зажигают сердца слу-

шателей ненавистью к врагу и жаждой мести» (Личное дело В. И. Шункова, инв. № 0481985, л. 18).

Шунков необычайно серьезно и ответственно подходил к своей лекторской деятельности. В аттестационном листе на присвоение ему звания «майор» (май 1944 г.) сказано, что «к лекциям тов. Шунков внимательно готовится»; в боевой характеристике (июль 1944 г.) отмечалось, что он «относится к лекциям вдумчиво и глубоко», «систематически работает над повышением своих военных и политических знаний» (л. 19, 22, 24).

Документы Политотдела 40-й армии показывают, что наряду с лекциями Шунков часто проводил семинарские занятия, в том числе с парторганами и комсоргами полков, агитаторами, пропагандистами, информаторами, обучая их ведению агитационно-пропагандистской работы в подразделениях. Шункову поручались такие важные вопросы, как обобщение опыта проведения вечеров, посвященных Суворову, Кутузову, Хмельницкому, обобщение опыта агитационно-пропагандистской работы Политотдела в периоды наступательных боев и обороны (ф. 395, оп. 9153, д. 33, л. 201; д. 34 л. 63, 65, 83, 98, 124, 148; д. 46, л. 223; д. 94, л. 19, 49, 66).

Источники свидетельствуют о том, что Шунков много бывал непосредственно в войсках, на передовой. Планово-отчетная документация Политотдела 40-й армии позволяет установить, что с января 1944 г. по май 1945 г. он выезжал в части 14 раз, проведя в траншеях в общей сложности более 100 дней. В январе 1945 г. майор Шунков был награжден вторым орденом — Отечественной войны II степени. В наградном листе говорилось: «В период подготовки к наступлению он находился в 232-й стрелковой Сумско-Киевской дивизии, непосредственно в батальонах разъяснял бойцам и офицерам стоящие перед ними задачи. Личный состав дивизии, воодушевленный пламенным большевистским словом т. Шункова, успешно прорвал линию немецкой обороны и стремительно продолжает развивать наступление... Тов. Шунков пешком следовал за наступающими частями 232-й стрелковой дивизии» (Личное дело В. И. Шункова, инв. № 0481985, л. 18; см. также л. 19, 23).

Особенно часто, как следует из документов личного дела № 0481985, Шунков бывал в 169-м армейском запасном стрелковом полку, в котором проходило обучение новое пополнение 40-й армии. Важность работы с пополнением объяснялась тем, что к концу 1944 г. большинство армии составляли новобранцы, мобилизованные в начале 1944 г. на освобожденной от фашистов советской земле. Эти люди долгое время подвергались влиянию буржуазной и националистической пропаганды. Перед политработниками встала задача — в минимально короткий срок закалить новобранцев, подготовить их в боевом и политическом отношении, передать опыт ветеранов. На эту ответственную работу направлялись лучшие лекторы, пропагандисты и агитаторы. В их числе был и майор Шунков.

Рассмотренные материалы ЦАМО СССР позволяют раскрыть агитационно-пропагандистскую и научную деятельность Шункова в годы Великой Отечественной войны, а на его примере показать героизм советской интеллигенции, вставшей в суровые годы испытаний вместе со всем народом на защиту социалистического Отечества.

Д. И. Будаев

В. И. ШУНКОВ — ЛЕКТОР НА ФРОНТЕ
(впечатления слушателя)

В период Великой Отечественной войны мне приходилось слушать много лекций. Прежде всего в военно-политических училищах. На фронт я вернулся комсоргом 794-го стрелкового полка 232-й стрелковой дивизии, удостоенной наименования Сумско-Киевской и орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого. Несколько раз участвовал в работе семинаров и совещаний комсомольских работников, в программу которых постоянно входили наряду со специальными докладами и обменом опытом лекции о международном положении Советского Союза, о важнейших событиях внутри страны и т. д.

Но две лекции В. И. Шункова врезались в память на всю жизнь. Это было весной 1944 г. на 2-м Украинском фронте, вероятно в апреле и мае, когда 40-я армия, в состав которой входила наша дивизия, воевала на территории Румынии. Нас пригласили на лекцию для офицерского состава, которую должен был читать лектор Политотдела армии Шунков. Кто-то из моих товарищей, вероятно, слышавших его ранее, сказал, что лектор до войны был сотрудником Института истории АН СССР, а когда войска подходили к столице, пошел в ополчение (много позже я узнал, что Виктор Иванович добровольцем ушел в 3-ю Московскую Коммунистическую стрелковую дивизию, вскоре преобразованную в 130-ю стрелковую дивизию¹).

Научные работники, писатели, журналисты центральных газет представлялись нам людьми крупного, необыкновенного таланта, выдающихся личных качеств, особо ценными для страны; каждая минута их жизни — на вес золота. Во время войны мне приходилось встречаться с поэтами Константином Симоновым, Яковом Шведовым, Николаем Рыленковым. Почему они на фронте, было понятно: дело художника — создать полноценный образ современника, он не сможет этого сделать, если не будет находиться там, где решается судьба Родины. Но стоит ли посылать на войну ученого, долг которого — исследовать, делать научные открытия? Но то, что ученый пошел воевать, как-то особенно рельефно подчеркивало справедливый и всенародный характер Великой Отечественной войны. Все, даже ученые, взяли в руки оружие, отложив в сторону свои в высшей степени полезные занятия.

Первый раз Шунков приехал к нам в солдатском хлопчатобумажном обмундировании, с погонами капитана. Увидев офицерские погоны на плечах лектора, я немного успокоился: значит, заметили ополченца-профессора дали работу для него более подходящую. А вот солдатская форма немного смутила. Сам я тоже носил такую; но одно дело — молодецкий лейтенант (мне тогда шел 21-й год), которому в солдатских брюках и гимнастерке удобнее лежать в окопчике, падать под обстрелом на землю, другое дело — лектор из Политотдела армии, к тому же ученый. Почему-то не подумалось, что лектор мог надеть солдатскую форму по той же причине, поскольку он прибыл выступать перед солдатами прямо на передовой.

Когда Шунков приехал к нам во второй раз, он имел чин майора. На нем было ладно сшитое, хорошо отутюженное шерстяное офицерское обмундирование.

Одна лекция была о Суворове. Тему другой лекции я не помню

¹ Шункова Т. М. Указ. соч., с. 199.

точно, ее можно охарактеризовать как «Героическое прошлое нашей Родины», но основное содержание составлял материал о национально-освободительной борьбе украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого. Возможно, лекция целиком была посвящена Богдану Хмельницкому², но лектор поставил его в ряд других полководцев прошлого, начиная с Александра Невского, давал им характеристику.

Вероятно тематика лекций Шункова определялась не только его профессией. Героические традиции Родины широко использовались в партийно-политической работе на фронте. О великих предках говорили не только политработники, но и строевые командиры. Помню, примерно в то время, когда к нам приезжал Шунков, командир дивизии генерал-майор М. Е. Козырь, собрав офицеров для разбора итогов последних боев, закончил призывом воевать по-суворовски, не числом, а умением, беречь солдат, настойчиво овладевать суворовской наукой побеждать. Что касается Богдана Хмельницкого, то лекция о нем была тем более уместна, что на знамени нашей дивизии рядом с орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова был и орден Богдана Хмельницкого; этим орденом были отмечены боевые заслуги и других соединений 40-й армии, активно участвовавших в освобождении Украины. Кстати, листая недавно подшивку газеты «За победу», я обнаружил в ней статью «Богдан Хмельницкий» за подписью майора В. Шункова³.

Разумеется, я не помню подробно содержания лекций Шункова и могу говорить лишь о впечатлении, которое они произвели. Лектор не пользовался записями; впрочем, этим на фронте никого нельзя было удивить (фронтовой политработник, выступающий по бумажке, — явление просто невозможное). Речь лектора была лишена, как мне казалось, неизбежных в устном изложении повторений отдельных мыслей, фраз и тем более слов, «буксовки» в отдельных местах, отхода в сторону, чрезмерной детализации при изложении одних вопросов в ущерб другим и т. д. Возможно, какие-то «неправильности» в лекции и были, но мы их не заметили.

Лекции отличались четкой структурой и такой соразмерностью частей, что казалось, будто по-другому их построить вообще нельзя. Лектор говорил просто и понятно, не злоупотреблял цитатами. За его изложением чувствовались энциклопедические знания. Казалось, он сам жил в эпоху Хмельницкого и Суворова, знал самих полководцев.

Виктор Иванович покорила слушателей не только глубиной содержания, но и формой изложения. Его лекция воспринималась, как произведение искусства. Это был не заученный артистом монолог. Это была задуманная беседа со слушателями, когда слова рождаются как бы здесь, в аудитории. Между лектором и слушателями устанавливались доверительные отношения. На внешний эффект он не рассчитывал, не говорил с подчеркнутым подъемом, чересчур эмоционально. Но слушатели угадывали в этом человеке огромную внутреннюю силу. Он увлекал их — они не замечали времени.

Лекции Виктора Ивановича были о прошлом. И он, казалось, даже и не пытался осовременить их содержание. Но материал был подобран и изложен так, что сразу возникала связь с текущими событиями — борьбой против фашистской Германии.

Мне, как комсorghу полка, приходилось и самому выступать с лекциями. Но мои познания в области методики чтения лекций были весьма скромными; на семинарах по методике лекционной пропаганды ни разу не был (по-моему, они и проводились-то редко), специальных пособий по этому вопросу тоже, кажется, не читал. По молодости я полагал, что главное — знать материал, а о том, как изложить его слушателям, не очень заботился. Лекции Шункова заставили задуматься, укрепили в понимании того, что лектору надо не только глубоко осваивать свой предмет, но и овладевать лекторским мастерством.

² В письмах Шункова с фронта, цитированных в упомянутой статье Т. М. Шунковой, называются подобные темы.

³ За победу, 1944, 7 июня, № 131.

В. И. ШУНКОВ И ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

I

В середине 1954 г. приняли решение о создании журнала «Исторический архив». Главным редактором был утвержден В. И. Шунков. Мне посчастливилось в течение шести лет работать с ним и под его руководством в качестве заместителя главного редактора.

Первый разговор с Виктором Ивановичем о журнале произошел у меня в июне 1954 г. Он мне сказал, что создается журнал, который должен был возродить лучшие традиции журналов «Красный архив» и «Архивное дело», издававшихся до Великой Отечественной войны архивным ведомством. Я было попытался отказаться от назначения заместителем главного редактора, ссылаясь на свою неопытность и молодость, на что Шунков заметил, что он, хотя и старше меня, тоже никогда не был редактором архивоведческого или археографического журнала; но раз это нужно, в чем он твердо убежден, то он согласился, и добавил: «А впрочем, вопрос и о вас решен». Я согласился.

Работа началась с комплектования аппарата редакции журнала. Следует при этом отметить, что Виктор Иванович вместе с Аркадием Лавровичем Сидоровым — директором Института истории АН СССР, органом которого являлся журнал, очень внимательно отнеслись к этому делу. Были привлечены в качестве редакторов отделов А. М. Володарская, работавшая ранее в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, С. М. Кляцкин, специалист по истории гражданской войны, Б. Г. Литвак, источниковед, историк-архивист, окончивший в 1951 г. МГИАИ, выпускница того же института Л. Н. Лисицына. Несколько позднее в редакции журнала работали историки-архивисты В. Н. Автократов, В. Ф. Кутьев, В. Д. Есаков, М. К. Макаров, А. С. Покровский и др. Коллектив создавался дружный, творческий, инициативный. Большая заслуга в этом Шункова. Он не терпел мелочной опеки, доверял людям и помогал им стать опытными, высококвалифицированными сотрудниками редакции.

Несмотря на большую занятость по основной работе (Шунков был директором Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР), он много внимания уделял журналу. Каждый вторник в 11 час. появлялся в редакции, помещавшейся в одной комнате на 3-м этаже на Волхонке, и здесь разрешались все вопросы работы редакции. Это были обязательные «приемные дни». Но фактически за решением тех или иных вопросов к нему можно было обращаться и в любой другой день, когда он находился в Фундаментальной библиотеке, и я не помню такого случая, чтобы он, назначив время, опоздал или не принял. Рабочий день его был расписан по часам и минутам. Он был обязательным человеком и требовал этого от других.

Шунков был интеллигентным человеком высокой культуры, очень доброжелательным. Не боялся ответственности, был смелым ученым. Будучи специалистом по истории досоветского периода, он в своих работах касался и острых вопросов истории советского общества. Об этом свидетельствуют публикации документов уже в первый год издания журнала о колхозном строительстве в 1930 г., о подпольной работе в тылу врага в 1941—1944 гг., о социалистическом соревновании и хозрасчетных бригадах в промышленности в 1930—1932 гг. и т. д. В дальнейшем публикация материалов по истории социалистического строительства.

Великой Отечественной войны (в том числе партизанского движения, движения Сопротивления в фашистских концлагерях), внешней политике Советского государства в предвоенные годы и т. п. приняла широкие масштабы.

Были у редакции ошибки и неудачи, но Виктор Иванович никогда не перекладывал вину на других, а умел взять все на себя. Если ему приходилось «выговаривать» провинившемуся, то делалось это в такой форме (Виктор Иванович был чрезвычайно вежливым человеком), что не унижало человеческого достоинства и проникало до глубины души.

В журнале впервые публиковались многие документы Маркса, Энгельса, Ленина. Они были украшением журнала. Но публикация их требовала большого труда, усилий и энергии. Виктор Иванович не жалел для этого сил и для решения вопросов публикации доходил до самых высоких инстанций. Шунков был против дешевых сенсаций, но требовал от нас, чтобы в каждом номере была «изюминка».

Мне приходилось бывать с Шунковым у президента Академии наук СССР, управляющего делами АН СССР, директора издательства АН СССР, и я видел, как Виктор Иванович отстаивает интересы журнала. Многого ему удалось добиться. Журнал получил широкую известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Шунков принимал участие во многих международных конференциях, симпозиумах и т. п. В 1956 г. был членом советской делегации на III Международном конгрессе архивистов во Флоренции.

Журнал прочно завоевал авторитет как у исследователей, так и у широкого круга читателей, и в этом несомненная заслуга В. И. Шункова — его первого редактора.

Н. А. Ивницкий

II

Всего за 1955—1960 гг. в «Историческом архиве» было опубликовано 14 подборок документов, 9 обзоров и откликов на материалы, посвященные героическим делам советских людей на фронте и в тылу в 1941—1945 гг. Почти все публикации так или иначе первыми прокладывали пути археографического освоения еще не введенного в научный оборот документального богатства. В этой работе требовалась не только настойчивость, но и определенная смелость, так как многим архивистам и руководителям архивных учреждений, в которых концентрировались эти материалы, казалось, что их единственной задачей в конце 50-х годов должны оставаться упорядочение и научное описание материалов, а публикация их отодвигалась на последний план. В. И. Шунков, хотя и был специалистом по феодальному периоду истории нашей страны, как бывший фронтовик-политработник ориентировал сотрудников редакции на то, что необходимо уже с первых номеров нового журнала начать публикацию документов по Великой Отечественной войне. И эту задачу удалось осуществить.

Уже в 1955 г. было опубликовано 37 документов, раскрывших историю Всесоюзного социалистического соревнования в годы войны¹. Документы извлек и подготовил к печати директор Центрального архива ВЦСПС И. И. Белоносов. Это была, по сути дела, первая научная публикация, начавшая разработку истории тыла в годы войны. В документах получили обобщенное отражение факты самоотверженного труда металлургов, железнодорожников и автомобилистов — работников отраслей, непосредственно связанных со снабжением фронта всем необходимым для победы. Если к этому добавить, что документы охватывают период с 1 октября 1941 г. по 5 апреля 1945 г., станет ясным стремление публикаторов к возможной полноте и цельности этой документальной подборки. Кроме того, журнал поместил и обзор документальных материалов Центрального архива МПС СССР о деятельности железнодо-

¹ Из истории Всесоюзного социалистического соревнования в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). — ИА, 1955, № 3, с. 63—103.

рожников в годы войны, выполненный Г. А. Куманевым, начинавшим тогда разработку этой темы². Как свидетельствует современная историография вопроса, публикация прочно вошла в ее источниковедческую базу.

Патриотическим делам колхозников и ученых в тылу был также посвящен ряд публикаций. Отметим, что такой важный обобщающий документ, как свод отчетов колхозов страны за 1940—1944 гг. опубликованный уже после ухода Шункова из журнала, начал готовиться к печати с его одобрения и рекомендации привлечь к написанию вводной статьи тогда уже видных специалистов по истории колхозного крестьянства и сельского хозяйства Ю. В. Арутюняна и В. П. Данилова³.

Таким образом, «Исторический архив» начал публикацию материалов об Отечественной войне с истории героических усилий тыла — темы, которую в тех условиях могли осветить своими материалами уже давно организованные и в целом упорядоченные архивы.

Сложнее обстояло дело с освещением тематики боевых действий наших Вооруженных Сил. Однако и в этом вопросе удалось добиться определенного перелома. Правда, и в данном случае приходилось вначале использовать возможности давно сложившихся архивов как системы ГАУ СССР, так и партийных. Естественно, что эти архивы хранили материалы, косвенно огражавшие историю боевых действий советских войск, партизанскую деятельность, раскрывали страницы биографии героев войны, показывая истоки мужества этих людей. Так, уже в 1957 г. были опубликованы документы о Герое Советского Союза Д. М. Карбышеве, извлеченные из ЦГАСА А. П. Кладтом, и 35 документов за период с 4 августа 1942 г. по 16 августа 1944 г., отражающие партизанское движение на оккупированной Кубани (1942—1943 гг.). Они были подготовлены к печати работниками партархива Краснодарского крайкома КПСС Я. И. Куценко и В. Ф. Латкиным⁴. И хотя публикация материалов о партизанском движении не обошлась без ошибок, вызванных небрежностью в подготовке текстов и слабостью источниковедческого анализа при отборе документов, эти материалы также стоят у истоков научной разработки темы.

Особый интерес проявлял Шунков к подготовке подборки «Бухенвальдское сопротивление», опубликованной в том же 1957 году⁵. Поскольку я был соавтором этой публикации по прямому поручению Шункова, могу засвидетельствовать, что Виктор Иванович не упускал из виду все стадии подготовки и опубликования этой, очевидно первой в мире, а в нашей стране, безусловно, первой научной публикации по одной из ярких страниц международной солидарности узников фашизма в борьбе с оккупантами. Тогдашняя сотрудница ЦГАОР СССР Т. А. Иллерицкая предложила редакции ознакомиться с некоторыми материалами Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских войск для возможной публикации. Меня Шунков послал в архив. В результате предварительного ознакомления с материалами было решено готовить документы о борьбе узников Бухенвальда и восстании 11 апреля 1945 г. Одновременно стало известно, что один из руководителей русской секции подпольного центра Сопротивления, Н. Ф. Кюнг, живет в подмосковном городке Щербинка и заведует там учебной частью местной восьмилетней школы. Я поехал в Щербинку. Выяснилось, что Кюнг совмещает работу с учебой на историческом факультете МГУ и

² Куманев Г. А. Документальные материалы о трудовой деятельности советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны.— ИА, 1959, № 6, с. 192—194.

³ См.: Патриотический почин тамбовских колхозников в годы Великой Отечественной войны (1942—1943 гг.).— ИА, 1956, № 3, с. 3—17; Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны.— ИА, 1959, № 4, с. 57—79; Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны.— ИА, 1962, № 6, с. 19—68.

⁴ Документы о Герое Советского Союза Д. М. Карбышеве.— ИА, 1957, № 3, с. 48—79; Партизанское движение на Кубани (1942—1943 гг.).— ИА, 1957, № 2, с. 3—47.

⁵ Бухенвальдское сопротивление.— ИА, 1957, № 4, с. 82—100; № 6, с. 82—110.

согласен участвовать в подготовке публикации. Это обстоятельство позволило изменить первоначальные рамки документальной подборки. Шунков предложил «попробовать» сочетать архивные документы с воспоминаниями-письмами в редакцию оставшихся в живых участников Сопротивления. Так родилось видовое разнообразие источников, опубликованных в подборке. Отметим, что в дальнейшей публикаторской практике как самого журнала, так и подготовителей специальных сборников сочетание архивных документов с воспоминаниями широко практиковалось. Так Шунков способствовал обогащению палитры документальных публикаций вообще, по войне в частности.

Между тем желание Шункова опубликовать материалы, непосредственно отражающие боевые действия и историю воинских формирований наконец в 1958 г. начало осуществляться. Причем в этом же году удалось не только опубликовать документы по истории формирования сибирских воинских частей (например, 22-й Гвардейской стрелковой дивизии)⁶, что представляло интерес, учитывая особо выдающуюся роль этих формирований в оборонительных сражениях первого периода войны, но и поместить «Краткий очерк боевого пути 62-й армии» (3 ноября 1942 г.) и «Краткое описание боевых действий 64-й армии» (3 ноября 1942 г.), извлеченные из ЦАМО Г. П. Тихоновым, С. А. Овсянниковым и А. М. Шамраевым⁷. Эти очерки отражали оборонительные бои, которые велись двумя прославленными в Сталинградской эпопее армиями. Таким образом, журнал начал археографическое освоение документальной базы по истории битвы на Волге. В дальнейшем были опубликованы впервые постановления Городского комитета обороны Сталинграда за период с октября 1941 по апрель 1945 г. Этот материал, помещенный в трех номерах журнала, подготовлен при участии А. С. Чуянова, бывшего председателя комитета обороны, первого секретаря горкома ВКП(б), и А. М. Самсонова, ныне акедемика, известного исследователя истории Великой Отечественной войны⁸. В дальнейшем были опубликованы записки А. С. Чуянова.

История городских комитетов обороны городов Подмосковья еще раньше была отражена в документальной публикации, посвященной 20-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой⁹. Началась в журнале и публикация документов, посвященных обороне Ленинграда и прорыву блокады вокруг него. Были опубликованы отчет о работе на ледовой трассе Ладожского озера в 1941—1942 гг. и итоговые политдонесения о работе частей 17-й отдельной автотранспортной бригады в 1942—1943 гг.¹⁰ Очерк истории боевых действий 42-й армии (1941—1945), который был написан в июле 1945 г., содержал богатый материал об оборонительных и наступательных боях в районе Ленинграда. Его также обнаружил в ЦАМО тогдашний сотрудник этого архива В. А. Пережогин¹¹.

Шунков, уделявший пристальное внимание документации, отражающей международную солидарность в борьбе с фашизмом, направлял наши усилия на поиск материалов о боевом сотрудничестве. Так появилась небольшая, но уникальная по документам публикация «Эпизоды боевой деятельности полка „Нормандия — Неман“»¹². Редакция стремилась также публиковать документы прославившихся героев борьбы против фашизма, будь это предсмертные письма Иманта Судмалиса, документы

⁶ К истории сибирских воинских формирований в годы Великой Отечественной войны: (22-я Гвардейская стрелковая дивизия). — ИА, 1958, № 1, с. 89—118.

⁷ К истории Сталинградской битвы. — ИА, 1958, № 3, с. 75—96.

⁸ К 20-летию битвы на Волге: (Постановления Городского комитета обороны. Октябрь 1941 — апрель 1945 г.). — ИА, 1962, № 3, с. 3—56; № 4, с. 3—37; № 5, с. 3—35

⁹ Городские комитеты обороны Подмосковья в 1941 г.: (К 20-летию разгрома фашистских войск под Москвой). — ИА, 1961, № 6, с. 3—21.

¹⁰ Ладожская ледовая дорога (1941—1943 гг.). — ИА, 1959, № 3, с. 3—30.

¹¹ 42-я армия в боях за Ленинград. — ИА, 1959, № 2, с. 68—90.

¹² ИА, 1960, № 2, с. 97—100.

Мусы Джалиля или безвестного партизана¹³. Такая традиция продолжалась и после ухода Шункова из редакции журнала. Об этом свидетельствует публикация писем расстрелянных гитлеровцами французских коммунистов (вводная статья И. Г. Эренбурга)¹⁴.

Как видим, по тематике, разновидностям документов приемам передачи и комментирования текста закладывались традиции, которые к настоящему времени позволили создать добротную источниковую базу для изучения истории Великой Отечественной войны. Скажем больше, даже широкое движение, охватившее в наше время миллионы школьников и известное под девизом «Никто не забыт и ничто не забыто», имело своего провозвестника в одном из скромных сообщений журнала, в котором Е. Г. Рябов рассказал о документах партизан Навлинского района Брянской области, найденных школьниками и переданных в Центральный музей Революции СССР¹⁵.

Первые шаги по археографическому освоению документации Великой Отечественной войны, предпринятые по инициативе В. И. Шункова, получили дальнейшее развитие в наши дни.

Б. Г. Литвак

¹³ Там же, 1959, № 6, с. 152—154; 1961, № 5, с. 120—130; № 6, с. 220—222.

¹⁴ Там же, 1961, № 3, с. 119—126.

¹⁵ Там же, 1960, № 5, с. 237—238.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

М. В. Родюкова

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

О ПЕРВОМ РУССКОМ ДОКТОРЕ МЕДИЦИНЫ П. В. ПОСТНИКОВЕ

Личность Петра Васильевича Постникова, первого русского доктора медицины, постоянно привлекала внимание исследователей. Интерес к его биографии появился в первой половине XIX в. Впервые о нем упоминается в работе В. Рихтера¹. Имеется статья в «Русском биографическом словаре»². Наиболее полные биографические сведения о П. В. Постникове приведены в работах Е. Ф. Шмурло³ и Д. В. Цветаева⁴. В работе Шмурло основное внимание уделено двум периодам жизни Постникова: его пребыванию в Падуанском университете и дипломатической деятельности в Париже. Для освещения падуанского периода автор привлек архивные материалы Падуанского университета. Шмурло впервые ввел в научный оборот письма Постникова парижского периода, являющиеся весьма ценными источниками для изучения отношений между Россией и Францией в царствование Людовика XIV. Они опубликованы в приложении к его работе. Цветаев в отличие от Шмурло более подробно остановился на тех фактах биографии Постникова, которые касаются его медицинских занятий, лишь бегло рассмотрев его дипломатическую деятельность. В приложении к своей работе он опубликовал некоторые документы, освещающие в основном ранний период жизни Постникова (до его поездки в Падуанский университет). Источники о Постникове опубликованы также в некоторых сборниках документов и исследований⁵. В 1912 г. И. А. Бычковым были найдены и опубликованы пять писем Постникова, восполняющие пробел в его биографии за период пребывания за границей в 1695—1696 гг.⁶

В советской исторической науке специальных работ о Постникове нет. Отдельные сведения биографического характера содержатся в работах М. М. Богословского, Н. А. Баклановой, Б. И. Краснобаева, Р. А. Симонова, В. К. Кузакова, М. К. Кузьмина⁷.

Несмотря на то что источники о Постникове достаточно хорошо известны историкам, в его биографии еще много остается неясным. Осо-

¹ *Рихтер В.* История медицины в России. М., 1820, т. 3, с. 126, 143—152.

² РБС. СПб., 1905, т. 14, с. 305.

³ *Шмурло Е. Ф.* П. В. Постников: Несколько данных для его биографии.— В кн.: Ученые записки имп. Юрьевского университета. Юрьев, 1894, № 1.

⁴ *Цветаев Д. В.* Медики Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896.

⁵ ПДС ДР. СПб., 1867, т. 8, с. 127, 151, 699, 808, 910; т. 9, с. 168, 212, 330; Письма и бумаги имп. Петра Великого. СПб., 1887, т. 1, с. 754, 861; т. 2, с. 73—74, 383; т. 3, с. 272; *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884, т. 1, с. 1046—1047.

⁶ *Бычков И. А.* Новые материалы для биографии первого русского доктора П. В. Постникова. М., 1912.

⁷ *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1948, т. 4, с. 304—305; *Бакланова Н. А.* Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в.— В кн.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966, с. 307—308; *Краснобаев Б. И.* Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972, с. 94, 98, 100—102; *Симонов Р. А., Казаков В. К., Кузьмин М. К.* Естественнонаучные знания.— В кн.: Очерки русской культуры XVII века. М., 1979, ч. 2, с. 70.

бенно темен последний период его жизни, до сих пор не установлена даже дата смерти.

В фондах ЦГАДА (Разряд IX. Кабинет Петра I и его продолжение; Исторические сочинения; Приказные дела новых лет; Аптекарский приказ) обнаружены новые источники о П. В. Постникове. Это письма Постникова к Петру I (от 1696, 1698, 1700 г.) и Ф. А. Головину от 13 января 1699 г.; «Свидетельство доктора Петра Постникова о познаниях в медицине Гогфрида Клемма» от 8 ноября 1701 г.; выпись в доклад Посольского приказа о назначении жалованья брату Постникова Петру-младшему от 12 марта 1710 г.

Самое раннее из найденных писем датируется 15 октября 1696 г.⁸ Письмо написано собственноручно Постниковым Петру I из Амстердама. В письме обозначены число и месяц его составления, но отсутствует год. Его удалось установить из содержания письма, в котором Постников сообщает Петру I о впечатлении, произведенном в странах Западной Европы взятием Азова, и выражает свое восхищение русскими войсками, вырвавшими его «из варваромаометанских челюстей». Письмо интересно тем, что добавляет дополнительные штрихи к биографии Постникова. Известно, что после окончания Падуанского университета в мае 1695 г. он продолжал находиться за границей. Шмурло высказал предположение, что после получения диплома Постников выехал из Венеции в Голландию⁹. Опубликованные в 1912 г. Бычковым письма Постникова из Венеции, Парижа, Брюсселя и Лейдена¹⁰ подтверждают предположение Шмурло. Бычков считал, что после Брюсселя Постников переехал в Лейден. Однако обнаруженное нами письмо из Амстердама противоречит этому. Письмо свидетельствует, что Постников переехал из Брюсселя в Амстердам¹¹. Если в письмах, опубликованных Бычковым, имеются в основном только сведения внешнеполитического характера, то письмо из Амстердама содержит и сведения биографического характера. Из письма мы узнаем, что Постников по указу царя находится в «иноземных государствах» для «совершения во врачевстве» и для изучения языков. Он пишет, что «сверх докторства» может «услужить» царю языками «книжным и простым», латинским, итальянским, французским; а если сможет находиться здесь дольше, то изучит английский и голландский языки. Он ожидает царского указа о поездке в Англию, чтобы продолжить обучение в Оксфордском университете¹².

Продолжить свое медицинское образование было давней мечтой Постникова. После окончания Падуанского университета он не остановился на достигнутом и старался углубить свои познания в научной медицине. С этой целью он совершенствовался сначала в Париже и Брюсселе, затем в Амстердаме и, наконец, в Лейдене, где прослушал курс лекций в местном университете¹³. Включение Постникова в состав «Великого посольства» и его участие в Карловицком конгрессе прервали эти занятия. О намерении Постникова их возобновить становится известно из его письма к Ф. А. Головину от 13 января 1699 г.¹⁴ Письмо написано из Карловиц, где с октября 1698 г. по январь 1699 г. проходил Карловицкий конгресс, созданный для заключения мира между членами анти-турецкого союза («Священной лиги» — России, Австрии, Венеции и Польши) и Турцией после завершения войны. Постников был на этом конгрессе переводчиком и секретарем русского посла П. Б. Возницына¹⁵. В письме содержалась настоятельная просьба снова отпустить его в Голландию в Амстердам для занятий «науками»¹⁶. Разрешение было

⁸ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 3, кн. 8, л. 1004—1005 об.

⁹ Шмурло Е. Ф. Указ. соч., с. 100.

¹⁰ Бычков И. А. Указ. соч., с. 6—13.

¹¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 3, д. 8, л. 1004.

¹² Там же, л. 1005.

¹³ Бычков И. А. Указ. соч., с. 6—13.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 375, оп. 1, 1699 г., д. 28, л. 2.

¹⁵ ПДС ДР, т. 9, с. 253.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 375, оп. 1, д. 28, л. 2.

получено. В записи в доклад Посольского приказа значится: «... И с того 207-го по нынешний 1701 год он, Петр, был в Голландии в в-ных окрестных государствах»¹⁷. Под «окрестными государствами» подразумевались Англия и Франция, о чем свидетельствовали два письма Постникова к Петру I от 1700 г.¹⁸

Из содержания этих писем ясно, чем Постников занимался за границей. Он по указанию Петра приглашал на службу в Россию корабельных мастеров и плотников, приобретал во Франции книги для царской библиотеки по артиллерии и морскому делу, занимался переводом этих книг с французского на русский. Постников в меру своих скромных возможностей пытался способствовать техническому прогрессу России. Будучи от природы человеком любознательным, он разыскивал технические зарубежные новинки и сообщал о них Петру. В бумагах Петра I сохранилось два таких письма. Первое письмо — от 1698 г. — написано, по-видимому, из Венеции¹⁹, куда Постников был направлен с русскими волонтерами в июле 1698 г. в качестве их переводчика. Ему было также поручено «записать» «подлинно самому», «по сколько пушек и людей» имеется на каждом судне турецкого и венецианского флотов и каково «состояние того морского каравана»²⁰. Давая ему такое задание, русское правительство преследовало цель выяснить мощь флотов этих государств, так как Россию очень беспокоило намерение Венеции и Австрии заключить сепаратный мир с Турцией. В письме содержатся подробный рецепт и технология приготовления зажигательной смеси для бомб, применяемых венецианцами для поджога неприятельских кораблей. Венецианцы, как пишет Постников, называют эту смесь «огонь дьявольский». В этом же письме приводится и рецепт приготовления масла «такового великого злого духа и запаха, что невозможно его понести», и пороха «для ружьев». Письмо подлинное, хотя подпись отсутствует. Авторство установлено по почерку. Дата и место написания также отсутствуют. Письмо датировано по содержанию.

Второе письмо — от 1700 г.²¹ — тоже было датировано по содержанию, так же установлен и адресат. Письмо подлинное и имеет заголовок: «Последы написанное». Можно предположить, что письмо является приложением к основному, несохранившемуся письму, на что имеется указание в тексте данного письма. В нем содержится сообщение об «инструменте, единым французом изобретенном, которым мощно кости великие старых быков в полчаса тако умягчати, что двумя перстами в тончайший изотрутся прах», и «о единой пушечке невеликой, из которой стреляют воздухом без пороху и без звука», увиденной Постниковым в Нюрнберге весной 1699 г., когда он после окончания Карловицкого конгресса ехал из Вены в Голландию. Письмо, вероятно, написано из Парижа, так как он сообщает о своем намерении привезти из Парижа книги и перевести их на русский язык. В Париж он приехал из Лондона, о чем можно узнать из содержания того же письма.

В фонде Аптекарского приказа нами был обнаружен любопытный документ: «Свидетельство доктора Петра Постникова о познаниях в медицине Готфрида Клемма»²², написанный собственноручно Постниковым 8 ноября 1701 г. вскоре после возвращения в Россию и назначения доктором Аптекарского приказа (с окладом «500 рублей») ²³. Ему было поручено проэкзаменовать Готфрида Клемма, желавшего поступить на русскую службу в качестве врача. В «свидетельстве» Постников дает характеристику Готфриду Клемму как знающему специалисту, «возмощи ему всякие целяти болезни». Это единственный документ, характеризую-

¹⁷ Там же, ф. 150, оп. 1, 1701 г., д. 1, л. 1 об. Опубликовано: *Цветаев Д. В.* Указ. соч., с. 54—55.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 3, кн. 1, л. 139—140; ф. 375, оп. 1, 1699 г., д. 28, л. 3, 3 об.

¹⁹ Там же, ф. 9, отд. II, оп. 3, кн. 1, л. 651—654 об.

²⁰ ПДС ДР, т. 9, с. 1388—1389.

²¹ ЦГАДА, ф. 375, оп. 1, 1699 г., д. 28, л. 3, 3 об.

²² Там же, ф. 143, оп. 3, д. 518, л. 2.

²³ Там же, ф. 150, оп. 1, 1701 г., д. 1, л. 10.

щий медицинские занятия Постникова. Других источников, видимо, не сохранилось.

Долгое время последний период жизни Постникова оставался неясным. Некоторые исследователи (Шмурло, Цветаев) утверждают, что он вернулся в Россию из Франции, где находился в качестве неофициального дипломатического агента, в 1710 г. в связи со смертью отца и, вероятно, до конца своих дней продолжал работать в Посольском приказе переводчиком. При этом ссылаются на якобы переведенную им книгу французского писателя Викфорта «О послех чужестранных и о должности дел их, и что есть посол и честь ево»²⁴. Обнаруженный нами документ дает основание предполагать, что Постников умер в конце 1709 или начале 1710 г. Таким документом является выпись в доклад Посольского приказа от 12 марта 1710 г.²⁵ В ней упоминается об отправке в 1702 г. Петра Постникова-младшего в Париж и пребывании его там с 1702 по 1709 г. В этой же выписи содержится изложение челобитной матери Постниковых Анны Ивановны, составленной, по всей вероятности, в начале 1710 г., из которой следует, что ее младший сын Петр просил мать хлопотать перед царем о возвращении его на родину и уплате «великих долгов, оставших после брата ево дохтора Петра Постникова», так как «тамошние ж... заимодавцы не освобождают» и он «страждет тамо како пленник». Видимо, вопрос об уплате долгов возник после смерти П. В. Постникова. Просьба матери была благосклонно выслушана и немедленно исполнена. В этом же источнике имеется помета, свидетельствующая, что 12 марта 1710 г. последовал указ о выплате Постникову-младшему жалованья за 1710 г. в количестве 200 руб. Любопытно, что решение царя сделать П. В. Постникова официальным резидентом при французском дворе, о чем сообщал Постникову в своем письме от 25 января 1710 г. Г. И. Головкин²⁶, вдруг было изменено. В июле 1710 г. неожиданно последовал указ Петра I о назначении на его место французского полковника де Крока²⁷.

Брат П. В. Постникова в 1710 г. вернулся в Россию и в этом же году вместе с другими молодыми дворянами был отправлен продолжать обучение «свободным наукам» в Голландию²⁸. Интересно, что время его возвращения из Голландии в Россию (февраль 1712 г.) совпадает с годом передачи книги Викфорта для перевода: «... прислана ис Петербурха июня во 12 прошлаго 1712 году. Подана та книга переводить ему (Постникову.— М. Р.) ис приказы тогож числа»²⁹. Можно полагать, что книгу перевел младший брат Петр, тоже знавший французский язык. Анализ рукописи перевода книги установил, что текст написан тремя разными почерками и не один из них не принадлежит доктору Постникову.

Таким образом, выявленные документы знакомят исследователей с новыми фактами биографии П. В. Постникова и расширяют круг источников о нем.

²⁴ Шмурло Е. Ф. Указ. соч., с. 139; Цветаев Д. В. Указ. соч., с. 36.

²⁵ ЦГАДА, ф. 158, оп. 1, 1710 г., д. 56, л. 1—2 об.

²⁶ Там же, ф. 93, оп. 1, 1710 г., д. 1, л. 2. Опубликовано: Шмурло Е. Ф. Указ. соч., прил., с. 226.

²⁷ Письма и бумаги имп. Петра Великого. М., 1956, т. 10, с. 231—232.

²⁸ ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1710 г., д. 59, л. 52 об.

²⁹ Там же, ф. 93, оп. 1, 1713 г., д. 3, л. 1.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ П. И. РЫЧКОВА

В истории отечественной науки П. И. Рычков занимает почетное место. Его труды по географии, экономике, истории получили заслуженную оценку исследователей¹. Однако научная работа не была основным делом его жизни. 37 лет он служил на разных должностях и большую часть (33 года) — в учреждениях Оренбургского края. Рычков писал научные сочинения, по его собственным словам, лишь «упразднившись от канцелярских дел».

Сейчас известны почти все опубликованные и неопубликованные труды Рычкова-ученого². Но мы не знаем достаточно полно биографию Рычкова-чиновника. Вышедшая в 1867 г. работа известного историка П. П. Пекарского о жизни и научной деятельности П. И. Рычкова была до сих пор первой и единственной, в которой намечены основные вехи его служебной деятельности³. В предисловии к книге автор пишет о том, что им собраны сведения о Рычкове «как писателе и образованном человеке своего времени», но «остается сделать очерк его служебной деятельности», а «материалы для нее хранятся в канцелярии оренбургского генерал-губернатора, а также в Московском главном архиве Министерства иностранных дел»⁴. С тех пор исследователи научной деятельности Рычкова, как правило, черпали биографические сведения о нем из работы Пекарского и из «Записок» самого Рычкова⁵. В «Записках» о своей службе Рычков говорил очень кратко, ссылаясь на то, что не хочет «тщеславия». Он заявлял: «Сколько, где и при каких делах был я употребляем... все сие по делам Оренбургской комиссии, а потом губернской канцелярии останется ведомо»⁶. Эти указания автора «Записок», П. П. Пекарского и наши поиски помогли найти в АВПр, ОР ГБЛ и ГАОО документы о служебной деятельности П. И. Рычкова в 50-е (1751—1753) и 70-е (1774, 1774—1775) годы XVIII в.⁷

В научном отношении 50—70-е годы XVIII в. были для Рычкова наиболее плодотворными. В 1759 г. его избрали (по рекомендации М. В. Ломоносова) первым членом-корреспондентом Академии наук, в следующем году он закончил свой главный труд «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии», в 1765 г. стал членом Вольного экономического общества, а с 1773 г. — членом Вольного российского собрания при Московском универ-

¹ Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова. ИЗ, 1945, № 16, с. 126—138; Мильков Ф. Н. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., 1953; Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в. — ВАН, 1950, № 3, с. 84—93; Лярский П. А. П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII в. — В кн.: Географический сборник. Т. III. История географических знаний и географических открытий. М.; Л., 1954, с. 45—78; Кулябко А. М., Черников А. М. Первый член-корреспондент Академии наук. — ВАН, 1962, № 10, с. 90—93; Пештич С. Л. Роль П. И. Рычкова в русской историографии. — В кн.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1965, ч. 2, с. 265—295; Сидоренко С. А. П. И. Рычков как историк. — ВИ, 1975, № 7, с. 24—36; Абишев А. К. Казахстан в трудах П. И. Рычкова. — В кн.: Некоторые вопросы историографии Казахстана. Караганда, 1980, с. 25—39.

² Лярский П. И. Указ. соч., с. 77—78; Мильготина Л. З. Труд П. И. Рычкова о восстании под предводительством Степана Разина. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1972. М., 1973, с. 365—400.

³ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. Основным источником для написания работы послужила переписка П. И. Рычкова с Г.-Ф. Миллером, В. Н. Татищевым и другими лицами.

⁴ Пекарский П. П. Указ. соч., с. IV.

⁵ РА, 1905, кн. 3, № 11, с. 289—340.

⁶ Там же, с. 302.

⁷ АВПр, ф. Сношения России с Хивой, оп. № 121/1, 1751—1754 гг., д. 1, л. 1—30, 34—105 об.; ф. Башкирские дела, оп. 108/2, 1774—1775 гг.; д. 1, л. 1—7 об.; ОР ГБЛ, ф. 222 (Панины), VII, л. 518—519; VIII/2, л. 8—203; XI, л. 10—324; XII, л. 3—213 об.; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 7, л. 76, 91; д. 26, л. 69, 73—75, 77—78; д. 27, л. 26—27 об., 61—66 об., 100—103; д. 46, л. 194—194 об.; д. 117, л. 2—96; д. 149, л. 1—203; д. 154, л. 7.

ситете. Он автор многих статей в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» и «Трудах ВЭО»⁸. Не менее удачными были в эти годы и служебные дела Рычкова. В 1734 г. он начал службу бухгалтером при Оренбургской экспедиции, а к началу 50-х годов он в чине ассессора был товарищем губернатора в секретной и заграничной экспедиции губернской канцелярии⁹.

Во времена Рычкова Оренбургская губерния занимала огромную территорию от Башкирии до Каспия и Аральского моря и от Волги до Тобола. Лучшим способом укрепления позиций России в этом окраинном регионе царское правительство считало прежде всего дальнейшее распространение торговых отношений с народами Средней Азии¹⁰. Переписка Коллегии иностранных дел с Сенатом, Военной коллегией, Оренбургской губернской канцелярией и ханами Бухары и Хивы за 1751—1753 гг. содержит подробные сведения об установлении постоянных торговых связей России с Хивой, Бухарой и Индией¹¹. К началу 1751 г. в Оренбургской губернской канцелярии было составлено «представление о распространении оренбургской коммерции в полуденную Азию»¹². С этим документом П. И. Рычков в январе 1751 г. был отправлен оренбургским губернатором И. И. Неплюевым в Петербург в Коллегию иностранных дел. Можно не сомневаться, что деятельным соавтором (а возможно, и единственным автором) «представления» был Рычков¹³. Об этом свидетельствует прежде всего его переписка с В. Н. Татищевым в 1750 г. «о торгах русских и промыслах»¹⁴. Бывший начальник Рычкова дал в целом положительное «рассмотрение на сочинение... о коммерции», но вместе с тем отметил, что «негде недостаточно и инде погрешно»¹⁵. Подтверждение авторства Рычкова можно найти также в «покорнейшем доношении» Неплюева в Коллегию иностранных дел от 26 февраля 1751 г. В нем оренбургский губернатор подробно перечисляет все «ревностные труды» и «достоинство» своего подчиненного с начала службы в Оренбургском крае. А в заключение Неплюев просит наградить ассессора Рычкова чином, «чтоб он... и в нынешних к распространению и ко установлению оренбургской коммерции представленных делах ревностнее трудиться наипаче ободрен был»¹⁶. Инициативу оренбургской администрации сразу же поддержали в Коллегии иностранных дел. Было решено послать в Хиву и Бухару «искусного человека... который бы не токмо о состоянии Оренбургской губернии и тамо обращающегося российского и азиатского купечества совершенно знать мог, но чтоб и о тамошних народах достаточное сведение понять... мог»¹⁷. Выбор пал на Рыч-

⁸ Список и описание работ П. И. Рычкова, опубликованных в «Трудах ВЭО», см.: *Пекарский П. П.* Указ. соч., с. 105—111.

⁹ Оренбургская экспедиция была организована в 1734 г. по инициативе обер-секретаря Сената И. К. Кирилова. С 1737 г. экспедицию (стала теперь называться Оренбургской комиссией) возглавлял известный историк и государственный деятель В. Н. Татищев. В 1744 г. была образована Оренбургская губерния.

¹⁰ Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 776—830.

¹¹ АВПР, ф. Сношения России с Хивой, оп. № 125/1, 1751—1754 гг., д. 1, л. 1—30, 34—105 об.; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 26, л. 69; д. 27, л. 26—27 об., 61—66 об., 101—103.

¹² Полное название: «Представление со изъяснением об оренбургской коммерции. Как она началась и происходила и ныне есть, на три части расположенное: 1. какие способы быть могут к распространению оной в Бахарию и до Индии, 2. какие еще способы внутри государства к тому служащие, 3. о добропорядочном и прочном содержании оного в Оренбурге с казенною и партикулярною ползкою» (АВПР, ф. Сношения России с Хивой, оп. 125/1, 1751—1754 гг., д. 1, л. 2—13).

¹³ В. Н. Витевский считает И. И. Неплюева автором проекта о торговле России со Средней Азией и Индией. Нам представляется, что И. Н. Неплюеву скорее всего могла принадлежать идея составления этого документа. См.: *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897, т. 3, с. 826.

¹⁴ *Пекарский П. П.* Указ. соч., с. 19.

¹⁵ Там же, с. 23. В 1755 г. рукопись была напечатана в журнале «Ежемесячные сочинения...» (февраль, апрель, декабрь) под заглавием «Переписка между двумя приятелями о коммерции» (*Пекарский П. П.* Указ. соч., с. 35—36).

¹⁶ АВПР, ф. Сношения России с Хивой, оп. № 125/1, 1751—1754 гг., д. 1, л. 20—20 об.

¹⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 27, л. 65 об.

кова, который «для той посылки из ассессоров и чином коллежского советника награжден»¹⁸. Но в 1752 г. Сенат отменил указ Коллегии иностранных дел, мотивируя тем, что Рычков «у дел той губернии при губернаторе товарищем один состоит. В случае ж губернатора болезни или какой отлучки от такого его, советника Рычкова, отлучения и в делах произойти может остановка и упущение»¹⁹.

С 1760 г. Рычков ушел со службы²⁰ и до 1770 г. жил в своем с. Спасском²¹. Неудачи в ведении хозяйства, большая семья вскоре вынудили Рычкова искать «службу с жалованьем», чтобы вновь «предать всего себя на услуги отечеству»²². Только в 1770 г. ему удалось добиться назначения на должность начальника правления оренбургских соляных дел²³. В рапортах и ведомостях оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу Рычков сообщал о приходе и расходе илецкой соли за январь — май 1771 г.²⁴ По-видимому, новая служба настолько увлекла ученого, что он в 1770—1771 гг. составил первое подробное «Описание илецкой соли прежнего и нынешнего ее добывания», к которому приложил план Илецкой защиты и соляных копей²⁵.

Документы за 1774—1775 гг. связаны в основном с крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева. Рычкову пришлось быть очевидцем и участником многих событий, связанных с крестьянским движением в Оренбургском крае²⁶. Осенью 1774 г. главнокомандующий карательными силами правительства П. И. Панин учредил при Оренбургской губернской канцелярии «особую иноверческих дел экспедицию», о задачах которой можно узнать из его рапорта в Коллегию иностранных дел от 10 сентября 1775 г. Экспедиция должна была «сочинить... исторические экстракты... о состоянии башкирского и киргиз-кайсацкого народов, участвовавших во оном возмущении»²⁷. Членом экспедиции Панин назначил (по рекомендации Г.-Ф. Миллера) «находящегося при соляных тамо делах статского советника господина Рычкова»²⁸. Вместе с Рычковым в состав экспедиции был «определен» оренбургский губернатор Рейнсдорп, с которым у Рычкова еще в 1771 г. начались столкновения²⁹.

В письме к Д. И. Фонвизину от 26 октября 1774 г. П. И. Панин характеризовал Рычкова как «известного искусным познанием тамошних дел и всей страны господина» и к тому же «со удивительным еще жаром к делам»³⁰. Переписка Панина с Рычковым, регулярно продолжавшаяся десять месяцев (с 20 ноября 1774 г. по 10 августа 1775 г.), подтвержда-

¹⁸ АВПР, ф. Сношения России с Хивой, оп. 125/1, 1751—1754 гг., д. 1, л. 64. В указе Коллегии иностранных дел от 28 апреля 1752 г. И. И. Неплюеву предписывалось послать «в ту же хивинскую и бухарскую посылку» вместе с П. И. Рычковым переводчика, геодезиста, подъячего и с «пристойным конвоем, а еще лучше, когда при том и российских купцов первый караван отправлен будет» (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 27, л. 66 об.).

¹⁹ АВПР, ф. Сношения России с Хивой, оп. № 125/1, 1751—1754 гг., д. 1, л. 67 об.

²⁰ П. И. Рычков вышел в отставку с присвоением ему (в 1762 г.) чина статского советника. Судя по его переписке с Г.-Ф. Миллером, не только состояние здоровья было причиной увольнения. В 1759 г. на место И. И. Неплюева, с которым у него за 16 лет службы сложились добрые отношения, губернатором назначается А. Р. Давыдов. При нем научные занятия Рычкова вызвали, по словам самого Рычкова, «всякаго нареkania и негодования» (*Пекарский П. П. Указ. соч.*, с. 41).

²¹ Рычков получил поместье (325 дес. земли) в 1743 г. Спасское находилось в 15 верстах от Бугульмы.

²² *Пекарский П. П. Указ. соч.*, с. 54.

²³ В документах начала 70-х годов он называет себя так: «статский советник и Оренбургских соляных дел главный правитель».

²⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 177, л. 2—96.

²⁵ Работа была окончена 25 октября 1771 г. и напечатана в «Трудах ВЭО» (1772, ч. XX, с. 26—61).

²⁶ *Пекарский П. П. Указ. соч.*, с. 135—139.

²⁷ АВПР, ф. Башкирские дела, оп. № 108/II, 1774—1775 гг., д. 1, л. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ *Пекарский П. П. Указ. соч.*, с. 130—131.

³⁰ ОР ГБЛ, ф. 222 (Панины), VII, л. 518—519.

ет эту оценку. В 47 письмах Рычкова³¹ и 7 — Панина³² содержатся прежде всего подробные сведения о составлении «исторических экстрактов». Уже 2 декабря 1774 г. Рычков писал, что он «экстракт о башкирском народе... сочинил, но не было времени прочитать его Ивану Андреевичу» (Рейнсдорпу.— А. Ч.), и в настоящее время «упражнен... разбором и рассмотрением старых дел... о киргиз-кайсацком народе». Рычков подготовил два варианта «экстракта» о башкирском народе — краткий и «обстоятельной». Первый он отправил Панину 2 декабря, а второй был им выслан «за общим нашим (Рычкова и Рейнсдорпа.— А. Ч.) подписанием» 6 декабря 1774 г. «Экстракт о киргиз-кайсацком народе» Рычков посылал по частям, так как, по его словам, «многие выправки надобны, а потому и невозможно... все то вскорости сделать». Только в письме от 26 мая 1775 г. он сообщил Панину об окончании работы над последней (3-й) частью «экстракта». Кроме сообщений о работе над «историческими экстрактами», Рычков, «почитая себе правилом и должностию писать о существе здешних дел на каждой почте... хотя и кратко, но чистосердечно» уведомлял Панина о «колебаниях» башкирского и киргиз-кайсацкого народов, о их столкновениях, высказывал свое мнение о дальнейшем развитии торговли и земледелия в Оренбургском крае, о сборе с башкир «штрафных лошадей»³³, об отношениях с Рейнсдорпом и т. д.³⁴

В сентябре 1775 г. Панин передал «экстракты о башкирском и киргиз-кайсацком народе... со всеми к ним приложениями» в Коллегию иностранных дел³⁵. Но, несмотря на это, особая экспедиция при Оренбургской губернской канцелярии не была упразднена. В указе Сената от 15 декабря 1775 г. губернатору Рейнсдорпу без объяснений предписывалось оставить Рычкова «при делах пограничных и иноверческих в Оренбургской губернии, отделенных в особую экспедицию»³⁶.

Кроме службы в «особой экспедиции», Рычков продолжал оставаться «главным правителем оренбургских соляных дел». В 34 рапортах (доношениях) за январь — декабрь 1775 г.³⁷ в губернскую канцелярию он сообщал о трудностях добычи и доставки соли «в связи с известным государственным злодеем и самозванцем Пугачевым», о составлении им, Рычковым, «Наставления находящемуся на учрежденном от Оренбурга до Илецкой защиты форпосе начальнику»³⁸, о состоянии казны, просил прислать ссыльных и работных людей и т. д.³⁹ Среди этих документов доношение Рычкова от 14 июля 1775 г. заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. В нем он сообщал своему личному врагу, оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, что «находящиеся при соляном добывании ссылочные и другие работные люди от тяжелой сей работы впадают в разные болезни. И будучи там без всякого ползования, приходят на долгое время в неспособность к продолжению оных работ, а многие и в совершенную дряхлость и негодность». И далее он просил губернатора «определить» лекаря в Илецкую защиту. А в заключение добавлял, что

³¹ Там же, VIII/2, л. 8—189.

³² Там же, л. 194—203. Сохранились лишь черновики писем П. И. Панина.

³³ «Положение о сборе трех тысяч лошадей с башкирцев и прочих, сопричастных бунту» составлено Рычковым в декабре 1774 г. 31 декабря оно было отправлено Рейнсдорпом в приложении к его рапорту Панину (АВПР, ф. Башкирские дела, 1774—1775 гг., оп. № 108/II, д. 1, л. 6—7 об.).

³⁴ ОР ГБЛ, ф. 222 (Панины), VIII/2, л. 8—189.

³⁵ АВПР, ф. Башкирские дела, 1774—1775 гг., оп. № 108/II, д. 1, л. 2. В ОР ГБЛ сохранились копии «экстрактов» с приложениями: «Экстракт исторический о башкирском народе» — ф. 222, XII, л. 3—26 об., 43—79 об.; «Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе» — ф. 222, XI, ч. 1, л. 10—139, 141—324; XII, ч. 2, л. 83—94; ч. 3, л. 105—213 об.

³⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 154, л. 7.

³⁷ Три рапорта Рычкова за 1774 г. в Главную соляную контору опубликованы в сборнике «Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Документы из собрания Государственного Исторического музея» (М., 1973, с. 92—93, 108—109, 179).

³⁸ «Наставление...» приложено к рапорту от 17 июня 1775 г. (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 149, л. 91—93).

³⁹ Там же, л. 1—203.

в случае «благосклонной резолюции» на его доношение он выделит «для оных бедных работников и надлежащей лазарет... заняв под оное одну из тамошних казарм»⁴⁰. Что заставило главного правителя оренбургских соляных дел Рычкова написать «покорнейшее доношение»? Искреннее желание оказать помощь работным людям или, как пишет один из исследователей, Рычков в подобных случаях «делал это не столько из сострадания или сочувствия к ограбленному и забитому народу, сколько в интересах самих помещиков»⁴¹. Конечно, одно доношение не может дать исчерпывающий ответ об общественно-политических убеждениях Рычкова, которые известны нам в основном по его научным работам и «Запискам». Но ясно, что только привлечение документов о служебной деятельности дает возможность более полно и объективно характеризовать взгляды Рычкова как ученого и чиновника.

Вывявленные документы содержат не только новые и дополнительные сведения к биографии П. И. Рычкова, но и позволяют проследить, как его служебная деятельность была связана с научными занятиями и во многом направляла их.

⁴⁰ Там же, л. 103—104.

⁴¹ Пештич С. Л. Указ. соч., с. 273.

Е. А. Чиркова

ИЗДАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ XIX в. ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ВЕДОМСТВОМ РОССИИ В 1820-х ГОДАХ

История публикаций дипломатических документов в России как часть истории археографии в той или иной степени затрагивалась в учебных пособиях и работах общего характера¹. Из работ, специально посвященных этому вопросу, можно назвать давнюю статью А. Л. Нарочницкого «Русские документальные публикации по вопросам внешней политики России и международных отношений нового времени, изданные до 1917 г.»², в которой обзорно рассмотрены некоторые из публикаций русских дипломатических документов начиная с Петровской эпохи.

Специально публикаторская деятельность Министерства иностранных дел, как, впрочем, и других государственных учреждений и ведомств, насколько нам известно, не рассматривалась, за исключением публикаторской деятельности Комиссии печатания государственных грамот и договоров при МГАМИД³. Цель настоящего обзора — обратить внимание на новые архивные материалы, связанные с издательской деятельностью Министерства иностранных дел в 1820-х годах.

Ко времени образования министерства в 1802 г. в его архивах были сосредоточены огромные документальные богатства, в том числе и важнейшие источники по истории внешней политики со времен Московской Руси. Не случайно систематическая публикация дипломатических документов была задумана на базе МГАМИД силами сотрудников Комиссии печатания государственных грамот и договоров, образованной в 1811 г. при содействии канцлера Н. П. Румянцева. Правда, в описываемое время комиссия дальше печатания договорных актов между отдельными княжествами не пошла и к публикации собственно дипломатических доку-

¹ Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957; Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России. М., 1969; Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: (Период феодализма). М., 1977; Она же. История археографии в дореволюционной России: (Период капитализма). М., 1979.

² ИЖ, 1945, № 1/2.

³ Очерк деятельности Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1877; Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.

ментов так и не приступила⁴. Но издательская деятельность министерства еще только начиналась. В 1823–1825 гг. оно осуществило издание, по тем временам небывалое. Имеются в виду «Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году»⁵. Эта двухтомная публикация представляла собой сборник важнейших дипломатических документов того времени, определивших устройство посленаполеоновской Европы. Издание этих документов имело, безусловно, большое политическое значение. Характеризуя «эпоху конгрессов», А. Л. Нарочницкий писал: «На Венском конгрессе вся Европа, если не считать Турции, была впервые охвачена системой общих договоров, которые определяли государственные границы и политическое равновесие. Англия, Франция, германские государства и Россия никогда ранее не были все вместе связаны подобными трактатами»⁶. Вот эти-то трактаты и были «по горячим следам» переведены на русский язык и опубликованы в рассматриваемом сборнике параллельно на французском и русском языках. Эта публикация не потеряла значения до настоящего времени. Ее материалы, например, широко использованы при составлении целого ряда томов издания МИД СССР «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Но специалисты-археографы, к сожалению, обошли эту публикацию вниманием. Из работ, посвященных истории археографии и, в частности, публикациям дипломатических документов, это издание упоминается только в названной статье А. Л. Нарочницкого⁷.

По мнению Нарочницкого, инициатива издания «Документов для истории дипломатических сношений России» принадлежала статс-секретарю по восточным делам И. Каподистрии⁸. Изученные нами архивные материалы⁹ ни подтверждают, ни опровергают это мнение. В деле сохранилось письмо Д. Н. Блудова И. Каподистрии от 14/26 декабря 1820 г., в котором упоминается присланный Каподистрией, а возможно, им и составленный, каталог документов для дипломатического сборника. Как бы то ни было, первый по времени документ с изложением программы издания, одобренной Александром I, был направлен Блудову за подписью К. В. Нессельроде 27 ноября (9 декабря) 1820 г. из Троппау, где в это время происходил очередной конгресс Священного союза.

Программа, изложенная в этом циркуляре, интересна сама по себе, а кроме того, она настолько отличается от того сборника, который был опубликован впоследствии, что мы приводим ее ниже полностью (перевод с французского). Нессельроде писал Блудову: «...Вам давно известно желание министерства в своих занятиях пользоваться преимущественно русским языком. В эпоху, когда система, определяющая внешние сношения империи, все более и более совершенствуется, мы подумали, что было бы полезнее не откладывать далее исполнение нашего плана. Таким образом, речь идет о том, чтобы приступить к переводу на русский язык прежде всего того комплекса актов, на которых основывается социальное и политическое здание Европы; затем должны быть переведены документы, уточняющие мысли императора относительно этих актов. Этот труд должен быть озаглавлен: Сношения России с Европой со времени Венского конгресса.

Первая часть будет включать: 1. Главный акт названного конгресса.

⁴ См. Там же; СГГД, ч. V. М., 1894.

⁵ Т. 1. СПб., 1823; Т. 2. СПб., 1825.

⁶ Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. М., 1946, с. 44.

⁷ ИЖ, 1945, № 1/2, с. 71.

⁸ Там же.

⁹ АВПр, ф. Административные дела, III-18, 1820 г., д. 2. «О переводе действ. ст. советником Блудовым на русский язык трактатов, конвенций и других дипломатических актов, заключенных с 1814 г. и о напечатании оных в книге под заглавием: Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами по 1834 г.»

2. Трактат 14/26 сентября, уже переведенный с ведома его величества, составит часть сборника. 3. Трактаты 8/20 ноября 1815 г., заключенные в Париже. 4. Акты Ахенского конгресса. 5. Общее постановление собранной во Франкфурте комиссии для разграничения, заключенное 8 июля 1819 года. Не откладывая на будущее, мы полагаем поместить здесь будущие результаты конгресса в Троппау. Затем нужно будет приступить к документам, исходящим из императорского кабинета и прежде всего к инструкциям, которые получали императорские послы, а именно: а) циркуляр из Вены по поводу закрытия конгресса, б) то же касательно трактата от 14/26 сентября, в) циркуляры от 5/17 июня 1816 г., г) памятная записка министерства от 23 октября 1817 г. по поводу конвенции 8/20 ноября об обязательствах Франции, д) инструкция от 9/21 ноября 1818 г. по поводу закрытия заседаний Ахенского конгресса, е) депеши, трактующие о мерах, провозглашенных Германским сеймом 20 сентября 1819 г., ж) ноты, которыми обменялись русское и испанское министерства, и памятная записка от 8/20 апреля текущего года.

С продвижением работы этот список можно было бы легко увеличить и расширить»¹⁰.

Как видим, программа была намечена весьма обширная. Особенно заслуживает внимания вторая часть сборника, в которой предусматривалась публикация министерских инструкций российским представителям за границей. Следует отметить, что ни один из дореволюционных составителей сборников дипломатических документов даже не ставил задачи публикации такого рода источников; преимущественное внимание уделялось, помимо текстов договоров, конвенций и т. п. актов, донесениям дипломатических представителей, как русских, так и иностранных¹¹, хотя совершенно очевидна первостепенная важность инициативных документов, исходящих из центра, — таких, как циркулярные инструкции, памятные записки и т. д.

Перевод указанных в министерском циркуляре документов и подготовка их к печати были возложены на Блудова, которому при содействии П. Г. Дивова, временно управлявшего министерством по случаю отъезда Нессельроде за границу¹², поручалось организовать бюро переводов с двумя или тремя служащими под его руководством¹³. Как известно, Д. Н. Блудов — в описываемое время дипломат, друг Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского, впоследствии делопроизводитель Следственной комиссии по делу декабристов и автор «Донесения» этой комиссии, награжденный «за труды» званием статс-секретаря, позже граф, президент Академии наук, председатель Государственного совета и пр. — оставил некоторый след в отечественной археографии¹⁴.

В ответ на предложение высказать свое мнение относительно проектируемого сборника Блудов отправил Нессельроде пространное письмо, в котором изложил сразу два плана издания названного сборника. Первый предусматривал облегченный вариант публикации: основное внимание должно было уделяться связному изложению истории российской дипломатии со времени Венского конгресса, важнейшие документы публиковались только на русском языке в качестве иллюстраций. «Сокращенный таким образом сборник, — писал Блудов, — представил бы собой чтение, столь же легкое, сколько и поучительное»¹⁵.

Второй план заключался в публикации хронологически или тематически размещенных документов; каждому документу должно было предше-

¹⁰ Там же, л. 1—2 об.

¹¹ См., например, «Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе» (Сб. РИО. СПб., 1908, т. 127).

¹² О П. Г. Дивове см.: РБС, т. 5 (Дабеллов — Дядьковский), с. 377.

¹³ АВПР, ф. Административные дела, III-18, 1820 г., д. 2, л. 4.

¹⁴ См. «Переписку И. Д. Беляева с учеными и литераторами» (ЧОИДР, 1882, кн. 1); о Блудове — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (т. 7, с. 103—104), РБС, т. 3. См. также: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 38—39.

¹⁵ АВПР, ф. Административные дела, III-18, 1820 г., д. 2, л. 6.

ствовать разъяснение обстоятельств его появления или, что было бы предпочтительнее, по мнению Блудова, в начале сборника помещалось общее введение ко всем публикуемым документам¹⁶. Любопытно, что если второй план превосходил публикации типа «Собрания трактатов» Ф. Ф. Мартенса (начало издаваться с 1873 г.) с обстоятельными историческими примечаниями к публикуемым документам, то первый план являлся в какой-то мере пережитком XVIII в., когда пересказ документа зачастую подменял собой его точное воспроизведение. Оба эти плана были отвергнуты. Материалы размещались в хронологическом порядке, ни предисловия, ни комментарии не было.

Через полтора года, 7/19 марта 1822 г., Блудов докладывал Нессельроде: «...я исполнил высочайшую волю... и при сем представляю переводы дипломатических актов и прочих бумаг... Важнейшие по содержанию и те в особенности, в коих министерство объясняет мысли государя императора о политической системе Европы, переведены мною самим; переводы всех прочих тщательно пересмотрены мною, сличены с оригиналами, исправлены, и я смею ручаться вашему сиятельству по крайней мере в точном повсюду соблюдении смысла и разума подлинных актов»¹⁷. Таким образом, документы были подготовлены для печати. Но и в составе, задуманном в Троппау в 1820 г., сборник не вышел в свет.

Об изменении первоначально намеченного плана сборника отчасти дает представление письмо Блудова управляющему Министерством иностранных дел от 15/27 июня 1824 г.: «Когда министерство в исходе 1822 года приступало к начатию печатания первой части сих документов, содержащей в себе акты публичные, то вашему сиятельству угодно было приказать мне, чтобы сверх означенных в депеше из Троппау на мое имя и уже переведенных бумаг были в сие собрание по принадлежности внесены и все прочие дипломатические акты, подписанные полномочными двора нашего со времени заключения всеобщего мира в 1814 году до конгресса Веронского. Число документов, следующих к изданию, чрез то значительно умножилось, и вместо одного тома из 90 или 100 печатных листов, как полагалось прежде, оные составили два не совсем равной величины тома»¹⁸. Первый том составил 73 печ. л., второй — около 90 печ. л. Тем дело и ограничилось: вышли два тома публичных актов, начиная с мирного трактата между Россией и Францией от 18/30 мая 1814 г. и кончая актами Веронского конгресса Священного союза. Каждый том был отпечатан в количестве 600 экземпляров. Издание второго тома было сопряжено со значительными финансовыми затруднениями. Уже после смерти Александра I МИД был вынужден обратиться к новому императору с просьбой продолжить издание сборника¹⁹. Возможно, эти затруднения вынудили отказаться от намерений издать вторую часть «Документов для истории дипломатических сношений России», куда должны были войти министерские циркуляры и пр. Архивные материалы позволяют предположить, что сборник намеревались издавать систематически и помещаемыми в нем документами осветить 20 лет из истории русской дипломатии — с 1814 по 1834 г.²⁰

Издание сборника явилось значительным событием. Собранные воедино документы внешней политики не только служили пособием для русских дипломатов в их повседневной работе и «облегчали всем желающим знакомство с дипломатической историей России»²¹ — их публикация открыла новую страницу в истории русской археографии. Впервые был опубликован систематический сборник важнейших дипломатических документов современности. Таким образом, в первой четверти XIX в. правительство не только осознало необходимость пропаганды своей внешней

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 20.

¹⁸ Там же, л. 48.

¹⁹ Там же, л. 28—29.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 28.

политики внутри страны и за рубежом, но и сделало первые шаги в этом направлении.

В период с 1825 г. до 60-х годов, в царствование Николая I, министерство больше не предпринимало такого рода изданий. Возможно, было сочтено излишним публиковать специально дипломатические документы, в то время как важнейшие из них (несекретные договоры, мирные трактаты, манифесты об объявлении войны и т. п.) выходили отдельными изданиями и печатались в ПСЗ. В связи с этим неудивительно, что Нессельроде отказался предоставить копии с ненапечатанных документов известному историку, ректору Дерптского университета Г. Эверсу для задуманного им «собрания дипломатических актов, касающихся до политических отношений России к другим государствам» под названием «*Manuel diplomatique russe ou recueil des traités de paix, d'amitié, de commerce et autres entre la Russie et les puissances extérieures formant la base des relations politiques de l'empire*»²². Нессельроде писал министру народного просвещения К. А. Ливену: «... Что касается до сообщения г. Эверсу копий с ненапечатанных еще актов, то не могу на сие согласиться, ибо те же причины, которые препятствовали объявлению оных во всенародное известие, не дозволяют и ныне допустить помещение их в такое издание, которое назначается для всеобщего употребления»²³. Попытки возобновить эдиционную деятельность Министерства иностранных дел относятся уже к 60-м годам XIX в.²⁴

Рассмотренные документы проливают свет на одну из сфер деятельности дипломатического ведомства — издательскую, которая, на наш взгляд, заслуживает специального анализа. Этот анализ может быть плодотворным с точки зрения, во-первых, изучения истории русской археографии в целом, во-вторых, истории самого дипломатического ведомства; в более широком плане можно говорить об изучении одного из аспектов внутри- и внешнеполитической деятельности правительства: попыток формировать благоприятное для него общественное мнение в России и за рубежом.

²² «Учебник по русской дипломатии, или Сборник трактатов о мире, дружбе, торговле и т. д. между Россией и другими державами, основополагающих для политических отношений империи». Письмо Ливена Нессельроде от 15/27 авг. 1829 г. (АВПР, ф. Административные дела, III-20, 1829 г., д. 1, л. 1).

²³ Письмо Нессельроде Ливену от 13/25 сент. 1829 г. (Там же, л. 3).

²⁴ См. «Записку К. К. Злобина об издании российского дипломатического сборника» (АЕ за 1984 год).

В. С. Шандра

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАРЬКОВСКОГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Харьковское историко-филологическое общество начало свою деятельность в 1877 г.¹ Цель общества — «способствовать посильными трудами, собраниями и изданиями развитию и распространению исторических и филологических знаний» — определила и основные направления его деятельности: исследование истории Слободской и Левобережной Украины, организацию архива, этнографических и археологических экспедиций².

В течение более чем сорокалетней истории существования общества его членами в разное время было около 300 чел.³ Первым председателем

¹ *Сарбей В. Г.* Харківське історико-філологічне товариство та його вклад в історіографію України (До 100-річчя заснування і початку діяльності). — Укр. іст. журн., 1977, № 12, с. 99—103.

² Устав историко-филологического общества при императорском Харьковском университете. — В кн.: Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1905, т. 14, с. 64 (далее: Сборник).

³ *Фрадкин В. З.* Фольклорно-этнографическая деятельность Харьковского историко-филологического общества. 1877—1919 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973, с. 8.

избрали (1877—1878) В. К. Надлера, профессора истории Харьковского университета, секретарем — М. С. Дринова, профессора славяноведения этого же университета, известного болгарского и русского историка (в 1890—1897 гг. — председатель).

Формой научного общения стали заседания, созывавшиеся восемь—десять раз в году. Материалы заседаний сначала печатались в «Киевской старине», «Харьковском календаре», «Харьковских ведомостях», «Русском филологическом вестнике», а с 1886 г. начал издаваться «Сборник Харьковского историко-филологического общества» (1886—1914, т. 1—21). По предложению Н. Ф. Сумцова с 1911 г. параллельно со «Сборником» издавался «Вестник Харьковского историко-филологического общества» (1911—1914, вып. 1—5).

Научное исследование исторических процессов поставило перед членами общества вопрос о необходимости создания архива. Ряд ценных документальных источников по Левобережной Украине, хранившихся в неблагоприятных условиях в Черниговском и Полтавском губернских правлениях и Новгород-Северском полицейском управлении, были перевезены в Харьков. Учрежденный при университете архив провел кропотливую работу по собиранию, упорядочению и сохранению документов административно-хозяйственных, судебных, финансовых учреждений Левобережной и Слободской Украине XVII—XIX вв.⁴ На 1912 г. в архиве же насчитывалось 72 515 дел⁵.

После победы Советской власти на Украине, согласно ленинскому декрету об организации архивного дела, фонды исторического архива были переданы на государственное хранение. До 1971 г. они находились в филиале ЦГИА УССР в Харькове, с его ликвидацией — в ЦГИА УССР в Киеве.

Большую научно-просветительскую работу провел педагогический отдел Харьковского историко-филологического общества, созданный в 1892 г. под председательством Н. Ф. Сумцова⁶. В его составе насчитывалось более 100 членов. Среди них — Х. Д. Алчевская, известная прогрессивная деятельница народного просвещения. По данным на 1902 г., отдел провел 67 заседаний, на которых было рассмотрено около 100 рефератов и сообщений⁷. Начиная с 1893 г. издавались «Труды педагогического отдела Харьковского историко-филологического общества», на страницах которых освещался целый ряд теоретических и практических вопросов педагогики (1893—1902, вып. 1—7). При педагогическом отделе был создан в 1897 г. Лекционный комитет, организовавший сотни общеобразовательных лекций в Харькове, Полтаве, Ростове-на-Дону, Новочеркасске. На базе собранных обществом археологических и этнографических материалов при Харьковском университете в 1902 г. был учрежден музей.

Фонд Харьковского историко-филологического общества насчитывает 1080 дел. Его опись была впервые составлена в 1938 г. и усовершенствована в 1960 г. Однако она имеет ряд неточностей, особенно в датировании документов и в описании рукописных статей. Физическое состояние документов удовлетворительное. Наряду с этим следует также отметить достаточно полную сохранность документов фонда.

⁴ Барвінський В. До 50-ти річчя заснування Харківського центрального історичного архіву (1880—1930). — Архівна справа, Харків, 1930, № 3, с. 3—5; Іванов Е. М. Харківський історический архів. — Сборник, т. 14, с. 75—108; Петров П. Справи Малоросійської колегії, що переховуються в Архиві давніх актів. — Архівна справа, Харків, 1929, № 1, с. 50—60; Романова С. Н. Из истории создания Харьковского исторического архива. — СА, 1981, № 6, с. 41—42.

⁵ ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 2017, оп. 1, д. 231; Сарбей В. Г. Указ. соч., с. 100. В. З. Фрадкин приводит две цифры: 72 515 дел описано и 125 000 дел всего. См.: Фрадкин В. З. Харьковское историко-филологическое общество (1877—1919 гг.). — В кн.: История и историки, 1979. М., 1982, с. 232.

⁶ Вегузов А. В. О деятельности педагогического отдела Х. И. Ф. общества в первое десятилетие — 1892—1902 годы. — Сборник, т. 14, с. 109—112.

⁷ ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 2017, оп. 1, д. 41, 48, 56, 225. Далее номера дел этого же фонда даются в тексте статьи.

Основополагающими документами общества были уставы, копии и проекты которых хранятся в фонде. Ценным источником для изучения деятельности общества являются годовые отчеты общества, исторического архива, педагогического отдела. Значительную часть фонда составляет протокольная документация, которая позволяет изучить многоплановую деятельность как самого общества, так и отдельных его членов. Переписка с научными, культурнопросветительными, хозяйственно-экономическими и административными учреждениями, а также с краеведами, деятелями науки и культуры содержит интересную информацию о связях, влиянии и авторитете Харьковского историко-филологического общества. Большую ценность представляет научный архив общества, где хранятся рукописи статей, докладов, рефератов, сообщений, литературных произведений, присланных для издания, зачитанных на заседаниях или поступивших на конкурсы. Самостоятельную группу образуют этнографические записки, иногда с рисунками, присланные в общество накануне XII археологического съезда, который состоялся в Харькове в 1902 г.

В советской историографии деятельность общества высоко оценена⁸. Изучение его фольклорно-этнографической работы стало темой кандидатской диссертации В. З. Фрадкина⁹.

Цель настоящего обзора заключается в ознакомлении с содержанием документов фонда, которые могут использоваться исследователями, преподавателями, краеведами, архивистами и работниками музеев. Поскольку издательские возможности общества были достаточно велики, о чем свидетельствуют два указателя к его изданиям¹⁰, автор обзора обращает больше внимания на неопубликованную часть материалов фонда.

Уставы общества, первый 1876 г. и второй 1901 г., как и устав педагогического отдела 1892 г., были опубликованы в «Сборнике» (т. 14). Интерес представляют уставные дополнения и изменения, рассмотренные ректором университета и утвержденные министром народного просвещения в 1905 г. (д. 281; 412, л. 4–5). Новый устав педагогического отдела общества был утвержден 9 августа 1905 г. В фонде сохранился проект неопубликованного устава с исправлениями и дополнениями его председателя Н. Ф. Сумцова (д. 183, 266, 412). Созданный в 1916 г. Англо-французский отдел историко-филологического общества также имел свой устав, утвержденный Министерством народного просвещения; копия устава отложилась в фонде. Он, как сообщал попечитель Харьковского учебного округа ректору университета, «от представленного проекта отличается не только в редакционном отношении, но и по существу» (д. 506).

Отчетная документация фонда представлена прежде всего годовыми отчетами о деятельности самого общества. По сравнению с опубликованными отчетами их в фонде отложилась незначительная часть и среди них — неопубликованные за 1905, 1907 и 1908 гг. (д. 182, 212)¹¹. Последние сообщают об участии в работе болгарских ученых, прибывших в Харьков на погребение М. С. Дринова, о количестве научных заседаний и темах докладов. Среди них — выступления Д. И. Багалея «Харьковское искусство XVIII ст.», А. П. Кадлубовского «К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина», Д. П. Миллера «Цеховые книги Малороссии XVII в.» и др. (также названы книги, поступившие в библиотеку общества).

⁸ Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России. — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 42–43; *Он же*. Материалы легальных общественных организаций царской России (середина XVIII в. — февраль 1917 г.). — АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 78; *Сарбей В. Г.* Указ. соч.; *Фрадкин В. З.* Харьковское историко-филологическое общество (1877–1919).

⁹ См.: *Фрадкин В. З.* Фольклорно-этнографическая деятельность...

¹⁰ *Редин Е. К.* Список исследований, материалов, помещенных в «Сборнике» общества, т. I—XII. — Сборник, т. 14, с. 56–60; Систематический указатель к периодическим изданиям Историко-филологического общества при Харьковском университете за 1886–1914 гг./Под ред. проф. Л. И. Гуревича. Харьков, 1955.

¹¹ Систематический указатель..., с. 46.

Отчеты исторического архива сообщают, как проводилось упорядочение и описание материалов, оценивают новые поступления или отдельные их группы. Документы регистрировались, описывались, к описям составлялись личные, географические и предметные указатели. Начиная с первых лет функционирования архива в отчетах отмечались темы, над которыми работали исследователи, и документы, ими использованные, что позволяет проследить историю научного использования архивных фондов. По историческому архиву сохранилось шесть годовых отчетов, из них за 1904, 1905 и 1907 гг. не были опубликованы (д. 149, 181, 212, 98).

О деятельности педагогического отдела и лекционного комитета сохранилось лишь по одному отчету за 1898—1899 гг. опубликованному в 5-м и 6-м вып. «Трудов» отдела.

В одном сохранившемся отчете по этнографическому музею за 1908 г. сообщается история его создания и описываются экспонаты, собранные в период подготовки XII археологического съезда (д. 439).

К отчетной документации относятся и списки лиц, посетивших научные чтения для женщин (107 человек) с обозначением уплаченных слушательницами денег (д. 265). Сохранились также в фонде и условия, заключенные П. С. Ефименко с черниговским мещанином от 3 августа 1880 г. о перевозе последним на возах 81 тюка (600 пудов) дел из Черниговского губернского правления в Нежин для доставки в Харьков по железной дороге (д. 269). Представляют интерес и тетради «расхожим книгам», в которых обозначалось, куда и кому направлялись издания общества. Значительная часть книг отправлялась не только в различные города страны, но и в другие страны: Болгарию, Турцию, Австрию, Сербию, Чехию, Германию и США (д. 1049, 1051, 1060, 1066).

Протокольная документация представлена значительным количеством дел. Одних только протоколов научных заседаний общества насчитывается 126. Из них протоколы за 1886, 1887, 1903—1908, 1910, 1914—1918 гг. не публиковались (д. 18, 99, 112—114, 117, 122, 124, 135, 139, 173, 175, 180, 182, 184, 186, 214, 215, 217, 218, 221, 222, 244, 246—253, 255—258, 272). Опубликованные протоколы намного шире, чем черновые записи, составленные во время общих собраний членов общества. Протокольные записи же последних лет отличаются полнотой изложения выступлений и приложенными списками членов общества. Часто выступающие сами представляли записи с кратким изложением темы. Так, в протоколы включены рукописи заметок А. И. Белецкого «Сапфо в русской литературе», «Памяти профессора И. А. Шляпкина», «Литературная судьба К. К. Павловой», «Русские поэтессы 30-х годов (Н. С. Теплова, М. Лисицына, А. П. Глинка, Е. Н. Шахова), Д. К. Зеленина «Харьковские рукописи в архиве Географического общества» (д. 245, 247, 250, 254, 258).

За 1879—1885 и 1888—1890 гг. в фонде отложились журналы заседаний общества, в которых краткими записями в графах «Слушали» и «Положили» отмечались постановка вопросов и их решение, а именно: выборы председателя и секретаря, баллотировка новых членов, учреждение комиссии для разбора дел Малороссийской коллегии, объявление конкурса научных работ на премию им. И. И. Срезневского, издание на средства общества исследований Д. И. Багалея, основание при архиве отдела «бумаг» профессоров Харьковского университета (д. 4—15, 17, 23).

О заседаниях Педагогического отдела сохранилось 25 протоколов, которые были опубликованы в сокращенном виде в выпусках «Трудов» отдела в начале отчетов о деятельности Педагогического отдела.

За 1916 г. отложился один протокол заседания Англо-французского отдела. Он информирует о решении организационных вопросов и о ближайших задачах по устройству курсов по изучению английского языка, о подготовке особым лекционным комитетом тематики лекций по истории и литературе Англии и Франции и о создании литературно-художественного кружка (д. 254).

В начале 1918 г. общество создает Комиссию по охране памятников древностей и искусств, протоколы заседаний которых отражают предложения членов общества по сохранению семейных архивов, в частности М. Л. Кропивницкого (д. 1076).

В фонде сохранились протоколы заседаний всех секций общества по организации и подготовке XII археологического съезда. Протоколы включают рукописные авторские рефераты выступлений на съезде Д. В. Айналова «Где и как была принята св. Ольга в Царьграде», В. Н. Мочульского «Смерть казака по малороссийским песням и думам», В. П. Бузескула «О новом источнике для истории Афин», Н. И. Веселовского «Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе» и др. (д. 89)¹².

По инициативе Д. И. Багаля, И. П. Скворцова и М. А. Остроумова университетский совет создал в 1903 г. Комитет редакторов юбилейных изданий (д. 195, л. 3—4). В фонде насчитывается 74 протокола его заседаний за 1903—1904 гг. (д. 92—110, 116—121, 151—179, 196, 210—211), которые содержат сведения о большой организационной работе, проведенной за короткое время по собиранию документальных материалов, а также по написанию и редактированию юбилейных изданий Харьковского университета¹³.

Кроме отмеченных, сохранился и протокол заседания редакционной комиссии по изданию произведений Г. С. Сковороды (д. 38).

Харьковское историко-филологическое общество вело обширную переписку со многими организациями, научными и культурными учреждениями, с местными органами и отдельными лицами. Уже в 1898 г. в докладной записке Н. Ф. Сумцова о необходимости упорядочения делопроизводительной работы отмечалось, что «возникновение педагогического отдела, усиление педагогической деятельности, возникновение Лекционной комиссии и мн. др. привело к большой переписке с разными обществами и разными лицами» (д. 87).

Большая часть переписки относится к Харьковскому университету, которому непосредственно подчинялось общество. Она велась по вопросам устава, учреждения и размещения архива (д. 263, 282—284, 286, 287, 290, 376, 384, 442). На неоднократные ходатайства председателя общества о зачислении исторического архива в разряд центральных было получено сообщение из Министерства народного просвещения от 5 марта 1890 г. о том, что «неудобно возбуждать вопрос об отпуске кредита на постройку и содержание архива» (д. 295).

С управлением университета разрешался вопрос об учреждении премий им. И. И. Срезневского, М. С. Дринова, Н. В. Лысенко, А. А. Потехни за лучшие студенческие работы в области русского языка и литературы, славяноведения, истории искусств, истории Украины и украинской фольклористики (д. 283, 481, 1014). По инициативе общества через управление университета архив получил на хранение документы из Сената за 1798—1840 гг., касающиеся истории Украины, и универсалы XVII—XVIII вв., хранящиеся в архиве Харьковско-Полтавского управления государственного имущества (д. 317, 654, 1059).

Переписка с харьковскими казенной палатой, таможней, губернским правлением и полицейскими управлениями и другими учреждениями отражает процесс комплектования архива документальными материалами.

¹² Протоколы заседаний XII съезда.— В кн.: Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. М., 1905, т. 3, с. 244—388.

¹³ Багаля Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1906; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908; Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908; Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908; Медицинский факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1905—1906.

Так, в 1887 г. средствами общества был перевезен архив Волчанской дворянской опеки, в 1901 г.—Сумского уездного казначейства, Змиевского и Ахтырского земских судов и др. В 1904—1905 гг. архив принял на хранение из Харьковской духовной консистории дела духовных правлений XVIII—XIX вв., которые до этого хранились в сыром помещении и сараях (д. 149, 263, 286, 287, 290, 328, 345, 358, 654, 665, 1058—1060).

По требованию историко-филологического общества учреждения присылали в архив описи документов, которые для них уже не имели практической ценности. Комиссия рассматривала их и решала, какие дела подлежат хранению. В исторический архив поступали на хранение делопроизводственные документы Харьковского губернского правления, казенной палаты, таможни, Сумского, Ахтырского и Старобельского полицейских управлений (д. 26, 101, 149—155, 162, 173, 181, 300, 317, 349, 362—369, 375). К сожалению, это требование не всегда выполнялось. Харьковская таможня, составив опись дел для отбора, не прислала их в архив, так как документы были уничтожены. Харьковская казенная палата в 1901 г. не допустила к работе над документами Е. М. Иванова и Д. П. Миллера, мотивируя это тем, что ее дела хранились «в сырости, холоде и ветхости самого помещения архива» (д. 355, 1013).

Харьковскому губернатору сообщалось о времени и темах научных заседаний, об объявлении подписки на учреждение премий за студенческие работы, о командировании членов Комитета по подготовке XII археологического съезда для проведения раскопок и изучения этнографии Харьковщины (д. 345, 346, 727, 1053). В 1914 г. с городской думой был разрешен вопрос о праздновании столетия Т. Г. Шевченко (д. 494).

Археологическая комиссия в Петербурге, Московское археологическое общество, предварительные комитеты по устройству археологических съездов приглашали членов Харьковского общества принять участие в подготовке и работе съездов, поручали проведение археологических раскопок (д. 296, 323, 325, 337, 338, 372, 378, 382, 396, 423, 430, 431, 433, 479, 492, 505).

Российское историческое общество обращалось в 1912 г. к председателю Харьковского общества по вопросам устройства архивов, в Археологическую комиссию обращался Н. Ф. Сумцов с просьбой оказать помощь в сохранении исторических памятников (д. 466, 765).

Харьковское историко-филологическое общество создало две библиотеки, которые за короткое время установили тесные связи с многими научными организациями России. В частности, обмен изданиями проводился с Российской Академией наук, Московским археологическим, Русским географическим, Литовским научным обществами, Смоленской и Черниговской архивными комиссиями, Киевским, Саратовским, Казанским, Варшавским, Новороссийским университетами и обществами при них, Пушкинским Домом, Сырдарьинским, Воронежским статистическими комитетами, Обществом изучения Амурского края (д. 55, 292, 303, 305, 348, 359, 383, 441, 487, 504, 509, 517, 665, 1052). Общество часто рассылало бесплатно как свои издания, так и издания Харьковского университета в публичные библиотеки не только Украины, но и Воронежа, Курска, Кишинева, Ростова-на-Дону, Самарканда, Хабаровска (д. 212, 310, 405, 419, 427, 488, 518, 647, 648, 658, 677, 874, 1072).

Письма ученых, которые с выходом в свет своих печатных работ присылали авторские экземпляры обществу, свидетельствуют о его высоком научном авторитете. Библиотека получала книги от Б. Д. Гринченко, М. В. Довнар-Запольского, А. М. Лазаревского, Д. Я. Самокасова и др.

С Харьковским историко-филологическим обществом вели переписку этнограф и фольклорист Д. К. Зеленин, белорусский филолог и фольклорист Е. Ф. Карский, литературовед Н. И. Петров, историк и археолог Д. И. Эварницкий (Яворницкий), известный краевед А. Д. Твердохлебов, историк литературы В. Н. Мочульский, историк И. Ф. Павловский, писатель и искусствовед И. М. Хоткевич, историк и археолог В. Ю. Дани-

левич, этнограф Кубани П. П. Короленко, исследователь фольклора терских казаков С. В. Фарфоровский и др. (д. 326, 488, 661, 694, 698, 702, 706, 708—710, 712, 713, 715, 716, 718, 764, 1073).

Сообщения об интересных архивных и археологических находках, послывшиеся различными лицами в общество, свидетельствуют о том, что последнее пользовалось большим авторитетом среди широких кругов общестственности (д. 351, 377, 459, 675, 668а, 730, 734). Так, в 1901 г. бывший студент университета Н. П. Ильинский сообщил Н. Ф. Сумцову, что нашел в семейном архиве белгородского купца Мачурина одну из редакций «Сказания о Мамаевом побоище» и «Степенной книги». Сохранилось сообщение от 11 июня 1910 г. почетного гражданина местечка Ахтырки И. Ф. Соколова о «плачевном» состоянии Покровского храма, в котором находились «картины» Б. Э. Мурильо, подаренные Елизаветой Петровной (д. 356, 931).

Бесспорно, представляет интерес письмо (1898) А. Ф. Куличенко с предложением передать обществу для публикации рукописи украинского поэта, одного из первых собирателей фольклора рабочих, И. И. Машжуры (поэма-сказка «Тремсын-богатырь» и лирические стихи) (д. 668).

В Педагогический отдел обратилось в 1902 г. Валковское уездное земство об оказании помощи в организации коммерческого училища в с. Новые Водолаги (д. 371).

В фонде общества сохранились копии устава Всероссийского союза учителей и деятелей народного образования и постановления Педагогического общества при Московском университете 1905 г. В них отражена поддержка прогрессивной интеллигенцией революционного движения в стране периода первой буржуазно-демократической революции в России (д. 410, 411, 415—421).

Очень важную часть фонда составляет научный архив общества, представленный рукописями докладов, сообщений, зачитанных на заседаниях общества или на XII археологическом съезде, и статьями, предназначенными для издания. Из них, по нашим подсчетам, около 40 неопубликованных рукописей:

Баженов Н. М. Григорий Федорович Квитка-Основьяненко: Библиографический указатель, 60 л. (д. 961); *Белецкий А. И.* Царьград в русской литературе, 35 л. (д. 970); *Василенко В. К.* К вопросу об областной этнографии, 8 л. (д. 982); *Влайков Н.* Главные моменты национального возрождения румынского народа, 17 л. (д. 965); *Зеленин Д. К.* О каменных бабах, принадлежащих Харьковскому университету, 2 л. (д. 990); *Кагаров Е. Г.* История античной научной мысли, 23 л. (д. 975); *Киселев А. Д.* Украинский вертеп, 102 л. (д. 1080); *Он же.* Рукопись (без назв.) о происхождении наречий украинского языка, 86 л. (д. 1080); *Ковалевский Н. З.* Рождественские святки в с. Ковяги Валковского уезда, 11 л. (д. 933); *Краков А. Я.* Святой Иван приносит росу, 14 л. (д. 930); *Лицын П. П.* К вопросу о домашнем быте русского народа в XVI веке (по известиям иностранцев), 18 л. (д. 999) *Лащенко Н. А.* Духовная консистория в качестве судебного духовного учреждения, 6 л. (д. 1040); *Радакова Е. П.* Этнографическая экскурсия по Екатеринославской губернии, 13 л. (д. 991); *Русов М. А.* Игры детей в Полтавщине, 38 л. (д. 967); *Семенов Л. П.* Лермонтов у европейских и восточных народов, 18 л. (д. 1038); *Сумцов Н. Ф.* Коллекция обрядовых предметов Харьковского этнографического музея, 4 л. (д. 262); *Он же.* Ф. Е. Корш и его отношение к Харьковскому университету и историко-филологическому обществу, 4 л. (д. 761); *Фарфоровский С. В.* Из фольклора калмыков Северного Кавказа, 12 л. (д. 981); *Он же.* Книга и литература зарубежной Руси, 3 л. (д. 275); *Хоткевич И. М.* К вопросу о цикле передвижных этнографических концертов, 14 л. (д. 927) *Шмит Ф. И.* Памяти Андриана Викторовича Прахова, 8 л. (д. 1042); *Эварницкий Д. И.* Возникновение и устройство Запорожского Коша, 58 л. (д. 952).

К этой же группе относятся и рукописи, авторство которых установить не удалось: Жизнь и сочинения Петра Алексеевича Плавицькикова:

Историко-литературный очерк, 364 л.; Харьков и Харьковский край: Исторический очерк, 306 л.; К вопросу о распространении чтений в Александровскую эпоху, 7 л.; Историческая записка об отношении духовенства к народу, 79 л.; и др. (д. 935, 955, 864, 1035).

Представляют интерес и литературные произведения — такие, как «Рассказ Ивана Ивановича Кривуши о том, как он лишил себя собственной десницы» А. Д. Твердохлебова, басня в прозе «Шмель и пчела» М. А. фон-Циглера, стихи и драматические сочинения — «До Украины», «Есть каяття, та нема вороття», «Збирныйк задушевна мова», «На великим шляху» и другие — украинской писательницы-крестьянки Маруси Вольвачивны (д. 925, 940, 941, 957, 958, 983, 1001).

В фонде сохранились рукописи с корректурными оттисками научных статей, помещенных в пяти выпусках «Вестника», некоторые работы, опубликованные в «Сборниках» и отдельными изданиями, Д. И. Эварницкого, И. В. Нетушила, Н. Ф. Сумцова, Е. К. Редина, М. А. Русова, М. А. фон-Циглера, С. В. Соловьева, А. П. Грекова и др. Сверив публикации с оригиналами, отметим, что они соответствуют друг другу.

К этой группе примыкают более десяти студенческих работ, представленных на конкурсы с замечаниями Н. Ф. Сумцова и А. И. Кирпичникова (д. 938, 943, 944, 953, 954, 960, 963, 966, 972, 1000), а также их рецензии на эти и другие несохранившиеся рукописи конкурсных работ. Сумцов рецензировал сочинения по этнографии и литературе («Значение П. П. Чубинского как этнографа Украины», «О повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко „Маруся“», «Литературные элементы летних русско-славянских народных праздников купальского цикла», «Отношения Пушкина и Жуковского»). Г. А. Ильинский подготовил отзыв о сочинении, представленном на премию им. А. А. Потебни, «Происхождение малорусского языка» Н. Матвиенко, В. И. Харциев — о творчестве Н. В. Гоголя и А. В. Ветухов — о произведениях Г. Ф. Квитки-Основьяненко (д. 182, 755, 762, 763, 943).

Особо нужно отметить документы инициативного характера — такие, как доклад В. Н. Коленского об архиве Полтавского губернского правления до перевозки его в Харьков, ходатайство Д. И. Багалея в Совет университета о зачислении наемному архивариусу службы на правах государственной, заявление Е. М. Иванова о необходимости создания при обществе археологического отделения, предложения членов общества об увеличении числа участников конкурсов путем приглашения преподавателей средних учебных заведений (д. 276, 280, 499, 997).

Сохранились в фонде три учебника, отпечатанные литографическим способом: «Курс римской истории», «Римская историография» профессора В. В. Лапина и «Курс русской историографии по лекциям Д. И. Багалея» (д. 968, 973, 973а).

В общество поступали документы, пожертвованные частными лицами, благодаря чему в фонде отложилась богатейшая коллекция автографов политических деятелей России и Западной Европы, известных представителей науки и культуры (д. 810—908, 1034).

Среди них автографы В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, Г. Р. Державина, Г. Ф. Квитки-Основьяненко, А. Ламартина, Ф. Шатобриана, У. Веллингтона, М. Лафайета, К. Меттерниха, А. Гумбольдта и др. Сохранилась также и небольшая (10 л.) тетрадь с записанным в 1823 г. студентом Н. Марковым стихотворным пасквилем на харьковского губернатора Муратова под названием «Харьковский бульвар» (д. 804). Н. Ф. Сумцов представил в общество составленное его отцом «Краткое обозрение действий Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников с учреждения оного по 1851 г.». Поступили в архив и несколько копий документов, относящихся к истории Змиевского и Белгородского монастырей, Покровского собора в Ахтырке (д. 928, 931, 962, 1043).

При подготовке XII археологического съезда в населенные пункты Харьковской, Воронежской, Черниговской, Курской, Полтавской, Киев-

ской, Екатеринославской, Таврической губерний, Донской и Кубанской областей были разосланы специально подготовленные программы по сбору сведений о культуре и быте местного населения. Собирали эти сведения занимались учителя и ученики реальных и ремесленных училищ, студенты, врачи, священники. В их записках, присланных в общество, зафиксированы сведения о природных богатствах края, истории его сел и местечек, состоянии памятников истории и культуры. Широко освещались занятия и художественные промыслы населения. В некоторых описаны организация труда на промышленных предприятиях и применение машин в сельском хозяйстве, приведены цифровые данные о количестве населения, состоянии образования, даны перечни книг в библиотеках и читальнях. Там же проводились описания жилых и хозяйственных построек, мебели, одежды, детских игрушек, развлечений, будничных и праздничных блюд. Обращалось внимание также на народные календари и народную медицину, свадебные, похоронные обряды, описывались праздники и народные гуляния. Было прислано много материалов с записями народных песен, сказок, поверий, изречений, а также ценных сведений о кобзарях и лирниках с описанием их музыкальных инструментов (д. 380, 675, 770, 775, 778—780, 785, 786, 788—799, 921, 926, 929, 932, 933, 978, 980, 982, 984, 986, 992—994, 1002, 1031, 1036, 1037, 1045, 1069, 1075, 1077).

Больше всего сведений было получено из Харьковской и Екатеринославской губернии, меньше из Киевской, Курской, Орловской, отдельные сведения поступили даже из Терской области.

В 1894 г. при Педагогическом отделе была создана комиссия по устройству литературно-научных чтений, разославшая во все учебные округа России письмо с просьбой поделиться опытом постановки этого вопроса в гимназиях и училищах. 164 практические рекомендации, отложившиеся в фонде, были присланы директорами и преподавателями средних учебных заведений 42 городов России (Уфы, Пензы, Казани, Тифлиса, Киева, Еревана, Кутаиси, Полтавы и многих других — д. 522—646). На основе собранных материалов отдел разработал специальное пособие, выдержавшее два издания (650 и 2400 экз.)¹⁴.

Фонд Харьковского историко-филологического общества является ценным источником для изучения деятельности одного из крупных дореволюционных исторических обществ, ярким показателем уровня развития исторических и филологических знаний на Украине во второй половине XIX — начале XX в.

¹⁴ Пособие для устройства общедоступных научных и литературных чтений: (Хрестоматия для семьи и школы). Харьков, 1895; 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 1896.

А. Д. Тельчаров

ФОНД ВЛАДИМИРСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Развитие отечественной исторической науки в конце XIX — начале XX в. было тесно связано с деятельностью ученых архивных комиссий. Первые из этих комиссий были созданы в 1884 г. по инициативе видного археографа и общественного деятеля Н. В. Калачова в Твери, Тамбове, Рязани, Орле. К 1917 г. в России работало 39 ученых архивных комиссий¹. Начав со сбора и упорядочения архивных материалов, они со временем превращались в краеведческие общества, во многом влиявшие на развитие исторического краеведения. «Их деятельность оставила немалые

¹ Шведова О. И. Указатель «Грудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. — АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 377—432.

следы в собирании и разработке источников по местной истории и в этом смысле еще нуждается во внимательном изучении»².

Владимирская ученая архивная комиссия (ВУАК) была образована в 1898 г. по инициативе краеведа и общественного деятеля, одного из основателей Рязанской ученой архивной комиссии А. В. Селиванова. Деятельность ВУАК нашла отражение в материалах ее фонда, хранящегося ныне в ГАВО (ф. 526, д. 135, 1649—1918 гг.). Документы комиссии после ее ликвидации в марте 1918 г. были переданы владимирскими краеведами А. В. Смирновым, В. Г. Добронравовым, Н. В. Малицким во Владимирское губархбюро. Они до сих пор малоизвестны исследователям. Предлагаемый обзор является первой попыткой осветить содержание фонда ВУАК. Состав его весьма разнообразен — делопроизводственная документация, рукописи членов комиссии, собранные в ходе ее работы документы и материалы XVII — начала XX в.

Основную группу делопроизводственных документов составляют протоколы заседаний ВУАК, начиная с организационного заседания 26 ноября 1898 г. и кончая заседанием 23 октября 1911 г.³ (оп. 1, д. 3, л. 5—13, 17—21, 30—31; оп. 2, д. 6, л. 88). Более поздние протоколы не сохранились, но дополнительные сведения дают десять программ заседаний комиссии с 24 октября 1904 г. по 27 ноября 1916 г. (оп. 1, д. 1, л. 603; д. 10, л. 33; д. 40, л. 6—16). Протоколы велись разными лицами, преимущественно правителем дел комиссии А. В. Смирновым⁴. В них отразились главные вопросы работы комиссии — изучение и собрание архивов учреждений и частных лиц, создание музея и пополнение его экспонатами, ведение археологических раскопок и охрана памятников старины, издание трудов.

Постоянно нуждаясь в деньгах, ВУАК во многом зависела от частных денежных пожертвований и уплаты ее членами взносов. Финансовые дела комиссии освещают приходно-расходная книга за 1898—1909 гг. (оп. 1, д. 56, л. 102), сообщения о пособиях губернских организаций и учреждений за 1909—1914 гг. (оп. 1, д. 36, л. 44), расходные счета за 1902—1914 гг. (оп. 1, д. 13, л. 107; д. 35, л. 66). Сохранилась книга исходящих бумаг комиссии за 1901—1903 гг. (оп. 1, д. 5, л. 24).

В фонде имеется более 1000 писем от 190 корреспондентов (частных лиц, научных и краеведческих организаций, архивных комиссий, архивов, музеев, библиотек, разных учреждений, учебных заведений, издательств) за 1898—1918 гг. Они находят почти во всех делах. Преимущественно это письма единичного запросного характера — о приеме в члены комиссии, обмене изданиями, публикациях в «Трудах» ВУАК, проведении археологических раскопок, охране памятников старины, разработке архивов, комплектовании библиотеки и музея комиссии. Среди корреспондентов ВУАК известные деятели отечественной науки и культуры: А. П. Бахрушин, Д. Г. Бурялин, В. М. Васнецов, С. А. Венгеров, М. О. Вольф, И. И. Глазунов, В. Г. Добронравов, Н. Г. Добрынин, М. В. Довнар-Запольский, П. Н. Дубенский, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, И. С. Куликов, Н. П. Лихачев, И. Ф. Масанов, Б. Л. Модзалевский, Ф. Д. Нефедов, С. Ф. Платонов, В. И. Сайтов, А. В. Селиванов, М. И. Смирнов, Н. И. Соловьев, В. И. Срезневский, Н. С. Стромиллов, И. Ф. Токмаков, Н. П. Травчетов, П. С. Уварова, И. В. Цветаев, Д. И. Цветаев, П. П. Шибанов, С. Н. Шубинский, П. И. Щукин и др.

ВУАК в своей деятельности была тесно связана с Ярославской, Тверской, Костромской, Нижегородской комиссиями. Центром их объединения были в 1901—1909 гг. областные историко-археологические съезды, сменившиеся в 1908—1914 гг. Всероссийскими съездами ученых архив-

² *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911 гг.). — АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 99.

³ Здесь и далее архивные ссылки приводятся в тексте.

⁴ Подробнее см.: *Тельчаров А. Д.* Об архиве А. В. Смирнова. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 298—303.

ных комиссий⁵. Съезды рассматривали вопросы исторического прошлого центра России, координировали работу комиссий. В фонде ВУАК хранятся программы и пригласительные письма I Ярославского 1901 г., II Тверского 1903 г., IV Костромского 1909 г. съездов (оп. 1, д. 15, л. 16—17; д. 16, л. 5—18), а также подготовительные материалы проходившего во Владимире 20—26 июня 1906 г. III областного историко-археологического съезда (оп. 1, д. 20, л. 180; д. 21, л. 14; д. 24, л. 18; д. 29, л. 10; д. 30, л. 32; д. 31, л. 78). Среди них переписка о делегировании участников и сборе средств, корректура выходившего во время съезда «Справочного листка», протоколы заседаний оргкомитета, список участников, программа и отчеты о проведении съезда. Эти материалы заметно дополняют опубликованные впоследствии тексты выступлений на съезде⁶, раскрывают историю его подготовки и проведения.

Представляет интерес каталог библиотеки ВУАК, содержащий около 1000 карточек, расположенных по буквам русского алфавита (оп. 1, д. 81—101). Сформированная в основном из пожертвованных книг и включившая в 1916 г. книжное собрание А. В. Смирнова, эта историко-краеведческая библиотека являлась самой фундаментальной во Владимире. В ее составе находилось даже вышедшее в 1872 г. первое издание 1-го тома «Капитала» К. Маркса на русском языке.

Хранящиеся в фонде ВУАК 68 работ 39 авторов предназначались для публикации в «Трудах» комиссии. Среди них — 16 недатированных автографов известного исследователя Переславль-Залесской старины М. И. Смирнова (оп. 1, д. 33, 45—61, 68)⁷. Хотя эти работы были напечатаны в 1903—1919 гг. в различных изданиях Владимира, Рязани, Нижнего Новгорода, Москвы, Переславля-Залесского⁸, автографы помогают проследить творческую историю создания и публикации трудов М. И. Смирнова.

Среди неопубликованных следует отметить работы владимирских краеведов И. В. Беляева «Великий князь Михаил Черниговский» (оп. 1, д. 41, л. 63, автограф, б. ф.) и «Великий князь Константин Всеволодович Мудрый» (оп. 1, д. 42, л. 100, автограф, б/д), М. Н. Бережкова «О древней владимирской летописи» (оп. 1, д. 6, л. 89—100, автограф, б/д), М. Е. Альбицкого «Записка о владимирской школе полицейских урядников» (оп. 2, д. 31, л. 20, автограф, 1901 г.) и «Записка о состоянии уездной полицейской стражи Владимирской губернии» (оп. 2, д. 30, л. 9, автограф, 1917 г.).

Большой интерес представляет составленная краеведом С. И. Гульшиным «Записка об организации РСДРП во Владимире» (оп. 2, д. 32, л. 4, автограф, 1917 г.), рассказывающая о деятельности владимирской военно-революционной организации в годы первой русской революции.

⁵ Подробнее см.: *Тельчаров А. Д.* Областные историко-археологические съезды в России в начале XX в. — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1976, вып. 5, с. 415—431.

⁶ Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего в губернском городе Владимире. Владимир, 1909.

⁷ Это следующие работы: Село Большая Брембола; Справка о Переславской флотилии Петра Великого; Переславские соколы помытчики; К истории Переславского Федоровского монастыря; Больше-Брембольский дьякон Михаил Михайлов. Страничка из быта духовенства XVIII столетия; Высочайшее посещение е.и.в. государем императором Николаем Александровичем с августейшим семейством городов Владимирской губернии Владимира, Суздаля, Переславля и Боголюбова монастыря 16—23 мая 1913 г.; Соль Переславская; Смутные годы XVII столетия в Переславль-Залесском: Родословная поколенная роспись рода князей Мещерских с описанием биографий каждого из них с ссылкой на источники; Хронологические сведения, относящиеся к истории уезда и города Переславля-Залесского; Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее; Переславль-Залесский. Исторический очерк; Залесский город Клепчин; Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия; Справка о нижегородских платяжницах XVII столетия; Нижегородские паревы кабаки XVII столетия.

⁸ См.: *Филлимонов С. Б.* Обзор архива М. И. Смирнова. — АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 318—324 (со списком опубликованных работ).

В фонде ВУАК имеются рукописи произведений активного деятеля владимирской дореволюционной и советской печати первых послереволюционных лет Павла Федоровича Леонтьева, писавшего также художественные произведения. Архив его не сохранился. Находящиеся в фонде ВУАК рассказы Леонтьева «Силуэт», «Катерина», «Сравнение», «Из биографии Акима» (оп. 1, д. 44, л. 83, автографы, 1893 г.) знакомят с творчеством этого писателя.

Существенное место в фонде занимают собранные членами ВУАК коллекции документов. Сохранилось 380 документов за 1649—1917 гг. По содержанию они относятся к экономической, социально политической, культурной истории не только Владимирщины, но в ряде случаев и всей России.

Историю местного экономического развития освещают подлинники — более 60 отписок учреждений и должностных лиц за 1649—1779 гг. о взимании денег с крестьян Владимирского края в государеву казну (оп. 2, д. 12, л. 60). Комплекс аграрных документов дополняют межевые книги Суздальского у. 1773 г., Ростовского у. 1775 г. (оп. 1, д. 76, л. 1—8, 15—18), Владимирского у. пустошей Ребровой и Лукиной 1769—1770 гг. (оп. 1, д. 80, л. 10—15, 16—28), а также «Список душ в деревнях Муромской округи, Вязниковской округи, Судогодской округи» конца XVIII в. (оп. 1, д. 78, л. 1—14).

Большое число документов отражает развитие помещичьего землевладения и землепользования XVIII—XIX вв. К ним относятся описание имения С. Т. Самарина в Пошехонье 1718 г., купчая князя М. И. Щербатова 1784 г. на земли в Гороховском и Вязниковском округах Владимирского наместничества (оп. 1, д. 78, л. 28—29; д. 79, л. 24—29), финансовые документы владимирского помещика В. В. Коблукова за 1840—1854 гг. (оп. 1, д. 67, л. 1—38), уставная грамота д. Кондряевой Судогодского у. 1863 г. (оп. 1, д. 80, л. 3—4). Представляют интерес судебные дела: «О поместье Пожарской и Щербатова» 1784 г. (оп. 2, д. 23а, л. 37), «По прошению коллежского асессора Ивана Бушуева о остановке продажи дворовых людей его и земли по причине несправедливого вексельного иска купца Шишлякова», «По прошению поручика Петра Рагозина о выкупаемом имении, заложенном племянником его помещику Кузьмину-Караваеву» 1794 г. (оп. 2, д. 5, л. 13; д. 8, л. 7), «О мельнице на речке Сейме В. Челищевой, урожденной графини Гендриковой» 1815 г. (оп. 1, д. 80, л. 29—35).

К истории промышленного развития относятся подлинные доклады и рапорты Владимирской казенной палаты владимирскому генерал-губернатору И. А. Заборовскому о состоянии и работе Татаровского винокуренного завода за 1778—1792 гг. (оп. 2, д. 10, л. 426), копии указов и инструкций Сената о медных и железодельных заводах в России за 1721—1769 гг. (оп. 2, д. 20, л. 186). Отсутствие других документов по данной проблеме свидетельствует о сравнительно малом интересе к ней членов ВУАК.

Материалы по общественно-политической истории России представлены в ф. 97 типографскими и рукописными копиями (оп. 2, д. 72, л. 1—26; д. 74, л. 90; д. 76, л. 19—93) манифестов русских императоров, указов Синода и Сената за 1722—1884 гг. Это собрание было создано трудами Н. В. Малицкого и других членов ВУАК. Привлекает внимание «Наставление губернаторам» 1764 г. и «Расписание губерний Всероссийской империи с назначением кто в них генерал-губернаторы или ту должность отправляют» 1781 г. (оп. 1, д. 76, л. 56—58). О владимирском судопроизводстве говорит подлинник неопубликованного «Дела Владимирского наместничества по рапорту Суздальского нижнего земского суда дворянского заседателя Артамонова о усмотренных им в том суде упущениях» 1794 г. (оп. 2, д. 9, л. 5). Имеется комплекс копий с переписки членов царской семьи в связи с отречением великого князя Константина от престола и манифестов Александра I о престолонаследии и Николая I от 14 декабря 1825 г. (оп. 1, д. 76, л. 9—14). К ним примыкает список с опубликованного («Древняя и новая Россия», 1880,

№ 3) свидетельства «самовидца» о казни декабристов 13 июля 1826 г. (оп. 1, д. 79, л. 2–6). Сохранились также списки с известного в литературе («Исторический сборник», 1856, кн. 1; ЧОИДР, 1859, кн. 1) «Мнения адмирала Мордвинова» (оп. 1, д. 79, л. 14–17).

Представляют интерес списки конца XIX в. с произведений А. И. Герцена «Былое и думы» и Н. А. Добролюбова «Темное царство» и «Луч света в темном царстве» (оп. 1, д. 64, л. 313) — свидетельства распространения литературы революционно-демократического содержания в российской провинции, в частности во Владимирской губ.

В документах фонда отражены события первой русской революции — движение учащейся молодежи. Одним из крупных учебных заведений во Владимире была основанная в 1750 г. духовная семинария. Семинаристы являлись организаторами и читателями подпольной библиотеки, включавшей произведения А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского. Начиная с января 1905 г. в семинарии шли волнения. В октябре 1905 г. семинаристы бросили занятия и выработали свои требования, вошедшие в «Петицию воспитанников Владимирской духовной семинарии святейшему правительствующему Синоду» (оп. 2, д. 15, л. 1–2). Семинарское начальство ответило на это выступление усилением репрессий, но показателен сам факт вовлечения владимирской учащейся молодежи в революционное движение. К послереволюционному времени относится находящийся в фонде комиссии список со стихотворения «На святой Руси трезнов», едко высмеивающего установившиеся в стране после поражения революции реакционные порядки (оп. 2, д. 15, л. 11).

Привлекают внимание документы, связанные с событиями революционного 1917 года. А. В. Смирнов принял участие в изгнании из Владимира в мае 1917 г. ставленника Распутина архиепископа Алексея. Проходивший 3 мая епархиальный съезд принял решение отправить в Синод телеграмму с просьбой отстранить Алексея от управления епархией. Синод 12 мая отстранил Алексея. В фонде ВУАК находится «Прошение во Владимирский епархиальный съезд духовенства и мирян от прихожан городских церквей в связи с удалением архиепископа Алексея», отразившее отношение населения к этому событию и попавшее в фонд, по-видимому, от А. В. Смирнова (оп. 2, д. 15, л. 12–13).

Среди документов по истории отечественной науки и культуры интересны подлинные протоколы заседаний Общества любителей российской словесности с 13 января 1867 г. по 26 декабря 1868 г., проходивших под председательством Н. В. Калачова и Н. В. Пугачева (оп. 1, д. 65, л. 58). Можно предположить, что в фонде эти протоколы оказались благодаря Ф. Д. Нефедову, бывшему в 80-х годах секретарем этого общества, а затем членом ВУАК вплоть до своей смерти в 1902 г. Список с «Мнения действительного статского советника Магницкого о науке права естественного» датирован 2 октября 1821 г. (оп. 1, д. 78, л. 37). Из подлинных документов отметим также собственноручную расписку семинариста Владимирской духовной семинарии, впоследствии видного государственного деятеля М. М. Сперанского в получении жалованья за сентябрь — октябрь 1784 г. (оп. 2, д. 12, л. 34), рукописный лечебник начала XIX в. «Избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещах ко здравью человеческому пристойных» (оп. 2, д. 24, л. 166), авторскую рукопись «Водяной мех, новая водоподъемная машина, годная ко многому употреблению, составлена, описана, рисунками изъяснена и моделью представлена Владимирской губернии уездного города Судогды Екатеринбургского собора протоиереем Иоанном Савеловым» 1844 г. (оп. 2, д. 21, л. 10).

Изучение фонда ВУАК, как и других фондов научных обществ, комиссий и краеведческих организаций, поможет исследователям «обнаружить интересные факты жизни, научной и общественной деятельности ученых, сведения о памятниках истории и культуры, об их изучении, об „угасших“ коллекциях, о собирательской деятельности краеведов»⁹.

⁹ Шмидт С. О. 25 лет Археографической комиссии Академии наук СССР. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 240.

ЛИСТОВКИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В 1905—1907 гг.

(по материалам фондов ЦГАОР СССР и ЦГИА г. Москвы).

Нелегальные листовки как исторический источник неоднократно привлекали внимание исследователей революционного движения 1905—1907 гг. в России. Усилиями советских историков были выработаны основные методы изучения листовок¹, подготовлены к публикации прокламации, выпущенные в годы первой русской революции Центральными и местными комитетами РСДРП². Отдельные воззвания большевистских организаций постоянно включались в сборники документов и материалов о революции 1905—1907 гг. на территории различных губерний и регионов³.

Активная научная разработка в последние годы вопросов участия в революции демократической интеллигенции, студенчества, учащихся средних учебных заведений предполагает наряду с использованием традиционного комплекса документальных материалов вовлечение в научный оборот новых источников. В этой связи перспективно обращение к нелегальным листовкам, вышедшим непосредственно из среды учащейся молодежи высшей и средней школы. И если студенческая подпольная печать уже стала объектом специального исследования⁴, то этого нельзя сказать об ученических листовках. Между тем они содержат данные, позволяющие судить об отношении учащихся к происходившим в стране событиям, оценке ими школьного учебного и воспитательного режима. В листовках отражены волнения в средних учебных заведениях, деятельность нелегальных ученических организаций и кружков, идейное размежевание учащихся, борьба политических партий, в первую очередь РСДРП, за школьную молодежь.

Было бы неверным утверждение, что листовки учащихся средних школ полностью выпали из поля зрения историков первой буржуазно-демократической революции. Но в исследованиях о деятельности партии большевиков среди учащихся приводятся в качестве иллюстраций только выдержки из отдельных ученических листовок социал-демократического направления. Эпизодичность использования этого вида источников имеет свои причины. Листовки, как правило, рассыпаны в архивных фондах, отсюда — значительная трудоемкость их выявления. С другой стороны, выявленные издания сравнительно нечасто становятся объектом историко-ведческого анализа, что, разумеется, препятствует ознакомлению с ними исследователей. В итоге ученические листовки публикуются редко

¹ Валк С. О приемах описания нелегальной листовки.— В кн.: Библиография, 1929, № 2/3, с. 15—26; Петропавловский Е. С. Большевистские листовки как исторический источник. М., 1966; Георгиева Н. Г. Печать студентов Москвы накануне первой русской революции: Опыт историко-ведческого исследования нелегальной листовкой печати (1895—1904 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Она же. Студенческая печать как исторический источник: (По материалам нелегальной листовкой печати московских студентов, 1895—1904 гг.).— В кн.: Труды УДН. М., 1974, т. 72, вып. 5, с. 122—144.

² Листовки петербургских большевиков. Т. 1. 1902—1907 гг. Л., 1939; Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.: Сб. в трех частях. М., 1956; Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955; Листовки иваново-вознесенской большевистской организации. 1900—1917. Иваново, 1957; Листовки саратовских большевиков. 1902—1917. Саратов, 1979; и др.

³ Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии. Кострома, 1955; Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг. Горький, 1955; Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955; Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг. Минск, 1955; Революционное движение на территории Липецкой области в 1905—1907 гг. Липецк, 1963; Революция 1905—1907 гг.: Документы и материалы. М., 1975; и др.

⁴ Георгиева Н. Г. Студенческая печать как исторический источник..., с. 122—144.

и лишь в единичных случаях включаются в сборники документов и материалов по истории революции 1905—1907 гг.⁵

В настоящем сообщении подводятся некоторые итоги работы по выявлению и изучению ученических листовок, распространенных среди учащихся Московского учебного округа⁶ в годы первой русской революции. Выбор Московского учебного округа в качестве региона исследования связан с тем, что по числу средних учебных заведений и количеству учащихся он являлся крупнейшим территориальным подразделением Министерства народного просвещения⁷. Здесь функционировал целый ряд общегородских ученических объединений, издававших нелегальные воззвания. Процессы, происходившие в среде учащихся округа под влиянием революционных выступлений пролетариата Центрального района, были характерны для учащейся молодежи России.

Обследование фондов ЦГАОР СССР и ЦГИА г. Москвы позволило выявить 38 ученических листовок, имевших распространение в средних школах Московского учебного округа. Пять листовок были в разное время опубликованы⁸, остальные в основном малоизвестны. Большинство листовок (31) отложилось в Коллекции нелегальных изданий ЦГАОР СССР (ф. 1741). Они были переданы в фонд из канцелярии московского генерал-губернатора, Московского охранного отделения, Особого отдела Департамента полиции и т. д. Пометки в описях и на полях листовок помогают восстановить местонахождение документов до передачи их в Коллекцию⁹. Несколько листовок были обнаружены в донесениях директоров гимназий и реальных училищ Смоленска и Тулы о революционных выступлениях учащихся (ЦГИА г. Москвы, ф. 459). Некоторые нелегальные издания сохранились в переписке Особого отдела Департамента полиции и делах Московского охранного отделения (ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, 63).

Указанное количество выявленных листовок является далеко не окончательным. Ряд прокламаций известны по упоминаниям или краткому изложению содержания в донесениях учебной администрации, другие представлены в виде копий, и подлинники в фондах не разысканы¹⁰. Тем не менее изучение взятых в комплексе выявленных экземпляров позволяет охарактеризовать внешние признаки, провести датировку, установить организационную принадлежность и политическую направленность ученических листовок, выделить в их содержании основные тематические линии.

Рассматриваемые нелегальные издания — это разноформатные листки бумаги с напечатанным на одной или обеих сторонах текстом. Сохранность большинства листовок удовлетворительная, но в некоторых отдельные слова стерты и не восстанавливаются в контексте. Издатели листо-

⁵ Революционное движение в Калужской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг. Калуга, 1955, с. 120—122; Революционное движение в Орловской губернии в период первой русской революции. Орел, 1957, с. 110—111; Заря надежды: Социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905—1909 гг.). Л., 1982, с. 361—367; и др.

⁶ Московский учебный округ включал 11 губерний: Владимирскую, Калужскую, Костромскую, Московскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую, Ярославскую.

⁷ Подсчитано по кн.: Учебные заведения Министерства народного просвещения. Справочная книга. СПб., 1907, с. 674—681.

⁸ *Малинин Д.* Три прокламации социал-демократического союза учащихся города Калуги в 1905 г. — В кн.: Из партийного прошлого. Калуга, 1923, вып. 2, с. 41—42; Революционное былое, 1923, № 1, с. 25—26; *Константинов Н. А.* Очерки по истории средней школы. М., 1947, с. 211—212; Революционное движение в Калужской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг., с. 120—122; Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы/Гл. ред. А. М. Папкратова. Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель-сентябрь. М., 1955, ч. 1, с. 896—897.

⁹ На полях одной из листовок помечено: «Получено от М. Н. Покровского 30/III 21 г.» (ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 20641).

¹⁰ Этих листовок обнаружено 12. Таким образом, общее количество ученических листовок составляет, по меньшей мере, 50.

вок в соответствии со своими техническими возможностями использовали в качестве материала бумагу размером либо в лист (36×44 см), либо в часть листа (2°, 4°, 8°). Однако встречаются листки иных размеров — 13,5×22 см, 15×22 см, 16,6×20,8 см¹¹. Используемая бумага в основном не имеет особых фабричных знаков, лишь на двух листовках отчетливо виден штемпель Компании рижских писчебумажных фабрик¹².

На листовках социал-демократических союзов учащихся Костромы, Москвы и Орла, воззваниях Местного комитета Московской мужской 2-й гимназии имеются оттиски печатей, которые располагались чаще всего над текстом¹³. Иногда на полях указываются фамилии лиц, у которых листовки были обнаружены при обыске¹⁴.

В качестве основного множительного аппарата учащиеся применяли гектограф (лиловые чернила придавали буквам специфический цвет), на мимеографе или типографским способом напечатаны единичные листовки.

Весьма сложно определение тиража нелегальных ученических изданий: на самих листовках он не указывался, а привлечение разного рода косвенных сведений дает только приблизительные цифры¹⁵. Во всяком случае, тиражи листовок, предназначенных для учащихся одного или нескольких учебных заведений, не могли быть велики. Распространение листовок осуществлялось разными путями: их разбрасывали в классах и коридорах школьных зданий, на митингах и демонстрациях учащихся, отправляли почтой местным адресатам и в учебные заведения других городов. Известны случаи появления в средних школах Московского округа прокламации, например, учащихся Саратовской губернии, а в Тобольске была обнаружена листовка, содержащая требования учеников Московской земледельческой школы¹⁶.

Определенные трудности возникают при установлении точного времени издания листовок. Полная дата с указанием года, месяца и числа проставлена только в 15 выявленных листовках, в 10 — указаны год и месяц, в 2 — приводится лишь год, в 11 — дата отсутствует; таким образом, в 60% листовок необходимо выяснить или уточнить дату.

В ряде случаев определить дату позволяет анализ содержания. Иногда это несложно, особенно если в тексте упоминаются революционные события или приводятся какие-либо близкие по времени даты. Таким образом устанавливается, например, время выпуска прокламации от имени Группы учащихся социал-демократов г. Костромы, посвященной празднованию 1 Мая. Прокламация помечена 1907 г. и начинается словами: «Товарищи! Сегодня 1-ое мая». Время печатания другой листовки — манифеста Местного комитета Московской мужской 2-й гимназии — определяется периодом от 27 января по 13 февраля 1906 г. Основанием для этого служит заявление комитета о начале борьбы со школьным режимом с 14 февраля и ссылка в тексте на постановление комитета от 27 января 1906 г.¹⁷

Но чаще всего листовки не содержат необходимую датирующую информацию. Несколько помогает решению проблемы обращение к архивным документам, специальной литературе, мемуарам, периодической печати. В качестве иллюстрации можно привести установление приблизительных сроков издания воззвания Смоленской социал-демократической

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 17892, 26547, 26549 и др.

¹² Там же, д. 26551, 26553; См.: *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, с. 100.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 20641, 20690, 21261-а, 26553.

¹⁴ Там же, д. 20638, 20639, 20694.

¹⁵ На полях прокламации «Группы учащихся социал-демократов г. Костромы» в левом верхнем углу имеется помета «15 экз.» (ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 20690). В сборнике «1905 год в Костроме» сообщается, что у семинариста П. Василевского в апреле 1905 г. полиция изъяла гектограф и 39 экземпляров прокламации «Солдатская памятка», изданной от имени «Социал-демократической группы костромских учащихся» (См.: *Лалшин Н. П.* Боевая организация Костромского комитета РСДРП 1905—6 гг. — В кн.: 1905 год в Костроме. Кострома, 1926, с. 73).

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 25, д. 48, л. 51, 115—117.

¹⁷ Там же, ф. 1741, оп. 1, д. 20636 (представлено фотокопией), 26553.

организации учащихся и обращения учеников московских средних учебных заведений.

В первом документе, призывающем учащихся включиться в освободительное движение, говорится о недавней трехдневной забастовке в гимназии и духовной семинарии, о прекращении работы на фабриках и железных дорогах. В конце листовки приводится лозунг «Да здравствует всеобщая политическая стачка!». Как видим, ключом к определению даты могут быть сроки трехдневной забастовки в смоленских школах в 1905 г. Обращение к донесениям директоров учебных заведений подтвердило, что ученическая забастовка продолжалась три дня — с 11 по 13 октября 1905 г. Эти сведения в сопоставлении с данными о выступлениях фабрично-заводского пролетариата и железнодорожников при учете приведенного лозунга позволяют отнести время печатания листовки к периоду Всероссийской Октябрьской политической стачки, а точнее — к 14—17 октября 1905 г.¹⁸

Второй документ содержит обращение к старшекласникам Москвы с призывом бороться против школьного режима и готовиться к общеученической забастовке¹⁹. В этом случае определенным временным ориентиром служит упоминание в листовке выступлений в школах Саратова, Радома и Могилева, протестов студенчества и интеллигенции. Выступления школьников перечисленных городов состоялись в середине января 1905 г. и были хорошо известны по сообщениям газет. На январь—февраль приходится и волна протестов интеллигенции, студенческой молодежи в связи с событиями «Кровавого воскресенья». Могла ли быть напечатана тогда же листовка московских учащихся? Да, по всей вероятности. Это предположение косвенно подтверждается сообщением большевистской газеты «Вперед» о широком распространении после 9 января прокламаций в средних школах Москвы и намерении некоторых гимназий организовать забастовку²⁰. Отсутствие же в тексте обращения откликов на расправу полиции над учащимися Курска²¹ позволяет считать возможным сроком издания листовки период со второй половины января до середины февраля 1905 г.

Однако следует учесть, что и привлечение разного рода дополнительных сведений далеко не всегда приносит положительные результаты. Некоторые листовки датируются только с точностью до одного года. Здесь речь идет об уставах и обращениях ученических организаций. Более точная датировка таких изданий возможна при детальном изучении истории союзов учащихся, действовавших на территории учебного округа.

Революционные события 1905—1907 гг. ускорили политическую дифференциацию школьной молодежи. В ее среде, как и в студенчестве, выделяются политические группы, соответствовавшие политическим группировкам русского общества²². Ученические листовки отразили эти процессы: появились прокламации социал-демократического и эсеровского направлений, воззвания либерального и академического характера. В этой связи чрезвычайно важно выявить общественно-политические позиции авторов листовок и, следовательно, стоящих за ними групп учащихся.

Организационно-политическая принадлежность ученических листовок устанавливается по имеющимся подписям (оттискам печатей) и содержанию текста. Их изучение показало, что абсолютное большинство печатных изданий (34 из 38) выпущены объединениями учащихся — союзами, группами, комитетами и т. д. Анонимно или от лица всех воспитанников учебных заведений напечатаны только четыре листовки. Группировка листовок по политической ориентации их издателей дала

¹⁸ ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 3, 1905 г., д. 4680, л. 13; д. 4519, л. 21.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 20635.

²⁰ Вперед, 1905, 15(2) марта.

²¹ «Курское избиение» 12 февраля 1905 г. вызвало возмущение демократической общественности и послужило поводом к волнениям в средних учебных заведениях.

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

следующие результаты: из 34 листовок 16 изданы во Владимире, Калуге, Костроме, Москве, Орле, Смоленске, Ярославле ученическими социал-демократическими организациями или группами учащихся, стоящими на близких к ним позициях. 8 листовок принадлежат эсеровским кружкам учащихся Калуги и Москвы, а 10 — различным внепартийным ученическим союзам и комитетам в Костроме, Москве, Туле. В приведенных данных обращает внимание сравнительно широкий регион распространения изданий социал-демократического направления и их значительная доля (42%) в общей массе выявленных листовок.

Группировка листовок по хронологическому признаку обнаружила изменения в издательской активности учащихся. Оказалось, что к 1905 г. относятся 22 листовки (из которых социал-демократических 9), к 1906 г. — 12 (в том числе 3 социал-демократические), к 1907 г. — 4 (все социал-демократические). В полученных результатах, во-первых, вполне определенно просматривается зависимость издательской активности учащихся от общего хода революции; во-вторых, очевидно, что в условиях отступления революции, к 1907 г., смогли организовать выпуск листовок только социал-демократические организации учащихся.

Обратимся к содержанию листовок. В основном это воззвания, призывающие учащихся поддержать революционное движение, начать забастовку либо иным способом выступить против школьного режима. Поэтому авторы агитационных листовок пытаются следовать структуре прокламаций нелегальных политических партий. В этом отношении выгодно отличаются издания социал-демократических союзов учащихся. Некоторые их листовки открываются напечатанным во всю ширину листа полным названием партии, здесь же приводится лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»²³, в значительной части текста многих листовок указывается название ученической организации и содержатся призывы «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» и др.²⁴

Оформление изданий союзов, не определивших своего политического лица, менее четкое, а лозунги аморфны. Так, Центральный комитет организации учащихся средних учебных заведений г. Москвы, функционировавший в конце 1905 — первые месяцы 1906 г., завершал свои издания лозунгами «Да здравствует освобожденная Россия!», «Да здравствует активное выступление! Да здравствует свобода!»²⁵.

Часть листовок носит информационный характер. В них перечисляются требования учащихся, излагаются цели и уставы ученических организаций, разъясняется политическое положение в стране, сообщается о внутренних процессах движения школьной молодежи. Одна листовка представляет перепечатку известной прокламации «Солдатская памятка» и издана Социал-демократической группой костромских учащихся²⁶.

В листовках затрагиваются самые важные темы, волновавшие учащуюся молодежь в годы революции: демократизация школы и пути ее достижения, место учащихся в революционной борьбе, проблема партийности ученического движения.

Значительное место в ученической печати отведено обличению школьных порядков. Листовка владимирских учащихся определяет атмосферу средней школы как «затхлую, удушливую». Авторы листовки указывают, что на уроках им «преподносят отрывки знаний и при этом тенденциозно подобранных и тщательно профильтрованных грязными руками полицейских». Что касается истории, то эта дисциплина в условиях тогдашней школы превратилась, по мнению учащихся, в «хаотическую кучу хронологических дат, имен властителей и сражений... разные выдумки с примесью клеветы о чужих народах для возбуждения национальной

²³ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 20636, 20690.

²⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 3, 1905 г., д. 4680, л. 13—15; ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 22077, 22091 и др.

²⁵ Там же, ф. 1741, оп. 1, д. 24086, 26541.

²⁶ Там же, д. 20624, 20645, 20646, 22802, 26553, 21261-а.

вражды»²⁷. Листовка Комитета забастовки костромских учащихся рассказывает о засилье в школе латинского и греческого языков и отсутствии «живых» наук²⁸.

Листовки содержат уничтожающие характеристики школьных педагогов. Для учащихся Костромы их наставники — «это чиновники, которым нет дела до воспитания», невежды, идиоты и пропойцы». И это понятно, — говорится в листовке далее, — лучшие люди не пойдут в учителя при современных условиях школы»²⁹. Инспекторы, надзиратели, классные наставники, нередко выполнявшие полицейские функции, называются в листовках учащихся Владимира, Москвы, Ярославля лицемерами, прихвостнями самодержавия, холопами и сыщиками³⁰.

Школьный строй, делают вывод авторы листовок, убивает в учащихся чувство собственного достоинства, формирует «людей без чести, без разума, без голоса, чиновников, попов»³¹. Ряд листовок, особенно в первые месяцы революции, разъяснял учащимся теснейшую связь школьного режима с самодержавными порядками. Такая мысль красной нитью проходит через прокламации Смоленской социал-демократической организации учащихся, Костромской организации учащихся, воззвание учеников Московской земледельческой школы³².

Тема революции, роли в ней различных классов, позиция учащейся молодежи получили отражение в большинстве изданий. Социал-демократические союзы через листовки пропагандировали идею руководящей роли рабочего класса в революции, призывали поддержать героическую борьбу пролетариата. Калужский союз называл пролетариат центром, ядром революционной армии, а в первомайском воззвании «Ярославской группы Союза учащихся Северного района» прямо говорилось: «Без революции нет свободы, даже маленькой школьной свободы! Но если без революции нет свободы, то без пролетариев нет революции. В рабочих наша надежда — рядом с рабочими наше место»³³. По материалам ученической печати прослеживаются выступления учащихся средних учебных заведений против школьного режима. Листовки излагают требования учащихся по академическим вопросам, призывают к использованию различных форм борьбы за свободную школу³⁴.

Обращение к тексту некоторых листовок позволяет получить новые данные о сложном процессе политического размежевания учащихся, борьбе партии большевиков за вовлечение передовой молодежи в революционное движение. В этой связи особо интересны две листовки, хранящиеся в ф. 1741 ЦГАОР СССР³⁵. Они изданы учащимися Костромы, образовавшими в марте 1905 г. с помощью местной организации РСДРП общеученическую социал-демократическую группу. Обе листовки фактически являются бюллетенями группы, поэтому лозунги и призывы в них отсутствуют. Подписи в листовках несколько отличаются, так как точная формулировка названия группы, по всей вероятности, еще не определилась.

В первой листовке группа объявила о своем существовании, перечислила задачи деятельности и открыто заявила о тесных связях с местной большевистской организацией. Здесь же резкой критике была подвергнута «беспартийная» группа учащихся, поставившая цель «единение и самообразование»³⁶. Во второй листовке излагается содержание дискус-

²⁷ Там же, с. 20631.

²⁸ Там же, 20643.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, д. 20631, 26541; ф. 102, ОО, II отд., 1905 г., оп. 233, д. 1350, ч. 28, л. 3.

³¹ Там же, ф. 1741, оп. 1, д. 20641.

³² Там же, д. 20624, 20627; ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 3, 1905 г., д. 4680, л. 13—14 об.

³³ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы/Гл. ред. А. М. Панкратова. Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель — сентябрь, ч. 1, с. 896—897.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, д. 17894, 20644—20646, 26547, 26549, 26553 и др.

³⁵ Там же, д. 20689 (представлено фотокопией), 20694.

³⁶ Там же, д. 20689.

сии, развернувшейся на тайной сходке воспитанников Костромской семинарии. Выступая на сходке, «беспартийные» ораторы утверждали, что «всякая партийность ведет к узости миросозерцания... не допускает свободу критики», и советовали учащимся «бросить пустую игру в партии, объединиться под лозунгом „свобода критики“». Но сторонники «внепартийности» ученического движения получили отпор социал-демократически настроенных учащихся. Выступая, они подчеркивали, что «в условиях начавшейся революции наблюдается быстрый подъем духа учащейся молодежи и стремление ее примкнуть к той или иной партии». Поэтому причиной возникновения новой группы является «партийная зрелость учащихся». Было заявлено, что большинство учащихся желают «начать активную деятельность под знаменем „социал-демократии“ как партии наиболее популярной и наиболее сплоченной»³⁷. Результаты голосования по резолюциям обеих групп с предложением вступить в их ряды убедительно продемонстрировали преимущество социал-демократической группы: ее резолюция собрала 39 голосов из 53.

Мы остановились столь подробно на содержании этих документов, потому что именно обращение к листовкам предоставило редкую возможность увидеть как бы изнутри один из этапов сложного и длительного пути идейного размежевания учащейся молодежи.

Таким образом, ученические листовки можно охарактеризовать как едесцензурные издания, выражавшие взгляды учащихся на проблемы школы и революционного движения в России. Информация, почерпнутая из нелегальной ученической печати, позволяет существенно дополнить данные о настроениях и движении учащихся средних школ, полученные при изучении документов органов Министерства просвещения, материалов полицейских дознаний и др. Особенно это касается вопросов деятельности ученических организаций, их идейной эволюции, политической ориентации и сроков существования.

Дальнейшее целенаправленное обследование соответствующих фондов центральных и местных архивов будет способствовать дополнительному выявлению ученических листовок. Проведение аналогичной работы по другим регионам, несомненно, пополнит комплекс источников по революции 1905—1907 гг. в России.

³⁷ Там же, д. 20694.

Л. А. Шаццлло

ФОНД Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО В ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕВОЛЮЦИИ СССР

Документальные материалы о жизни и деятельности выдающегося революционера-ленинца, ученого и государственного деятеля Г. М. Кржижановского (1872—1959) находятся в нескольких архивохранилищах. В ЦПА ИМЛ имеется личный фонд Г. М. Кржижановского (ф. 355), в ЦГАОР СССР — документы о его участии в революционном движении — в фонде Департамента полиции (ф. 102), о государственной и общественной деятельности — в фондах СНК РСФСР (ф. 130), ВЦИК (ф. 1235), ЦИК СССР (ф. 3316). Деятельность Кржижановского после Великой Октябрьской социалистической революции широко представлена документами, хранящимися в ЦГАНХ (например, в фондах Комиссии ГОЭЛРО — ф. 5208, Президиума Госплана — ф. 4372 и др.)¹. В архиве АН СССР имеются отдельные документы о его деятельности на посту вице-президента АН СССР.

¹ Обзоры документов Г. М. Кржижановского и материалов о нем в этих архивах см. в кн.: Глеб Максимилианович Кржижановский: Жизнь и деятельность. М., 1974, с. 256—267.

ЦМР СССР также располагает документами Кржижановского и вещественными реликвиями. Фонд Кржижановского складывался постепенно. Еще Глеб Максимилианович передал музею ряд ценных документов. После смерти Кржижановского его квартира на ул. Осипенко, д. 30 со всей обстановкой поступила в ведение ЦМР СССР, где было решено создать мемориальный музей-филиал. В настоящее время музей реставрируется и в ближайшем будущем будет открыт для посетителей. В квартире имелись многочисленные документы и фотографии, которые также вошли в личный фонд Кржижановского (ф. 27 более 2 тыс. ед. хр.), созданный в музее.

Неоднократно состав фонда изучался сотрудниками ЦПА ИМЛ и наиболее ценные документы были переданы в этот архив. Однако в музее остались подлинники, которые также представляют интерес для исследователей. Это рукописные и машинописные с авторскими пометками варианты статей и докладов, стенограммы выступлений, правленные рукой Кржижановского, личные документы, фотографии. Большинство из документов не было опубликовано.

Документы фонда, расположенные по хронологии (1888—1959 гг.), в той или иной мере отражают основные периоды жизни и деятельности Кржижановского. Их можно разделить на несколько групп: 1) документы и статьи об электрификации и развитии энергетики; 2) документы и статьи о планировании народного хозяйства; 3) переписка с В. И. Лениным и другими деятелями партии и государства; 4) статьи и воспоминания о В. И. Ленине и выдающихся революционерах, государственных деятелях и ученых; 5) материалы общественно-политической деятельности; 6) биографические материалы; 7) фотографии.

Поскольку научная, служебная и общественная деятельность Г. М. Кржижановского тесно связаны, первые две группы включают в себя творческие материалы и материалы по деятельности.

К первой группе относятся статьи, доклады, планы работ, проекты, отражающие деятельность Кржижановского по созданию и осуществлению первого в истории страны плана народного хозяйства — плана ГОЭЛРО (20-е годы). Часть материалов посвящена проблемам развития энергетики в последующий период (30—50-е годы).

Среди документов этой группы — доклад Г. М. Кржижановского «Достижения и перспективы электрификации»² (машинопись с авторской правкой), прочитанный в Политехническом музее на вечере Губполитпросвета 30 декабря 1924 г. Доклад был положен в основу статьи «Перспективы электрификации»³, которая носит более глубокий научный характер, насыщена цифровым и фактическим материалом. Доклад же — популярнее, образнее, в нем больше сопоставлений, воспоминаний о создании плана ГОЭЛРО. Он не только интересен для изучения научного творческого процесса ученого, но и дает представление о Кржижановском — пламенном пропагандисте идей электрификации.

В исследованиях по энергетике и электрификации Кржижановский неизменно исходил из того огромного значения, которое они имеют для развития техники и экономики всех отраслей народного хозяйства. Это он подчеркивал и в статье «Электрификация», написанной для БСЭ в 1933 г., один из вариантов которой, отличающийся от публикации, хранится в фонде (26853/148; машинопись с авторской правкой).

Проблемами развития энергетики Кржижановский занимался и будучи действительным членом Академии наук, ее вице-президентом (с 1929 г.), а также директором Энергетического института АН СССР (1931—1959 гг.) (ныне Энергетический институт им. Г. М. Кржижановского). Он явился

² ЦМР СССР, Главная инвентарная книга (ГИК), ф. 27, 26853/240. (Поскольку материалы относятся к этому фонду, далее в тексте указываются только номера ед. хр.).

³ Четыре года электрификации СССР. М., 1925, с. 3—27; Плановое хозяйство, 1925, № 2, с. 3—21.

одним из зачинателей организационной перестройки Академии наук с целью приближения ее к нуждам народного хозяйства страны. Вице-президентом АН СССР Кржижановский отдал много сил на создание и развитие Отделения технических наук Академии, на привлечение в его состав талантливых ученых, выращивание научных кадров и формирование академических институтов технического профиля, сыгравших большую роль в повышении научно-технического потенциала нашей страны.

Среди материалов этого периода — доклад на заседании Отделения общественных наук АН СССР «Наука и социализм» (26853/59; опубл.: Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук, 1937, № 5); доклад «Проблема Большой Волги», сделанный на торжественном заседании, посвященном двухлетию существования инженерно-технических обществ (26853/275; машинопись с правкой Кржижановского; опубл.: Известия, 1933, 17 дек.; и др.); записка Кржижановского по вопросу организации широких термодинамических исследований в области пара высокого давления (37926/512, 1946 г.; машинопись с правкой); Проект пятилетнего плана научных работ на 1956—1960 гг. по проблеме «Разработка научных основ развития энергетических систем и их объединения в Единую энергетическую систему (ЕЭС)»⁴ (37926/477; машинопись); рукопись неопубликованной, неоконченной статьи «Очередные задачи АН» (36926/428; не дат.) и др.

Наибольший интерес представляют подлинные документы, например рукопись «План доклада о Высшей технической школе» (26853/386), в котором Кржижановский особое внимание обращает на подготовку технических кадров; рукописи неопубликованных статей «Пятилетка по разделу общей энергетики» (37926/222; не дат.), «Предтечи нашей электрификации» (37926/429, 1947 г.); неопубликованная статья «Новые этапы советской гидроэнергетики» (37926/450; машинопись с подписью и пометками Кржижановского, 1949 г.) и др.

Большое значение Глеб Максимилианович придавал электрификации сельского хозяйства, железнодорожного транспорта. Этим проблемам посвящены такие подлинные документы, как тезисы доклада и неопубликованная статья «Насущные задачи электрификации сельского хозяйства» (37926/218, 434 с пометками Кржижановского) 1954 г., рукописный набросок статьи «„Электротрактор“ с энерготехнологическими характеристиками использования энергетических средств в сельском хозяйстве» (37926/427, не опубл.) и другие материалы.

В фонде хранятся рукописи статей, посвященных перспективам развития энергетики в стране. В одном из рукописных вариантов статьи «Энергетика и ее будущее» Кржижановский указывает на возможность «тесного сплетения атомных установок с реорганизованными установками по производству электроэнергии» (37926/220), предсказывая использование энергии атома в мирном строительстве. Статья была опубликована⁵, но черновик отличается от публикации как стилистически, так и более конкретным содержанием.

К этой группе материалов можно отнести и служебную документацию, в разработке которой Кржижановский принимал участие, будучи директором Энергетического института АН СССР (ЭНИИ). Среди этих документов — приказы по институту, служебные записки, отчеты о проделанной работе, служебная переписка, справки и т. д. Например, записка Кржижановского С. И. Вавилову по вопросу о плане научно-исследовательских работ Академии наук на 20 лет по разделу энергетики (37926/201; рук. на бланке АН СССР, 1947 г.); Отчет о работе академика Г. М. Кржижановского за 1946 г. (37926/219, подл., машин.); письмо доктора технических наук С. В. Клонова Г. М. Кржижановскому с изложением нового варианта решения Каспийской проблемы (37926/455,

⁴ Разработка научных основ развития энергетических систем и их объединения в Единую энергетическую систему (ЕЭС). Руководитель проблемы акад. Г. М. Кржижановский. М., 1957.

⁵ Кржижановский Г. М. Энергетика и ее будущее. — Октябрь, 1947, № 4, с. 132—142; То же. — Техника — молодежи, 1947, № 4, с. 2—10; и др.

рук., 1947 г.); резолюции, решения, протоколы заседаний технического отдела Гидроэнергопроекта и другие документы по проблеме Енисей — Обь — Арало-Каспийское водное соединение (37926/485, машин., 1948—1949 гг.); краткий отчет о научной деятельности отдела общей энергетики ЭНИН за первое полугодие 1946 г. (37926/486; машин.); приказ по ЭНИН о создании комиссии для определения задач ЭНИН в области разработки вопросов мирного использования атомной энергии (37926/215), машин., 1955 г.) и др.

Ко второй группе материалов относятся документы о работе Кржижановского в Госплане (1921—1930 гг.). Они отражают его большой вклад в дело организации и пропаганды социалистического планирования.

Среди источников этого периода — секретарские и стенографические (расшифрованные) записи выступлений Кржижановского на заседаниях Президиума Госплана и Секции энергетики, докладов и выступлений на съездах плановых работников, документы, связанные с подготовкой первого пятилетнего плана, статьи и т. д. Многие из стенограмм имеют правку Кржижановского — например, стенограмма вступительного доклада на III съезде плановых работников, речь на Малом президиуме Госплана 16 февраля 1924 г. (не опубл., 26853/402, 226). Материалы этой группы фонда отражают разработку системы плановых органов в стране, показывают, как проводилась подготовка и воспитание новых кадров специалистов по планированию народного хозяйства.

Кржижановский в своих работах неоднократно подчеркивал огромную роль Коммунистической партии в строительстве основ социалистической экономики. Он писал в рукописи неопубликованной неоконченной статье «Партия у хозяйственного руля»: «Никогда еще на партию революционного пролетариата не падало такой ответственной и грандиозной задачи по переустройству первоосновы всей общественной структуры — экономики, как на нашу коммунистическую партию... Наша сила — организованность. Высшее проявление этой организованности — сама наша партия» (26853/389; не дат.).

Ряд статей, докладов и выступлений Г. М. Кржижановского на заседаниях Госплана, ЦИК и других организаций посвящен составлению первого пятилетнего плана. Среди них наибольший интерес представляют «План доклада о первом пятилетнем плане на XV съезде партии», директивы, данные председателем Госплана Кржижановским аппарату Госплана, к вопросу о плане пятилетки (26853/176, 107; машинопись с пометками и подписью), рукописный конспект доклада ЦИК о контрольных цифрах на 1929/30 г. (26853/391;) и др.

Большое внимание председатель Госплана уделял индустриальному развитию различных, особенно восточных, районов страны. Об этом он говорил на сессии ВЦИК 9 сентября 1924 г. (26853/238; расшифр. стеногр.), которая рассматривала вопросы о законодательном закреплении районирования юго-востока страны.

Вопросам районирования посвящены также имеющиеся в фонде музея расшифрованные стенограммы двух речей Кржижановского на заседании Малого президиума Госплана 16 февраля 1924 г. и речи в Госплане 21 июля 1928 г. о скорейшем решении этого вопроса (26853/226, 393; машин, с авт. правкой).

Составлению второго пятилетнего плана посвящен рукописный «Проект доклада на XVII съезде ВКП(б)» (26853/31, не был использован, так как Кржижановский выступал на съезде с другим докладом).

Третью группу источников составляют копии писем, записок, телеграмм из переписки В. И. Ленина с Г. М. Кржижановским (за 1920—1922 гг.) (все опубл.)⁶, переданные в 1950 г. музеем лично Кржижановским (26853/413, 414, 418, 420, 422, 424, 458, 416, 457, 151 и др., всего более 40 ед. хр.).

Имеются также копии документов из переписки Г. М. Кржижанов-

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52—54.

ского с Ф. Э. Дзержинским, В. В. Куйбышевым, И. В. Сталиным, А. Д. Цюрупой и др. (например 26853/508, 507, 512, 511, 500, 510, 505, 506). Многие из них не публиковались. В фонде бережно хранятся подлинные рукописные записки Ф. Э. Дзержинского (1924—1926 гг.) и В. Р. Менжинского (1930—1931 гг.) и ответы Кржижановского на них (26853/504, 504а, б), посвященные проблеме подъема производительности труда в промышленности и работе Госплана.

Музей не только широко использует эти материалы в пропагандистской работе, но и обеспечивает дополнительную сохранность ценной переписки.

Большое место в творчестве Кржижановского занимала ленинская тема. Более 30 лет вместе с Лениным как соратник и ученик, друг и единомышленник он прошел путь от марксистских кружков и «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» до решения задач социалистического строительства.

Центральный музей революции СССР бережно хранит воспоминания Кржижановского на эту тему. Это его доклады, выступления на юбилейных торжествах в различных организациях — такие, например, как расшифрованная стенограмма доклада на научной сессии Коммунистической академии, посвященной десятилетию со дня смерти В. И. Ленина (26853/30, машин. с подп. Кржижановского), рукописный набросок доклада к девятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина (26853/459) и другие опубликованные документы, а также статьи «В скорбные дни»⁷ (26853/291; машин. с подп. Кржижановского) и рукописный вариант статьи «Ленин и электрификация»⁸ (39070/39). В нем в отличие от публикации больше места отведено воспоминаниям о встречах с Лениным.

В фонде сохранились также воспоминания Кржижановского о Н. К. Крупской, В. В. Куйбышеве, Ф. В. Ленгнике, И. Г. Александрове, А. П. Карпинском, В. Р. Вильямсе (26853/98, 111, 57, 367, 98, 88, 87), опубликованные в разное время. Здесь же хранятся неопубликованные документы: стенограмма выступления Кржижановского на похоронах А. П. Карпинского 17 июля 1936 г., выправленная им самим (26853/84, рук., машин.), и воспоминания «Светлой памяти Глафиры Ивановны Окуловой» (32353, машин. с правкой), с которыми он выступил 16 мая 1958 г. в Государственном музее революции СССР на вечере, посвященном 80-летию со дня рождения Окуловой.

В пятую группу материалов входят статьи, доклады, выступления Кржижановского, посвященные знаменательным датам и другим выдающимся событиям в жизни страны. Среди них наибольший интерес представляют расшифрованная стенограмма неопубликованного доклада, посвященного 13-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, сделанного на открытом собрании партячейки завода «Госзнак» (1930 г.), и статья «К 20-летию комсомола», в сокращенном виде опубликованная под названием «Дружба поколений»⁹ (26853/363, 95; машин. с правкой и подп. автора).

Кржижановский остро реагировал на события, происходившие не только в стране, но и в мире. В фонде имеется ряд рукописных вариантов неоконченной статьи об угрозе фашизма «Фашисты и колесо истории», 1933 г. (26853/385, 146), в которой автор дает оценку положения в Германии после прихода к власти фашистов, и заметка «День радости»¹⁰ о героизме, проявленном советскими летчиками при спасении челюскинцев. Автор подчеркивает, что это событие явилось мощным свидетельством «героической отваги и предельного мастерства наших летчиков», новым доказательством «культурного подъема страны Советов, единственной страны, где во всех областях самый труд стал делом доблести и чести, делом славы и геройства» (цит. по рук., 26853/62).

⁷ Правда, 1926, 21 янв.; Красная газета, 1926, 21 янв.

⁸ Электричество, 1944, № 1/2.

⁹ Комсомольская правда, 1938, 20 окт.

¹⁰ Там же, 1934, 6 июня.

Среди документов, отражающих деятельность Кржижановского как депутата Верховного Совета СССР, — конспекты выступлений перед избирателями (26853/48, 50, рук.), варианты статьи «Моим избирателям» (26853/228, 261 а-в; рук. и машин. с правкой, 1937 г.), переданной по радио в редакцию газеты «Волжская коммуна» (г. Куйбышев), черновые заметки, сделанные во время поездки Кржижановского в Куйбышевскую обл. в связи с избирательной кампаний (26853/52, рук.), и др.

В рукописи одной из неопубликованных статей, «Наши депутаты» (1937), Кржижановский указывает на долг депутата перед избирателями «всемерно крепить свою связь с массами... чутко прислушиваться к голосу их нужд и желаний, считая это своей первой священной обязанностью» (26853/53, 58).

Как известно, Глеб Максимилианович был автором текста не только знаменитой «Варшавянки» и песни «Беснуйтесь, тираны!», но и многих стихов, посвященных В. И. Ленину, Н. К. Крупской, И. И. Радченко и др. Значительное число их хранится в ЦПА ИМЛ¹¹. В ЦМР СССР имеются рукописные подлинники трех неопубликованных стихотворений Кржижановского. Вот строки одного из них, посвященного 1 Мая:

День первый Мая...
А небо в тучах...
Суровый ветер знамена рвет,
Как будто недруг злой и могучий
В самих стихиях нас стережет...
Тщетны потуги зимы угрюмой
В истлевшем саване снегов
Потоки вод неудержимых
Оковы ружат зимних снов...

26853/379; не дат.

В фонде имеется еще два стихотворения: четверостишие, посвященное жене, З. П. Кржижановской, и неоконченное стихотворение «Кто они?» (37926/425; 26853/451, обе рук. не дат.).

В группе биографических материалов — подлинники личных документов Кржижановского, среди которых — Аттестат об окончании с отличием в 1888 г. Самарского реального училища, диплом академика АН СССР, диплом действительного члена Польской академии наук, партийные документы — билеты члена ЦК нашей партии разных лет, билет депутата Верховного Совета СССР, удостоверение о присвоении звания Героя Социалистического Труда и др. (26853/271, 1, 11, 22, 4, 14, 2; 37926/184, 185; 35678/3). Наиболее многочисленную часть этой группы фонда (более 500 ед.хр.) составляют поздравления, приветствия, поздравительные адреса и телеграммы Кржижановскому в связи с различными юбилейными датами от друзей, коллег, различных предприятий, учреждений. В фонде имеются поздравления-телеграммы от Н. К. Крупской, Г. К. Орджоникидзе, М. И. и Д. И. Ульяновых и др. (26853/412/1—94). Есть и поздравительные открытки и письма. Например, в одном из поздравлений Кржижановскому в день 80-летия В. Д. Бонч-Бруевич пишет: «Как быстро пронеслись эти последние 50 лет, полные творчества, борьбы и замечательных успехов. Вспоминая все прошлое, я невольно вызываю и вижу вот здесь вместе с Вами великий образ Владимира Ильича, который всегда так искренне был расположен к Вам, и как бы он был рад душевно обнять Вас в этот Ваш многознаменательный день» (28872/250; на личном бланке Бонч-Бруевича и с его подписью).

К последней группе материалов фонда относятся фотографии Кржижановского, его родных и друзей, событий, в которых он участвовал (более 400 ед. хр.) с 1882 по 1959 г. Среди них есть и подлинники — например, фото Кржижановского с сестрой Антониной в Самаре 1882 г. (опубл.), альбом семейных фотографий и др. (26853/37, 510, 571 (1—4)).

Завершая обзор личного фонда Г. М. Кржижановского в ЦМР СССР, следует отметить, что материалы фонда различны по содержанию и зна-

¹¹ Глеб Максимилианович Кржижановский: Жизнь и деятельность, с. 266.

чению. По сравнению с другими архивами (ЦПА ИМЛ, ЦГАОР, ЦГАНХ, ААН) здесь меньше подлинников и завершенных работ. Однако имеющиеся в фонде варианты статей, некоторые неопубликованные материалы, тезисы, планы докладов и выступлений, подлинные личные документы Кржижановского также имеют ценность для исследования его многогранной деятельности, помогают получить дополнительные сведения о научном, творческом процессе ученого. Наличие же в музее копий наиболее ценных документов, например переписки с В. И. Лениным и другими государственными деятелями, делает их более доступными для исследователей и обеспечивает им дополнительную сохранность.

Музей не только бережно хранит реликвии, связанные с жизнью и деятельностью представителя ленинской гвардии Г. М. Кржижановского, но и широко их пропагандирует, используя в экспозиционной и выставочной работе.

М. И. Автокротова, В. Н. Самошенко

ЛЕКЦИЯ С. К. БОГОЯВЛЕНСКОГО О Н. В. КАЛАЧОВЕ

Известный историк Сергей Константинович Богоявленский много и продуктивно работал в архивах, прослужив в МГАМИД и других архивных учреждениях свыше 30 лет¹. В период с августа 1922 по январь 1924 г. он являлся профессором кафедры архивоведения МГУ². О широте его научных взглядов и большом внимании к истории архивного дела свидетельствуют материалы личного фонда Богоявленского, который находится в Архиве АН СССР. Характеристика этого фонда дана в обзоре А. Л. Станиславского³. Автор не ставил задачи подробно останавливаться на отдельных комплексах документов. Поэтому в обзоре очень лаконично сказано о рукописной лекции Богоявленского, посвященной крупнейшему русскому архивному деятелю XIX в., археографу, источниковеду, историку русского права академику Николаю Васильевичу Калачову⁴. Однако для истории архивного дела эта лекция представляет интерес.

В октябре 1985 г. исполнилось 100 лет со дня смерти Калачова (1819—1885 гг.). В развитии отечественного архивного дела ему принадлежит видная роль⁵. Он разработал проект архивной реформы, организовал учебное заведение для подготовки архивистов — Петербургский археологический институт, много содействовал созданию местных научных обществ — губернских ученых архивных комиссий, возглавлял в 1865—1885 гг. Московский архив Министерства юстиции. Этим не исчерпывается значение его деятельности в области архивного дела. Его беспредельная преданность и увлеченность архивным делом, горячая пропаганда научного и практического значения архивов снискали ему глубокое уважение современников и оставили долго не остывшее впечатление у нескольких последующих поколений архивистов. Калачов был основоположником научного подхода к архивному делу, являлся авторитетным

¹ См.: *Бахрушин С. В.* С. К. Богоявленский как историк. — ВИ, 1948, № 8; *Черепнин Л. В.* С. К. Богоявленский как историк (1872—1947). — АЕ за 1972 год. М., 1974; То же. — В кн.: Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984; и др.

² ААН, ф. 553, оп. 1, д. 108, л. 1.

³ *Станиславский А. Л.* Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве АН СССР. — АЕ за 1972 год.

⁴ Там же, с. 284.

⁵ См.: *Маяковский И. Л.* Н. В. Калачов как историк-архивист. — ТМГИАИ, 1948, т. 4 и др. Особо отметим статью А. А. Востокова «Литературная деятельность Н. В. Калачова» (Ист. вестн., 1887, № 5), в которой приведен довольно полный список статей и исследований Н. В. Калачова, а также документальных изданий, подготовленных им или под его редакцией.

историком, профессионально занимавшимся архивным делом, в отличие от многих других, обращавшихся в архивы только с позиций потребителя. Деятельность Калачова заслуживает пристального изучения. Еще в 1972 г. Л. В. Черепнин высказал пожелание, чтобы достоянием научной общественности стали неопубликованные материалы Богоявленского, представляющие интерес в настоящее время⁶. На наш взгляд, это в полной мере относится к его лекции о Калачове.

В деле № 29 (ф. 553, оп. 1) — 44 листа на простой нелинованной бумаге размером в четверть листа. Авторского заголовка лекция не имеет, так как первый лист в деле отсутствует. Наименование дела, которое дается архивистами, следующее: «О Н. В. Калачове. Лекция. Автограф». Фактически это черновой вариант лекции. Почти на каждой странице видна работа над текстом: зачеркивания, надписи над строкой, вынос вставок на поля, что позволяет проникнуть в творческую лабораторию автора. В рукописи нет сносок на источники, что можно объяснить спецификой материала. Источниками для лекции, как явствует из ее содержания, послужили работы Калачова, материалы 5-го выпуска «Вестника археологии и истории» (СПб., 1886) и «Сборника материалов, относящихся до архивной части в России» (Пг., 1916—1917, т. I—II), собственные наблюдения Богоявленского о работе архивов в дореволюционный период, воспоминания других лиц. Дата в тексте отсутствует, и дело датируется предположительно: «1920-е гг.». Однако более точная датировка имеет немаловажное значение, так как в 20-е годы по истории дореволюционного архивного строительства вышло учебное пособие И. Л. Маяковского⁷ и составлены лекции М. К. Любавским⁸. Поэтому в плане исследования вопросов историографии истории архивного дела необходимо установить место лекции Богоявленского среди названных работ. Изучение содержания лекции позволяет ответить на вопрос, когда она была составлена. В тексте есть упоминание, что Петроградский археологический институт «в настоящее время» объединен с университетом (л. 39), что произошло летом 1922 г.⁹ На наш взгляд, лекцию можно датировать периодом с 1922 по 1924 г., когда Богоявленский являлся профессором МГУ, т. е. после выхода пособия Маяковского и раньше чтения лекций Любавским. По насыщенности фактами и глубине обобщений эта лекция значительно богаче соответствующих разделов работ Маяковского и Любавского, возможно потому, что она предназначалась университетской аудитории, а названные работы были адресованы слушателям архивных курсов. Не исключено, что Богоявленский разработал лекционный курс по истории архивного дела, но в его личном фонде отложилась одна лекция. По нашему мнению, в фондах МГУ и других учреждений, где работал Богоявленский, а также в личных фондах ученых возможны аналогичные находки.

Лекция Богоявленского многоаспектна. В ней освещена биография Калачова, показан его вклад в разработку проблем источниковедения, истории русского права, археографии, архивоведения. Некоторые вопросы отображены весьма обстоятельно (археографические экспедиции Калачова, его борьба за прекращение бесконтрольного уничтожения архивных дел и др.), о других сказано вскользь (о проекте архивной реформы Калачова, губернских архивных комиссиях и др.). Это явственно связывается со степенью освещенности данных проблем в учебном пособии Маяковского. Видимо, Богоявленский не хотел дублировать своего предшественника.

Интересные сведения приведены в лекции о становлении Калачова как ученого. Еще будучи студентом, он опубликовал ряд статей и рецензий (о Судебниках 1497 и 1550 гг. и др.), а в 1846 г. защитил маги-

⁶ Черепнин Л. В. С. К. Богоявленский как историк. — АЕ за 1972 год, с. 217.

⁷ Маяковский И. Л. Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920.

⁸ [Любавский М. К.] Лекции проф. М. К. Любавского, читанные на архивных курсах Центрархива в 1928—1929 гг. — Библиотека МГИАИ, Машин. экз., б.г., б.м.

⁹ Изв. ВЦИК и Моссовета, 1922, 20 июля, с. 5.

стерскую диссертацию. Эта работа «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды» (М., 1846) была опубликована и получила высокую оценку современников. В частности, М. П. Погодин назвал ее «прекрасной» и подчеркнул, что «сам Шлецер объявил бы автору свое благоволение» (л. 9). Богоявленский отметил позитивный вклад Калачова в изучение Русской Правды.

В 1848—1852 гг., уже являясь признанным авторитетом в истории русского права, Калачов был профессором истории русского законодательства в Московском университете. Одновременно он состоял сотрудником Археографической комиссии. Он задумал совершить археографическую экспедицию, чтобы обследовать хранилища центральных губерний Роесии, где не побывал П. М. Строев. Допуск в архивы был сильно затруднен, и Калачов в 1852 г. обратился к министру народного просвещения с докладной запиской, в которой содержалась просьба о разрешении работать в московских и местных архивах. Если такое разрешение будет получено, писал Калачов, то «я в состоянии будут продолжать мою службу не только в Археографической комиссии, но и в Московском университете, которой в противном случае домашние мои обстоятельства и слабое мое здоровье никак не позволят продолжать мне» (л. 24). Для того времени это был смелый поступок. Докладная записка возымела действие. Калачов получил разрешение и в летние месяцы 1852—1854 гг. совершил несколько «полезных заметных археографических экспедиций» по Орловской, Саратовской, Владимирской, Пензенской, Самарской и другим губерниям, обращая особое внимание на архивы правительственных учреждений. Он также обследовал хранилища монастырей и ряда дворянских фамилий: Головиных, Каховских, Юматовых и др. Из поездок Калачов привозил рукописи или копииные материалы. В их числе были и источники XIV в., например запись на землю, данная Сергию Радонежскому (л. 24), и др.

В ходе археографических экспедиций Калачов наладил контакты с местными любителями старины и поддерживал их «на протяжении всей жизни». Краеведы сообщали ему о своих находках, а иногда присылали рукописи. Так, калязинский священник Беллюстин прислал через Калачова в дар Археографической комиссии 49 различных актов (л. 20).

Выявленные материалы были опубликованы им в ряде документальных изданий, причем некоторые выходили в свет на средства Калачова. Он довольно широко публиковал материалы частнопроводного характера, которые находились у «прежних редакторов в полном пренебрежении» (л. 22). Подготовленные им издания, отмечал Богоявленский, сохранили научное значение. Не утратили они его и в настоящее время.

В лекции Богоявленского нарисована яркая картина архивного «нестроения» в России. «Заброшенные в чуланы и чердаки с прогнившими крышами, в колокольни с выбитыми окнами, архивы были отданы на истребление сырости, дождю, снегу, мышам и крысам» (л. 28). Но в значительно большей степени документы уничтожались чиновниками, которым была поручена забота об архивах. Об этом Калачов неоднократно говорил в публичных выступлениях, в том числе на I археологическом съезде: «В бывшем некогда княжеском удельном городе Юрьеве-Польском, в уезде которого я родился, я думал начать свои архивные разыскания, когда, по выходе из университета, предался им с юношеским жаром. Здесь должны быть древние документы и даже столбцы, спрашивал я старого архивариуса уездного суда. Да, отвечал он хладнокровно, были, но недавно вследствие распоряжения начальства уничтожить непужные бумаги сожжены» (л. 19). Массовое уничтожение документов происходило с одобрения высшей власти. Единых правил по разбору и уничтожению дел не было. Они разрабатывались различными ведомствами, часто противоречили друг другу и были, по словам Калачова, «более отрицательного, нежели положительного, свойства» (л. 29).

Очень плохо обстояло дело с архивными кадрами, что отрицательно сказывалось на всех сторонах деятельности архивов. Образовательный

уровень архивных чиновников был низок, в их глазах имели ценность лишь материалы, нужные для справочной работы. Разработанные невежественными чиновниками описи часто не соответствовали своему назначению, так как составлялись «по одной первой странице или даже по одним первым строкам документа» (л. 30).

В то время на архивистов смотрели с пренебрежением, им выплачивалось нищенское содержание (л. 36). Своими статьями, трудами и публичными выступлениями Калачов много сделал для повышения престижа архивной службы. Сотрудникам МАМЮ он дал возможность публиковать статьи исследовательского характера на страницах периодического органа архива «Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ». Этим он хотел показать, «что архивисты — ученые люди, способные писать статьи высокой научной ценности». Калачов несколько улучшил и материальное положение работников этого архива, «выдумывая под разными предлогами дополнительное содержание» (л. 36). Состав сотрудников МАМЮ при нем изменился в лучшую сторону, среди них «быстро укрепились самые лучшие традиции, до сих пор составляющие гордость архива» (л. 37).

Весомый вклад внес Калачов в строительство нового здания для МАМЮ, в котором сейчас размещается ЦГАДА. Дело с его постройкой протекало следующим образом. Сперва для МАМЮ отвели помещение на Басманной улице (здание быв. Межевого института). Однако для того, чтобы приспособить его под архив (ремонт, усовершенствование системы отопления и пр.), по смете потребовалось свыше 450 тыс. руб. Калачов взялся построить новое здание за меньшую сумму и развил кипучую деятельность, используя личное влияние и связи. Он заручился поддержкой московской администрации, пообещав принять на хранение во вновь построенном здании документы московских городских учреждений. За это под строительство архива был выделен участок земли на Девичьем поле. Калачов постоянно совещался с подрядчиками и архитекторами, посещал строительство, осуществлял надзор за работами, делал все возможное, чтобы ускорить сооружение здания. Но оно было открыто через год после смерти Калачова (л. 42—43).

Все предложения Калачова были направлены к упорядочению архивного дела. Об этом он говорил на заседаниях Комитета министров, куда его приглашали как специалиста по архивоведению, перед министрами и сановниками, в своих выступлениях, статьях и брошюрах. В докладе на I археологическом съезде в 1869 г. Калачов затронул ряд важных вопросов о необходимости улучшения условий хранения документов, качества описей, подготовки архивистов, прекращения хищнического уничтожения дел и др. Но это выступление вызвало слабый резонанс. На II археологическом съезде в 1871 г. Калачов поднял вопрос о реорганизации архивного дела и добился создания Временной комиссии об устройстве архивов из представителей архивных и ученых учреждений, которую сам и возглавил. Комиссия работала не очень энергично, но все-таки выработала проекты положений о центральном органе — Главной архивной комиссии — и Археологическом институте. Хотя реорганизацию архивного дела провести не удалось, деятельность Временной комиссии нельзя считать бесплодной. На ее заседаниях «множество вопросов архивной техники было подвергнуто самому внимательному обсуждению; протоколы заседаний печатались¹⁰, и не один архивный деятель почерпнул в них ряд мыслей о рациональном устройстве архивов» (л. 16).

Калачову удалось открыть Археологический институт, но не как государственное учебное заведение, а как опытное, т. е. его могли закрыть в любой момент. Институт начал работать в январе 1878 г. на петербургской квартире Калачова и на средства «жертвователей». Его основателем стал директором института и первым в России «профессором по кафедре

¹⁰ Протоколы Временной комиссии об устройстве архивов опубликованы в кн.: Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917, т. 2, с. 380—414.

архивоведения» (л. 39). В воспоминаниях слушателей дается теплая оценка видному архивисту. Он «был в полном смысле душой института,гой живой силой, которая одна способна привлекать к себе рабочих людей, направлять их, что-либо творить из них» (л. 39—40). Но институт не оправдал надежд Калачова. Число выпускников было невелико, и многие из них стали работать в архивах. Поэтому положение с кадрами, особенно на местах, оставалось тяжелым (л. 40).

С 1884 г. по инициативе Калачова стали создаваться губернские ученые архивные комиссии. Их основными обязанностями было собирание дел, ненужных для работы учреждений, но представляющих научный интерес; составление к ним описей и указателей; расположение дел в таком порядке, чтобы они были доступны для исследователей (л. 41). В работе губернских комиссий приняли участие «живые интеллигентные силы провинции, бескорыстным трудом собравшие в архивах большие сокровища науки, спасшие миллионы дел от безжалостного истребления и давние множество ценных трудов по местной истории» (л. 42).

В настоящее время некоторые высказывания Богоявленского вызывают возражения. Например, им идеализируется деятельность губернских архивных комиссий. Неудача проекта реорганизации архивного дела, предложенного Калачовым, связывалась только с отсутствием «в казне... средств на содержание новых архивных учреждений» и с тем, что момент был выбран неудачный: надвигалась война с Турцией, «что поглотило внимание политиков и финансистов» (л. 16). Основная же причина заключалась в том, что самодержавие не хотело централизации архивного дела, предпочитая оставить архивы в руках дворянской бюрократии. Именно поэтому архивная реформа в ряду буржуазных реформ 1860—1870 гг. не состоялась. И то, что Богоявленский, как и другие авторы ранних работ по истории архивного дела, не говорил об этом, свидетельствует, что они не успели освободиться от положений и взглядов буржуазного архивоведения.

В лекции Богоявленского отсутствует, по существу, критическое начало. Калачов показан как идеальный архивный деятель, труды которого оцениваются очень высоко. Губернские архивные комиссии представлены как наследники традиций Калачова. При этом Богоявленский даже не отметил отрицательного отношения к ним Д. Я. Самоквасова, хотя такие сведения были раньше приведены Маяковским¹¹.

В целом лекция Богоявленского заслуживает пристального внимания. Это фактически первая попытка всесторонне осветить жизнь и деятельность Калачова. Автор собрал и обобщил все доступные в то время материалы. Он стал архивистом еще в конце XIX в., когда идеи Калачова являлись актуальными. Это отразилось в лекции, к составлению которой Богоявленский подошел как архивист-профессионал. Автор привлек собственные воспоминания, наблюдения, оценки архивного строительства дореволюционного периода.

Таким образом, названная лекция содержит ряд новых фактов о деятельности Калачова. Она помогает также понять отношение известного историка и архивиста Богоявленского к выдающемуся дореволюционному архивисту и ученому Калачову. Лекция интересна и в плане изучения развития историографии архивного дела.

¹¹ *Маяковский И. Л.* Исторический очерк архивного дела в России, с. 166.

ДОКУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ ПРИ СОВНАРКОМЕ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Историография Великой Отечественной войны обширна, однако, как уже неоднократно отмечалось¹, далеко не все ее аспекты изучены с достаточной полнотой. К числу вопросов, практически не разработанных, относится история промысловой кооперации в условиях войны². Между тем история промкооперации и Управления промкооперации при Совнаркоме самой крупной из союзных республик в годы войны является частью таких общесторических проблем, как история тыла, история военной экономики, история государственного аппарата.

Большое значение кооперации, в том числе промысловой, придавал В. И. Ленин. В апреле 1921 г. он писал: «Надо всеми мерами поддержать и развить промысловую кооперацию, оказать ей всяческое содействие, это — обязанность партийных и советских работников»³.

В предвоенные годы, когда основной упор в экономике делался на развитие оборонной, машиностроительной и других отраслей тяжелой промышленности, производство товаров широкого потребления в значительной степени было возложено на местную промышленность и промысловую кооперацию⁴. И в годы войны предприятия и артели промкооперации, выпуская различные виды военной продукции, вещевого снаряжения, осуществляя ремонт армейского обмундирования, оставались крупнейшим поставщиком товаров широкого потребления. Доля продукции промкооперации РСФСР к концу войны в общем объеме производимой республиканской промышленностью продукции составляла 28,5%⁵.

Управление промкооперации при Совнаркоме РСФСР как орган государственный было создано 19 марта 1941 г. вместо отраслевых промысло-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1972, т. 9, с. 350; *Митрофанова А. В., Куманев Г. А., Зеленин И. Е., Максимова Л. В.* Советский тыл в годы войны: (Проблема и ее изучение в 1965—1973 гг.). — В кн.: Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974, кн. 1. Общие проблемы, с. 221—222; *Архипова Т. Г.* История советского государственного аппарата в годы Великой Отечественной войны в новейшей литературе. — ВИ, 1976, № 5, с. 156—158.

² Краткий очерк истории Управления промкооперации при СНК РСФСР в годы войны см. в учебном пособии: *Архипова Т. Г.* Управление местной промышленностью и промысловой кооперацией в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1985, гл. 2, с. 50—83. В популярном очерке Т. Селиванова, рассчитанном на специалистов по экономике местной промышленности и промкооперации, на примере работы предприятий Москвы и Московской области показаны задачи, вставшие в условиях войны перед местной промышленностью и промкооперацией, некоторые новые формы их работы, ассортимент продукции, поставляемой фронту (см.: *Селиванов Т.* Местная промышленность и промкооперация в условиях Великой Отечественной войны. М., 1943). Статья Е. В. Заруцкой, написанная на основе отчетных материалов Госплана РСФСР, представляет собой краткий очерк истории этих двух систем без особой их дифференциации (см.: *Заруцкая Е. В.* Местная промышленность и промкооперация РСФСР. — В кн.: Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974, кн. 2. Трудовой подвиг народа, с. 292—299). Имеются популярная брошюра начальника Управления промкооперации П. Ф. Кравчука и его статьи, посвященные молодежным бригадам промкооперации (*Кравчук П. Ф.* Молодежные бригады промкооперации. М., 1944; *Он же.* Труд, ведущий к победе. — В кн.: Их труд служит Родине. М., 1945, с. 7—28). Можно назвать публикации: сборник постановлений о промкооперации (Промысловая кооперация: Сборник важнейших постановлений. М., 1948) и текст выступления Кравчука на сессии Верховного Совета РСФСР в кн.: Шестая сессия Верховного Совета РСФСР: Стеногр. отчет. М., 1945, с. 172—177.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 250.

⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья». — Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР, 1941, № 3, ст. 40 (далее: СП СССР).

⁵ Шестая сессия Верховного Совета РСФСР: Стеногр. отчет. М., 1945, с. 172.

вых советов — организаций общественных⁶. В его подчинение передавались все предприятия и артели промкооперации на территории республики, число которых превышало 14 тыс.⁷ Ассортимент выпускаемой ими продукции был чрезвычайно разнообразен: от скрепок до станков, от продуктов питания до стройматериалов, от рабочей одежды до кружев. В отдельные годы число наименований выпускаемых изделий достигало 200 ед. В ведение управления были переданы и предприятия по бытовому обслуживанию населения. Многоотраслевой характер системы наложил отпечаток на структуру управления. Наряду с инспекцией, функциональными, обычными для промышленных наркоматов (планово-экономический отдел, главная бухгалтерия и др.) и обслуживающими подразделениями основу центрального аппарата составляли отраслевые отделы. К началу войны их было восемь: металлопромышленности; топливной промышленности; химической и лесохимической; строительных материалов и керамики; лесной, мебельной и деревообрабатывающей промышленности; легкой промышленности; текстильно-трикотажной промышленности; отдел разнопромысловых занятий и нетоварных промыслов (руководил артелями, обслуживающими различные нужды населения)⁸. В годы войны в управлении появились более крупная единица — главк: Главметаллопрокат, Главхудожпром и др., а также новые отраслевые и производственные отделы, например обобщей промышленности, пищевой промышленности, отдел по производству музыкальных инструментов⁹.

Война застала Управление в стадии организации — оно только приступило к формированию своей системы, не были окончательно укомплектованы штаты, не везде созданы местные органы.

Все сохранившиеся документальные материалы Управления промкооперации при Совнаркоме РСФСР поступили в ЦГА РСФСР (ф. 395) в октябре 1965 г. из архива Главного управления бытового обслуживания населения при Совете Министров РСФСР¹⁰ (исключение составили материалы по личному составу). После 1965 г. документы архивно-технической обработке не подвергались. Фонд управления насчитывает 2032 дела, это один из крупных комплексов архива. Более трети фонда (710 дел) приходится на 1941 — август 1945 г. Рассмотрению этой части документальных материалов и посвящен данный обзор.

В фонде находятся постановления СНК РСФСР, приказы начальника управления и его заместителей, циркуляры и распоряжения управления, протоколы и стенограммы заседаний коллегии и различных совещаний, планы, отчеты о производственной деятельности, статистические и бухгалтерские как самого управления, так и его местных органов и отдельных предприятий, переписка с правительственными учреждениями и подведомственными учреждениями и предприятиями. Для них характерна разная степень сохранности. Полностью отсутствуют в фонде штатные расписания управления, но они имеются в фонде Наркомфина РСФСР¹¹.

Наиболее ценны по содержанию приказы (49 дел). С 28 октября 1941 г. приказы по управлению отдавались в Москве с индексом «М»

⁶ Управление было ликвидировано 22 июля 1950 г., артели и предприятия передавались вновь создаваемым общественным организациям (Роспромсовет, Росхудожпромсоюз) во главе с Центральным промысловым советом СССР. См.: Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917—1967 гг.): Справочник. (По материалам государственных архивов). М., 1971, с. 238—239.

⁷ ЦГА РСФСР, ф. 395, оп. 1, д. 575, л. 7; д. 662, л. 13.

⁸ Там же, ф. 411, оп. 1, д. 2406, л. 30—37.

⁹ Там же, д. 2442, л. 77—78, 99—106; д. 2514, л. 45—45 об.; д. 2561, л. 33—34.

¹⁰ С созданием этого главка в октябре 1962 г. документы Управления промкооперации были переданы сюда из Государственного комитета местной промышленности и художественных промыслов Совета Министров РСФСР, унаследовавшего функции упраздненных в 1960 г. Роспромсовета и Росхудожпромсоюза. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 35, ст. 490; 1963, № 9, ст. 190; Собрание постановлений правительства РСФСР, 1963, № 5, ст. 26; № 11, ст. 74; Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР..., с. 239, 394—395.

¹¹ ЦГА РСФСР, ф. 411, оп. 1, д. 2406, 2442, 2514, 2515, 2561.

начальником, а его заместителем — в Сарапуле, где до конца марта 1942 г. находилась эвакуированная часть центрального аппарата. Несколько приказов было подписано в Свердловске и Челябинске. Сарапульские приказы сохранились почти все, главным образом в подлинниках, московские — неполно и в копиях. Отсутствие части московских приказов объясняется, скорее всего, тем, что не все предназначенные для них номера были использованы в делопроизводстве. С апреля 1942 г. и до конца войны приказы представлены тщательно выверенными подлинниками. В приказах, посвященных одному вопросу, содержание вынесено в заголовок. Число приказов с каждым годом войны возрастало: в 1941 г. был подписан 741 приказ, в 1942 — 753, в 1943 — 1325; в 1944 — 1760, за восемь месяцев 1945 г. — 1203 (д. 1—10, 32—45, 66—82, 103—110)¹².

Приказы за 1941—1942 гг. отразили перевод предприятий и артелей промкооперации на выпуск военной продукции, за 1943—1945 гг. они в основном посвящены выпуску продукции широкого потребления, восстановлению хозяйства на освобожденной территории. Так, приказ начальника управления от 6 ноября 1941 г. в связи с эвакуацией ряда артелей предлагал до конца месяца закончить монтаж оборудования на новом месте и не позднее декабря пустить его в эксплуатацию. Одновременно предлагалось к началу следующего года освоить производство гранат, снарядов и других боеприпасов. Приказ одобрял также инициативу артели «Универсал» Удмуртского промсовета развернуть соцсоревнование за досрочное выполнение плана военных заданий и собрать средства на строительство танковой колонны. Приказом от 11 ноября 1941 г. в управлении был создан специальный отдел по восстановлению эвакуированного оборудования (д. 4, л. 4, 7).

Приказы свидетельствуют о том, что предприятия промкооперации принимали активное участие в кооперировании при производстве продукции военного назначения, выполняя заказы промышленных наркоматов, Наркомата путей сообщения, Наркомата обороны, Наркомата военноморского флота СССР. Приказами начальника управления объявлялись итоги выполнения этих заказов, случаи перевода средств на премирование отличившихся предприятий, например, со счета Наркомата боеприпасов СССР (д. 106, л. 338). Кроме того, предприятия освоили производство новых для промкооперации видов продукции: сельскохозяйственного инвентаря, спецобуви на деревянной подошве и стелек из фанеры, каблучных гвоздей, спичек, школьно-письменных принадлежностей, мыльной пасты, по возможности используя заменители дорогостоящего и дефицитного сырья (д. 5, л. 195; д. 9, л. 131; д. 34, л. 90 и др.).

Ряд приказов содержит данные о возобновлении работы художественных промыслов, большинство которых находилось в ведении управления. Приказы касались укрепления материальной базы промыслов, возобновления работы профтехшкол, проведения совместно с другими организациями всевозможных выставок и конкурсов. В ноябре 1943 г. состоялся конкурс игрушек, на котором присутствовали представители Наркомпрома РСФСР, а в составе жюри был руководитель Центрального театра кукол, актер и режиссер, ныне народный артист СССР С. В. Образцов. Особый приказ подытожил результаты конкурса. Некоторые игрушки имели очень образные названия: «Фашист сдается в плен», «Смерть фашизму», «Партизан гонит пленного немца» и т. д. (д. 9, л. 284; д. 33, л. 127; д. 34, л. 173; д. 39, л. 32; д. 45, л. 191; д. 105, л. 408). В приказах 1943—1945 гг. больше внимания уделено производству художественных изделий: ковров, кружев, ювелирных изделий и др. В ряде артелей и союзов вводилась должность художественного руководителя, в аппарате уполномоченных некоторых областей организовывались специальные группы по руководству художественными промыслами. К концу войны возобновилось производство музыкальных инструмен-

¹² Здесь и далее в тексте в скобках указаны номера и листы дел фонда.

тов (д. 34, л. 73; д. 36, л. 78; д. 37, л. 227; д. 68, л. 14; д. 75, л. 6—16; д. 105, л. 211, 224).

СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21 августа 1943 г. приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»¹³, но уже с начала изгнания немецко-фашистских захватчиков с советской земли в соответствии с приказами начальника управления была организована помощь западным районам. Документы показывают, что тыловые области брали шефство над освобожденными областями не только РСФСР, но и других республик (например, БССР), создавался специальный фонд оборудования, металла, текстиля, тканей, который использовался только для освобожденных районов. В первом полугодии 1943 г. на постоянную и временную работу в должности уполномоченных и председателей промысловых союзов в эти районы было направлено 170 руководящих работников, высококвалифицированных и молодых специалистов, свыше 3 тыс. высококвалифицированных мастеров — слесарей, столяров, парикмахеров и др. (д. 33, Л. 350—351; д. 45, л. 87; д. 78, л. 193).

Существенные данные содержат и материалы заседаний коллегии (22 дела). Первая из сохранившихся стенограмм датирована 28 мая 1942 г. Число заседаний коллегии по годам распределяется следующим образом: за 1942 г. — 13, за 1943—16, за 1944 — 14, за январь — август 1945 г. — 15. В целом документы коллегии сохранились полно: повестки дня заседаний, списки приглашенных, протоколы, стенограммы заседаний, подготовительные материалы к ним. Постановление коллегии оформлялось либо протокольно, либо приказом начальника управления (он же — председатель коллегии), вводившим его в действие; эти приказы также имеются среди документов коллегии. Подготовительные материалы чаще всего представлены копиями, итоговые — подлинниками. Стенограммы редко визировались председателем коллегии и поэтому не правились. Протоколы утверждались начальником управления. В делах с материалами коллегии много дублетных, черновых, так как делопроизводство окончательно сложилось лишь в конце войны (качество работы с документами в аппарате управления даже специально рассматривалось на заседании коллегии 12 декабря 1942 г.). Судя по стенограммам, коллегия обсуждала наиболее важные вопросы работы. Вот некоторые из рассмотренных в 1942 г.: об организационной структуре управления; о работе главков и отделов; о работе аппарата уполномоченных в областях республики; об итогах соцсоревнования; о выполнении задания по изготовлению знаков различия для Красной Армии; о ходе подготовки кирпичной промышленности к производственному сезону; о заготовке топлива; о развитии и организации производства оборудования и инструментов; о производстве товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья (д. 11—13, 15, 16, 20, л. 22—42, 45—55; д. 21).

В 1943 г. коллегией рассматривались вопросы: о выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г.; о подготовке кадров в системе управления; о состоянии культурно-массовой и политико-воспитательной работы; о состоянии трудовой дисциплины в артелях промкооперации Москвы и Московской области; о работе переданного из Академии архитектуры в ведение управления в 1942 г. Института художественной промышленности; о работе центрального спортивного общества промкооперации «Спартак» и др. Решением коллегии от 17 декабря 1943 г. было одобрено обращение актива работников промкооперации г. Москвы ко всем работникам промкооперации страны с призывом широко развернуть соцсоревнование за досрочное выполнение производственной программы 1 квартала 1944 г. (д. 48; 49; 50, л. 89—92).

В документах коллегии за 1944—1945 гг. особое внимание уделено восстановлению разрушенного хозяйства. 18 апреля 1944 г. рассматри-

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1971, т. 6, с. 65—104.

вался вопрос о восстановлении артелей промкооперации Ленинграда; итогом обсуждения стал развернутый приказ начальника управления (д. 71, л. 275—279 об.). 2 декабря 1944 г. обсуждалась передовая статья «Известий» от 28 ноября «Советы и местная промышленность», где в качестве важнейших задач местной промышленности и промкооперации выдвигались производство товаров широкого потребления и повышение их качества. Было решено созвать в 1945 г. всероссийское совещание уполномоченных для разработки соответствующих мероприятий и подготовлен проект постановления СНК СССР «Об увеличении производства товаров широкого потребления и улучшения их качества в 1945 г. промкооперацией РСФСР», часть которого легла в основу постановления СНК СССР от 22 августа 1945 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промкооперации и кооперации инвалидов»¹⁴ (д. 88, л. 179—198). 5 апреля 1945 г. рассматривался вопрос о подготовке домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей и других оздоровительных мероприятиях к летнему сезону. Решения коллегии по этому вопросу отражено в приказе начальника управления от 11 апреля 1945 г. (д. 118, л. 1—11, 15—16).

Сохранились также документы совещаний по производственным и кадровым вопросам. Протоколы совещаний представлены далеко не полностью, о чем можно судить по планам их проведения, хотя и малочисленным. За 1943 г. в фонде имеется три протокола совещаний у начальника управления, четыре — у заместителей, один — у начальника отдела кадров. Руководящие работники управления проводили иногда совещания на местах, например у уполномоченного по Московской обл. (д. 51; д. 1902, л. 33—38). За 1944 г. в фонде имеется семь протоколов совещаний у начальника управления. Наиболее важными вопросами, обсуждавшимися здесь, были: о плане на 1945 г.; о поставке изделий наркоматам РСФСР (вопрос обсуждался в присутствии представителей промышленных наркоматов, Наркомздрава, Наркомсобеса, Совнаркома и Госплана республики); о выполнении поставок Главсособторгу Наркомторга СССР; о выполнении заказов на изготовление медицинского оборудования, инвалидных колясок, сельскохозяйственного инвентаря и др. За этот год имеется также четыре протокола совещаний у помощника начальника управления, два — у заместителя (д. 89). Подготовительные материалы к протоколам за 1943—1944 гг. отсутствуют, протоколировалось не обсуждение вопросов, а принятие решений. За январь — август 1945 г. сохранилось семь протоколов совещаний у начальника управления. Помимо протоколов, здесь имеются стенограммы, подготовительные материалы, итоговые документы от протокольных решений до приказов, а также месячные планы проведения заседаний коллегии и совещаний. В это время на совещаниях обсуждались итоги выполнения постановлений ГКО, СНК СССР и РСФСР, приказов управления, отчеты бригад, обследовавших ряд областей республики. 20 августа 1945 г. руководством управления был рассмотрен проект пятилетнего плана послевоенного развития промкооперации РСФСР. К стенограмме этого совещания приложена копия проекта плана, в котором предполагалось в ближайшие два-три года достигнуть довоенного объема производства (д. 123).

Сохранившиеся копии циркулярных писем доводили до сведения местных органов приказы и постановления коллегии, нормативные акты Совнаркома, руководящие материалы наркомфинов, госпланов СССР и РСФСР и других органов. Они дополняют приказы и стенограммы заседаний коллегии, характеризуют методы работы управления, его взаимоотношения с местными органами. В фонде циркуляры имеются с 1943 г. (д. 46—47, 83—84, 115).

В годы войны усилилась централизация в планировании. Имеющиеся в фонде немногие планы представлены главным образом подлинными

¹⁴ СП СССР, 1945, № 8, ст. 98.

финпланами областных промысловых советов. План самого управления с объяснительной запиской имеется лишь за 1944 г. (д. 1444). Трудность работы с планами состоит в том, что они часто менялись, в них отсутствует текстовая часть.

Большой комплекс документов составляют отчеты о производственной деятельности промкооперации краев, областей, а также Москвы и Ленинграда (286 дел). Подлинные региональные статистические отчеты, несмотря на их краткость, содержат сведения о времени создания предприятий, месте их нахождения, технической оснащенности, числе производств и работающих в них, номенклатуре продукции, производственных и финансовых показателях. Особую ценность имеют сводные отчеты о производственной деятельности управления, включающие и местные показатели. В фонде такие отчеты есть за 1943—1945 гг. (за 1943 г. — в форме «доклада» начальника управления). Отчеты свидетельствуют о том, что начиная с 1942 г. предприятия промкооперации производили в значительных объемах боеприпасы, вооружение, ободно-хозяйственное, вещевое, военно-инженерное имущество, средства связи и противохимической защиты. В короткий срок им удалось освоить производство мин, запалов, детских прогнвогазов и др. Это было вкладом промкооперации в дело снабжения армии и позволило освободить станочный парк ряда заводов промышленных наркоматов для производства более сложной продукции ГКО, СНК СССР поручали предприятиям промкооперации осваивать новые виды продукции, их производство передавалось на заводы государственной промышленности. Примером могут служить 57-миллиметровые снаряды, новые виды гранат, газогенераторные установки (д. 52).

Отчеты констатируют, что, несмотря на большие трудности, общие для всех промышленных наркоматов (нехватка сырья, топлива, электроэнергии, остановка части предприятий и др.), военные заказы предприятиями промкооперации выполнялись и перевыполнялись. Однако их валовая продукция в 1942 г. по сравнению с мирным 1940 г. уменьшилась в 1,8 раза (при уменьшении валовой продукции всей промышленности страны в целом к началу 1942 г. в 2,1 раза¹⁵) а производство товаров ширпотреба сократилось более чем вдвое (д. 7, л. 190, 263; д. 50, л. 90; д. 1625, л. 1). В этих условиях СНК СССР и СНК РСФСР предоставили промкооперации ряд льгот при заготовке сырья, разрешили расширить сеть надомничества, ввести дополнительные меры поощрения за выполнение планов и т. д. Как свидетельствуют отчеты управления, начиная с 1943 г. производство товаров широкого потребления постепенно возрастает, причем их доля в общей массе производимой продукции начинает увеличиваться. В 1943 г. управление вошло в число ведомств республики, успешно выполняющих годовой план. По отчетным данным, планы выполнялись и во все последующие годы войны (д. 52, 575, 662).

В отчетах имеются также сведения о соцсоревновании, молодежных бригадах, об ущербе, нанесенном войной, сокращении выпуска игрушек, музыкальных инструментов, изделий художественных промыслов, галантерейной, пищевкусовой промышленности. Из отраслей промкооперации более всего пострадали лесозаготовительная, лесохимическая, мебельная, строительных материалов. Есть в отчетах сведения о мероприятиях по восстановлению разрушенного хозяйства.

Среди материалов фонда — датированный 1944 г. сводный отчет управления по итогам исчисления ущерба. Созданные летом 1943 г. на местах комиссии подсчитали, что немецкие захватчики разрушили, сожгли или вывезли в Германию 2636 предприятий промкооперации, чем был нанесен прямой ущерб на сумму, превышающую 5 млрд. руб. Следствием оккупации части территории РСФСР и сокращения производства в других ее областях было то, что за годы войны промкооперация недодала продукции на 12,2 млрд. руб., а товаров широкого потребления — на

¹⁵ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — Избр. произведения 1931—1947 гг. М., 1979, с. 505.

10,9 млрд. руб. (д. 1625). Кроме того, имеются реестры актов, отдельные региональные отчеты об ущербе, о восстановительных работах на местах (д. 1586—1589, 1624, 1626—1632).

168 дел фонда составляют бухгалтерские отчеты и материалы к ним как самого управления, так и главков, промсоветов, техникумов и других подведомственных организаций. Среди объяснительных записок к бухгалтерским отчетам встречаются записки к отчетам о производственной деятельности (д. 1516). Имеются и другие местные отчетные материалы: о подготовке кадров и повышении их квалификации, о реализации выпускаемой продукции и др. (д. 1383, 1384—1386, 1946, 1948 и др.).

Среди материалов отчетного характера хранятся отпуски справки, подготовленной для ЦК ВКП(б) и датированной 17 июля 1943 г., о мероприятиях по восстановлению артелей и союзов промкооперации в областях, краях и автономных республиках, освобожденных от немецко-фашистской оккупации, и справки о помощи Сталинградской обл. в решении кадровых вопросов, оказанной управлением в марте—апреле 1943 г. (д. 386; 1906, л. 77—78).

Особую группу составляют дела под названием «Материалы (проекты постановлений СНК РСФСР, заключения по ним, справки, докладные записки о выполнении плана системой, о капитальном строительстве) и переписка с СНК СССР, СНК РСФСР, Госпланом РСФСР о работе Управления промкооперации и его подведомственных организаций» (41 дело; за 1942 г.—9, за 1943—12, за 1944—12, за восемь месяцев 1945 г.—8; д. 22—30, 53—64, 91—102, 125—132).

Переписка содержит сведения о взаимоотношениях с вышестоящими и другими центральными органами, но более всего — с местными. Она освещает вопросы, касающиеся патриотических начинаний на предприятиях и в артелях, например: «переписка с промсоветами по сбору средств на танковую колонну» за 1942 г., «переписка с промсоветами о результатах проведения воскресников в фонд помощи детям фронтовиков» за 1944 г., «переписка с промсоветами о создании условий работы и улучшения быта инвалидов Отечественной войны, занятых в системе промкооперации» за 1944 г. (д. 381, 392, 393).

Помимо названных групп документов, в фонде имеются штатные расписания главков и подведомственных органов и учреждений (например, облпромсоветов, техникумов) за разные годы войны и другие материалы (д. 1426—1431, 1453—1456, 1466—1467, 1570, 1590, 1591, 1633).

Документы фонда Управления промкооперации при Совнарком РСФСР могут быть положены в основу более глубокого изучения всех направлений деятельности промкооперации РСФСР в годы войны как по республике в целом, так и по отдельным ее регионам.

В. Ф. Козлов

**РАБОТА П. П. СМЕРНОВА В 1942 г.
ПО ПОДГОТОВКЕ СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ
«ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА В СССР»**

Деятельность советских историков в годы Великой Отечественной войны сейчас особенно привлекает историографов. Значительный интерес в плане выявления материалов об этом представляют личные фонды ученых, хранящиеся в архивах, музеях и библиотеках. К ним принадлежит и фонд известного советского историка Павла Петровича Смирнова (1882—1947), находящийся в ОР ГБЛ¹.

¹ ОР ГБЛ, ф. 279.

Доктор исторических наук, профессор П. П. Смирнов — автор многих работ по истории России периода феодализма. В годы Великой Отечественной войны Павел Петрович преподавал в Московском историко-архивном институте, а также в Московском Городском педагогическом институте. В 1943 г. за капитальное исследование «Посадские люди и классовая борьба до середины XVII века» ему была присуждена Государственная премия, которую он пожертвовал в фонд обороны². Однако мало кому известно, что в 1942 г. Смирнов активно занимался выявлением и изучением документов об охране исторических памятников.

В обширном личном фонде ученого хранятся черновой экземпляр большого сборника документов «Охрана памятников старины и искусства в СССР», а также некоторые материалы по его подготовке³. Вследствие того что сборник не был опубликован, факт подготовки в тяжелейшее время Великой Отечественной войны значительного документального сборника по охране исторических памятников остался неизвестен историографам, а также исследователям проблем развития советской культуры, и в частности сохранения культурно-исторического наследия. Однако ознакомление с материалами фонда Смирнова по этой теме не только позволяет расширить представление о жизни и деятельности историка, но дает также ценные сведения об изучении в годы войны вопросов истории охраны памятников.

Фонд Смирнова был сдан его женой Софьей Васильевной на хранение в ОР ГБЛ вскоре после смерти ученого. Сами материалы по указанной тематике занимают сравнительно небольшое место в обширном фонде, но дают возможность охарактеризовать процесс работы над готовящимся к печати сборником. Документы фонда сгруппированы в дела, а дела, связанные общей темой, — в коробки. Однако, к сожалению, дела, касающиеся подготовки сборника, при обработке фонда оказались в пяти различных коробках⁴. Хронологические рамки этих документов — март—декабрь 1942 г. Наиболее обширным и значимым среди них является экземпляр самого сборника, представляющий собой собрание машинописных копий документов (523 с.), касающихся охраны памятников истории и культуры в 1917—1925 гг. Наибольшее значение для изучения вопросов истории охраны памятников имеют черновые материалы, относящиеся, по всей видимости, к предисловию сборника: введение (4 с., авторизованная машинопись), собственно предисловие (79 с., автограф) и доклад «Октябрьская революция и борьба за сохранение памятников культуры» (48 с., машинопись). Оглавление и заключение к сборнику в фонде обнаружить не удалось.

Другой комплекс материалов представляет собой различные отдельные документы и небольшие их группы, отражающие процесс оформления издательского договора с Управлением государственными архивами (УГА) НКВД, собрания материалов сборника. В этот комплекс можно включить рапорт (машинописная копия) П. П. Смирнова в УГА с просьбой о выделении средств на сборник (27 марта 1942 г.), план предлагаемого сборника «Охрана памятников старины и искусства в СССР» (2 мая 1942 г.), издательский договор (8 августа 1942 г.). Интересны хранящиеся в фонде копии двух писем Смирнова в Дома-музеи П. П. Чайковского в Клипу, К. Э. Циолковского в Калуге и ответы на них хранителей музеев

² О П. П. Смирнове см.: СИЭ. М., 1971, т. 13, стб. 80—81; Козлов В. Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова. — АЕ за 1980 год. М., 1981, с. 243—247; Список печатных трудов П. П. Смирнова/Сост. В. Ф. Козлов. — АЕ за 1982 год. М., 1983, с. 262—263; Дубровский А. М. П. П. Смирнов — историк городов феодальной России. — В кн.: Русский город. М., 1983, вып. 6; Московский ордена «Знак Почета» государственный историко-архивный институт, 1930—1980: Сборник документов и материалов. Пермь, 1984.

³ Козлов В. Ф. О сборнике документов «Охрана памятников старины и искусства в СССР», подготовленном П. П. Смирновым в 1942 г. — В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982, ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи, с. 179—184.

⁴ ОР ГБЛ, ф. 279, карт. 5, д. 10; карт. 26, д. 1, 2; карт. 36, д. 35; карт. 40, д. 9.

(апрель—июнь 1942 г.). Процесс собирания документов для сборника отражают также 16 вырезок из газет «Правда» и «Известия» (декабрь 1941 — июль 1942 г.) о разрушении памятников культуры немецко-фашистскими захватчиками.

Анализ сохранившихся материалов не позволяет достаточно определенно говорить о начальном этапе работы над сборником, причинах его возникновения. К сожалению, до нас не дошли все материалы сборника (рукописные черновики, более поздние планы публикации, заключение). Однако находящиеся в архиве документы по этой теме, а также привлечение воспоминаний Смирнова⁵ и его жены⁶ могут пролить свет на процесс работы ученого над сборником.

Судя по документам, работа продолжалась менее года. Первое упоминание о планируемом сборнике содержится в указанном рапорте Смирнова начальнику УГА с просьбой выделить средства на командировку составителей «в некоторые наиболее интересные и пострадавшие от немецкого нашествия местности, как-то: Ясную Поляну, в г. Клин, в Калугу, на ст. Истра»⁷. В рапорте Смирнов называет инициатором сборника отдел печати УГА. В более позднем письме, которое Смирнов отослал в Клин директору Дома-музея П. И. Чайковского, содержится указание, что идея составления сборника принадлежит УГА.

Актуальность составления в годы войны сборника документов, показывающих деятельность Советского государства по охране памятников истории и культуры несомненна. По-видимому, идея создания такого сборника возникла еще в конце 1941 — начале 1942 г., когда в результате наступления Красной Армии были освобождены многие города и населенные пункты и весь мир узнал об уничтожении и осквернении фашистскими захватчиками ценнейших архитектурных и мемориальных памятников. Сборник имел бы большое не только научное, но и политико-воспитательное значение. Важной причиной необходимости издания подобного сборника Смирнов считал и слабую разработанность в то время проблемы охраны памятников. В небольшом введении к сборнику, датированном 27 ноября 1942 г., он писал: «История строительства архивного после Ленинского декрета о Едином государственном архивном фонде 1 июля 1918 г. заслуживает отдельного сборника актов; кроме того она имеет и свою специальную литературу. То же относится и к истории библиотечного дела в СССР. Гораздо хуже в этом отношении обстоит дело с историей охраны памятников искусства и старины, или Единого государственного музейного фонда, которая пока не имеет ни истории, ни собрания актов, хотя она является тем первичным зерном, из которого потом выросли и Архивный фонд и библиотечная сеть. Все это в достаточной мере объясняет и оправдывает появление настоящего сборника материалов»⁸.

Трудно сказать, почему именно на Смирнова, историка, занимавшегося преимущественно исследованием социально-экономической истории России XVI—XVII вв., были возложены обязанности руководителя готовящегося сборника. Видимо, определяющую роль в этом сыграла работа П. П. Смирнова в Московском историко-архивном институте, замечательное знание архивов и документов. Будучи патриотом своей Родины, Павел Петрович и сам стремился оказать возможную помощь в разгроме врага⁹. Сборник с документами, вызывающими подъем патриотического

⁵ Там же, карт. 14, д. 2.

⁶ Там же, карт. 37, д. 22. Воспоминания Софьи Васильевны Смирновой «Жизнь Павла Петровича Смирнова (1882—1947 гг.)» (64 с. машинописного текста). Написаны воспоминания, вероятно, вскоре после смерти ученого.

⁷ ОР ГБЛ, ф. 279, карт. 26, д. 2, л. 189.

⁸ Там же, карт. 5, д. 10, л. 3 об.

⁹ Такие черты Смирнова, как острая наблюдательность, желание запечатлеть для потомков происходящее, думается, сыграли немаловажную роль в его работе над сборником документов. В октябре — ноябре 1941 г. он вел дневник, где делал яркие, любопытные зарисовки бытовой жизни прифронтовой Москвы, Историко-архивного института. Много места в воспоминаниях «Война и историко-архивный институт», написанных Смирновым в мае 1942 г., уделено подробному описанию

чувства, был как раз тем оружием, которое Смирнов мог использовать против врага. Павел Петрович, как свидетельствуют документы переписки его с УГА и подмосковными музеями, являлся редактором сборника «Охрана памятников старины и искусства в СССР». Над составлением сборника, вероятно, работало несколько человек, что можно предположить на основании упоминания в рапорте о составителях, а также того, что несколько из немногих сохранившихся рукописных копий документов написаны разными почерками. Однако, к сожалению, имена этих людей неизвестны, а под всеми хранящимися в ОР ГБЛ документами стоит подпись Смирнова.

Поражает объем работы по подготовке сборника, проделанной Смирновым и его сотрудниками менее чем за год. Значительное количество документов выявили и скопировали в архивах, просмотрели периодические издания Наркомпроса РСФСР, руководившего в послереволюционные годы музейным делом и охраной исторических памятников. Еще большее восхищение вызывает то, что в результате изучения выявленных материалов Смирновым в короткий период было написано обширное предисловие к сборнику, представляющее изложение истории формирования системы охраны исторических памятников в 1917—1923 гг.¹⁰ Ценнейшим историографическим источником является также обширный доклад Смирнова «Октябрьская революция и борьба за сохранение памятников культуры», написанный на основе выявленных документов и прочитанный ученым на заседании кафедры истории СССР МГПИ¹¹.

Смирнов во введении указывает, что «Собранные в нем [сборнике] материалы извлечены из Центрального архива Народного комиссариата просвещения РСФСР в Москве, по отделу Главнауки из Центрального архива Октябрьской революции, а равно из печатных источников, основными среди которых являются: „Сборник законов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР“, „Еженедельник Народного комиссариата просвещения“, „Известия ВЦИК“»¹². Изучение материалов сборника свидетельствует также о том, что автор широко использовал при написании предисловия и доклада произведения В. И. Ленина, декреты Советской власти, тематические сборники документов, воспоминания о В. И. Ленине. При подготовке издания обращались также к документам, опубликованным в 20—40-х годах в периодических изданиях и сборниках: «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР», «Первая отчетная выставка Главнауки Наркомпроса РСФСР» (М., 1925), «Сборник материалов по истории и организации архивного дела» (М., 1940) и др.¹³

Материалы фонда дают возможность не только выделить основные этапы работы над сборником, но и показать причины изменений структуры сборника по сравнению с первоначальным планом. Первое упоминание о существовании плана сборника содержится в рапорте Смирнова в УГА. В сборнике предполагалось поместить «снимки с памятников, которые давали бы представление о состоянии памятников до объявления их заповедниками, о произведенных ремонтах, о немецких варварских разрушениях и о новых работах по восстановлению памятников».

К сожалению, этот проект не сохранился в фонде. Единственный план

разрушений архитектурных памятников вражескими бомбами (ОР ГБЛ, ф. 279, карт. 1, д. 10, л. 15 об).

¹⁰ У предисловия отсутствуют отдельные листы, конец. Написано оно на различных по размеру и качеству листах бумаги, в тексте имеется значительное количество зачеркиваний и исправлений автора. Похоже, что это первый вариант предисловия (ОР ГБЛ, карт. 15, д. 10, л. 43—86).

¹¹ ОР ГБЛ, карт. 15, д. 10, л. 1—24 об.

¹² Там же, карт. 5, д. 10, л. 3.

¹³ Следует указать, однако, что Смирновым, видимо, не использованы книги и статьи И. Э. Грабаря, Н. Р. Левинсона, Ю. А. Осноса и других авторов об охране памятников, опубликованные преимущественно в периодических изданиях «Искусство», «Художественная жизнь», «Советский музей», изданиях Центрального бюро краеведения; во всяком случае, знакомство с этими трудами не обнаружено в сохранившихся архивных материалах.

сборника, датированный 2 мая 1942 г., приложен к издательскому договору (8 августа 1942 г.). По договору археографически обработанный сборник документов со структурой, согласно приложенному плану, должен был быть закончен не позже 15 октября 1942 г. УГА обязывалось издать сборник в количестве 10 тыс. экз. не позднее чем через два года. В издании предусматривалось включение декретов первых лет Советской власти, документов о деятельности Наркомпроса, местных органов охраны памятников и музеев по сохранению исторических памятников. Примечательно, что особое внимание в сборнике предполагалось уделить документам о разрушении памятников во время войны. Этому в плане отведены последние разделы: «5. Разрушения памятников старины и искусства, произведенные на территории СССР фашистскими полчищами... 6. Последние реставрационные работы и восстановление уцелевшего после изгнания фашистских полчищ»¹⁴. Таким образом, рамки предлагаемого сборника документов — 25 лет Советской власти.

Как свидетельствуют материалы, Смирнов весной — летом 1942 г. активно занимался сбором документов периода Великой Отечественной войны. Это подтверждает его переписка с директорами подмосковных музеев, коллекция газетных вырезок, а также черновик предисловия. Для сборника, по-видимому, была предназначена часть газетных вырезок о разрушении памятников истории и культуры в Ясной Поляне, Клину, Калуге, Тихвине, Иосифо-Волоколамском монастыре¹⁵. На некоторых вырезках часть текста, относящаяся к описанию причиненного памятнику ущерба, подчеркнута карандашом.

Документы переписки Смирнова с директорами музеев также свидетельствуют о том, что по крайней мере по июнь 1942 г. шел сбор информации о подмосковных музеях. Указывая на круг интересующих его материалов, Смирнов в письме директору музея П. И. Чайковского в Клину 16 апреля пишет: «Было бы очень важно получить от Вас указания, где напечатан декрет об учреждении Вашего музея (или даже его текст), на какие средства и из каких источников он существовал. Затем, какие разрушения причинили немцы, на какую сумму простираются убытки, удалось ли осуществить полностью реставрацию и т. п. Было бы очень важно получить лучшие снимки как до разрушения так и после него»¹⁶. К сожалению, сохранились ответы директоров лишь двух музеев: Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и К. Э. Циолковского в Калуге с указанием фактов уничтожения гитлеровцами помещений музеев, экспонатов.

Черновик предисловия также подтверждает желание составителей включить в сборник документы периода войны. Так, на последних страницах предисловия Смирнов пишет: «Варварское нашествие германцев и обстрел героического Ленинграда, весьма вероятно, разрушили многие из созданных в 1918—1922 гг. источников культуры и просвещения народных масс. Полностью разрушены, надо думать, со всеми коллекциями открытый в Пскове в 1921 г. Псковский музей живописи, естественно-исторический и историко-археологический музеи... Их отчет с 1917 по 1922 г. мы издаем. Сознательно разрушены были немцами в 1941 г. также знаменитый Никоновский монастырь Нового Иерусалима (основан в 1656 г.), который в 1920 г. был обращен в музей древнерусского искусства и краевой музей. Его описание и музейную анкету мы прилагаем»¹⁷. По-видимому, после составления этого плана шел активный сбор материала и количество выявленных документов значительно превысило планируемый объем издания. Возможно, этим и объясняется значительное сужение хронологических рамок документов, включенных в сборник, ограничение их 1917—1925 гг.

Трудно сказать, когда было принято решение о публикации докумен-

¹⁴ ОР ГБЛ, карт. 26, д. 2, л. 187—190.

¹⁵ Там же, карт. 40, д. 9, л. 200—216.

¹⁶ Там же, карт. 36, д. 12, л. 1.

¹⁷ Там же, карт. 15, д. 10, л. 78—78 об.

тов только первых лет Советской власти. Точно можно лишь утверждать, что такая мысль появилась не ранее 8 августа 1942 г., т. е. после заключения издательского договора с УГА. Но уже в докладе «Октябрьская революция и борьба за сохранение памятников культуры» и тезисах к нему, датированных ноябрем 1942 г., содержатся сведения об охране памятников только до 1925 г. В небольшом машинописном экземпляре введения так говорится о структуре сборника: «Собранные акты разложены в хронологическом порядке, что значительно облегчает задачу разыскания отдельных актов. В совокупности по содержанию акты охватывают законодательство и вытекающие из него мероприятия в деле собирания, охраны, восстановления и организации тех огромных культурных сокровищ, которые после Октябрьской революции были обращены в национальное достояние всего народа. Далеко не все акты и распоряжения по их выполнению смогли войти в настоящий сборник, который при этих условиях далеко вышел за пределы намеченного сначала листажа. Поэтому пришлось ограничиться только первыми годами нашего музейного строительства, от 1917 до 1925 г., после которого героический период первых наших исканий заканчивается. Но и в этих ограниченных размерах предлагается материал, который, по нашему мнению, имеет огромный исторический и культурный интерес... История собирания памятников искусства и старины, архивов и библиотек — одна из славных и ярких страниц истории нашей великой революции».

Первую часть введения автор заканчивает глубокими по смыслу словами о роли интеллигенции в деле строительства нового общества: «...история отметит скромного учителя, музейного, архивного и библиотечного работника, доля которых в грядущей победе над чудовищем умирающего и страшного в своих судорогах прошлого мира насилия и эксплуатации поистине велика»¹⁸.

Как указывалось, в фонде Смирнова в отдельном деле находится и черновой экземпляр сборника документов об охране исторических памятников в 1917—1925 гг. Документы в сборнике располагаются в хронологическом порядке. Они представляют собой машинопись с частичной авторской правкой. Объем всех 169 документов сборника 523 листа обычного формата. В конце большинства документов стоит штамп «сверено». Видимо, это черновой экземпляр сборника, так как материал археографически почти не обработан: большинство документов не имеет авторских заголовков, нет валовой авторской нумерации страниц, отсутствуют предисловие, заключение, оглавление.

Очень разнообразны виды документов, включенных в готовящийся сборник: декреты, постановления, приказы, инструкции, протоколы и выписки из них, отчеты, списки музеев, описания памятников, докладные, отношения и др. В сборник включено более 30 декретов ВЦИК и СНК.

В готовившемся сборнике широко представлены и ранее не опубликованные документы. В архиве Наркомата просвещения и ЦГАОР¹⁹ составителями выявлено и включено в сборник 114 документов. Архивные материалы составляют большую часть 70 включенных в сборник документов, отражающих деятельность Наркомпроса РСФСР и его подразделений (в первую очередь, Музейного отдела) по руководству музеями и охране исторических памятников.

Характерная особенность сборника — значительное число документов (более 50) о развитии музейного дела и состоянии охраны памятников на местах. Одних только документов, связанных с организацией и деятельностью музеев Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, П. И. Чайковского в Клину, — в сборнике 18. Организационно-распорядительными (протоколы) и отчетными документами представлена деятельность Псковского,

¹⁸ Там же, карт. 5, д. 10, л. 5.

¹⁹ В настоящее время материалы об охране памятников и музейном деле из этих архивов хранятся в фондах Наркомпроса РСФСР (ф. 2306) и Главнауки (ф. 2307) ЦГА РСФСР.

Ново-Иерусалимского, Иосифо-Волоколамского музеев, местных органов охраны памятников Украины, Крыма, Кавказа, Средней Азии²⁰.

В сборник включены такие важнейшие документы, как переписка Наркомпроса с различными учреждениями о возможности открытия музея в доме В. И. Ленина в Ульяновске (1925 г.). Заслугой редактора сборника, уже в то время понимавшего важность комплексного подхода к делу охраны памятников, является включение в издание документов, относящихся к охране памятников садово-паркового искусства.

Выбор составителями сборника фондов Наркомпроса РСФСР в ЦГАОР вполне оправдан не только потому, что в условиях войны использование большинства других центральных и местных архивов было невозможно. В исследуемых составителями фондах действительно сосредоточены важнейшие материалы о становлении музейного дела и охраны памятников в нашей стране в первое десятилетие Советской власти.

Сборник документов так и не был издан ни во время войны, ни в послевоенные годы. В личном фонде Смирнова нет документов, непосредственно раскрывающих причину этого. Возможно, в условиях военного времени издание сборника было делом непростым. По-видимому, одной из причин отказа от публикации было превышение запланированного объема сборника, а также отступление от плана сборника принятого УГА (не удалось включить материалы о разрушении фашистами исторических памятников). Документы в имеющемся в нашем распоряжении варианте сборника следовало бы расположить не по хронологии, а по видам.

В одном деле с экземпляром сборника документов хранится негативный отзыв (5 л.) на него кандидата исторических наук Л. Рогалина от 29 декабря 1942 г.²¹, что, вероятно, в совокупности с перечисленными причинами отрицательно сказалось на дальнейшей судьбе сборника. Трудно объективно проанализировать отзыв Рогалина и ответить на его критику, так как рецензент работал, по всей видимости, с другим вариантом сборника. С некоторыми замечаниями рецензента нельзя не согласиться.

Вместе с тем некоторые возражения, содержащиеся в отзыве, особенно с точки зрения современного взгляда на охрану памятников истории и культуры, лишены основания. Это касается утверждения рецензента о необходимости исключить из состава сборника декреты об архивном деле, охране памятников садово-паркового искусства и т. д. Окончательную оценку сборника может дать только исследование рецензируемых документов.

Насколько известно, попытка публикации столь обширного по объему сборника документов об охране исторических памятников со столь значительным предисловием была первой в советской археографии и историографии. Лишь в начале 70-х годов вышли сборники по этой тематике²². В них включены в основном наиболее значительные законодательные материалы об охране культурного наследия.

Следует отметить сам факт работы над сборником такой тематики в первые годы войны. Необходимо еще раз подчеркнуть и целесообразность обращения к материалам об изучении и охране памятников истории и культуры, отложившимся не только в фондах учреждений и обществ, но и в личных фондах ученых.

²⁰ ОР ГБЛ, карт. 26, д. 1, л. 6—523.

²¹ Там же, л. 1—5.

²² Охрана памятников истории и культуры: Сборник документов. М., 1973; Советское законодательство о памятниках истории и культуры: Сборник документов и материалов (1917—1972 гг.). Минск, 1972.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИМЭЛ В УФЕ
(Обзор документов о работе А. Ф. Платоновой
в годы Великой Отечественной войны)

В ЦГАОР СССР хранится личный фонд члена КПСС с 1917 г., активного участника Октябрьской революции и социалистического строительства Анны Федоровны Платоновой (1896—1979)¹. В фонде (№ Р-3986)² 49 дел — биографические документы, фотоснимки, рукописи статей и воспоминаний Анны Федоровны о Н. И. Ионове, П. Ф. Сахаровой, других соратниках по революционной борьбе, о работе во Всероссийском союзе рабочих швейной промышленности.

Служебные удостоверения, справки, трудовая книжка, другие биографические документы рассказывают о работе А. Ф. Платоновой в швейных мастерских Москвы, активном участии в профсоюзе московских швейников. «Предъявитель сего, — написано в удостоверении, выданном 28 сентября 1917 г., — член Правления профессионального союза рабочих и работниц портновского производства г. Москвы и его района Анна Федоровна Платонова — делегируется на всякого рода профессиональные собрания и заседания в пределах г. Москвы и окрестностей» (д. 9, л. 5). В дни Московского вооруженного восстания она выполняет задания ревкома Городского района по охране продовольственных магазинов, организации столовой для восставших в помещении Сухаревского народного дома. Среди документов привлекает внимание справка, выданная в октябре 1917 г.: «Тов. Платонова дежурила в Комитете Городского района. Просим не задерживать. Член комитета М. Шкирятов» (д. 9, л. 1). Служебные и командировочные удостоверения, мандаты, хранящиеся в личном фонде, свидетельствуют о ее многочисленных поездках с лета 1919 г. как представителя ВЦСПС, ЦК Всероссийского союза рабочих швейной промышленности в районы Поволжья, Урала, Северного Кавказа, Украины для восстановления профсоюзов, оказания им помощи в проведении национализации частных швейных мастерских, организации пошива обмундирования для Красной Армии (д. 5, л. 1—4). В 1923 г. она как профсоюзный активист направляется на рабфак 1-го МГУ, а по окончании — на подготовительное отделение Института красной профессуры. В автобиографии написано: «в институте была пропагандистом, руководила кружками по истории КПСС на кондитерской фабрике „Красный Октябрь“, на швейной фабрике № 6, на Краснохолмском текстильном комбинате» (д. 1, л. 24).

Автобиография, трудовая книжка, служебные удостоверения А. Ф. Платоновой содержат сведения о ее работе методистом парткабинета МК ВКП(б), инструктором по печати управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а также в отделе писем редакции газеты «Правда», в ИМЭЛ. Сохранилась выписка из протокола № 41 заседания дирекции ИМЭЛ от 18 октября 1931 г. об утверждении помощниками редактора по предметному указателю к Сочинениям В. И. Ленина Е. А. Власовой и А. Ф. Платоновой (д. 6, л. 4). В автобиографии она отмечала: «Над предметным указателем я работала вместе с Н. Н. Колесниковой (участницей трех революций) и другими сотрудниками в течение трех лет. Мы бригадой дважды прочитали все тридцать томов второго издания Сочинений В. И. Ленина» (д. 1, л. 26—27). Указатель, в подготовке которого Платонова принимала активное участие, был издан отдельно³ и вошел также в «Справочник ко II и III изданиям Сочинений В. И. Ле-

¹ Биографию см. в кн.: «Соратники: Биография активных участников революционного движения в Москве и Московской области» (М., 1985, т. 323—324), но период 1941—1945 гг. в ней не раскрыт.

² Далее в тексте только номера дел и листов этого фонда.

³ Предметный указатель ко II и III изданиям Сочинений В. И. Ленина. Л., 1934.

нина» (Л., 1935). С 5 марта 1939 г. А. Ф. Платонова — заведующая Центральным партийным архивом ИМЭЛ. В октябре того же года она утверждается членом Ученого совета ИМЭЛ, в мае 1941 г. — Научного Совета ГАУ НКВД СССР. Руководитель ЦПА проводит большую работу по комплектованию архива документами, оказанию научно-методической помощи местным партийным архивам, выявлению в них документов В. И. Ленина.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Платонова все силы, организаторские способности отдавала обеспечению сохранности ценнейших документов по истории Коммунистической партии Советского Союза. За эти годы в фонде имеется 17 документов. Среди них — удостоверение, выданное 7 июля 1941 г. за подписью руководства ИМЭЛ о командировании ее в «г. Уфу с ценными грузами в качестве уполномоченного дирекцией Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)» (д. 19, л. 1). В тот же день удостоверение о командировании по служебным делам в Уфу выдает руководителю ЦПА и Управление делами ЦК ВКП(б) (д. 19, л. 2). Сохранились служебные пропуска в здания ИМЭЛ в Москве, Башкирского обкома ВКП(б), другие командировочные удостоверения для поездки из Москвы в Уфу и обратно, пропуск на право беспрепятственного движения по Москве после 24 час. (д. 18, л. 1—8; д. 12, л. 9; д. 19, л. 6). В фонде имеются анкеты, листки по учету кадров, трудовая книжка, автобиография, написанная в 60-х годах, другие биографические документы со сведениями о работе Платоновой в годы Великой Отечественной войны (д. 3, л. 34—36, д. 6, л. 6).

Ценный груз как свидетельствует копия расписки, выданной Платоновой дежурной ст. Уфа, прибыл на товарную станцию 11 июля 1941 г. (д. 19, л. 3—4). Значительное количество архивных связок, ящиков, шкафов с документами ЦПА при помощи организаций города незамедлительно доставили на место их нового хранения. Вскоре Платоновой поручается принять меры к размещению и обеспечению сохранности библиотеки и архива Музея Маркса и Энгельса. «Кроме того, — вспоминала она, — [в Уфу] был прислан целый вагон фондов Музея В. И. Ленина. Работники, передавшие мне материалы, были отозваны в Москву» (д. 1, л. 29).

Документы ЦПА, прибывшие в Уфу, разместили в разных зданиях города. Некоторые из них оказались не приспособленными для хранения. 2 августа 1941 г. Платонова телеграфирует директору ИМЭЛ академику М. Б. Митину: «Настаиваю [на] высылке двадцати нестероемых шкафов из первого помещения архива. Иначе нет уверенности в сохранности материалов. Телеграфируйте ответ» (д. 19, л. 5). К концу 1941 г. удалось закончить ремонт и переоборудование помещений. В архивохранилищах появляются металлические решетки и железные ставни на окнах, проводится электропроводка, ставятся дополнительные батареи отопления, все двери обиваются жестью, принимаются меры противопожарной защиты. Об этом свидетельствуют отчеты о работе, хранящиеся в ЦПА.

Документы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина разместили в отдельной комнате. Учитывая недостаточную площадь и небольшое количество шкафов, в папках провели уплотнение документов. Такая временная мера позволила сократить количество папок примерно на 60% и поместить все эти документы в нестероемых шкафах по порядку номеров. Протоколы съездов, конференций, пленумов, другие ценнейшие документы разместили в обычных шкафах. Остальные материалы были уложены на стеллажи и упакованы в ящики в другом помещении. В хранилищах с помощью соответствующих приборов осуществлялось постоянное наблюдение за температурой и влажностью. Сотрудники архива, отмечала в отчете за июль — декабрь 1941 г. Платонова, в конце 1941 г. провели дезинфекцию, обеспыливание документов. После размещения документов и создания необходимых условий для хранения

сотрудники приступили к проверке состава фондов по сопроводительным описям. Проверка установила наличие всех документов⁴.

Несмотря на трудности военного времени, сотрудники ЦПА в Уфе продолжили работу по розыску, выявлению документов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Из упомянутого отчета видно, что они просмотрели 252 книги из личной библиотеки В. И. Ленина с целью определения авторских пометок, надписей, подчеркиваний. На девяти книгах обнаружили пометки Владимира Ильича⁵. На хранение в ИМЭЛ поступали документы и книги основоположников марксизма-ленинизма.

В эвакуации велась работа по систематизации, расшифровке переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, по приведению в порядок каталогов, карточек, другого научно-справочного аппарата. Следует отметить и работу по экспертизе научной, практической ценности документов из фондов Общества старых большевиков, Истпарта, личных фондов К. С. Еремеева и других участников революционного движения, деятелей Советского государства.

В годы войны ЦПА продолжил работу по научно-методическому руководству местными партархивами. После размещения документов в Уфе ЦПА разослал местным партархивам письмо с указанием нового адреса, приступил к подготовке методических пособий. В отчете ЦПА за 1943 г. упоминается опубликованный в 1943 г. «Перечень материалов, не подлежащих хранению, для областных, краевых партийных архивов», в составлении которого активно участвовала руководитель архива. К разработке перечня Платонова привлекла и сотрудников Башкирского обкома ВКП(б). При ее непосредственном участии были составлены также проекты инструкций по составу, порядку хранения и обработке архивных материалов райкомов партии, по учету, инвентаризации документальных материалов партийных архивов. В 1942 г. ЦПА проанализировал планы, отчеты 27 партийных архивов (в 1941 г. — лишь одного грузинского), получил 112 писем от заведующих архивами и направил 52 письма по вопросам методики, кадров, изучения истории местных партийных организаций⁶.

Работу по размещению документов, их использованию проводил в Уфе небольшой коллектив ЦПА. Осенью 1941 г. в штате было 25 сотрудников. Многие из них позднее отозвали в Москву. К моменту реэвакуации документов, вспоминала Платонова, в Уфе работало пять сотрудников, в том числе две сотрудницы с маленькими детьми. Несмотря на трудности, каждый сотрудник успешно выполнял и служебные и общественные поручения. В личном фонде Платоновой хранятся путевки, выданные ей в 1942—1943 гг. Уфимским горкомом ВКП(б) для чтения лекций в госпиталях, на предприятиях и в учреждениях Уфы (д. 24, л. 7—11).

28 июня 1944 г. Башкирский обком ВКП(б) выдал Платоновой командировочное удостоверение для поездки в Москву по вопросу реэвакуации ЦПА (д. 19, л. 6). Менее чем через месяц, 21 июля 1944 г., она получила удостоверение за подписью директора ИМЭЛ: «Настоящим удостоверяется, что тов. Платонова А. Ф. является уполномоченным Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) и ей поручается доставить ценные материалы института из Уфы в Москву. Прошу всех лиц и учреждения оказывать ей всяческое содействие в срочной доставке груза в Москву» (д. 19, л. 6). Как свидетельствует командировочное удостоверение, она должна была выехать из Москвы 22 июля (д. 19, л. 7).

Большую помощь в реэвакуации ценнейших документов оказал уполномоченному ИМЭЛ Башкирский обком партии. Ценный груз под охраной в течение трех недель был доставлен в Москву. Анна Федоровна

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 5, д. 20, л. 15, 34—36; Фонд документов В. И. Ленина. М., 1984, с. 203, 287.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 5, д. 20, л. 35.

⁶ Там же, л. 12, 36.

вспоминала о тех трудных днях: «То казалось, что буксы горят, то как бы рессоры не сели. Надо принять меры, чтобы не отцепили от эшелона вагон. Кроме того, надо было добиваться сокращения стоянок в пути, а ведь еще шла война и было не до наших мирных грузов. Словом, всего не опишешь. Переживаний же личных словами не выразишь. Наконец, архив был в своем здании. Этому как-то не верилось. Однако беспокойство не покидало. Надо было срочно все проверить. Нет ли потерь в дороге» (д. 1, л. 29).

17 августа 1944 г. документы ЦПА заняли место в здании на Советской площади в Москве. Руководитель ЦПА для проверки наличия документов назначает несколько бригад в составе ветеранов партии — старейших сотрудников архива. Три месяца в таких бригадах работали В. А. Радус-Зенькович, К. А. Остроухова, Е. С. Голубева и другие товарищи. Размещая документы, поступившие из Уфы, сотрудники, как вспоминала Платонова, работали «неограниченное время», «надо было срочно выдавать материалы подготовителям томов, чтобы они могли скорее закончить четвертое издание произведений В. И. Ленина и произведений Маркса, Энгельса» (д. 1, л. 29). В отчете о работе ЦПА за 1944 г. Анна Федоровна не без гордости отметила факт выдачи документов сотрудникам сектора ИМЭЛ на пятый день после возвращения архива в Москву. Документы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина после реэвакуации сверили по описям и по листно. Проверка показала, что ни один документ не был утрачен.

Дирекция ИМЭЛ объявила благодарность Платоновой и другим сотрудникам, принимавшим активное участие в сохранении ценнейших документов ЦПА. Платонова была награждена также медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (д. 1, л. 30).

С 15 февраля 1945 г. Платонова работала старшим научным сотрудником в секторе произведений В. И. Ленина ИМЭЛ. Она участвовала в подготовке к изданию сборников избранных произведений вождя, вместе с другими сотрудниками работала над справочным томом к четвертому изданию Сочинений В. И. Ленина. Среди сотрудников, отмеченных 17 марта 1951 г. благодарностью ИМЭЛ за активное участие в подготовке издания, была и Платонова (д. 1, л. 30; д. 6, л. 6).

Будучи на персональной пенсии с 1947 г., Анна Федоровна продолжала активную общественную работу в коллективах многих московских швейных фабрик, в партийных организациях Киевского района Москвы. Вела многие годы переписку с пионерами, комсомольцами Новгорода, направляла в школьные музеи книги, фотографии, копии документов об участниках революционного движения в России. Она принимала активное участие в работе общественного совета ветеранов революционного движения (при ЦГАОР СССР в 1967—1970 гг.). Большую помощь оказывала Платонова ЦГАОР СССР и в собирании биографических документов, фотографий, рукописей воспоминаний участников революционного движения и социалистического строительства.

Как член Московской секции Историко-литературного объединения старых большевиков участвовала в подготовке сборника «Московские большевики в огне революционных боев» (М., 1976), где опубликовала воспоминания «Из революционного прошлого профсоюза швейников» (с. 213—224). В другом сборнике («Первое десятилетие: Воспоминания ветеранов партии-москвичей». М., 1982, с. 201—208) помещены ее мемуары «В профсоюзе швейников».

Документы личного фонда А. Ф. Платоновой рассказывают о героической жизни представителя поколения, на долю которого выпала труднейшая и вместе с тем почетнейшая историческая миссия совершить первую в мире социалистическую революцию, отстоять в битвах с внутренними и внешними врагами молодую Республику Советов, активно участвовать в строительстве социализма. Документы свидетельствуют и о самоотверженной работе Платоновой в годы войны, ее значительном вкладе в сохранение ценнейших источников.

МАТЕРИАЛЫ ФОНДА П. А. ЛИДОВА В ЦГАЛИ СССР

Во многих фондах ЦГАЛИ СССР хранятся документы, запечатлевшие те или иные события Великой Отечественной войны, документы, являющиеся ценными историческими источниками для изучения различных сторон и проблем этого героического периода в истории советского общества. В ряду этих материалов большое место занимают личные фонды советских писателей — участников Великой Отечественной войны. Тем не менее, несмотря на очевидную важность и значимость документальных материалов этих фондов, их серьезная научная разработка ведется медленно и по большей части случайно. В известной мере это обстоятельство объясняется отсутствием в достаточной степени информации о подобных материалах. Общеизвестна положительная роль, которую играют в этом отношении обзоры, способствуя введению в широкий научный оборот различных групп материалов. Учитывая это, представляется целесообразным в форме архивного обзора рассмотреть отдельные комплексы документов, хранящихся в ЦГАЛИ СССР, причем сделать это не в отношении фондов писателей, так сказать, первой величины, архивы которых постоянно находятся в центре внимания исследователей и интенсивно используются, а применительно к фондам писателей, если можно так выразиться, «второго эшелона» советской литературы (нимало, впрочем, не умаляя их собственного значения). К числу таких писателей принадлежит и П. А. Лидов¹.

Петр Александрович Лидов (1906—1944) — журналист и писатель, военный корреспондент «Правды» в годы Великой Отечественной войны, писавший яркие корреспонденции с самых трудных участков фронта, журналист, поведавший всему миру о подвиге Зои Космодемьянской. Петр Лидов погиб на боевом посту — при бомбардировке немецкими самолетами «челночного» аэродрома под Полтавой 22 июня 1944 г. «Петр Лидов был мужественный и прекрасный человек, воодушевленный и страстный журналист, — писал о нем бывший командир Чехословацкого корпуса, а позже Президент ЧССР генерал Людвик Свобода, — перо в его руках было острым оружием. Оно звало к непримиримой борьбе с фашистами»².

Обзор фонда П. А. Лидова, поступившего в ЦГАЛИ СССР в 1950 г. от вдовы писателя Г. Я. Лидовой, начнем с его автобиографии, написанной 15 июля 1939 г., в которой, в частности, говорится: «Родился в декабре 1906 года в г. Харькове. Воспитывался в приюте для подкидышей, затем в колонии в с. Липцы Харьковской губернии. Оттуда был взят на воспитание в семью профессора химии Харьковского Технологического института А. П. Лидова. Учился в реальном училище с 1914—1918 г. [...] В 1921—23 гг. учился в трудовой школе (семилетка), окончил ее. В 1920 г. вступил в комсомол и в начале 1923 г. уехал на комсомольскую работу в деревню. [...] В мае 1925 г. был участником губернского съезда рабселькоров и после съезда был оставлен на работе в редакции „Харьковского пролетария“ в качестве сотрудника партийного отдела [...] С октября 1928 г. — в рядах РККА [...] редактор полковой многотиражки, зам. редактора дивизионной газеты [...]. С октября 1932 г. — в Москве [...] В январе 1936 г. постановлением МК ВКП(б) был назначен редактором газеты „Мартеновка“ на заво-

¹ О П. А. Лидове см.: *Домрачев М.* Пример служения народу. — Красная звезда, 1962, 4 мая; *Дорофеев В. В.* С пером и гранатой. Мурманск, 1962; *Он же.* Атакующие правдисты. Петр Лидов. — В кн.: В редакцию не вернулся. 2-е изд. М., 1972, т. 1. *Коган Б. С.* Выдающийся советский очеркист П. Лидов. Свердловск, 1956; *Кудреватых Л.* О друзьях-товарищах. М., 1963; Петр Лидов. — В кн.: Строка, оборванная пулей. М., 1976; *Сурков А. А.* Боевой товарищ. — Сов. воин, 1964, № 9.

² *Дунаевский А.* Всегда среди живых. — В кн.: Строка, оборванная пулей, с. 368.

де „Серп и молот“. 15 июня 1937 г. постановлением МК ВКП(б) был откомандирован для работы в „Правде“³.

Среди творческих материалов Лидова — его военные корреспонденции, статьи, очерки, заметки: «Октябрьский правдик в фашистском тылу», «Под Рузой», «Вчера в Туле», «На развалинах Минска и Витебска», «В освобожденном Донбассе», «На Орловском участке фронта», «Летчики сражающейся Франции», «В лагерях польской дивизии им. Костюшко», «На американских воздушных базах в СССР», «Чехословацкий корпус в СССР» и др. (ед. хр. 29—34, 39, 40). Уже само перечисление названий говорит о том, что Лидов постоянно был в движении, оперативно-переезжая с одного участка фронта на другой, в тыл противника; говорит о разнообразии и широте поднимаемых проблем в его корреспонденциях: союзники, формирование польских и чехословацких частей на территории Советского Союза и др. Эти материалы представлены автографами Лидова, машинописью с его правкой — часть из них не была опубликована в свое время и представляет, таким образом, немалый интерес как для изучения творчества Лидова, так и в качестве дополнительного источника по истории отдельных сторон общественно-политической жизни СССР военного периода. Особое место среди рукописей Петра Александровича занимает очерк «Таня», посвященный подвигу Зои Космодемьянской. В архиве писателя хранятся черновики этого произведения, варианты статей под названиями «Светлой памяти Зои Космодемьянской», «Вокруг Тани» и др. (ед. хр. 34). С работой над очерком о Зое Космодемьянской у Лидова связан целый комплекс специально собранных им материалов, которые представляют большой интерес: рисуют картину широкого общественного резонанса, вызванного очерком Лидова. Среди этих материалов — акт комиссии МГК ВЛКСМ по опознанию Зои Космодемьянской, докладные записки МГК ВЛКСМ в МГК ВКП(б) о подвиге комсомолки и о присвоении ей звания Героя Советского Союза, выписки из записных книжек Зои, воспоминания о ней и другие документы, относящиеся к 1942 г. (ед. хр. 110, 111).

Непременными спутниками военных журналистов были их записные книжки. Блокноты разных размеров, с обложками и без них, мятые, с рассыпающимися листами, заполненные торопливо бегущим карандашом или чернилами, они в полной мере разделяли все превратности фронтовой судьбы своих владельцев, храня наскоро записанные цифры, фамилии, даты, события и детали боев, размышления и воспоминания.

В фонде П. А. Лидова хранятся его многочисленные записные книжки и дневники с 1939 по 1944 г., подавляющая часть которых относится к военному периоду (ед. хр. 25—28). Записные книжки 1939—1941 гг. (довоенные) относятся к деятельности Лидова в качестве специального корреспондента «Правды» по Белоруссии. В них, в частности, отражены события по воссоединению западных белорусских областей с БССР осенью 1939 г. Дневники военного времени насыщены прежде всего записями конкретных боевых действий и подвигов, совершенных в них бойцами и командирами Красной Армии. Эти записи служили основным источником для создания военных корреспонденций и статей. Во фронтовых блокнотах Лидова отражены глубокие размышления о самых разнообразных сюжетах и проблемах прошлого, настоящего и будущего. Дневники Лидова интересны не только с точки зрения использования находящейся в них конкретной информации о конкретных событиях и лицах, но и как документ, отразивший в себе многие духовные и эмоциональные потрясения и переживания, радости и огорчения от событий Великой Отечественной войны 1941—1944 гг. Подавляющая часть дневников и записных книжек Лидова не опубликована. Отдельные публикации носят единичный и случайный характер, воспроизводя некоторые записи Лидова о смелых и удачных действиях отдельных советских сол-

³ ЦГАЛИ, ф. 1865, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1—3 (далее номера единиц хранения и листов даются в тексте).

дат и офицеров⁴, и не дают достаточного представления об авторе этих записей.

3 июля 1942 г. Лидов записал в блокнот свои размышления: «...летние месяцы проходят, и немцы вынуждены выйти из своих укрепленных позиций и наступать. Это дает нам возможность бить немцев в открытом пространстве и наносить им значительно больший урон, нежели несем мы, находясь в обороне.

Мы как бы обмениваем некоторое свое пространство на живую силу и технику немцев. Территория никуда не денется — она останется в конечном счете у нас. Но немцы воспроизвести свои резервы, которые сейчас быстро перемальваются, не смогут. Так я понимаю нашу теперешнюю тактику. Наступая, немцы допобеждаются до полного поражения. Могут сказать, что это парадокс, но разгром немцев под Москвой в 1941 году основан на том же самом парадоксе. Принято считать, что разгром немцев под Москвой произошел в декабре 1941 г. и январе 1942 г. Я думаю, что будущие исследователи Великой Отечественной войны впоследствии придут к выводу, что этот разгром произошел в октябре — ноябре 1941 г. Немцы понесли поражение наступая, они приближались к Москве и в то же время — к своей катастрофе [...] Наша Севастопольская оборона — тоже пример, когда сражение оборонительное, окончившееся отступлением, равносильно крупнейшей победе» (ед. хр. 26, л. 261).

8 июля Лидов записывает: «Проводимые сейчас немцами наступательные операции, помимо непосредственных военных целей, имеют и политические цели. Наступление в Египте: сорвать второй фронт в Европе и понудить Турцию к выступлению на стороне Германии; наступление на Воронеж: демонстрацией своих успехов побудить Японию к скорейшему выступлению против нас на Дальнем Востоке.

[...] В 18 часов над Москвой появился германский разведчик. Я был в это время в театре Ленсовета, в здании филиала МХТ, на „Дворянском гнезде“» (ед. хр. 26, л. 279).

Вопросы организации печати, усиления идейно-политического влияния советской прессы заботят Лидова-журналиста и вызывают соответствующие размышления, тотчас заносимые в дневник. Лидов размышляет о специфике труда военного корреспондента. 23 апреля 1943 г. он записывает «Редакция считает очерк наиболее желательным жанром и ценит очерк превыше всего. Репортаж у нас — второсортный жанр, и если корреспондент держится в пределах точной и документальной информации о событиях, о нем говорят, что он не дорос до очерка. Я же считаю, что очерк — это не газетный, а литературный жанр. Очеркист редко может обойтись без вымысла. Очерк — это десерт в газете, так же как и всякий иной литературный жанр: стихи, повести, роман» (ед. хр. 27, л. 357).

Записи о военных событиях соседствуют в записных книжках Лидова с его литературными оценками, размышлениями.

«18 июля [1942 г.] Мопассан называет немецких солдат — прусскими автоматами [...]

„Позарастали стежки дорожки,

Где мы ходили после бомбежки“ (Фольклор войны).

21 июля. Дама в трамвае: „Сегодня передавали по радио о гибели трех наших летчиков. Какой ужас, какой ужас!... Зачем такие вещи передавать по радио, после этого другие летчики будут бояться летать“. Мы так редко сообщаем о своих потерях, о гибели наших людей, что многие думают в простоте душевной, что потери и смерть сопутствуют только германской армии. Сообщение о гибели трех летчиков это сенсация, которая может взволновать умы. Для самих же летчиков это будни» (ед. хр. 26, л. 285). Несколько неожиданным может показаться записанное П. А. Лидовым в блокноте 1944 г. рядом с описанием жестоких боев

⁴ См.: Записная книжка П. Лидова. — Лит. газ., 1957, 23 февр.; Из фронтовых дневников. — Там же, 1962, 28 апр.; СА, 1966, № 3, с. 124—125.

стихотворение В. А. Жуковского «Царскосельский лебедь», которое дает богатую пищу для понимания психологического настроения журналиста (ед. хр. 28, л. 11).

Осенью 1942 г. П. А. Лидов — под Сталинградом, и дневник заполняется записями, связанными с этим участком фронта, участком, на котором произошли события, ознаменовавшие коренной перелом в ходе всей второй мировой войны. 9 ноября он записывает: «Был у Еременко. Он выглядит более молодо и подтянуто, чем в Белостоке в 1939 году. Без орденов, с двумя золотыми нашивками за ранение. Меня помнит. Немного рассеян [...] После трехмесячного перерыва возобновил писание дневника. Я прочел несколько страничек [...]. В госпитале он написал воспоминаний около 400 страниц на машинке, взял 40 уроков английского языка и жалуется, что не с кем практиковаться в разговорном языке. Горд той ролью, которая выпала на его долю в обороне Сталинграда, несколько раз повторил: „Я задержал первое наступление немцев на Сталинград с юга — в августе“ [...] Милый, добрый человек. Откровенному разговору мешала субординация, через которую я не хотел переступать, а также и то, что в приемной ждали другие. Насколько я мог понять, он занят сейчас больше всего передвижением прибывающих резервов. В газетах о Сталинграде читает крупные вещи» (ед. хр. 26, л. 351—352).

Блестяще завершена Сталинградская битва — и в дневнике Лидова вновь появляются размышления о возможном стратегическом развитии событий. 25 февраля 1943 г. он пишет: «Все более отчетливо рисуется мне стратегия немцев после разгрома под Сталинградом. 1. Сократить протяженность фронта. 2. Сохранить живую силу. 3. Поступиться территорией, растянуть наши коммуникации, измотать и обескровить нас в арьергардных боях. При этом по возможности удержать угольный Донбасс. 4. Приведа в порядок отведенные с юга силы, нанести удар с целью отрезать вырвавшиеся слишком вперед наши части и уничтожить их. Выровнять фронт, выйти на Донец, на время разлива прикрыться Донцом и высвобожденные таким образом силы использовать для аналогичного удара там, где этому не будет препятствовать разлив рек (возможно, на Харьков или Ростов). 5. Летом — новое стратегическое наступление либо на Москву, чтобы добиться максимального эффекта коротким броском, либо — на Украину и Кубань собирать урожай. Разумеется, если мы не упредим немцев и не подготовим нового сокрушительного наступления либо не успеем взять инициативу в свои руки» (ед. хр. 27, л. 351—352). Так как по долгу своего журналистского ремесла Лидов общался с военными руководителями разных рангов и различных участков фронта, то в его записях нашли отражение оценки и предположения и того военного окружения, среди которого он вращался — в этом отношении дневниковые записи Лидова представляют особую ценность. Так, 20 мая 1943 г. в дневнике появляется такая запись: «...будут разыграны две крупные ставки: Орел и Курск, два мешка, набитые до отказа войсками и техникой, первый немецкими, второй русскими. Цель обеих сторон — уничтожение крупнейших сил противника, которое откроет путь для дальнейшего наступления» (ед. хр. 27, л. 358—359).

Героическая борьба партизан, формирование Чехословацкого корпуса и первые его бои, Москва в суровую осень 1941 г., кочевой неустроенный быт военных корреспондентов и многие, многие другие сюжеты нашли отражение в записных книжках Лидова.

В фонде П. А. Лидова хранятся и его неопубликованные воспоминания «Записки репортера» (машинопись, 1943—1944 гг.), посвященные его журналистской деятельности в 20-х годах (ед. хр. 38). В юности он серьезно увлекался авиацией, и в его записках сохранились воспоминания об организации в Харькове в 1922 г. Общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма: «Первое заседание основателей общества происходило в Харьковском Доме Красной Армии, в Провиантском пе-

реулке. Председательствовал командующий воздушными силами Украины и Крыма. Справа от него, в конце стола, сидел Михаил Васильевич Фрунзе в красноармейской форме того времени — в гимнастерке с тремя широкими остроконечными петлицами поперек груди. Не более трех шагов отделяло меня от товарища Фрунзе, и я не спускал глаз с его лица. Обсуждались задачи общества, его устав. Михаил Васильевич все время участвовал в дебатах, отстаивал свои предложения. С тех пор навсегда осталось в моей памяти простое, ласковое, озаренное сверкающими умом глазами лицо выдающегося русского полководца революции» (ед. хр. 38, л. 8—9). Большое место в «Записках репортера» уделено работе Лидова в качестве селькора ряда местных газет Украины. Трудности и опасности этой работы, инициатива и энтузиазм селькоров, их повседневная борьба за утверждение нового общественного уклада нашли отражение в воспоминаниях Лидова, который, в частности, писал: «Нелегко было без политической подготовки, без знания жизни и людей вступать в борьбу с отсталой, косной, а то и явно враждебной средой. Каким я должен быть? Как должен поступать? Единственными моими советчиками были прочитанные в детстве книги, и, обращаясь к ним, я создавал для себя образ борца-революционера, которого наделял бунтарским духом декабристов, аскетизмом народовольцев, стойкостью политических ссыльных и дерзостью экспроприаторов. Мне хотелось быть храбрым, как Котовский, непопулярным, как Марат, красноречивым, как Луначарский, и прозорливым хотя бы как одна стотысячная Ленина» (ед. хр. 38, л. 20). Кроме «Записок репортера», в фонде хранятся также в значительной части опубликованные воспоминания Лидова «Канун войны» («Первый день войны») (ед. хр. 35)⁵.

В архиве П. А. Лидова сохранились письма к нему от более чем 60 корреспондентов, среди которых — его коллеги по журналистской работе: главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов, фотокорреспонденты «Правды» С. Н. Струнников, погибший вместе с Лидовым, М. М. Калашников, родственники Лидова, его фронтовые друзья. Немало писем от родственников пропавших без вести красноармейцев с просьбой помочь в розыске близких (ед. хр. 43—101).

Служебная деятельность Лидова довольно детально отражена в биографических материалах фонда: справки, удостоверения, служебные книжки, выписки из приказов и постановлений о назначении его на должность и т. д. (ед. хр. 1—24).

Самостоятельный раздел архива П. А. Лидова представляет разного рода собранные им материалы, частично вошедшие в его военные корреспонденции, в большей же части еще не привлекавшие специального внимания исследователей. Среди них — письма немецких солдат и офицеров домой с фронтов Великой Отечественной войны; выписки из показаний военнопленных; приказы (и выписки из них) по отдельным частям немецкой армии; воспоминания о зверствах фашистов в Харькове в период немецкой оккупации и др. Для исследователя военной печати периода Великой Отечественной войны могут оказаться важными отдельные номера фронтовых и армейских газет, собранные Лидовым (ед. хр. 108).

Среди изобразительных материалов, сохранившихся в архиве Лидова, — его фотографии военных лет, фотографии командира Чехословацкой воинской части в СССР полковника Л. Свободы среди солдат и офицеров своей бригады и некоторые другие (ед. хр. 118—124).

Таким образом, даже краткий обзор материалов фонда Лидова намечает существенные направления исследований, по которым эти материалы явятся важными источниками. Завершим обзор высказываниями о Лидове и его архиве Бориса Полевого, который в 1950 г. выступил в качестве архивного эксперта и в своем заключении писал: «Миллионы советских людей знают Петра Лидова как одного из самых отважных,

⁵ Оpubл. в кн.: Годы великой битвы. М., 1958, с. 332—345.

честных и талантливых из всех военных корреспондентов, освещавших на страницах советской печати ход Великой Отечественной войны.

Включившись в войну в первый же день нападения фашистской Германии на Советский Союз, Петр Лидов, почти непрерывно находясь на самых острых участках фронта, освещает войну на страницах „Правды“ вплоть до рокового дня гибели на посту при исполнении своих корреспондентских обязанностей.

Правдист в подлинном и большом смысле этого слова, человек смелый, бесстрашный, не боящийся ни трудностей боевой жизни, ни фронтовых тягот, он направляется редакцией „Правды“ на самые острые и ответственные участки великого фронта, туда, где в данный момент решается судьба войны. Героическая оборона Москвы, Сталинградская эпопея, сражение за Ржев, военная битва на Курской дуге, закончившаяся освобождением Орла,— все эти битвы, решившие судьбы войны, были освещены талантливым пером Петра Лидова.

В его архиве сохранились и его корреспонденции в их первоначальном виде, и копии телеграфных лент, и фронтовые блокноты с дневниковыми заметками. Не все это по условиям военного времени могло быть опубликовано, но все это представляет, на мой взгляд, ценнейшие документы войны, могущие принести большую пользу будущему историку и литератору, которые захотят восстановить в своих произведениях картины величайшей из войн, какие только когда-либо вело человечество [...].

Настоящим сокровищем лидовского архива являются все материалы, относящиеся к подвигу Зои Космодемьянской. Петр Лидов был первым журналистом, из корреспонденции которого, напечатанной в „Правде“, мир узнал о великом подвиге простой московской школьницы. Поэтому все, что относится к этой корреспонденции „Таня“ и его последующим статьям на эту тему, имеет для истории большую ценность. И таких корреспонденций, неопубликованных материалов и отдельных нереализованных записей, в которых зоркий и умный большевик-журналист запечатлел подвиги советских людей, в материалах его архива немало. В разгар войны редакция назначила Петра Лидова корреспондентом при вновь сформированных в Советском Союзе польской дивизии им. Костюшко, Чехословацкой бригаде Людвиг Свободы и других частях. Рукописи его очерков [...] будут иметь большое значение для тех историков и литераторов, которые решат посвятить свои труды [истории] организации на территории СССР новых демократических армий этих стран, будут писать историю этих армий или историю братства по оружию, создавшегося на фронтах Отечественной войны [...].

Несомненный интерес представляют и биографические материалы Петра Лидова, рисующие облик советского военного корреспондента, журналиста-большевика, пламенного патриота своей Родины, честного и храброго солдата. И это велико само по себе для того, чтобы будущие поколения советских людей видели, какими руками освещалась на страницах советских газет публицистическая летопись Великой Отечественной войны.

Считаю архив Петра Лидова отличным собранием документов журналиста-большевика, ценнейшим вкладом в освещение истории Отечественной войны.

Москва 5 мая 1950 г. Б. Полевой»⁶.

⁶ ЦГАЛИ, дело ф. 1865, с. 6—8.

АРХИВ БОРТМЕХАНИКА А. Н. АНДРЕЕВА
(из фонда ОПИ ГИМ
«Великая Отечественная война Советского Союза
1941—1945 гг.»)

Начало выявлению и сбору материалов о Великой Отечественной войне было положено ее участниками и современниками. Одним из первых к этой работе приступил ГИМ. За годы войны и в послевоенные годы было создано документальное собрание музея «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.» (ф. 452).

Время, в которое проводилась основная работа музея по собиранию, и задачи, стоящие перед ним, обусловили состав и содержание коллекции. При собирании учитывалось не только познавательное значение материалов, но и их эмоциональное воздействие. Здесь хранятся в основном печатные материалы, стенная печать и фотографии. Значительное место в коллекции занимают документы о боевых действиях, о работе тыла, о немецко-фашистской оккупации и др.¹

Наряду со сбором документов о боевых действиях, о работе политорганов, тыловых предприятий музей большое внимание уделял собиранию документов личного происхождения, принадлежавших и знаменитым, и малоизвестным участникам войны. Значительное место среди них занимают письма с фронта и на фронт, в том числе и незнакомых друг с другом людей. Масштабы подобной переписки в годы Великой Отечественной войны — явление уникальное, требующее специального изучения. Разнообразны и ее каналы: от записочек «к незнакомому бойцу», вложенных в посылки на фронт, до писем в газеты и на радио. За этой «безадресной» перепиской стоит органическая и нерасторжимая связь фронта и тыла. Она имеет и множество иных оснований — социальных, идеологических и психологических. Об этом сказал москвич А. Голубев в письме в Радиокомитет: «Война вызвала много форм общения людей и одной из них являются письма на радио на фронт и с фронтов Отечественной войны. Мы привыкли их слушать и входить в судьбу незнакомых, но близких нам людей, защитников страны, их родных, друзей и знакомых»².

Среди этих коллекций своеобразен документальный комплекс бортмеханика авиации дальнего действия старшего лейтенанта А. Н. Андреева, возникший после опубликования его письма по радио³. Эта передача вызвала поток ответных писем, значительная часть которых находится ныне в ГИМ.

К сожалению, о самом А. Н. Андрееве известно в основном то, что он сообщил в письме в ГИМ и в своих воспоминаниях. Родился Ананий Николаевич Андреев в 1910 г. в г. Киеве. Отец — моряк, член РСДРП с 1905 г., был председателем ревтрибунала, потом партизаном. В 1920 г. зверски убит в с. Романкова Балка в Первомайском р-не. Сам Андреев в 1932 г. закончил Военную школу авиатехников и до 1936 г. служил в

¹ Подробнее об этом см.: *Закс А. Б.* Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным Историческим музеем в 1941—1944 гг. — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 149—158.

² *Глейзер М., Каблучко В.* Два миллиона писем. — В кн.: Радио в дни войны. М., 1975, с. 143; см. также: *Гуревич П. С., Ружников В. Н.* Советское радиовещание: Страницы истории. М., 1976. В этой работе приведены следующие данные: переданные в эфир письма помогли восстановить связи 30 216 семьям (с. 184); *Горяева Т. М.* Документы о деятельности Всесоюзного радио в период Великой Отечественной войны. — СА, 1975, № 2, с. 79—81; *Она же.* Письма с фронта и на фронт (по материалам Всесоюзного радио, 1941—1945 гг.). — СА, 1978, № 1, с. 32—39; *Она же.* Документы Радиокомитета периода Великой Отечественной войны как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

³ ОПИ ГИМ, ф. 452, ед. хр. 138 (далее ссылки на архив А. Н. Андреева даются в тексте).

военной авиации в качестве борттехника. В 1936 г. перешел в гражданскую авиацию и работал на различных линиях механиком (ед. хр. 138, л. 7 об.). В начале войны летал на самолетах, обслуживающих передовую от Черного моря до Мурманска. Совершил вынужденную посадку в немецком тылу и три дня добирался к своим. В 1942 г. Андреев по его просьбе был переведен в авиацию дальнего действия. Множество раз участвовал в боевых вылетах, в том числе и против вражеских городов. К весне 1943 г. был уже награжден двумя орденами (ед. хр. 327а, л. 90).

1 сентября 1942 г. по радио прозвучало письмо старшего лейтенанта Андреева к брату-фронтовику А. Н. Лифанову⁴, в котором сообщалось о гибели их семьи при бомбардировке немцами г. Первомайск. Андреев с начала войны разыскивал брата, но поиски эти были безрезультатны. Летом 1942 г. товарищи посоветовали ему отправить письмо к брату в Радиокomitee⁵. Письмо Андреева произвело сильное впечатление, многие выразили ему свое сочувствие: Андреев стал получать множество писем от незнакомых ему людей. Всего он получил около тысячи писем, в том числе и письма от брата. Андреев написал ответное письмо в Радиокomitee. 11 ноября 1942 г. письма братьев прозвучали в эфире в передаче «Письма с фронтов Отечественной войны». Сотрудница ГИМ О. А. Блюмфельд написала письмо Андрееву, в котором предложила сдать письма на хранение в музей. Между ними завязалась переписка. Андреев согласился и передал их 11 января 1943 г. (ед. хр. 138, л. 6, 7).

В дальнейшем сотрудники музея поддерживали связь с Андреевым. В феврале 1943 г. были стенографированы воспоминания Андреева, когда он находился на лечении в санатории под Москвой. В музее хранится первомайская поздравительная открытка Андреева 1943 г. О. А. Блюмфельд. К сожалению, неизвестно, поддерживал ли он связь с музеем после этого.

Материалы, связанные с откликами радиослушателей на письма Андреева, хранятся в 17 делах под общим названием: «Материалы из личного архива. „Фонд писем“ к бортмеханику авиации дальнего действия старшему лейтенанту Андрееву Ананию Николаевичу»⁶. Они делятся на две большие группы: материалы, связанные с передачей, и письма-отклики радиослушателей. В первую группу входят документы о жизни и деятельности Андреева и материалы, возникшие в процессе переписки с сотрудниками ГИМ. Здесь представлены: тексты переданных по радио писем Андреева и его ответа на письма радиослушателей (полученные музеем из Радиокomitee), три письма и открытка, написанные Андреевым в ГИМ, стенограмма воспоминаний Андреева и его фотографии.

В первом письме в Радиокomitee он пишет о гибели семьи. Выполняя боевое задание, Андреев приземлился на аэродроме родного города Первомайск. В это время началась бомбежка. «Меня с семьей разделяли всего четыре километра. Я мог всю семью забрать в свою огромную машину, но каждую минуту в нее мог попасть снаряд, размышлять было некогда, Шура, нужно было исполнять свой воинский долг и спасти самолет» (ед. хр. 138, л. 31), — пишет Андреев. После бомбардировки, сделав облет над городом, он увидел, что на том месте, где жила семья, были одни развалины. Во втором письме в Радиокomitee Андреев сообщил, что нашел брата и что после передачи к нему протянулись сотни рук и «сотни советских семей, широко распахнув двери своего дома, говорят мне: „Родной наш, войди к нам и считай себя членом нашей семьи“» (ед. хр. 138, л. 26).

⁴ Степень родства Андреева и Лифанова не установлена. Вероятно, они братья по матери.

⁵ Об обстоятельствах, в которых это письмо было послано, Андреев сообщил в письме от 12 декабря 1942 г., адресованном О. А. Блюмфельд, следующее: «...писал, мало надеясь на то, что оно попадет в Радиокomitee, т. к. не знал адреса и вообще, откровенно говоря, даже не думал, что его опубликуют» (ед. хр. 138, л. 6).

В письмах Андреева сотрудникам ГИМ содержатся сведения об откликах на радиопередачу. Первое письмо написано 1 декабря 1942 г. В нем он пишет, что просьбу о сдаче писем в музей выполняет с радостью, так как и «это есть доля вклада в наше великое дело, в дело нашей борьбы, о которых должны знать поколения» (ед. хр. 138, л. 5).

Воспоминания Андреева охватывают период его боевой деятельности с 22 июня 1941 г. по 10 сентября 1942 г. Их запись велась 5 и 21 февраля 1943 г. в санатории под Москвой. Установить, кем она проводилась, не удалось. Воспоминания написаны очень живо и непосредственно. Война застала Андреева в Баку. Он летал в Киев, Архангельск для перебросок боеприпасов и оборудования. Очень подробно он рассказывает о гибели семьи (ед. хр. 138, л. 78–80). Особый интерес представляют воспоминания с 27 августа по 10 сентября 1942 г. В эти дни к Андрееву пришло множество писем от радиослушателей. 2 сентября 1942 г. он получил первые письма: «Я пытаюсь понять, что произошло, почему мне столько писем, от кого. Просматриваю обратные адреса. Ни одной знакомой фамилии, ни одного знакомого имени. Я все думаю, что это какая-то путаница. Еще и еще раз просматриваю адреса. Все как-то правильно. И все письма мне... Вскрываю первый попавшийся мне конверт» (ед. хр. 138, л. 115–116). Теперь ему все стало ясно: опубликовано его письмо, обращенное к брату. Читал письма не только Андреев, он посылал их в политотдел, давал комиссарам частей, боевым друзьям. Письма читались на политинформациях, на партийных и комсомольских собраниях, иногда перед боевыми вылетами.

При изучении этих материалов нами был обнаружен ряд расхождений, в частности в датировке писем в Радиокomitee.

В особую группу выделяются документы, возникшие в процессе обработки и изучения коллекции «Опись писем, адресованных летчику Андрееву в ответ на его обращение по радио к своему брату», составленная в январе 1944 г., и «Справка О. А. Блюмфельд о составе и происхождении фонда писем А. Н. Андреева». В описи письма группируются по географическому признаку в алфавитном порядке.

Основную массу «Фонда писем...» составляют письма-отклики радиослушателей. Всего сохранилось 436 писем. Многие пропали или остались у тех, кому были переданы Андреевым раньше. В ф. 452 хранится также корректурный оттиск неопубликованного сборника статей «Материалы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (ед. хр. 327а), подготовленного сотрудниками музея сразу же после войны. В сборнике сделана первая попытка анализа некоторых комплексов документов, собранных в коллекции, показана история ее создания. В нем помещена статья Блюмфельд «Письма старшему лейтенанту авиации дальнего действия А. Н. Андрееву», в которой она рассматривает только письма радиослушателей (ед. хр. 327 а, л. 89–115). Основной задачей автора было передать эмоциональный настрой писем. В статье приводится много цитат из писем, несколько писем опубликовано полностью, даются анализ и систематизация писем. Заслуга Блюмфельд в том, что она составила опись писем, которая прилагается к статье. Когда удавалось установить, приводились сведения о роде занятий авторов писем. Статья Блюмфельд не утратила значения⁶.

Архив А. Н. Андреева — ценный источник по истории Великой Отечественной войны, показывающий единство фронта и тыла, всего советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками. Входящие в него письма, написанные живым, ярким языком, сохранили психологическую атмосферу того времени. Материалы Андреева представляют интерес и как реакция радиослушателей на выступление воина Красной Армии по радио, они важны и для изучения собирательской деятельности ГИМ в годы Великой Отечественной войны.

⁶ Закс А. Б. Указ. соч., с. 152–153, 158.

**ФОНОДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ЗВУКОЗАПИСЕЙ СССР
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

В ЦГАЗ СССР хранится более тысячи фонодокументов о Великой Отечественной войне. С источниковедческой точки зрения они рассматриваются в статье Т. М. Горяевой¹. В ней, в частности, отмечено, что фонодокументы еще слабо используются в качестве исторического источника.

В настоящей статье содержится обзор основных групп документов архива о прошедшей войне. Основными источниками комплектования архива являются две организации: Госкомитет по телевидению и радиовещанию СССР и Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия». Некоторое число звукозаписей вечеров и собраний, посвященных событиям войны 1941—1945 гг., поступило в архив из Центрального Дома литераторов, Музея Вооруженных Сил и других организаций.

Фонодокументы принимаются в архив в виде магнитных записей и грампластинок и получают в архиве номера в порядке их поступления. В отличие от других государственных архивов в ЦГАЗ СССР не применяется классический принцип пофондового хранения; в архиве существует как бы один фонд, внутри которого материалы делятся по тематике.

Все фонодокументы по истории Великой Отечественной войны можно разделить на две группы: созданные в годы войны и записанные в послевоенное время.

Фонодокументы по истории Великой Отечественной войны представлены в ЦГАЗ СССР различными способами записи. Фонодокументы периода войны записывались на кинолентке механическим и оптико-фотографическим способами (так называемые шоринофонная и тонфильмовая записи). Немногочисленную группу составляют записи военных лет, сделанные на тонфолевых пластинках.

Для обеспечения сохранности и возможности широкого использования этих уникальных фонодокументов была осуществлена их перезапись на магнитную ленту. В послевоенный период фонодокументы по истории Великой Отечественной войны записывались на двух типах носителей — магнитной ленте и грампластинках. С точки зрения видовой принадлежности звукозаписи в большей части соответствуют видам и разновидностям письменных документов. Среди них — фонограммы официальных материалов: докладов и выступлений руководящих деятелей партии, правительства и общественных организаций по Всесоюзному радио, на парадах, митингах, собраниях как военного, так и послевоенного времени. Большинство таких документов опубликовано в печати в виде текстов, а подчас более или менее подробных отчетов. Сохраняются и фонограммы различных торжественных мероприятий, посвященных Великой Отечественной войне. Значительную группу фонодокументов образуют информационные материалы — приказы Верховного Главнокомандующего и сводки Совинформбюро, которые были зачитаны диктором Ю. Б. Левитаном прямо в эфир и затем опубликованы в газетах. В послевоенное время (в основном во второй половине 60-х — начале 70-х годов) для различных радиопередач, кинофильмов и т. п. они были вновь начитаны Ю. Б. Левитаном. К сожалению, запись проводилась не систематически, а по мере поступления запросов — в ЦГАЗ СССР хранится около 50 таких документов. Нужно учитывать незначительную разницу в их звучании по сравнению с тем, что передавалось в эфир в военное время.

¹ Горяева Т. М. Фонодокументы как источник по истории Великой Отечественной войны. — История СССР, 1985, № 3, с. 142—154.

Весьма разнообразны документы радиожурналистики: репортажи, интервью, фонограммы рассказов непосредственных участников событий. Они записывались в воинских частях, на фронтах, в осажденных городах, в заводских цехах и на колхозных полях. Особую группу образуют звуковые письма фронтовиков и тружеников тыла, которые находят аналогию в письмах, опубликованных в газетах и обращенных к широкой аудитории, а не только к близким людям. Самым многочисленным видом фонодокументов о войне являются воспоминания ее участников (некоторые записаны еще в военное время).

Совершенно специфичны звукозаписи «шумового фона» тех или иных событий военного времени — боев, воздушных налетов, работы заводов и т. п. Самостоятельные специальные записи такого рода редки, но в качестве фрагментов они входят в другие виды фонодокументов, прежде всего разного рода репортажи. Среди фонодокументов официального характера — Заявление Советского правительства от 22 июня 1941 г.²; речи Председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина: 3 июля 1941 г., 6 и 7 ноября 1941 г., 1943 г., 1944 г., 9 мая 1945 г.; выступления Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина с годовыми обращениями к Советскому народу и на торжественном заседании в Ленинграде, посвященном годовщине полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады и вручению городу ордена Ленина; речь А. С. Щербакова на 9-й сессии Верховного Совета СССР об образовании антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны; выступление А. А. Жданова в 1942 г.; речь Н. А. Вознесенского на первой сессии Верховного Совета СССР второго созыва о перестройке народного хозяйства страны на военный лад в годы Великой Отечественной войны.

Идеологическая и воспитательная работа партии отражена в следующих фонодокументах: выступлениях академика Б. Н. Пономарева на пленуме Советского комитета ветеранов войны (1975 г.), Маршалов Советского Союза Ф. И. Голикова и К. К. Рокоссовского, члена-корреспондента АН СССР генерал-лейтенанта П. А. Жилина на пресс-конференции ветеранов войны с иностранными журналистами (1980, 1981 гг.). Роли коммунистов и политработников во время Великой Отечественной войны посвящены воспоминания трижды Героя Советского Союза летчика И. Н. Кожедуба, писателя К. М. Симонова, парторга 297-го стрелкового полка Героя Советского Союза Ф. А. Костина, корреспондента газеты «Красноармейская правда» в годы войны Е. З. Воробьева и др. (1974, 1975, 1970 гг.). О героизме комсомольцев вспоминают комсомольские работники времен войны А. М. Пегов, З. Т. Федорова и др. (1975, 1966 гг.).

О всемирно-историческом значении победы Советского Союза в Великой Отечественной войне рассказывают фонодокументы с выступлениями Маршалов Советского Союза А. М. Василевского, Р. Я. Малиновского, К. К. Рокоссовского и др. (1972, 1961, 1966 гг.). Маршал Советского Союза А. М. Василевский, являвшийся в годы войны заместителем начальника и начальником Генерального штаба, рассказывает о важнейших сражениях войны и о деятельности Ставки Верховного Главнокомандования; бывший командующий 65-й армией П. И. Батов — о крупнейших сражениях с участием его армии; генерал армии А. П. Белобородов — о боях под Москвой, когда он командовал 78-й стрелковой дивизией, боях в Белоруссии и за Кенигсберг, когда он командовал 43-й армией. Генерал армии Д. Д. Лелюшенко, который командовал во время битвы под Москвой 30-й армией, во время Сталинградской битвы 3-й гвардейской армией, во время боев в Европе и Берлинской операции 4-й танковой армией, вспоминает об этих сражениях (1975 г.). Фонограммы этих выступлений имеют большую продолжительность звучания.

Большая группа фонодокументов ЦГАЗ СССР отражает основные эта-

² О первом дне войны имеется запись воспоминаний Ю. Б. Левитана (1966 г.).

пы и ход боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них — воспоминания о боевом пути некоторых частей и соединений на протяжении всей войны: генерала армии П. И. Батова о Московско-Минской, пролетарской стрелковой дивизии; генерал-майора Г. А. Белова о 112-й башкирской кавалерийской дивизии и др. (1966 г.). Ряд фонограмм освещает бессмертный подвиг защитников Брестской крепости: запись вечера в Центральном Доме литераторов, посвященного героям крепости; торжественного собрания в связи с вручением крепости ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»; воспоминания защитников легендарной крепости (1965, 1956, 1971 гг.).

Фонодокументы ЦГАЗ СССР освещают события лета и осени 1941 г. О первых боях вспоминает генерал армии П. И. Батов, Маршал бронетанковых войск М. Е. Катукон, Маршал Советского Союза И. С. Конев и др. (1972, 1973 гг.). О боях летом 1941 г. говорилось и на встрече ветеранов 4-й армии (1971 г.). Историю героической обороны островов Моонзундского архипелага осенью 1941 г. освещает фонограмма встречи ветеранов обороны (1960 г.). Фонограмма телепередачи «Подвиг» посвящена сражению под Могилевом в июле 1941 г. (1966 г.). Среди других фонодокументов, отражающих начальный период войны, хочется выделить выступление на антифашистском митинге в Москве летчика, Героя Советского Союза В. В. Талалихина о ночном таране фашистского самолета (1941 г.).

Смоленскому сражению в июле—сентябре 1941 г. посвящены записи воспоминаний Маршала Советского Союза А. И. Еременко и генерала армии П. А. Курочкина (1968 г.). Маршал А. М. Василевский вспоминает о деятельности Генерального штаба летом 1941 г. (1971 г.). Ряд фонодокументов освещает ход Московской битвы. В воспоминаниях ее участников нашли отражение отдельные эпизоды битвы.

О подвиге героев-панфиловцев вспоминают бывшие бойцы дивизии: Герой Советского Союза И. Р. Васильев, командир и комиссар 1075-го полка И. В. Карпов и А. Л. Мухамедьяров, командующий артиллерией дивизии В. И. Марков и др. (1965, 1966, 1971 гг.). Необходимо также отметить записи воспоминаний о параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади, имевшем большое моральное и политическое значение. О его проведении вспоминают работник Московского радио Н. М. Потапов, старший политрук 2-го полка 2-й Московской коммунистической дивизии А. М. Савкин и другие участники событий (1965 г.). Сообщение Совинформбюро и выступление командующего 16-й армией в период Московской битвы К. К. Рокоссовского о провале наступления фашистских войск под Москвой дают первые оценки победе советских войск (1941, 1966 гг.). Битва под Москвой освещена в воспоминаниях заместителя начальника Генштаба А. М. Василевского, командующего Брянским фронтом А. И. Еременко, начальника артиллерии 16-й армии В. И. Казакова, командующего Калининским фронтом И. С. Конева и других военачальников (1965 г.). Московской битве был посвящен ряд послевоенных радиопередач, фонограммы которых хранятся в архиве. Среди них — «Первый удар», «Защитники Москвы», «Подвиг защитников Москвы» и др. (1966, 1968, 1978 гг.).

Комплекс фонодокументов ЦГАЗ СССР отражает оборону Ленинграда от первых боев до снятия 900-дневной блокады. Освещены отдельные боевые эпизоды на Ленинградском фронте летом и осенью 1941 г. Среди них — фонозаписи периода войны: выступление старшего сержанта Н. Гуськова о боях в районе станции Мга и рассказ неизвестного солдата-артиллериста о бое с немецкими танками (1941 г.). Работниками Ленинградского радио были сделаны и сохранены уникальные звукозаписи военного времени, отражающие боевую, трудовую и духовную жизнь ленинградцев в дни блокады города. Это обращение писателя В. В. Вишневского к ленинградской молодежи с призывом защитить Ленинград, выступление военного врача Балтийского флота Т. Геращенко об участии женщин в обороне Ленинграда и выступление работницы од-

ного из ленинградских заводов В. М. Матвеевой на антифашистском митинге женщин — участниц Великой Отечественной войны в Москве (1941 г.) о трудовом героизме ленинградских женщин. Некоторые фонодокументы времен войны вошли затем в цикл радиопередач «Обращение к памяти». Среди них — клятва гвардейцев 45-й ленинградской дивизии у Невской Дубровки; сообщения Ленинградского радио о прорыве блокады города 18 января 1943 г.; выступление работницы типографии «Машгиз» О. Новиковой о строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом в сентябре 1941 г. и др. (1942, 1943, 1941 гг.).

Исключительно ценны фонограммы радиопередач «Ленинград в июле 1943 г.» и «С микрофоном по фронтовому Ленинграду», которые дают картину жизни борющегося города (1943 г.). Репортаж о вручении Н-скому полку, защищавшему Ленинград, гвардейского знамени, записан вскоре после прорыва блокады Ленинграда 18 января 1943 г. В этот репортаж включено выступление первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданова, давшего высокую оценку действиям гвардейцев. Обороне Ленинграда посвящены также воспоминания и выступления, записанные после войны. О боевых операциях на подступах к городу вспоминают Герой Советского Союза А. Г. Козиев, командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков и командующий 54-й армией Ленинградского фронта, а затем Ленинградским фронтом И. И. Федюнинский и другие участники боев (1964, 1974 гг.). В воспоминаниях уполномоченного ГКО по обеспечению войск и населения продовольствием в Ленинграде Д. В. Павлова, писателей О. Ф. Берггольц, Н. А. Тихонова, Л. В. Успенского и других очевидцев блокады отражена жизнь в блокадном городе (1977, 1961 гг.). О прорыве блокады Ленинграда рассказывается в воспоминаниях командующего 67-й армией А. П. Духанова, командира 268-й стрелковой дивизии С. Н. Борщева и других участников операции (1963, 1968 гг.).

Группа фонодокументов посвящена героической обороне Севастополя. Участвовавшая в ней учительница А. С. Федоринчик на антифашистском митинге женщин — участниц Великой Отечественной войны рассказала с роли женщин в этой борьбе (1941 г.). Радиопередача «Говорит Севастополь», записанная 19 апреля 1942 г. в осажденном городе, доносит до нас голоса его защитников. Послевоенные записи, посвященные этим событиям, перекликаются с военными и дополняют их. Среди них — воспоминания генерал-лейтенанта Е. И. Жидилова, адмирала Ф. С. Октябрьского, командовавшего Черноморским флотом, и других участников боев (1972, 1965 гг.).

Сохранились в архиве и фонодокументы военного времени, относящиеся к лету 1942 г.: рассказ шофера Р. Алихарова о доставке на боевые позиции горючего для танков, рассказ командира батальона капитана Г. Тищенко об одном из боев с фашистами и др. Среди послевоенных записей особого внимания заслуживают воспоминания защитников Мархусской перевала на Западном Кавказе в июле—августе 1942 г. и выступление писателя С. С. Смирнова о сопротивлении в Аджимускайских каменоломнях в мае—октябре 1942 г. (1965 г.).

Группа фонодокументов архива повествует об обороне Сталинграда и разгроме фашистских армий на Волге. Записи, сделанные в период Сталинградской битвы, немногочисленны. Одним из фонодокументов периода битвы является запись интервью летчика В. Я. Хассина о воздушном бое над Доном в июле 1942 г. Ко времени битвы относятся фрагменты записей одного из воздушных налетов на город и артиллерийской подготовки советских войск перед началом контрнаступления (1942 г.). Послевоенные записи раскрывают картину великой битвы. Об этих событиях вспоминает Маршал Советского Союза А. И. Еременко, назначенный в августе 1942 г. командующим вновь созданным Юго-Восточным фронтом (1964 г.). В архиве хранятся записи выступлений, интервью, воспоминаний Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова — бывшего командующего 62-й армией (1963, 1965, 1967 гг.). Деятельность городской

и областной партийных организаций, городского комитета обороны освещается в воспоминаниях партийных работников А. С. Чуянова, П. В. Ильина, И. А. Пиксина (1963 г.).

Большой интерес представляют записи воспоминаний членов Ставки маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского о подготовке контрнаступления под Сталинградом (1962, 1972 гг.). О передаче ультиматума окруженным гитлеровцам вспоминают член Военного совета Донского фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин и майор А. М. Смыслов, выполнявший функции парламентаря (1963 г.). О завершении сражения вспоминает командующий войсками Донского фронта маршал К. К. Рокоссовский (1968 г.). Курская битва также нашла отражение в фонодокументах архива. В 1943 г. были записаны репортаж с поля боя за освобождение Орла и рассказы офицеров-артиллеристов о боях на Курской дуге. О Курской битве вспоминают Маршал Советского Союза И. С. Конев, генералы армии П. И. Батов и А. С. Жадов, маршал бронетанковых войск М. Е. Катюков, командир 2-го танкового корпуса генерал-лейтенант В. И. Баданов и командир 1-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант М. Ф. Панов. Все эти воспоминания были записаны в связи с 20-й годовщиной битвы.

Картина советского наступления дана в выступлениях по радио осенью 1943 г. члена Совета военно-политической пропаганды Главного политического управления Советской Армии Д. З. Мануильского и главного редактора «Красной Звезды» генерал-майора Н. А. Таленского. 23 июля 1943 г. записано выступление командующего Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца об итогах летней кампании. Победы советских войск отражены также в сообщениях Совинформбюро и приказах Верховного Главнокомандующего, фонограммы которых хранятся в архиве. Наступательные операции 1943 г. представлены воспоминаниями Маршала Советского Союза К. С. Москаленко в боях за левобережную Украину и командира 139-й дивизии И. К. Кирилова о боях на Смоленско-Рославльском направлении в августе 1943 г. (1966 г.). В архиве хранятся и послевоенные воспоминания участников битвы за Днепр (1965 г.):

Важнейшие события 1944 г. нашли отражение в фонодокументах архива. Наиболее подробно рассказывают фонодокументы архива об операции «Багратион» по освобождению Белоруссии в 1944 г. О ее подготовке и проведении вспоминают военачальники, под командованием которых проводилась операция (1964, 1970 гг.). В фонограммах радиопередач «Память поколений» и «Служу Советскому Союзу» рассказывается о боевых действиях торпедных катеров Северного флота (1977 г.). Освобождению стран Европы посвящены воспоминания участников боев, а также бывших военных корреспондентов (1965—1970 гг.). Освобождение столиц европейских государств отражено в фонограммах приказов Верховного Главнокомандующего.

Внимание привлекают записи обращения по радио Чешского Национального Совета к Советской Армии с просьбой об оказании помощи восставшей Праге. Представлено и записанное 9 мая 1945 г. выступление командующего 1-м Украинским фронтом маршала И. С. Конева на митинге в освобожденной Праге. Об этих событиях вспоминают: бывший диктор Пражского радио Вольфсон, военный корреспондент К. И. Буковский, Герой Советского Союза А. А. Воскресенский, генерал-майор С. Е. Кузьмин (1965—1970 гг.).

В фонодокументах — и записи о боях на немецкой территории в 1945 г. Итоги зимней кампании 1945 г. отражены в речи начальника Генерального штаба Советской Армии генерала армии А. И. Антонова, произнесенной во время парада войск на Красной площади в Москве 1 мая 1945 г.

Группа фонодокументов ЦГАЗ СССР посвящена Берлинской операции. 1 мая 1945 г. был записан репортаж из южной части Берлина. О подготовке и проведении операции вспоминают маршалы Г. К. Жуков,

И. С. Конев; об уличных боях в Берлине — Герои Советского Союза В. Д. Морозов, А. П. Писарев и др. (1965, 1964 гг.); о штурме рейхстага — бывший командир 150-й стрелковой дивизии генерал В. М. Шатилов, Герои Советского Союза капитан С. А. Неустров, М. А. Егоров и М. В. Кантария (1970, 1980, 1965 гг.).

Завершение войны зафиксировано фонограммой репортажа из Карлсхорста о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии; в фонограммах — воспоминания об этом военного корреспондента Л. И. Славина и оглашение акта Ю. Б. Левитаном по радио. Парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г. отражен в фонограммах репортажа о нем и радиопередач «Парад, увенчавший Победу» и «Два парада» (1945, 1970, 1965 гг.).

Всенародность патриотического подвига советских людей в Великой Отечественной войне выразилась в широком партизанском движении. Фонодокументы периода войны донесли до нас голоса партизан и подпольщиков: начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, Героя Советского Союза партизана И. Н. Кузина, бывшего члена подпольной организации «Молодая гвардия» В. Борц и др. (1941—1943 гг.). Среди послевоенных фонодокументов о партизанах выделяются воспоминания бывшего командира партизанского соединения дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова (1965, 1975 гг.), о подпольщиках — воспоминания молодогвардейцев (1965, 1967 гг.).

Деятельность советских разведчиков наиболее ярко отражена в воспоминаниях о Герое Советского Союза Н. И. Кузнецове (1962, 1965 гг.). Фонодокументы периода войны отражают оккупационную политику гитлеровцев. Из них следует указать свидетельства жителей Истринского р-на Московской обл. и выступление по радио писателя А. Н. Толстого о злодеяниях гитлеровцев в Харькове (1942—1943 гг.). После войны были записаны воспоминания узников Бухенвальда и других гитлеровских концлагерей (1958—1965 гг.).

В ЦГАЗ СССР хранится группа фонодокументов военного времени о деятельности тыла. Работа военной промышленности отражена в выступлении академика Л. Д. Шевякова о вкладе Урала в дело победы над врагом, о помощи тыла Военно-Морскому Флоту свидетельствует фонограмма репортажа с базы Северного флота о митинге, посвященном передаче подводной лодки «М-107» «Новосибирский комсомолец» морякам (1943 г.).

О вкладе советской науки в разгром врага повествуют фонодокументы Антифашистского митинга советских ученых в Москве 12 октября 1941 г., на котором выступили академики А. Н. Бах, Н. С. Державин, П. Л. Капица, Д. Н. Прянишников, а также фонодокументы выступлений по Всесоюзному радио участников расширенного заседания Академии наук СССР Б. Д. Грекова, Б. А. Келлера, В. Н. Образцова, Л. Д. Шевякова. Фонограмма выступления датируется 27 сентября 1943 г.

Деятели советской литературы и искусства отдавали все силы борьбе с врагом. Об этом свидетельствуют фонограммы военного времени: запись чтения А. Н. Толстым своей статьи «Что мы защищаем», выступление М. Танка со стихотворением «Острите и куйте оружие» (1941, 1942 гг.), а также послевоенные записи воспоминаний. Фонодокументы архива отражают героическую работу тружеников тыла. Работе заводов Урала в военное время посвящены воспоминания бывшего председателя Среднеуральского совнархоза В. В. Кротова, генерал-полковника В. Г. Грабина, ветерана труда В. Д. Есина (1970 г.). О трудовом героизме московских и подмосковных рабочих свидетельствуют воспоминания работников заводов «Серп и молот», «Динамо», подольского механического завода им. М. И. Калинина, комбината «Трехгорная мануфактура» (1970—1975 гг.). Патриотизм и трудовой героизм тружеников сельского хозяйства отражены в воспоминаниях Героя Социалистического Труда Д. М. Гармаш об организации женских тракторных бригад на Рыбниковской МТС в Рязанской обл. (1968 г.). В фонограммах воспоминаний

колхозницы Т. Н. Хлестовой, бывшей московской школьницы Е. А. Азарепковой и колхозника А. С. Суровешкина о покупке на личные средства самолетов и передаче их на фронт отражен патриотизм советских людей (1963 г.).

Самоотверженный труд колхозников нашел освещение в фонодокументах архива о работе тружеников села Московской обл. Председатель колхоза «Красный огородник-садовод» Ленинского р-на Московской обл. А. А. Юнина выступила на митинге женщин — участниц Великой Отечественной войны о самоотверженной работе женщин колхоза (1942 г.). Репортаж из Раменского р-на Московской обл. позволяет услышать рассказы бригадиров полеводческой и овощеводческой бригад М. С. Брицкой и М. И. Жуклиновой о самоотверженной, инициативной работе (1942 г.). Рассказ председателя колхоза К. И. Захваткина свидетельствует о стремлении колхозников сделать все возможное для обеспечения фронта продовольствием. Обобщающую картину героического труда колхозников, работников совхозов и МТС дает в своей речи («Третья военная весна») первый заместитель наркома земледелия СССР И. А. Бенедиктов (1944 г.).

Фонодокументы по истории Великой Отечественной войны, хранящиеся в ЦГАЗ СССР, являются своеобразным и ценным историческим источником. Фонодокументы архива часто запрашиваются редакциями телевидения и радиовещания, киностудиями, театрами, музеями, клубами и дворцами культуры, институтами, школами и другими организациями. Одним из важнейших направлений использования фонодокументов является подготовка их к публикации в форме грампластинок. Всесоюзной фирмой «Мелодия» выпущены комплекты грампластинок, альбомы и отдельные грампластинки с включением фрагментов фонодокументов архива по истории Великой Отечественной войны. Фонодокументы включены и в ряд изданий на гибких грампластинках в журнале «Клуб и художественная самодеятельность». Еще одним направлением использования фонодокументов архива является их демонстрация во время различных вечеров, экскурсий, проводимых в ЦГАЗ СССР, и т. п.

Представляется актуальным дальнейшее вовлечение фонодокументов ЦГАЗ СССР в научный оборот.

Наш обзор хочется завершить словами А. В. Луначарского: «Человеческое слово могуче, но речь живая, слово звучащее гораздо сильнее, чем слово печатное. Оно богато разнообразием интонаций, оно согрето чувствами, оно делается более убедительным»³.

³ ЦГАЗ СССР, 1931 г. № Г-20131.

И. В. Ковалев

МАТЕРИАЛЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XVIII в. В РУКОПИСНОМ НАСЛЕДИИ Н. Л. РУБИНШТЕЙНА

Крупный советский историк Николай Леонидович Рубинштейн (1897—1963) известен как разносторонний исследователь, выдающийся преподаватель, редактор, музейвед. Большую ценность его исследований по социально-экономической истории России XVIII в. отмечал в рецензии на книгу ученого «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.» академик Н. М. Дружинин¹. По словам С. С. Дмитриева.

¹ История СССР, 1958, № 3, с. 233—237. См. также рецензию К. В. Сивкова (ВИ, 1958, № 6, с. 171—175). В архиве сохранились неопубликованные отзывы о книге И. С. Бака (ОР ГБЛ, ф. 521, к. 27, ед. хр. 23) и М. Рожковой (ОР ГБЛ, ф. 521, к. 29, ед. хр. 10).

«вся совокупность работ Н. Л. Рубинштейна по изучению социально-экономической истории России в XVIII в. составила заметное явление в советской исторической литературе»². Между тем научная биография Рубинштейна изучена недостаточно. Не привлекали, в частности, внимания материалы об изучении историком проблем социально-экономического развития России XVIII столетия, сохранившиеся в его архивном фонде в ОР ГБЛ.

Фонд поступил на хранение 16 января 1965 г. от ученика Н. Л. Рубинштейна А. М. Разгона (ныне доктора исторических наук, заведующего отделом в ГИМ). Обработан фонд в 1979 г. По описи в фонде 33 картона — 622 ед. хр., свыше 15 000 л.³

Архив Рубинштейна содержит рукописи научных работ по истории Киевской Руси, Украины XVII в., истории социально-экономического развития России XVIII в., по русской историографии; подготовленные к печати публикации документов; тексты докладов и выступлений; статьи для энциклопедий, рецензии, отзывы на научные труды, письма около 100 корреспондентов⁴.

Данный обзор посвящен материалам, относящимся к неопубликованным фрагментам задуманного фундаментального труда Рубинштейна по социально-экономической истории России XVIII в. Эти материалы включают 7 ед. хр.⁵

Хронологически первым является текст доклада «Складывание капиталистических отношений и развитие русского общества во второй половине XVIII в.», прочитанного Рубинштейном на заседании Ученого совета Института истории естествознания и техники 12 июня 1945 г.⁶ В составе единицы хранения находятся также тезисы к докладу (несколько экземпляров рукописного и машинописного текста). Общий объем дела — 47 листов с оборотом. В середине 40-х годов Рубинштейн приступил к изучению социально-экономического развития России в XVIII в.⁷ Доклад явился одним из отправных моментов в разработке им этой проблемы. Здесь Рубинштейн подтверждает ранее сформулированную им мысль о развитии капитализма в России во второй половине XVIII в. Выделенные им вопросы истории рынка, промышленности и сельского хозяйства стали главными пунктами плана дальнейших его исследований.

Тезисы к докладу «Город и начало капитализма в России»⁸ представляют собой два листа машинописного текста. Сам текст доклада в фонде не обнаружен. Не удалось также выяснить, был ли прочитан этот доклад. Рукопись датирована при описании в ОР ГБЛ 1950-ми годами. Ключевая мысль доклада сводится к следующему: «Неоформленность классовых сил русской буржуазии в XVIII в. является одной из основных причин временного поражения растущих буржуазных отношений в России в борьбе с феодально-крепостнической системой, обусловившего задержку наступления „капиталистической эры“ в России до 2-й половины XIX в.»⁹

Сохранилась рукопись статьи Рубинштейна «Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения „О состоянии подданных вообще“»¹⁰. Статья эта впоследствии была опубликована¹¹. Данная единица хранения интересна тем, что, помимо тезисов статьи, здесь нахо-

² *Дмигриев С. С.* Николай Леонидович Рубинштейн (1897—1963). — История СССР, 1963, № 3, с. 240.

³ ОР ГБЛ, ф. 521.

⁴ Архив Н. Л. Рубинштейна: [Краткий обзор]. — ЗОР ГБЛ. М., 1967, вып. 29, с. 208.

⁵ ОР ГБЛ, ф. 521, к. 9, ед. хр. 1, 2, 6; к. 10, ед. хр. 5, 7, 8, 12.

⁶ Там же, к. 9, ед. хр. 1.

⁷ *Дмигриев С. С.* К истории советской исторической науки. Историк Н. Л. Рубинштейн (1897—1963). — Учен. зап. Горьк. гос. ун-та. Сер. ист.-филол., 1964, вып. 72, с. 144.

⁸ ОР ГБЛ, ф. 521, к. 10, ед. хр. 7.

⁹ Там же, л. 2.

¹⁰ Там же, к. 9, ед. хр. 2.

¹¹ Опубликовано в ИЗ (М., 1956, № 38).

дятся материалы сборника студенческих работ семинара Рубинштейна в МГУ, включающего также статью самого Рубинштейна и аспирантскую работу М. Т. Белявского. Название сборника «Очерки социально-экономической истории России 2-й половины XVIII века». Он должен был выйти под редакцией Рубинштейна в издательстве МГУ в 1948 г. Материалы представляют собой корректуру сборника, однако не всех статей, перечисленных в содержании.

«Очерки» были посвящены конкретному изучению вопросов, связанных со складыванием капиталистического уклада в России во второй половине XVIII в. Затрагивались две основные проблемы: социально-экономическая политика середины XVIII в. и становление нового капиталистического города.

К первой проблеме имеют отношение указанная статья Н. Л. Рубинштейна и работа (аспирантский доклад) М. Т. Белявского о деятельности Г. Н. Теплова, в которой он использовал интересный архивный материал и впервые дал систематический анализ социально-экономической программы Теплова, определившей в значительной мере экономическую политику правительства Екатерины II в 1760-е годы.

Вторая проблема нашла отражение в четырех очерках из истории русского города XVIII в.—результат работы специального семинара Рубинштейна, они представляют извлечение из студенческих работ 1948 г. Основанные на документальном материале, все они посвящены единой теме экономического становления нового города в эпоху складывания капитализма. Среди материалов сборника найден лист бумаги¹², на котором рукой Рубинштейна расписано содержание сборника и сделаны пометки, заключенные в скобках.

Это содержание выглядело следующим образом: Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще». Белявский М. Т. Социально-экономические проекты Г. Н. Теплова (1763—1770 гг.). К характеристике экономической политики Екатерины II (аспирантский доклад). Рубинштейн Е. Промышленные и торговые села и слободы Нижегородской губернии во II половине XVIII в. (дипломная работа). Полякова У. Город Архангельск и архангельское купечество во II половине XVIII вв. (дипломная работа). Матвеев М. Оренбургский торг и оренбургское купечество в XVIII в. (дипломная работа). Барсуков Н. Полотняная промышленность Костромского края в XVIII в. (работа студента III курса). Однако среди материалов сборника сохранились только корректуры работ Н. Л. Рубинштейна, М. Т. Белявского и Е. И. Рубинштейн. Сборник интересен как показатель творческого содружества профессора и его учеников в совместной разработке малоисследованных проблем отечественной истории.

В фонде Н. Л. Рубинштейна выявлены материалы к предварительному плану публикации документов «Волнение мануфактурных рабочих и приписных крестьян в России в XVIII в.»¹³. Единица хранения содержит 11 листов машинописного текста и датируется 1950-ми годами.

Предполагаемая публикация должна была примыкать к серии сборников «Рабочее движение в России в XIX в.», издававшейся Главным архивным управлением и центральными архивами Москвы и Ленинграда. Намечалось издать два тома. В них должны были быть представлены документы, освещающие ранний этап борьбы мастеровых и рабочих людей, возникшей и развивавшейся по мере утверждения мануфактурной промышленности на протяжении XVIII в. Публикуемые материалы должны были охватить волнения как на казенных, так и на частных мануфактурах, существовавших в разных отраслях промышленности, но в первую очередь металлургических и текстильных, сосредоточивавших в своих стенах наибольшее количество рабочих (квалифицированных и

¹² ОР ГБЛ, ф. 521, к. 9, ед. хр. 2, л. 1.

¹³ Там же, к. 10, ед. хр. 8.

неквалифицированных). В предисловии Рубинштейн писал: «В силу сложности социально-экономической природы русской мануфактуры XVIII в., располагавшей как принудительным, так и наемным трудом, в публикации должна найти освещение борьба разных категорий работников — приписных и купленных крестьян; вечноотданных на мануфактуры и, наконец, наемных рабочих»¹⁴.

Кроме того, в публикации предполагалось отразить такие важнейшие моменты для характеристики рабочей силы того периода, как ее социальный и производственный состав, положение отдельных категорий, создание кадров постоянных рабочих.

Внутри каждого тома материал намечалось распределить по отраслям промышленности — волнения на металлургических заводах, на текстильных мануфактурах и т. д. Сохранились листы с записью подробного содержания первого тома и списком архивных фондов, намеченных к просмотру.

Первый том состоит из трех разделов. Первый раздел включает документы о волнениях мануфактурных рабочих и приписных крестьян на металлургических заводах. Серия дел начинается с волнений на частных заводах Марселеса и Бутенанта, происходивших во второй половине XVII в. Далее следуют дела, обнаруживающие значительный рост борьбы на металлургических казенных и частных заводах, особенно с 1720-х годов. Второй раздел включил документы о волнениях мануфактурных рабочих и приписных крестьян на казенных и частных мануфактурах (суконные, прядильные, полотняные, бумажные). Третий раздел основан на документах зеркальных, стекольных и других мануфактур. Список фондов, намеченных к просмотру, включал фонды из архивов Москвы и Ленинграда, а также Свердловска, Нижнего Тагила, Челябинска, Златоуста, Перми, Новосибирска, Владимира. Этот план показывает масштаб задуманной публикации и в дальнейшем может послужить хорошим подспорьем для историков, работающих над проблемами классовой борьбы и социально-экономического развития России.

Значительный интерес в фонде Рубинштейна представляют рукописи, относящиеся к разработке источников по социально-экономической истории России XVIII в. Это один из разделов задуманного историком исследования. Данный раздел был использован Рубинштейном в 1957—1958 гг. при чтении специального курса в МГИАИ и вошел по его предложению в семилетний издательский научный план института¹⁵, но издан не был. Из-за ограничения объема содержание этого раздела не нашло достаточно полного отражения в монографии «Сельское хозяйство России во II половине XVIII в.»

Эта группа материалов состоит из двух единиц хранения. Первая содержит заявку-аннотацию на книгу «Источники социально-экономической истории России XVIII в.»¹⁶. Вторая названа в описи «Фрагменты разных работ по социально-экономической истории России XVIII в.»¹⁷. Помимо отдельных, не связанных по смыслу рукописных листов, здесь находится текст (объемом 45 с.), напечатанный на машинке с мелким прифтом в очень сжатой форме (многие слова сокращены, отдельные положения даны тезисно). К сожалению, текст обрывается на полуслове и оставшиеся листы при просмотре дел фонда не обнаружены. Аннотация, в которой сроком завершения работы указывается 1960 год, позволяет сделать вывод, что у Рубинштейна это исследование было подготовлено к изданию, а изучение самого текста, характерных особенностей его изложения позволяет предположить, что это материал лекций, прочитанных в виде специального курса в МГИАИ.

Рубинштейн подробно характеризует, а также классифицирует тот

¹⁴ Там же, л. 1.

¹⁵ Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования. — История СССР, 1962, № 6, с. 109.

¹⁶ ОР ГБЛ, ф. 521, к. 10, ед. хр. 5.

¹⁷ Там же, ед. хр. 12.

комплекс источников, который был выявлен им за период долгой работы в архивохранилищах страны и систематически использовался в его исследованиях.

Содержание текста позволяет определить круг источников, о которых говорится в труде историка. Этот перечень в какой-то мере можно считать и планом работы.

I. Экономические анкеты: 1) академическая анкета (1760 г.); 2) анкета Комиссии о коммерции: а) городская, б) сведения о мануфактурах; 3) анкета в связи с вопросом о новом обложении купечества и промышленности (1769 г.); 4) специальная сельскохозяйственная анкета ВЭО 1765 г.; 5) сенатская анкета 1767 г. о причинах дороговизны хлеба; 6) анкета генерал-прокурора 1767 г.; 7) анкета топографических описаний 1782 г.; 8) анкета ВЭО 1792 г.

II. Экономические примечания

III. Топографические описания

IV. Материалы географических путешествий (особенно подробно рассмотрены записки И. И. Лепехина об экспедиции в Среднее Поволжье, Зауралье и северные земли; «Записки путешественника от С. Петербурга до Херсона» В. Ф. Зуева; «Путешествие по Северу» П. Челищева; «Путешествие в Сибирь» А. Н. Радищева).

V. Материалы Уложенной комиссии 1767 г.

VI. Полное собрание законов Российской империи и материалы центральных учреждений: 1) архив Коммерц-коллегии; 2) фонд Мануфактур-коллегии; 3) фонд Берг-коллегии; 4) материалы Главного магистрата; 5) материалы Главной дворцовой канцелярии; 6) фонд Коллегии экономики; 7) фонд Вотчинной коллегии; 8) материалы ревизий.

VII. Материалы местных учреждений: 1) донесения губернаторов; 2) органы городского управления (магистраты, мирские суды, городские думы, городские управы, городские сходы); 3) обывательская книга; 4) таможенные материалы.

VIII. Частные и хозяйственные фонды: 1) описание вотчин; 2) инструкции-наказы приказчикам; 3) переписка помещиков с приказчиками; 4) отчеты приказчиков; 5) подворные ведомости; 6) отчетность по частным мануфактурам.

IX. Материалы банков.

X. Экономическая литература.

В начале работы Рубинштейн формулирует положение о проявлении государством заинтересованности в развитии хозяйственной деятельности в России XVIII в. Затем дается обзор работы различных учреждений (в их числе — коллегии, три комиссии о коммерции, Географический департамент при Академии наук, Вольное экономическое общество, Уложенная комиссия 1767 г. и др.), в результате деятельности которых возникли источники, необходимые при изучении вопросов социально-экономической истории России. Обращается особое внимание на журналы, вотчинные архивы и создание специальной документации в вотчинах. Рубинштейн отмечает расширение документирования промышленной деятельности, публичность документации (отчетность по предприятиям, по банкам). Он выделяет ряд признаков, характеризующих экономическую документацию: «Систематичность, единообразие формы... Публичность»¹⁸.

В своем исследовании Рубинштейн дает характеристики всем перечисленным выше группам источников. Одни он характеризует в общих чертах, другие подробно. Но везде указывает, какие сведения можно взять из того или иного источника. Например, в фонде Мануфактур-коллегии обращается внимание на ведомости, связанные с обслуживанием мануфактур, и указывается, что по этим ведомостям можно узнать о характере оборудования, о видах и размерах производства, о числе работающих, о владельце предприятия. Характеризуя «инструкции-наказы» приказчикам, которые рассылались как руководство и касались размера

¹⁸ Там же, л. 9.

надела, оброка, повинностей, автор указывает, что они содержат сведения по вопросам найма, по учету пришлого населения и т. д.

Несомненный интерес представляет одна из самых объемных рукописей, находящихся в фонде Рубинштейна: — подготовленное к печати исследование под названием «Выделение экономических районов России в XVIII в.»¹⁹ (260 с. рукописного текста и 215 машинописного). Рукописный текст написан начисто; при сверке с машинописным различий не обнаружено.

Исследование содержит общую сводную характеристику порайонного состояния хозяйства в середине XVIII в. («Территориальное разделение труда»). Рубинштейн характеризует выделенные им семь экономических районов России²⁰.

Описание каждого района явилось отдельной главой исследования. План монографии такой (количество листов отмечается по машинописному тексту): Введение (45 с.); Глава I. Центральный промышленный район (31 с.); Глава II. Северо-западный торгово-промысловый район (16 с.); Глава III. Район товарного сельского хозяйства (Центральный земледельческий район) (20 с.); Глава IV. Юго-западный сельскохозяйственно-промысловый район (21 с.); Глава V. Средневолжский сельскохозяйственный и торгово-промысловый район (28 с.); Глава VI. Приуральский (Камско-Вятский) промышленно-сельскохозяйственный и торгово-посреднический район (26 с.); Глава VII. Северный промысловый район (15 с.); Заключение (5 с.).

Введение начинается с постановки вопроса, затем следует обзор литературы и источников по теме с некоторыми выводами и указаниями на ключевые моменты, необходимые при изучении проблемы. В конце Введения Рубинштейн перечисляет выделенные им семь районов и дает состав этих районов по губерниям: 1) Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Калужская; 2) Тверская, Смоленская, Псковская, Новгородская, Петербургская; 3) Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Воронежская; 4) Харьковская (Слободско-Украинская) и левобережные украинские (Черниговская, Полтавская с примыкающей к ним Киевской); 5) Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская; 6) Пермская, Уфимская (позднее Оренбургская) и Вятская; 7) Архангельская, Вологодская и Олонецкая.

Здесь же автор называет восьмой выделенный им район — Юго-восточный степной, скотоводческий и промысловый, но оговаривает, что район находится в стадии заселения и освоения. Район этот рассматривается кратко в связи с рассмотрением Средневолжского района.

Характеристика районов построена в исследовании по следующему плану: 1) население и состав земельного фонда; 2) сельское хозяйство; 3) промышленность и торговля с особым выделением торгово-промышленных центров. Исследование снабжено статистическими таблицами, которые представляют большой интерес. По каждому району Рубинштейн составил четыре таблицы, в которых представил данные о населении, о составе земельных фондов и степени их использования, о промышленности и о торговле. В Заключении исследования обобщаются его результаты и отмечается два основных момента: «1. Отчетливая специализация отдельных районов, стоящих в определенной взаимной экономической связи. 2. Неравномерная степень специализации отдельных районов по мере их удаления от основного экономического центра»²¹.

Выявленные в фонде Рубинштейна документы являются одновременно и ценным материалом по социально-экономической истории России XVIII в., и важным источником для изучения истории исторической науки в середине XX в. и жизни и творчества одного из выдающихся ученых этого времени.

¹⁹ Там же, к. 9, ед. хр. 6.

²⁰ Рубинштейн Н. Л. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения: Сб. статей. М., 1958, с. 88—110.

²¹ ОР ГБЛ, ф. 521, к. 9, ед. хр. 6, л. 210.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*«Авторская аннотация к исследованию Н. Л. Рубинштейна по теме:
Источники по социально-экономической истории России XVIII века*

Тема представляет самостоятельный аспект общей плановой проблемы „Генезис капитализма“. Изменения социально-экономического строя, генезис капиталистических отношений в России во 2-й половине 18 века определяют новый характер источников — расширение содержания документации, изменения структуры: организованный характер сбора материалов, единообразие формы, систематичность и публичность. Важнейший момент, отражающий рост производительных сил и хозяйственной деятельности, изучение экономических ресурсов. Отсюда — экономические анкеты и отложившиеся по ним материалы, географические экспедиции, документация генерального межевания и топографические описания. Рост общественной активности отражен в деятельности специальных организаций, как-то Уложенная комиссия и научные учреждения (Академия наук, Вольное Экономическое общество), в обширной экономической литературе. Новый характер получает ведомственная документация (включая сюда и законодательство) и частная хозяйственная документация (вотчинные архивы и проч.). Обострение классовых противоречий в условиях смены общественно-экономических формаций порождает обширный и многообразный круг специальных источников.

Изучение источников сопровождается выяснением основных архивных фондов и состояния их научной разработки. Этим определяется конкретное практическое значение работы, которая должна служить помощью в научной работе по истории генезиса капитализма в России.

Исполнитель (автор) — Рубинштейн Н. Л., профессор, д. и. н.
Срок завершения — 1960 год».

ОР ГБЛ, ф. 524, к. 9, ед. хр. 5, л. 1.

С. Б. Филимонов

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 1917 г.— 30-х ГОДОВ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ УКАЗАТЕЛЕЙ ТРУДОВ ВИДНЫХ УЧЕНЫХ СССР

Краеведческие и музееведческие издания 1917 г.— 30-х годов, несмотря на наличие библиографических трудов¹, все еще остаются малоизвестными. В значительной степени это объясняется недостаточным знакомством современных исследователей с историей советского краеведения и ее источниковой базой².

О широком размахе, научной и культурной значимости развернувшегося в нашей стране с первых лет Советской власти краеведческого движения свидетельствуют следующие цифры и факты. С 1917 по 1927 г. число краеведческих учреждений и организаций (обществ, кружков, музеев и др.), даже по неполным данным, увеличилось в СССР более чем в десять раз — со 155 до 1761. Многие из них имели свои периодические³, учтенные к настоящему времени далеко не полностью⁴ и не-

¹ *Буринская Е. Н.* Краеведческая библиография в РСФСР (1917—1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1969.

² Историко краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения/Сост. и автор статьи С. Б. Филимонов. Под ред. С. О. Шмидта. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980, с. 9.

³ Их перечень см. в кн.: Периодическая печать СССР, 1917—1949: Библиогр. указ. Журналы, труды и бюллетени по естеств. наукам и математике. М., 1956, с. 56—71.

⁴ Нами выявлены издания, не включенные в названный указатель: Башмашная страна. Ленинск, 1927, № 2; Изв. Ингушского н.-и. ин-та краеведения. Орджоникидзе (Владикавказ), 1928—1931, вып. 1—3; Изв. О-ва изучения местного края в г. Порхове Псковской губ., Порхов, 1922, т. 1, кн. 1; Краеведческая жизнь: Журн. Михайловского о-ва краеведения, Михайловский завод, 1927, № 1; Курганский округ: Сборник материалов по изучению и исследованию Курганского округа Уральской обл. Курган, 1930. Вып. 1; Материалы по изучению Орловского края.

периодические издания, а иногда — рукописные журналы⁵. Число «организованных» краеведов различной социальной принадлежности составляло во второй половине 20-х годов около 68 тыс. человек. В 1922—1936 гг. функционировал (до 1925 г. при Российской Академии наук, а затем при Главнауке Наркомпроса РСФСР) руководящий орган российских краеведов — Центральное бюро краеведения (ЦБК), издававшее журналы «Краеведение» (1923—1929), «Известия Центрального бюро краеведения» (1925—1929), «Советское краеведение» (1930—1936)⁶. Публикуемые на страницах этих печатных органов документы и материалы во многом предопределяли характер и направленность краеведческой работы на местах. Краеведческой тематике значительное место отводилось и на страницах журнала «Советский музей» (1931—1940)⁷. Руководящие краеведческие органы, по задачам аналогичные ЦБК, существовали в 20—30-х годах и в других союзных республиках. В стране проводились разномасштабные краеведческие съезды и конференции. Важнейшие же вопросы развития советского краеведения решались на I—IV краеведческих конференциях РСФСР и СССР (Москва, 1921, 1924, 1927, 1930 гг.).

В работе краеведческих съездов и конференций, руководящих краеведческих органов и местных краеведческих учреждений и организаций, в их изданиях в 1917 г.—30-х годах живое участие принимали видные деятели Коммунистической партии и Советского государства, отечественной науки и культуры.

Материалы центральных краеведческих конференций, периодика ЦБК, журнал «Советский музей», а также отдельные привлекавшиеся нами местные краеведческие издания содержат перечисляемые ниже работы А. И. Андреева, Д. Н. Анучина, Н. П. Анциферова, С. В. Бахрушина, А. А. Борзова, В. В. Бунака, Н. И. Веселовского, И. М. Гревса, Б. Д. Грекова, Н. М. Дружинина, Д. К. Зеленина, А. А. Крубера, Б. А. Куфтина, И. Л. Маяковского, В. И. Пичеты, М. Н. Покровского, И. И. Полосина, М. В. Птухи, Н. А. Рожкова, А. Н. Самойловича, К. В. Сивкова, А. Е. Снесарева, А. И. Соболевского, А. Е. Ферсмана, В. И. Чичерова, Ю. М. Шокальского, не включенные в изданные списки их печатных трудов, причем не только в списки «основных» печатных трудов, но и в такие, неполнота которых не оговаривалась составителями.

Очевидно, при составлении персональных указателей трудов видных ученых СССР, научная деятельность которых приходилась на 1917 г.—30-е годы, необходимо обращение и к краеведческим и музееведческим изданиям. Для ознакомления широкой научной общественности с содержанием этих многочисленных изданий, ценных для истории науки и культуры и ставших к настоящему времени труднодоступными, представляется целесообразным составление сводного библиографического указателя (или ряда указателей — региональных, тематических) опубликованных в них материалов.

Орел, 1927. Вып. 1; Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Челябинск, 1927. Кн. 1; Сборник О-ва изучения Ульяновского края. Ульяновск, 1926. Вып. 1; Труды Спасского отделения О-ва исследователей Рязанского края. Спасск, 1927—1928. Вып. 1, 2; Холмский уезд Псковской губернии: Сборник краеведческих материалов. Холм, 1926—1927. Вып. 1, 2. Этот перечень, несомненно, может быть существенно продолжен.

⁵ Наличие таких печатных и рукописных органов к 1927 г. отмечено в справочнике: Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. 2-е изд. Л., 1927.

⁶ Журнал «Советское краеведение», образовавшийся в результате слияния «Краеведения» и «Известий Центрального бюро краеведения», являлся совместным органом ЦБК и Краеведческой секции Комакадемии (1930), Общества краеведов-марксистов Комакадемии (1931—1932), Центрального научно-исследовательского института методов краеведной работы (1933—1936).

⁷ Журнал являлся органом сектора науки (1931—1933), музейного отдела (1933—1938), музейно-краеведческого отдела (1939—1940) Наркомпроса РСФСР.

Список трудов видных ученых СССР, дополнительно выявленных в краеведческих изданиях 1917 г.—30-х годов⁸.

Андреев А. И. Методы и приемы издания архивных документов: [Тез.].— В кн.: Дневник II Всесоюзной конференции по краеведению (далее: ДК 2). М.; Л., 1924, № 3, с. 1 (АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 496а—501); *Анучин Д. Н.* Культура доисторического человека по отдельным районам России и ее изучение: [Тез.].— В кн.: Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края (далее: ДК). М., 1921, № 2, с. 28—29 (*Анучин Д. Н.* Географические работы. М., 1954, с. 413—470); *Анциферов Н. [П.]* Город как объект экскурсионного изучения.— Краеведение, 1926, т. 3, № 2, с. 167—181; *Он же.* Культурные гнезда.— Изв. ЦБК (далее: ИЦБК), 1926, № 7, с. 223—226; *Он же.* Беллетристы-краеведы: (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой).— Краеведение, 1927, т. 4, № 1, с. 31—46; *Он же.* Краеведение как историко-культурное явление.— ИЦБК, 1927, № 3, с. 83—86; *Он же.* Локальный метод в изучении памятников литературы: [Тез.].— В кн.: Бюллетень III Всероссийской конференции по краеведению (далее: БК). [М.], 1927, № 5, с. 148; *Он же.* Положение экскурсионной работы на местах: (По данным опросного листа экскурсионно-справочного бюро ЦБК).— Краеведение, 1927, т. 4: № 2, с. 211—218; *Он же.* Краеведный путь в исторической науке: (Историко-культурные ландшафты).— Там же, 1928, т. 5, № 6, с. 321—338; *Он же.* Литература по городоведению.— Там же, 1929, т. 6, № 7, с. 409—421 (АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 314—315); *Бахрушин С. В.* Население и народный труд в Московском краю: (Исторический очерк).— В кн.: Труды I губернской объединенной конференции по изучению производительных сил и народного хозяйства Московской губернии, 9—11 октября 1924 г. М., 1925, с. 30—41; *Он же.* Задачи исторического изучения края: [Тез.].— БК. [М.], 1927, № 5, с. 148—149; *Борзов А. А.* Краеведение и география: [Тез.].— ДК. М., 1921, № 2, с. 24—25 (*Соловьев А. И.* Александр Александрович Борзов, 1874—1939; Биографический очерк. М., 1948, с. 27—35); *Бунак В. В.* Антропометрические исследования в краеведческих учреждениях крупного и мелкого масштаба: [Тез.].— БК. [М.], 1927, № 6, с. 180—181 (Современная антропология. М., 1964, с. 14—18); *Веселовский Н. И.* Об издании кадиаскерского сакка.— В кн.: Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее: ИТУАК). Симферополь, 1918, № 54, с. 276—278 (Записки Восточного отделения Русского археологического общества, Пб., 1921, т. 25, с. 387—398); *Гревс И. М.* Город, как предмет краеведческого исследования: [Тез.].— ДК 2. М., 1924, № 1, с. 9—10; *Он же.* Научно-литературные пособия для краеведных путешествий: [Тез.].— БК. [М.], 1927, № 5, с. 127—129; *Он же.* Очередная задача краевого культуроведения/Рец. на кн: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928.— Краеведение, 1928, т. 5, № 6, с. 368—376; *Он же.* Памятники культуры и современность.— Там же, 1929, т. 6, № 6, с. 311—320 (АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 314); *Греков Б. Д.* Назревший пересмотр некоторых общих понятий в исторической науке.— Изв. Таврического ун-та, Симферополь, 1919, кн. 1, с. 114—126; *Он же.* Ученая и учебная деятельность А. С. Лаппо-Данилевского.— ИТУАК. Симферополь, 1919, № 56, с. 148—156 (Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952, с. 20—36); *Д[ружинин Н. М.]* Музей Революции СССР.⁹— Сов. музей, 1931, № 3, с. 124—125 (*Дру-*

⁸ Издания, в которых помещены персональные указатели трудов ученых, учтены по 1985 г. и обозначены в скобках после библиографических ссылок на краеведческие труды.

⁹ Правильность атрибуции заметки подтвердила известный специалист в области истории музейного дела в СССР А. Б. Закс; выражаю ей признательность за консультацию. Вероятно, публикация заметки под псевдонимом была вызвана наличием в том же номере журнала еще одной статьи Н. М. Дружинина — «Этикетаж историко-революционного музея» (с. 63—76).

Жинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М., 1979, с. 132—162); *Зеленин Д. К.* Перспективный план работ по изучению этнографии культуры.— *Краеведение*, 1928, т. 5, № 5, с. 257—266 (Сов. этнография, 1954, № 4, с. 159); *Крубер А. А.* Программа антропогеографического исследования края: [Тез.].— ДК. М., 1921, № 2, с. 27—28; *Он же.* Программа антропогеографического исследования края.— В кн.: *Вопросы краеведения: Сб. докл. на Всерос. конф. науч. о-ва по изучению местного края в Москве в дек. 1921 г., созванной Академическим центром/Под. ред. В. В. Богданова.* [Н. Новгород], 1923 (далее: ВК), с. 86—92 (*Отечественные физико-географы и путешественники.* М., 1959, с. 624—625); *Куфтин В. А.* Важность и срочность собрания этнографических материалов для задач краеведения.— ВК, с. 101—108 (ВДИ, 1954, № 2, с. 180); *Маяковский И. Л.* Музеи, архивы, библиотеки в их взаимоотношениях: [Тез.].— ДК 2. М.; Л., 1924, № 3, с. 1—2; *Он же.* Архивы как одна из областей краеведческой работы.— *Краеведение*, 1927, т. 4, № 1, с. 47—62 (ТМГИАИ, 1957, т. 8, с. 365—367); *Пичета В. И.* Краеведные учреждения в деле собирания и изучения материалов по революционному движению: [Тез.].— ДК 2. М.; Л., 1924, № 2, с. 5—6; *Он же.* Местные архивы по связи их с задачами современного краеведения: [Тез.].— Там же, № 3, с. 2—3 (Владимир Иванович Пичета. Биобиблиогр. указ. Минск, 1978, с. 20—74); [*Покровский М. Н.*] Речь М. Н. Покровского [на открытии конференции].— ДК, М., 1921, № 4, с. 49—52 (*Историк-марксист*, 1932, т. 1—2, с. 216—248); *Полосин И. [И.]* Краеведческий музей в системе краеведческих учреждений.— *Сов. музей*, 1934, № 3, с. 35—37 (*Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963, с. 380—382); *Птуха М. В.* Краеведение и изучение социально-экономических особенностей СССР: [Тез.].— ДК 2. М.; Л., 1924, № 1, с. 7—8 (Михаил Васильевич Птуха, 1884—1961: Библиогр. указ. Киев, 1963); [*Рожков Н. А.*]: Предисловие¹⁰.— В кн.: *Познай свой край!*: Сб. Псковского о-ва краеведения. Псков, 1924, вып. 1, с. 3—4 (Материалы для библиографии трудов Н. А. Рожкова. М., 1928); *Самойлович А. Н.* Очередные задачи в деле изучения родного языка: [Тез.].— ДК 2. М.; Л., 1924, № 3, с. 16 (*Народы Азии и Африки*, 1963, № 2, с. 253—264); *Сивков К. [В.]*. Рец. на кн.: *Старая и новая Казань: Культурно-исторические экскурсии/Сб. под ред. проф. С. П. Сингалевича.* Казань, 1927.— *Краеведение*, 1928, т. 5, № 4, с. 251; *Он же.* Рец. на ст.: *Рязановский Ф. А.* Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII вв.— В кн.: *Труды Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края.* Галич, 1927, вып. 5.— Там же, № 5, с. 304—305; *Он же.* Рец. на кн.: *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв.: (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927.— Там же, 1929, т. 6, № 1, с. 49—51 (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960, т. 4, с. 515—522); *Снесарев А. Е.* Русский Восток как задача краеведного изучения: [Тез.].— ДК. М., 1921, № 2, с. 31—32; *Он же.* Русский Восток как задача краеведного изучения.— ВК, с. 159—171 (Андрей Евгеньевич Снесарев. *Жизнь и научная деятельность: Сб. статей.* М., 1973, с. 145—158); *Соболевский А. И.* Из истории русской моды.— *Изв. Таврического о-ва истории, археологии и этнографии, Симферополь*, 1927, т. 1(58), с. 144—148; *Он же.* Топонимические заметки.— Там же, 1929, т. 3(60), с. 1—3 (ИАН, отд. гуманитар. наук, 1930, № 1, с. 24—30); *Соколов Б. М.*

¹⁰ В пользу предлагаемой атрибуции «Предисловия» свидетельствует следующее: Н. А. Рожков являлся редактором этого выпуска сборника; ему принадлежит опубликованная здесь же статья «Основные задачи изучения истории Псковского края», совпадающая с «Предисловием» как по общей идейной направленности, так и местами текстуально; «Предисловие» имеет программный характер, а 17 февраля 1923 г. на общем собрании членов Псковского общества краеведения Н. А. Рожков выступал с докладом «О задачах и целях изучения Псковского края».

Очередные задачи фольклорного изучения СССР: [Тез.].— ДК 2. М.; Л., 1924, № 2, с. 6—7; *Он же*. Национальный момент в работе краеведного музея: [Тез.].— ВК. [М.], 1927, № 4, с. 109—110 (Сб. Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932, с. 11—17); *Ферсман А. Е.* Изучение производительных сил страны и деятельность Российской Академии наук в этом направлении.— ВК, с. 51—53; *Он же*. Структура краеведческого аппарата: [Тез.].— ДК 2. М.; Л., 1924, № 1, с. 8—9 (Александр Евгеньевич Ферсман. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. геол. наук; Вып. 19. М., 1964, с. 66—157); *Чичеров В. [И.]* К вопросу об организации фольклорных архивов.— Сов. краеведение, 1935, № 6, с. 53—59 (Сов. этнография, 1957, № 3, с. 188—189); *Шокальский Ю. М.* Русский Север как задача краеведного изучения.— ВК, с. 151—158 (Памяти Юлия Михайловича Шокальского: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1946, ч. 1, с. 233—345).

Б. Х. Кармышева, Р. А. Шайхиев

О КНИГЕ М. А. УСМАНОВА «ПО СЛЕДАМ РУКОПИСЕЙ. ЗАПИСКИ АРХЕОГРАФА»¹

В Казани на татарском языке местным книжным издательством выпущена новая книга М. А. Усманова, посвященная развитию археографии в Татарской АССР на современном этапе и содержащая обширные экскурсы в прошлое татарского народа и его культуры. Как известно, территория расселения современных татар богата рукописными памятниками истории и культуры. Традиции изучения этих памятников, восходящие к XVIII—XIX вв., особенно развиты в Казанском университете, где работает автор книги.

Книга Усманова явилась событием не только в научной, но и в культурной и литературной жизни республики. Она написана живым и сочным языком, доступным широкому кругу читателей. Трудно определить жанр сочинения: это не научная монография в общепринятом смысле, ибо оно насыщено эмоционально-художественным содержанием; оно также выходит за рамки художественной прозы, ибо в нем точно и четко сформулированы выводы и размышления ученого над многими историко-культурными проблемами, нередко выходящими за пределы собственно археографии. Такой синтез стал возможным благодаря тому, что Усманов, историк-источниковед, более 20 лет возглавляющий археографические экспедиции Казанского университета, одновременно и писатель-литературовед, произведения которого хорошо знакомы татарскому читателю. Можно с уверенностью сказать, что книга Усманова положила начало новому жанру в современной татарской научно-художественной литературе — своего рода историческому роману-эссе, хотя сам автор и не называет так свое произведение.

«Записки археографа» достойны внимания не только как научное исследование, но и как научно-художественное произведение. Это во многом усложняет рассмотрение их в рамках, принятых в научных изданиях. Однако одно бесспорно: книга показывает возможность ученого писать о сложных, порой узкоспециальных явлениях науки общедоступным литературным языком с привлечением приемов художественной прозы, в которой живут и действуют герои, есть ремарки автора, передающие его эмоции и переживания.

В книге пять частей, каждая из которых имеет название. В зачине, озаглавленном «По глубоким следам истории», вводятся в круг герои

¹ *Усманов Миркасыйм*. Каурый калем эзеннен. Археограф язмалары. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1984. 287 б.

произведения: Рукописи, Книги, Люди. Известно, что герои бывают разные — положительные и отрицательные. Не чужды эти качества и героям данной книги. Здесь же автор раскрывает и научное содержание археографии.

В первой части произведения — «Книги и путешествия» — автор рассказывает о восточноведных традициях Казанского университета, об археографических изысканиях среди населения, начатых учеными университета — такими, как Х. М. Френ (1782—1851), с именем которого связано становление российской ориенталистики, и И. Хальфин (1778—1829), который стал первым татарским ученым-историком, филологом и археографом. Продолжали эти традиции в XIX — начале XX в. такие ученые, как К. Фукс, М. А. Казем-бек, И. Н. Березин, И. Ф. Готвальд, Н. Ф. Катанов. В тот же период велись исследования крупными археографами: Ш. Марджани, Х. Файзхановым, Р. Фахретдиновым.

Незадолго перед революцией традиции восточной археографии продолжил Саид Вахиди. Он стал инициатором и организатором археографических экспедиций в первые десятилетия Советской власти. Вновь возобновляются экспедиции уже в 1960-х годах, и связаны они с именем заведовавшего в то время кафедрой истории СССР Ш. Ф. Мухамедьярова. В эти же годы одним из организаторов, а впоследствии и руководителей археографических изысканий становится М. А. Усманов, который еще в студенческие годы по своей инициативе начал собирать рукописи.

С 1963 по 1983 г. археографической экспедицией Казанского университета собрано среди населения около 5000 единиц рукописей, более 1050 номеров редких периодических изданий, около 200 названий старопечатных книг².

В этой части работы рассказывается также о глубоких традициях письменности и книжности среди татар. Пальму первенства по распространности занимает среди рукописных находок поэма «Кысса-и Юсуф» средневекового болгаро-татарского поэта Кул-Гали, жившего и творившего на рубеже XII—XIII вв. Ныне это сочинение известно более чем в 133 списках, сделанных татарскими переписчиками в разное время, при этом более 100 из них были обнаружены за последние два десятилетия³.

Здесь же на увлекательных примерах прослеживается сложная судьба отдельных рукописных книг (преимущественно списков), их путешествие из мест создания по всему обширному ареалу расселения татар в России и даже за ее пределами, а также обратный процесс — проникновения тюркоязычных, персоязычных и арабоязычных рукописей не только в города, но и отдаленные селения, расположенные, например, где-нибудь в Вятской губернии. Такие странствования совершали не только и не столько богословские сочинения, сколько рукописи светского содержания. Один из разделов первой части книги так и называется — «Книги-путешественники». Однако Усманов не ограничивается лишь констатацией фактов — ни одна группа сходных фактов не оставлена им без анализа и обобщения или просто без размышлений о причинах, вызвавших описанные явления, без выявления еще не решенных вопросов, без выдвижения новых тем для дальнейших исследований.

Вторая часть книги, названная автором «Шакирды и их тетради», рассказывает о создателях и переписчиках татарских рукописей. Переписчикам здесь отведен особый раздел, удачно названный «Кто давал книгам крылья?» В нем путем мастерского сопоставления татарских ру-

² Библиографию о деятельности Казанского университета в области восточной археографии со времени его основания см.: Усманов М. А., Шайхиев Р. А. Некоторые итоги и задачи археографических экспедиций Казанского университета по выявлению восточных рукописей (1963—1982 гг.). — В кн.: Страницы истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1984, с. 159—162.

³ Здесь уместно упомянуть о том, что М. А. Усманов является научным редактором критического издания текста поэмы Кул-Гали, изданного в 1983 г. в связи с 800-летием со дня рождения великого поэта. См.: Кул-Гали. Кысса-и Юсуф. Казань, 1983.

кописей XVII—XIX вв. с рукописями стран Ближнего и Среднего Востока и Индии выявлены резкие различия между ними как по стилю письма и внешнему оформлению, так и по содержанию. По образному выражению автора, татарская рукопись в большинстве своем «одета в обычный армяк, на голове ее крестьянская шапка, а на ногах войлочные чулки и лыковые лапти» (с. 72, 73). Чем объяснить такое явление? По мнению автора, прежде всего тем, что татарские списки создавались в то время в основном не профессионалами-каллиграфами, не по заказу знатных лиц и не на рынок, а для себя. Более «приличный» вид имели рукописи преимущественно религиозного содержания, выполненные для библиотек духовенства. Списки же, распространенные среди демократических кругов, были пестры по содержанию и внешнему оформлению, как была пестра сама эта категория татарского общества того времени (с. 72).

Переписчиками рукописных книг и создателями оригинальных сочинений в XIX — начале XX в. были в основном шакирды — воспитанники медресе. По мнению автора, именно этим объясняется преобладание среди татарских рукописей произведений светского содержания, особенно фольклора. Среди рукописей оформляется особый жанр — «тетради шакирдов», которые внешне неказисты, но по содержанию, — кладезь для изучения духовной жизни народа. Именно в них зафиксированы исторические сочинения, легенды, эпические и романтические поэмы, песни, басни, т. е. все то, что является народным творчеством. «Тетради шакирдов» стали основой зарождения у татар в прошлом веке народной книги. Вот почему Усманов уделяет особое внимание выявлению социального лица шакирдов — этой сложной, многослойной и довольно многочисленной прослойки татарского общества того времени. Один из разделов второй части книги так и назван «Кто ты, татарский шакирд?».

В результате пристального изучения большого количества шакирдских тетрадей, которые удалось отыскать и приобрести во время многолетних экспедиций, автор приходит к заключению, что большинство их составлено представителями демократических кругов и что шакирды — это не особое сословие, их нельзя противопоставлять народу: они, как учащиеся, подразделяясь между собой на отдельные группы, относились к тем конкретным классам и сословиям, из которых состояло общество (с. 122, 123). Специальное рассмотрение вопроса о социальной среде, откуда происходили учащиеся медресе, об их роли в общественной и культурной жизни как городского, так и сельского населения, критика однобокого, несколько негативного представления, связанного с понятиями «шакирд», «творчество шакирдов», — большая заслуга автора, ибо эти вопросы еще не получили должного освещения на материалах и ряда других регионов, в частности Средней Азии. Правда, они были подняты в свое время О. А. Сухаревой и кратко рассмотрены в ее книге о Бухаре и ее населении⁴, но не разрабатывались ею специально и еще ждут своего исследователя.

Третья и четвертая части рассматриваемой книги, названные «Глубокие корни души народной» и «Тюляк-батыр и его великая любовь», посвящены интересным сторонам развития татарского фольклора и связям его с устным народным творчеством других тюркских народов нашей страны. Особый интерес вызывает найденная автором новая татарская версия средневекового эпоса «Тюляк и Сусылу». В книге приводится реконструкция текста этого дастана. Текст снабжен обширным комментарием. Размышления автора — новое достижение не только в татарской фольклористике, но и в целом в тюркологии. Интересны наблюдения автора о так называемом ногайском элементе в истории татарского народа.

В пятой, заключительной части, названной «Наследие, наследники, задачи...», с большой любовью описаны те люди, та среда, где могли

⁴ Сухарева О. А. Бухара, XIX — начало XX в.: (Позднефеодальный город и его население). М., 1966, с. 301—305.

сохраниться и до сих пор хранятся старинные рукописи и книги. Рассказано о новых поколениях археографов, которые вот уже на протяжении более двух десятилетий выезжают в селения и города на поиски этих сокровищ. Однако сбор письменных памятников среди населения по-прежнему остается одной из важнейших задач. Ведь к настоящему времени обследованы всего около 20% селений и городов страны с татарским населением. Многие районы Татарии и Башкирии, населенные пункты Пензенской, Тамбовской, Куйбышевской, Ульяновской, Горьковской и ряда других областей с этой целью вообще еще не исследовались.

Время неумолимо: рукописи в наши дни еще более интенсивно исчезают по разным причинам. Одна из главных причин — в том, что арабграфические рукописи не могут читать люди молодого и среднего поколений. Поэтому отношение к ним нередко чисто утилитарное. Автор призывает вести широкую пропаганду среди населения по сохранению исторических письменных памятников, помня о том, что это долг, обязанность каждого гражданина, закрепленная в Конституции СССР. Красной нитью во всей книге проходит мысль автора о том, что дело сохранения и изучения письменных памятников необходимо не только как память об ушедших веках, но и для сегодняшней жизни, и для грядущих поколений как связующее звено истории.

Хотелось бы высказать некоторые пожелания автору. Справедливо уделяя много внимания рукописям фольклорного содержания, он практически оставил в стороне документальные источники. Кажется необходимым такой же живой рассказ о значении и этой группы памятников. В книге недостаточно приведены материалы и по этнографии, в частности по народным знаниям, которые обильно представлены в татарских рукописях. Это позволило бы полнее представить духовную жизнь народа и раскрыть содержание народной книги. Небольшой тираж книги разошелся в считанные дни. Было бы полезно подготовить ее новое издание, включив при этом еще не привлеченные материалы. Было бы желательно одновременно сделать ее русский вариант, ибо произведения, раскрывающие увлекательный труд ученых по поиску и изучению памятников культуры, в частности о судьбах старинных рукописей и книг, всегда вызывают интерес у всесоюзного читателя.

СПИСОК АВТОРЕФЕРАТОВ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ (1981—1985 гг.)¹

В 1932 г. в МГИАИ началась подготовка научно-педагогических кадров через аспирантуру.

С 1944 г. Ученому совету МГИАИ предоставлено право присваивать ученую степень кандидата, а с 1968 г. — доктора исторических наук.

В 1976 г. при МГИАИ образованы три специализированных совета по защите докторских и кандидатских диссертаций. В настоящий список включены авторефераты диссертаций, защищенных по специальностям историография и источниковедение, документалистика, документоведение и архивоведение в 1981—1985 гг. За этот период защищено девять докторских диссертаций:

М. А. Усманов. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. — 1981; *Ю. П. Шарипов-Антонов.* Изучение В. И. Лениным исторических источников и литературы: Вопросы методологии и методики (1917—1923 гг.). — 1981; *В. Н. Автократов.* Теоретические проблемы советского архивоведения (1960—1970-е гг.). — 1982; *В. Н. Иванов.* Историческая мысль России XVIII — середины XIX вв. о народах северо-востока Азии. — 1983; *Масов Рахим.* Историография социалистического строительства в Таджикистане. — 1983; *О. В. Волобуев.* Идеино-теоретическая борьба по вопросам революции 1905—1907 гг. в русской историографии периода империализ-

¹ Библиографию авторефератов за 1949—1970 гг. см.: АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 332—337; за 1971—1980 гг. — АЕ за 1980 г. М., 1981, с. 269—274.

ма.—1984; Н. А. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.—1984; К. Б. Гельман-Виноградов. Машиночитаемые документы периода развитого социалистического общества: Проблемы источниковедения.—1985; А. С. Мельникова. Денежная система Русского государства во второй половине XVI—первой четверти XVII вв.—1985.

В данном списке авторефераты кандидатских диссертаций расположены по хронологии, внутри годов — по алфавиту фамилий диссертантов.

Л. И. Демина

1981

Дианова Т. В. Водяные знаки бумаги в источниковедческом анализе (по материалам XVII в. Отдела рукописей Государственного Исторического музея).

Клейн В. Р. Роль ведомственного перечня в экспертизе ценности документов и комплектовании государственных архивов: (На примере документов Министерства промышленности строительных материалов СССР).

Ляшенко Л. М. Революционно-демократическое движение в России накануне и в период первой революционной ситуации в освещении современной буржуазной англо-американской историографии.

Мамедов Б. Ш. Отраслевая структура и состав фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Азербайджанской ССР за период 1920—1975 гг.

Мирошниченко А. В. Состав, содержание и экспертиза научно-практической ценности документации отраслевых автоматизированных систем управления: (На примере автоматизированной системы управления машиностроительной отраслью промышленности — ОАСУ «Ритм»).

Петрова К. К. Советская и болгарская марксистская историография русско-болгарских отношений (1878—1908 гг.).

Поле Т. А. Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии.

Тростоволова Л. Н. Источники о жизни и деятельности Н. В. Шелгунова (1879—1891 гг.).

Рябов А. В. Классификация документов по архивным фондам: (На примере документальных комплексов учреждений легкой промышленности РСФСР).

Седелников В. О. Периодические издания центральных архивных органов РСФСР 1918—1929: (История становления и развития).

1982

Афиани В. Ю. Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в.: (Опыт историографического изучения).

Бурова Е. М. Научные основы экспертизы ценности управленческой документации в делопроизводстве учреждений. (На примере Министерства здравоохранения РСФСР).

Горохова Е. Г. Наказы крестьян русского Севера в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. как исторический источник.

Даниленко И. И. Научные основы комплектования государственных архивов документами, образующимися в усло-

виях функционирования отраслевых автоматизированных систем управления.

Лагутина Е. И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота (1848—1905 гг.).

Морозов Е. А. Совершенствование организации и документирования коллегияльной деятельности Госплана РСФСР в 1925—1980 гг.

Пеганов В. Ф. Воспоминания И. М. Майского как источник по истории внешней политики СССР и международных отношений, 1932—1939 гг.

Подгаецкий В. В. Источники об участии рабочего класса в деятельности городских Советов: (На материалах юго-восточных областей УССР), 1921—1925 гг.

Рыбаков М. А. Источники для историко-краеведческого изучения: (На опыте анализа источников по истории Киева).

Рябченко Л. Ф. Советская историография второй революционной ситуации в России (1917—1980).

Черешня А. Г. Научные основы отбора на государственное хранение документов по планированию экономического и социального развития СССР.

1983

Демина Л. И. Проблемы отечественной историографии в мемуаристике русских историков XIX—начала XX в.

Заболотный Е. Б. Современная советская историография истории Великой Октябрьской социалистической революции на Урале: (Социально-политические проблемы).

Моломын Дамди. Проблемы становления и развития архивного дела в МНР (1921—1980 гг.).

Рогожин Н. М. Посольские книги начала XVII в. как исторический источник.

Садыков А. М. Историография казахской советской государственности, 1917—1977 гг.

Санкина Л. В. Совершенствование форм управленческих документов на основе стандартизации и унификации (1917—1980 гг.).

1984

Баранова А. А. Развитие архитектурно-строительной документации в дореволюционной России (XIX—начало XX в.).

Дзипалска Б. Ц. Научно-информационная деятельность Центрального государственного исторического архива Народной республики Болгарии (1952—1982 гг.).

Додонов В. Ф. Произведения В. И. Ленина о подготовке и организации вооружен-

ного восстания, написанные в 1905 г.: (Источниковедческий анализ).

Евсеева Е. Н. Научно-педагогическая деятельность А. В. Шестакова.

Зыкова С. В. История комплектования ЦГАЛИ СССР фондами государственных учреждений и творческих организаций (1941–1980 гг.).

Каменский А. Б. Правящий класс-сословие и государственный аппарат Русского централизованного государства в трудах историков и архивистов второй половины XVIII в.: (Источниковедческое исследование).

Князков Ю. П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории.

Кобелькова Л. А. Организация государственного хранения фодокументов и экспертиза их ценности (теоретические и методические вопросы).

Козлов В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму, 1917–1928 гг.

Левкин В. А. Факторы, влияющие на ценность документной информации, и пути их регулирования: (На примере организаций системы Министерства гражданской авиации за 1923–1980 гг.).

Пашков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX в.

Пейков П. С. Теоретические и организационно-методические основы комплектования документальными источниками Центрального государственного архива Народной республики Болгарии.

Пискова М. А. Организация хранения и использования научно-технической документации в архивах Народной республики Болгарии.

Савин В. А. Объединенные ведомственные и междуведомственные архивы в РСФСР (история, современное состояние, перспективы развития).

Соколов А. В. Совершенствование информационного обеспечения управления на основе унификации документов и использования классификаторов информации. История, современное состояние: (На примере торговли потребительской кооперации СССР).

Соловьева М. А. С. М. Соловьев как историк русской исторической мысли.

Сопиев А. Современная историография истории культурного строительства Туркменской ССР.

Таргова Н. С. Отчетно-информационные документы Политического управления РККА как исторический источник (1921–1929 гг.).

Филькина Е. Ю. Личные архивы историков-коллекционеров второй половины XIX в. Система их описания и пути реконструкции: (На примере архива Барсуковых).

Дуканова В. Н. Документы Петроградского военно-революционного комитета периода Октябрьского вооруженного восстания: Источниковедческий анализ.

Шаров В. А. Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII в. в трудах С. Ф. Платонова.

1985

Алиев Ф. М. История архивного дела в Азербайджанской ССР (1938 г. – конец 50-х годов).

Андреева В. И. Основные направления научной организации управленческого труда и делопроизводства государственного аппарата СССР (по материалам журнальной периодики 1920-х годов).

Борисова Л. В. Протоколы Президиума ВСНХ РСФСР как исторический источник (1917–1920 гг.).

Ведерникова Г. И. История формирования документального фонда Центрального музея Революции СССР (1923–1937 гг.).

Евстигнеева А. Л. Документы учреждений системы Госкино СССР и формы их научной организации в государственных архивах (1963–1983 гг.).

Кострикина О. В. Фотодокументы по истории космонавтики в СССР (1961–1965 гг.): Источниковедческий анализ.

Молчанов Л. А. Газета «Беднота» как источник по истории советской деревни в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (март 1918 – март 1921 гг.).

Мошняцкая Р. И. Комплектование государственных архивов научно-технической документацией.

Присенко Г. П. Тульское историческое краеведение: Досоветский период.

Пшеничный А. П. Центральное архивное управление СССР и РСФСР (1929–1938 гг.).

Рыкова О. В. Генеалогия и фонды личного происхождения: (Развитие отечественной практической генеалогии).

Сергеева Л. В. Становление и развитие местных архивных органов РСФСР в 1917–1925 гг.: (На примере Центрально-промышленного района).

Трегьяков В. В. История комбедов на Урале в советской исторической литературе второй половины 50-х – начала 80-х годов.

Туманов В. Е. Документальные памятники школьных музеев РСФСР. Организация выявления, учета и использования (1956–1985 гг.).

Фофанова Л. А. История Великой Октябрьской социалистической революции на Урале в советской историографии 20-х – первой половины 30-х годов.

Шипилов А. Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII – начале XX в.

Щегельский А. В. Теоретические и организационно-методические основы создания и функционирования архивов машиночитаемых документов: (На примере ведомственного хранения машиночитаемых документов в машиностроительной отрасли промышленности).

ЛИТЕРАТУРА О В. И. ШУНКОВЕ

- Михайлова Н. Г.* Обзор документальных материалов фонда В. И. Шункова.— АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 318—322.
- Суринов В. М.* К семидесятилетию В. И. Шункова.— Там же, с. 388—390. Русское население Поморья и Сибири: (Период феодализма): Сб. статей памяти В. И. Шункова М., 1973. 448 с. *Из содержания:* Окладников А. П. В. И. Шунков — историк Сибири, с. 1—9; Александров В. А. Творческий путь Виктора Ивановича Шункова, с. 10—23; Бояршинова З. Я. В. И. Шунков о феодальных отношениях в сибирской деревне, с. 24—36.
- Максарев Ю.* Крупный вклад в науку и технику: [К присуждению Государственной премии СССР за 5-томный труд «История Сибири»].— Правда, 1973, 8 нояб.
- [Присуждение В. И. Шункову Государственной премии СССР 1973 г. за 5-томный научный труд «История Сибири» совместно с А. П. Окладниковым].— Правда, 1973, 7 нояб.
- Туманов В. Г.* Памяти В. И. Шункова.— ВИ, 1975, № 7, с. 130—132.
- Александров В. А.* Виктор Иванович Шунков.— АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 184—188.
- К 75-летию В. И. Шункова.— Там же, с. 183.
- Кушева Е. Н.* О работе В. И. Шункова по подготовке издания кабалных книг конца XVI — начала XVII в. и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг.— Там же, с. 189—198.
- Шункова Т. М.* В. И. Шунков — участник Великой Отечественной войны.— Там же, с. 199—203.
- Александров В. А.* Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII в.— История СССР, 1977, № 1, с. 97—102.
- [К присуждению Государственной премии СССР В. И. Шункову совместно с А. П. Окладниковым за 5-томную «Историю Сибири»].— Сиб. огни, 1978, № 1, с. 124—125.
- Шунков Виктор Иванович.— БСЭ. 3-е изд., 1978, т. 29, с. 521.
- Шунков Виктор Иванович.— Сов. энцикл. словарь. 1-е изд. М., 1980, с. 1540; 2-е изд. М., 1983, с. 1521; 3-е изд. М., 1985, с. 1521.
- Богдашин С. Б.* Новые архивные материалы по формированию взглядов В. И. Шункова конца 20-х годов на экономическое освоение Сибири.— В кн.: Россия и социально-экономическое развитие Сибири: Зон. науч. конф. посвящ. 60-й годовщине образования СССР и 400-летию присоед. Сибири к России. Тез. докл. и сообщ. Тюмень, 1982, ч. 1, с. 35—37.
- Богдашин С. Б.* В. И. Шунков о феодальных отношениях в сибирской деревне (XVII—XVIII вв.) Красноярск, 1984. 53 с. (Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 16293 от 17.04.84).
- Богдашин С. Б.* К вопросу о формировании взглядов В. И. Шункова на сельскохозяйственное освоение Сибири (конец 1920—1940 гг.).— В кн.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984, с. 118—119.

¹ Составитель Р. И. Кузьменко. Настоящие списки являются дополнениями к книге «Виктор Иванович Шунков». М., 1971. 63 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. ист., вып. 10. Вступ. статья С. О. Шмидта. Библиогр. сост. Р. И. Кузьменко) и включают материалы, опубликованные после издания этой книги, а также материалы, оказавшиеся в то время вне поля зрения составителя.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ

1963

Ред.: Славянское языкознание: Библиогр. указ. лит., изд. в СССР с 1918—1960 гг. Ч. 1. 1918—1955 гг. М. 342 с. (совм. с С. Б. Бернштейном, Д. Е. Михальчи).

1967

Земля русская.— «За науку в Сибири». Новосибирск, 26 сент. (Всесибирская науч. конф.).

1974

Вопросы аграрной истории России. М. 376 с.

Содержание: I. Работы по проблемам сибиреведения. К истории крестьян Сибири в XVIII в. (крестьяне Тобольского уезда в начале XVIII в.), с. 3—24; Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в., с. 25—192; Раз-

работка вопросов истории Сибири за рубежом, с. 193—197; Основные проблемы изучения истории Сибири, с. 198—217; К вопросу о характере хлебооборота Сибири в XVII в., с. 218—222; Некоторые проблемы истории Сибири (к созданию «Истории Сибири»), с. 223—237; Генезис феодальных отношений в Сибири, с. 238—253. II. Выступления по общим проблемам истории. Выступления на X конгрессе историков. 1. Сельское хозяйство России XVII—XVIII вв. 2. Крепостное право в России. 3. Земские соборы в России, с. 254—261; Выступление на II сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы, с. 262—264; Выступление на расширенном заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР, по-

священном разработке методологических проблем исторической науки, с. 265—267. III. Историкографические работы, отзывы, рецензии. Борис Дмитриевич Греков (1882—1953), с. 268—284; Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири, с. 285—294; Академик М. Н. Тихомиров: (к 70-летию со дня рождения), с. 295—309; Алексей Павлович Окладников, с. 310—318; Рец. на кн.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606—1607 гг., с. 319—327; Рец. на кн.: Шерстобов В. Н. Илим-

ская пашня (т. 1), с. 328—335; Рец. на кн.: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг., с. 336—340; Рец. на кн.: Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в., с. 341—345; Рец. на сб.: Якутия в XVII в.: (Очерки), с. 346—352; Рец. на сб.: К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.), с. 353—362; Отзыв на дис.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., с. 363—368.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Е. С. КУЛЯБКО¹

1948

Л. Б. Модзалевский: Некролог.— ВАН, № 12, с. 28—29.

Примеч.: Сочинения М. В. Ломоносова. М.; Л., т. 8, *аннотир. указ.* к т. 1—8, с. 325—449.

1949

Рукописные материалы И. П. Павлова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание.— ТААН. М.; Л., вып. 8, 156 с. (совм. с Г. П. Блоком).

1950

Ломоносов как ботаник.— ВАН, № 9, с. 78—82.

Обозрения архивных фондов: В. Я. Струве, М. В. Павлова, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. А. Романов, Н. М. Книпович, А. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. К. Мордвилов, В. В. Таланов, Е. В. Вульф.— ТААН. М.; Л., вып. 9, т. 3, с. 11—12, 63—66, 80, 91—93, 95, 102—103, 107, 108.

1951

Ломоносов и учебные планы Академического университета.— В кн.: Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л., т. 3, с. 357—363.

1954

Михаил Софронов — русский математик середины XVIII в. М.; Л. 55 с. (совм. с В. И. Смирновым).

Подгот. к печати: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л. Т. 5. 747 с. (совм. с Г. А. Андреевой, Г. П. Блоком, Л. В. Жигаловой, В. Н. Макеевой).

1955

Ломоносовский регламент московских гимназий.— ВАН, № 5, с. 58—62.

Подгот. к печати: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л. Т. 9. 1019 с.; *примеч.*, с. 847—933 (совм. с Г. П. Блоком, Е. Н. Сусловой).

1957

Студенческие годы академика Василия Зуева.— ТИИЕТ, т. 16, вып. 3, с. 49—60.

Подгот. к печати: Ломоносов М. В.

Полн. собр. соч. М.; Л. Т. 10. 935 с., *примеч.*, с. 792—888 (совместно с Г. П. Блоком).

1958

Педагогические воззрения Леонарда Эйлера.— В кн.: Леонард Эйлер: Сб. статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академией наук СССР. М., с. 558—568.

Учебная деятельность [Академии наук с 1725 по 1747 г.].— В кн.: История Академии наук СССР: В 3-х т. М.; Л., т. 1, с. 141—148.

1959

Ломоносов и учебная деятельность Академии наук XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 16 с.

Научные связи М. В. Ломоносова с зарубежными учеными.— В кн.: XVIII век. Сб. 4. М.; Л., с. 327—333.

Примеч.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., т. 8, с. 864—1209. (совместно с Г. П. Блоком, Я. М. Боровским, И. В. Валкиной, Т. А. Красоткиной, В. Н. Макеевой, Г. Е. Павловой, Н. В. Соколовой, В. Л. Ченакалом, Д. Д. Шапраем).

1960

Неопубликованные материалы о Н. И. Пирогове в Архиве Академии наук СССР.— ВАН, № 10, с. 93—94.

1961

Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л. 436 с.

Рукописное наследие Ломоносова.— В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.; Л., т. 5, с. 343—364 (совместно с Г. А. Князевым).

Н. И. Пирогов и Академия наук.— Сов. медицина, № 5, с. 143—144.

1962

Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 216 с.

Н. Н. Зинин и Академия наук.— ВАН, № 9, с. 118—119.

1963

Обозрения архивных фондов: В. Н. Бене-

¹ Составил М. Ш. Файнштейн.

шевич, С. Ф. Ольденбург, К. Ф. Кесслер, Н. Н. Славянов, А. Н. Самойлович, И. И. Толстой, И. М. Крашенинников, А. В. Прозоровский, Г. А. Благовещенский, Е. С. Истрина, С. В. Меликова-Голстая.— ТААН, М.; Л., вып. 19, т. 5, с. 44, 48—49, 58—59, 66—67, 86—87, 113, 121, 125—126.

1965

И. С. Барков — ученик Ломоносова.— В кн.: Ломоносов: Сб. статей и материалов. Л., т. 6, с. 190—216 (совм. с Н. В. Соколовой).

Источники вольтеровской «Истории Петра».— В кн.: Французский ежегодник, 1964. М., с. 274—278 (совм. с Н. В. Соколовой).

Н. К. Крупская и И. П. Павлов о пропаганде науки (неопубл. док.).— ВАН, № 9, с. 117—119.

1966

Неизвестное письмо И. И. Шувалова к М. В. Ломоносову.— В кн.: XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения П. Н. Беркова. М.; Л., с. 99—105.

1967

Из архива Академии наук СССР. Несостоявшееся премирование Гоголя. И. А. Бунин и Академия наук.— РЛ, № 4, с. 170—179.

Подгот. к печати: И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л. 384 с. (совм. с Н. М. Гуревой, В. Л. Меркуловым).

1968

Научные связи И. П. Павлова с французскими учеными.— В кн.: Французский ежегодник, 1967. М., с. 234—240.

О переписке М. В. Ломоносова с поэтом Литвы Юргисом Цяпинским.— В кн.: Научные связи Прибалтики в XVIII—XX вв.: Мат-лы VII Прибалтийской конф. по истории науки. Рига, с. 21—25 (совм. с Н. В. Соколовой).

1969

Я. П. Полонский и Академия наук.— РЛ, № 2, с. 172—179.

1970

Из научной переписки петербургских ученых XVIII в.— В кн.: Страны и народы Востока. М., вып. 8, с. 136—152

(совм. с И. А. Перельмутером).

Неизвестное письмо И. П. Павлова.— В кн.: Из истории биологии. М., вып. 2, с. 213—216.

Сост.: Переписка И. П. Павлова. Л. 438 с.

1971

Научные связи Ж.-Л. Бюффона с Петербургской Академией наук.— В кн.: Французский ежегодник, 1970. М., с. 282—286.

Неизвестный корреспондент «Собеседника любителей русского слова».— РЛ, № 1, с. 69—71.

1973

Библиотека М. В. Ломоносова: Поиски, результаты, проблемы.— ВАН, № 7, с. 96—104.

М. В. Ломоносов и зарубежные связи Академии наук.— ВАН, № 9, с. 133—136.

«Свиньинский сборник» и судьба архива М. В. Ломоносова.— ИАН. Сер. лит. и яз., т. 32, вып. 3, с. 275—286.

Адреса библиотеки М. В. Ломоносова.— В мире книг, № 3, с. 89—91.

1974

Первые президенты.— ВАН, № 2, с. 144—151.

1975

Автографы Ломоносова в университетской библиотеке Хельсинки.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Архитектура: Ежегодник, 1974. Л., с. 168—181.

Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. М.; Л. 227 с.

Утраченная переписка М. В. Ломоносова с польским пиаром Е. Цяпинским.— В кн.: XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII в. и ее международные связи. Памяти П. Н. Беркова. Л., с. 206—210.

Сост.: Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л. 135 с. (совм. с Н. М. Гуревой).

1977

Замечательные питомцы академического университета. Л. 228 с.

1983

Примеч.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., т. 11, с. 188—190, 219—226.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА БОГДАНА БЕЛЬСКОГО

Материалы следственных дел, которых возникало так много в бурной политической жизни России второй половины XVI — начала XVII в., ожидала печальная судьба, о которой мы узнаем теперь лишь из скудных отметок в архивных описях. Пожалуй, наиболее красноречивым свидетельством можно считать запись в описи архива Посольского приказа 1626 г.: «Свяска сыскных доводных дел старых при царе Федоре Ивановиче всеа Руси, и при царе Борисе все розбиты, погнили, и распались, иных и перебрать нелзе»¹. Из этой записи наглядно видно, в каком жалком состоянии находились к тому времени материалы политических процессов времен правления царей Федора и Бориса. Дела эти сохранились настолько плохо, что даже не поддавались учету. Тем самым для служащих Посольского приказа открывалась возможность использовать лучше сохранившиеся фрагменты этих потерявших актуальность и дефектных дел как материалы для составления черновиков документов. Именно благодаря подобной практике сохранился до нашего времени небольшой кусок одного из этих следственных дел, который публикуется ниже. Тыльная сторона трех сохранившихся листов была использована при написании черновика инструкции русскому посольству, отправленному в сентябре 1615 г. в Стамбул².

При небольших размерах фрагмента ясно, однако, что в нем идет речь о расследовании доноса одного из врачей (служащих Аптекарского приказа), в котором Богдан Бельский обвинялся в изготовлении какого-то подозрительного «зелья», которое он намеревался поднести (но по каким-то причинам не поднес) царю. Поскольку этим царем в фрагменте совершенно определенно назван Борис Годунов, то ясно, что интересующее нас разбирательство состоялось во всяком случае никак не ранее его «наречения» на царство 26 февраля 1598 г. Вместе с тем и сама возможность для Богдана Бельского лично подносить зелье царю, и утверждение доносчика, что «Богдану у государя блиско быти нелзе», и в особенности то, что Богдан Бельский, узнав о доносе, приказал доносчика арестовать («дал его, Гаврила, за пристава»), указывают на присутствие Бельского в Москве во время разбирательства и отнюдь не в роли обвиняемого и арестованного. Между тем известно, что в конце июня 1599 г. Б. Я. Бельский был отправлен на юг строить город Царев-Борисов на Северском Донце³. Расспросы доносчика производились по указаниям дьяка Афанасия Власьева, которому передавались также записи его «речей». Почти в то самое время, когда Богдан Бельский покидал Москву, 28 июня 1599 г., А. И. Власьев также выехал из столицы как послоланец ко двору императора Рудольфа II⁴. В Москву он вернулся лишь 29 июля 1600 г.⁵

Отправленный строить Царев-Борисов, Бельский находился там еще

¹ Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977, ч. 1, с. 263.

² ЦГАДА, ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1615 г., № 3, л. 153 об.—155 об.

³ Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974, с. 85.

⁴ ПДСДР. СПб., 1852, т. II, стб. 656.

⁵ О дате возвращения см.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос. М., 1973, с. 120.

в конце зимы 1600 г.⁶, но уже осенью в городе был новый воевода — окольный А. И. Хворостинин⁷. Сопоставление всех этих дат показывает, что следствие, о котором говорится в указанном фрагменте, могло иметь место либо в 1598 г. — первой половине 1599 г., либо не ранее конца лета 1600 г.

Одна деталь следствия позволяет выяснить, какое из двух возможных решений следует предпочесть. По сообщению доносчика, они «составляли те оба зелья з дохтором с Христофором». В перечне врачей Бориса Годунова в «Московской хронике» К. Буссова действительно отмечен доктор Христофор Рейтлингер. По словам хрониста, Рейтлингер «приехал с английским посольством» и царь его «выпросил у посла»⁸. Обращение к документальным материалам английских дел полностью подтвердило правильность свидетельства К. Буссова. Х. Рейтлингер действительно попал в Москву как медик английского посла Р. Ли, у которого, по собственному свидетельству этого дипломата, он прослужил 26 лет⁹. Р. Ли прибыл в Москву 24 октября 1600 г.¹⁰, и ранее этого времени никак не могла начаться служба «дохтура Христофора» при русском дворе¹¹.

Установление этого факта не позволяет относить найденный фрагмент следственного дела ко времени более раннему, чем октябрь 1600 г. Дело, следовательно, велось уже после возвращения Б. Бельского из Царева-Борисова в Москву. Тем самым наш фрагмент оказывается единственным документальным источником об этом моменте в жизни данного государственного деятеля.

Сведения фрагмента заметно расходятся с тем, что сообщают о судьбе Бельского русские и иностранные нарративные источники о «Смуте». Наиболее обстоятельный рассказ содержится у Буссова. Рассказ этот явно записан со слов немецких наемников, находившихся в составе войск, посланных с Бельским на юг. Говорится, что Бельский похвалялся тем, что, если Борис — царь в Москве, то он, Бельский, — царь в Борисове. Немцы донесли об этом в Москву, и донос положил конец его карьере. Он был схвачен и в оковах доставлен в столицу¹². Почти то же в более общей форме записал в своем «Временнике» И. Тимофеев. И по его словам, на Бельского поступили из Царева-Борисова доносы, в которых он обвинялся в «пребольшем желании царства», и царь «оклеветаяющим веруют»¹³. Связывает опалу Бельского с его пребыванием в Царева-Борисове и «Новый летописец», хотя мотивировка здесь несколько иная: царь испугался того, что от находившихся в городе ратных людей, получавших от Бельского щедрые подарки, «приде ж на Москву... хвала велия о его добродетели». Как и Буссов, автор «Нового летописца» утверждал, что опала и поворные наказания постигли Бельского уже в Борисове: «велел его поимати и повелел его позорити там же многими позоры»¹⁴.

Между тем из данных фрагмента ясно видно, что по возвращении из Царева-Борисова Бельский не только находился на свободе, но и занимал столь видное и почетное место при дворе, что лично подносил царю приготовленное для него лекарство. Зная порядки русского двора, можно уверенно утверждать, что Богдан Бельский делал это в силу занимаемой им должности. С большой долей вероятности можно предполагать, что

⁶ Разрядные книги 1598—1638 гг., с. 89 (Роспись воевод по городам от 26 февраля 1600 г.).

⁷ Там же, с. 92.

⁸ Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961, с. 85.

⁹ Сб. РИО. СПб., 1888, т. 38, с. 389 («Христофор Ростончар, дохтор» в списке «людей» посольства), с. 403—404 (рекомендации Р. Ли для Х. Рейтлингера).

¹⁰ Там же, с. 397.

¹¹ Точно установить, когда именно она началась, не представляется возмож-

ным. В письме Р. Ли царю, составленном перед его отъездом из Москвы в апреле 1601 г., указывается, что Рейтлингер «ныне по моему (т. е. посла. — Б. Ф.) челобитью он в дохторах» (Сб. РИО, т. 38, с. 404). К этому времени, следовательно, Рейтлингер уже работал в Аптекарском приказе.

¹² Буссов К. Московская хроника, с. 92—93.

¹³ «Временник» Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951, с. 47.

¹⁴ ПСРЛ, т. XIV, с. 55.

это была должность «оружничего», которую он занял в январе 1578 г., еще как молодой фаворит Ивана IV¹⁵. К одному из первых лет пребывания его на этой должности, к 1581 г., относятся обнаруженные учеником С. О. Шмидта В. Н. Холодковым документы, в которых говорится об изготовлении лекарств «по приказу оружничего Богдана Яковлича Бельского» и об отправке к нему «коренья»¹⁶. Очевидно, уже в это время в круг обязанностей «оружничего» входило заведование Аптекарским приказом и забота о царском здоровье. Правда, после смерти Ивана IV Бельский был, как известно, отправлен на воеводство в Нижний Новгород, а затем сослан в деревню¹⁷, однако ссылка не сопровождалась лишением чина. В 1591 г. «оружничий» Бельский уже находился в Москве и как один из воевод «большого полка» участвовал в ее обороне от татар¹⁸. Вероятно, тогда же он вернулся и к исполнению своих дворцовых служб, которые продолжал нести и в начале правления царя Бориса, сопровождая его в мае—июне 1598 г. как «оружничий» в походе в Серпухов против крымских татар¹⁹. Правда, в сентябре 1598 г. в связи с коронацией Бориса Бельский получил думный чин «окольного»²⁰. С этим чином он и фигурирует в дальнейшем в Разрядах и в составленной в начале 1599 г. Утвержденной грамоте. Однако обращает на себя внимание, что среди придворных, скрепивших этот документ, есть и «конюший» и «дворецкий», и «кравчий», и «постельничий», и «сокольный», и «ясельничий», но «оружничего» не значится²¹. Не фигурирует какое-либо лицо с этой должностью и в Разрядах правления Бориса Годунова 1599—1604 гг. Можно думать поэтому, что Богдан Бельский продолжал и после получения думного чина исполнять обязанности «оружничего». В пользу такого предположения говорит и прослеживаемая во фрагменте очевидная связь Богдана Бельского с Аптекарским приказом, что, видимо, было следствием продолжения установившейся ранее практики. Если Бельский именно как «оружничий» заведовал Аптекарским приказом, то неудивительно, что за длительный срок пребывания на этой должности он мог приобрести те большие теоретические и практические познания в медицине вообще и в изготовлении лекарств в частности, о которых говорил доносчик «Гаврила Юрьев» — сам служащий Аптекарского приказа.

Как бы то ни было, налицо определенное противоречие между повествовательными источниками и документальным свидетельством. Противоречие это, впрочем, можно объяснить, если принять, что опала и ссылка Бельского произошли вскоре после его возвращения из Царева-Борисова. Поэтому в представлении мемуаристов, знавших о поступающих оттуда на Бельского доносах (одним из них был, по всей видимости, донос служилых немцев, о котором говорит К. Буссов), его опала оказалась связана именно с неосторожным поведением в этом городе. Что же касается сообщений о позорных наказаниях, постигших Бельского уже на юге, то их, вероятно, следует считать легендарными добавлениями, которыми обрастали устные рассказы о его опале, записанные мемуаристами много лет спустя после событий. Некоторые конкретные подробности наиболее подробного рассказа К. Буссова, как увидим далее, ясно говорят о том, что позорным наказаниям Бельский подвергся уже в Москве.

Новонайденный текст позволяет полагать, что поступавшие из Борисова доносы не имели немедленных последствий, а каплей, переполнившей чашу терпения царя Бориса, стало сообщение о том, что Бельский, используя свое положение начальника Аптекарского приказа, намеревался

¹⁵ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. — АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 163.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 240 (Разрядный приказ), Московский стол, № 283, л. 252; № 547, л. 74.

¹⁷ Скрынников Р. Г. Россия накануне

«смутного времени». М., 1980, с. 14, 117.

¹⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974, с. 269.

¹⁹ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 521, 527.

²⁰ ОР ГПБ, Эрмитажное собр., № 390, л. 894 об.

²¹ ААЭ, т. II, № 7, с. 42.

поднести царю подозрительное «зелье». Именно это тяжелое обвинение объясняет жестокость расправы, постигшей Бельского.

Обнаруженный текст проливает новый свет на сообщение Буссова о том, что царь приказал некоему шотландцу по имени Габриэль «вырвать у самозванного царя пригоршнями всю густую длинную бороду»²². Этот Габриэль, который в разных списках «Хроники» именуется то «capitan», то «doctor»²³, по-видимому, одно лицо со сделавшим донос на Бельского «доктором» Гаврилой Юрьевым. В свете новых данных становятся понятными и происходящие в это время перемены в руководстве Аптекарским приказом. По свидетельству «Нового летописца», осенью 1602 г., когда в Москве заболел датский принц Иоганн, доктора «быша в приказе» у боярина Семена Никитича Годунова²⁴, близкого родственника и доверенного лица царя.

Констатация, что опала и ссылка Бельского относятся ко времени не ранее конца осени 1600 г., заставляет поставить вопрос о месте процесса Б. Бельского в политической борьбе того времени и, в частности, о хронологическом соотношении между опалой Романовых и ссылкой Бельского. По совершенно определенному свидетельству Буссова, Романовы были арестованы уже после ссылки Бельского²⁵. Однако некоторые данные источников заставляют усомниться в правильности и этого утверждения хрониста. Примером может служить отзыв уже арестованного и сосланного в Сийский монастырь старшего из Романовых, Федора Никитича — Филарета. Порицая окружавших царя бояр, он говорил: «...не станет, де, их с дело ни с которое, нет, де, у них разумно, один, де, у них разумен Богдан Бельской, к посольским и ко всяким делам добредосузь»²⁶. Очевидно, что Филарет ничего не знал об аресте и ссылке Бельского. Теперь, когда установлена точная дата ареста Романовых — 2 ноября 1600 г.²⁷, это становится совершенно очевидным: ведь «доктор Христофор», участвовавший в составлении лекарств для царя, лишь 24-го октября попал в Москву и вряд ли его переход на царскую службу и допуск к самым ответственным службам были делом двух-трех дней.

Донос был подан, судя по всему, уже после ареста Романовых, обвиненных в намерении отравить царскую семью с помощью «корений». Неудивительно, что в создавшейся в связи с этим обстановке доносу на Б. Бельского был, хоть и не сразу, дан ход.

Б. Н. Флоря

* * *

«И толмач Анца Андреев, выслушав Гаврилову челобитную, сказал, что его дьяк Офонасей Власьев к брату своему к Богдану к Власьеву на подворье посылал, а велел Гаврила Юрьева спросити, что он ведает государево дело на Богдана на Бельсково. И он, Анца, к Богдану на подворье ходил и Гаврила про то [спр]ашивал *// И Гаврило ему, Анце, сказывал, что Богдан Бельской знает всякие зелья, добрые и лихие, да и лечебники все знает же, да и то знает, что кому добро зделать и чем ково испортить, и для того Богдану у государя блиско быти нелзе. Да тот же Гаврило сказывал ему, Анце, что составлено было зелье до того дни за день, как подносити государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, и Богдан того зелья государю не подносил, а подносил то зелье, что составлено канун того дни, которого государю поднес. А составлявал те оба зелья он, Гавр[и]ла, з дохтором с Христофором. И он, де, Гаврило, про те оба зелья изве[щал]*» государю.

²² Буссов К. Московская хроника, с. 93.

²³ Там же, с. 218.

²⁴ ПСРЛ, т. XIV, с. 57.

²⁵ Буссов К. Московская хроника, с. 93.

²⁶ АИ, т. II, № 38, с. 51.

²⁷ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978, с. 134—135.

* Текст разорван, восстановлено по смыслу.

2* Текст разорван, восстановлено по смыслу.

3* Текст разорван, восстановлено по смыслу.

И сведал, де, про то Богдан Бельской да по той рни на него^{4*}...
^{5*} государю и дал его, Гаврила, за пристава.

И он, Анца те Гавриловы речи написал и принес к дьяку ко Офонасью Власьеву. И Офонасеи посылал его ж, Анцу, к Гаврилу в другие, а велел про те дела роспросити его подлинно. // И он, Анца, Гаврила спрашивал, и Гаврило речей своих дал ему письмо, и он то письмо принес к Офонасью. И Офонасеи то письмо велел перевести переводчику Ивану Фомину, и Иван то письмо переведчи отдал Офонасью, а Офонасеи то письмо хотел отнести ко государю, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии.

И после того Офонасеи ж посылал его, Анцу, к Гаврилу в третей, а велел его про те ж дела роспросити накрепко. И он Гаврила спрашивал, и Гаврило ему сказывал, что Богдан Бельской обтекарское дело знает гораздо и ведает, чем человека испортить и чем его опять излечить да и над собою Богдан то дельвал, пил зелье дурное, а после того пил другое».

ЦГАДА, ф. 89, 1615 г., № 3, л. 153 об. — 155 об.

^{4*} Слова «на него» повторены дважды. ^{5*} Текст оборван.

ПИСЬМА Н. В. ПОКРОВСКОГО К Ф. И. БУСЛАЕВУ

Для истории отечественной филологии и искусствознания исключительно большое значение имела деятельность выдающегося русского ученого, академика, профессора Московского университета Федора Ивановича Буслаева (1818—1897). Его труды сыграли решающую роль в становлении истории древнерусского искусства как научной дисциплины. Очень интересны подход к произведениям искусства, теоретические и методические поиски ученого. Литература, посвященная Буслаеву, достаточно обширна и отражает различные тенденции в историографии¹. Вместе с тем многоплановое научное наследие ученого не изучено с исчерпывающей полнотой. Это относится и к архивным материалам, среди которых особое значение имеет его переписка². Она является важным, а в отдельных случаях уникальным источником знаний о существенных и частных вопросах истории отечественного искусствознания второй половины XIX в. В первую очередь это относится к научным контактам исследователя.

Цель настоящей статьи — опубликовать письма Покровского к Буслаеву (1885, 1892). Число писем невелико — их три, и ответными письмами мы не располагаем. Статья дополнит текст нашей книги, посвященной Ф. И. Буслаеву и Н. П. Кондакову, в которой данной переписке уделено мало внимания³.

Имя Николая Васильевича Покровского (1848—1917), крупного историка раннехристианского, византийского и древнерусского искусства, хорошо известно. Он был профессором церковной археологии Петербургской духовной академии, а с 1898 г. директором Археологического института в Константинополе. Труды ученого и сейчас продолжают привлекать внимание специалистов отдельными ценными наблюдениями, но, главное,

¹ Библиографию см.: *Смирнов С. В.* Федор Иванович Буслаев. М., 1978, с. 92—96.

² *Афиани В. Ю.* Эпистолярное наследие Ф. И. Буслаева в московских хранилищах. — АЕ за 1971 год. М., 1972. Библиографию опубликованных писем Ф. И. Буслаева и публикацию его переписки с Н. П. Кондаковым (15

писем за 1867, 1875—1877, 1880, 1882—1886, 1891 гг.) см.: *Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985.

³ *Кызласова И. Л.* Указ. соч., с. 40, примеч. 57.

остаются справочниками по иконографии восточнохристианского искусства. Число систематизированных и описанных исследователем памятников огромно. Фундаментальность этих работ очевидна. Научная деятельность Покровского была закономерным явлением в науке своего времени — она шла параллельно работам целой плеяды европейских ученых, составлявших обширные иконографические своды памятников. Без трудов Н. В. Покровского в истории русского искусствознания образовалась бы лакуна. Работы ученого не были предметом специального изучения; поэтому его вклад в науку и соотношение его научных поисков со сходными поисками его коллег остались не осмысленными в литературе.

Буслаев высоко ценил Покровского, которого ставил «в ряд» со своим любимейшим учеником Кондаковым. Буслаев полагал, что лишь эти два исследователя в силах оценить его последнюю книгу об иллюстрации апокалипсиса⁴. И действительно, каждый из них дал свою оценку⁵.

Внимание Буслаева к трудам Покровского выразилось и в том, что он написал положительную рецензию на его книгу «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских»⁶. Чтобы яснее оценить значение этого отзыва, заметим, что он был написан в период, когда Буслаев из-за болезни уже почти не выступал в печати с научными публикациями.

Обстоятельная оценка вклада Н. В. Покровского в науку остается делом будущего. Одним из пунктов этого исследования должно стать выяснение соотношения творческих поисков ученого и его «духовного» учителя — Ф. И. Буслаева. Публикуемые письма представляют в этом смысле значительный интерес. Они прямо свидетельствуют о том, что труды Буслаева имели большое значение для становления научных взглядов Покровского, для выбора темы ряда его крупных работ и в значительной степени для складывания исследовательского метода. Письма отражают живые раздумья Покровского над «приемом» изучения средневековых памятников; из них становится известен и тот немаловажный факт, что ученые не были лично знакомы даже в конце 1885 г., когда Буслаев уже вынужден был резко сократить свою научную деятельность. Письма заставляют вспомнить мысль Сокола, который писал, что Буслаев наметил все пути исследования древнерусской иконописи, а Покровский развил одно из направлений — изучение иконографии (ограничив его задачи)⁷. Покровский выступил на этом поприще позже Кондакова и не мог пройти мимо его опыта, но важно подчеркнуть, что одним из важных научных источников для них были труды Буслаева.

Письма хранятся в ОР ГБЛ (ф. 42, ед. хр. 43) и публикуются согласно «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1969) по подлинникам полностью.

И. Л. Кызласова.

⁴ *Буслаев Ф. И.* Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый. М., 1884. Т. 1 (атлас). Т. 2 (текст). См.: *Лебедев В. А.* Из жизни Федора Ивановича Буслаева. — РС, 1908, № 1, с. 64, 68.

⁵ *Кондаков Н. П.* — ЖМНП, 1885, № 7; *Покровский Н. В.* — ЗРАО, 1886, т. II, вып. 1. Рецензии на кн.: Буслаев Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис.

⁶ *Буслаев Ф. И.* Несколько заметок при чтении одного церковно-археологиче-

ского труда (Н. В. Покровского: «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских». СПб., 1892). СПб., 1892. Перепечатано в журнале «Христианское чтение» (1893, вып. 1) и в книге: *Буслаев Ф. И.* Сочинения по археологии и истории искусства. Л., 1930, т. 3, с. 213—239 (далее: *Буслаев Ф. И.* Соч.).

⁷ *Сокол В.* Иконографический и живописно-формальный методы изучения русской иконописи. — ИОАИЭ, Казань, 1923, т. XXXII, вып. 2, с. 187—188.

Милостивый государь, Федор Иванович.

С чувством глубокой признательности спешу воспользоваться Вашим позволением писать Вам. Мой отзыв о Вашем сочинении будет напечатан в Записках археологического общества. Впрочем, я должен сознаться наперед, что он не оправдает Ваших ожиданий. Дело в том, что собранный Вами материал и его научная обработка стоят неизмеримо выше моих познаний в этой области, и потому я ограничился краткою передачею содержания Вашего труда и посильною характеристикой Ваших научных приемов; причем обратил особое внимание на то, что Вам принадлежит честь установки сравнительного метода изучения памятников русской письменности и искусства. Крайне сожалею, что моя попытка представиться Вам лично в Москве в 20-х числах июня не удалась. С самого начала моих занятий христианскою археологией, т. е. с 1875 г., я не переставал изучать Ваши ученые труды. Мое первое знакомство с этим предметом началось с Вашего исследования о русском иконописании¹, и моя последняя работа о Страшном суде в памятниках византийского и русского искусства, которую я только что окончил для издания трудов одесского археологического съезда, явилась под влиянием Вашего же исследования о страшном суде². В высшей степени полезное и поучительное знакомство с Вашими трудами дает мне смелость обратиться к Вам с просьбою не оставить меня Вашим руководством. В моих занятиях я всегда с особым интересом останавливался на иконографии древнехристианской, византийской и русской, так что в настоящее время, помимо порядочного знакомства с литературой, я располагаю кое-какими новыми материалами, добытыми в музеях и библиотеках рукописей. Но этот маленький капитал лежит у меня доколе почти без всякого движения, если не считать незначительного обращения его в моих академических чтениях. Я до сих пор не поставил для себя точно определенной задачи, на решение которой я мог бы посвятить свои силы; а между тем я этого очень желаю и с нынешнего года имею к тому свободное время. Труды я не боюсь и работаю с достаточной энергией; но помогите мне укрепиться на одной точке; другими словами, посоветуйте получше определить тему для специальной работы, приняв в соображение то, что, хотя я и приобрел некоторый навык в обращении с памятниками искусства, все-таки я не художник и за художественную оценку памятников не возьмусь. Мне пришлось по душе работа А. И. Кирпичникова о богоматери³, внушенная ему, кажется, Вами. Что сказали бы Вы, если бы я вздумал заняться иконографией спасителя, включая сюда выражение всех важнейших моментов его жизни и сопоставляя памятники искусства с памятниками письменности? Представляется ли возможность при такой постановке этого предмета достигнуть серьезных положительных результатов? Материалы, находящиеся в России, я надеюсь обследовать без особенных затруднений; с заграничными, как, например, греческими лицевыми евангелиями, справиться труднее. При этом как поступить с щекотливым вопросом о нерукотворном образе?⁴ Впрочем, считаю себя не вправе на первый раз затруднять Вас разрешением моих археологических сомнений и дум и покорнейше прошу Вашего совета лишь относительно общей постановки предмета. Если же у Вас имеется в запасе что-либо иное по части разбора иконографических сюжетов, истории подлинника и т. п., то поделитесь со мною; я приму с глубокой благодарностью каждый Ваш совет и постараюсь на деле оправдать Ваше внимание ко мне. Крайне сожалею, что у меня нет налицо полного собрания моих этюдов, но что успел собрать, то посылаю Вам с надеждою на Вашу снисходительность к моим первым и слабым опытам археологических занятий.

С истинным уважением и глубокою преданностью честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою

Николай Покровский

Высокоуважаемый Федор Иванович.

Ваше письмо чрезвычайно ободрило меня. Я начинаю верить, что задуманный мною труд⁵, даже и при моей несколько односторонней подготовке, может иметь некоторое значение. Конечно, в настоящее время говорить с уверенностью о конце дела было бы весьма поспешно; но и не следует терять его из вида. Должен сознаться пред Вами откровенно, что я сделал еще слишком мало: познакомился с иностранною литературою, по крайней мере наиболее важною для предполагаемой мною цели, разобрал важнейшие иконы в музее Академии художеств и отчасти в музее Киевской духовной академии и в музее Общества любителей древней письменности; просмотрел затем греческие лицевые евангелия в здешней Публичной библиотеке и около десятка лицевых рукописей о страстях господних. Весьма понятно, что мечтать о каком-либо уникальном своде материала теперь для меня преждевременно. Многие нужно изучить еще неизвестных мне памятников искусства и историко-литературных. Меня сильно раздражил Ваш апокалипсис⁶, и мне пришла гордая и вероятно несбыточная мысль применить прием Вашего исследования к изучению лицевых Евангелий, которые прямо входят в мою задачу. Но я знаю доколе еще очень мало таких Евангелий славянских; притом все они, за исключением Евангелия елисаветградского⁷, не восходят ранее XVII века и носят на себе заметные следы западного влияния. В этом деле мне придется просить о помощи Вашей обязательной помощи. Задача иконографии спасителя я стараюсь понять по возможности широко: тут, представляется мне, целая история жизни спасителя, во всех ее событиях и чудесах, насколько они нашли свое выражение в памятниках иконографии, целый ряд сказаний апокрифических, которые также, как известно, стоят близко к иконографии — преимущественно византийско-русской. Во всем этом Ваше содействие будет для меня существенно необходимо; и я льщу себя надеждою получить от Вас в непродолжительном времени некоторые указания на этот счет. Вскоре после праздников, числа 7—8 января, я надеюсь быть в Москве по делам предполагаемого археологического съезда в Ярославле⁸ и не примину первым долгом представиться Вам лично.

С искренним уважением и глубокой благодарностью честь имею быть Вашим покорным слугою

Н. Покровский

Высокоуважаемый Федор Иванович.

Ваше благосклонное внимание к моему труду, выраженное в письме и целом ряде дорогих и поучительных для меня замечок⁹, составляет высшую награду, какой я мог ожидать только от Вас, как первого основателя русской церковной археологии, которого я от юности привык ценить и уважать, как своего учителя. До настоящего времени появилось в периодической печати — духовной и светской — до десяти рецензий и отзывов о моей книге, в том числе два в журнале министерства народного просвещения (проф. Помяловского и проф. Цветаева)¹⁰ и один — в органах моск[овской] Духовной академии (доцента по предмету церковной археологии). Все они, безусловно, одобрительные и некоторые даже восторженные. Но Ваши заметки для меня всего дороже. Тотчас по получении их я отправился к редактору нашего академического органа — Христианского чтения, и мы решили, что необходимо напечатать их в ближайших книжках. Но тут возник у нас один вопрос, по поводу которого мы и обращаемся к Вам с совокупною усердною просьбою. Дело в том, что Ваши драгоценные заметки имеют характер частный. У читателей, естественно, явится желание знать Ваше авторитетное мнение о целом сочинении: представляет ли оно научный интерес, стоит ли автор на надлежащей высоте современного знания и подвигает ли сколько-ни-

будь вперед решение поставленных им вопросов? Откровенно говоря, я давно хотел просить Вас об этом, добрый и незабвенный наставник, но боялся обременить Вас. Если бы Вы довершили Вашу снисходительность ко мне и написали хотя бы 15—20 строк в смысле оценки целого, то это было бы вполне достаточно и это послужило бы прекрасным началом к Вашим заметкам. Никто не будет требовать от Вас ни полноты, ни документальных подтверждений: все, безусловно, поверят Вашему краткому авторитетному слову. Скажу более: этого слова ждут от Вас некоторые из представителей академической науки. Церковная археология у нас — предмет новый; знают и ценят его очень мало. Неудивительно, что мое сочинение произвело некоторый соблазн. Правда, Совет Академии на основании отзывов двух специалистов-богословов удостоил меня докторской степени; но при обсуждении этого вопроса высказывалось желание знать авторитетное мнение знатоков православного искусства: очевидно, разумели Вас. Ваше слово, хотя бы и очень краткое, было бы чрезвычайно важно. Если бы Вы все-таки нашли для себя затруднительным это, то не разрешите ли нам напечатать в виде предисловия к заметкам Ваше письмо ко мне, присланное вместе с заметками, а также коротенькую выдержку из Вашего письма к графине Уваровой, писанного 21 декабря 1891 г., по поводу выхода в свет 1-го тома «Трудов VIII Археологического съезда», где Вы говорите об успехах церковной археологии в последние годы. Копия с этого письма сообщена мне графинею в конце декабря прошедшего года. Что касается в частности Ваших заметок, то я принимаю их стольна с глубочайшей признательностью. При напечатании их для ясности следовало бы только, по моему мнению, в некоторых местах прямо (в виду читателей-неспециалистов) сказать, что, напр[имер], № 1, 2 и некоторые другие суть положения, развиваемые автором сочинения «Евангелие и т. д.». Иначе неопытный читатель может подумать, что эти положения, напр[имер], опущены мною и Вы напоминаете о них. Впрочем, это дело второстепенное и легко устранимое, и если Вы не посетуете на меня, то я могу уладить это прибавкою двух-трех коротеньких подстрочных примечаний, которые не окажут никакого влияния на существенный характер Ваших замечаний. Замечания следует напечатать прямо в том виде, как они изложены Вами. Я позволил бы себе только опустить замечание № 15, именно: было бы не худо указать на Преображение Рафаэля и т. д. На эту картину мною указано на стр. 204. Замечание № 36 об евхаристическом значении рыбы, безусловно, верно, как это и выражено мною на ст. 267; опустил же я указанный Вами сосуд потому, что не уверен в евхаристическом назначении его: этим предметом нужно будет заняться. Замечание об «Иор и Дане» в псалтирях ставит мне новую задачу. Дело в том, что в псалтирях фигуры юношей не имеют надписей «Иор Дан» и нередко представляют собою иллюстрацию не Иордана, но вообще источников водных, напр[имер] в псалтири Общества любителей древн[ей] письм[енности] 1397 г.— пс. 23. 77. 79 и 104. Однако встречаются они и при упоминании о «реке Божией». Признаюсь, я отнесся к этим иллюстрациям не довольно внимательно. Необходимо обследовать: не появилась ли эта форма впервые в лицевых псалтирях и не превратилась ли она, утратив свой первоначальный смысл, в шаблонный прием, применяемый к иллюстрации общих мест псалтири, где речь идет об источниках. Впрочем, позвольте мне побеседовать с Вами об этом после. Я имел смелость еще просить Ваших указаний по поводу задуманной мною работы, именно «Обозрения памятников древней православной иконографии», предназначенной для начинающих ученых¹¹. Но об этом после; а теперь приношу Вам, Высокопочтимый Федор Иванович, мою сердечную признательность за Ваше благосклонное внимание к моим археологическим попыткам. С нетерпением буду ожидать Вашего ответа.

Безгранично уважающий Вас и всегда благодарный

Николай Покровский

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду работа: *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи.— Сб. на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866. Переиздано в кн.: *Буслаев Ф. И.* Соч. СПб., 1908, т. 1, с. 1—193.
- ² *Покровский Н. В.* Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства.— В кн.: Труды VI Археологического съезда. СПб., 1887, т. 3. У Ф. И. Буслаева есть статьи на эту тему: «О народах на Страшном Суде. По одному лицевому сборнику XVII века Новгородской Софийской библиотеки» и «Изображение Страшного Суда по русскому подлиннику XVII в.» (*Буслаев Ф. И.* Соч. СПб., 1910, т. 1, с. 367—369; т. 2, с. 133—155).
- ³ *Кирпичников А. И.* Сказания о жизни девы Марии и их выражение в средневековом искусстве.— ЖМНП, 1883, № 7; *Буслаев Ф. И.* Отзыв о программе исследования профессора А. И. Кирпичникова «О деве Марии в позиции и искусстве».— Сб. ОРЯС, 1885, т. 36.
- ⁴ Речь идет, по-видимому, о замысле создания книги «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских». Сомнения ученого в изложении вопроса о нерукотворном образе, вероятно, связаны с западным вариантом сказания о его происхождении (плат Вероники) (*Покровский Н. В.* Указ. соч., с. 312—313).
- ⁵ Скорее всего, Н. В. Покровский продолжал обсуждение структуры той же книги (см. далее в тексте письма об изучении иконографии спасителя).
- ⁶ *Буслаев Ф. И.* Русский лицевой Апокалипсис...
- ⁷ Упоминается славянское евангелие Покровской единоверческой церкви в г. Елисаветграде. Покровский полагал, что правописание кодекса болгарское и что он создан не ранее XIV в. и написан уставом XIV—XV вв. (*Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии..., с. XXII—XXIII). Ученый неоднократно ссылался на миниатюры этой рукописи в данной книге.
- ⁸ Съезд состоялся в 1887 г. Н. В. Покровский уже в 1885 г. включился в работу по его подготовке.
- ⁹ Имеется в виду статья: *Буслаев Ф. И.* Несколько заметок при чтении одного церковно-археологического труда... Возможно, Буслаев послал Покровскому «целую тетрадь заметок», сделанных при чтении его книги. В опубликованную рецензию вошли лишь главные выводы из тетради (*Буслаев Ф. И.* Соч., т. 3, с. 231).
- ¹⁰ *Б. а.* [*Помяловский И. В.*?] — ЖМНП, 1892, № 1, с. 256—257; *Цветаев И. В.* — ЖМНП, 1892, № 2, с. 494—500. Рецензии на кн.: Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии...
- ¹¹ Вероятно, имеется в виду книга: *Покровский Н. В.* Очерки памятников православной иконографии и искусства. СПб., 1893—1894. Вып. 1, 2.

М. Н. ТИХОМИРОВ — ЧЛЕН ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ

Первый период творческой биографии М. Н. Тихомирова (до середины 30-х годов) остается еще недостаточно изученным. Небольшой список выявленных печатных трудов за эти годы, немного материалов отложилось и в личном архиве ученого. Поэтому особый интерес представляют публикуемые Л. И. Шохиним материалы о М. Н. Тихомирове — члене Московского Общества истории и древностей российских, выявленные им в фонде этого научно-исторического общества. Тем самым устанавливаются факты избрания М. Н. Тихомирова членом Общества и выступления его на заседании Общества, не отмеченные ни в биографических работах об ученом, ни в перечне «Основных дат жизни и деятельности академика М. Н. Тихомирова», предваряющем изданные при его жизни «Материалы к биобиографии ученых СССР. Серия истории, вып. 6. Михаил Николаевич Тихомиров» (М., 1963). Нет об этом упоминаний и в машинописном экземпляре «Воспоминаний» Тихомирова (со значительной авторской правкой), хранящемся в фонде ученого в ААН.

Публикуемый список трудов, составленный самим Тихомировым, свидетельствует о том, что к началу 1926 г. им были уже в основном написаны работы, увидевшие свет позднее. Статья «Население Дмитрова в XVII — начале XVIII века» была опубликована в вып. 1 сборника «Московский краевед» в 1927 г. (а затем переиздана посмертно в 1973 г.)

в книге Тихомирова «Российское государство XV—XVII веков»). Большая же статья о Новгородском восстании 1650 г. была напечатана только в 1940 г. в 6-й кн. «Исторических записок» уже после издания в 1935 г. монографии ученого «Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века». В основе этой монографии книга «Псковский мятеж XVII века. Из истории борьбы общественных классов в России» — первая печатная работа ученого, отмеченная в публикуемой рекомендации Тихомирова в члены ОИДР¹. Характерно, что в первоначальном заголовке исследования о событиях в Новгороде 1650 г. было слово «мятеж», так же как и в названии работы Тихомирова 1919 г. о Псковском восстании. Едва ли это не восходит к названию известной статьи С. В. Бахрушина 1917 г. о Московском восстании 1648 г. Любопытно и то, что в публикуемом отзыве о трудах Тихомирова, восстания в Новгороде и Пскове названы «бунтами».

«Описание рукописей Иргизских монастырей» — это подготовленный Тихомировым к печати (в 1922—1923 гг. в Самаре) труд, так и озаглавленный в рукописи, находящейся ныне в ОР ГИМ, и изученный И. В. Левочкиным². Именно эта работа оценена С. В. Бахрушиным и М. Н. Сперанским как «превосходное описание старообрядческих рукописей».

О каком летописном сборнике из собрания Уварова (находившемся уже тогда в ГИМ) идет речь, с должной степенью вероятности судить трудно. Тихомиров после возвращения из Самары в Москву (1923 г.) стал постоянно работать в Отделе рукописей ГИМ в качестве внештатного сотрудника. В главе «Воспоминаний», имеющей название «Исторический музей» и датированной первоначально 9 апреля 1963 г., Тихомиров пишет: «В годы моей работы в разных учебных заведениях после возвращения в Москву самым важным для меня вопросом был вопрос о продолжении научной деятельности... Дни, проведенные мною в Историческом музее над рукописями, были, может быть, одними из самых лучших в моей жизни. Никто меня никуда не гнал в смысле выполнения плана; приходиться я мог в любые часы и в любой день, никто за это ничего с меня не спрашивал, а читать рукописи, в особенности летописи, было большим удовольствием»³.

В это время уже фактически началась работа по выявлению летописей и летописных отрывков в хранилищах Москвы, нашедшая завершение в книге, изданной в 1962 г. Оценивая издание как «путеводную нить для других исследователей», Тихомиров указал в предисловии, что «эта нить вырабатывалась почти в течение 40 лет. Кто работал над летописями, тот знает, какая это трудоемкая работа»⁴. В рекомендации Бахрушина и Сперанского отмечено, что к началу 1926 г. Тихомиров уже «подвергнул специальному изучению» некоторые неизвестные ранее летописные тексты.

В «Перечне летописных произведений», предваряющем в книге 1962 г. их описание, названо немало рукописей Уваровского собрания ГИМ. Но можно думать, что в «Списке трудов М. Н. Тихомирова» упомяната работа о новом списке Московского летописного свода конца XV в. Своим открытием ученый гордился, он написал об этом и в «Воспоминаниях»; огорчен был тем, что подготовленная им статья на эту тему не была принята к печати в «Летописях занятий Археографической комиссии»⁵. Такое предположение, однако, находится в противоречии с датой обнаружения Тихомировым этого списка, указанной в предисловии к подготовленному им изданию рукописи в XXV т. ПСРЛ, — там указан

¹ Работы «Псковский мятеж XVII в.», «Псковское восстание 1650 г.» и «Новгородское восстание 1650 г.» переизданы в кн.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.

² Левочкин И. В. Ранние работы М. Н. Тихомирова по описанию рукописных собраний. — В кн.: Сибирское собра-

ние М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981, с. 29—36.

³ ААН, ф. 693, оп. 2, № 39, л. 289.

⁴ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 3.

⁵ ААН, ф. 693, оп. 2, № 39, л. 300.

1928 г.⁶ Но дата в XXV т. ПСРЛ — явная ошибка памяти, так как сохранился отзыв на работу Тихомирова «Летописец первой четверти XVI в., принадлежащий Российскому историческому музею (из б. собрания Уварова)», написанный М. Д. Приселковым и датированный 6 февраля 1927 г.⁷ В статье Тихомирова, судя по отзыву, речь шла именно о рукописи собрания Уварова № 1366, изданной затем в ПСРЛ. Статья попала к рецензенту, очевидно, не ранее начала 1927 г., а подготовка ее должна была занять у автора значительное время. (Ошибка обнаруживается и в «Воспоминаниях» Тихомирова: там автором неблагоприятного отзыва о его работе назван не М. Д. Приселков, а А. Е. Пресняков).

Доклад «Летописный отрывок времени Василия III», резюме и протокол заседания ОИДР об обсуждении которого публикуются, стал основой работы, напечатанной в 1930 г. под названием «Новый памятник московской политической литературы XVI века», а затем переизданной в 1979 г. в книге М. Н. Тихомирова «Русское летописание». Замечания ученых по докладу (отмеченные в публикуемом протоколе) почти не нашли отражения в тексте статьи. Вероятно, он был уже написан до выступления в ОИДР.

Зайнтересованное участие высокоавторитетных ученых старших поколений в обсуждении доклада — показатель внимания и уважения к научной деятельности Тихомирова уже в те годы. С. В. Бахрушин был учителем (или, употребляя современную терминологию, научным руководителем) его в Московском университете, инициатором публикации его первого исследования, связан с ним и в 20-е годы, в частности, видимо, и по совместной работе в области краеведения⁸.

С академиком М. Н. Сперанским Тихомиров познакомился (или, точнее сказать, Сперанский узнал о нем) только в ГИМ. Тихомиров писал: «Встретили меня в рукописном отделе довольно неприветливо. Заведующий отделом академик Михаил Несторович Сперанский с самого начала посмотрел на меня как на недоучку. Он посадил меня описывать вместе с ним самое неинтересное собрание рукописного отдела Востряковское. Оно принадлежало раньше кушцу Вострякову. Собрание было довольно значительным по количеству рукописей, но совсем незначительное по научному значению⁹. Михаил Несторович сначала дал мне одну рукопись и потом проверил мое описание, составленное по общей инструкции в Рукописном отделе. Инструкция выработана была двумя крупными учеными: Вячеславом Николаевичем Щепкиным и самим Сперанским. Развернув начало рукописи и посмотрев мое описание, Михаил Несторович возмущенно воскликнул: „Как, это рукопись XVI века?“ Дело в том, что начало рукописи было приложено позднее и написано явным почерком XIX века. Тогда я молча развернул рукопись и показал основной почерк — полуустав XVI века. Михаил Несторович тотчас же смягчился... Постепенно с Михаилом Несторовичем у меня установились хорошие отношения, а позже и в некоторой степени дружественные, если только можно говорить о дружеских отношениях между старым академиком и молодым ученым». Поворот к «сближению... сделала книжка» Тихомирова «Город Дмитров. От основания города до половины XIX века». Сперанский имел дачу во Влахернской близости от Дмитрова, был «хорошо знаком» с городом и, как вспоминает Тихомиров, «оценил довольно высоко эту книжку». (Однако в рекомендации Бахрушина и Сперанского работы Тихомирова о Дмитрове не названы. Возможно, что тогда они еще не были известны Сперанскому.) Тихомиров описывает и

⁶ ПСРЛ, т. XXV. М.; Л., 1949, с. 3.

⁷ ЛО ААН, ф. 133, оп. 1 а, № 54, л. 1—8 об. См. также: Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. М., 1974, с. 67 (№ 672).

⁸ Подробнее см.: Шмидт С. О. С. В. Бахрушин и М. Н. Тихомиров: (По архив-

ным материалам). — В кн.: Проблема социально-экономической истории феодальной России: (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина). М., 1984.

⁹ Об этом описании см.: Левочкин И. В. Указ. соч., с. 33—34.

квартиру Сперанского в одноэтажном деревянном доме в переулке близ Плющихи, отмечает, что Сперанский любил работать на токарном станке. Последний раз Тихомиров был дома у Сперанского, когда тот уже не имел возможности работать в музее.

Тихомиров подчеркивает, что Сперанский «много трудился и работал не покладая рук над описанием рукописей и их изучением и с большим уважением относился к труду других»: при нем «соблюдалась полная тишина и сам Михаил Несторович обычно разговаривал шепотом, если кто-нибудь занимался в читальном зале».

Любопытна в «Воспоминаниях» характеристика внешнего облика и манеры поведения Сперанского: «...Сперанский принадлежал к числу людей очень своеобразных. Это был коренастый, здоровый лысый человек. Отличался он необыкновенной силой... Так, он преспокойно передвигал шкаф, наполненный книгами... Делал это Михаил Несторович без некоторого кокетства своей силой и с удовольствием, так как его сила всегда вызывала восхищение», «...люди, мало знающие его, обычно несколько его побаивались. Иногда он и сам как бы срывался и невольно мог нанести человеку обиду». Сперанский, заключал Тихомиров, был «не только крупным ученым, но и хорошим человеком»¹⁰. Именно Сперанским (как отметил Тихомиров при публикации своей статьи) была ему указана рукопись в ГБЛ, изучение которой стало темой доклада в ОИДР.

Академик А. И. Соболевский тоже, вероятно, не был знаком с Тихомировым до совместных занятий в Отделе рукописей ГИМ, поскольку В. П. Адрианова-Перетц (хорошо знавшая Тихомирова по работе в Самаре) сочла полезным особо рекомендовать его Соболевскому. Тихомиров рассказывает об этом в своих «Воспоминаниях». Там же он пишет, что Соболевский проводил в Отделе рукописей «долгие часы», «отличался необыкновенной ученостью и особо острым умом». Тихомиров вспоминал, что нередко возвращался пешком вместе с ним из музея, так как жил в доме на улице Герцена на полпути к дому Соболевского в Колюшковском переулке¹¹. Об этом же он писал и в статье 1961 г. «О библиотеке московских царей (Легенды и действительность)»: «Как сейчас я вижу этого сухонького старичка, который в свои 70 лет обычно ходил пешком с Пресни, где он жил в своем небольшом особнячке, на Красную площадь, в Исторический музей. Иногда я был его попутчиком, так как жил по соседству. По дороге мы говорили о ряде исторических вопросов, в том числе и о таинственной библиотеке»¹².

С Ю. В. Готье (тогда уже членом-корреспондентом Академии наук) Тихомиров был, видимо, знаком прежде, как и с другими историками начала века, причастными в той или иной мере к «школе» В. О. Ключевского в Московском университете. В «Воспоминаниях» Тихомирова о годах учения в университете есть фраза: «Пытался я заниматься в семинаре у Юрия Владимировича Готье, но из этого ничего не вышло»¹³. Вероятно, Готье, курировавший в 20-е годы научную работу в ГБЛ (как ученый секретарь, а затем заместитель директора), мог проявлять и особый интерес к научным результатам изучения памятников, хранящихся в Отделе рукописей библиотеки. А именно рукописи бывшего Румянцевского музея был посвящен доклад Тихомирова в ОИДР. Позднее оба ученых сотрудничали в высших учебных заведениях Москвы (МИФЛИ, МГИАИ) и в Институте истории АН СССР, и нам, своим ученикам, Михаил Николаевич всегда с неизменным уважением и душевной симпатией говорил об академике Готье.

Публикуемые Л. И. Шохиним материалы так же, как и выявленные ранее С. Б. Филимоновым материалы о деятельности Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии¹⁴, расширяют наши пред-

¹⁰ ААН, ф. 693, оп. 2, № 39, л. 289—295.

¹¹ Там же, л. 308, 309.

¹² Тихомиров М. Н. Русская культура

X—XVIII вв. М., 1968, с. 283.

¹³ ААН, ф. 693, оп. 2, № 39, л. 110.

¹⁴ Материалы о деятельности М. Н. Ти-

ставления о научной работе Михаила Николаевича Тихомирова в Москве в середине 20-х годов и о его научном окружении в те годы.

С. О. Шмидт

хомирова в Обществе изучения Московской губернии/Подгот. С. Б. Филимонов.— АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 298—310. См. также: *Шмидт С. О.*

Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края: (Новые материалы).— Там же, с. 167—172.

I

В Московское Общество Истории и Древностей Российских

Имеем честь предложить избрать в члены Общества Михаила Николаевича Тихомирова.

М. Н. Тихомиров работает над исследованием по истории новгородского и псковского бунта 1650 г.; им напечатана небольшая работа по данному вопросу, основанная на неизданных материалах А[рхива] М[инистерства] Ин[остранных] Дел. Далее, он работает над летописью XIV—XV вв. и подвергнул специальному изучению некоторые до сих пор неизвестные тексты. Результаты этих работ, до сих пор не опубликованные, несомненно, представляют большой научный интерес, судя по предварительным сообщениям. Наконец, им подготовлено к печати превосходное описание старообрядческих рукописей.

На основании вышеизложенного мы считали бы чрезвычайно полезным участие М. Н. Тихомирова в занятиях нашего Общества.

Члены общества

С. В. Бахрушин
М. Н. Сперанский

ОР ГБЛ, ф. 203 (МОИДР), кн. 48, л. 277 и об. Подлинник.

II

Список трудов М. Н. Тихомирова

Напечатаны:

1. Псковский мятеж XVII века. М., 1919. 64 с.
2. Город Дмитров (От основания города до половины XIX века). Дмитров, 1925.
3. К истории колонизации Самарской губернии (Известия Самарского университета, вып. 5-й).

В рукописи:

1. Новгородский мятеж 1650 г.
2. Население Дмитрова в XVII—XVIII веке.
3. Описание рукописей Иргизских монастырей.
4. Неизвестный летописный сборник из собрания Уварова. М. Н. Тихомиров*.

ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 48, л. 278. Автограф.

* Рекомендация со списком трудов представлены Обществу на заседании 26 января 1926 г.; 23 февраля 1926 г. М. Н. Тихомиров был единогласно из-

бран действительным членом, минуя члена-соревнователя (ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 43, л. 294).

III

Резюме доклада М. Н. Тихомирова 28 сентября 1926 г.

«Летописный отрывок времени Василия III»

Летописный сборник, принадлежащий Румянцевскому музею за № 3841 (см. Отчет Румянцевского музея за 1915 г., с. 6—7) написан в мал. 4°, на 312 л., разными почерками XVI—XVIII века. Основная часть рукописи представляет собой текст Софийской 1-й летописи, близкий к Бальдеровскому и Воронцовскому спискам. На л. 278—288 в сборнике помещен летописный отрывок за 1518—1526 годы, написанный беглой скорописью первой половины XVI века. Текст отрывка представляет собой неизвестное еще в печати повествование о политических событиях времени Василия III, в том числе и особый рассказ о разводе Васи-

лия III с Соломонией и о втором его браке с Глинской. Отрывок чрезвычайно интересен по освещению событий, автор отрывка последовательно защищает Василия III от возможных обвинений. Отрывок вышел из среды, близкой к великому князю и митрополиту Даниилу. Он навеян тем недовольством, которое вызвали в стране неудачная борьба с Казанью и Крымом и развод великого князя. Автором отрывка был неизвестный монах Пафнутьева монастыря. Отрывок написан вскоре после второго брака Василия III и до рождения Ивана IV, в промежуток между 1526—1530 годами.

М. Тихомиров

ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 48, л. 336. Автограф.

IV

Протокол 734-го заседания МОИДР 28 сентября 1926 г. обсуждения доклада М. Н. Тихомирова.

В прениях по докладу приняли участие: А. И. Соболевский, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин и М. Н. Сперанский.

А. И. Соболевский, приветствуя счастливую находку докладчика, сообщил, что при занятиях рукописями ему неоднократно попадались подобные безизвестные мелкие летописные заметки. Что касается данного отрывка: своим содержанием он определенно связан с Пафнутиевым Боровским монастырем и с традицией, восходящей к его основателю. Не только сам Пафнутий был из татар — немало его татарских родичей видим в числе братии Пафнутиева монастыря. Понятно, почему автор отрывка наряду с вниманием к событиям из жизни Пафнутиева монастыря проявляет такой интерес к татарским делам. Не этим ли объясняется и тот факт, что брак Василия III на Елене Глинской занимает в нашем летописном отрывке такое большое место: ведь Глинские — татарский род.

Оппонент не согласен с характеристикой времени Василия III, сделанной докладчиком. По мнению оппонента, царствование Василия III скорее нужно признать счастливым, чем несчастным. Об авторе исследованного докладчиком летописного отрывка надо сказать, что он писал свои заметки, возможно, в Пафнутиевом монастыре, а может быть, и где-нибудь в другом месте, например в Москве; не нужно забывать, что Пафнутиев Боровский монастырь дал большое количество выходцев.

М. Н. Тихомиров, основываясь на большой конкретности данных о Пафнутиевом монастыре, содержащихся в отрывке, высказался за правильность развитого им в докладе положения, что автор писал эти заметки именно в Пафнутиевом монастыре. Этот монастырь, добавил М. Н. Тихомиров, раньше не указывался в числе центров русского летописания.

Ю. В. Готье, отметив, что прослушанный доклад вводит в ученый кругозор интересный летописный отрывок, указал, что соображения докладчика относительно техники появления этого отрывка, по существу совершенно правильные, обставлены однако излишне громоздкой аргументацией. Автор вряд ли прав в своем утверждении, что отрывок написан с целью развеять впечатления, создавшиеся в обществе в связи с скандальным разводом Василия III с Соломонией, и ослабить тяжелые настроения в результате несчастий извне. В действительности же летописный отрывок, которому посвящен доклад М. Н. Тихомирова, представляет апологию великого князя со стороны монаха-иосифлянина, причем эта апология продиктована, конечно, не внешними событиями, а извостной всем внутренней политической борьбой.

М. Н. Тихомиров напомнил, что в докладе он несколько раз отмечал у автора отрывка стремление к «обелению» великого князя.

Ю. В. Готье подчеркнул, что докладчик, говоря об обелении великого князя, почему-то не указал, против кого же оно направлялось.

С. В. Бахрушин охарактеризовал летописный отрывок, бывший предметом доклада, как один из памятников памфлетной литературы и при

этом отметил, что в нем особенно интересны те части, которые рисуют отношение к власти великого князя московского: ведь возвеличивается не Василий III, а именно великий князь московский. В этом отношении летописный отрывок докладчика может быть назван новым ярким подтверждением свидетельств Герберштейна.

М. Н. Сперанский обратился к докладчику с рядом вопросов: памятник, все время фигурирующий в докладе под именем «отрывка», представляет ли в действительности отрывок из летописи, или он самостоятельно вышел из-под пера автора? В виду того что в этом памятнике мы ясно различаем летописные записи, с одной стороны, и трактат о женитьбе великого князя — с другой, возникает вопрос: одно ли лицо вело записи и писало трактат?

М. Н. Тихомиров ответил, что и записи и трактат, конечно, принадлежит перу одного лица, к тому же летописные записи, содержащиеся в его отрывке, все первичного характера.

М. Н. Сперанский спросил: отрицает ли докладчик факт самостоятельного существования трактата о женитьбе великого князя?

М. Н. Тихомиров подтвердил, что автор его отрывка, разумеется, мог пользоваться справками, но вряд ли зависел от какого-нибудь определенного литературного источника.

ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 48, л. 335 и об., 337 и об. Рукопись.

Документы подготовлены к печати Л. И. Шохиньм.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Л. В. ЧЕРЕПНИНА ПЕРЕД ЗАЩИТОЙ ИМ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ (1946 г.)

12 апреля 1985 г. исполнилось 80 лет со дня рождения академика Льва Владимировича Черепнина. С выходом в свет монографии «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (первая часть напечатана в 1948 г., вторая — в 1951 г.) ученый сразу стал в ряд выдающихся отечественных историков. Но большое впечатление на научную общественность произвело еще прежде ознакомление с рукописью докторской диссертации Черепнина этой же тематики, защищенной на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 27 июня 1946 г. под председательством директора института академика Б. Д. Грекова. Официальными оппонентами выступили такие видные ученые, как А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров.

В материалах этого заседания Ученого совета в ААН (ф. 1577) имеются только машинописные тексты вступительного и заключительного слов диссертанта. Однако в фонде РИСО АН СССР того же ААН сохранились документы о рекомендации к печати монографии Черепнина: среди них — отзыв М. Н. Тихомирова как официального оппонента диссертации и представление (отзыв) заведующего сектором истории СССР до XIX в. Института истории члена-кор. АН СССР С. В. Бахрушина в ученый совет института о включении монографии в издательский план 1947 г.

Тихомиров оценил этот «капитальный труд» как «образец серьезного научного исследования». Особо он отметил значение работы для развития источниковедения: «Л. В. Черепнин по существу дал источниковедение актовому материалу русских памятников XIV—XV вв. После появления его работы в печати многие вопросы источниковедческого характера должны будут подвергнуться пересмотру. Не могу не отметить и того, что автор работает над источниками в основном тем методом, который был разработан покойным академиком А. А. Шахматовым. Этот

метод, блестяще оправдавший себя при разработке летописного материала, впервые применен автором для исследования русских актов». Этот отзыв полностью опубликовали еще при жизни Л. В. Черепнина¹.

Отзыв Бахрушина в делах РИСО, можно полагать, содержит оценку им исследования Черепнина, нашедшую отражение в отзыве официального оппонента. Судя по заключительному слову Черепнина на заседании 27 июня 1946 г., в отзыве Бахрушина не было критических замечаний принципиального характера. В следующем, 1947 г., Черепнин в день чествования Бахрушина в связи с его 65-летием говорил: «Те, кому выпала на долю честь иметь С[ергея] В[ладимировича] оппонентом на своем диспуте, кандидатском или докторском, должны оценить его исключительно добросовестное, чуждое всякого формализма отношение к диссертации и в то же время по-человечески чуткий подход к самому диссертанту...благодаря участию С[ергея] В[ладимировича] для нас стал еще более торжественным тот большой праздник, который в жизни каждого научного работника представляет защита диссертации»².

Отзыв Бахрушина публикуется без начальной части (немногим более полустраницы), в которой перечисляются названия глав монографии: «Работа Л. В. Черепнина представляет собой несомненно очень крупное явление в нашей историографии. Исключительная ценность заключается в том, что автор разработал новые методы изучения актов XIV—XV вв., т. е. проделал над актовым материалом ту работу, которую А. А. Шахматов и его последователи проделали над летописными сводами. К изучению актов Л. В. Черепнин подошел по-новому. До сих пор большая часть историков пользовалась печатными изданиями древних актов. Л. В. Черепнин обратился к подлинникам и подверг их палеографическому изучению, которое позволило ему сделать ряд тонких наблюдений.

Открытые им и палеографически обследованные акты Л. В. Черепнин подверг детальному изучению на основании выработанных им методов. Он, во-первых, требует изучения сборников актов в целом, без чего, по хорошо обоснованному им мнению, невозможно их правильно понять. С большим искусством он восстанавливает состав тех сборников, которые до нас не дошли, и время их составления. С таким же искусством он восстанавливает состав архива, к которому они принадлежали.

Во-вторых, автор отличает от документов, вошедших в силу, проекты, которые не были утверждены.

В-третьих, поскольку многие документы дошли до нас в копиях, необходимо учитывать позднейшую редакционную их обработку. В связи с этим автор тщательно и очень остроумно выясняет составные части отдельных актов, явившихся результатом длительной кодификационной работы.

В-четвертых, Л. В. Черепнин больших результатов достигает благодаря внимательному сопоставлению содержания актов с летописными известиями. Наконец, он считает необходимым рассматривать каждый отдельный документ в связи с общей политической конъюнктурой не только в Русской земле, но и в Литве.

Монография Л. В. Черепнина представляет, по существу, первый опыт применения методов Шахматова к актовому материалу, но критические приемы Шахматова еще более углублены и развиты.

Наибольший интерес представляют общеоисторические выводы, которые Л. В. Черепнин делает на основании детального, микроскопического изучения документов. Эти выводы придают его работе характер не узкоисточниковедческого исследования, а блестящей монографии по истории складывания Русского государства типа известного исследования А. Е. Преснякова, но еще более тонкого и детального.

Труд Л. В. Черепнина является несомненно выдающимся в нашей

¹ *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 299—300.

² *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984, с. 292.

литературе по раннему феодализму на Руси. Методы работы над актами, им выработанные, станут также обязательными для всех историков, как обязательны методы Шахматова для ученых, работающих над летописными сводами. Его выводы, касающиеся междукняжеских отношений, вносят много ценного и нового в историю образования Русского государства. Наконец, ценнейший архивный материал XIV—XV веков представлен с непревзойденной полнотой»³. И в протоколе заседания Ученого совета и в отзывах Бахрушина и Тихомирова диссертация называется «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв. (Феодальные архивы и их история)». Это первоначальное название в книге было изменено, чем еще в большей мере подчеркивалось значение подзаголовка диссертации и собственно источниковедчески-архивоведческий аспект исследования.

В середине 40-х годов еще не была внедрена практика предварительной публикации автореферата диссертации. Функцию эту в определенной мере выполняло вступительное слово на заседании Ученого совета. Оно, естественно, должно было быть сравнительно кратким и емким, выделять то, что автор считал особенно важным подчеркнуть. Во Вступительном слове Черепнина главное внимание уделяется не столько выводам фактологического характера, сколько методологии и методике исследования. («В каждой работе главное — метод, который определяет научную ценность выводов») В этом плане охарактеризованы и историографические факты и собственно исторические выводы.

Для Вступительного слова характерны отличавшие и печатные труды и устные выступления ученого ясность построения, четкость формулировок, умение синтезировать в краткой обобщающей форме сложные и многоаспектные наблюдения.

В публикуемом Вступительном слове обнаруживается большая близость — даже текстуальная — с Введением к изданной монографии, озаглавленной так: «Задачи и приемы изучения источников по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв.» (с. 3—6 первой части монографии). Однако во Введении, особенно в его начальной части, акцентируется внимание на собственно методологических проблемах, на задачах противостояния буржуазному источниковедению. Во Вступительном слове по-иному, чем в Введении, характеризуются А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, С. Б. Веселовский, не упомянут даже А. С. Лаппо-Данилевский (воздействие методических приемов которого на всех, занимавшихся после него актовым источниковедением, вне сомнений). Введение, напечатанное в книге, подписанной к печати в ноябре 1948 г., сближается по направленности и набору формулировок со статьями Черепнина о Лаппо-Данилевском (1952 г.) и Преснякове (1950 г.), а также со статьей В. Т. Пашуто о Шахматове (1952 г.), в которых оценки ущербного мировоззрения переносились непосредственно на методику исследования⁴.

«Недостатком» его статьи о Лаппо-Данилевском, как признавал сам Черепнин в 1973 г., был «односторонне негативный характер»; «на характер критики, по его словам, наложили отпечаток... и общее направление, в котором иногда происходили научные дискуссии, и формы, которые они принимали»⁵. К настоящему времени возобладали более объективные и многосторонние оценки трудов Лаппо-Данилевского⁶ и Преснякова⁷, их вклад в науку. И члены редколлегии посмертно издан-

³ ААН, ф. 454, оп. 2, д. 553, л. 71—73.

⁴ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 55.

⁵ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М.,

1973, вып. 1, с. 51.

⁶ См. об этом: Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960—1984 гг.): Аналитический обзор/сост. И. Л. Беленький. М.: ИНИОН, 1985, с. 18—22.

⁷ Чирков С. В. А. Е. Пресняков как источниковед и археограф: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

ного сборника статей, выступлений и воспоминаний Черепнина «Отечественные историки XVIII—XX вв.», вышедшего в 1984 г., думается, справедливо поступили, не включив обе эти статьи в книгу.

Вступительное слово 1946 г. в большей мере, чем напечатанное позднее Введение, отражает этап размышлений ученого по проблематике методологии и методики источниковедения и отношение к их историографии в период работы над исследованием о русских феодальных архивах. И при переиздании этого ставшего уже классическим труда академика Л. В. Черепнина хорошо было бы в той же книге напечатать и его Вступительное слово.

С. О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Историей феодальных отношений в Северо-Восточной Руси XIV—XV веков занимались давно и много. После известных работ [Н. П.] Павлова-Сильванского появился ряд новых исследований на эту тему, освещающих различные стороны вопроса. Достаточно указать работы А. Е. Преснякова, Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского и других. Но до сих пор в исторической литературе отсутствует работа, которая была бы посвящена критическому анализу источников по раннему русскому феодализму. Я имею в виду при этом основную группу источников, наиболее важных — акты и законодательные памятники, так как летописные тексты получили уже блестящую разработку в трудах академика [А. А.] Шахматова и его школы. Потребность в разработке актов и источниковедения ощущается в настоящее время, как мне кажется, очень сильно. Без такой углубленной критической разработки актов и законодательных памятников XIV—XV вв. дальнейшее изучение феодальных отношений XIV—XV вв. лишено фундамента.

До сих пор исследователи часто пользовались источниками в качестве иллюстративного материала. Для характеристики определенных явлений феодальной жизни или определенного института феодального права выбирался обычно тот документ, который казался исследователям наиболее красочным и наиболее полно раскрывающим то или иное выдвигаемое положение. При этом часто забывали, что каждый источник сам по себе представляет историческое явление. Возникнув в определенных условиях места и времени, он носит на себе отпечаток именно этих условий, и поэтому не всегда можно предъявлять к данному источнику вопросы общего характера, на которые он просто не в силах ответить.

Таковы причины, которые побудили меня сделать попытку критического пересмотра документального материала по истории феодальных отношений XIV—XV веков и выяснить происхождение наиболее важных источников указанного типа. Одновременно речь идет и о расширении самого круга источников, доступных исследователям.

В каждой работе главное — метод, который определяет научную ценность выводов. Поэтому я позволю себе коротко охарактеризовать те приемы критического анализа документальных памятников, которым я следовал и которые определили конечные результаты моего исследования. Мне казалось очень важным и существенным применить к актовому материалу те методы изучения источников, которые себя так блестяще оправдали в отношении летописных текстов. Я имею в виду академика Шахматова и его учеников. Они исходят из предпосылки, что история русского летописания представляет собой историю создания летописных сводов, и стремятся к реконструкции таких не сохранившихся до нас в самостоятельном виде, а дошедших в позднейшей переработке, с позднейшими дополнениями, сводов.

Не менее существенной задачей применительно к актам XIV—XV вв. является восстановление феодальных архивных собраний указанного времени: Московского великокняжеского, архивов удельных князей Московского дома, Тверского и Рязанского великих княжеств, вольных

городов Новгорода и Пскова, Московской митрополичьей кафедры, ряда русских монастырей. Документы, которые хранились в этих архивах, представляют определенное единство и цельность по своему подбору, точно так же как цельность построения отличает и летописные своды.

Таким образом, в основу построения настоящей работы положена предпосылка о необходимости изучать происхождение каждого отдельного документа, представляющего для нас интерес, в связи с историей того феодального архива, к которому он относится.

Первые четыре очерка моего исследования рассматривают историю государственного архива Московского великого княжения, начиная со времени Калиты и кончая княжением Ивана III. Из документов Московского великокняжеского архива до нас сохранились по преимуществу духовные и договорные грамоты как великих, так и удельных князей. Мне казалось совершенно необходимым выяснить происхождение этого собрания. В результате целого ряда наблюдений удастся установить, что оно образовалось из собраний удельных князей Галицких, Можайских, Серпуховско-Боровских, Верейских и т. п., попавших в Москву после ликвидации этих уделов, в результате политической борьбы при Василии Темном и Иване III. Дошли до нас также фрагменты великокняжеских архивов Тверского и Рязанского, которые были вывезены в Москву во второй половине XV в.

Оказывается, можно выявить состав документов, которые относились к архиву того или иного княжения еще до того, когда они перешли в Москву. Основанием для такой реконструкции служит как изучение содержания документов, так и палеографический и дипломатический анализ сохранившихся грамот (изучение их почерка, формуляра, данные сфрагистики — наблюдение за печатями и пр.).

Таким образом, в первых четырех очерках моего исследования задача реконструкции феодальных архивных собраний, которые образовались в ряде политических центров XIV—XV вв., сочетается с попыткой проследить пути концентрации этих архивов в Москве в связи с объединительной политикой московских великих князей. История княжеских архивов отражает историю политических отношений XIV—XV вв.

Метод воссоздания цельных, когда-то самостоятельных княжеских архивных фондов периода феодальной раздробленности помогает гораздо глубже, полнее и всесторонне выяснить и происхождение каждого отдельного документа. Так, среди текстов междукняжеских соглашений оказываются проекты, выдвинутые одной стороной, участвовавшей в соглашении, но не принятые и отвергнутые другой. Некоторые договорные акты возникают на основе встречных предложений, которые отражают противоположные интересы и таким образом носят следы двойной редакции. Духовные московских князей неоднократно перерабатываются в связи с изменением политической обстановки. Духовные удельных князей редактируются в Москве, их общее содержание и отдельные формулировки меняются в соответствии с требованиями московской великокняжеской власти.

В целом ряде случаев мне удалось иначе датировать духовные и договорные грамоты, чем это было сделано предшествующими исследователями. Расположенные в иной хронологической последовательности, интерпретированные с иной точки зрения, документы иначе осветили характер междукняжеских отношений изучаемого периода.

Итак, путь, которым я шел в своем исследовании, таков: сначала выяснить историю того архивного фонда, к которому относится данный документ, а затем проследить историю самого документа в связи с породившей его обстановкой.

Применяю я в своем исследовании и еще один метод, который используется обычно (конечно, *mutatis mutandis* *) при изучении летописных сводов. Летописные памятники, с одной стороны, служат источником

* С известными оговорками; сообразно с иными обстоятельствами.

для воссоздания описываемых в них фактов, а с другой стороны, для понимания того, как составители сводов эти факты воспринимали и оценивали. Такое же двойное значение в качестве исторического источника имеют и духовные и договорные грамоты XIV—XV вв. Более ранние акты использовались князьями в политической борьбе более позднего времени. На них ссылались князья, предъявляя друг другу определенные требования, их интерпретировали по-разному, обосновывая те или иные политические притязания.

Вопросу об использовании памятников исторического прошлого в политической борьбе второй половины XV в. посвящен преимущественно 4-й очерк моей монографии, который касается государственного архива при Иване III. Мне удалось доказать, что в 80-х годах XV в. по специальному заданию московского великого князя составлялись копиянные книги духовных и договорных грамот, к которым прибегали для нужд государственного строительства.

Специальное внимание я уделяю также тем более поздним пометам 80—90-х годов XV века, которые имеются на более ранних актах. Эти пометы делались с определенными политическими целями. Именно по заданию Ивана III документы московского архива подбирались, систематизировались и использовались в борьбе за укрепление великокняжеской власти.

Итак, акты XIII—XV веков имели более длительную историю, чем это обычно принято думать. Они продолжали политически жить значительно позже своего возникновения.

Изложенные приемы изучения духовных и договорных грамот, как мне кажется, отличаются от тех, которыми пользовались предшествующие исследователи — [С. М.] Соловьев, [Б. Н.] Чичерин и другие. Они рассматривали духовные и договорные грамоты суммарно, как материал, отражающий общие нормы княжеского права. Они не пытались вскрыть судьбу отдельных феодальных архивных собраний, не пытались проследить происхождение отдельных фондов. Нужно отметить и тот совершенно необъяснимый факт, что все исследователи, за исключением А. Е. Преснякова, пользовались и продолжают пользоваться далеко не удовлетворительно изданным «Собранием государственных грамот и договоров», куда вошли не все тексты, а в напечатанных актах воспроизведены не все существенные детали.

В дошедшем до нас собрании духовных и договорных грамот имеются значительные пробелы ввиду гибели целого ряда документов. Восстановить эти пробелы помогают сохранившиеся описи Царского архива XVI—XVII вв. Исследователи до сих пор использовали только опись XVI в., так как она напечатана в «Актах Археографической экспедиции» (хотя и плохо) и была доступна. Оставались совершенно неиспользованными описи Посольского приказа 1614—1626 гг., а они-то представляют наибольший интерес, потому что описывают документы великокняжеского архива со всеми подробностями, останавливаются на их содержании, на их внешних признаках, причем касаются не только сохранившихся актов, но и исчезнувших.

Укажу, например, на то, что в описи 1626 г. упоминается совершенно до сих пор неизвестный исследователям проект московско-литовского соглашения о женитьбе литовского князя Ягайла на дочери Дмитрия Донского. Я консультировался по этому вопросу с Владимиром Ивановичем Пичета, и он подтвердил, что этот документ неизвестен не только русским историкам, но и историкам польским. И целый ряд других московско-литовских договоров, не дошедших до нас, упоминается с точной датировкой в этой описи 1626 г. Поразительно, что до сих пор они не были введены в научный оборот.

Пятый и шестой очерки моего исследования посвящены документам, касающимся взаимоотношений Великого Новгорода с великими князьями. Обычно принято думать, что эти документы представляют собой остатки новгородского государственного архива периода самостоятельного

сти, вывезенного в Москву Иваном III после завоевания Новгорода в 1478 г. Детальный анализ источников убедил меня в неправильности такой точки зрения.

Все сохранившиеся акты можно разбить на две основные группы. С одной стороны, это договорные грамоты Новгорода с тверскими князьями. Они сохранились в подлинниках и представляют собой фрагмент не новгородского, а тверского государственного архива, конфискованного в 1485 г. после присоединения Твери. С другой стороны, все сохранившиеся московско-новгородские договорные тексты дошли до нас только в виде копий на страницах одного сборника, который был составлен в Москве в 70-х гг. XV века, в связи с походами Ивана III на Новгород.

Как в главах, посвященных великокняжескому архиву, так и в очерках, рассматривающих новгородские документы, я все время пытаюсь вскрыть происхождение каждого отдельного памятника, выяснить наличие в нем той или иной редакции, отражающей московские, новгородские, тверские интересы. Я стараюсь сопоставлять проекты, выдвинутые разными сторонами и послужившие основой для принятия окончательного договора.

Очень существенным мне казалось выяснить причины составления сборника копий с новгородско-московских актов, который появился в Москве в 70-х гг. XV века. Он преследовал политические цели, должен был обосновать наступление Ивана III на новгородские вольности. Поэтому все документы в сборнике подобраны по определенному принципу, между ними имеется внутренняя связь, они расположены не в хронологическом, но в определенном систематическом порядке. Поэтому сборник отличается цельностью.

Такой подход к документам позволил мне внести ряд поправок в укоренившиеся точки зрения. Я выяснил, что Новгородская судная грамота была скопирована не полностью, и по определенным политическим соображениям значительная часть памятника не попала на страницы московского сборника. Естественно, я должен был поставить и разрешить вопрос о том, что же представлял собой этот памятник в первоначальном виде, до тех пор пока его еще не коснулась московская рука.

Темой седьмого очерка является документальное наследие государственного архива г. Пскова. Здесь я рассматриваю историю текста Псковской судной грамоты. Предпосылкой для ее изучения является признание сохранившегося до нас текста московской редакции 70–80-х гг. XV в. памятника псковского права. Устанавливается внутренняя связь между составлением в Москве в 70-х гг. сборника копий новгородских документов и московской редакцией Псковской судной грамоты. Появляется основание говорить, что в последней четверти XV в. в Москве производились большие кодификационные работы по собиранию местных памятников права.

Мне казалось существенным восстановить домосковские редакции Псковской грамоты. Обычно считалось, что статьи памятника расположены в хронологическом порядке. Поэтому для восстановления составных частей грамоты казалось достаточным механически разбить ее на отдельные куски. Вопрос шел только о том, как разбить? Я считаю, что состав Псковской судной грамоты, так же как и Новгородской, значительно сложнее. Нужно говорить не о механическом своде частей, а об объединенных редакциях памятника, причем каждая новая редакция не только дополняла, но и видоизменяла прежнюю, проводила определенную перегруппировку статей и т. д.

С 8-го очерка я подвергаю анализу актовый материал, который сохранился в церковных и монастырских архивах. Значительная часть документов дошла до нас не в подлинниках, а в сборниках копий. Поэтому я предпринял специальное исследование о происхождении копийных книг монастырских и церковных документов. Я различаю среди них сборники земельных актов типа средневековых картулариев и сборник образцовых грамот типа формулярников. Я считаю, что заниматься историей тех и

других следует в связи с одновременными им сборниками духовных и договорных грамот, составленными по заданию московской великокняжеской власти. Действительно, древнейший митрополичий формулярник относится к 70-м годам XV века. Таким образом, он хронологически совпадает со сборником московско-новгородских документов. Древнейшая монастырская копия книга Кирилло-Белозерского монастыря относится к 1485 г. и связана с определенными задачами московской великокняжеской власти в связи с присоединением Белозерского удела. Таким образом, толчком к созданию как великокняжеских, так и монастырских копийных книг являлись определенные политические потребности, вызванные процессом образования Русского национального государства.

Дальнейшую историю копийных книг на протяжении XVI—XVII вв. я рассматриваю в связи с историей великокняжеской и царской политики в отношении церковного землевладения и в связи с историей крестьянского закрепощения. Оказывается, что даты составления отдельных копийных книг совпадают с теми моментами, когда в особенно острой форме вставал вопрос о праве церкви владеть недвижимыми имуществами, и с узловыми вопросами в истории закрепощения крестьян.

От критического разбора церковных копийных книг я перехожу к наиболее важным разновидностям актов, которые сохранились как на страницах этих книг, так и в подлинниках. Я выясняю значение жалованных и других грамот для истории иммунитета, прекарной системы, выясняю их значение, их роль в качестве орудий великокняжеской политики.

Последний очерк посвящен истории Судебника Ивана III. Как это ни странно, несмотря на то что Судебник сохранился только в единственном списке, этим списком, кроме [Н. М.] Карамзина, никто не пользовался. И вот изучение этого списка привело меня к важным выводам. Прежде всего пришлось отказаться от того весьма искусственного деления Судебника на статьи, которое вошло в нашу историческую науку с легкой руки [М. Ф.] Владимирского-Буданова. В самом памятнике гораздо более продуманное, более стройное деление на статьи, которое дается путем киноварных заголовков и инициалов. Сравнительное изучение Судебника в контексте с другими аналогичными памятниками XV—XVI вв. (губная запись 70-х XV в., духовная Ивана III, Судебник Ивана IV) позволило мне восстановить историю текста этого памятника, и прежде всего его протограф, который относится к 1497—1498 гг.

Самое создание памятника я рассматриваю в связи с той династической борьбой, которая развертывалась в семействе Ивана III в 90-х гг. XV в. Критический анализ Типографской летописи позволяет разрушить легенду о Вл. Гусеве как составителе Судебника. Но тот же анализ показывает, что имела связь между опубликованием Судебника и казнью Гусева и его сообщников в 1497 г. Самое опубликование Судебника я считаю торжественным актом великокняжеской власти в период ее укрепления, изданным в связи с коронацией внука Ивана III Дмитрия Ивановича. Внутренняя критика Судебника, наблюдение над повторяющимися в нем статьями, сопоставление его с более ранними памятниками права позволяют мне говорить, что некоторые составные части его относятся еще к 80-м годам XV в.

Такова структура моей работы. Должен сказать, что очень много внимания и времени пришлось мне уделить внешней критике памятников, но эта внешняя критика служила для меня средством понять социально-экономическое и политическое значение каждого отдельного источника.

Я прекрасно понимаю, что в моем исследовании есть много спорных моментов, так как материал не позволил мне осветить все стороны с той долей убедительности, которая была бы нужна. Я знаю о ряде несовершенств своей работы. Но когда я писал свое исследование, мною все время руководило сознание необходимости его для нужд исторического построения. Мною руководило также убеждение, что тот метод, который мною применялся в этом исследовании, в основном себя оправдал.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1985 г.

24 января состоялось совместное заседание Коллегии Главархива РСФСР и Археографической комиссии «Об улучшении собирания и охраны старинных документальных памятников в РСФСР»¹.

25 января в ЛОИИ состоялось совместное заседание Ученого совета ЛОИИ, Археографической комиссии и ее Ленинградского отделения, посвященное 150-летию Петербургской Археографической комиссии².

Сотрудники Археографической комиссии приняли участие в подготовке и проведении состоявшейся 26–30 марта в Ленинграде научной конференции «Система описания памятников средневековой книжности. Нарративные памятники по истории и культуре балканских народов и методика их описания», проходившей в связи с третьим рабочим совещанием комиссии рукописей СИБАЛ³. С. О. Шмидт, А. А. Турилов, Н. Б. Шеламанова совместно с Л. П. Жуковской (ИРЯ) подготовили для пленарного заседания доклад «Рукописные книги балканского происхождения в издании «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР»; А. А. Турилов совместно с А. В. Лебедевым (ИФ), А. И. Просвириным («Журнал Московской патриархии»), Н. Б. Тихомировым (ГБЛ) выступил с докладом, в котором подведены итоги ознакомления с рукописными собраниями библиотеки Пантелеймонова монастыря на Афоне (по материалам поездки 1983 г.). О. А. Князевская выступила с сообщением «Древнейший список жития Мефодия и новые издания связанных с ним древнеславянских агиографических сочинений по спискам XII–XV вв.».

На состоявшейся 27–28 марта Всесоюзной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социализма», организованной Главархивом СССР, выступил В. А. Черных (АК) с докладом «О комплексном описании документальных памятников». Доклад С. О. Шмидта «Историческая наука и архивы» опубликован в сборнике материалов конференции (М., 1985, вып. 2).

18 апреля на заседании Междуведственного научно-методического совета при Главархиве СССР по работе с документами личного происхождения, посвященном вопросам собирания, обеспечения сохранности и передачи на государственное хранение документов участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, были заслушаны доклад С. О. Шмидта и сообщение А. А. Курносова (АК).

А. А. Курносов в качестве члена оргкомитета принял деятельное участие в организации и проведении в апреле – мае выставки «Книга сражается», организованной Госкомиздатом, Обществами любителей книги СССР и РСФСР к 40-летию Победы⁴.

25 апреля состоялось заседание, посвященное памяти председателя Археографической комиссии члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова «В. И. Шунков на фронтах Великой Отечественной войны»⁵.

15–16 мая состоялось научно-методическое совещание по проблемам актовой археологии, организованное Институтом истории СССР АН СССР и Археографической комиссией⁶.

2 июля на заседании комиссии О. А. Князевская выступила с сообщением о научной командировке в Австрию. В ходе поездки она читала лекции в Институте славянской филологии при Венском университете и Университете г. Граца по палеографии русских рукописей XI–XIV вв. Кроме того, проводилась работа в Венской национальной библиотеке по изучению пергаменной рукописи XIII в. галицко-волянского происхождения – Венского Октоиха.

10 сентября на заседании комиссии сообщения об участии в международных научных конференциях сделала О. А. Князевская, выступавшая на Международном коллоквиуме по староболгаристике (август, София) с докладом «Древнейший список хроники Георгия Амартола», и Б. Н. Морозов (АК), выступавший на Шестом международном конгрессе финно-угроведов (июль, Сыктывкар) с докладом «Хозяйство и быт

¹ См. наст. изд.

² См. наст. изд.

³ Информацию о заседании см.: ВИ, 1985, № 8, с. 151–152; СА, 1985, № 5, с. 90–91.

⁴ О работе этой выставки см.: Поздеева И., Самсонов А. Книга грозных лет. — Коммунист, 1985, № 17, с. 122–126.

⁵ См. наст. изд.

⁶ См. наст. изд.

крестьян Коми края в XVII в. (по материалам частных архивов)).

6 декабря состоялось заседание комиссии, на котором был заслушан доклад *М. И. Фейнберга* «Об архиве литературоведа, участника Великой Отечественной войны Ильи Львовича Фейнберга».

Открывая заседание, *С. О. Шмидт* отметил большой вклад *И. Л. Фейнберга* в отечественное пушкиноведение. Одной из его заслуг было открытие Пушкина как выдающегося историка, введение в научный оборот, исследование и публикация черновики пушкинских историографических сочинений и фрагментов исторической прозы. Выходом в свет посмертных книг ученого «Упущенный черновик Пушкина» (М., 1981), «Читая тетради Пушкина» (М., 1982; М., 1985), «Абрам Петрович Ганнибал» (М., 1983) мы обязаны *М. И. Фейнбергу*, продолжающей в настоящее время работу по подготовке к печати оставшихся неопубликованными материалов. *С. О. Шмидт* подчеркнул профессиональный интерес археографов к этой работе с незавершенными исследованиями, в которой сочетается комплексное использование архивных материалов, рабочей библиотеки и памяти человека, посвященного в творческие планы и замыслы ученого. Особое значение имеют материалы архива периода Великой Отечественной войны. *И. Л. Фейнберг* в годы войны находился в составе действующей армии в качестве фронтового корреспондента и наряду с этим продолжал пропаганду культурного наследия, выступая с лекциями о Пушкине.

М. И. Фейнберг, рассказав биографию ученого, отметила, что получение им двух университетских образований — юриста и филолога — во многом определило направление его творчества, в котором большую роль играло изучение подлинных документов. Это проявилось в одной из первых его работ, посвященных первой мировой войне — «1914-й» (М., 1934). В дальнейшем *И. Л. Фейнберг* полностью посвятил себя изучению творчества и личности Пушкина.

Архив Фейнберга не столь значителен по объему, что объясняется в первую очередь уникальностью его памяти. Подготовительные материалы представляют лишь сокращенные записи основных мыслей, общие идеи исследования. Тематически архив четко разделяется на две части. Первая отражает работу по изучению творчества Пушкина, вторая состоит из материалов, посвященных Великой Отечественной войне.

Большая часть неопубликованных пушкиноведческих исследований издана в последние годы. При этом проводилась значительная работа не только по реконструкции незавершенных текстов ученого, но и по воплощению его замыслов, высказанных в устных беседах. С другой стороны, уделялось максимальное внимание к сохранению авторского стиля и языка. Так, положенные в основу публикации магнитофонные записи не подвергались редактиро-

ванию и отражают особенности живой речи Фейнберга.

Работа по подготовке к изданию материалов из архива *И. Л. Фейнберга* о Великой Отечественной войне только начинается: имеются отдельные публикации⁷. Среди них наибольший интерес представляет комплекс фронтовых дневниковых записей (авторское название «Для дневника»). В качестве фронтового корреспондента ТАСС и журнала «Краснофлотец» Фейнберг принимал непосредственное участие в боевых операциях кораблей Черноморского и Северного флотов. Записи об этих событиях являются ценным историческим источником. Значительное место во фронтовом дневнике занимают записи о встречах и беседах с людьми от видных советских военачальников (генерал *И. Е. Петров*, адмирал *А. Г. Головкин*) до рядовых участников войны, в том числе волнующие записи бесед с детьми, воспитывавшимися на кораблях, и погибшими вместе с ними. Фейнберг даже в самые тяжелые периоды боевых действий продолжал выступать с лекциями о Пушкине на кораблях и в воинских частях. В записях отразились наблюдения ученого об интересе моряков и солдат к творчеству великого поэта. Сохранились в архиве и материалы, связанные с инициативой Фейнберга по сохранению в 1945 г. при освобождении советскими войсками Чехословакии замка Бродяны, в котором хранились пушкинские реликвии.

После доклада *М. И. Фейнберг* ответила на многочисленные вопросы присутствующих: о перспективах изданий работ *И. Л. Фейнберга*, о письмах пушкинистов в архиве ученого, о его встречах с *А. А. Ахматовой*, секретарем *Л. Н. Толстого* *Н. Н. Гусевым*, *С. Я. Маршак*ом, *К. М. Симоновым*.

Выступивший на заседании *В. А. Черных* сказал, что заслушанный доклад представляет большой интерес в двух аспектах. Первый — общекультурный: новые сведения о личности и творчестве выдающегося ученого-пушкиниста. Второй — чисто профессиональный: изучение типологии личного архива исследователя-литературоведа. Не может быть двух одинаковых архивов, как не может быть двух одинаковых людей, а тем более ученых. Творческие архивы могут значительно отличаться по составу. В одних, как мы могли услышать, самое главное — записные книжки, в других — переписка; некоторые исследователи относятся к книге как библиофилы, у других библиотеки составляют единое целое с архивом и пометы на книгах являются подготовительным материалом. ЦГАЛИ, активно собирающему архивы писателей, необходимо обратить более пристальное внимание на архивы литературоведов. *И. Б. Шеламанова* отметила, что военные дневники Фейнберга

⁷ В мире книг, 1985, № 6; Детская литература, 1985, № 5; Литературная Россия, 1985, № 43; Огонек, 1985, № 37; 1986, № 5; День поэзии, 1985. М., 1986.

заслуживают издания в виде отдельной книги, а также высказала пожелание автору доклада самой написать воспоминания.

С. О. Шмидт, подводя итоги заседания, подчеркнул важность доклада и в плане собственно археографических и архивоведческих проблем. Предполагается, что выступление *М. И. Фейнберг* станет основой статьи этой тематики в «Археографическом ежегоднике».

10 декабря *С. О. Шмидт* выступил на научно-методическом семинаре «Выявление и учет редких книг из состава библиотек музеев в основной музейный фонд. Методика описания, принцип формирования и использования коллекций книг в музеях РСФСР», организованном Министерством культуры РСФСР, с докладом «О координации работы по выявлению, описанию и использованию редких книг в хранилищах РСФСР».

Сотрудники Археографической комиссии приняли участие в состоявшихся 16–18 декабря Федоровских чтениях, организованных Научным советом по истории мировой культуры АН СССР, Всесоюзной книжной палатой, ГБЛ и Всесоюзным обществом любителей книги. *С. О. Шмидт* выступил на пленарном заседании с докладом «Актуальные проблемы советской археографии». На секционных заседаниях выступили с сообщениями: *В. Ю. Афиани* и *М. П. Мироненко* — «Подготовка Каталога личных архивных фондов отечественных ученых-историков и вопросы изучения истории книжности», *А. А. Турилов* — «Памятник казанского книгопечатания XVI в. и судьба московской анонимной типографии», *С. В. Чирков* — «Источники для изучения факсимильных изданий XIX — начала XX в.».

29 декабря состоялось заседание ко-

миссии, посвященное 160-летию восстания декабристов. Был заслушан доклад *С. В. Мироненко* (Институт Истории АН СССР) «60-летие издания документальной серии „Восстание декабристов“» (доклад будет опубликован в АЕ за 1986 год). Доклад вызвал оживленную дискуссию. Сотрудники комиссии *В. А. Черных*, *Ю. В. Андрушайтите*, *А. А. Курносов*, *В. Ю. Афиани*, *Н. Б. Шеламанова*, *С. О. Шмидт* отметили важность изучения истории публикации источников о движении декабристов и в плане историографическом (расширение тематики исследований), и в плане истории советской археографии (изменения в принципах издания). Были высказаны пожелания о скорейшем завершении издания (а возможно, и переиздания первых томов) материалов следствия над декабристами, являющихся источниками не только по истории движения и общественно-политических взглядов его участников, но и ценными источниками для изучения русского общества первой четверти XIX в. в целом. Выступавшие отмечали необходимость усиления работы по популяризации достижений советской исторической науки в области изучения движения декабристов, в частности освещения средствами массовой информации (телевидение, радио, печать) работы ученых с документальными памятниками.

Планировавшееся на декабрь 1985 г. пленарное заседание Археографической комиссии по обсуждению доклада начальника Главархива РСФСР *Е. Ф. Сошина* «Главархив РСФСР к 40-летию Победы» состоялось 14 января 1986 г. (статья на тему выступления будет опубликована в АЕ за 1986 год).

Б. Н. Морозов

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской Метрики. Вильнюс, 1985. 133 с. Ротапринт. (Институт истории СССР, Археографическая

комиссия. Институт истории АН Литовской ССР. ЦГАДА)/Сост. *А. Л. Хорошкевич*, *С. М. Каштанов*; Отв. ред. *В. Т. Пашуто*, *Ю. М. Юргинис*.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

Вышел в свет ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины», т. 17 (отв. ред. *В. А. Шишкин*, Л., 1985).

17 октября на заседании отделения был заслушан и обсужден доклад *Н. Н. Покровского* (Новосибирск) «Тарские книжные реестры 1722 г. и проблемы народной идеологии».

13 декабря состоялось годовичное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1985 г. *Г. В. Маркелов* (ИРЛИ) сообщил, что, помимо рукописных книг, полученных

в результате экспедиции, Древлехранилище ИРЛИ пополнилось ценными рукописями, приобретенными от различных лиц и через букинистические магазины. Среди них — Цветная триодь XVII в., старообрядческие сборники. От коллекционера *Е. А. Бобкова* безвозмездно получены три рукописных сборника. Пополнились также личные собрания *С. Г. Евсеева*, *В. Н. Перетца*, *Ф. А. Каликина*, созданные в ИРЛИ. *Л. А. Петрова* (БАН) рассказала об экспедиции в Прибалтику, состоявшейся в октябре 1984 г. *Н. Ю. Бубнов* (БАН) сообщил, что и в БАН в последнее время среди новых поступлений растет

удельный вес книг и рукописей, приобретаемых у частных лиц через букинистические магазины. Получена, в частности, коллекция А. М. Епифанова, состоящая из 25 рукописных и 75 старопечатных книг. Среди рукописей — певческие крюковые, украшенные миниатюрами. В печатных книгах много маргиналий. А. Г. Бобров (ГПБ) доложил результаты экспедиции в Псковскую обл. Н. В. Шухтина (ЛГУ) рассказала о совместной с ИРЛИ экспедиции на Пинегу. А. А. Амосов (БАН) сообщил о результатах выполнения «Вологодской программы». За шесть лет эта программа, в осуществлении которой наряду с ВГПИ и областным отделением ВООПИК приняли участие сотрудники Археографической комиссии, ЦМР СССР и БАН, практически завершена. Описаны и каталогизированы рукописи, редкие книги, документы XV—XX вв. во всех музеях и библиотеках Вологодской обл. Описание составило 13 томов, издание которых под общей редакцией П. А. Колесникова завершается. Опыт осуществления «Вологодской программы» изучается и используется в ряде областей РСФСР. Н. С. Демкова (ЛГУ) затронула вопрос об улучшении подготовки кадров археографов, подчеркнув важность сотрудничества вузов с академическими научными учреждениями и хранилищами рукописей. А. С. Мыльников (ЛЮ ИИЕТ) обратил внимание на важность фиксации в ходе экспедиций легенд и воспоминаний о событиях как далекого, так и недавнего прошлого. М. В. Кукушкина (БАН) указала на необходимость урегулирования финансовых вопросов, связанных с приобретением рукописей у населения. С кратким заключительным словом выступил председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии А. И. Копанев.

Северное

Вышли в свет три части научного описания «Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель/Под общей ред. П. А. Колесникова: ч. 3, [вып. 1]. Книги гражданской печати (1718—1825 гг.)/Отв. сост. А. А. Амосов. Сост.: Б. Н. Морозов, В. В. Морозов, С. А. Морозов, Н. И. Решетников. Вологда, 1984. 359 с. (БАН, Северное отд-ние Археографической комиссии, ВГПИ, Управление культуры Вологодского облисполкома, Секция документальных памятников ВООПИК); ч. 3, вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709—1825 гг.)/Сост. Н. Н. Малинина (при участии А. А. Амосова и В. В. Морозова). Вологда, 1985. 208 с. (БАН, ВОКМ, Северное отделение Археографической комиссии, ВГПИ, Управление культуры Вологодского облисполкома, Секция документальных памятников ВООПИК, Вологодское областное отделение ДОК); ч. 4, вып. 1. Документы дореволюционного периода/Отв. сост. А. А. Амосов. Сост.: Б. Н. Морозов, В. В. Морозов, С. А. Морозов. Вологда, 1985. 212 с. (БАН, Северное отделение Археографи-

ческой комиссии, ВГПИ, Управление культуры Вологодского облисполкома, Секция документальных памятников ВООПИК). В приложениях к ч. 4, вып. 1 опубликованы новые документы о строительной деятельности Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. и опись Спасо-Каменного монастыря 1628 г.

Уральское

Продолжается работа по научному описанию рукописных и книжных собраний музеев Урала. Закончены описания собраний рукописных и старопечатных книг Свердловского и Курганского областных краеведческих музеев, Челябинской картинной галереи; продолжается описание фондов Березниковского краеведческого музея Пермской обл.

Южноуральское

Группа археографии и текстологии ИИЯЛ БФАН продолжает работу по научному описанию рукописей на восточных языках, собранных археографическими экспедициями. Руководитель работы — И. Г. Галаутдинов. Готовится к печати сборник статей «Источниковедение и археография на Южном Урале».

Сибирское

Вышел в свет сборник статей «Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма» (Археография и источниковедение Сибири, вып. IX)/Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1985. 256 с. Сданы в печать два последующих сборника этой серии.

Отделом редкой книги ГПНТБ СО АН и кафедрой литературы НГУ проведена подготовительная работа по составлению описаний для Сводного каталога рукописей и старопечатных книг Сибири (руководители работы — В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп). Опубликованы методические указания по описанию рукописей и старопечатных книг (авторы — В. Н. Алексеев, Г. А. Лончакова) и описание рукописей Томского областного краеведческого музея (в кн.: Русская книга дореволюционной Сибири. Новосибирск, 1985). В июне 1985 г. на базе ГПНТБ СО АН проведен семинар для работников библиотек и музеев Сибири, хранящих фонды редких книг и рукописей. На семинаре обсуждены вопросы первичного описания рукописных и старопечатных книг, даны методические указания по их описанию, проведены занятия по палеографии и филологической. Выставки книг, полученных в ходе археографических экспедиций, были организованы в НГУ и Доме ученых СО АН; регулярно проводились экскурсии по книжным экспозициям ГПНТБ и ИИФФ СО АН.

Решением Томского облисполкома от 30 июля 1985 г. создан научный координационный совет по археографической работе на территории Томской обл. Этот совет, являющийся подразделением Сибирского отделения Археографической комиссии, будет координировать работу по проведению археографических экспе-

дичий, собиранию, хранению и научно-му описанию рукописей и редких книг, осуществляемым ТГУ, архивами, библиотеками и музеями Томской обл. Утверждено Положением о работе совета. Председателем совета утвержден ректор Томского университета Ю. С. Макушкин, секретарем — О. Н. Бахтина.

Секция восточной археографии

Разработан перспективный план работ в области восточной археографии на 1986—1990 гг. План предусматривает, в частности, продолжение научного описания и каталогизации рукописей в востоковедческих центрах Ленинграда, Казани, Уфы, Махачкалы, Ташкента, Душанбе, Баку, Тбилиси, Еревана; проведение археографических экспедиций; продолжение издания серии публикаций «Памятники письменности Востока»; издание ежегодника «Письменные памятники Востока»; проведение всесоюзных и региональных конференций по проблемам восточной археографии и текстологии.

Западноевропейская секция

11 декабря в БАН состоялось заседание Западноевропейской секции Археографической комиссии АН СССР. В связи с кончиной в 1980 г. проф. А. Д. Люблинской председателем секции избрана главный хранитель ОР ГПБ Т. П. Воронова, секретарем — Л. И. Киселева (БАН). На заседании обсуждена и утверждена схема описания для Сводного каталога западноевропейских музыкальных рукописей. Заслушано также сообщение заведующей Отделом рукописей Государ-

ственного Эрмитажа К. Н. Грязевой о планах подготовки каталога западноевропейских рукописей.

* * *

В Ярославском государственном университете создана Лаборатория археографических исследований для организации планомерных археографических экспедиций, подготовки студентов по основам археографии и специальным историческим дисциплинам, выявления и описания редких книг и рукописей, находящихся в районных музеях и библиотеках Ярославской обл., а также получаемых в ходе экспедиций, использования их при написании курсовых и дипломных работ. Руководителем лаборатории утверждена А. А. Севастьянова.

В ЯГУ состоялась выставка редких книг и рукописей, полученных за пять лет деятельности Ярославской археографической экспедиции.

* * *

Активизировалось комплектование Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника старинными документальными памятниками. В 1985 г. музей приобрел 6 рукописных книг, 19 старопечатных книг, 1 свиток XVIII в. Среди рукописей — Евангелие XV в., сборники слов, поучений, житий XVII—XVIII вв.; в числе старопечатных книг — издания Московского печатного двора XVII в.: *Миней общая с праздничной* (1645 и 1660 гг.), *Почтения Ефрема Сирина* и *Аввы Дорофея* (1652), *Апостол* (1694).

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1985 г.

1. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ

Древлехранилище ИРЛИ совместно с филологическим факультетом ЛГУ провело экспедицию в Архангельскую обл. (на р. Пинеге). Руководитель М. В. Мелихов). Археографы БАН продолжили работу в Литовской ССР (руководитель А. А. Амосов). ГПБ совместно с Псковским музеем-заповедником вела работы в Псковской обл. (руководитель А. Г. Бобров).

Археографическая группа МГУ проводила комплексные исследования в западных районах Пермской обл. (совместно с Пермским университетом, Пермским областным и Ильинским районными краеведческими музеями; руководители: И. В. Поздеева, А. Д. Паскаль — МГУ, Г. Н. Чагин — ПГУ, О. Л. Кутьев — ПОКМ), а также организовала экспедиции в Поволжье (Саратовская, Пензенская, Волгоградская, Астраханская обл.; руководитель Е. В. Смилянская), в Украинскую и Молдавскую ССР (Е. В. Смилянская), в Москву, Подмосковье, Калужскую обл. (И. В. Поздеева, Н. А. Кобяк).

Сибирское отделение Археографической комиссии, объединяющее работу археографов ИИФФ СО АН, ГПНТБ СО АН, НГУ и ТГУ, провело экспедиции в Хабаровский край (руководители В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, Л. А. Ситников), Приморский край и Кемеровскую обл. (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп), Томскую обл. (О. Н. Бахтина), Киргизскую ССР (Н. С. Гурьянова).

В экспедициях Уральского отделения Археографической комиссии, организуемых лабораторией археографических исследований УГУ, приняли участие сотрудники Отдела истории Института экономики УНЦ АН, Пермской областной публичной библиотеки, преподаватели и студенты Уральской государственной консерватории, Свердловского педагогического института. Их работа проходила на территории Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской, Тюменской, Кировской, Куйбышевской областей, Башкирской и Удмуртской АССР (руководитель экспедиции В. И. Байдин, руководители отрядов: Н. Н. Бар-

минская, О. К. Беляева, А. А. Гриненко, Л. А. Дашкевич, А. Т. Шашков).

Археографические экспедиции ГГУ (руководитель Т. В. Черторицкая), ЯГУ (А. А. Севастьянова) работали в пределах соответствующих областей.

В ходе названных экспедиций получено 307 рукописей и 188 старопечатных книг кириллической традиции.

Пишеежское собрание Древлехранилища ИРЛИ пополнилось 48 рукописями (XVI в. — 4, XVII в. — 3). Среди них — Стихирарь постный первой четверти XVI в., Пролог на март — август 50-х — 80-х годов XVI в., Изумруд третьей четверти XVI в., Минея служебная XVI в., Евангелие-тетр второй четверти XVII в., сборник певческий (крюковой) середины XVII в., Устав церковный 80-х годов XVII в. Получен также небольшой, но разнообразный по составу архив пинежских крестьян Томиловых, не являвшихся старообрядцами, но внесших вклад в книгописную традицию. Несколько рукописей (сборники житий, заговоры) были переписаны в 60–70-х годах XIX в. отставным унтер-офицером Василием Томиловым.

В БАН поступили 17 рукописей XVIII–XX вв., в том числе роскошно орнаментированный крюковой Октоих и Поморские ответы и 3 кириллических издания (XVII в. — 1). Среди рукописей, включенных в Двинское собрание, несколько единиц происходит из библиотеки крупнейшего знатока древнерусского крюкового пения и известного книголюбца — Л. С. Михайлова (1914–1985). ГПБ пополнилась тремя рукописными сборниками XIX в. и одним кириллическим изданием (Евангелие учительное. Вильно, тип. Мамоничей, 1595). Три издания (XVII в. — 1), полученные в ходе совместной экспедиции, поступили в ПОКМ.

Научная библиотека МГУ пополнилась 54 рукописями (XV в. — 1, XVI в. — 1, XVII в. — 2) и 28 старопечатными книгами (XVI в. — 3, XVII в. — 18). Наиболее ценными находками, полученными в Верхоямье (Пермская обл.), являются Минея за ноябрь в списке XV в. с необычными включениями и Минея за август в списке XVI в. Отряды Поволжской экспедиции собрали ценные фольклорные материалы (в том числе записи крюкового пения); получено восемь рукописей конца XVIII–XIX в., в том числе сборник со списками «Хожения» Трифона Коробейникова и «Уверения о крещении Руси», старообрядческие полемические сочинения (прежде всего по вопросам брака), певческие рукописи местного письма второй половины XIX в. В Москве и Подмоскovie приобретены 23 рукописи и 11 кириллических книг XVII–XX вв. Среди них — рукописный сборник XVII — начала XVIII в., содержащий список Арифметики, астрономические статьи и таблицы, Землемерие, а также «Главник русскому товару и немецкому» и «Память товарам немецким и всяким». Замечателен также Стиховник XVIII в., содержащий, помимо псалмов, светские

песни (некоторые из них сопровождаются нотными записями). Другой сборник XVIII в. содержит наиболее популярные в старообрядческой среде произведения эсхатологического и апокрифического характера, в том числе Повесть о путешествии Иоанна, архиепископа Новгородского, на бесе в Царьград. Из старопечатных книг в Научную библиотеку МГУ поступили первыми экземплярами Поучительные слова Ефрема Сирина (Москва, Печатный двор, 29 VIII. 1667) с записью 1670 г. о вкладе царя Алексея Михайловича в Алатырский уезд в поминовение царицы Марии Ильиничны и Апостол (Москва, Печатный двор, 1679) с записью стольника Приклонского. Получены также издания: Кирилл Транквилион. Зерцало богословия (Унев, 1 IX. 1692) и Лимонарь Софрония Иерусалимского (Киев, Спиридон Соболев, 1628). На Украине и в Молдавии получено 11 рукописей XVIII–XIX вв. и 11 кириллических изданий (XVI в. — 3, XVII в. — 6). Среди рукописей — Сборник слов и поучений на основные праздники года (XVIII в.), список «Истории об отце и страдальцах соловецких» (1830), лицевой календарь с объяснением Руки Дамаскина (середина XIX в.); из четырех певчих крюковых рукописей — два списка Ирмосов, орнаментированные в поморском стиле (вторая половина XVIII в. 4°); у поморов Полесья приобретена Азбука крюкового пения (середина XIX в. 8°); в Молдавии получен певчий Октоих 1830 г. с записью писца — уральского войскового старшины. Среди печатных книг — Апостол Ивана Федорова (Львов, 15 II. 1574) с записями, свидетельствующими о его бытовании в течение более 200 лет на юге Украины и в Молдавии; Евангелие (Вильно, П. Т. Мстиславец; 30 VII. 1575) с купчей записью конца XVI — начала XVII вв.; Браншо духовное (Могилев, Спиридон Соболев, 1640-е годы). Трефологион на полный год (Кутеин, 1647) с рукописными дополнениями середины XVII в., превышающими по объему само издание (более 300 л.), и записью дарственно-завещательного характера. На восьми книгах имеются владельческие записи. Так, Минею общую (Москва, Печатный двор, 20 I. 1637) вложил царь Михаил Федорович, «в Переяславль Залесский в церковь Петра Митрополита, что на его государеве дворе лета 7147»; на декабрьской Минее (Москва, Печатный двор, 1 IV. 1636) — вкладная запись князя Ю. М. Одоевского. В ходе экспедиции обследованы и поставлены на учет книжные коллекции 14 старообрядческих церквей и молитвенных домов и ряд личных собраний.

В ходе совместной комплексной экспедиции, организованной Пермским областным краеведческим музеем совместно с МГУ и Ильинским районным краеведческим музеем Пермской области, наряду с многочисленными памятниками материальной культуры, изобразительного и прикладного искусства получены 37 рукописей (XVI в. — 1, XVII в. — 1) и 19 кириллических изданий (XVI в. — 1,

XVII в.—4), в том числе список Пролога XVI в., рукописный сборник начала XVII в. с записью: «Сия книга, глаголемая соборник Обвенского Поречья Георгиевской церкви, что на Кривце в вотчине именитого человека Григория Димитриевича Строганова; избраны вещи из иных многих изрядных книг о Иоанне Богослове и синокарси и всякие вещи изрядные». Все рукописи и книги, полученные в ходе этой экспедиции, поступили в Пермский областной краеведческий музей.

Экспедициями Сибирского отделения Археографической комиссии получено 29 рукописей и 28 старопечатных книг. Из них 15 рукописей (XVII в.—1) и 3 книги (XVI в.—1, XVII в.—2) поступили в ИИФФ СО АН. В Средней Азии получены, в частности, рукописная Минея общая начала XVIII в., богато украшенная лицевой эсхатологический сборник 70-х годов XVIII в., сборник духовных стихов начала XX в.; из книг — Новый завет с Псалтирью (Вильно, 1596). Из Хабаровского края привезены крюковая рукопись конца XVIII в.; сборник повестей, включающий повесть о царце и львице, о гордом царе Аггее и др. в списках конца XIX — начала XX в.; старообрядческий сборник конца XIX — начала XX в. В ГИИТБ СО АН поступили 11 рукописей (XVII в.—1) и 24 книги (XVI в.—2, XVII в.—9), в том числе рукопись XVII в. со Сказанием о Тихвинской иконе и полемический старообрядческий сборник первой половины XIX в.; из книг — Иван Федоров. Апостол. Львов, 1574 (с многочисленными записями XVII в.); Евангелие учительное. Вильно, тип. Мамоничей, 1595 (в XVII в. принадлежало семье Хабаровых); Кирилл Транквилион-Ставровецкий. Учительное евангелие. Могилев, 1698; Шестоднев. М., Бурцов, 1642; Устав 1633 г. с обширными записями и комментариями. Научная библиотека ТГУ пополнилась тремя старообрядческими сборниками XIX в. и Часовником московской типографии 1640 г.

Уральской объединенной археографи-

ческой экспедицией получена 81 рукопись (XVII в.—2) и 54 старопечатных книги (XVI в.—2, XVII в.—23). Среди рукописей наиболее интересны: сборник житий, слов и поучений (конволют конца XVII—XVIII вв.); Триодь постная и цветная на крюковых нотах второй половины XIX в.; Стоглав и выписки из Кормчей конца XVII — начала XVIII в. Из книг — Триодь цветная. Москва, Андроник Невежа, 24 XI. 1591; Четвероевангелие. Вильно, тип. Мамоничей, 17 VII. 1600; Минея праздничная (Анфологион). Львов. 12 IV. 1643.

Научная библиотека ГГУ пополнилась 12 рукописями (XVII в.—2) и 14 старопечатными книгами (XVII в.—5). Среди рукописей — отрывки на память великомучеников Георгия и Евстафия, псалтирь конца XVIII в., сборник духовных стихов XIX — начала XX в., старообрядческие четки сборники; среди книг — Минея общая. М., Никита Фофанов, 1609; Евангелие учительное. М., Печатный двор, 1633; Часовник. М., Печатный двор, 1635; Книга Ефрема Сирина и Аввы Дорофея. М., 1647; Апостол. 1655.

В научную библиотеку ЯГУ поступило 26 рукописей (XVII в.—2) и 38 старопечатных книг (XVI в.—1, XVII в.—24). Среди рукописей — Лечебник последней четверти XVII в., содержащий третью редакцию «Прохладного вертограда»; конволют конца XVII — середины XIX в., содержащий выписки из Минеи; «Канон ангелу Грозному воеводе», «Великое зеркало», «Книга о вере Нафанаила игумена» в списках XVIII—XIX вв.; послание «Православным христианом мир и радость от господа», представляющее пример полемики поморцев против филипповцев; рукописные тетради с духовными стихами. Среди книг — Триодь цветная (Москва, Андроник Невежа, 24 XI. 1591, фрагмент); Шестоднев. (Москва, 13 II. 1625; Апостол. Москва, 28 IX. 1631); Служба и житие Николая чудотворца (Москва, 20 IV. 1641); Триодь цветная (Москва, 17 III. 1648).

В. А. Черныш

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ

ИЯЛИ КФАН организовал три археографические экспедиции в районы Татарской АССР и Кировской обл. (руководители отрядов М. И. Ахметзянов, Р. А. Ахметов, Ш. Ш. Абилов). В работе одного из отрядов приняли участие музыковед-фольклорист К. Хуснуллин и сотрудник Министерства культуры Татарской АССР А. Хайруллин. Кроме того, Р. Ягфаров в ходе фольклорной экспедиции в Пермской, Челябинской и Курганской обл. собрал 20 рукописных книг. Всего в научный архив ИЯЛИ поступили 152 рукописные книги и литографированные издания, исполненные арабским шрифтом, преимущественно на татарском языке. Среди рукописей — список поэмы Суфи Аллаяра «Сабательгаджизин», сборник неизвестных стихов

татарского поэта начала XIX в. Кулмухамеда, переписанный его внуком Нигматуллой Султанбековым в 1906 г.; список произведений турецкого поэта Язычы Оглы, три списка поэмы основателя болгаро-татарской письменной поэзии Кул Гали «Кыйсса-и Юсуф», список XVIII в. перевода книги Саади «Гюлистан» на татарский язык.

Археографическая экспедиция КГУ (руководитель М. А. Усманов) работала тремя отрядами под руководством М. А. Усманова, Р. А. Шайхиева и Г. А. Хабибуллина в районах Татарской и Чувашской АССР, Астраханской и Ульяновской обл. Научная библиотека КГУ пополнилась 100 рукописями и старопечатными книгами, главным образом XIX—XX вв. Большинство рукописей и

книг (около 70%) — на татарском языке, остальные — на других тюркских языках, а также арабском и персидском. Среди рукописей — тетрадь шакирда начала XIX в., содержащая старинные обрядовые песни, в том числе «Яр-Яр»; стихотворения татарского поэта первой половины XIX в. Габдулджаббара Кандаля, часть которых ранее не была известна; народные сочинения по истории отдельных сел, лечебник начала XIX в., документальные и эпистолярные источники, рукописи по мусульманскому праву, логике, языкознанию, религии и др. Археологи КГУ систематически оказывают помощь местным хранилищам в описании арабграфических книг и рукописей.

ИИЯЛ БФАН организовал четыре археографических выезда в районы Башкирской АССР (руководители отрядов Р. М. Булгаков, М. Х. Надыргулов, Г. Б. Хусаинов, С. М. Хусаинов). В результате этих выездов выявлены и получены из частных и мечетских собраний 37 рукописных единиц (книг, тетрадей, документов и их фрагментов) и 76 дореволюционных печатных книг на арабском, персидском и тюркских языках; записаны фольклорные материалы местной традиции. Среди рукописей — образцы башкирской поэзии XVII—XIX вв., мунаджаты, хикаяты, новые тексты стихов классика башкирской литературы Акмуллы.

ИИЯЛ ДФАН провел археографическую экспедицию в районах Дагестанской АССР (руководитель А. Р. Шихсаидов). Составлено описание 17 частных и мечетских книжных собраний, в общей сложности учтено около 90 рукописей XVI—XX вв. и 200 печатных изданий. Среди рукописей выделяется сборник сочинений известного на Востоке Кавказе мистика XV в. Пир-Иусуфа ал-Мюшкура, переписанный Кади Ахмадом в 944 г. хиджры (1538 г.). Экспедиция приобрела 49 рукописных и печатных книг. В числе учтенных или приобретенных книг 28 принадлежат перу дагестанских авторов либо написаны на языках народов Дагестана (аварском, кумыкском, табасаранском). Институтом приобретены также арабская рукопись, оконченная перепиской в Кумухе в шаввале 807 г. хиджры

(апрель 1405 г.), и рукопись, содержащая перевод фармакологического словаря-справочника арабо-испанского врача XIII в. Ибн ал-Байтара на кумыкский язык (переводчик Нурмагомедкади, умер в 1834 г.). Экспедиция выявила также значительное количество новых эпиграфических памятников, выявила и приобрела 67 документов XVIII—XX вв. Бурятский ИОН пополнился памятниками на старомонгольском языке — сборником сказок и коллекцией обрядовой литературы.

Институт рукописей АН УзССР организовал археографические экспедиции в Андижанскую, Наманганскую и Ферганскую обл. (А. Каримов, Ю. Турсунов, М. Хакимов). Благодаря этим экспедициям и работе закупочной комиссии приобретены 350 томов рукописных и 320 томов старопечатных книг. В их числе — списки XIX в. диванов Низами, Навои, Хирами, Афғони, сочинения «Ахлоки джалоли-йи тюрки»; список «ал-Ашбах ва-н-назаир ал-фикхия» с датой 969 г. х. (1562 г. н. э.) и список «ал-Хидая» с датой 832 г. х. (1429 г. н. э.).

Институт рукописей АН ГССР продолжал изучение эпиграфических памятников XI—XIX вв. монастырского комплекса Давид-Гареджи (руководитель Д. К. Кодиашвили). Описано и фотокопировано свыше 200 надписей. Г. К. Отхмезури продолжил работу по выявлению, описанию и фиксации эпиграфических памятников Шида Картли; выявлен ряд неизвестных надписей XIII—XVIII вв. В. И. Силогва участвовал в комплексной научной экспедиции Государственного музея Грузии АН ГССР, изучал письменные памятники Сванетии, подготовил к публикации 32 древнегрузинские надписи XI в.

Археографическая экспедиция Матенадарана (руководитель В. Р. Григорян) обнаружила рукописное евангелие XVI в. с интересными памятными записями и миниатюрами, евангелие XVIII в., требник и молитвенник XVII в., редкое издание молитвенника XVIII в.; их обладателям даны советы по бережному хранению рукописей и уходу за ними; приобретены семь фрагментов рукописей с памятными записями XVII—XVIII вв.

А. Б. Халидов, В. А. Черных

150-ЛЕТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

29 января 1985 г. в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР состоялось совместное заседание Ученого совета ЛОИИ СССР, Археографической комиссии АН СССР и ее Ленинградского отделения, посвященное 150-летию Петербургской комиссии. На заседании присутствовали члены Ученого совета ЛОИИ, члены Археографической комиссии, члены Ленинградского отделения Археографической комиссии, сотрудники ленинградских научных уч-

реждений, рукописных отделов библиотек, музеев, высших учебных заведений.

Заседание открыл заместитель директора Института истории СССР АН СССР по Ленинградскому отделению *В. А. Шишкин*. Во вступительном слове он сказал, что Археографическая комиссия в прошлом была важным историческим учреждением, объединявшим выдающихся деятелей русской науки. В деятельности Комиссии можно отметить три основных

момента. Прежде всего собрание источников, начатое археографическими экспедициями П. М. Строева и Я. И. Бердника, которые в течение шести лет обследовали свыше десяти губерний России. Эта сторона деятельности Комиссии и ее традиции получили значительное развитие и размах в наше время. Обширные районы страны освоены многими экспедициями различных научных учреждений Советского Союза, собраны тысячи рукописей, на наших глазах произошло археографическое открытие Сибири, значительны успехи археографов Севера, Урала и других регионов. Огромный вклад внесла Археографическая комиссия в дело издания источников, опубликовав тысячи актов, летописи, литературные памятники, делопроизводственные материалы центральных учреждений и т. п. Всего Комиссией издано 250 огромных томов. В ходе издательской работы были выработаны приемы, которые постоянно совершенствовались. Эти принципы критически восприняты и получили дальнейшую разработку в современной исторической науке. Наконец, огромный комплекс источников, собранных и изданных Комиссией, способствовал успешному изучению русской истории. К ним обращаются историки и в наши дни, уже с позиций марксистско-ленинской методологии. Отмечая юбилей Комиссии, мы подчеркиваем преемственность и традиции в развитии исторической науки и исторических учреждений нашей страны. После Великой Октябрьской социалистической революции Археографическая комиссия была включена в состав учреждений Академии наук СССР, на ее базе возник Историко-археографический институт, который со временем превратился в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, образованное в 1936 г. Следовательно, отмечая юбилей Комиссии, мы в известной степени отмечаем юбилей ЛОИИ. Воссозданная по инициативе академика М. Н. Тихомирова в 1956 г. Археографическая комиссия АН СССР наследует и развивает лучшие традиции своей предшественницы.

Председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт в своем выступлении подчеркнул воплотившуюся в истории Археографической комиссии преемственность развития специальных исторических дисциплин — той области исторической науки, где такая преемственность не просто важна, а необходима, так как обеспечивает высокий уровень научной культуры исследований. Носителями этой преемственности выступали крупнейшие русские ученые-гуманитарии А. А. Шахматов, А. С. Лапшо-Данилевский, С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев и их ученики. Не все они восприняли новое марксистское мировоззрение в годы после Великой Октябрьской революции; но характерно, что никто из ученых, связанных с деятельностью Комиссии, не эмигрировал из Советской России; постепенно они включались в советское культурное

строительство. Существенным моментом в истории Археографической комиссии как раз и являлось то, что крупнейшие ученые лично вели в ней всю публикаторскую и научно-организационную работу. Это обеспечило быстрый отход Комиссии (уже к 60-м годам XIX в.) от стандартов казенно-бюрократического учреждения. Комиссия стала важнейшим в стране методическим центром в области собраний, описания и издания письменных памятников допетровской Руси — археографических задач, решавшихся в неразрывном единстве.

В докладе А. И. Копанева (председателя ЛО Археографической комиссии АН СССР) были изложены основные результаты научной деятельности Петербургской Археографической комиссии в области издания и исследования источников отечественной истории¹. А. Г. Маньков (ЛОИИ) выступил с докладом на тему «Материалы Археографической комиссии в архиве ЛОИИ», в котором раскрыл содержание фондов и коллекций архива, собранных учеными комиссии в 1830-х — 1920-х годах (публикация статьи по теме доклада предполагается в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины»). Член-корреспондент АН СССР В. И. Рутенбург (ЛОИИ) сообщил о научных публикациях западноевропейской секции архива ЛОИИ. Она состоит не из организационно связанных фондов, относящихся к одной стране, а из коллекций и фондов, относящихся более чем к 20 странам. Публикация материалов этой секции началась еще тогда, когда она существовала как частная коллекция Н. П. Лихачева. По материалам, собранным им, были изданы работы, посвященные печатям и рукописям константинопольских патриархов, византийских императоров, папским бреве, связанным с Россией, италийско-греческой иконописи. Уникальный экземпляр словаря аббревиатур, находящийся в коллекции Лихачева, опубликованный в 1534 г. в Брешии, был воспроизведен в 1902 г. Анри Омоном в Париже. Второй период публикации относится к послереволюционному времени, когда архив был передан в АН СССР. В 1924 г. вышла работа Н. П. Лихачева о датированных византийских печатях. Крупнейшим советским палеографом О. А. Добиаш-Рождественской и С. А. Аннинским проводились изучение и подготовка к печати актов Кремоны X—XIII вв. В предвоенные годы М. А. Гукоским была подготовлена публикация интереснейшего источника — писем Медичи. Третий период издательской деятельности относится к послевоенному времени. В работах советских ученых (Е. В. Бернадской, Л. М. Брагиной; А. Х. Горфункеля, Т. В. Луизовой; В. И. Рутенбурга) опубликованы фрагменты использованных ими материалов западноевропейской секции архива ЛОИИ. Некоторые раннефеодальные акты опубликованы в Англии, в Риме были

¹ Статья А. И. Копанева по теме доклада опубликована: ВИД. Л., 1984, сб. 16.

субликованы папские документы. Наиболее ценным для этого периода являются подготовка и выход в свет монографических архивных изданий, каковыми являются «Акты Кремоны XIII—XVI вв.», вышедшие в 1961 г., сборник документов по экономической истории итальянских коммун XIV—XV вв., увидевший свет в 1965 г., а также находящийся ныне в печати том актов Падуи XIII—XV вв., подготовленный Е. Ч. Скржинской и А. М. Кононенко, и подготавливаемый том актов Феррары XIII—XV вв. И ныне часть материалов западноевропейской секции хранит загадки, неторопливое и умелое угадывание которых принесет, можно полагать, немало открытий. М. П. Ирошников (ЛОИИ) рассказал об издании источников по отечественной истории в ЛОИИ. Его доклад был посвящен рассмотрению характерных особенностей и основных направлений деятельности ЛОИИ СССР АН СССР в области выявления и научного издания важнейших источников по истории СССР. (Статья по теме доклада будет помещена в «АЕ за 1986 год»). В сообщении К. Н. Сербинной (ЛОИИ) было рассказано о деятельности Александра Игнатъевича Андреева как члена Археографической комиссии в 1922—1934 гг. А. И. Андреев стал крупнейшим деятелем комиссии в последние годы ее работы и внес существенный вклад в становление учреждения — ее наследников. (По теме сообщения опубликована статья в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины».) Н. Н. Розов (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) рассказал о видных деятелях Археографической комиссии Афанасии Федоровиче и Иване Афанасьевиче Бычковых. 104-летнее служение их в комиссии — пример плодотворного привлечения к работе комиссии археографов-практиков, сотрудников крупнейших хранилищ древней славянской и русской рукописной книги. Н. Е. Носов (ЛОИИ) сделал сообщение на тему «Русские северные акты в изданиях Археографической комиссии» (сообщение будет опубликовано в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины»). С. В. Чирков (Археографическая комиссия) рассказал о разработке Археографической комиссией правил издания исторических источников в XIX — начале XX в. В. П. Бударагин (ИРЛИ) выступил с сообщением об археографической деятельности основателя Древлехранилища ИРЛИ В. И. Малышева. В сообщении рассмотрена его деятельность по организации полевых археографических исследований, по введению памятников древнерусской письменности в научный оборот, особенности его подхода к собиранию рукописей, в известной мере унаследованного современными археографами Пушкинского Дома. В сообщении А. А. Амосова (БАН) «Незавершенные издания Археографической комиссии» были рассмотрены те издания Комиссии, которые следовало бы продолжить в современных условиях. В качестве первоочередных

среди них выступают «Великие Минеи четьи» митрополита Макария, сочинения князя А. М. Курбского, памятники истории старообрядчества. За десятилетия развития советской исторической науки накоплен огромный новый материал, что позволяет продолжить серию, начатые Комиссией, на новой методической основе. Н. Ю. Бубнов (БАН) сообщил о хранящихся в ЦГАЛИ СССР неопубликованных мемуарах видного деятеля Археографической комиссии В. Г. Дружинина. Написанные в 1930-х гг., мемуары содержат факты о формировании частных коллекций рукописей в начале XX в., о деятельности крупных книготорговых фирм, о торговле рукописями и пр. — ценные сведения для истории отечественной полевой археографии. Много внимания в мемуарах уделено деятельности учреждений и обществ, изучавших древнерусскую книжность, особенно работе Археографической комиссии. Весьма ценны приведенные в мемуарах данные о двух утраченных рукописях: втором издании справочника-указателя «Писания русских старообрядцев», значительно дополненное Дружининым после выхода в 1912 г. первого издания, и монографии «Поморские меднолитные кресты, иконы и створы». Т. В. Андреева (ЛОИИ) в своем сообщении «Археографическая экспедиция П. М. Строева и Я. И. Бердникова 1829—1834 гг.» подробно рассказала о подготовке и ходе этого крупнейшего археографического путешествия по России, отметила значение экспедиции в образовании возникшей для издания собранных актов Археографической комиссии. В первой трети XIX в. собрание источников становится на прочную основу и приобретает характер самостоятельного научного направления. Археографическая экспедиция оставила глубокий след в развитии археографии, сыграла выдающуюся роль в дальнейших судьбах русской исторической науки. С сообщением «Н. П. Лихачев как знаток и собиратель западноевропейского средневекового документа» выступил В. И. Мажуга (ЛОИИ), отметивший, что в лице Н. П. Лихачева отечественная археография (особенно изучение древних актов) достигла небывалой для конца XIX — начала XX в. зрелости в смысле глубокого и широкого осознания задач специальных исторических дисциплин, выдвижения самостоятельного значения исследований в области палеографии, дипломатики, сфрагистики. Ученый рассматривал исторические памятники как памятники определенного народа и в целом человеческой цивилизации, изучение которых дает конкретное представление о формах сознания, нормах, знаках, которыми определялись отношения людей в прошлом, их повседневная жизнь и ее осмысление. Собранные Лихачевым документы и книги показывают всю многообразную историю западноевропейского документа как важнейшего элемента европейской цивилизации. Не только характер рукописных собраний, но и идеи Лихачева в из-

вестной мере определили направление научной деятельности ЛОИИ. В сообщении *М. Ф. Хартанович* (ЛО ИИЕТ) «Археографическая комиссия и научно-исторические учреждения России XIX в.»² были раскрыты взаимосвязи Комиссии с некоторыми научными учреждениями и обществами России, занимавшимися публикацией исторических источников. Эти взаимосвязи зародились уже в XIX в. и проявлялись в воздействии методики издания, разрабатывавшейся Комиссией, на деятельность местных археографических комиссий, ученых обществ, ученых архивных комиссий, археологических институтов, государственных архивов. В свою очередь, на Комиссию оказывали известное влияние научные общества, работавшие в условиях относительной свободы научной инициативы, Академия наук, ученые которой составляли большинство членов Комиссии. *И. С. Шаркова* (ЛОИИ) рассказала о собирании и издании Археографической комиссией иностранных источников о России, подробно остановившись на деятельности А. И. Турганова, внимательно обследовавшего Ватиканский архив, архивы и библиотеки Рима, Парижа и др. Комиссией напечатаны документы и сочинения, входящие в золотой фонд «Россика», но первой ласточкой в этом деле стало издание тургеневских актов. *Э. П. Винокурова* (ГРМ) рассказала об исследованиях

² По теме сообщения *М. Ф. Хартанович* защищена кандидатская диссертация «Петербургская Археографическая комиссия как научное учреждение» (Л., 1984).

70-ЛЕТИЕ А. И. КОПАНЕВА

12 сентября 1985 г. исполнилось 70 лет старшему научному сотруднику ЛОИИ доктору исторических наук, председателю Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР Александру Ильичу Копаневу. В поздравлениях ЛОИИ, Института истории СССР АН СССР, ИРЛИ, Археографической комиссии АН СССР, БАН, кафедр истории СССР МГУ и ЛГУ, других учреждений, многих коллективов и друзей Копанева содержалась высокая оценка научной деятельности и человеческого достоинства юбиляра. Перу А. И. Копанева принадлежит более 150 научных трудов¹. Его исследования, посвященные коренным проблемам отечественной истории периода феодализма, являются крупным вкладом в советскую историческую науку. Диапазон исследований Копанева исключительно широк. Заслуженным авторитетом у исследователей пользуются монографии А. И. Копанева, посвященные изучению социально-эконо-

¹ Список его печатных трудов будет опубликован в «Археографическом ежегоднике за 1986 год».

В. Г. Дружинина в области истории, поморского изобразительного искусства. На основании изучения различных изданий, происходящих с Выга, ученый первым высказал мысль о существовании на Выге цельного культурно-художественного комплекса. Утраченная монография Дружинина о поморском медном литье была первой попыткой классифицировать и описать сложный по составу, недифференцированный хронологически материал, преодолеть своеобразный психологический барьер, сложившийся в ученом мире вокруг позднего медного литья. Очень важно продолжать поиски этой книги в архивах, так как часть изготовленных для нее снимков уже удалось обнаружить.

И. З. Либерзон (ЛОИИ) выступила с сообщением о деятельности Археографической комиссии по спасению архива Соловецкого монастыря. Исключая *Я. И. Бередникова*, никто из ученых до начала XX в. не видел документов этого богатого архива. В связи с издательскими предприятиями Археографической комиссии архив обследовал в 1916 г. *Б. Д. Греков*, который и стал инициатором его перевода в Петроград. События гражданской войны привели к разделению архива, ныне его документы находятся в разных хранилищах (ЛОИИ, ЦГАДА, Оружейная палата). Древнейшая часть Соловецкого архива, поступившая в Археографическую комиссию (ныне в ЛОИИ), оказалась наиболее доступной исследователям, изученной и опубликованной его частью.

В заключение заседания выступили *С. О. Шмидт* и *В. А. Шишкин*.

И. З. Либерзон

мической истории Севера России в XV–XVII вв.: «История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.», «Крестьянство Русского Севера в XVI в.», «Крестьяне Русского Севера в XVII в.». Велик вклад А. И. Копанева в изучение культуры русского крестьянства.

Копанев — один из ведущих авторов известных коллективных трудов: «Аграрная история Северо-Запада России», «Краткая история русской культуры», «Краткая история СССР» и др. Значителен вклад его в изучение истории Ленинграда — он автор монографии «Население Петербурга в первой половине XIX века», разделов в коллективном труде «Очерки истории Ленинграда», многочисленных статей о деятелях науки и культуры, работавших в Петербурге. Широко известно имя Копанева как исследователя истории Академии наук и ее Библиотеки. Помимо специальных работ на эту тему, Копанев, возглавлявший в 1961–1970 гг. Отдел рукописной и редкой книги БАН, вложил много труда в подготовку описаний старопечатных книг и рукописей, хранящихся в

отделе. Он был организатором археографических экспедиций БАН.

А. И. Копанев — выдающийся археограф, издавший на высоком научном уровне огромное количество источников по истории нашей Родины. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, Судебники XV—XVI вв., документы по истории восстания Болотникова, Указные книги Ямского, Поместного приказов, Веревные книги, Московская хроника Конрада Буссова, Проекты и записки М. М. Сперанского, дневные записки купца И. А. Толченова и многие другие источники стали доступны широкому читателю в значительной мере благодаря труду Копанева. В настоящее время Копанев первый издал «Законодательные памятники Русского государства XVI—XVII вв.» и фундаментальную публикацию Северных актов. Он автор ряда теоретических работ по вспомога-

тельным историческим дисциплинам — таких, как «Советская дипломатика за 50 лет», «О сокращенных изданиях массовых источников», «Публикация и изучение источников досоветского периода по аграрной истории Европейского Севера за последнее десятилетие и их перспективы» и др.

Копанев — член ученых советов ЛОИИ, БАН, ЛКРД, редактор многих коллективных трудов, доброжелательный и взыскательный рецензент и оппонент исследований своих коллег, заботливый и внимательный научный руководитель. Выпестованные им ученики успешно работают в различных учреждениях страны.

Друзья пожелали А. И. Копаневу доброго здоровья и дальнейших свершений на ниве советской исторической науки.

И. Л.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ

15–16 мая 1985 г. в Москве состоялось совещание по вопросам публикации актовых источников, организованное Институтом истории СССР АН СССР и Археографической комиссией АН СССР. В работе совещания приняли участие свыше 50 специалистов по источниковедению отечественной истории периода средневековья из Москвы, Ленинграда, Киева, Днепропетровска, Казани, Львова, представлявших 16 научных центров — академические институты, вузы, архивы, библиотеки и музеи. На заседании заслушано 15 докладов и сообщений, в которых были подведены итоги археографической работе в нашей стране и за рубежом.

Открывая совещание, председатель оргкомитета *В. И. Буганов* (Ин-т истории СССР АН СССР) подчеркнул настоятельную необходимость обмена опытом публикации актовых источников и его обобщения и выразил уверенность, что совещание будет способствовать скорейшей выработке единых правил их издания. С докладом «Основные проблемы актовой археологии» выступил *С. М. Каштанов* (Ин-т истории СССР АН СССР). Он отметил сходные моменты в издании средневековых актов в СССР и других странах. Основываясь на параллельном изучении зарубежного и отечественного опыта, докладчик предложил несколько примеров удачного решения вопросов, общих для западноевропейской и русской археологии. Подчеркивая необходимость максимально подробной передачи публикуемых текстов, Каштанов вместе с тем высказался за разумный компромисс между историками и филологами в разработке правил совместных изданий.

В докладах и сообщениях других участников совещания были проанализированы особенности публикаций, осуществленных в различных научных центрах страны и разных по типу и назначению. *С. И. Котков* (ИРЯ) рассказал об опыте документальных публикаций источников XV–XVII вв. Институтом русского языка АН СССР. *М. А. Усманов* (КГУ) познакомил присутствующих с проблемами изучения и публикации документальных источников по истории народов Поволжья и Приуралья XIII–XVIII вв. *Л. И. Ивина* (ЛОИИ) выступила с сообщением «Об опыте издания актов из архива Симона-монастыря». *Н. П. Ковальский* (ДГУ) остановился на проблемах выявления, классификации, изучения и публикации украинских актов XVI–XVII вв. Об опыте издания актовых документов Галицко-Волынского княжества XIII–XIV вв. подробно рассказал *О. А. Кулчицкий* (Ин-т общественных наук АН УССР). *В. В. Страшко* (ЦГИА УССР в г. Киеве) посвятил свое выступление некоторым проблемам передачи кириллических текстов XVI–XVIII вв. и дал

в этой связи ряд практических рекомендаций. *В. М. Панейх* (ЛОИИ), обобщая опыт документальных публикаций ЛОИИ, ознакомил с соображениями ленинградских историков о принципах издания актовых источников и нынешнем состоянии актовой археологии. Общий обзор работы Археографической комиссии АН СССР по описанию и изданию актовых источников сделал *С. О. Шмидт* (АК). Назревшие задачи актовой археологии явились темой выступления *В. Б. Кобрин* (МГПИ). Задачам унификации документальных публикаций XV–XVII вв. был посвящен доклад *В. Д. Назарова* (Ин-т истории СССР АН СССР). *Т. Б. Соловьева* (ЦГАДА) подняла вопрос о сохранении структуры копияных книг при публикации актов. На совещании было также заслушано сообщение *Б. Н. Морозова* (АК) и *В. А. Рыбина* (Главархив СССР) о недавно обнаруженной Копийной книге Рязанского архиерейского дома с текстами актов XIV–XVI вв.

Ряд поднимавшихся в докладах и сообщениях вопросов привлек особое внимание участников совещания, вызвав оживленный обмен мнениями. Большинство выступавших высказалось за необходимость выработки единых правил актовых источников с использованием передового (в том числе зарубежного) опыта. По мнению Ковальского, эти правила должны отражать не только вопросы издания документов, но и принципы их отбора для публикации. Усманов, Буганов, Назаров, Кобрин и Ивина подчеркивали, что правила издания исторических источников должны быть обязательными не только для научных работников, но и для издательств; особенно важным является сопровождение актовых публикаций (включая лингвистические) указателями. Усманов обратил при этом внимание на необходимость археографической подготовки студентов — будущих редакторов и издателей. Одновременно некоторые из выступавших высказались за дифференцированный подход к выработке правил издания актов. Страшко подчеркнул, что правила и требования должны быть разными для разных типов изданий, а по мнению *И. А. Булыгина* (Ин-т истории СССР АН СССР), наряду с едиными правилами издания актовых источников могут быть разработаны и специальные — в зависимости от столетия. Булыгин поддержал призыв Панейха «меньше спорить о принципах издания, а больше издавать».

Панейх, Назаров, Шмидт, Хорошкевич, Буганов отметили значительное увеличение и важность в современных условиях ротационных публикаций, но одновременно указали на настоятельную необходимость их унификации, специального редактирования и выработки единых правил издания.

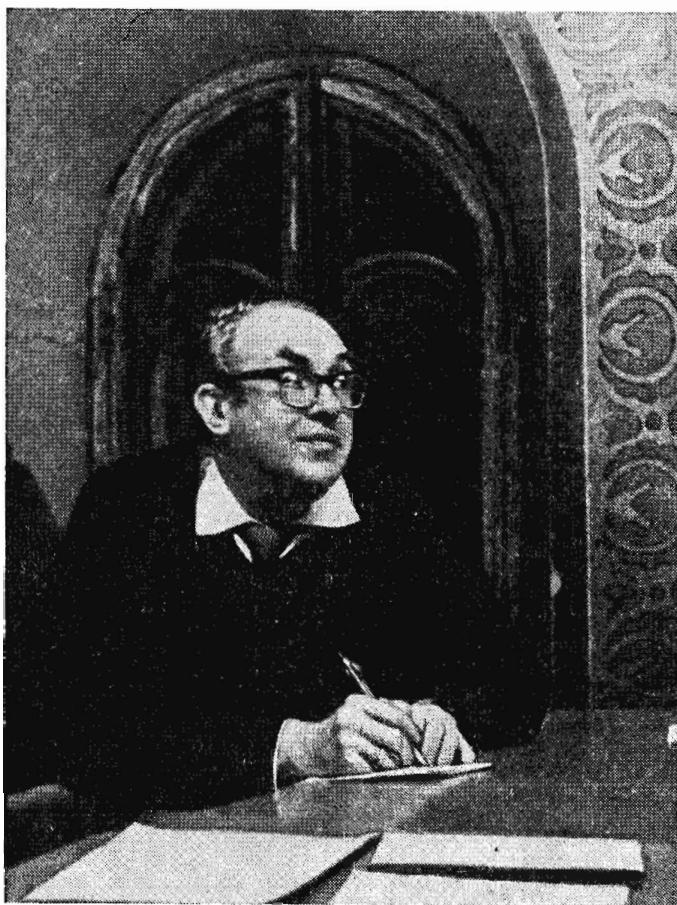
Опыт совместных историко-филологических изданий был одобрен большинством выступавших. Котков, Каштанов, Буганов, Булыгин, Назаров призывали историков и филологов «идти навстречу друг другу». Однако в подходе двух сторон к публикации актовых источников выявились и некоторые различия. Р. В. Бахтурина (ИРЯ) выступила против такого упрощения издаваемых текстов, «когда публикатор становится как бы корректором по отношению к писцу», и высказалась за «предельно бережное отношение к тексту» публикуемого документа. Котков полагает, что если вопрос об «упрощениях» восходит к требованиям издательства, то он не должен приниматься во внимание, так как «не является научным». С этим не согласилась Панеях, Кобрин и Н. И. Никитин (Ин-т истории СССР АН СССР), по мнению которых в настоящее время нельзя не считаться с полиграфической базой и реальными возможностями издательств. Кобрин охарактеризовал «усложненные» издания как проявление максимализма, создающего большие сложности для чтения (особенно студентами) и цитирования текстов.

Ивина тоже считает, что к источникам при публикации надо подходить дифференцированно: акты XVI в. можно издавать и по облегченным правилам. Она высказалась за быстрее издание документов, поскольку многие из них с течением времени утрачивают полноту, становятся плохо читаемыми и гибнут. Ковальский, отметив медленное продвижение «изданий многолетней пер-

спективы» («Актов Русского государства», «Литовской метрики», «Писем и бумаг Петра Великого»), предложил организовать на их основе выборочную публикацию отдельных документов. По мнению Никитина, совместные историко-филологические издания при всей их ценности неоправданно трудоемки, практически неприемлемы в настоящее время для издательств и, таким образом, обречены долгие годы быть неопубликованными, тормозя развитие исторической науки. Он высказалась за поиски других форм сотрудничества с филологами, с тем чтобы Институт истории СССР, издавая акты XVI—XVII вв., исходил прежде всего из интересов историков. К этому мнению присоединилась Е. Н. Кушева (Ин-т истории СССР АН СССР). Подводя итоги совещания, Буганов отметил, что оно, по общему мнению, было полезным и внесло определенный вклад в развитие отечественной археографии.

На совещании приняты практические рекомендации (касающиеся координации работы над актовыми изданиями историков и филологов) обязательно сопровождать публикации указателями, улучшать ротапринтные издания, доработать правила издания серийной публикации «Акты Русского государства» и др. Участники совещания высказались за организацию в ближайшее время встречи специалистов по актовой археографии на еще более широкой и представительной основе.

Н. И. Никитин

**ВАДИМ ИВАНОВИЧ
КОРЕЦКИЙ**
(1927—1985)

28 января 1985 г. скоропостижно скончался доктор исторических наук Вадим Иванович Корецкий — крупный советский историк, источниковед и археограф.

В. И. Корецкий родился 31 августа 1927 г. в Воронеже в семье железнодорожного служащего. С ранних лет он испытывал влечение к истории. Его юность пришлось на годы войны: в 1942 г. он пешком ушел из родного горящего Воронежа. Среднюю школу окончил (в 1944 г.) в г. Петропавловске (Казахстан). В 1945—1948 гг. учился в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта, но интерес к истории переспшил, и в 1948 г. Вадим Иванович поступил на исторический факультет Московского государственного университета, который окончил в 1952 г., и был рекомендован в аспирантуру. Окончив ее, он защитил в 1956 г. кандидатскую диссертацию «Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII вв.» (опуб-

ликована в 1970 г. в виде монографии «Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в.»). С декабря 1956 г. Корецкий — научный сотрудник в секторе истории религии и атеизма Института истории Академии наук СССР, с 1965 г. — в секторе истории СССР периода феодализма (в группе по изданию Полного собрания русских летописей), с 1975 г. — в секторе источниковедения того же института. В 1976 г. он защитил докторскую диссертацию «Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России» (по монографии, изданной в 1975 г.).

Корецкий был незаурядным ученым и человеком. Уже в студенческие годы он поражал однокурсников всесторонней начитанностью, компетентностью в различных областях культуры: литературе, изобразительном искусстве, музыке. Но, конечно, главным его увлечением была отечественная история, изучению кото-

рой, служению которой он посвятил всю свою не слишком долгую, как оказалось, творческую жизнь. Особое значение для его становления как историка-исследователя имели занятия в специальном семинаре, которым руководил Лев Владимирович Черепнин, а затем — в аспирантуре. Под влиянием благожелательного и требовательного учителя, каким был Л. В. Черепнин, Корецкий быстро складывался как ученый, как неутомимый искатель новых материалов по истории феодальной России. Еще будучи аспирантом, он обнаружил и опубликовал (ИА, 1955, № 5, с. 204–207) список XVI в. одного из наиболее древних русских актов — грамоты XII в. князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю, до того известной лишь в сокращенном, как выяснил Корецкий, списке XVIII в. Находкой списка XVI в. был решен давний спор о понимании содержания этого акта. В 1956 г. увидела свет (Вестник Московского университета, № 2, с. 105–124) статья Корецкого о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого. Интерес к яркой и загадочной фигуре этого наиболее радикального из русских «вольгодумцев» XVI в. положил начало одному из направлений исследований Корецкого — изучению русской публицистики XVI — начала XVII в. В том же 1956 г. Корецкий осуществил вызвавшую огромный интерес (если не сенсацию) у специалистов публикацию обнаруженных им отрывков из переписки участников восстания под предводительством И. И. Болотникова (ИА, 1956, № 2, с. 126–145), о существовании которой дикто из ученых не подозревал. Не успели специалисты отреагировать на эту находку, как в № 1 за 1957 г. только что созданного тогда журнала «История СССР» появилась статья Корецкого «Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня)» с сообщением об обнаружении им упоминаний о неизвестном науке указе (или о двух указах?) царя Федора Ивановича о запрете «выхода» крестьянам и бобылям («ныне по государеву указу крестьяном и бобылем выходу нет») и пятилетнем сроке «суда» по искам «о крестьянском владенье и в вывозе» («А ныне... государев указ: старее пяти лет во владенье и в вывозе суда не давати и не ссыкивати»); полный текст судных дел 90-х годов XVI в., содержащих эти известия, опубликован Корецким в «Археографическом ежегоднике за 1966 год» (М., 1968, с. 306–330). Корецкий в своих работах неоднократно возвращался к анализу этих известий, их открытие породило целую литературу и полемику. Бесспорным остается выдающееся значение этого открытия Корецкого для изучения истории закрепощения крестьян в России. К известиям об упомянутых указах царя Федора Ивановича примыкают обнаруженные Корецким в Бельском летописце 30-х годов XVII в. сведения о

«заклятье» — запрете Иваном Грозным крестьянского «выхода», о двукратном нарушении этого «заклятья» Борисом Годуновым, который дал было «христианом волю, выход между служилых людей», а потом был вынужден «заповедати, что впредь выходом не быти, отказать» (ВИ, 1974, № 5, с. 142; ПСРЛ. М., 1978, т. 34, с. 240).

И так в течение всей творческой жизни — открытие за открытием, публикация за публикацией. В итоге — около 40 публикаций (восемь — совместно с другими исследователями) самых различных источников или их подборок (включающих иной раз до 10–15 вновь открытых документов). Среди них — летописи или значительные отрывки из них (Бездниевский, Бельский, Московский, Соловецкий и другие летописцы), акты XIV–XVII вв., выдержки из хозяйственных, писцовых, разрядных и иных рукописных книг, из судебных дел, из житийной литературы, памятников русской публицистики XVI–XVII вв., письма, «реестры» и другие материалы XVIII в. и т. д. и т. п. Словом, огромная, трудоемкая, требующая, как известно, крайней тщательности, даже скрупулезности, археографическая работа, являющаяся результатом постоянных, неустанных, целенаправленных и удивительно плодотворных изысканий талантливого ученого, обладавшего редким умением вести подобные поиски, необыкновенной научной интуицией, помноженной на упорный труд в архивных хранилищах не только Москвы (ЦГАДА, ГБЛ, ГИМ, архив музея Новодевичьего монастыря) и Ленинграда (ГПБ, БАН, ЛОИИ), но и в архивах Владимира, Вологды, Калинина, Саратова, Томска и др.

Корецкий живо ощущал необходимость осмысления, обобщения опыта архивных поисков, совершенствования их методики. Не случайно две свои работы он посвятил специально методике выявления и описания кратких летописцев, а также уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI–XVII вв. К сожалению, эти работы были опубликованы (в 1979 и 1983 гг.) лишь в виде тезисов и Корецкий не успел развернуто обобщить свой огромный и столь результативный опыт архивных поисков.

Археографическая деятельность Корецкого была неизбежно связана с его более широким источниковедческим анализом публикуемых или используемых им вновь открытых текстов. Подобному анализу посвящены не только его вводные замечания и комментарии к опубликованным им текстам, но и целый ряд специальных собственно источниковедческих работ о документальных, летописных и публицистических памятниках XVI–XVII вв.

Разумеется, архивные поиски, публикация новонайденных исторических источников, источниковедческие штудии были для Вадима Ивановича не самоцелью, а необходимой стадией подготовки к историческому синтезу, к ис-

следованию таких кардинальных проблем истории России эпохи феодализма, как развитие феодальной земельной собственности, положение и процесс закрепощения крестьян в XVI — начале XVII в., классовая борьба, история Первой крестьянской войны в России (особенно восстаний под предводительством Хлопка и И. И. Болотникова), политическая и династическая борьба внутри господствующего класса феодалов, идейная борьба в русской публицистике XVI — начала XVII в., взаимоотношения феодального государства и церкви, героическая всенародная освободительная борьба против интервенции в начале XVII в. Изучению этих проблем посвящены его многочисленные (всего Корецкий или при его участии опубликовано около 200 трудов¹) статьи историко-ведческого, историографического и собственно исторического характера и его обе изданные монографии.

Через изучение именно этих проблем он подошел к такой сложной и малоисследованной проблеме, как характеристика русского летописания XVI — XVII вв., проблеме, рассмотрению которой посвящен ряд его статей и публикаций, а также полностью подготовленная к печати новая монография.

Корецкий не замыкался на изучении лишь упомянутых проблем. Его интересовало и многое другое: процесс заселения Сибири в конце XVI — начале XVII в., история русского города, религиозное сектанство в России XVIII — XX вв. и т. д. При написании работ и на эти темы, как и в большинстве своих трудов, автор широко использовал новый, неопубликованный материал из самых различных архивных фондов.

Корецкий был мастером историографического исследования. Его перу принадлежат работы о различных сторонах творчества, трудах С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. А. Смирнова, Л. В. Черепнина. Особенно большое внимание уделил Корецкий деятельности В. Н. Татищева, исторические труды и заслуги которого высоко ценил.

В результате комплексного исследования перечисленных исторических и историко-ведческих проблем появились и интереснейшие, яркие очерки Корецкого, посвященные исследованию и характеристике облика и деятельности таких различных исторических лиц, как Иван Грозный, Борис Годунов, царь Федор Иванович, Лжедмитрий I, дьяк Иван Тимофеев, Феодосий Косой, Иван Исаевич Болотников. Некоторые из этих очерков носят научно-популярный характер, однако в отличие от иногда еще встречающихся легковесных произведений такого жанра и эти работы Вадима Ивановича строго научны и докумен-

тально точны. В умении популярно, доступно, в безукоризненной литературной форме освещать сложные исторические сюжеты — еще одна сторона таланта Корецкого, идущая от его общей высокой культуры как ученого и человека. Не случайно он всегда был желанным автором и при подготовке таких важных изданий, коллективных трудов, как «Большая Советская энциклопедия», «Советская историческая энциклопедия», «Москва. Энциклопедический справочник» (1980), «Москва. Иллюстрированная история» (М., 1984. Т. 1), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (М., 1967. Т. II), «Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). Критические очерки» (М., 1967), «Хрестоматия по истории СССР. XVI — XVII вв.» (М., 1962), «История крестьянства СССР» (т. II, в печати).

Занимался Корецкий и преподавательской работой на историческом факультете Московского университета. К сожалению, эта его деятельность оказалась непродолжительной — всего несколько лет. Тем примечательнее, что даже за этот короткий срок Вадим Иванович проявил себя исключительно внимательным и талантливым педагогом, умевшим увлечь студентов исследовательской работой, владевшим методикой вузовского преподавания.

Корецкий был глубоко культурным человеком. Он не просто любил, но знал, понимал музыку, и классическую и хорошую легкую; был тонким знатоком и ценителем изобразительного искусства; удивлял своими обширными познаниями в отечественной и зарубежной литературе, особенно поэзии (он знал множество стихотворений и мог часами читать их наизусть). Любимым его поэтом, прозаиком и драматургом был Пушкин. И очень жаль, что не существует издания пушкинского «Бориса Годунова» со статьей и комментариями Вадима Ивановича Корецкого.

Это был необыкновенно чуткий, способный и готовый к сопереживанию, внимательный к людям и очень эмоциональный человек и в быту, и в труде. Нечасто случается, что строгая, требующая «ума холодных наблюдений» научная работа окрашивается столь эмоционально, и эта предельная эмоциональность не только не мешает работе, так сказать, «чистоте эксперимента», скрупулезности исследования, но, наоборот, помогает.

Труды и открытия Вадима Ивановича Корецкого прочно вошли в фонд советской исторической науки. Память о нем, как о сердечном и отзывчивом человеке, прекрасном товарище, горячем патриоте, влюбленном в историческую науку и так много сделавшем в ней, хранят все, кому довелось лично знать его.

А. Д. Горский

¹ Список печатных трудов В. И. Корецкого будет опубликован в «Археологическом ежегоднике за 1986 год».

**НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
НОСОВ
(1924—1985)**

15 марта 1985 г. на 61-м году жизни скоропостижно скончался заведующий сектором истории СССР периода феодализма Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, член Бюро Археографической комиссии АН СССР доктор исторических наук Николай Евгеньевич Носов.

Из жизни ушел талантливый ученый в расцвете сил, полный интересных замыслов. Незаконченным остался целый ряд задуманных и начатых исследований и публикаций источников по истории СССР периода феодализма.

Носов поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1941 г. Война прервала учебу, которая была возобновлена лишь после демобилизации в 1946 г. С 1943 г. он находился в действующей армии, был тяжело ранен, награжден орденами и медалями. Сразу же после окончания университета был зачислен в ЛОИИ на должность младшего научного сотрудника.

Круг научных интересов Николая Евгеньевича, определившийся еще в студенческие годы под руководством его учителей профессоров Ленинградского университета Б. А. Романова и И. И. Смирнова, был достаточно широк. Видное место в научном творчестве Носова занимали и специальные исторические дисциплины, в первую очередь источниковедение и археография.

Впервые свой взгляд на актовое источниковедение Носов высказал в 1962 г., полемизируя с С. М. Каптановым. Наиболее отчетливо его взгляды на содержание и задачи вспомогательных исторических дисциплин выражены в статье «Основные научные направления и проблематика ежегодника „Вспомогательные исторические дисциплины“» (ВИД. Л., 1984, вып. XII, с. 3—12). В этой статье Носов выражал категорическое несогласие с теми учеными, которые полагают, что «источниковедение может рассматриваться как теория и методика добывания исторических фактов, а история как теория и методика осмысления исторических фактов». Он не считал возможным противопоставлять источниковедение исторической науке, а изучение источников превращать в самоцель (с. 5) и полагал, что «невозможно вести разработку их (вспомогательных исторических дисциплин.— К. С.) вне общей системы современных исторических знаний и главное — общей научной проблематики» (с. 8), подчеркивая, что «только органическая связь источниковедческого и исторического анализа, их взаимное обогащение могут дать наиболее плодотворные научные результаты» (с. 8).

В той же статье Носов намечал проблематику и перспективный план для редактируемого им в то время ежегодника ВИД. Так, в первую очередь он

считал, что в ежегоднике следует помещать дискуссионные статьи, посвященные определению места и значения вспомогательных исторических дисциплин в системе исторических дисциплин в целом, обсуждающие возможность более широкого использования для развития вспомогательных исторических дисциплин данных и методики естественных наук, а также современной техники; помещать статьи о крупнейших советских ученых, характеризующих их вклад в развитие отечественного источниковедения; статьи о возможности применения математических методов при обработке массовых источников, о применении табличной формы и сокращенных публикаций массовых источников, особенно с середины XIX в. Таким образом, Носов наметил не только перспективный план публикаций в ВИД, но и широкую программу исследований в области вспомогательных исторических дисциплин. Намеченный в 1981 г. план последовательно осуществлялся Носовым в очередных томах ежегодника, ответственным редактором которого он был начиная с IX по XV выпуск включительно.

Приобщение Носова к археографической работе состоялось в 1956 г., когда в IV выпуске «Памятников русского права» он опубликовал и прокомментировал «Крестоцеловальную грамоту губных старост 50-х годов XVI в.». Он был тесно связан с подготовкой к печати «Законодательных актов второй половины XVI — первой половины XVII вв.», входящих в серию законодательных памятников, начатую изданием Правды Русской. Принимал участие в обсуждении характера данной публикации: состава ее, плана издания, правил передачи текста, характера комментариев. Им написан комментарий ко всем указам, относящимся к судопроизводству, а также предисловие к I тому. Носов являлся ответственным редактором этой двухтомной публикации. В связи с данной публикацией находится большая источниковедческая статья «Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг.». К числу подобных источниковедческих работ относятся и статьи «Губные наказы селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг.», «Соборная земская уставная грамота 1551 г.» и находящаяся в печати статья «Уложение о службе» (ВИД, вып. XVII).

Говоря об источниковедческих работах Носова, нельзя не остановиться на источниковедческих разделах в его монографиях «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в.» и «Становление сословно-представительных учреждений в России». В первой основном источнику — губным грамотам 1539—1541 гг. — он посвятил целую главу (с. 236—280). Во второй источниковедческому анализу подвергнуты все основные источники,

относящиеся к теме исследования: Судебник 1550 г. (с. 53—72), Соборное уложение о церковных слободах и вотчинах (с. 105—117). Большая глава (с. 89—239) «Генеральная ревизия тарханов» содержит источниковедческий анализ тарханых и других грамот, выданных Троице-Сергиеву монастырю. В этой главе Носов дал тонкий, всесторонний анализ источников, который может считаться образцом сочетания исторического и источниковедческого анализа.

Носовым совместно с А. И. Копаневым в 1970 г. было задумано грандиозное издание северных актов, которое должно было включать все сохранившиеся активные материалы по Европейскому Северу России с XV по XVI в. включительно. К настоящему времени коллектив сотрудников ЛОИИ под руководством Носова выявил, собрал, скопировал и произвел первичную обработку более чем 4000 документов, значительная часть которых неизвестна исследователям. Собранные акты охватывают основные районы русского Поморья. Подавляющее большинство северных актов касается крестьянского землевладения. В основном это частные крестьянские акты. Задуманная публикация северных актов будет носить строго фондовый характер. Издание должно быть начато с публикации 885 актов Соловецкого монастыря, которые охватывают время с конца XV в. по 1584 г. Этот фонд никогда не публиковался, за исключением лишь отдельных документов. К настоящему времени I том полностью подготовлен к печати, предисловие к нему написано Носовым. Северные акты стали темой его статьи «Активные источники по истории Русского Севера и некоторые вопросы изучения социального расслоения крестьян XVI в.» и доклада на заседании Ученого совета ЛОИИ (посвященного 150-летию Археографической комиссии), озаглавленного «Русские северные акты в изданиях Археографической комиссии».

В осуществление намеченной программы историографических исследований Носов совместно с Ю. Г. Алексеевым написал статью о И. И. Смирнове. Перу Носова принадлежит также большая статья о Б. Д. Грекове, в которой он очень тонко подметил основные черты Грекова-исследователя, археографа и человека и проследил шаг за шагом зарождение и развитие его научных интересов, объективно показал его роль в развитии советской исторической науки. В этом проявилась одна из характерных черт самого Носова — уважительное отношение к трудам своих предшественников. В самое последнее время он работал над статьей, посвященной Б. А. Романову, работу над которой прервала скоростная смерть.

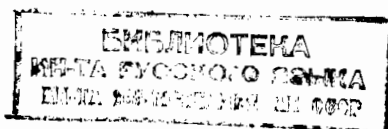
К. Н. Сербина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН – Архив Академии наук СССР
ААЭ – «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук»
АВПР – Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР
АД – «Архивное дело»
АЕ – «Археографический ежегодник»
АИ – «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею»
АЗР – «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею»
АК – Археографическая комиссия
АМГ – «Акты Московского государства, изданные Академиею наук»
АРГ – «Акты Русского государства 1505–1526 гг.»
АСЭИ – «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.»
АФЗХ – «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков»
АЮ – «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства»
БАН – Библиотека Академии наук СССР
БСЭ – «Большая Советская энциклопедия»
Бурятский ИОН – Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
ВАН – «Вестник АН СССР»
ВАН АрмССР – «Вестник АН АрмССР»
ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт
ВДИ – «Вестник древней истории»
ВИ – «Вопросы истории»
ВИД – «Вспомогательные исторические дисциплины»
ВИЖ – «Военно-исторический журнал»
ВНИИДАД – Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЭО – Вольное экономическое общество
ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГАУ СССР – См. Главархив СССР
ГАФ СССР – Государственный архивный фонд СССР
ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГГУ – Горьковский государственный университет
ГИМ – Государственный исторический музей
Главархив СССР – Главное архивное управление при Совете Министров СССР
ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПНТБ СО АН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
ГРМ – Государственный русский музей
ГУАД – Главное управление архивным делом
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ДДГ – «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.»
ДРВ – «Древняя Российская вифлиофика»
ЕГАФ – Единый государственный архивный фонд РСФСР
ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗОР ГБЛ – «Записки отдела рукописей ГБЛ»
ЗРАО – «Записки Русского археологического общества»
ИА – «Исторический архив»
ИАН – «Известия Академии наук»
ИЖ – «Исторический журнал»
ИЗ – «Исторические записки»
ИИФФ СО АН – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИИЯЛ БФАН – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
ИИЯЛДФАН – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ИМЭ – Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР

ИМЭЛ – Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б)
 ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам АН СССР
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
 ИРЯ – Институт русского языка АН СССР
 ИФ – Институт философии АН СССР
 ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
 КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
 КГУ – Казанский государственный университет
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛЗАК – «Летопись занятий Археографической комиссии»
 ЛКРД – Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
 ЛО ААН – Ленинградское отделение Архива АН СССР
 ЛО ИВАН – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 ЛО ИИЕТ – Ленинградское отделение института истории, естествознания и техники АН СССР
 ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 МАКИД – Московский архив Коллегии иностранных дел
 МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
 МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
 МГПИ – Московский государственный педагогический институт
 МГУ – Московский государственный университет
 МИФЛИ – Московский институт истории, философии и литературы
 НАИИ – Научный архив Института истории СССР АН СССР
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 ОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР БАН – Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
 ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
 ОР ГИМ – Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
 ОР ГПБ – Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ПВЛ – «Повесть временных лет»
 ПГУ – Пермский государственный университет
 ПДСДР – «Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными»
 ПИ – «Проблемы источниковедения»
 ПОКМ – Псковский областной краеведческий музей
 ПСЗ – «Полное собрание законов Российской империи»
 ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей»
 РА – «Русский архив»
 РБС – «Русский биографический словарь»
 РИБ – «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею»
 РИЖ – «Русский исторический журнал»
 РИС – «Русский исторический сборник»
 РИСО – Редакционно-издательский совет АН СССР
 РЛ – «Русская литература»
 РС – «Русская старина»
 СА – «Советские архивы»
 Сб. ОРЯС – «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук»
 Сб. РИО – «Сборник Русского исторического общества»
 СГГД – «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел»
 СИБАЛ – Международный центр информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья
 СИЭ – «Советская историческая энциклопедия»
 СО АН – Сибирское отделение АН СССР
 СУ – Собрание узаконений РСФСР
 ТААН – «Труды Архива АН СССР»
 ТВНИИДАД – «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документо-ведения и архивного дела»
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТИИЕТ – «Труды Института истории естествознания и техники АН СССР»
 ТМГИАИ – «Труды Московского государственного историко-архивного института»
 ТОДРЛ – «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР»
 УГУ – Уральский государственный университет
 УДН – Университет дружбы народов им. Лумумбы
 УНЦ – Уральский научный центр АН СССР
 ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны СССР

ЦАУ СССР – Центральное архивное управление при Президиуме ЦИК СССР
ЦВМА – Центральный военно-морской архив
ЦГА РСФСР – Центральный государственный архив РСФСР
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЗ СССР – Центральный государственный архив звукозаписей
ЦГАЛИ СССР – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАНХ – Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР СССР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГАСА – Центральный государственный архив Советской Армии
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив
ЦГИА г. Москвы – Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦГИА УССР в г. Киеве – Центральный государственный исторический архив УССР
ЦНБ АН УССР – Центральная научная библиотека АН УССР
ЦМР СССР – Центральный музей революции СССР
ЦПА ИМЛ – Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ЧОИДР – «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»
ЯГУ – Ярославский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

І. Статьи и сообщения

<u>М. П. Губенко</u> . Биографическая хроника В. И. Ленина как археографический труд	3
С. С. Аревшатян (Ереван). Итоги деятельности Матенадарана (к 25-летию Института древних рукописей Армянской ССР)	10
Б. Г. Литвак. Серийные издания в советской публикаторской практике	20
П. А. Колесников (Вологда). Публикация документальных памятников в деятельности Северного отделения Археографической комиссии АН СССР	32
Б. С. Илизаров. Архивный документ в свете представлений о социальной памяти	42
С. М. Каштанов. Современные принципы издания латинских грамот (часть третья)	52

* * *

С. Е. Князьков. Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода	68
В. И. Аннушкин. История текста «Риторики» начала XVII в. (археографические наблюдения)	75
М. М. Шведова. Маргиналии на книгах библиотеки Новодевичьего монастыря	86
А. Б. Каменский. О работе Г.-Ф. Миллера над источниками по истории и генеалогии дворянства	89
Л. И. Шогин. Об одном археографическом замысле Н. В. Калачова (Подготовка издания приговоров и актов Боярской думы и приказов)	100
С. В. Чирков. Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX — начале XX в.	107
В. В. Кабанов. Документация сельского схода в первые годы Советской власти (1917—1920)	113
В. Е. Корнеев. Материалы ЦГАОР СССР о собирании и использовании в 20-е годы документов К. Маркса, Ф. Энгельса и международного революционного движения	124
А. П. Пшеничный. Кабинет архивоведения при ЦАУ СССР (1928—1933)	134
К. Ф. Шацлло. О мемуарах сотрудников Института истории СССР АН СССР о Великой Отечественной войне	140
И. А. Альтман. О методике выявления и учета документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны (из опыта работы во Владимирской области)	143
Ю. В. Андрушайтите. Развитие советского филиграноведения в 50-х годах — начале 80-х годов	148
Л. М. Костюгина. М. В. Щепкина как палеограф	162

Тихомировские чтения 1985 года

А. М. Самсонов. Вступительное слово	166
В. В. Гуркин. Военные архивы — база для исследований по Великой Отечественной войне	168
Н. С. Архангородская, А. А. Курносова. «Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР	174
Н. Б. Волкова. Материалы Великой Отечественной войны в фонде К. М. Симонова в ЦГАЛИ СССР	182
Б. Н. Морозов. Хроника заседания	191

*В. И. Шунков на фронтах Великой Отечественной войны
и военно-историческая тематика в его деятельности*

<i>С. О. Шмидт. Вступительное слово</i>	194
<i>С. В. Журавлев. Материалы ЦАМО о деятельности В. И. Шункова в годы Великой Отечественной войны</i>	196
<i>Д. И. Будаев (Смоленск). В. И. Шунков — лектор на фронте (впечатления слушателя)</i>	202
<i>Н. А. Ивеницкий, Б. Г. Литвак. В. И. Шунков и публикация документов по истории Великой Отечественной войны в журнале «Исторический архив»</i>	204

II. Обзоры, описания, библиография

<i>М. В. Родюкова. Новые источники о первом русском докторе медицины П. В. Постникове</i>	209
<i>А. Е. Чекунова. Новые материалы к биографии П. И. Рычкова</i>	213
<i>Е. А. Чиркова. Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах</i>	217
<i>В. С. Шандра (Киев). К истории деятельности Харьковского историко-филологического общества</i>	221
<i>А. Д. Тельчаров (Владимир). Фонд Владимирской ученой архивной комиссии</i>	229
<i>Н. С. Вагник (Коломна). Листовки учащихся средних учебных заведений в 1905—1907 гг. (по материалам фондов ЦГАОР СССР и ЦГИА г. Москвы)</i>	234
<i>Л. А. Шацлло. Фонд Г. М. Кржижановского в Центральном музее революции СССР</i>	240
<i>М. И. Автократова, В. Н. Самошенко. Лекция С. К. Богоявленского о Н. В. Калачове</i>	246
<i>Т. Г. Архипова. Документы Управления промысловой кооперации при Совнаркоме РСФСР в годы Великой Отечественной войны</i>	251
<i>В. Ф. Козлов. Работа П. П. Смирнова в 1942 г. по подготовке сборника документов «Охрана памятников старины и искусства в СССР»</i>	257
<i>Н. С. Зелов, В. Е. Корнеев. Уполномоченный ИМЭЛ в Уфе (Обзор документов о работе А. Ф. Платоновой в годы Великой Отечественной войны)</i>	264
<i>А. Д. Зайцев. Материалы фонда П. А. Лидова в ЦГАЛИ СССР</i>	268
<i>Б. В. Ерохин (Ленинград). Архив бортмеханика А. Н. Андреева (из фонда ОПИ ГИМ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.»)</i>	274
<i>М. Ю. Лаврентьев, Г. Д. Петров. Фонодокументы Центрального государственного архива звукозаписей СССР о Великой Отечественной войне</i>	277
<i>И. В. Ковалев (Владимир). Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н. Л. Рубинштейна</i>	283
<i>С. Б. Филимонов (Симферополь). Об использовании краеведческих изданий 1917 г.—30-х годов при составлении персональных указателей трудов видных ученых СССР</i>	289
<i>Б. Х. Кармышева, Р. А. Шайхиев. О книге М. А. Усманова «По следам рукописей. Записки археографа»</i>	293
<i>Л. И. Демина. Список авторефератов диссертаций, защищенных в Московском государственном историко-архивном институте (1981—1985 гг.)</i>	296
<i>Материалы к библиографии В. И. Шункова (1971—1985) (Сост. Р. И. Кузьменко)</i>	299
<i>Список печатных трудов Е. С. Кулябко (Сост. М. Ш. Фейнштейн, Ленинград)</i>	300

III. Публикации

<i>Из следственного дела Богдана Бельского (подг. Б. Н. Флоря)</i>	302
<i>Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву (подг. И. Л. Кызласова)</i>	306
<i>М. Н. Тихомиров — член Общества истории и древностей Российских (подг. Л. И. Шохин, предисл. С. О. Шмидта)</i>	311
<i>Вступительное слово Л. В. Черепнина перед защитой им докторской диссертации (1946 г.) (подг. С. О. Шмидт)</i>	317

IV. Хроника

<i>Б. Н. Морозов.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1985 г.	325
Новые издания Археографической комиссии	327
В Отделениях Археографической комиссии	327
<i>А. Б. Халидов</i> (Ленинград), <i>В. А. Черных.</i> Археографические экспедиции 1985 г.	329
<i>И. З. Либерзон</i> (Ленинград). 150-летие Петербургской археографической комиссии	332
<i>И. Л.</i> (Ленинград). 70-летие <i>А. И. Копанева</i>	335
<i>Н. И. Никитин.</i> Научно-методическое совещание по проблемам актовой археографии	337
<i>А. Д. Горский.</i> Вадим Иванович Корецкий (1927—1985)	339
<i>К. Н. Сербина</i> (Ленинград). Николай Евгеньевич Носов (1924—1985)	342
Список сокращений	344

**Археографический ежегодник
за 1985 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории СССР АН СССР*

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор Г. П. Валлас
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры Н. П. Лосева, В. С. Федечкина

ИБ № 32112

Сдано в набор 26.05.86. Подписано к печати 26.08.86
Т-13849. Формат 70×108 1/16. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,8
Усл. кр. отт. 30,8. Уч.-изд. л. 35,2. Тираж 1400 экз.
Тип. зак. 2620. Цена 5 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Издательство
«НАУКА»

Готовятся к печати книги:

Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России.

М., 1987.— 40 л.— В пер.

Вторая книга «Избранных трудов» академика Н. М. Дружинина открывается обширным исследованием «„Журнал землевладельцев“, 1858—1860 гг.» и содержит работы о периодизации отечественной истории, генезисе капитализма в России и его особенностях.

Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции.

М., 1987.— 20 л.— В пер.

Работа рассказывает о кризисе правительственной аграрной политики накануне первой российской революции: отсутствии единой системы аграрно-политических преобразований, неэффективности реформ наделного землевладения, переселенчества, местного управления. Показана несостоятельность самодержавия в решении кардинального для страны аграрного вопроса как одна из предпосылок буржуазно-демократической революции.

Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVII — первой половине XIX в.

М., 1987.— 20 л.— В пер.

Монография написана на основе широкого круга архивных источников. В ней дается история податной политики царизма; показывается, что эта политика осуществлялась на крепостнической основе, государственные повинности ложились тяжелым бременем на крестьян. Рассматривается податный вопрос в ходе подготовки реформы 1961 г.

Исторические записки, т. 115.

М., 1987.— 25 л.— В пер.

Том содержит статьи по проблемам национально-государственного строительства в первые годы Советской власти. Помещены также статьи по истории внешней и внутренней торговли России в XVI—XVIII вв., феодального землевладения XV—XVII вв. и др.

Санин Г. А. Отношение России и Украины с Крымским ханством и Турцией в середине XVII в.

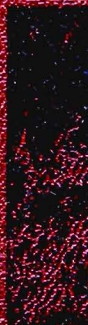
М., 1987.— 20 л.— В пер.

В монографии рассказывается об отношениях России и Украины с их соседями сразу после воссоединения. Детально освещается дипломатическая и военная борьба с Крымским ханством и Речью Посполитой.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 **Баку**, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4;
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148;
343900 **Краматорск**, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6;
450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42;
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.

1985

1985

inslay